

Масловский
1927.

СТАРОЕ ЖИТЬЕ

*«Создана на средства гранта
Президента Российской Федерации
для поддержки творческих проектов
общенационального значения в области
культуры и искусства»*

СТАРОЕ ЖИТЬЕ

902.7
1794

ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ

О БЫВШИХЪ ВЪ ОТШЕДШЕЕ ВРЕМЯ ОБРЯДАХЪ, ОБЫЧАЯХЪ И ПО-
РЯДКАХЪ ВЪ УСТРОЙСТВѢ ДОМАШНЕЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

М. И. ПЫЛЯЕВА

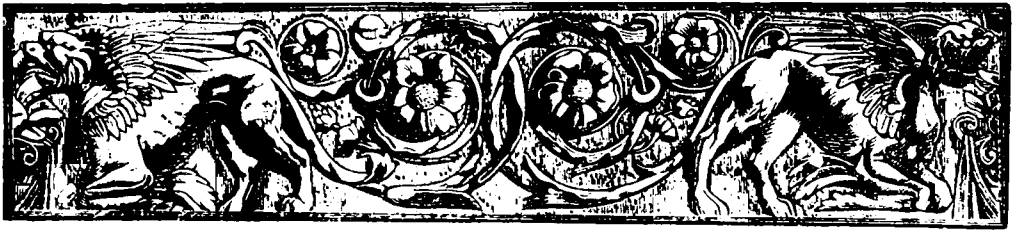
ДЕПАТ ИРЫСТОНА
Муком-Иртасег Институту
БИБЛИОТЕКА
№ 46208

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІА А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

1892

Какъ ѣли встарину.

Събра утица ѣства моя.
Красна дѣвица невѣста моя.

Старинная пѣсня.

Ѣда нашихъ предковъ въ XVII столѣтїи была крайне неприхотливая: обыкновенною пищею простого народа былъ ржаной и ячменный хлѣбъ съ чеснокомъ, или ячменная каша. Щи составляли уже роскошное кушанье и даже больше того, если въ нихъ было ржавое свиное сало. Въ военное время въ войскахъ пища была — сухари и толокно. По свидѣтельству иностранныхъ посланниковъ, поваренное искусство русскихъ состояло изъ множества блюдъ, но нечистота и еще болѣе чесночный и луковый запахъ дѣлали ихъ почти несъѣдобными, притомъ почти всѣ кушанья приправлены были коноплянымъ масломъ или испорченнымъ коровьимъ. Встарину коровье масло приготавлилось въ печахъ и безъ соли, отъ этого оно скоро горькло. Петръ Великій первый научилъ русскихъ дѣлать его по голландскому способу, изъ сметаны и сливокъ. Иностранцы говорятъ, что единственно хорошими кушаньями у русскихъ были холодныя (Мейерберъ, стр. 37). До конца семнадцатаго столѣтїя русскїе не знали другой огородной зелени, кромѣ простой капусты, чесноку, луку, огурцовъ, рѣдьки, бураковъ и дынь. Указомъ 1660 г. ноября 11 велѣно разводить въ Чугуевѣ арбузы и, когда они поспѣютъ, присылать въ Москву. Салата предки наши не сѣяли и не ѣли; Брюинъ говоритъ, что въ его время русскїе стали разводить «саллери», но спаржи и артишоковъ не знали, не смотря на то, что первая росла у нихъ дико на поляхъ. Первые артишоки въ Петербургъ были привезены изъ Голландїи въ 1715 году. Русскїе встарину не ѣли ни телятины, ни заячьего, ни голубинаго мяса, ни раковъ и вообще ничего, что само по себѣ умирало (Рейтенфельсъ, 198); также они считали нечистыми всѣхъ животныхъ, которыя были убиваемы женщинами. Изъ мясныхъ яствъ самыя

обыкновенныя были: говядина, баранина и свинина, также домашнія и дикія птицы. Индѣйки появились у насъ около 1625 года. Приготовленіе мясныхъ блюдъ было весьма просто: почти всѣ мяса варили въ одной водѣ съ небольшимъ количествомъ соли, луку и перцу, и нерѣдко различныя роды мясъ варились въ одномъ горшкѣ. Къ мяснымъ кушаньямъ на столъ ставили въ приправу: соленые огурцы, соленыя сливы и кислое молоко.

Чтобы судить о мясныхъ и другихъ блюдахъ того времени, приведемъ, что было подано царю Алексѣю Михайловичу въ сѣнникъ во время бракосочетанія его съ Наталіей Кирилловной Нарышкѣной: «квасъ въ серебряной лоцатой братинѣ, да съ кормового двора приказныхъ ѣствъ: папорокъ лебединъ по шафраннымъ взварамъ; рябъ окрошванъ подъ лимоны, потрохъ гусиный, да къ государынѣ царицѣ подано приказныхъ ѣствъ: гусь жаркой, порося жаркое, куря въ кольѣ съ лимоны, куря въ лапшѣ, куря въ щажъ богатыхъ, да про государя же и про государыню царицу подаваны хлѣбныя ѣствы: перепеча крупичетая въ три лопатки недомѣрокъ, четь хлѣба ситного, курникъ подсыпанъ яйцы, пирогъ съ бараниною, блюдо пироговъ кислыхъ съ сыромъ, блюдо жаворонковъ, блюдо блиновъ тонкихъ, блюдо пироговъ съ яйцы, блюдо сырниковъ, блюдо карасей съ баранной. Потомъ еще: пирогъ росольный, блюдо пирогъ росольный, блюдо пироговъ подовыхъ, на торговое дѣло, коровай яцкій, куличъ недомѣрокъ» и проч.

Но самыя любимыя блюда русскихъ были рыбныя; особенно такими любили они хвалиться передъ иностранцами. Рыба встарину не была дешева, и волжская свѣжая стояла въ цѣнѣ несравненно дороже мяса домашнихъ животныхъ и дичины.

Путешественникъ Танеръ говоритъ, что иногда одну половину рыбы едва три сильныхъ мужины въ состояніи были подать на столъ. Множество рыбъ, по его свидѣтельству, совсѣмъ не имѣли собственнаго своего вида, но искусствомъ поваровъ обращены были въ индѣйскихъ пѣтуховъ, куръ, гусей и проч.

Во время стола 1671 года патріархъ подносилъ великому государю «домового кушанья въ три статьи по четыре ѣствы: первая статья: щука паровая живая, лещъ паровой живой, стерлядь паровая живая, спина бѣлорыбицы; вторая статья: оладья, тѣльная живой рыбы, уха щучья живой рыбы, пирогъ съ тѣломъ живой рыбы; третья статья: щуки голова живая, полголова осетрей живой, тешка бѣлужья; питья подносили: ренское, да романею, да бастръ».

Постныя яства у насъ встарину были, какъ и теперь, разныя: въ иные дни позволялось ѣсть рыбу, а въ другіе — нѣтъ. Такъ, «въ среду первыя недѣли Великаго поста (1667 года) святѣйшему патріарху готовлено кушанья: хлѣбца четь, папошникъ, взваръ сладкій съ шпенемъ и съ ягоды, съ перцомъ да съ шафраномъ, хрѣнь, грѣночки, капуста то-

паная холодная, горопекъ зобанецъ холодный, киселекъ клюковный съ медомъ, кашка терта съ маковымъ сочкомъ и проч. Того же дня было къ патриарху прислано: кубокъ романей, кубокъ ренскаго, кубокъ малвазіи, хлѣбецъ крупичатый, полоса арбузная, горшечекъ патоки съ инбиремъ, горшечекъ мазули съ инбиремъ, три шишки ядеръ».

Столъ домашній у русскихъ бывалъ простой и сытный и не отличался большимъ обиліемъ блюдъ, но если столъ былъ званый, какъ, на примѣръ, когда нужно было угощать иностранныхъ посланниковъ, то число блюдъ доходило до пятисотъ. При столахъ русскихъ бояръ подаваемые яства и напитки были несравненно дороже, нежели была столовая и для питья ежедневно употребляемая посуда. Въ бытность Бухава въ Москвѣ, богатые вельможи ѣдали и пивали по большей части изъ деревянной посуды, которую дѣлывали монахи и у которой края бывали обыкновенно позолочены. Оловянные блюда и тарелки составляли тогда большую рѣдкость, но каждый бояринъ имѣлъ непременно серебряный кубокъ, изъ котораго подавали гостямъ пить за здоровье.

Въ бытность Мейербергера въ Москвѣ, въ царствованіе Алексѣя Михайловича, у бояръ столовая посуда была оловянная; ложки, ножи и вилки, какъ и тарелки, были подаваемы однимъ только почетнѣйшимъ гостямъ. Бухавъ, бывши при столѣ Іоанна Грознаго, говорить, что онъ не имѣлъ ни тарелки, ни ножа, а пользовался ими отъ сидѣвшаго подлѣ него боярина.

Позднѣе, при Петрѣ Великомъ, столовая посуда у его вельможъ была почти у всѣхъ серебряная, а у придворныхъ императрицы Екатерины II — нерѣдко и золотая. Графъ Сегюръ рассказываетъ, что когда онъ сопровождалъ императрицу на одномъ изъ праздниковъ въ с. Кусковѣ графа П. Б. Шереметева, то его поразило, что столъ графа былъ сервированъ золотою посудою на шестьдесятъ персонъ; графъ Комаровскій, видѣвшій этотъ праздникъ, замѣчаетъ въ своихъ запискахъ: «что всего болѣе удивило меня, такъ это плато, которое было поставлено передъ императрицей. Оно представляло на возвышеніи рогъ изобилія, все изъ чистаго золота, а на томъ возвышеніи былъ вензель императрицы изъ довольно крупныхъ брилліантовъ».

Порядокъ угощенія былъ совсѣмъ другой въ XVII, чѣмъ въ XVIII столѣтіи. Такъ, въ XVII вѣкѣ столы при дворѣ начинались съ жаркаго и притомъ жареными павлинами. Въ слѣдующемъ же столѣтіи, напротивъ, сперва подавали студень изъ говяжьихъ ногъ или икру.

При Петрѣ Великомъ въ домахъ его вельможъ столъ былъ установленъ окороками, колбасами и другими солеными и копчеными мясными блюдами, приготовленными съ деревяннымъ масломъ, чеснокомъ и лукомъ. Послѣ этихъ холодныхъ подаваемы были разныя похлебки, жаркія и другія теплыя кушанья и, наконецъ, закуски, состоявшія изъ свѣ-

жихъ и вареныхъ въ сахарѣ плодовъ, по большей части въ дыняхъ и арбузахъ.

Десерты и закуски были особенно богаты въ XVII столѣтіи. Такъ, по случаю рожденія Петра Великаго, царю Алексѣю Михайловичу было подано на столъ въ числѣ другихъ лакомствъ: коврижка сахарная большая — гербъ государства московскаго; вторая коврижка сахарная же коричная—голова большая росписана съ цвѣтомъ, вѣсомъ два пуда двадцать фунтовъ; орель сахарный большой литой бѣлый и другой орель сахарный же большой красный съ державами, вѣсу въ нихъ по полтора пуда; лебедь сахарный литой, вѣсомъ два пуда; утя сахарная литая, вѣсомъ двадцать фунтовъ. Затѣмъ шли еще сахарные: попугай, голубь. Но верхомъ кондитерскаго дѣла здѣсь были: городъ Кремль сахарный съ людьми конными и пѣшими; башня большая съ орломъ; башня средняя съ орломъ; городъ четверугольный съ пушками; двѣ трубы сахарныхъ вѣсомъ въ 15 фун.; марципанъ сахарный большой на пяти кругахъ; другой—леденцовый; двѣ спицы сахару-леденцу бѣлаго да краснаго, вѣсомъ по двѣнадцати фунтовъ каждая: сорокъ блюдъ сахаровъ узорочныхъ людей конныхъ, пѣшихъ и разныхъ статей, по полуфунту на блюдѣ. Слѣдовали дальше блюда смоквы, цукату, цитрону, шамшала, яблокъ мушкатныхъ и иныхъ, индѣйскихъ овощей; всего такихъ блюдъ было наряжено и подано 120 *).

Изъ напитковъ русскихъ самые древніе были меды. Пиво встарину назывались «олуй»; меды были вареные и ставленные, первые варились, вторые только наливались... (см. «Истор. Русск.», стр. 88). При Петрѣ Великомъ, при дворѣ и въ домахъ знатныхъ вельможъ стало входить въ моду венгерское вино: его употребляли при питьѣ въ торжественныхъ случаяхъ. При императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ стало уже входить въ моду шампанское—первый привезъ его въ Россію французскій посланникъ маркизь де-ла-Шетарди, а пропагандировали его Андрей Шуваловъ и Кирилль Разумовскій.

Обыкновеннымъ напиткомъ русскихъ былъ квасъ: пили его всѣ отъ царя до крестьянина. Употребленіе чая стало извѣстно въ Россіи только около половины XVII столѣтія. Сперва употреблялся онъ при царскомъ дворѣ какъ лекарство, и настоящій китайскій чай привозимъ былъ чрезъ Сибирь. Его еще тогда употребляли у насъ такъ мало, что Кильбургеръ, въ бытность свою въ Москвѣ въ 1674 году, покупалъ его по 30 копѣекъ за фунтъ. Кофе впервые сталъ извѣстенъ въ началѣ прошлаго столѣтія; первый кофейный домъ былъ заведенъ Петромъ Великимъ въ Петербургѣ въ 1704 году, но кофе вошелъ въ употребленіе только съ половины нынѣшняго столѣтія. Императрица Екатерина II была большая

*) См. «Опытъ трудовъ волян. рос. собр. при Импер. Московск. универс.» ч. 4, стр. 158.

охотница до кофе и пила необыкновенно крепкой. У насъ встарину быть въ большой модѣ такъ называемый «взварецъ», родъ напитка, составленнаго изъ пива, вина и меду съ пряными кореньями; его пивали обыкновенно ковшами. У малороссовъ такой напитокъ извѣстенъ подъ именемъ «варенухи». Сахарныя фабрики у насъ заведены въ началѣ XVII столѣтія. Петръ I указомъ 1718 и 1721 года запретилъ привозить изъ заграницы головной сахаръ; можно было ввозить только сахарный песокъ.

Въ царствованіе императрицы Екатерины II русское поваренное искусство теряетъ свой національный характеръ: въ моду входятъ приглашенные къ вельможамъ-гастрономамъ французы-повара; вкусъ русскаго стола и простыя русскія яства уступаютъ мѣсто чужеземнымъ многосложнымъ. Въ это время русскій столъ состоялъ изъ четырехъ подачъ: 1) холодныхъ; 2) горячія или похлебки; 3) взвары и жаренье, и 4) пирожныя. Великолѣпіе пиршественныхъ столовъ заключалось не столько въ изяществѣ, сколько въ изобиліи и множествѣ блюдъ. Такъ, столъ ужинный на пятьдесятъ кувертовъ въ зимнее время состоялъ болѣе чѣмъ изъ восьмидесяти блюдъ; въ первой подачѣ идетъ по десяти суповъ и похлебокъ, затѣмъ двадцать четыре среднихъ антрме въ родѣ: индѣйки съ шіо, пироговъ королевскихъ, териновъ съ крылами и пуре зеленымъ, утокъ съ сокомъ, руладовъ изъ кроликовъ, пулярдъ съ кордонами и проч.; далѣе слѣдуетъ тридцать два ордевра, въ которые входятъ маринады изъ цыплятъ, крыла съ пармезаномъ, курицы скатанныя и т. д. На смѣну имъ идутъ «похлебка большія блюда»; далѣе: семга гласированная, карпъ съ приборами, торбууть гласированный съ кулисомъ раковымъ, окуни съ ветчиною; послѣдніе смѣняютъ: курицы жирныя съ приборомъ, пулярды съ трюфелями. Послѣ на смѣну этихъ идетъ тридцать два ордевра, въ которые входятъ: рябчики по-испански, даже черепахи, чирята съ оливками, व्यюны съ фрикандо, куропатки съ трюфелями, фазаны съ фиштанками, голубята съ раками, салми изъ бекасовъ. Послѣ идетъ жареное: большіе антрме и салаты — здѣсь и ростбифъ изъ ягненка, дикая коза, гато компіенской, зайцы молодые, двѣнадцать салатовъ, восемь соусовъ и пр. Послѣ слѣдуетъ двадцать восемь среднихъ антрме и горячихъ, и холодныхъ; въ числѣ послѣднихъ: ветчина, языки копченые, турты съ кремомъ, пирожное, тартелеты, хлѣбцы итальянскіе; далѣе идутъ смѣны салатовъ: померанцы и соусы съ тридцатью двумя антрме горячихъ, гдѣ входятъ: потроха по-королевски, цвѣтная капуста, сладкое мясо ягнячье, буканы, гателеты изъ устриць и пр., и пр.

Въ Екатерининское время многіе изъ нашихъ вельможъ щеголяли своими изысканными столами; къ числу такихъ гастрономовъ-баръ принадлежали: Потемкинъ, Строгановъ, Остерманъ и Разумовскій. У перваго изъ этихъ вельможъ столъ отличался всеми диковинками кулинарнаго искусства: у князя было до десяти главныхъ поваровъ всехъ національностей, начиная отъ француза и кончая молдованиномъ, который гото-

вилъ князю кукурузную похлебку. По преданію, у Потемкина вся кухонная посуда была изъ чистаго серебра и съ такими чанами-кострюлями, въ которые входило по двадцати ведеръ жидкости; въ такой кострюль князю готовили уху изъ аршинныхъ стерлядей и кронштадтскихъ ершей. Столъ великолѣпнаго князя былъ баснословный: у него были чудные повара. Иногда всѣ блюда были приготовлены изъ однѣхъ рыбъ, но, кушая, вы бы и не подозрѣвали, что это рыбы: вамъ бы казалось, что это дичь, баранина, свинина; каждое такое блюдо имѣло не только свойственный ему видъ, но даже вкусъ и запахъ. Его поварь-французъ ввелъ первый блюдо «бомбы а-ла-Сарданапаль»: это не былъ одинъ картофель, какъ теперь это дѣлаютъ; въ то время это были котлеты, сдѣланныя изъ фарша всевозможной дичины. Императрица Екатерина II особенно ихъ любила, не смотря на то, что государыня не долюбливала изысканныхъ блюдъ, а предпочитала всему разварную говядину съ солеными огурцами и соусъ изъ вяленыхъ оленьихъ языковъ.

Потемкинъ очень любилъ гусиную печенку, которой искусные повара, посредствомъ размачиванья въ меду и молокъ, давали размѣры почти невѣроятные. Точно также и свиную печень увеличивали въ то время до колоссальныхъ размѣровъ; для этого кормили свинью грецкими орѣхами и винными ягодами, а передъ тѣмъ, какъ убить ее, поили до-пьяна лучшимъ венгерскимъ виномъ. Такая свинья за столомъ являлась почти цѣликомъ на видъ не выпотрошенной; искусники повара дѣлали, что половина ея была жарена, а другая сварена; для этого свинью убивали, дѣлая въ паху небольшую ранку, и когда кровь стекала, ее тщательно вымывали виномъ, а внутренности вынимали изъ горла, затѣмъ брали колбасы и сосиски и пропускали ихъ черезъ горло, заливая отъ времени до времени вкуснымъ питательнымъ соусомъ. Послѣ этого обмазывали одну часть тѣла ея толстымъ слоемъ тѣста, замѣшаннаго на винѣ и маслѣ, и ставили жариться въ самый вольный духъ. Когда жаркое было готово, тѣсто снимали; та часть свиньи, которая была обложена, оказывалась какъ бы сваренною. Этотъ способъ приготовленія былъ самый древнѣйшій, онъ былъ извѣстенъ римскимъ гастрономамъ и носилъ названіе *porcus trojanus*, въ честь «Троянскаго коня».

Также тогдашнимъ русскимъ гастрономамъ былъ извѣстенъ необыкновенно пикантный соусъ, или, вѣрнѣе, соя; ея придравляли почти всѣ кушанья и даже устриць. Она дѣлалась изъ молокъ какой-то рыбы, просаливалась, сушилась на солнцѣ, затѣмъ превращалась въ порошокъ и снова съ уксуомъ и пряными спеціями въ жидкомъ видѣ подавалась на столъ. Въ цѣнѣ эта соя стояла выше всякаго вина.

Вотъ меню изысканнаго обѣда временъ Потемкина:

Похлебка изъ рябцевъ съ пармезаномъ и каштанами.

Филейка большая по-султански.

Говяжьи глаза въ соусѣ, называемомъ «поутру проснувшись».

Говяжья нёбная часть въ золѣ, гарнированная трюфелями.

Хвосты телячьи по-татарски.

Телячьи уши крошенныя.

Баранья нога столитовая.

Голуби по-Станиславски.

Гусь въ обуви.

Горлицы по Ноялеву и бекасы съ устрицами.

Гато изъ зеленого винограда.

Кремь жирный, дѣвичій.

У Разумовскаго, графа Строганова и Остермана обѣдали каждый день по полтора ста человѣкъ и болѣе: такое многочисленное собраніе гостей вредило изготовленію блюдъ. Еще римляне говорили, что число гостей за столомъ не должно быть меньше числа грацій и больше числа музъ. Это правило даже перешло въ поговорку: семь гостей — ѣда, девять — бѣда (*septem — convivium, novem — convicium*).

Въ царствованіе императора Павла роскошь стола значительно падаетъ; самъ императоръ даетъ примѣръ умѣренности и довольствуется простыми блюдами, которыя ему готовятъ кухарка. Въ слѣдующемъ царствованіи опять лукуловскіе обѣды и праздники воскресаютъ въ быту нашего барства, и цѣлыя миллионныя состоянія проѣдаются нашими вельможами, какъ, напримѣръ, сыномъ графа Завадовскаго, который жарилъ себя дичь на корицѣ и гвоздикѣ, употребляя послѣднюю вмѣсто дровъ.

Въ это время входитъ въ моду у насъ дорогое изобрѣтеніе французскаго кулинарнаго искусства, *goti à l'impératrice*. Рецептъ этого блюда заключается въ слѣдующемъ: возьми лучшую мясистую оливку, вынь изъ нея косточку, и на мѣсто ея положи туда кусочекъ анчоуса. Затѣмъ начини оливками жаворонка, котораго, по надлежащемъ приготовленіи, заключи въ жирную перепелку. Перепелку должно заключить въ куропатку, куропатку въ фазана, фазана въ каплуна п, наконецъ, каплуна въ поросенка. Поросенокъ, сжаренный до румянки на вертелѣ, даетъ блюдо, которое черезъ смѣшеніе всѣхъ припасовъ по вкусу и запаху не имѣетъ себѣ подобнаго. Величайшая драгоценность въ этомъ блюдѣ — оливка, которая, находясь въ серединѣ, напитывалась тончайшими соками окружающихъ ее снадобій.

Въ гастрономическихъ лѣтописяхъ Александровской эпохи у насъ занимаетъ почетное мѣсто министръ финансовъ графъ Д. А. Гурьевъ; прежде своей финансовой дѣятельности, онъ долго путешествовалъ за границей и тамъ усовершенствовался въ гастрономическихъ тонкостяхъ. Его имя носитъ манная каша, изготовляемая на сливочныхъ пѣнкахъ, вмѣстѣ съ грецкими орѣхами, перенками, ананасами и другими фруктами; также подъ его именемъ извѣстны еще паштеты и котлеты. Въ свое время его домъ считался первымъ, гдѣ можно было бы хорошо поѣсть.

Такой же славой большихъ гастрономовъ пользовались еще другіе два министра царствованія императора Николая, Уваровъ и К. В. Несельроде; особенно послѣдній былъ неистощимъ по части изобрѣтеній въ области кулинарнаго искусства: его пудинги, мороженое и potag'ы по сей-часъ удерживаютъ его имя. Въ доброе старое время почти вся наша знать отдавала своихъ кухмистеровъ на кухню Несельроде, платя за науку баснословныя деньги его повару.

Въ концѣ сороковыхъ годовъ въ Петербургѣ гремѣлъ своими гастрономическими праздниками Никита Всеволодовичъ Всеволожскій. Въ барскомъ домѣ этого богача, въ селѣ Рябовѣ, лежащемъ недалеко отъ Охты, въ праздники накрывался столъ на 120 кувертовъ, за которымъ нерѣдко гости ѣли въ декабрѣ свѣжую землянику со сливками и по часу за столъ вносились одна рыба четырьмя дюжими кухонными мужиками; такая рыба получалась по почтѣ съ Урала. Меню этихъ обѣдовъ были полны каламбуровъ и острогъ. Родъ Всеволожскихъ издавна славится своимъ остроуміемъ. Всеволожскій говаривалъ, что порядочный человѣкъ прежде всего долженъ позаботиться о своемъ столѣ. Хорошая кухня есть сытный кормъ чистой совѣсти. Вотъ нѣсколько гастрономическихъ афоризмовъ: «картофель — мягкій воскъ въ рукахъ хорошаго повара; онъ можетъ сдѣлать изъ него все. Но и въ невинномъ природномъ костюмѣ картофель имѣетъ для многихъ любителей неодолимую прелесть, и въ этомъ видѣ они обращаются къ нему, какъ нѣжный Парисъ къ Еленѣ. Яйцо—всегдашній обязательный посредникъ въ спорныхъ дѣлахъ между обѣдами. Трюфель, при всей его неблаговидности, можно считать алмазомъ кухни; паштетъ, каково бы ни было его основаніе, но наполненный трюфелями—табакерка съ портретами, осыпанная брилліантами. Десертъ безъ сыра—то же, что кривая красавица. Свинина—герой праздника. Какъ пылкая юность, она надѣвастъ на себя всевозможныя маски, но и въ самомъ красивомъ нарядѣ всегда выказываетъ ея оригинальность, станемъ ли мы искать ее подъ покровомъ кровяной колбасы или подъ бѣлымъ кителемъ колбасы ливерной, въ курточкѣ колбасы изъ рубленнаго мяса или въ мантильѣ сосиски».

Для полноты гастрономическаго очерка приведемъ дневникъ или, вѣрнѣе, путеводитель по всѣмъ лучшимъ петербургскимъ рестораціямъ, веденный за шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ: «1-го іюня 1829 года обѣдалъ въ гостинницѣ Гейде, на Васильевскомъ острову, въ Кадетской линіи,—русскихъ почти здѣсь не видно, все иностранцы. Обѣдъ дешевый, два рубля ассигнаціи, но пирожнаго не подаютъ никакого и ни за какія деньги. Странный обычай! Въ салатъ кладутъ мало масла и много уксуса. 2-го іюня. Обѣдалъ въ нѣмецкой рестораціи Клея, на Невскомъ проспектѣ. Старое и законченное заведеніе. Больше всего нѣмцы; вина пьютъ мало, за то много пива. Обѣдъ дешевъ; мнѣ подали лафиту въ 1 рубль; у меня послѣ этого два дня болѣлъ животъ. 3-го іюня обѣдъ

у Дюме. По качеству обѣдъ этотъ самый дешевый и самый лучший изъ всѣхъ обѣдовъ въ петербургскихъ рестораціяхъ. Дюме имѣеть исключительную привилегію — наполнять желудки петербургскихъ львовъ и денди. 4-го іюня. Обѣдъ въ итальянскомъ вкусѣ у Александра, или Signor Alesandro, по Мойкѣ, у Полицейскаго моста. Здѣсь нѣмцевъ не бываетъ, а болѣе итальянцы и французы. Впрочемъ, вообще посѣтителей немного. Онъ принимаетъ только хорошо знакомыхъ ему людей, изготавляя болѣе обѣды для отпуска на дома. Макароны и стофато превосходны! У него прислуживала русская дѣвушка Марья, переименованная въ Маріанну; самоучкой она выучилась прекрасно говорить по-французски и по-итальянски. 5-го. Обѣдъ у Леграна, бывшій Фельета, въ Большой Морской. Обѣдъ хорошъ; въ прошломъ году нельзя было обѣдать здѣсь два раза сряду, потому что все было одно и то же. Въ нынѣшнемъ году обѣдъ за три рубля ассигнаціями здѣсь прекрасный и разнообразный. Сервизы и всѣ принадлежности — прелесть. Прислуживаютъ исключительно татары, во фракахъ. 6-го іюня. Превосходный обѣдъ у Сень-Жоржа, по Мойкѣ (теперь Дононъ), почти противъ Alesandro. Домикъ на дворѣ деревянный, просто, но со вкусомъ убранный. Каждый посѣтитель занимаетъ особую комнату; при домѣ садъ; на балконѣ обѣдать прелесть; сервизы превосходные, вино отличное. Обѣдъ въ три и пять рублей ассигнаціями. 7-го іюня нигдѣ не обѣдалъ, потому что неосторожно позавтракалъ и испортилъ аппетитъ. По дорогѣ къ Alesandro, тоже на Мойкѣ, есть маленькая лавка Діаманта, въ которой подаются страбургскіе пироги, ветчина и проч. Здѣсь обѣдать нельзя, но можно брать на домъ. По просьбѣ хозяинъ позволилъ мнѣ позавтракать. Кушанья у него превосходны, г. Діаманъ золотой мастеръ. Лавка его напоминаетъ мнѣ парижскія *guinguettes* (маленькіе трактиры). 8-го іюня. Обѣдалъ у Simon-Grand-Jean, по Большой Конюшенной. Обѣдъ хорошъ, но нестерпимъ запахъ отъ кухни. 9-го іюня. Обѣдалъ у Кулона. Дюме лучше и дешевле. Впрочемъ, здѣсь болше обѣды для живущихъ въ самой гостинницѣ; вино прекрасное. 10-го іюня. Обѣдъ у Отто; вкусный, сытный и дешевый; изъ дешевыхъ обѣдовъ лучше едва ли можно сѣискать въ Петербургѣ».

Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ Петербургъ въ Великомъ посту славился своими постными яствами, подаваемыми въ нашихъ русскихъ ресторанахъ и даже нѣмецкихъ кафе-ресторанахъ. Такъ, въ «Строгановскомъ» трактирѣ, на Невскомъ, близъ Полицейскаго моста, посѣщаемомъ биржевыми и береговыми калашниковскими купцами, обѣденная трапеза, на первой и Страстной недѣляхъ поста, ничѣмъ не отличалась отъ строго монастырской и въ эти дни въ этомъ трактирѣ рыбной пици достать нельзя было ни за какія деньги, и весь обѣдъ ограничивался одними грибными блюдами. Зато въ перечнѣ послѣднихъ находились такія, которыя теперь совсѣмъ позыбыты. Такъ, въ то время извѣстны были: грибы, грѣтые съ лукомъ,

капуста шатковая съ грибами, грибы въ тѣстѣ, галушки грибныя, грибы холодные подъ хрѣномъ, грузди съ масломъ, грузди, грѣтые съ сокомъ. Кромѣ грибовъ, въ объденную карту входили горохи и кисели; первые были: мятые, битые, цѣженные; вторые—ягодные, овсяные и гороховые съ патокой, сытой и миндальнымъ молокомъ. Чай въ эти дни пили съ изюмомъ и медомъ, варили и сбитень для постниковъ. Въ остальные недѣли поста, когда уже нѣкоторые ѣли рыбу, въ числѣ рыбныхъ блюдъ подавали тамъ очень вкусную «прикрошку тѣльную» — нѣчто въ родѣ котлетъ, затѣмъ — не менѣе лакомый «кавардакъ», родъ окрошки изъ разныхъ рыбъ, кашу изъ семги, визигу съ хрѣномъ, стерляжій присоль, уха съ бѣлужій паровой, щуку-колодку, рассольный сигъ, уху карасевую на сковородкѣ и т. д. Изъ любопытной карты кафе-ресторана И. И. Излера, помѣщавшагося тоже на Невскомъ, въ домѣ Армянской церкви, видимъ, что въ Великій постъ здѣсь пекли особенные пирожки-растегай, которые у насъ вошли въ моду въ 1807 году, когда въ Москвѣ цыганка Стеша своимъ соловьинымъ голосомъ дѣйствовала на сердца и карманы своихъ слушателей и поклонниковъ: особенно хорошо она пѣла романсъ «Сарафанчикъ-растеганчикъ»; въ честь послѣдняго и стали печь растегай. Вотъ недѣльная карта излеровскихъ пирожковъ. Воскресенье: 1) растегай излеровскіе, 2) скромные, 3) безопасные, 4) музыкальные (скромные); понедѣльникъ: 5) съ рыбкой-съ! 6) съ живыми картинами (скромные), 7) успокоительные, 8) безъ танцевъ (скромные); вторникъ: 9) съ варіаціями, 10) просто прелесть! 11) на здоровье, 12) малъ золотникъ, да дорогъ! среда: 13) безъ рыбы, но со вкусомъ! 14) съ загадкой? 15) любо и дешево! (скромные), 16) съ боровичками; четвергъ: 17) астрономическіе, 18) на всѣхъ правахъ пирога, 19) концертные, 20) съ фіоритурой (скромные); пятница: 21) настоящіе русскіе, 22) нескучные, 23) въ добрый часъ, 24) бодрые; суббота: 25) пчелка или что въ ротъ, то спасибо! 26) фелетонъ безъ писемъ (скромные), 27) повтори, 28) безъ рассказовъ (скромные). Сверхъ того, всякій день приготавлились особые пирожки подъ названіемъ: «кларнетистъ-солистъ» и «вечера Новой-Деревни» (скромные). Цѣна на эти пирожки была 10 и 5 копѣекъ. Вся наша знать ходила ѣсть къ Излеру его пирожки. Эти пирожки носили названіе «утреннихъ».

II.

Пышнымъ гастрономическимъ столомъ отличался въ Екатерининское и Павловское времена графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ. Этотъ гостепріимный вельможа любилъ на своихъ роскошныхъ обѣдахъ соединять вокругъ себя лучшихъ представителей русской интеллигенціи. Онъ, какъ Шуваловъ, носилъ въ то время названіе мецената: почти всѣ писатели

и художники находили у него открытый столъ. Загородный его домъ, носящій его имя, воспѣлъ Гнѣдичъ въ идилліи «Рыбаки». Здѣсь, по воскреснымъ днямъ, онъ давалъ свои лукуловскіе обѣды и ужины. Графъ Строгановъ не жалѣлъ на нихъ денегъ и все, что стоило изъ яствъ безмѣрно дорого, подавалось у него за столомъ; императрица Екатерина II, представляя его австрійскому императору, говорила: «Вотъ вельможа, который хочетъ разориться и никакъ не можетъ».

У графа Строганова, какъ у римскаго гастронома, былъ устроенъ триклиній—родъ столовой, гдѣ, подобно извѣстнымъ грекамъ или римлянамъ, гости лежали за столомъ на постели, облокотясь на подушку. Здѣсь убранство напоминало великолѣпіе и роскошь древняго Рима; полы были устланы мягкими дорогими коврами, стѣны были покрыты живописью, съ изображеніями сатировъ, собирающихъ виноградъ, охотящихся за звѣрями, видны были плоды, гроздья винограда, всякая живность, рыбы и т. д. Подушки и матрасы были набиты лебяжьимъ пухомъ и имѣли великолѣпныя покрывала пурпуроваго цвѣта съ золотомъ. Столы не уступали въ роскоши: они были мраморныя съ мозаикой, или изъ дорогого какого нибудь пахучаго дерева; по угламъ дымилась благовонныя куренья; столы гнулись подъ тяжестью золотой, серебряной и хрустальной посуды. Число гостей на такихъ пиршествахъ всегда было ограничено; приглашенные ѣли полулежа на ложахъ. Мальчики, всѣ одного возраста, молодые и красивые, прислуживали за каждымъ изъ гостей; перемѣнъ блюдъ было не особенно много, но зато все было изысканное; первое — закуска, которая состояла изъ блюдъ, возбуждающихъ аппетитъ: икра, редиска, даже фрукты въ родѣ сливъ и гранатъ входили тоже въ составъ ея; самымъ цѣннымъ изъ закусовыхъ блюдъ были щеки селедокъ: на одну тарелку такого блюда шло болѣе тысячи селедокъ. Во второй перемѣнѣ подавались тоже пикантныя блюда: лосиныя губы, разварныя лапы медвѣди, жареная рысь. Кстати сказать,—это самое старинное русское блюдо, теперь совсѣмъ забытое, употребляемо было при дворѣ царя Алексѣя Михайловича—рысь не считалась тогда несъѣдобной: мясо этого звѣря отличается бѣлизною. Затѣмъ шли жареныя въ меду и маслѣ кукушки, наливыи молоко и свѣжая печень палтуса; третья перемѣна была — устрицы, дичь, начиненная орѣхами, свѣжими фиговыми ягодами. Какъ салаты, здѣсь подавались соленые персики, очень рѣдкіе тогда ананасы въ укусуѣ и т. д.

Если гость чувствовалъ себя сытымъ, то онъ, какъ древній эпикуреецъ, щекоталъ себѣ въ горлѣ перомъ, производилъ топноту и давалъ мѣсто для новой пици. Этотъ обычай за ужиномъ повторялся не разъ, даже послѣ каждой перемѣны блюдъ, и не считался вовсе неприличнымъ. Послѣ ужина шла попойка. Наши русскіе питухи, чтобы возбудить жажду, ходили даже въ баню и ѣли тамъ паюсную икру. У древнихъ въ этомъ случаѣ дѣло доходило и дальше, и нѣкоторые любители

до питья вина принимали цикуту, чтобы страхъ смерти заставлялъ больше пить; другіе пили толченую пемзу и даже валялись въ грязи.

Латинскіе и греческіе поэты научали древнихъ надѣвать, во время попойки, на голову вѣнки изъ цвѣтовъ: существовало повѣрье, что цвѣты уничтожаютъ хмѣль. Лучшей зеленью въ этомъ случаѣ считалась трава сельдерея. Наши русскіе эпикурейцы тоже вѣнчали свои головы вѣнками и, снимая пудренные парики, умащали свои головы душистыми мазями. Иногда, по распоряженію хозяина дома, на столъ приносилась мертвая голова, но при видѣ голаго скелета иной питухъ не робѣлъ и, слегка задумавшись, еще сильнѣе, какъ бы съ горя, начиналъ пить.

На такихъ попойкахъ гости избирали царя пира, — царь пира отличался способностью пить много вина, онъ долженъ былъ пить неуставаемо и ему безусловно повиновались всѣ гости. Такимъ царемъ пира въ Екатерининское время славился нѣкогда тульскій купецъ Иванъ Гавриловичъ Рожковъ. Помимо этой особенности, Рожковъ отличался своимъ умѣніемъ пѣть русскія пѣсни; голосъ у него былъ бархатный; не одинъ графъ (Строгановъ звалъ его на свои затрапезныя пирушки—графъ Безбородко считалъ его своимъ постояннымъ гостемъ и каждую недѣлю доставлялъ и себѣ, и своимъ посѣтителемъ удовольствіе послушать этого очаровательнаго русскаго артиста-торговца. Жихаревъ въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ, что если хотѣли похвалить какого нибудь пѣвца, то говорили о немъ: онъ поетъ, какъ Рожковъ.

Даръ пѣсенъ былъ только второстепеннымъ качествомъ Рожкова, а главными, помимо способности пить много вина, были еще необыкновенныя удалство и смѣлость, которыя и доставляли ему покровительство тогдашнихъ знаменитыхъ гулякъ. За него нерѣдко держали огромные пари и заклады, и не было примѣра, чтобы проигрывали. Такъ разъ графъ В. А. Зубовъ держалъ за него закладъ въ тысячу рублей, что Рожковъ верхомъ на сибирскомъ своемъ иноходцѣ вѣдетъ въ верхній этажъ одного дома въ Мѣщанской улицѣ, гдѣ жила одна изъ дамъ полусвѣта, и Рожковъ не только вѣхалъ, но, выпивъ залпомъ бутылку шампанскаго, не слѣзая съ лошади, тою же лѣстницею съѣхалъ обратно на улицу. «Когда я вѣхалъ къ ней въ фатеру, рассказывалъ Рожковъ,—меня окружили всѣ гости, особъ знатныхъ до десяти будетъ, да и кричатъ: браво, Рожковъ! шампанскаго! И вотъ ливрейный лакей подаетъ мнѣ на подносѣ налитый бокалъ; но барышня сама схватила этотъ бокалъ и выпила не поморщась, промолвивъ: это за твое здоровье, а тебѣ подадутъ цѣлую бутылку».

Имена многихъ литераторовъ и художниковъ конца прошлаго столѣтія и первыхъ лѣтъ нынѣшняго тѣсно связаны съ именемъ графа Строганова. Начиная отъ Фонвизина и Державина и кончая Крыловымъ и Гнѣдичемъ, и почти всѣ художники находили въ немъ истиннаго покровителя и цѣнителя своихъ произведеній. Духовный нашъ композиторъ Бортнянскій былъ одинъ изъ его приближенныхъ друзей. Талантливый стро-

итель Казанскаго собора Воронихинъ былъ воспитанникомъ его. Преданіе говоритъ, что самъ Строгановъ при постройкѣ этого храма трудился безъ усталы и, не смотря на свое хилое уже здоровье, взбирался по лѣсамъ осматривать постройки. Народное повѣрье гласило, что графъ, какъ строитель, немногими днями переживетъ освященіе новаго храма, и точно—15-го сентября 1811 года храмъ былъ освященъ, а ровно черезъ двѣнадцать дней графъ Строгановъ скончался. Говорили, что графъ самъ твердо вѣрилъ въ это предопредѣленіе и послѣ окончанія первой службы въ соборѣ подошелъ къ митрополиту подъ благословеніе, проговоривъ: «Нынѣ отпускаеши раба твоего, Владыко, съ миромъ». Умирая, Строгановъ выразилъ свое послѣднее желаніе, чтобы и отпѣваніе его останковъ происходило въ томъ храмѣ, гдѣ у него явилось предчувствіе о своей смерти. На похоронахъ графа присутствовалъ самъ императоръ, вмѣстѣ съ августѣйшимъ семействомъ, и сопровождалъ гробъ его до могилы, которая находится въ Александро-Невской лаврѣ.

Биографъ Строганова, Н. Колмаковъ, рассказываетъ, что за графомъ есть еще большая заслуга: когда онъ былъ директоромъ Публичной Библиотеки, то, по перевозѣ ся въ Петербургъ изъ Варшавы, у лицъ, производившихъ разборку книгъ, явилось предположеніе, не слѣдуетъ ли предать сожженію всѣ книги, которыя по своему содержанію и направленію противны нравственности и политическому настроенію того времени. Строгановъ всюю своею мощью возсталъ противъ такого варварскаго проекта.

Много говорили также въ прошедшемъ столѣтіи о лукуловскихъ объѣдахъ, дававшихся княземъ Н. В. Репнинымъ въ Варшавѣ. Репнинъ былъ одинъ изъ блистательныхъ вельможъ вѣка Екатерины II, отличавшихся властительными замашками. По словамъ современниковъ, онъ игралъ въ Варшавѣ болѣе значительную роль, чѣмъ король. Англійскій посолъ Джемсъ Гаррисъ, видѣвшій его ежедневно, говоритъ: ничего не могло быть поразительнѣе высокомерія его съ самыми важными лицами и его преувеличенной до-нельзя любезности съ женщинами. Въ засѣданіяхъ онъ затыкалъ каждому ротъ, говоря: «такова воля императрицы». Онъ обращался такъ же безцеремонно со всѣми, даже съ королемъ. У него былъ маскарадъ. Король, для начатія танцевъ послѣ ужина, хотѣлъ подождать, чтобы столы изъ ужинной залы были вынесены, потому что это была самая большая комната. Репнинъ, напротивъ того, хотѣлъ, чтобы танцы начались сейчасъ же въ другой залѣ и настоялъ на своемъ; король преспокойно сталъ танцовать.

Въ театрѣ актеры ожидали пріѣзда князя Репнина, чтобы начать представленіе даже тогда, когда король уже сидѣлъ въ своей ложѣ цѣлый часъ. Репнинъ въ среду на Страстной недѣлѣ назначилъ спектакль въ Варшавскомъ театрѣ, но, кромѣ его и его свиты, зрителей никого не было.

Извѣстный князь Карлъ Радзивиль, великій гетманъ литовскій, бывшій одно время врагомъ Екатерины II и выведшій на сцену несчастную самозванку княжну Тараканову, не смотря на все свое своеволие, побиивался Репнина. Одинъ разъ, когда сеймъ былъ въ сборѣ, чтобъ поддержать кутившаго Радзивила отъ безобразнаго поведенія, онъ поставилъ въ его домѣ полковника съ командою изъ шестидесяти человекъ.

Въ день рожденія Екатерины Репнинъ далъ праздникъ, на которомъ было болѣе трехъ тысячъ замаскированныхъ гостей и при этомъ было выпито, кромѣ множества другихъ винъ, тысяча бутылокъ шампанскаго. Двадцать пять поваровъ едва успѣвали готовить ежедневно кушанья для огромнаго числа посѣтителей его дома. Комнатные дворяне (покоювцы) служили у него во время обѣда съ тарелками въ рукахъ; они стояли за креслами князя, услуживая при столѣ и разрѣзывая на воздухѣ пулярки и прочее.

Пасхальный столъ Репнина ничѣмъ не отличался отъ такихъ же столовъ королей Сигизмунда и Владислава. На срединѣ огромнаго стола лежалъ цѣльный ягненокъ, изображавшій агнца Божія. Это блюдо, по польскому этикету, могли ѣсть только дамы, высшія свѣтскія и духовныя лица. Затѣмъ стояли четыре большихъ кабана, соотвѣтственно четыремъ временамъ года. Внутри каждаго кабана были колбасы, куски ветчины и поросять. Двѣнадцать оленей съ золочеными рогами, заренные тоже цѣликомъ и начиненные дичью, изображали двѣнадцать мѣсяцевъ года; иногда въ перемежку съ оленями лежали и зубры, убитые въ Бѣловѣжской пущѣ. Вокругъ этихъ чудесъ кулинарнаго искусства было 365 куличей; затѣмъ мазурки, жмудскіе пироги и лепешки, украшенныя сушеными въ сахарѣ фруктами. За ними столько же бабъ; бабы эти украшены были вензелями и надписями. Четыре большія стопы съ виномъ изображали тоже четыре времени года; вино въ нихъ было отъ старыхъ временъ. Двѣнадцать серебряныхъ большихъ кубковъ съ виномъ изображали двѣнадцать мѣсяцевъ въ году, 52 маленькихъ боценка, наполненные виномъ испанскимъ, кипрскимъ и итальянскимъ, соотвѣтствовали пятидесяти двумъ недѣлямъ въ году, 365 бутылокъ съ венгерскимъ виномъ означали число дней въ году. Для прислуги ставилось 8,760 кварта меду, соотвѣтственно числу часовъ въ году.

Такое широкое и такъ идиллически патріархальное кормленіе безспорно было заимствовано Репнинымъ у поляковъ; впрочемъ, кухня послѣднихъ у насъ уже стала входить въ моду въ Москвѣ со временъ Дмитрія Самозванца. Карамзинъ говоритъ, что жена послѣдняго, Марина Мнишекъ, особенно отличалась своимъ лакомымъ столомъ. У насъ встарину должности при столѣ занимали стольники. Они носили кушанья и подавали вина; одинъ изъ нихъ, попочетнѣе, какъ говоритъ II. Забѣлинъ, «наряжалъ вина», т. е. приготовлялъ къ столу и вообще распоряжался винами, другой — пить наливалъ. Съ большимъ великолѣпьемъ и обряд-

ностью царскіе столы давались иноземнымъ посламъ: тогда въ сѣняхъ устранивалось нѣсколько поставцовъ: государевъ, боярскій, посольскій съ винами и ѣствами. Число стольниковъ и дворянъ, которые «передъ гостей шить носили и ѣсть ставили», доходило иногда до сотни и болѣе. Послѣ царскихъ столовъ справлялась всегда «государева чаша», то есть пили государево здоровье, при чемъ царь самъ подавалъ боярамъ чашу, къ которой они и подходили по порядку родового старшинства, т. е. такъ, какъ сидѣли за столомъ.

Нерѣдко государь посылалъ обѣдъ къ иноземному послу на домъ. Въ «Дворцовыхъ разрядахъ» сохранились довольно подробныя описанія такихъ случаевъ: такъ царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, посылая стольника Собакина къ Якову Русселю, нѣмчину короля шведскаго Густава, повелѣвалъ стольнику, пріѣхавъ къ нему на дворъ, выдти изъ саней у лѣстницы и идти къ Русселю въ хоромы, а за собою велѣтъ несть скатерть и судки (солонку, укусницу и перчницу), и ѣству, и питью». Далѣе слѣдовалъ подробный церемоніаль, какъ скатерть на столъ постлать и судки поставить, и вина, и ѣству, и питью велѣтъ подать и проч., и какъ, взявъ ковшъ питья, молвить: «о чашѣ великаго государя» и прочее.

Но, обращаясь опять къ прежнимъ временамъ, мы видимъ, что въ старой Москвѣ луколовскими обѣдами отличался сынъ графа Валентина Мусина-Пушкина, обладатель болѣе чѣмъ сорока тысячъ крестьянъ; онъ былъ первый по роскоши въ то время въ столицѣ. Никто не равнялся съ нимъ ни въ экипажѣ, ни въ нарядахъ, ни въ образѣ жизни. На однѣ конфеты у него расходовалось въ годъ тридцать тысячъ рублей, а столъ его стоилъ ему болѣе ста тысячъ рублей; расточительность его на все рѣдкое съѣстное доходила до того, что онъ выкармливалъ индѣекъ на трюфеляхъ, а телятъ отпаивалъ на сливкахъ и держалъ ихъ въ люлькахъ, какъ новорожденныхъ младенцевъ. Домашняя его птица, предназначенная къ столу на убой, въ кормъ на мѣсто овса и крупъ получала лущеные кедровые и грецкіе орѣхи и на пойло, вмѣсто воды, сливки и рейнское вино. Поросятъ у него мыли ежеминутно и чуть ли не пеленали, какъ грудныхъ дѣтей.

Также хлѣбосольно и открытымъ домомъ жилъ въ Москвѣ графъ Иванъ Андреевичъ Остерманъ. Пріѣзжающихъ къ нему на обѣдъ, особенно по воскресеньямъ, иногда было до ста и болѣе персонъ обоего пола. Графъ почти девяностолѣтнимъ старикомъ сохранялъ здоровье и полную память о прошломъ. Хлѣбосольство его теперь покажется почти сказочнымъ; гостей за его столомъ угощали почти на убой; самъ Остерманъ ходилъ и смотрѣлъ, чтобы его гости ѣли; перемѣнъ блюдъ бывало у него до сорока и болѣе. Во все время стола гремѣла музыка на хорахъ, и когда за столомъ преобладали дамы, то въ концѣ обѣда графъ, взглянувъ на хоры, давалъ знать въ ладоши, чтобы начинали другую музыку, и тогда гремѣлъ польскій—Козловскаго, и гости, вскочивъ изъ-за стола,

тянулись парами въ гостиную и далѣе по заламъ. Обыкновенно же, если у него не обѣдывали дамы, музыка кончалась съ десертомъ.

Своими роскошными обѣдами и празднествами въ былое время въ Москвѣ славился также извѣстный чудакъ Прокопій Акинѣевичъ Демидовъ; въ его домѣ на Басманной, гдѣ теперь Елисаветинскій институтъ и школа топографовъ, было собрано столько диковинокъ, мраморовъ, картинъ и рѣдчайшихъ коллекцій, что, какъ говорили тогда, Демидовъ обобралъ всю Европу. Дѣйствительно, оригиналъ Демидовъ, путешествуя за границей, не жалѣлъ на покупки денегъ; такъ, проживая въ Саксоніи, онъ удивлялъ тамошнее населеніе какъ закупкою на ихъ рынкахъ всего продаваемаго тамъ, повидимому, вовсе ненужнаго для него, такъ и роскошными свонми, по русской натурѣ, угощеніями; сидѣвшіе за его огромнымъ столомъ гости говорили другъ другу на ухо: «Какой мотъ! Съ чѣмъ-то онъ выѣдетъ отсюда?» Между тѣмъ, Демидовъ вслухъ смѣялся надъ бѣдностью столичнаго ихъ города, Дрездена, говоря, что некуда ему дѣвать здѣсь денегъ: купить нечего. Если вѣрить Кастера, то онъ устроилъ въ Петербургѣ, въ 1778 году, такой народный праздникъ, который, вслѣдствіе непомерной выпивки, былъ причиною смерти болѣе пятисотъ человекъ.

Богатый чудакъ Демидовъ рядилъ въ ливрею прислуживающихъ за столомъ лаксеевъ такъ, что она бросалась всѣмъ въ глаза: одна половина ея спивалась изъ галуновъ, другая—изъ самаго грубаго сукна; одна нога лакея обувалась въ шелковый чулокъ и изящный башмакъ, другая—въ лапотъ. Въ великолѣпный садъ его, въ которомъ было собрано болѣе двухъ тысячъ рѣдкихъ растений, допускались всѣ; но, замѣтивъ, что дамы въ немъ рвутъ плоды и рѣдкіе цвѣты, онъ однажды снялъ всѣ статуи и на мѣсто ихъ поставилъ обнаженныхъ мужиковъ. Разгнѣванный за что-то на одного изъ своихъ зятевей, онъ прислалъ къ нему на званый обѣдъ наполненный червонцами мѣшокъ и живую свинью, приказавъ ее угощать за столомъ, какъ бы его самого.

Пригласилъ тоже разъ къ себѣ на обѣдъ всю тогдашнюю знать. Наканунѣ онъ, призвавъ маляровъ, приказалъ выбѣлить у себя всѣ комнаты кромѣ столовой и устроилъ передъ каждою дверью лѣса. Явившимся на этотъ обѣдъ хозяинъ объявилъ, что рабочихъ навели въ его домъ, въ его отсутствіе, и гости должны были нѣсколько разъ сгибаться подъ лѣсами, пока, наконецъ, доходили до столовой.

Внука этого Демидова, Павла Григорьевича, называли скупымъ, потому что онъ не давалъ обѣдовъ и тратилъ на себя не болѣе 6—7 рублей въ мѣсяцъ и вообще велъ жизнь крайне воздержную: поутру обыкновенно пилъ чашку кофе или шоколаду; обѣдъ его состоялъ изъ самаго тонкаго бульона и одной котлетки, изъ которой онъ сосалъ только сокъ. Послѣ обѣда пилъ, зимою, чай съ молокомъ по одной чашкѣ, а лѣтомъ—кислое молоко по 5—6 ложекъ; хлѣба употреблялъ не болѣе четверти фунта въ сутки; зато любилъ свѣжіе фрукты, которыми и снабжала его

собственная оранжерея. Этотъ Демидовъ былъ человѣкъ строгой честности, дѣлалъ также много добра и составилъ себѣ богатую бібліотеку. Онъ основалъ Демидовскій лицей въ Ярославлѣ.

Гостепріимство нашихъ вельможъ для простыхъ смертныхъ иногда выходило очень призрачно. Такъ, существуетъ анекдотъ, какъ у нѣкогого изъ такихъ князей міра всегда обносили слуги во время обѣда одного изъ скромныхъ гостей. И амфітріонъ узналъ объ этомъ только тогда, когда на вопросъ его—все ли онъ ѣлъ, несолоно хлебавшій гость отвѣтилъ: «благодарю, ваше сіятельство, все видѣлъ». Другой такой же вельможа, графъ Алексѣй Орловъ, на свои обѣды принималъ только дворянъ въ мундирахъ, и если находилъ не чиновнаго и не въ мундирѣ, то подходилъ и спрашивалъ его: «отъ кого вы, батюшка, присланы?»

Многіе изъ нашихъ помѣщиковъ старину строго соблюдали посты, и по средамъ и пятницамъ не ѣли скоромнаго; у такихъ были и повара, которые готовили одно постное, а у нѣкоторыхъ богатыхъ доходило и до того, что для каждаго кушанья былъ особый поваръ. Такъ, у извѣстнаго эксцентрика Головина было ихъ чуть ли не тридцать, и каждый изъ нихъ въ бѣломъ фартукѣ и колпакѣ самъ приносилъ свое кушанье на столъ барина. Такіе повара, поставя блюда, снимали колпаки и съ низкими поклонами уходили. Обѣды у этого помѣщика тянулись по три часа; онъ садился обѣдать за столъ непременно со своимъ приходскимъ священникомъ, который и благословлялъ трапезу. Кушаній за столомъ считалось семь, но число блюдъ доходило до сорока и болѣе. Служили официанты, одѣтые въ красные кафтаны кармазиннаго сукна, съ напудренными волосами и длинными бѣлыми косынками на шеѣ. Послѣ стола въ гостиной ожидали гостей сотни блудечекъ съ десертомъ или «забѣдками», въ родѣ пастилы, варенья, моченыхъ яблокъ, грушъ и т. д.

Мороженое у насъ на вечерахъ стало подаваться только въ началѣ нынѣшняго столѣтія и прежде о немъ не знали. Ананасы начали разводить также не болѣе какъ восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Первый, кажется, занялся культурой ихъ въ Москвѣ богатый купецъ Гусятниковъ, вышедшій потомъ въ дворяне. Ананасы истреблялъ во множествѣ старшій сынъ графа Завадовскаго; послѣдній ѣлъ ихъ не только сырыми и вареными, но даже квапеными: у него ананасы рубили въ кадушкахъ, какъ простую капусту, и дѣлали потомъ изъ нихъ щи и борщи; этотъ Завадовскій умеръ въ положеніи, близкомъ къ нищетѣ. На кухнѣ этого гастронома готовили повара всѣхъ національностей и были, какъ и у Потемкина, даже простые мужики-пекари подовыхъ пирожковъ и гречневиковъ; квасы Завадовскаго славились въ былое время на всю Россію.

Въ глубокой провинціи въ свое время было не мало помѣщиковъ, любившихъ хорошо поѣсть; такъ, въ Орловской губерніи, въ Мало-архангельскомъ уѣздѣ, жила генеральша Рагзина, обѣдъ у которой длился

по семи часовъ, и на столѣ подавалось до двадцати разныхъ кашъ въ небольшихъ горшечкахъ, приготовленныхъ изъ незрѣлыхъ зеренъ ржи, пшеницы и т. д., а маринадовъ и солений было безчисленное множество; въ сортахъ послѣднихъ находились и такія малосъѣдобныя вещи, какъ сердцевина травъ дятливины и свиргибуса. Генеральша эта была большая привередница и лѣтомъ обыкновенно обѣдала на плоту своего пруда.

Въ томъ же уѣздѣ, въ пятидесятихъ годахъ, жили два брата Бо—ны; эти братья славились своимъ превосходнымъ аппетитомъ. На обѣдъ ихъ готовилось не болѣе пяти блюдъ, но за то въ такомъ количествѣ, что послѣдніе могли упитать не одинъ десятокъ голодныхъ людей. Одинъ изъ братьевъ говорилъ про гуся, что эта птица самая неудобная, потому что одного гуся на жаркое мало, а двухъ много; братьямъ всегда къ обѣду жарилось три гуся. И вотъ, скушавъ ихъ вмѣстѣ съ двумя поросенками и тарелками пятью борща или щей и гречневой каши, одинъ изъ братьевъ начиналъ вздыхать; тогда другой говорилъ ему въ утѣшеніе:

— Не вздыхай, братъ, мы еще ужинать будемъ!

Чуть ли не на одного изъ этихъ братьевъ было написано слѣдующее стихотвореніе:

Ботвинью я всегда хвалю,
Селянку ѣмъ безъ принужденья,
Уху я тоже страсть люблю!
Зрѣть не могу безъ умиленья:
Кнѣжки ко щамъ, бараній бокъ,
Крупую съ масломъ начиненный,
И лучшій ветчины кусокъ—
Суть три предмета несравненны.
Пирогъ любимый мой есть тотъ,
Съ трудомъ въ рукахъ несутъ что трое,
Когда владешь кусочекъ въ ротъ—
Насытились бы онымъ двое.
Про пирожки что вамъ сказать:
Они пятками исчезаютъ,
Но—чтобъ меня имъ насыщать—
Они лишь голодъ возбуждаютъ.
.
Капусту, спаржу, кресь-салатъ,
Все, все считаю пустяками;
Черкасскій быкъ, тебя пою,
Въ тебѣ зрю міра совершенство;
Ты услаждаешь жизнь мою
И мыслить о тебѣ блаженство!

Превосходными гастрономическими ужинами въ сороковыхъ годахъ въ Петербургѣ кормили содержатели нѣкоторыхъ игорныхъ домовъ. У этихъ господъ все было обставлено съ извѣстнымъ блескомъ кулинарнаго изящества. Особенно чудовищныхъ размѣровъ они достигали въ одной улицѣ въ Петербургѣ, у Большого театра. Здѣсь былъ обыгранъ одинъ богатый

одесскій грекъ чуть ли не на миллионъ рублей. Его заманили на роскошно приготовленное блюдо изъ отварныхъ кефалей, выписанныхъ по почтѣ съ береговъ Чернаго моря. Долго помнилъ этотъ грекъ петербургскія кефали.

Но самой заслуженной славой большого гастронома въ Москвѣ, въ пятидесятыхъ годахъ, пользовался богатый тамбовскій помѣщикъ Рахмановъ. Получивъ двухмилліонное наслѣдство отъ своего дяди, извѣстнаго въ свое время игрока, онъ ухитрился его проѣсть менѣе чѣмъ въ восемь лѣтъ. По разсказамъ, кухня этого гастронома отличалась всевозможными приспособленіями для кулинарнаго искусства, вся она выстлана была для чистоты голландскими изразцами и всюду увѣшана пирометрами. Столъ этого необыкновенно тучнаго барина былъ баснословный, и иногда одинъ простой домашній обѣдъ для двухъ или трехъ гостей стоилъ не одну тысячу рублей. Рахмановъ имѣлъ качества, которыми обладаетъ не всякій: тонкій вкусъ и умѣніе ѣсть приготовленные блюда. Особенно много у него было приложено старанія къ приготовленію домашней птицы; его цыплята, индѣйки кормлены были особенной кашей съ трюфелями, а гуси послѣ выкормки, для увеличенія печени, подвергались различнымъ истязаніямъ; ихъ содержали передъ пылающими камнями, гдѣ они обгорали почти заживо. Налимовъ для этой же цѣли травилъ аршинными голодными щуками и т. д. Когда подавали на столъ Рахманову цыпленка, то онъ бралъ его въ руки и, немного помявъ, вынималъ изъ него всѣ кости, какъ изъ кошелька. Передъ нимъ на столѣ обыкновенно стояла огромная кружка вина. На столъ его подавались не всѣ части названныхъ нами птицъ; напримѣръ, въ пуляркѣ онъ ѣлъ только верхнюю часть грудинки, въ уткѣ тоже грудинку и мозгъ, въ свиньѣ—вымя, въ боровѣ—голову. Жирный раковый бискъ ему подавали замороженнымъ въ видѣ студня; раки для этого тоже приготовлялись особенно: ихъ держали вмѣсто воды въ сливкахъ съ пармезаномъ. Также необыкновенно вкусна у него была и простая грешневая каша: ее варили въ соку рябчиковъ и съ рокфуромъ. Рахмановъ почти каждый день изобрѣталъ новыя блюда и въ роскоши стола старался превзойти даже римскихъ гастрономовъ. Постныя блюда у него приготовлялись на миндальномъ и кедровомъ маслѣ, сдѣланномъ за полчаса. Изъ рыбъ онъ любилъ одну рѣдкую, какъ «вырѣзубъ», которая ловится только въ рѣкѣ Соснѣ, впадающей въ Донъ; ее привозили ему живою на перекладныхъ; извѣстное «московитъ» изобрѣтено Рахмановымъ. Лучшій его поваръ былъ изъ бѣглыхъ дворовыхъ людей: это былъ своего рода великій артистъ; онъ жилъ впоследствии у извѣстнаго изобрѣтателя автоматической стрѣльбы А. П. Давыдова.

Азартныя игры встарину.

Происхождение картъ. — Первая колода картъ. — Игра въ зернь, тавлеи и шахматы въ древности на Руси. — Законы и постановленія противъ азартной игры. — Старинныя карточныя игры. — Шулера-иностранцы. — Преслѣдованіе игроковъ въ Екатерининское время. — «Картежные академики». — Ростовщички-мѣнялы.

Происхождение игральныхъ картъ теряется въ глубокой древности; колыбель игральныхъ картъ историки относятъ къ арабамъ. Существуетъ преданіе, что карточная игра привезена изъ страны сарациновъ, гдѣ именовалась «наибъ»; другіе утверждаютъ, что карты явились къ намъ прямо изъ Индостана и занесены будто бы кочующими цыганами.

Въ Испаніи карты носятъ названіе «наипесъ», въ Италіи — «наибн». Слово «наибн» на арабскомъ языкѣ значитъ пророкъ. По другимъ сказаніямъ, карты дошли до насъ изъ Китая и изобрѣтены въ Небесной имперіи задолго до Рождества Христова. Если карты пришли къ намъ изъ Китая, то должно сознаться, что онѣ на пути очень измѣнились. Китайскія карты вырѣзывались на дощечкахъ и разрисовывались разными красками. Во Франціи карты были въ употребленіи уже въ началѣ XIII вѣка.

Карты нынѣшняго вида изобрѣтены, или, вѣрнѣе, усовершенствованы въ послѣдней половинѣ XIV столѣтія. Изобрѣтателемъ ихъ называютъ королевскаго шута и живописца Жакелина Гренгонера. Послѣдній нарисовалъ три колоды для забавы слабоумнаго короля Карла VI. Карты эти для игры не были пригодны. На картахъ Гренгонера, состоявшихъ изъ фигуръ, тузовъ и восьмерки, королевскую корону имѣлъ только одинъ бубновый король, изображавшій короля Карла VI, всѣ же прочіе короли имѣли короны герцогскія. Валеты изображали вліятельныхъ въ ту эпоху придворныхъ, дамы — фрейлинь королевы, а пиковая дама и въ то время была при печальномъ интересѣ и имѣла на головѣ высокую шапку и надъ нею корону, а на ногахъ, вмѣсто пальцевъ, дьявольскіе когти;

изображала она королеву Изабеллу Баварскую. Карты были нарисованы съ большимъ искусствомъ; Гренгонерь получилъ за нихъ 1,500 золотыхъ ефимковъ.

Изобрѣтенныя Гренгонеромъ карты скоро получили печальную извѣстность: ихъ стали употреблять для азартной игры въ Парижѣ, въ отелѣ Нельской башни. Отель этотъ скоро сдѣлался притономъ разврата, мошенничества и страшной адской картежной игры. Очень понятно, что первыя игральныя карты тамъ не были сдѣланы Гренгонеромъ, но только по его образцу въ Нюренбергѣ и Регенсбургѣ, художниками этихъ городовъ. Первоначальныя карты служили только для азартной игры, состоявшей въ слѣдующемъ: на карту извѣстной масти ставилась произвольная сумма, и если три или даже четыре карты той же масти непосредственно слѣдовали за первою, то поставленная сумма была выиграна. Въ 1397 году карты были запрещены какъ во Франціи, такъ и въ Германіи.

Самыя древнѣйшія карты: 17 картъ тарокко, называемыя «картами Карла VI», и карты «тарокко — Висконти», о времени появленія которыхъ можно заключить по шестой фигурѣ, на которой соединены гербы названнаго принца и Беатриче-ди-Тенда, на которой онъ женился въ 1413 году и которую казнили въ 1418 году.

Самая древнѣйшая колода картъ въ Парижѣ хранится въ публичной бібліотекѣ; она относится къ 1390—93 годамъ. Съ XV столѣтія распространилась карточная игра на деньги. Въ основаніи карточной игры лежала идея о сражающихся сторонахъ и первоначально состояла изъ восьми солдатъ (2—9 очковъ), валета (valet), шталмейстера, королевы, дамы и короля. Тузь служилъ знаменемъ каждаго отдѣла. Карты имѣли различныя названія у разныхъ народовъ. Во Франціи королю, дамѣ и валету давали имена историческія.

Въ Россіи карты, какъ и шахматы, зернь и тавлен, или шашки, были уже извѣстны въ XVI столѣтіи. Особенно процвѣтала въ эту эпоху зернь. Зернь были небольшія косточки съ бѣлою и черною сторонами. Выигрышъ опредѣлялся тѣмъ, какою стороною упадутъ онѣ, будучи брошены; искусники умѣли бросать ихъ такъ, что онѣ падали тою стороною, какою хотѣлось. Эта игра, какъ и карты, считалась самымъ предосудительнымъ препровожденіемъ времени и въ каждомъ наказѣ воеводамъ предписывалось наказывать тѣхъ, кто будетъ заниматься ею.

Костомаровъ говоритъ, что при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ жадность къ деньгамъ однажды пересилила эту нравственную боязнь власти; въ Сибири, въ 1667 году, зернь и карты отданы были на откупъ, но въ слѣдующемъ году правительство устыдилось такого поступка и опять уничтожило откупъ и подвергло ихъ преслѣдованію. Допустить эти игры тѣмъ болѣе считалось предосудительнымъ, что онѣ были любимымъ занятіемъ лѣнтыевъ, гулякъ, негодаевъ, развратныхъ людей, пристанищемъ

которыхъ были корчмы или кабаки, гдѣ имъ для игры отводили тайныя кабацкія бани. Эти запрещенныя игры особенно были распространены между служащими людьми. Русскіе распространили употребленіе ихъ между инопорядцами Сибири: остяками, татарами и другими, а такъ какъ русскіе играли лучше инопорядцевъ, то оставались всегда въ выигрышѣ и приобретали отъ нихъ дорогіе мѣха.

Карты не были въ такомъ большомъ употребленіи, какъ зернь, но какъ забава были допущены даже при дворѣ; такъ, при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, для забавы маленькому Алексѣю Михайловичу съ своими сверстниками, куплены были карты. Что касается до шахматовъ, то эта игра была любимымъ препровожденіемъ времени царей и бояръ, да и вообще русскіе очень любили ихъ встарину, какъ и тавлен или шапки. Однако, благочестіе и эти игры причисляло къ такой же бѣсовщинѣ, какъ зернь, карты и музыку.

Какъ игра въ зернь или въ кости, такъ и въ карты у насъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ строго преслѣдовались и, наконецъ, совсѣмъ были запрещены. (См. ст. 15, 21 главы Уложенія).

Императоръ Петръ Великій никогда самъ въ карты не игралъ и картежной игры при дворѣ своемъ не терпѣлъ. Но есть основаніе предполагать, что карточные игроки въ то время уже дѣйствовали. Такъ, по уставу Петра, въ арміи и во флотѣ не дозволялось проигрывать въ карты болѣе одного рубля. Петръ, впрочемъ, любилъ играть въ шахматы съ своимъ крестовымъ священникомъ Хрисаноровымъ. — За искусство выигрывать партію царь прозвалъ его «попъ битка».

Въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны при дворѣ входитъ въ моду игра въ карты и любимцы государыни, Биронъ и Остерманъ, играютъ на крупныя суммы съ иностранными послами. При дворѣ въ это время сильно царствуетъ разорительная игра въ фарао и квинтичь. При императрицѣ Елисаветѣ азартныя игры не прекращаются: графъ Алексѣй Разумовскій почти ежедневно проигрываетъ большія суммы и въ нетрезвомъ видѣ даже поколачиваетъ своихъ партнеровъ. Щедрый и не дорожившій деньгами, онъ держалъ у себя въ домѣ большой банкъ и проигрывалъ тѣмъ, съ кѣмъ хотѣлъ поѣлиться деньгами. Случалось, что иные изъ его гостей дѣлились съ нимъ его капиталами безъ его вѣдома и выносили деньги полными карманами и шапками.

Въ петербургскомъ обществѣ въ это время уже существовало много игорныхъ домовъ и одинъ изъ нихъ у Вознесенья, у извѣстной Дрезденши, велъ свои обороты открыто.

При Петрѣ III картежная игра не имѣетъ уже той силы; этотъ государь указомъ воспрещаетъ играть въ фарао, квинтичь и въ прочія всякаго званія азартныя игры, а только позволяетъ употреблять игры въ знатныхъ дворянскихъ домахъ и то не на большія, но на самыя малыя суммы денегъ, и не для выигрыша, но единственно для препро-

вожденія времени, какъ-то: въ ломберъ¹⁾, въ кадрилию²⁾, въ пикеть, въ контру³⁾ и въ памфиль⁴⁾).

Въ царствованіе императрицы Екатерины II входятъ въ моду слѣдующія карточныя игры: рестъ, вентъ-энтъ, кучки, юрдонъ (самая азартная: отъ нея происходитъ имя проюрдонился), гора, макао, штось, три и три, рокамболь, тентере, а-ла-мушъ и совершенно выходятъ изъ моды старинныя игры, какъ: тресеть, басеть, пнигъ-шнагъ-шнуръ, марьяжъ, дурачки съ паръ, дурачки въ навальку, дурачки въ двѣ карты, ерошки или хрюшки, три листка и семь листовъ, носки и никитишны.

Екатерина II въ Уставѣ Благочинія (8-го апрѣля 1782 г.) запрещаетъ играть картами или инымъ чѣмъ въ игры, основанныя единственно на случаѣ или «газартныя» и предлагаетъ администраціи слѣдить, чтобы никто не могъ: 1) домъ свой или нанятой открыть днемъ или ночью игрокамъ и ради запрещенной игры; 2) въ домѣ, открытомъ днемъ или ночью, игрокамъ и ради запрещенной игры играть; 3) отъ запрещенной игры имѣть единственное пропитаніе; 4) купцамъ или ремесленникамъ, или маклерамъ быть или находиться тутъ при запрещенной игрѣ или въ той игрѣ записывать, или счетъ держать, или замѣчать чѣмъ, или способствовать игрѣ, или для той игры носить съ собою, или посылать, или въ займы дать, или брать, или обѣщать, или инако прямо, или стороною доставить для той игры золото или серебро, монетою или въ дѣлѣ, или ассигнаціями, или мѣдныя деньги, или драгоценныя каменья въ дѣлѣ или не въ дѣлѣ, или вещи, или иной товаръ, какого бы званія ни былъ, или вексель. 5) Въ игрѣ во всякой употребить воровство—мошенничество.

Замѣчательно, что въ законахъ противъ игръ въ прошломъ столѣтіи обозначаемы были поименно игры, признанныя запрещенными; потомъ было прекращено именованіе ихъ, въ томъ, конечно, убѣжденіи, что игроки могутъ и простымъ играмъ придавать свойства азартныхъ.

Еще ранѣ этого указа, въ 1771 году, указомъ отъ 13-го октября, воспрещено было платить долги по карточной игрѣ и велѣно отказывать въ уплатѣ денегъ заимодавцамъ, ежели завѣдомо на игру давали оныя. Въ этомъ указѣ сказано было, что «отцы и матери дѣтей неотдѣленныхъ платить за нихъ долговъ карточныхъ не повинны» и «данные отъ сихъ послѣднихъ векселя и закладныя почитаются не дѣйствительными».

Шулеровъ въ Екатерининское время было множество; особенно этой профессіей занимались разные иностранцы-авантюристы.

Во время пребыванія Екатерины II въ городѣ Могилевѣ и даже ра-

1) Начало этой игры идетъ изъ Испаніи. названіе правильное «Гомберъ».

2) Родъ ломбера вчетверомъ.

3) Тоже, что лабетъ (jeu de la bête).

4) Названа такъ отъ червоннаго валета «памфильомъ»; въ низшихъ классахъ эта игра зовется «филя», филей, простофилей или просто игрою въ дурачки.

нѣ ея прїѣзда за мѣсяць, этотъ городъ уподобился самой многочисленной столицѣ, и здѣсь, по рассказамъ современниковъ, на безпрестанныхъ праздникахъ и балахъ кипѣла такая карточная игра, каковой, конечно, ни прежде, ни послѣ въ Россіи не бывало.

Одинъ князь Сапѣга проигралъ тогда все свое состояніе, равнявшееся многимъ милліонамъ. Въ это время здѣсь на зеленомъ полѣ отличались два далматинца, графы Зановичи. Эти искатели приключеній начали свои шулерскіе подвиги еще въ Венеціи и ихъ портреты, за разныя мошенническія продѣлки, были тамъ повѣшены на висѣлицѣ рукою палача.

Зановичи, поздиѣе, были уличены у насъ въ поддѣлкѣ фальшивыхъ сторублевыхъ ассигнацій, и меньшей Зановичъ былъ схваченъ въ Москвѣ у самой заставы; при немъ найдено было слишкомъ 700,000 фальшивыхъ ассигнацій, все сторублеваго достоинства. Зановичи долго содержались въ Балтійскомъ портѣ и во время нападенія на этотъ портъ шведовъ, въ 1789 г., по малочисленному гарнизону, братья явились защитниками послѣдняго, гдѣ, разумными совѣтами и личною храбростью, оказали большія услуги русскимъ, за что были освобождены и высланы за границу.

Не менѣе такой извѣстностью крупнаго шулера пользовался въ Екатерининское время нѣкто баронъ Жерамбо. Онъ ходилъ въ какомъ-то фантастическомъ черномъ костюмѣ, обшитомъ серебромъ; на груди у него была мертвая голова. Онъ писалъ латинскіе стихи и ѣздилъ на собакахъ, но въ сущности онъ былъ шулеръ самый ловкій, и если кто нибудь ему попадался въ руки, то выходилъ проигравшимся до послѣдней рубашки.

Но, не смотря на строгіе законы и запрещенія, азартная игра въ царствованіе Екатерины II велась даже при дворѣ, а отъ двора распространялась и во всѣхъ слояхъ общества. Энгельгардтъ въ своихъ запискахъ утверждаетъ, что азартныя игры хотя были запрещены закономъ, но правительство на то смотрѣло сквозь пальцы.

Случалось однако, что императрица иногда и преслѣдовала игроковъ. Такъ, письмомъ отъ 7-го августа 1795 года къ московскому главнокомандующему Измайлову, она предписываетъ: «Коллежскихъ ассесоровъ Левлева и Малимонова, секундъ-маіора Ропштейна, подпоручика Волжина и секретаря Цопова за нечистую игру сослать въ уѣздные города Вологодской и Вятской губерній подъ присмотръ городничихъ и внесе при томъ имена ихъ въ публичныя вѣдомости, дабы всякъ отъ обмана ихъ остерегался». У Волжина при томъ было отобрано векселей, ломбардныхъ билетовъ и закладныхъ на 159,000 рублей и, кромѣ того, множество золотыхъ и брилліантовыхъ вещей. Всѣ эти богатства приказано было: «яко стяжаніе, неправеднымъ образомъ снисканное и ему непринадлежащее, отдать въ приказъ Общественнаго призрѣнія Московской губерніи на употребленія полезныя и богоугодныя».

Въ томъ же году Бантышъ-Каменскій писалъ къ князю Куракинну: «У насъ сильный идетъ о картежныхъ академікахъ переборъ. Ежедневно

привозятъ ихъ къ Измайлову; дѣйствіе сіе въ моихъ глазахъ, ибо намѣстникъ возлѣ меня живетъ. Есть и дамы...»

Черезъ нѣсколько дней онъ пишеть опять къ Куракину: «Академки картежные, видя крѣпкой за собой приемотръ, многіе по деревнямъ скрылись».

Изъ разсказовъ современниковъ видно, что въ Екатерининское время въ каждомъ барскомъ домѣ по ночамъ кинѣль банкъ, и тогда уже казенный ломбардъ болѣе и болѣе наполнялся закладомъ крестьянскихъ душъ. Не къ добру въ первое время послужило дворянству это учрежденіе дешеваго и долгосрочнаго кредита. Двадцать милліоновъ, выданные помѣщикамъ, повели еще къ большему развитію роскоши и разоренію дворянства. Быстры и внезапны были переходы отъ роскоши къ разоренію.

Въ большомъ свѣтѣ заведись ростовщики-мѣнялы; днемъ разѣзжали они въ каретахъ по домамъ съ корзинами, наполненными разными бездѣлками, и промѣнивали ихъ на чистое золото и драгоценныя каменья, а вечеромъ увивались около тѣхъ несчастливцевъ, которые проигрывали свои имѣнія, давали подъ залогъ вещей деньги и выманивали у нихъ послѣднія средства.

У Загоскина въ воспоминаніяхъ находимъ описаніе одного изъ такихъ ростовщиковъ сіятельнаго происхожденія, отставнаго бригадира, князя Н., промотавшаго четыре тысячи душъ наследственнаго имѣнія. Вотъ какъ описываетъ онъ мѣсто его дѣйствій на одномъ изъ московскихъ великосвѣтскихъ вечеровъ, гдѣ въ ту эпоху подобный ростовщикъ-торговецъ былъ необходимой принадлежностью.

«Посреди комнаты стоялъ длинный столъ, покрытый разными галантерейными вещами; золотыя колечки, сережки, запонки, цѣпочки, булабочки и всякія другія блестяція бездѣлушки расположены были весьма красиво во всю длину стола, покрытаго краснымъ сукномъ. За столомъ сидѣлъ старикъ съ напудренной головой, въ черномъ фракѣ и шитомъ разными шелками атласномъ камзолѣ. Наружность этого старика была весьма пріятная и, судя по его благородной и даже нѣсколько аристократической фзіономіи, трудно было отгадать, какимъ образомъ онъ могъ попасть за этотъ прилавокъ. Да, прилавокъ, потому что онъ продалъ при насъ двумъ дамамъ: одной золотое колечко съ бирюзой, а другою небольшое черепаховое опашало съ золотой насѣчкой; третья, барышня лѣтъ семнадцати, подошла къ этому прилавку, вынула изъ ушей свои сережки и сказала:

«— Вотъ возьмите! Маменька позволила мнѣ промѣнять мои серьги. Только, воля ваша, вы много взяли придачи: право, десять рублей много!

«— Ну, вотъ еще, много! сказалъ продавецъ.—Да твои-то сережки и пяти рублей не стоятъ.

«— Ахъ, что вы, князь! возразила барышня.—Да я за нихъ двадцать пять рублей заплатила...»

II.

Игра въ брилліанты. — Игроки: Потемкинъ, Чертковъ и Левашовъ. — Случай съ П. Б. Пассекомъ. — Гроза на игроковъ. — Проигрышъ казенныхъ денегъ. — Всеобщая страсть къ картамъ. — Шутки Безбородки и Демидова. — Выигрышъ Державина, проигрышъ Пушкина. — Игра въ клюковку. — Карточные откупщики Злобинъ и Чеблоковъ. — Число карточныхъ фабрикъ въ Петербургѣ. — Иностранныя колоды картъ. — Гадальщицы на картахъ: Ленорманъ, Штольцъ и Мареша.

Императрица Екатерина II игрывала сама въ карты, но большею частью съ чужестранными министрами или съ тѣмъ, кому прикажетъ; для такой игры карты подавали гостямъ, по назначенію, камеръ-пажи, но случалось, что на парадныхъ и торжественныхъ вечерахъ государыня играла, расплачиваясь брилліантами. Такъ, на праздникъ Азора, въ комнатахъ Эрмитажа, 13 февраля 1778 г., даннаго въ честь рожденія перваго внука императрицы, розданы были избраннымъ гостямъ афиши отъ имени «Азора, африканскаго дворянина», который, «какъ представитель страны золота, серебра и драгоценныхъ камней и чудовищъ, не могъ выбрать минуты болѣе благопріятной для своего праздника, какъ такое время, когда земля, небо, воды и всякаго рода твари призваны ознаменовать блестящую эпоху». Далѣе сказано, что на каждомъ изъ столовъ, приготовленныхъ для игры въ макао, будетъ стоять коробка съ брилліантами, и каждая девятка будетъ оплачиваться камнемъ въ одинъ каратъ. Императрица въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Гримму рассказываетъ, что на этотъ вечеръ гости поднялись по узенькой лѣстницѣ въ комнаты музея, и игрой въ золото и драгоценные камни были особенно поражены дипломаты—*les soures aux rois*¹⁾). Послѣ полуторачасовой игры гости подѣлили между собой оставшіеся брилліанты. Въ сосѣднихъ залахъ въ этотъ вечеръ горѣли два огромныхъ вензеля «А» изъ самыхъ крупныхъ брилліантовъ и жемчуговъ, а подъ ними стояло двадцать пажей, одѣтыхъ въ газетъ, съ голубыми шарфами черезъ плечо. Въ видѣ десерта противъ зеркалъ стояли въ разныхъ сосудахъ сервиза Бретейля всѣ драгоценные камни четырехъ шкаповъ Эрмитажа. Несомнѣнно, что подъ именемъ Азора являлся переодѣтымъ самъ князь Потемкинъ, который былъ устройтеlemъ праздника. Кому бы могла войти въ голову такая разорительная затѣя, какъ игра въ брилліанты, какъ не князю Потемкину; великолѣпный князь Тавриды часто, играя въ карты, только одинъ могъ платить не деньгами, а брилліантами.

Про большую игру въ карты Потемкина существуетъ нѣсколько анекдотовъ. Любимымъ его партнеромъ былъ одинъ калмыкъ, который имѣлъ привычку всѣмъ говорить ты и приговаривать: «я тебѣ лучше скажу». Онъ велъ крупную игру и игрывалъ со всѣми вельможами.

1) Этимъ именемъ государыня называетъ дипломатовъ.

Однажды, понтируя съ какимъ-то знатнымъ молдаваниномъ противъ калмыка, Потемкинъ игралъ несчастливо и, разгорячившись на неудачу, вдругъ съ нетерпѣніемъ сказалъ банкомету:

— Надобно быть сущимъ калмыкомъ, чтобы метать такъ счастливо.

— А я тебѣ, возразилъ калмыкъ, лучше скажу, что калмыкъ играетъ какъ князь Потемкинъ, а князь Потемкинъ, какъ сущій калмыкъ, потому что сердится.

— Вотъ насилу-то сказалъ ты «лучше!», подхватилъ, захохотавъ, Потемкинъ и продолжалъ игру уже хладнокровно.

Въ другой разъ Потемкинъ наказалъ одного изъ своихъ партнеровъ довольно строго за то, что послѣдній, пользуясь его разсѣянностью, обыгралъ его нечестнымъ образомъ.

— Нѣтъ, братецъ, сказалъ ему Потемкинъ, — я съ тобою буду играть только въ плевки; приходи завтра.

Приглашенный не преминулъ явиться.

— Плюй на двадцать тысячъ, сказалъ князь.

Партнеръ собралъ всѣ силы и плюнулъ.

— Выигралъ, братецъ; смотри, я дальше твоего носа плевать не могу! произнесъ Потемкинъ, отдавая проигрышъ.

Императрица Екатерина II часто, играя въ карты и дѣлая ошибки, терпѣливо сносила выговоры отъ своихъ партнеровъ. Камергеръ Чертковъ имѣлъ обыкновеніе дѣлать ей такіе выговоры; а разъ, играя съ нею и проигрывая, забылся до того, что съ досады не окончилъ игры и бросилъ карты на столъ. Императрица ни слова не сказала ему и, когда кончился вечеръ, встала, поклонилась и молча ушла въ покои. Чертковъ просто остолбѣлъ отъ своего поступка. На другой день, когда гофмаршалъ вызывалъ лицъ, которыя были назначены къ ея столу, Чертковъ стоялъ въ углу ни живъ, ни мертвъ. Когда гофмаршалъ произнесъ его имя, онъ ушамъ не вѣрилъ, и когда робко и нерѣшительно подошелъ, то государыня встала, взяла Черткова за руку и прошла съ нимъ по комнатамъ, не говоря ни слова. Возвратясь же къ столу, сказала ему:

— Не стыдно ли вамъ думать, что я могла быть на васъ сердита? Развѣ вы забыли, что между друзьями ссоры не должны оставлять по себѣ никакихъ непріятныхъ слѣдовъ.

Какъ мы уже упомянули, Екатерина не долблливала азартныхъ игроковъ. Про нихъ она говорила: «Эти люди никогда не могутъ быть полезными членами общества, потому что привыкли къ праздной и роскошной жизни. Они хотятъ всю жизнь свою провести въ этой пагубной игрѣ и, такимъ образомъ, лишая себя всего своего имѣнія и нисколько объ этомъ не заботясь, дѣлаютъ несчастными и другихъ, которыхъ они обманываютъ и увлекаютъ въ игры».

Наказаніемъ для игроковъ въ Екатерининское время былъ арестъ въ тюрьмѣ, подъ крѣпкимъ карауломъ. Но иногда прибѣгали и къ болѣе

крутымъ мѣрамъ. Такъ, узнавъ, что въ Москвѣ завелись карточные игроки, она писала къ главнокомандующему: «Иностранцевъ высылайте за границу, а своихъ унимайте, а если нужно будетъ, то пришлите ко мнѣ именной списокъ ихъ. Я велю опубликовать объ нихъ въ газетахъ, чтобы всякій могъ ихъ остерегаться, зная ремесло ихъ».

Существуетъ преданіе, что наши общественные клубы учреждены были въ ея время для того только, чтобы имѣть надзоръ за азартными игроками. Такъ, не разъ появлялись въ то время указы, гласящіе, что клубы посѣщаютъ люди не только такіе, что ищутъ въ длинныя зимніе вечера средства лишь «разсыпать мысли свои», но и такіе, которые впадаютъ въ «подлые поступки» и особенно умножаютъ страсть къ карточной игрѣ.

Императрица знала всѣхъ своихъ придворныхъ, которые вели крупную карточную игру. Узнавъ, что у ея статсъ-секретаря Попова по ночамъ съѣзжаются для большой игры, она спросила его:

— Играете ли вы въ карты?

— Играемъ, государыня, отвѣчалъ онъ.

— Въ какую игру?

— И въ ломберъ (l'ombre) играемъ.

— Вашъ ломберъ разорительный, размѣявшись, сказала императрица. До свѣдѣнія Екатерины дошло, что генераль Левашовъ ведетъ большую азартную игру. Государыня при встрѣчѣ говоритъ ему:

— А вы все-таки, не смотря на запрещеніе, продолжаете играть?

— Виноватъ, ваше величество, играю иногда и въ коммерческія игры.

Двусмысленный отвѣтъ обезоружилъ гнѣвъ императрицы.

Этотъ В. И. Левашовъ не измѣнялъ своего образа жизни до самой смерти и то-и-дѣло выигрывалъ и проигрывалъ большія деньги.

Уже позднѣе, въ царствованіе императора Александра I, Левашовъ былъ замѣчанъ въ какой-то крупный проигрышъ. Государь, встрѣтивъ Левашова, сказалъ ему:

— Я слышалъ, что ты играешь въ азартныя игры?

— Играю, государь, отвѣчалъ Левашовъ.

— Да развѣ ты не читалъ указа, даннаго мною противъ игроковъ?

— Читалъ, ваше величество, возразилъ Левашовъ, — но этотъ указъ до меня не относится: онъ обнародованъ въ предостереженіе «неопытныхъ юношей», а самому младшему изъ играющихъ со мною пятьдесятъ лѣтъ.

Въ Екатерининское время слылъ за самаго отчаяннаго азартнаго игрока извѣстный вельможа вѣка императрицы — Петръ Богдановичъ Пассекъ. Проигрыши и выигрыши этого страстнаго игрока ежедневно доходили до многихъ десятковъ тысячъ рублей. Про Пассека существуетъ слѣдующій рассказъ. Въ одну ночь онъ проигралъ нѣсколько десятковъ тысячъ рублей, долго сидѣлъ у карточного стола и задремалъ. Какъ вдругъ ему приснился сѣдой старикъ съ бороною, который говоритъ: «Пассекъ, поль-

зуйся, ставь на тройку три тысячи, она тебѣ выиграетъ соника, загни пароли, она опять тебѣ выиграетъ соника, загни сетелева, и еще она выиграетъ соника». Проснувшись отъ этого видѣнія, Пассекъ ставитъ на тройку три тысячи и она сразу выигрываетъ ему три раза.

Существуетъ также очень характерный анекдотъ про одного изъ вельможъ изъ «стаи славной» императрицы: играя въ присутствіи самой Екатерины и почти всего двора, чуть ли не съ прусскимъ королемъ, и видя неминуемую гибель всего своего огромнаго состоянія, онъ принужденъ былъ съѣсть пиковаго короля, чтобы только игра эта считалась неправильною.

Какъ мы уже говорили выше, въ концѣ царствованія Екатерины II въ Москвѣ особенно сильно развилась азартная карточная игра. Это обстоятельство заставило государыню принять крутыя мѣры. Августа 7-го 1795 года императрица писала къ главнокомандующему Москвы, д. т. с. Михаилу Михайловичу Измайлову: «не оставьте подтвердить всѣмъ тѣмъ, кои въ представленномъ отъ васъ списокѣ поименованы¹⁾, дабы они отъ упражненія въ разорительныхъ играхъ всемѣрно воздержались подъ страхомъ нашего гнѣва и неизбѣжнаго взысканія по законамъ».

Въ списокѣ картежниковъ, посланномъ Измайловымъ къ Екатеринѣ II, были такіе вельможи и сановники, какъ, на примѣръ, Ив. Архаровъ, князь А. Урусовъ, князь Василій Сибирскій, Ал. Давыдовъ, Ал. Акуловъ, Ал. Бибииковъ, князь Мих. Хованскій, С. Тимирязевъ, Ив. Гарновскій, князь Ив. Шаховской, Як. Ханыковъ, Ст. Лачиновъ, князь Дм. Голицынъ, князь Ал. Мещерскій, Ѳедоръ Рахмановъ, Ник. Болтинъ, Юрій Нелединскій; были и иностранцы, содержатели игорныхъ домовъ, какъ Бах-тазаръ, Манчалли, Штироли и Пиндорелли. Поводомъ къ составленію этого списка, какъ говоритъ А. Т. Болотовъ, послужилъ проигрышъ казенныхъ денегъ московскимъ почтамтскимъ кассиромъ Шатиловичемъ. Онъ проигралъ 26 тысячъ и изъ боязни наказанія отравился, но умершій оставилъ послѣ себя списокъ, съ кѣмъ онъ игралъ. Этимъ реестромъ воспользовался главнокомандующій Измайловъ, распредѣлилъ сумму между игравшими и тотчасъ же ее собралъ. Говорили, что попало въ списокъ много такихъ, которые кассира Шатиловича и въ глаза не видали.

Послѣ этого случая въ Москвѣ ходило много слуховъ про игроковъ. Такъ, рассказывали, что, не смотря на величайшія строгости относительно карточныхъ игроковъ, гдѣ-то въ игорномъ домѣ были забраны приказные съ отставными офицерами и послѣднихъ посадили на три мѣсяца въ смиренный домъ, а приказныхъ публично на перекресткахъ наказывали плетью. И послѣ этого былъ выданъ приказъ, что всѣмъ квартальнымъ майорамъ дана привилегія въ частяхъ своихъ вѣзжать въ

¹⁾ Всѣхъ игорныхъ домовъ, въ представленномъ списокѣ императрицѣ Екатеринѣ, Измайловымъ поименовано было болѣе семидесяти.

дома, какъ скоро гдѣ усмотрятъ они собраніе и кареть много, и посмотрѣть, въ чемъ упражняется хозяинъ. Эти мѣры, по слухамъ, многихъ удерживали отъ азартной игры.

По словамъ современниковъ, въ послѣдніе годы царствованія Екатерины II карточная игра усилилась до колоссальныхъ размѣровъ; дворяне почти только и дѣлали, что сидѣли за картами; и мужчины, и женщины, и старые, и молодые садились играть съ утра, зимою еще при свѣчахъ и играли до ночи, вставая лишь пить и ѣсть; засѣданія присутственныхъ мѣстъ иногда прерывали, потому что изъ самаго засѣданія вдругъ вызывали членовъ къ кому нибудь на карты; играли преимущественно въ коммерческія, но много и въ азартныя игры. Составлялись компаніи обыграть кого нибудь навѣрняка; поддерживать себя карточной игрою нисколько не считалось предосудительнымъ. Карточная игра больше всего содѣйствовала тому, что многіе тратили больше, чѣмъ получали, что стали продавать свои имѣнія и даже завели обычай, на первое время всѣхъ сильно поразившій ¹⁾, продавать людей безъ земли, особенно въ рекруты, чиновники — растрачивать казенныя деньги, дворяне — вступать въ откупы и т. под.

Въ эти годы дошло до того, что зимой, въ Москвѣ, въ публичныхъ собраніяхъ и клубахъ и въ маскарадахъ вовсе почти не танцовали, а всѣ садились за карточные столы. Даже музыка больше часа не играла — и, какъ пишетъ А. Т. Болотовъ, плясывали иногда по-русски, но и тутъ съ топаньемъ и кричаньемъ и дурно — и то при развѣздѣ, подгулявши.

Почти всѣ сановники Екатерины II были большіе охотники до картъ, такъ: канцлеръ Безбородко нерѣдко цѣлыя ночи проводилъ за зеленымъ столомъ. Въ карточной игрѣ Безбородко не былъ счастливъ, что можно заключить изъ писемъ къ нему А. И. Моркова; послѣдній отъ 5-го апрѣля 1782 года говоритъ: «Сожалѣю, что вы такъ худо ведете свои дѣла въ картахъ. Съ этой стороны я гораздо васъ спокойнѣе. Какъ въ день гульденовъ шесть выиграю, такъ вся Гага мнѣ завидуетъ. Женщины здѣсь прескверныя и по большей части мошенницы: воруютъ въ игрѣ такъ, что глазомъ мигнуть нельзя». Въ другой разъ онъ пишетъ, поздравляя Безбородку съ новымъ годомъ: «Позвольте мнѣ при семъ поднести вамъ маленькій календарь, весьма полезный не для чиселъ, но для веденія карточныхъ счетовъ».

Богатый графъ С. П. Румянцевъ, блестящій вельможа временъ Екатерины, человекъ высокаго ума, большой образованности, былъ до глубокой старости подверженъ картежной страсти, которой предавался, такъ сказать, запоемъ. Онъ запирался иногда на нѣсколько дней съ игроками,

¹⁾ См. Н. Чечулина — «Русское провинціальное общество во второй половинѣ XVIII вѣка».

проигрывалъ имъ баснословныя суммы и переставалъ играть впередъ до новаго запоя.

Относительно картъ существуетъ разсказъ, что Безбородко просилъ у Екатерины II позволенія стрѣлять изъ пушекъ на своей дачѣ на Невѣ. Государыня, удивленная просьбою, не отказала своему любимому секретарю. Вскорѣ лейбъ-медикъ Роджерсонъ, играя въ вистъ, по разсѣянности, началъ дѣлать ошибки (ренонсы), а хозяинъ-графъ приказалъ каждый разъ извѣщать объ этомъ пушечными выстрѣлами. Шутка эта такъ раздражила вспыльчиваго лейбъ-медика, что едва не кончилась крупной ссорой.

Наши баре встарину любили тѣшиться надъ своими партнерами, какъ мы выше уже говорили. Потемкинъ любилъ играть въ карты съ калмыкомъ. А извѣстный эксцентрикъ П. А. Демидовъ тоже имѣлъ у себя такого же чудака для игры въ карты — армянина, извѣстнаго въ то время въ Москвѣ подъ именемъ «Тараса Макарыча», человѣка недалежнаго ума, но страстнаго игрока и пьяницу. Демидовъ игралъ съ нимъ въ карты, отмѣчая выигрышъ на его лицѣ углемъ, и нерѣдко, напоивъ мертвецки-пьянымъ, онъ отвозилъ домой въ гробу этого партнера вмѣстѣ съ выигрышемъ.

Карточною игрою въ молодости увлекался до страсти и поэтъ Державинъ; вскорѣ, по возвращеніи въ Петербургъ, послѣ пугачевщины, въ концѣ 1775 года, онъ на оставшіеся у него 50 рублей выигралъ въ короткое время 40,000 рублей (см. «Записки Державина», стр. 37, 44, 14). Потомъ, познакомившись съ княземъ Вяземскимъ, онъ часто у него бывалъ и проводилъ съ нимъ дни, забывая время въ карточной, тогда бывшей въ модѣ, игрѣ въ вистъ (стр. 122). Впослѣдствіи Державинъ, хотя и не оставлялъ совсѣмъ карточной игры, однакожь болѣе уже не предавался ей съ увлеченіемъ.

Державинъ въ своей страсти къ картамъ сознается такъ: «Иногда на торжищѣ праздности и любостыжанія сидѣлъ я за грудами золота, передвигалъ его туда и сюда, желая и у ближняго притягать къ себѣ не принадлежащее имѣніе или ему свое бросить. И тутъ я чего не дѣлалъ? то въ кости, то въ карты, то въ шары, то въ шашки, а иногда, о, грѣшнень окаянный! загибалъ я и уголки. Иногда принимался я важничать, морщился и протиралъ глаза свои, и сказывалъ, что у меня отъ работы голова вкругъ катится, хотя, впрочемъ, такъ же какъ и прочіе люди, чужими руками жаръ загребалъ; проигрывалъ я ночь въ рокамболь, а поутру за дѣлами дремалъ на диванѣ». Пушкинъ тоже, во время пребыванія своего въ южной Россіи, куда-то ѣздилъ за нѣсколькими верстами на балъ, гдѣ надѣялся увидѣть предметъ своей тогдашней любви. Приѣхавъ въ городъ, онъ до бала сѣлъ понтировать и проигралъ всю ночь до поздняго утра, такъ что прогулялъ и всѣ деньги свои, и балъ и любовь свою.

Въ прошломъ столѣтіи карты положительно владѣли всѣмъ высшимъ

обществомъ. При императрицѣ Елисаветѣ, какъ говоритъ императрица Екатерина II, игра въ (фараонъ¹⁾) составляла занятіе всѣхъ придворныхъ дамъ съ утра до поздней ночи. Сама императрица въ то время должна была принимать участіе въ такомъ препровожденіи времени; позднѣе, въ царствованіе Екатерины II, въ извѣстные дни въ Эрмитажѣ, куда собирались придворныя дамы и гвардейскіе офицеры, всегда составлялись партіи въ ламушъ, бостонъ, реверси и пикетъ. Въ частныхъ домахъ въ ея время у нашихъ баръ, кромѣ этихъ игръ, играли очень сильно въ банкъ, штось, квинтичъ, крепсъ, пасъ-дисъ и ландскнехтъ.

Князь Вяземскій въ своихъ запискахъ рассказываетъ, что онъ зналъ одного нелицепріятнаго и безпристрастнаго сына, который говорилъ ему, что покойный отецъ его, въ концѣ прошлаго столѣтія, выигралъ у пріятеля своего двадцать тысячъ рублей на клюквѣ. Вотъ какъ это происходило. Онъ предложилъ добродушному пріятелю своему угадывать, въ которой рукѣ его цѣльная клюковка, въ которой раздавленная. Разумѣется, закладъ былъ опредѣленъ въ извѣстную сумму. Игра продолжалась около двухъ часовъ. Нужно ли добавлять для простодушнаго читателя, что вызванный на игру назначалъ рѣшительно всегда невпопадъ?

На всѣхъ почти публичныхъ маскарадахъ, гуляньяхъ, сто лѣтъ тому назадъ, были «горницы для игранія въ карты». Такъ, въ Большомъ театрѣ, въ Петербургѣ, давая маскарады, машинистъ Данпери и танцовщикъ Ганцомесъ извѣщали публику, что у нихъ будетъ допущена и игра въ карты.

Самыя же карты въ то время стояли невысоко въ цѣнѣ и, какъ видно изъ публикацій въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», цѣна ихъ на публичныхъ маскарадахъ была 2 руб. 60 коп. за дюжину. Карты въ то время были выписанныя изъ-заграницы, а также и петербургскаго издѣлія. Карты отдавались на откупъ. Откупщиками карточного дѣла были—именитый гражданинъ Злобинъ и с.-петербургскій купецъ Чеблоковъ.

Императоръ Павелъ I, когда, въ 1797 году 16-го декабря, запретилъ привозъ иностранныхъ картъ и возвысилъ сборъ за клейменіе картъ, установленный въ пользу Воспитательнаго дома, то далъ Чеблокову шпагу и медаль на голубой лентѣ, а Злобину—одну медаль. Злобинъ не пожелалъ выйти изъ купеческаго званія. Онъ считался богатѣйшимъ изъ откупщиковъ, но при всемъ своемъ богатствѣ отличался большой простотою; видомъ онъ былъ очень некрасивъ, неуклюже-толстъ, изъ лица красенъ и вдобавокъ косъ и притомъ большой заика; ходилъ онъ въ русскомъ платьѣ и съ бородой. Сыновья у него были очень хорошо воспитаны и одинъ изъ нихъ былъ зятемъ графа Сперанскаго. Жена Злобина ходила въ большомъ кокошникѣ на головѣ и тѣлогрѣйкѣ, вся одежда ея была изъ золотой парчи и усыпана жемчугомъ, крупными брилліантами и другими драгоценными

¹⁾ То же, что банкъ.

камнями; кокошникъ у нея такъ былъ великъ, что не могъ пройти въ двери, и входила она всегда бокомъ. По рассказамъ, брилліантовыхъ вещей у нея было такъ много, какъ ни у одной изъ тогдашнихъ аристократокъ.

Въ Екатерининское время въ Петербургѣ существовало восемь нѣмецкихъ карточныхъ фабрикъ, изъ нихъ одна принадлежала Воспитательному дому. Позднѣе, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, учрежденная подъ покровительствомъ императрицы Маріи Ѳеодоровны, Александровская мануфактура стала выдѣлывать по способу Деларю по 14,000 колодъ ежедневно, но за всѣмъ этимъ она не могла удовлетворить требованіямъ тогдашняго общества и карты всегда распродавались быстро, безъ всякаго остатка. Наши карты отличаются достоинствами высшаго качества.

Первыя у насъ карты были тарокко; это собственно названіе итальянское: карты для игры, называемой тароккъ, отъ того, что, какъ говорятъ, были изобрѣтены въ провинціи Таро, въ Ломбардіи, впервые стали употребляться въ Польшѣ, откуда и перешли къ намъ. Тароковыя карты представляютъ фигуры самыя странныя. Онѣ употребляются во Франціи для составленія такъ называемой большой игры (grand jeu) у карточныхъ гадальщицъ.

Въ Англіи игральныя карты появились ранѣе, нежели во Франціи. Тамъ въ обществѣ существуетъ два рода игральныхъ картъ; англійскія карты употребляются въ Соединенныхъ Штатахъ и въ Канадѣ.

Въ Германіи карты сохранили нѣкоторыя отмѣтки среднихъ вѣковъ: къ королямъ, дамамъ и валетамъ былъ присоединенъ четвертый родъ фигуръ—рыцарей. Полная колода картъ французскихъ—52, въ Германіи колода долго заключала въ себѣ 64 карты и между ними 21 козырныхъ, носившихъ названія: дьявола, смерти и т. п.

Карты тарокко состоятъ изъ 78 штукъ; въ Италіи, въ Швейцаріи и во Франціи тарокко по сейчасъ сохранило свой первоначальный видъ: масти тарокко называются: чаши, динари, палки и мечи, а въ козыряхъ тѣ же старыя аллегорическія фигуры среднихъ вѣковъ христіанской эры. Испанскія карты, или карты Гомбре, числомъ 48; такія карты выдѣлываются въ большомъ количествѣ въ Германіи для вывоза въ Южную Америку, въ Мексику и Калифорнію. Въ прежнія времена спинка картъ была бѣлая, на спинкахъ только тарокко и испанскихъ были рисунки или крапъ; отъ этого и получилось названіе «крапленныя», присвоенное картамъ, имѣющимъ это украшеніе. Впрочемъ, послѣднее названіе у насъ теперь понимается иначе: крапленныя карты—это такія, которыя побывали до игры въ рукахъ шулеровъ.

Игральныя карты имѣютъ большое примѣненіе въ гаданьяхъ у людей суевѣрныхъ, приобѣгающихъ къ дознанію будущаго. Искусство узнавать будущее по расположенію игральныхъ картъ не особенно старо и у насъ въ Россіи восходитъ не ранѣе начала нынѣшняго столѣтія. Привезено оно къ намъ изъ Франціи; матерью гаданій надо признать извѣст-

ную дѣвицу Ленорманъ. Многіе изъ нашихъ офицеровъ, бывшихъ въ 1814 году въ Парижѣ, посѣщали изъ любопытства квартиру этой знаменитой ворожеи въ Турнонской улицѣ, подъ № 5. Дѣвица Марія Ленорманъ приобрѣла себѣ славу во время консульства и имперіи. Искусствомъ прорицанія дѣвица Ленорманъ занималась болѣе пятидесяти лѣтъ. Пишущему эти строки приводилось знать въ Москвѣ одну богатую помѣщицу г-жу Кр-ну, судьбу которой Ленорманъ предсказала какъ по писанному. Эта барыня, въ силу ея предсказанія, что она умретъ ночью, никогда не спала ночью, когда спятъ люди, а спала днемъ, и чтобы не знать часа смерти, приказала во семь домѣ испортить всѣ часы съ боемъ, чтобы не знать времени. Въ числѣ странностей этой барыни было также и то, что она не употребляла никогда для мытья воды, а на мѣсто послѣдней какую-то мазь. Кр-на ѣздила нѣсколько разъ въ Парижъ къ Ленорманъ и разъ по просьбѣ Аракчеева, портретъ и оттискъ съ ладони котораго возила къ ней для узнанія судьбы временщика.

Девятнадцати лѣтъ отъ роду Ленорманъ уже была извѣстна, какъ хорошая предсказательница и нерѣдко за свои предсказанія платилась тюрьмой. Славу Ленорманъ сдѣлалъ Наполеонъ: она предсказала молодому артиллерійскому поручику по чертамъ на ладони, что онъ выиграетъ не одно сраженіе, покорить царства, будетъ владычествовать и удивить міръ. Эта Сивилла во всѣхъ случаяхъ давала совѣты и императрицѣ Жозефинѣ, которая и покровительствовала ей въ благодарность за ея блистательныя предсказанія.

Въ Петербургѣ извѣстныхъ гадалщицъ на картахъ было немного: въ началѣ этого столѣтія — старуха-нѣмка Штольцъ и въ сороковыхъ годахъ — на Бердовомъ заводѣ чухонка, извѣстная подъ именемъ Марѳуши.

III.

Гроза на картежниковъ въ Павловское время. — Случай съ Безсоновымъ, рассказы С. Глинки. — Петергофская дорога и ея картежные притоны. — Картежная Аспазія. — Игра на ярмаркахъ. — Л. Д. Измайловъ. — Характеристики этого игрока. — Рѣдкій проигрышъ и отыгрышъ. — Игроки братья Н.—ы. — Проигрышъ крупнаго состоянія. — Савва Яковлевъ.

Въ царствованіе императора Павла I особенно строгія мѣры послѣдовали противъ игроковъ. Полиція въ то время имѣла приказаніе прямо являться въ дома, гдѣ велась игра, и заирать играющихъ. С. Глинка въ своихъ воспоминаніяхъ рассказываетъ о томъ, что послѣ строгаго запрещенія банка въ 1797 году и всякихъ позднихъ собраній въ столицѣ, — тогдашній оберъ-полиціймейстеръ Эртель, проѣзжая разъ ночью Арбатомъ, увидѣвъ свѣтъ во второмъ этажѣ одного каменнаго дома, посѣвшилъ туда войти и засталъ игру. На бѣду здѣсь случился поручикъ Архаровскаго

полка Безсоновъ, казначей своего батальона. Не участвуя въ игрѣ, онъ спалъ въ комнатѣ на диванѣ. Оберъ-полиціймейстеръ разбудилъ его; Безсоновъ сказалъ:

— Оставьте меня, завтра нашему батальону ранній смотръ. Вы видите, что я спалъ. Не стыдите меня передъ начальникомъ. Для меня честь дороже жизни.

— Ступайте, прикрикнулъ Эртель.

— Иду! но только смотрите, чтобы вы не раскаялись.

Часа въ четыре ночи привели игроковъ и Безсонова въ домъ начальника полка, гдѣ, по тогдашнему, обыкновенно стояли и полковыя знамена. Выходитъ Иванъ Петровичъ Архаровъ, разбуженный тревогою, въ колпакѣ и халатѣ. Взглянувъ на Безсонова, онъ сказалъ:

— Какъ, и ты здѣсь?

Посадили приведенныхъ подъ знамена. На заботливые разспросы начальника, полиціймейстеръ признался, что Безсонова онъ засталъ спящимъ.

— Грѣшно было тебѣ, братецъ, будить!

Смущенный Эртель просилъ дозволенія сказать Безсонову, что до него не будетъ дѣла.

— Не надобно было и заводить шума, прибавилъ Архаровъ.— Поди, братецъ, поправь свой грѣхъ.

Эртель пошелъ къ Безсонову и сказалъ, что онъ свободенъ.

— Поздно! закричалъ Безсоновъ,— я говорилъ тебѣ, не води меня сюда, ты привелъ: вотъ тебѣ!

Была схватка; Безсоновъ отданъ былъ подъ судъ. Офицеры полка были судьями, они плакали; но въ силу устава Петра I выставили въ приговорѣ: лишеніе руки.

Впрочемъ, до развязки не дошло, приговоръ хотя и былъ посланъ императору, но за примиреніемъ соперниковъ Безсоновъ былъ прощенъ.

Тотъ же С. Глинка, рассказывая про большую азартную игру въ то время, говоритъ, что С. Ю. Храповицкій, служа въ Крыму, спустилъ все родовое имущество въ бездну карточную. Послѣдній намекаетъ, что счастливымъ партнеромъ послѣдняго былъ извѣстный герой Отечественной войны М. Л. Кутузовъ, про котораго тогда говорили его товарищи: «Кутузова и въ картахъ никто не перехитритъ». Но никогда такъ азартно игры у насъ не процвѣтали, какъ съ восшествіемъ на престолъ императора Александра I. Этотъ государь вынужденъ былъ издать указъ «объ истребленіи непозволительныхъ карточныхъ игръ», гдѣ, между прочимъ, было сказано, что «толпа безчестныхъ хищниковъ, съ хладнокровіемъ обдумавъ разореніе цѣлыхъ фамилій, однимъ ударомъ исторгаетъ изъ рукъ неопытныхъ юношей достояніе предковъ, въ Kami службы и трудовъ уготованное». На этомъ основаніи въ то время всѣхъ уличенныхъ въ азартныхъ играхъ приказано было брать подъ стражу и отсылать къ суду.

Особенно славилась въ эти года петергофская дорога своими трактирами, гдѣ велась тогда адская игра. Эта дорога въ тѣ времена была сильно оживлена, гвардейскіе полки стояли въ Стрѣльнѣ и въ Петергофѣ, ѣздить въ Петербургъ офицерамъ безъ разрѣшенія великаго князя не дозволялось. Подписанныя дозволенія осматривались на заставѣ. Вслѣдствіе этого обстоятельства, какъ почтовые станціи, такъ и всѣ трактиры по этому тракту были полны офицерствомъ, любившимъ, какъ тогда говорили: «сушить хрусталь» и «попотѣть на листѣ»; послѣднее обстоятельство также называлось «безсмѣннымъ совѣтомъ царя Фараона», т. е. тутъ металъ банкъ отъ «зари до зари».

Особенно сильная азартная игра велась въ Красномъ кабачкѣ, который содержала нѣмка-маркитантка вся въ медаляхъ и крестахъ на груди; по рассказамъ, играныхъ картъ по угламъ комнатъ накапливалось такъ много, что каждый день ихъ собирали лопатами и вывозили возами.

Тамъ за зелеными столами нерѣдко можно было видѣть молодцовъ военныхъ, которые только и знали, что карты и дуэли. Ужасные шрамы на ихъ лицахъ, очевидно, свидѣтельствовали о ихъ подвигахъ, у нѣкоторыхъ бывали и вѣчно зашнурованные рукава. Были и такіе здѣсь красавцы-молодцы, у которыхъ побѣды были больше мирныя, и не проходило Божьяго дня, въ который бы они не притащили съ собою или денегъ, или брилліантовъ, или какихъ нибудь другихъ вещей отъ какой нибудь пребогатой графини или княжны, предававшейся имъ и душой, и сердцемъ. И всѣ эти вещественныя отношенія ставились на карточныхъ дамъ.

Жизнь того времени носило характеръ бивуачный; много еще было въ полкахъ старыхъ бывлыхъ служакъ, участниковъ наполеоновскихъ войнъ и походовъ за границу. Общество офицеровъ по большей части состояло изъ стараго русскаго дворянства, жившаго не только богато, но подчасъ и расточительно.

И нерѣдко можно было найти по Петергофской дорогѣ какую нибудь по внѣшности развалившуюся крестьянскую избушку, внутренность которой была убрана съ изумительной восточной роскошью: неровный и дырявый полъ устланъ разными персидскими коврами, дверь въ избу завѣшана гобеленомъ, стѣны также убраны драгоцѣнными коврами савонери, лавки покрыты краснымъ сукномъ, простой деревянный столъ съ ковровой салфеткой, на которомъ стоялъ серебряный чайный сервизъ, а на окнахъ разставлены серебряныя принадлежности дорожнаго погребца. Въ углу стояла складная кровать, на которой подчасъ лежала молодая красавица, окутанная въ дорогую шаль и въ легкомъ дезабилье, обшитомъ дорогими блондами и кружевами.

Такая Лаиса или Аспазія, интимная пріятельница какого нибудь усача-банкомета, была посвящена во всѣ таинства игры и во всѣ плутни шулерства; она была здѣсь временная гостья, дормезъ ея или каретка въ четверку лошадей стояла на постояломъ дворѣ. Госпожа эта пріѣзжала

сюда на денекъ или два помочь своему другу въ картежныхъ дѣлахъ. Постоянная квартира у ней была въ городѣ. Ее знала вся кутящая молодежь. Жизнь ея вѣрно опредѣлялъ романсъ, говоря:

Грекъ изъ Одессы и жидъ изъ Варшавы,
Юный корнетъ и сѣдой генералъ,
Всякій искалъ въ ней любви и забавы
И на груди у нея засыпалъ...

И нерѣдко веселые гости такой прелестницы, послѣ нѣсколькихъ бокаловъ «искрометнаго Аи», закладывали банчишко, въ концѣ котораго иной гость оставался безъ туго набитаго бумажника, а другой уходилъ домой и безъ родового имѣнiя.

Про азартную игру этихъ забытыхъ былыхъ временъ находимъ нѣсколько эпизодовъ въ разсказахъ С. Славутинскаго и С. П. Жихарева. Такъ, послѣднiй разсказываетъ, какъ онъ былъ въ Москвѣ въ гостяхъ у извѣстнаго откупщика П. Т. Бородина, и какъ въ кабинетѣ хозяина на двухъ большихъ круглыхъ столахъ кипѣла такая чертовская игра въ банкъ, что, отъ роду, восклицаетъ Жихаревъ,— я не видывалъ столько золота и асигнацій. На одномъ столѣ метали попеременно князь Шаховской, Чертковъ, Киселевъ и Рахмановъ (дядя извѣстнаго гастронома, игрокъ, выигравшiй болѣе двухъ милліоновъ рублей). На другомъ братья Дурново, Михель и Раевскiй; понтирвало много извѣстныхъ людей. Какой-то Колычевъ, небогатый вологодскiй помѣщикъ, проигравъ 5 тысячъ рублей, очень хладнокровно заплатилъ и отошелъ. Въ другой разъ Жихаревъ разсказываетъ, какъ Ст. Шиловскiй выигралъ 5 тысячъ у генерала Измайлова, и тотъ заплатилъ ему деньги не только безъ неудовольствiя, но еще въ придачу подарилъ ему славнаго горскаго полевика. Этотъ Л. Д. Измайловъ, извѣстный рязанскiй и тульскiй помѣщикъ, любилъ всѣ шумныя и разгульныя удовольствiя, ради ихъ онъ посѣщалъ Лебедянскую ярмарку, гдѣ тогда собирались для покупки лошадей всѣ ремонтеры кавалерiйскихъ полковъ и помѣщики, коннозаводчики Тамбовской и сосѣднихъ губернiй, почти всѣ считавшiе обязанностью играть здѣсь бѣшено въ карты, пьянствовать, кутить и буйствовать на-пропалую. Измайловъ любилъ на ярмаркѣ выказать во всей красѣ предъ многими достойными лицами свою безтолковую помѣщичью роскошь, свое крайне разнузданное самодурство. Измайловъ былъ очень богатъ; здѣсь онъ проигрывалъ по сту и болѣе тысячъ, ставя на одну карту по десяти тысячъ. Измайловъ любилъ только простыя, русскiя потѣхи—псовую охоту, скачки на дальнiя разстоянiя, борьбу, кулачные бои, гулянки съ попойкой и адской игрой по цѣлымъ ночамъ.

Гости его всегда должны были быть готовыми на все, что ему было угодно. Онъ не чинился съ ними, и провинившiеся въ потѣхахъ наказывались «лебедемъ», т. е. огромной пуншевой чапешо, которую прихо-

дилось осушить въ одинъ пріемъ, а также и арестомъ на хлѣбъ и водѣ. Портретъ Троекурова въ повѣсти Пушкина «Дубровскій» списанъ съ Измайлова.

Когда онъ командовалъ рязанскимъ ополченіемъ, въ 1812 году, то каждый день ополченскіе офицеры обѣдали и ужинали у него поголовно. Полтора ста лихихъ троекъ находились въ распоряженіи ихъ, — кататься, сколько душѣ угодно!

Во время похода, за границей онъ удивлялъ роскошью нѣмцевъ; въ заграничный походъ изъ собственныхъ своихъ средствъ онъ истратилъ на ополченіе громадную для того времени сумму — миллионъ рублей.

Слишкомъ пятьдесятъ человекъ изъ крѣпостныхъ служителей: камердинеры, офиціанты, простые лакеи, казаки, кучера и псары сопровождали его; не забылъ онъ тоже взять съ собою нѣсколько лицъ и изъ женской прислуги, объ особенно печальномъ значеніи которыхъ нечего и распространяться. Охотничьихъ его собакъ, борзыхъ и гончихъ, везли въ большихъ, нарочно для того устроенныхъ фургонахъ. Лучшія изъ этихъ собакъ имѣли особенный костюмъ: какіе-то епанечки на спинахъ, какія-то палочки на головахъ.

У него былъ еще слуга подъ названіемъ «Гусекъ», обязанность котораго была развѣзять по его деревнямъ въ особенномъ экипажѣ, называвшемся «лодкою», для сбора дѣвокъ на генеральскія игрища. У него находился цѣлый штатъ пѣсенницъ и плясуній. Всѣ почти рязанскіе дворяне такъ и льнули къ нему, составляя постоянную его свиту, сопровождая его толпами на картежную игру, псовую охоту, на скачки, на игрища и всюду, гдѣ онъ изволилъ тѣшиться.

Жихаревъ про Измайлова говоритъ, что онъ бывало напонтъ мертвецки пьяными человекъ пятнадцать небогатыхъ дворянъ-сосѣдей, посадить ихъ сле живыхъ въ большую лодку на колесахъ, привязавъ къ обоимъ концамъ лодки по живому медвѣдю и въ такомъ видѣ спустить лодку съ горы въ рѣку; или проиграетъ тысячу рублей своему приверженцу Шиловскому, всплыть на него за какое-то безъ умысла сказанное слово, бросить проигранную сумму мелкими деньгами на полъ и заставить подбирать его эти деньги, подъ опасеніемъ быть выброшеннымъ за окошко!

Вотъ какъ описываетъ очевидецъ молодецкій проигрышъ и еще болѣе молодецкій отыгрышъ Л. Д. Измайлова. Онъ понтировалъ у князя Урусова, державшаго огромный банкъ вмѣстѣ съ княземъ Шаховскимъ и многими другими дольщиками. Измайловъ пріѣхалъ съ какого-то обѣда вмѣстѣ съ своими рязанскими приспѣшниками. Войдя въ залу, сѣлъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ стола, на которомъ метали банкъ, и задремалъ. Банкометъ спросилъ его, не вздумаетъ ли онъ поставить карту. Измайловъ не отвѣчалъ и продолжалъ дремать. Банкометъ возвысилъ голосъ и спросилъ громче прежняго:

— Не поставите ли и вы карточку?

Измайловъ очнулся и, подойдя къ столу, схватилъ первую попавшуюся ему карту, поставилъ ее темною и сказалъ:

— Бейте пятьдесятъ тысячъ рублей.

Банкометь положилъ карты на столъ и сталъ совѣтываться съ товарищами.

— Почему-жъ не бить? сказалъ князь Шаховской.— Карта глупа; а не бивши не убьешь.

Князь Урусовъ взялъ карты и соника убилъ даму. Измайловъ не переѣхался въ лицѣ, отошелъ отъ стола и сказалъ только:

— Тасуйте карты, я сниму самъ.

Банкометь стасовалъ карты и посоветовался еще разъ съ товарищами. Измайловъ пошелъ опять къ столу и велѣлъ прокинуть. Урусовъ прокинулъ.— Фоска идетъ 50 тысячъ! и по второмъ абцугѣ Измайловъ добавилъ 50 тысячъ мазу. У банкомета затряслись руки и онъ взглянулъ на товарища такъ жалостно, что князь Шаховскій не выдержалъ, усмѣхнулся и сказалъ ему:

— Ну, что-жъ? Знай свое, мечи да и только.

Банкометь повиновался, и чрезъ нѣсколько абцуговъ трефовая десятка проиграла Измайлову. Окружающіе его дворяне стали шептать ему на ухо, что не перестать ли, потому что, кажется, не везетъ, но этого довольно было, чтобы совершенно взволновать Измайлова, который все любилъ дѣлать наперекоръ другимъ: онъ схватилъ новыя карты, выдержнулъ изъ середины червонную двойку и сказалъ: Полтораستا. Банкометь помертвѣлъ и остолбенѣлъ: минуты двѣ продолжалась его нерѣшимость, но князь Шаховскій опять ободрилъ своего собрата:

— Чего испугался? не свои бьешь.

Урусовъ заметалъ; долго не выходила поставленная карта, и всѣ присутствующіе оставались въ какомъ-то необыкновенно-томительномъ ожиданіи, устремля неподвижные взгляды на роковую карту, одиноко бѣлѣвшуюся на огромномъ зеленомъ столѣ, потому что другіе понтеры играть перестали. Наконецъ князь Урусовъ, противъ обыкновенія своего, сталъ метать, не закрывая картъ своей стороны, и червонная двойка упала направо. Ухъ! вскрикнулъ банкометь. Ухъ! повторили его товарищи. Ухъ! возгласила свита Измайлова, но самъ онъ, не измѣнившись въ лицѣ и не смутившись, отошелъ отъ стола, взялъ шляпу, поклонился хозяевамъ и сказалъ:

— До завтра, господа, утро вечера мудренѣе, и вышелъ вонъ бодрѣе чѣмъ вошелъ.

Тутъ начались совѣщанія; надобно ли будетъ завтра продолжать метать ему банкъ или удовольствоваться этимъ выигрышемъ. Большинство голосовъ рѣшено было метать до милліона, но проигрывать не больше настоящаго выигрыша. На другой день въ Москвѣ ходили уже слухи, что Измайловъ проигрался; чтобы забыть о проигрышѣ, Измай-

ловъ купилъ знаменитаго рысака «Красика» у Лопухина, заплативъ за него почти баснословную цѣну по тому времени, 7 тыс. руб. Вечеромъ Измайловъ былъ опять у Урусова. Долго шла игра, но Измайловъ какъ будто не рѣшался принять въ ней участіе. Только послѣ ужина придвинулся онъ къ столу и поставилъ на двѣ карты 75 тыс. руб. Банкометь металъ уже безъ робости. Обѣ карты выиграла Измайлову, онъ загнулъ ихъ и сказалъ: «на слѣдующую талію». Урусовъ стасовалъ карты. Измайловъ поставилъ двѣ новыя карты и, не взглянувъ на нихъ, загнулъ каждую мирандолемъ. По второму абцугу онъ вскрылъ одну карту, которая оказалась десяткою и ужъ выигравшею соника; онъ перегнулъ ее и, сказавъ: «По прокидеѣ», вскрылъ между тѣмъ другую карту, которая тоже оказалась десяткою и; слѣдовательно, также выигрывшею, онъ перегнулъ и положилъ на первую очень спокойно, какъ будто дѣло шло о десяткахъ рублей, а не о его родовомъ имѣніи Дѣдновѣ, съ которымъ онъ, въ случаѣ дальнѣйшаго проигрыша, рѣшился разстаться. У князя Урусова заходили руки,—но дѣлать было нечего, карты поставлены мирандолемъ и отступить не было возможности. Послѣ нѣсколькихъ абцуговъ, десятка опять выиграла; банкометь бросилъ карты и всталъ изъ-за стола, а Измайловъ прехладнокровно предложилъ ему загнуть мирандолъ, но банкометь не согласился.

— Ну, такъ мы квиты? сказалъ Измайловъ и тотчасъ же уѣхалъ домой, гдѣ его уже ждали съ поздравленіями цыгане, съ пѣснями и плясками, по случаю покупки «Красика».

Мнѣ передавалъ покойный коннозаводчикъ И. П. Петровскій про Измайлова, котораго онъ зналъ лично въ своей молодости, что послѣдній для игры пріѣзжалъ всегда со скачки въ Петровскій паркъ къ содержателю одного французскаго ресторана, у котораго для игроковъ въ саду была выстроена особенная бесѣдка. Здѣсь метали крупный банкъ и шла такая азартная игра, которая и не снилась нынѣшнимъ игрокамъ. За зелеными столами тамъ засѣдали такіе тузы, какъ братья Мосоловы, Всеволожскіе, Чесменской, побочный сынъ графа Орлова, Чемодановъ, Савеловъ, Яковлевъ-Собакинъ, Гундоровъ, Гусятниковъ и многіе другіе. Измайловъ до игры садился всегда въ большія вольтеровскія кресла и послѣ легкаго вехрапа, протиралъ глаза, выпивалъ холоднаго квасу, подымалъ съ полу первую валяющуюся карту и ставилъ, если это была не фигура, на каждое очко по тысячѣ и послѣ выигрыша или проигрыша въ нѣсколько тысячъ, съ вольнымъ сердцемъ, молча выходилъ изъ комнаты, садился на линію и возвращался домой.

Много разказовъ ходило въ Москвѣ про двухъ братьевъ П.; игру одного изъ нихъ считали даже нечистою. При посѣщеніи этого игрока, въ кабинетѣ его изумленный посѣтитель на одномъ изъ столовъ находилъ цѣлую мѣняльную лавку. Здѣсь въ правильныхъ столбикахъ стояла звонкая россійская монета всякаго достоинства, начиная отъ золотыхъ лобан-

чиковъ и полуимперіаловъ до серебряныхъ пятачковъ и рублевиковъ. Онъ не игралъ иначе, какъ на звонкую монету, и такимъ привлекательнымъ видомъ золота и серебра соблазнялъ не одного молодого игрока. Рассказывали также, что у него на диванѣ лежала подушка, набитая скомкан-ными ассигнаціями. По рассказамъ, годовой его оборотъ на зеленомъ полѣ исчислялся не однимъ милліономъ рублей и чтобы играть съ нимъ, нѣкоторые изъ любителей азартной игры играли только своими картами. Такъ рассказывали, что онъ ухитрился выиграть у извѣстнаго московскаго богача Му-П—на все его милліонное состояніе. Послѣдній, чтобъ застраховать себя отъ его мошенничества, игралъ съ нимъ только у себя дома и своими картами, которыя держалъ въ шкафу подъ замкомъ. Н. ухитрился подкупить слугу Му-П—на и обмѣнять всѣ нижнія игры картъ на свои.

Въ одинъ прекрасный вечеръ игра у Му-П—на началась съ Н. въ серъезъ, и когда играли первыми верхними колодами, Н. проигрывалъ, но какъ дѣло дошло до нижнихъ, то Му-П—нъ оказался чистъ, какъ соколъ, даже безъ своего чуднаго дома на Тверскомъ бульварѣ. Это такъ его поразило, что онъ не пережилъ недѣли и умеръ отъ удара. Карточную крупную карьеру братьевъ Н—въ погубили извѣстные на поприщѣ казнокрадства братья хлѣбосолы—одинъ изъ братьевъ Н—въ умеръ чуть ли не въ крѣпости.

Большое недовѣріе къ чужимъ картамъ питалъ и извѣстный богачъ Савва Яковлевъ, но и его вскорѣ поддѣли на хитро придуманную штуку. Яковлевъ игралъ тоже только своими картами, которыя держалъ подъ замкомъ, но ихъ съумѣли подмѣнить краплеными ловкіе шулера и въ одинъ вечеръ выиграть на нихъ сотню тысячъ. Рассказывали, что во время пребыванія Яковлева въ Парижѣ, онъ гдѣ-то игралъ, не выпуская изъ объятій одну французскую цирцею. Покрываемый поцѣлуями красавицы, сидѣвшей у него на колѣняхъ, онъ не задумался поставить на одну карту милліонъ франковъ. Карта была проиграна. Яковлевъ сознался, что у него столько нѣтъ денегъ, чтобъ сейчасъ расплатиться, и даже такой суммы не найдется и у его здѣшняго банкира. Но вотъ онъ даетъ документъ, и эксцентричный во всемъ, онъ тщательно вырѣзываетъ кружокъ зеленаго сукна съ ломбернаго стола и на немъ пишетъ мѣломъ: «Милліонъ франковъ, проигранный въ Парижѣ; — долгъ чести, оплачиваемый въ Петербургѣ. Савва Яковлевъ». Сукно это тщательно было вставлено подъ стекло и отослано въ Петербургъ, гдѣ и было уплачено въ конторѣ отца самодура.

VI.

Игра въ англійскомъ клубѣ.—Шулерскія плутни.—Центры азартныхъ игръ.—Шулеръ-иллюминать Перренъ.—Князь А. Н. Голицынъ и его жена.—Исторія рулетки.—Разсказы про старыхъ шулеровъ.—Чудесная табакерка и не менѣе чудодѣйственный портсигарь.—Азартная игра въ Сибири.—Историческіе шулера: Чивеничи и Долгашевъ.

Игра встарину большая велась и въ англійскомъ клубѣ, и старые старшины говаривали, что записные игроки суть корень клуба; они даютъ пищу его существованію; прочіе же члены служатъ только для его красоты, его блеска. Доходъ отъ картъ въ былые годы доходилъ ежегодно почти до полутора ста тысячъ рублей. Можно судить, какъ велика была здѣсь игра. Я думаю, еще многіе изъ членовъ этого клуба помнятъ генерала Су—а, что игралъ въ пикетъ и палки по 25 руб. за фишку. Опытные игроки говорятъ, что всякая игра болѣе или менѣе азартна, т. е. болѣе или менѣе подвержена случайности. Обыкновенно азартными играми называютъ игры безкозырныя. Но и такъ называемыя коммерческія игры иногда опаснѣе неопытнымъ новичкамъ: противъ нихъ могутъ дѣйствовать умѣніе противника и случайность въ сдачѣ ему хорошихъ картъ, не говоря уже о нѣкоторыхъ соображеніяхъ, при которыхъ хорошія карты непременно очутятся въ его рукахъ. Въ старое время, какъ мы выше говорили, общепринятая игра была бостонъ. Кто-то сказалъ, что въ ней неминуемо имѣть дѣло съ двумя непріятелями и однимъ предателемъ, который идетъ тебѣ въ вистъ. Всякая игра—бой: умѣніе умѣніемъ, но есть и доля счастья, и несчастья, то есть случайности, слѣдовательно азарта. Есть люди, предопредѣленные роковою силою неминуемому проигрышу. Американецъ Толстой говорилъ объ одномъ изъ такихъ обреченныхъ, что начини онъ играть въ карты самъ съ собою, то и тутъ найдетъ средство проигратъся.

Въ сороковыхъ годахъ въ Н. гусарскомъ полку служилъ богатый смоленскій помѣщикъ Ба—овъ, который очень любилъ играть въ карты, но и очень боялся играть съ незнакомыми. Онъ платилъ большія деньги за объясненіе разныхъ шулерскихъ пріемовъ. Такъ, у него была серебряная шестерка, которая при загибѣ угла превращалась въ семерку. Она была такъ искусно поддѣлана подъ настоящую, что даже самый опытный глазъ не могъ этого замѣтить. За эту шестерку онъ заплатилъ какому-то искуснику 2 тысячи руб.

Тоже нѣкогда надѣлавшая столько шуму въ обѣихъ столицахъ зрительная труба, съ сильно увеличивающими стеклами, изобрѣтенная какимъ-то морякомъ В., настоящимъ профессоромъ карточной пестрой магіи, была имъ куплена чуть ли не за 5 тысячъ руб. Эта труба наводилась на играющихъ и изъ другой комнаты давала возможность легко отличать не только карты, но даже читать на нихъ едва замѣтнѣй тѣневой крапль, т. е. мѣченный.

Нигдѣ азартныя игры не достигали такихъ чудовищныхъ размѣровъ, какъ въ Москвѣ; въ этомъ отношеніи также славился въ былыя времена и Тамбовъ. Въ Москвѣ безпрестанно случались самыя скандальныя исторіи, гдѣ главная роль принадлежала картамъ. Такъ, въ первыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія тамъ былъ накрытъ русскимъ Сартиномъ, оберъ-полицѣймейстеромъ Н. П. Архаровымъ, большой игорный домъ, содержимый парижскимъ искателемъ приключеній Дюкро, извѣстнымъ болѣе подъ именемъ Перрена. Ловкій французъ былъ большой мастеръ своего дѣла; онъ выдавалъ себя за несчастнаго эмигранта, потерявшаго все состояніе во время революціи, но въ сущности это былъ прехитрый шулеръ, погубившій многихъ молодыхъ людей изъ лучшихъ фамилій. У него была для виду квартира на Мясницкой, въ домѣ Левашова, но настоящее его логовище было за Москвою-рѣкою, въ Кожевникахъ, въ домѣ Мартыанова, гдѣ собирались играть и кутить. У этого содержателя притона было много помощниковъ обоюго пола. Въ Кожевникахъ содержала квартиру мадамъ Пике и жила съ хорошенькою швеею Шевато. Здѣсь играли въ фараонъ, какой-то нѣмецъ Мозеръ, въ качествѣ домашняго друга, держалъ банкъ. По показанію хозяйки дома Пике, что въ этомъ домѣ дѣлалось, она сказать не могла, такъ какъ нѣкоторые посѣтители не встрѣчались другъ съ другомъ и ихъ принимали въ особыхъ кабинетахъ и они при входѣ видѣлись только съ однимъ Перреномъ. Тамъ бывали и женщины и, какъ признавалась мадамъ Пике, какъ низко она сама ни упала, но стыдится объяснить все то, на что эти женщины рѣшались и на что способны рѣшиться. Когда былъ сдѣланъ обыскъ этой квартиры, то въ особомъ кабинетѣ была найдена небольшая лабораторія, собраніе разныхъ физическихъ и оптическихъ инструментовъ, много книгъ и рукописей по части алхиміи, астрологіи и магіи, наконецъ, нѣсколько тетрадей съ разными рецептами и средствами къ сохраненію молодости, красоты, обновленію угасшихъ силъ, возбужденію сердечной склонности, пропасть стклянокъ съ разными настойками и другими неизвѣстными жидкостями, множество заготовленныхъ на разныхъ составахъ конфетъ и, главное, сверхъ того, большое количество фальшивыхъ и крапленыхъ картъ и поддѣланной зерни. Какъ содержатель этого игорнаго дома Перренъ, такъ и его сотрудники всѣ были высланы за границу.

Главной жертвой этого Перрена былъ князь Алекс. Ник. Голицынъ, внукъ знаменитаго фельдмаршала князя Михаила Михайловича старшаго и сынъ оберъ-гофмаршала Екатерины II, князя Николая Михайловича. Этотъ князь Голицынъ отличался крайнимъ самодурствомъ, за которое въ Москвѣ его прозвали именемъ оперы, бывшей въ то время въ большой модѣ, «Cosa rara». Про Голицына разсказывали, что онъ отпускалъ ежедневно кучерамъ своимъ шампанское, что онъ крупными ассигнаціями зажигалъ трубки гостей, что онъ бросалъ на улицу извоз-

чикамъ золото, чтобы они толпились у его подъѣзда, и проч., и проч. Голицынъ имѣлъ 24,000 душъ крестьянъ—разумѣется, все это громадное состояніе пошло прахомъ. Голицынъ проигралъ Перрену нѣсколько сотъ тысячъ; онъ подписывалъ векселя не читая, сумма прописанныхъ денегъ на послѣднихъ ставилась не буквами, а цифрами, такъ что займодавцы, на досугѣ, легко приписывали къ означенной суммѣ по нулю, а иногда по два и по три. Всѣ прочія дѣйствія и расходы этого барина были въ такомъ же поэтическомъ и эпическомъ размѣрѣ. Въ послѣдніе годы своей жизни онъ получалъ приличное денежное содержаніе отъ племянниковъ своихъ, свѣтлѣйшихъ князей Меншиковыхъ и князей Гагариныхъ. Никогда онъ не сожалѣлъ о своей прежней пышности и о прежнемъ своемъ высокомъ положеніи въ обществѣ, а наслаждался по возможности жизнью, былъ всегда веселъ духомъ, а часто и навеселѣ. Князь Вяземскій говоритъ, уже принадлежавши Екатерининскому времени,—онъ еще брался съ молодежью и раздѣлялъ напѣ невинныя и винныя проказы. Въ старости онъ сохранялъ вельможескую наружность. Жуковскій, нашедши его, по прїѣздѣ въ деревню къ молодому Вяземскому, близкимъ домашнимъ челоѣкомъ и, пеняя ему за нѣкоторыя другія его знакомства и связи, похвалилъ его за то, что онъ умѣлъ привлечь къ себѣ такого степеннаго и почтеннаго старичка. Разумѣется, онъ вскорѣ разглядѣлъ его и часто самъ смѣялся надъ своимъ скорымъ и опрометчивымъ заключеніемъ. Жена этого Голицына, урожденная Вяземская, при жизни его выпла замужъ за графа Льва Кир. Разумовскаго. Князь Голицынъ, не смотря на шумъ въ обществѣ, который надѣлалъ этотъ бракъ, не переставалъ вести дружбу съ графомъ Разумовскимъ, часто обѣдывалъ у своей жены и нерѣдко даже съ нею показывался въ театрѣ.

Жена Разумовскаго, «отпущеница» Голицына, графиня Марья Григорьевна, подъ старость*), какъ и ея первый мужъ, сильно любила азартную игру. Играла она больше въ рулетку на водахъ и особенно въ Монако, куда ее приводили почти дряхлой старухой. Страсть напихать баръ къ публичной азартной игрѣ въ Гомбургѣ, Эмсѣ, Баденѣ, Ахенѣ, Спа и друг. развилась почти съ учрежденіемъ въ этихъ мѣстахъ игорныхъ домовъ, и многіе изъ русской знати избрали постояннымъ своимъ мѣстомъ пребыванія преимущественно Баденъ и Гомбургъ, гдѣ купили себѣ прекрасныя виллы и дома. Начало рулетокъ въ курортахъ надо приписать закрытію публичныхъ игорныхъ домовъ въ Парижѣ. Хотя послѣднее обстоятельство и расплодило тамъ множество тайныхъ притоновъ игры, но доходъ съ этихъ заведеній обоготалъ хорошенькихъ патронессъ и ихъ молодцовъ-грекомъ. Здѣсь кстати сказать, откуда взялось названіе во Франціи шулера—грекомъ. Въ концѣ царствованія

*) Она умерла въ 1865 году 93-хъ лѣтъ отъ роду.

Людовика XIV одинъ греческій дворянинъ, по имени Апулосъ, былъ допущенъ ко двору. Онъ участвовалъ тамъ въ игрѣ такъ удачно, что вскорѣ возбудилъ подозрѣніе по своему огромному счастью. Однако, не смотря на удивительную ловкость, онъ былъ пойманъ въ плутовствѣ и сосланъ на галеры на 20 лѣтъ. Это происшествіе надѣлало много шума, и съ этого времени всякаго желающаго поправить свои дѣла безчестнымъ образомъ начали называть Апулосомъ или просто грекомъ.

Но, возвращаясь къ исторіи рулетки, мы видимъ, что рыцари *trente et quarante*, по закрытіи ихъ домовъ въ Парижѣ, оставались въ бездѣйствіи и праздности, теряя даромъ золотое время. Привыкшіе къ огромнымъ барышамъ, такіе хозяева игорныхъ домовъ: Беназе и Брисоль придумали найти для своихъ операцій новое мѣстечко и вотъ они отправились на благодатный нѣмецкій Рейнъ, на берегахъ котораго было разсѣяно много владѣній мелкихъ нѣмецкихъ князей, и предложили имъ самыя выгодныя, самыя щедрыя предложенія, получили привилегію, и рулетки съ *trente et quarante* раскрыли свои заманчивыя столы, и въ курзалѣ Бадена стало съѣзжаться народу болѣе, чѣмъ въ двадцать разъ противъ прежняго. Изъ всѣхъ мѣстъ на Рейнѣ, гдѣ шла публичная игра, самая сильная была въ Гомбургѣ. Банкъ отвѣчалъ тамъ 400,000 франковъ и высшая маза или ставка 12,000 франковъ: игра тамъ продолжалась круглый годъ съ 11 часовъ утра до 11 часовъ ночи. Въ Гомбургѣ нѣкто Гарсія выигралъ болѣе милліона франковъ, и три наши соотечественника сорвали нѣсколько банковъ. Рулетка изобрѣтена въ Парижѣ и введена въ употребленіе въ первый разъ въ салонахъ отелей Живри и Суасонъ, знаменитыхъ по страшной игрѣ, которая тамъ происходила. Впослѣдствіи братья Перрены усовершенствовали ее. Сначала они имѣли только нумера, числомъ 36, и два цвѣта—черный и красный. Перрены прибавили къ ней четъ и нечетъ, *manque* и *passé* первую, вторую и третью дюжину, три колонны и, главное, два зеро, т. е. два пліе или два такса, при которыхъ всѣ проигрывали. Игра въ рулетку—самая азартная изъ азартныхъ: въ нѣсколько минутъ можно потерять все состояніе; въ *trente* и *quarante* есть еще какой нибудь расчетъ, который можетъ руководить опытнаго и благоразумнаго игрока, въ рулеткѣ же никакого. Рулетку не разъ подвергали своимъ плутнямъ шулера: одинъ изъ такихъ—старый геометръ, сдѣлалъ рулетку, въ которой черныя клѣтки были нѣсколько побольше, чѣмъ бѣлыя, для того, чтобы шаръ въ своемъ ходѣ имѣлъ болѣе шансовъ падать на первыя, чѣмъ на вторыя. Чуть ли нѣкогда въ Петербургѣ, въ одномъ игорномъ домѣ, прозванномъ «Мельницей», было сдѣлано очень хитрое такое усовершенствованіе, и въ игральномъ столѣ находили скрытый механизмъ, который направлялъ, по волѣ хозяина, въ клѣтку четъ или нечетъ. Маленькое движеніе подъ столомъ сжимало всѣ четы, если онъ видѣлъ, что въ четѣ стоитъ больше денегъ, и шаръ принужденъ былъ идти туда, куда не былъ прегражденъ входъ.

Въ то время, какъ это происходитъ, понтеръ считаетъ красныя и бѣлыя, справляясь съ вѣроятностью, но что значать самыя ученныя выкладки противъ легкаго движенія колѣномъ.

Вообще наши шулера ни въ чемъ не уступали французскимъ грекамъ. Сколько почти невѣроятныхъ разсказовъ извѣстно про ихъ подвиги на ярмаркахъ между ремонтерами и помѣщиками. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія жилъ въ Петербургѣ одинъ изъ такихъ шулеровъ съ совсѣмъ спокойною совѣстью, въ довольствѣ и съ многочисленными друзьями. Онъ выстроилъ себѣ въ Петербургѣ великолѣпный домъ, окруженный садомъ (домъ этотъ принадлежитъ одному изъ богатѣйшихъ князей). По разсказамъ, въ его кабинетѣ между разными картинами первыхъ мастеровъ Европы висѣла въ золотой рамкѣ пятерка бубень; повѣшана она была хозяиномъ въ знакъ признательности за то, что она рутировала ему въ штосъ, который онъ когда-то металъ на какой-то ярмаркѣ и выигралъ миллионъ.

Въ Москвѣ, въ пятидесятихъ годахъ, былъ извѣстенъ одинъ баринъ, принадлежавшій къ высшему кругу общества, съ которымъ даже въ коммерческія игры садились играть не иначе, какъ съ условіемъ, чтобы онъ никогда не тасовалъ и не сдавалъ картъ, и онъ покорялся этому требованію съ величайшимъ хладнокровіемъ. Другой такой же профессоръ карточной магіи увѣрялъ, что только одни дураки могутъ играть въ карты не навѣрное, и очень наивно признавался, что онъ всего только два раза въ жизни передернулъ.

— Помилуйте, господа, говорилъ онъ, — войдите въ мое положеніе: я металъ банкъ, карта шла на 60,000, я подумалъ: жена, дѣти, семейство! подумалъ и передернулъ; повѣрьте, всякій, кто обладалъ бы такимъ же талантомъ, какъ я, сдѣлалъ бы то же самое на моемъ мѣстѣ.

Про этого же самаго господина разсказываетъ Н. Макаровъ. Однажды въ Москвѣ онъ долго металъ банкъ, понтеровъ было много, картъ стояло еще болѣе, за которыми надо было слѣдить съ напряженнымъ вниманіемъ. Утомившись, онъ посадилъ вмѣсто себя своего товарища, а деньги, бывшія въ банкѣ, и выигрышъ положилъ подъ подсвѣчникъ, какъ это часто дѣлается. Игра шла своимъ чередомъ, игроки разгорячились и стали увеличивать куши. Товарищъ, метавшій банкъ, видя одну карту, которая пала на очень большой кушъ, передернулъ, но какъ-то неловко, такъ что мошенничество это тутъ же было замѣчено. Тотъ, у кого шла карта, схватилъ подсвѣчникъ и ударилъ имъ по лицу метавшаго, другіе понтеры схватили деньги и стали дѣлить ихъ между собою. Тогда нашъ господинъ, посадившій за себя товарища, обратился къ игравшимъ съ слѣдующею рѣчью:

— Господа! на что это похоже! Онъ осель, личность его я предоставляю вамъ, дѣлайте съ нимъ что угодно, но деньги-то брать не слѣдуетъ, это неблагородно!

Еще недавно здравствовалъ въ Москвѣ одинъ баринъ, который игралъ только въ коммерческія игры, и игралъ такъ счастливо, что ему всё завидовали, и если бы не одинъ случай, то тайна его счастія такъ и умерла бы вмѣстѣ съ нимъ. Дѣло было въ томъ, что этотъ господинъ, садясь играть, клалъ подлѣ себя табакерку, на крышкѣ которой находилась небольшая миниатюра артистической кисти Пето, съ изображеніемъ анакрентической сцены. Партнеры любовались этой миниатюрой, брали въ руки табакерку и разсматривали вблизи. Когда же начиналась игра, владѣлецъ подвигалъ табакерку къ себѣ, бралъ изъ нея щепотку табаку и въ это время незамѣтно трогалъ скрытую пружинку, отчего на мѣсто миниатюры являлось небольшое выпуклое зеркало, съ помощью котораго онъ, сдавая карты и держа ихъ надъ табакеркой, видѣлъ ихъ всё, благодаря отраженію въ зеркалѣ. Когда не надо было, онъ опять выдвигалъ медальонъ и вѣжливо предлагалъ своимъ жертвамъ понюхать табаку. Но разъ какъ-то скрытый механизмъ заупрямился и предательница-табакерка выдала тайну коварнаго счастливца.

Аналогичная исторія съ этимъ произошла и въ наши дни на Николаевской дорогѣ. Лѣтъ пятнадцать тому назадъ ѣхалъ въ Петербургъ извѣстный племянникъ не менѣе извѣстнаго московскаго милліонера. Путь держалъ онъ въ обществѣ очень богатаго купца, но очень жаднаго на вѣрный выигрышъ, и еще нѣкоего театральнаго мужа. Послѣдній, какъ говорила скандальная хроника, владѣлъ чудодѣйственнымъ портсигаромъ, внутренность котораго сіяла лучше всякаго брилліанта и венеціанскаго зеркала, выдавая предательски владѣльцу всё карты его партнеровъ. Путь былъ дальній; друзья, послѣ приличнаго возліянія, засѣли перекинуть въ бакара; результатъ игры вышелъ такой, что магическій портсигаръ помогъ артистическому мужу выиграть отъ благодушной слѣпоты 14,000 р.

По разсказамъ сибиряковъ, тамъ до того въ старое время доходила азартная игра, что приказные ставили на конъ своихъ женъ и дочерей. Золотопромышленники во время золотой горячки играли вездѣ, гдѣ только могли, и бывали случаи, что азартная игра возгоралась и между рабочими при выходѣ изъ промысловъ. Такъ, на Енисейскихъ промыслахъ, на рѣкѣ Ангарѣ, по дорогѣ идутъ деревни, названія которыхъ явно свидѣтельствуютъ, что здѣсь предавались азартной игрѣ съ неистовствомъ. Вотъ клички этихъ поселковъ по порядку: Мотыгино, Погорой, Потоскуй, Поиграй и т. д. Счастливцы, какъ разсказываютъ, набивъ карманы ассигнаціями, отъ кабака до кабака ѣздили въ саняхъ, запрягая на мѣсто лошадей бабъ и выходя въ аршинную грязь, бросали ассигнаціи и ступали по нимъ.

Особенно процвѣтала между служившими на промыслахъ игра въ ремешокъ: искусство состояло въ томъ, чтобы съумѣть попасть шиломъ въ петлю и зацѣпить ремешокъ. Въ эту игру проиграли не мало денегъ тогдашніе золотопромышленники С—вы, З—вы, Г—вы, С—ны. При

омскомъ губернаторѣ служилъ одинъ чиновникъ нѣмецъ, который ухитрился выиграть въ эту игру до полмилліона рублей. Въ Томскѣ встарину было немало игорныхъ домовъ. Изъ крупныхъ былъ извѣстенъ одинъ, который держалъ ссыльный французъ, извѣстный подъ кличкой Тала-бала. Другой содержатель такого же игорнаго дома, еврей Х., настолько былъ жаденъ на выигрышъ, что когда всѣ гости уходили домой, то онъ садился играть съ своимъ слугою и отбиралъ отъ него всѣ деньги, которыя онъ выручалъ съ гостей за карты.

Во время существованія кабинетскихъ крестьянъ, въ городѣ Барнаулѣ карточная игра между горными инженерами доходила до колоссальныхъ размѣровъ. Тамъ играли сутокъ по двое подъ-рядъ, пока не сваливались подъ столъ. Въ этомъ городѣ существовала въ одномъ домѣ, отдѣланномъ съ полуазіятской роскошью, «академія игры», гдѣ метали банкъ и играли въ другія азартныя игры на сотни тысячъ въ вечеръ.

Какъ ловкій шулеръ въ Москвѣ и Петербургѣ былъ извѣстенъ, въ двадцатыхъ годахъ, нѣкто Чивеничи; онъ служилъ прежде въ одномъ изъ кавалерійскихъ полковъ, существовалъ же игрою въ карты, да покупкою, мѣною и продажею лошадей. Жизнь онъ велъ очень открытую и богатую. Чивеничи прославился по крупному мошенничеству. Онъ воспользовался бывшимъ въ Петербургѣ большимъ наводненіемъ, сочинилъ высочайшій рескриптъ на имя одного московскаго богача, грека Сивеніуса, подписался подъ руку императора Александра I; въ рескриптѣ повелѣвалось Сивеніусу ссудить его величество полумилліономъ рублей ассигнаціями для вспомоствованія пострадавшимъ отъ этого несчастнаго событія, вручивъ эту сумму высочайше командированному Чивеничи; съ этимъ еще въ рескриптѣ значилось, чтобы Сивеніусъ довѣрилъ еще Чивеничи и драгоценную жемчужину, которую государю благоугодно было показать прибывшимъ тогда заграничнымъ августѣйшимъ особамъ, при чемъ вмѣнялось ему обо всемъ этомъ хранить величайшую тайну.

Чивеничи, являсь къ Сивеніусу, вручилъ ему поддѣльный рескриптъ, а этотъ богачъ, обрадованный такимъ милостивымъ вниманіемъ государя, поспѣшилъ выдать Чивеничи какъ требуемыя деньги, такъ и жемчужину. Получивъ сокровища, Чивеничи пріѣхалъ въ Петербургъ, затѣялъ тамъ свадьбу съ классной дамой Смольнаго монастыря, любимицей покойной императрицы Маріи Ѳеодоровны, и намѣревался, вступивъ въ бракъ, уѣхать немедленно за границу. Но случилось, что вскорѣ обманъ его печально былъ открытъ московскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ княземъ Голицынымъ. Послѣдній немедленно далъ знать объ этомъ въ Петербургъ; Чивеничи былъ схваченъ и посаженъ въ Петропавловскую крѣпость, жемчужина и деньги, за исключеніемъ небольшой суммы, проигранной имъ, были отъ него отобраны и возвращены Сивеніусу. Чивеничи въ послѣдствіи, въ 1826 году, былъ вмѣстѣ съ женою изгнанъ за-

границу, въ Турцію, тамъ онъ тоже что-то напроказилъ и едва ли избѣгъ смертной казни.

Не меньшею славою такого же карточного хищника гремѣлъ въ концѣ двадцатыхъ и началѣ тридцатыхъ годовъ въ Петербургѣ нѣкто Долгашевъ, онъ же Смоленской, очень загадочная и непонятная личность. Этотъ весьма вредный господинъ былъ самый искуснѣйшій игрокъ какъ на билліардѣ, такъ и въ картахъ; въ игрѣ на билліардѣ ему не было соперниковъ въ Петербургѣ; онъ почти жилъ у ресторатора Меграна (потомъ Дюссо), гдѣ особенно ловко обыгрывалъ своихъ жертвъ, особенно молодыхъ и богатыхъ людей. Квартира этого Долгашева была въ Морской, отдѣлана очень роскошно и изящно и полна всевозможными рѣдкостями: на окнахъ стояли драгоценныя амфоры, чуть ли не времени Сарданапала, этрусскія вазы, современные Аннибалу, сыну Амилькара, саксонскій фарфоръ времени короля Августа, мебель Людовика XVI и другихъ царственныхъ особъ Франціи и Италіи. Кровать, на которой онъ почивалъ отъ трудовъ своихъ, принадлежала несчастной королевы Маріи Антуанетѣ. Долгашевъ вполне понималъ, что наши жуиры снизойдутъ до какихъ угодно ступеней, только умѣйте обставить грязь извѣстнымъ блескомъ изящества. Онъ хорошо зналъ, что наши благородные игроки, съ тугими бумажниками, любятъ комфортъ и покой для того, чтобъ ихъ занятіе вышло какъ можно изящнѣе. На этотъ высшій тонъ игры и избранное общество очень манится, въ особенности разные зажиточные интенданты, купцы, банкиры, которые, послѣ денегъ, всегда больше всего гоняются за избраннымъ обществомъ. Разнузданный порокъ скорѣе всего отталкиваетъ не потому, чтобы онъ возмущалъ нравственное чувство своего изящнаго поклонника, но потому, что онъ оскорбляетъ чувство изящнаго—этою соблазнительнѣйшаго покровя всякой страсти. Долгашевъ имѣлъ видъ барина, всегда со вкусомъ хорошо одѣтаго; онъ называлъ себя фридрихсгамскимъ первостатейнымъ купцомъ, по происхожденію будто бы былъ якобы бѣлевскимъ мѣщаниномъ, звали его Александромъ Герасимовичемъ. Въ ресторанахъ онъ былъ больше извѣстенъ подъ именемъ «Смоленскаго». Впослѣдствіи Долгашевъ былъ временнымъ первой гильдіи с.-петербургскимъ купцомъ и участвовалъ даже въ откупахъ въ польскихъ губерніяхъ. По всѣмъ даннымъ, Долгашевъ былъ не тѣмъ, что всячески желалъ изъ себя представить—онъ не былъ простолюдинъ; въ сильно пьяномъ видѣ, что съ нимъ встрѣчалось весьма рѣдко, онъ иногда проговаривался на превосходномъ французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ; языкознаніе онъ тщательно скрывалъ отъ всѣхъ. Также болѣе всего поражали его странныя, но случайно вырывавшіяся у него выходки: такъ онъ въ просонкахъ командовалъ подобно полковому командиру, а на обѣихъ ногахъ его, на щиколоткахъ, были глубокіе слѣды оковъ.

Въ теченіе своего болѣе полутора десятка лѣтъ пребыванія въ Петер-

бургѣ Долгашевъ обманулъ и обыгралъ многихъ богатыхъ и небогатыхъ людей. Хорошо знавшіе его говорили, что онъ нерѣдко привозилъ домой большіе узлы изъ салфетки, въ которыхъ было множество пачекъ ассигнацій различнаго достоинства.

Мы въ одномъ изъ нашихъ фельетоновъ «Петербургская старина» рассказали о крупномъ мошенничествѣ Долгашева, которое въ свое время въ Петербургѣ надѣлало много шума и осталось до сихъ поръ покрытымъ мракомъ неизвѣстности.

V.

Игроки тридцатыхъ годовъ.—Московская шайка.—Игрокъ Разумовскій.—Американецъ Толстой и Волконскій.—Случай съ композиторомъ Алябьевымъ.—Продѣлки петербургскихъ игроковъ.—Прогрыши казенныхъ денегъ: гг. Клевенскимъ и Политковскимъ.—Картежные дома въ позднѣйшее время.

Въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія продѣлки рыцарей зеленого поля были особенно смѣлы и часты. Въ обѣихъ столицахъ существовало нѣсколько игорныхъ домовъ, гдѣ шайки шулеровъ дѣйствовали съ необыкновенною наглостью. Безъ товарищей, одинъ, шулеръ ничтоженъ; одному играть рискованно и, въ случаѣ разоблаченія продѣлки, за него некому вступить и принять его сторону въ спорѣ, ему необходимы помощники. Въ игрѣ въ банкъ и ей подобныхъ одинъ—его кажущійся антагонистъ; если нужно, онъ скажетъ «атанде»; если товарищъ-банкометъ забылъ число прометанныхъ абцуговъ, онъ ловко напомнитъ и т. д. Другой товарищъ—его дольщикъ; онъ держитъ банкъ съ нимъ пополамъ, значитъ, имѣетъ право прометать за него или дать ему другую колоду; сбился баламутъ ¹⁾ или абцужный, онъ его поправитъ; пришлось дѣлать переборку на большее число абцуговъ, онъ, шая, сдѣлаетъ ее, ему это ловко; онъ сидитъ рядомъ съ банкометомъ и на него никто не обращаетъ вниманія. Въ коммерческихъ играхъ одинъ товарищъ тоже необходимъ: играть одному—нахальная дерзость; тогда онъ долженъ самъ дѣлать и подборъ, и вольтъ, что не можетъ остаться незамѣченнымъ. Товарищество въ шулерахъ необходимо: они связаны общимъ интересомъ и каждое лицо необходимо въ компаніи. Одинъ техникъ, онъ неуловимо дѣлаетъ держки, вольты и прочее; другой имѣетъ даръ завлекать, дружить и «путать»; третій отлично живетъ, имѣя богатую квартиру съ приманками для пижоновъ; четвертый обладаетъ талантомъ проноухать, у кого можно выиграть; пятый всегда въ деньгахъ, у него хорошее зна-

¹⁾ «Баламутъ» или «абцужный штосъ» на языкѣ шулеровъ называется такой банкъ, въ которомъ вѣ карты биты, кромѣ двухъ первыхъ абцуговъ, которые идутъ на счастье.

комство и т. д. Такимъ образомъ, хорошо организованная пайка шулеровъ живетъ какъ нельзя лучше, и стоитъ только попасть туда богатому пижону, рѣдкій изъ нихъ отдѣляется тысячью, а другой всѣмъ состояніемъ. Эти милые люди увлекутъ хоть кого своими ужинами, съ очаровательными дѣвицами; въ концѣ ужина всегда завязывается игра, о результатѣ которой не трудно догадаться.

Такая хорошо организованная пайка дѣйствовала особенно нагло въ Москвѣ въ описываемое время; она, при помощи своихъ агентовъ, узнавала о прибывающихъ въ первопрестольную столицу богатыхъ лицахъ, только что получившихъ наслѣдство провинціалахъ или просто зажиточныхъ людяхъ и ловко завлекала такихъ неопытныхъ людей къ себѣ, гдѣ красивыя барыни были особенно любезны съ ними. На вечерахъ шампанское было въ изобиліи. Къ вину нерѣдко подмѣшивали одуряющія наркотическія средства; особенно одно время былъ извѣстенъ такъ называемый «кукельванецъ». Онъ имѣлъ такое странное свойство, что не лишалъ пижона физическихъ силъ, но, затмевая разсудокъ, совершенно отнималъ у него память о томъ, что происходило съ нимъ и вокругъ него. Опоенный «кукельванцемъ» дѣлался положительно автоматомъ, безсознательно исполняя все, что ему прикажутъ. Очень понятно, что тогда ловкіе, отборные артисты не дремали и метали банкъ и гости проигрывали всѣ свои наличныя деньги. Но этимъ дѣло еще не ограничивалось, являлись еще изъ дальнихъ комнатъ невидимыя лица съ заемными письмами, векселями, съ нотаріальными книгами. Пьянаго заставляли подписать заемное обязательство и его копію въ книгѣ. Послѣ такой проѣлки пижона отвозили домой, гдѣ онъ просыпалъ цѣлыя сутки и, проснувшись, ни о чемъ уже не помнилъ. Векселя такіе, какъ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ О. А. Пржеславскій, обыкновенно писались на срокъ шести мѣсяцевъ. Въ теченіе этого времени они переходили въ третьи или въ четвертыя руки, а съ наступленіемъ срока подавались къ взысканію. Мошенничество было обставлено такими псевдозаконными формальностями, что судебныя власти того времени, связанные буквою закона, не допускающею протеста по безденежности заемныхъ обязательствъ, и не могли воспрепятствовать взысканіямъ. Мнимые должники, ничего не помня, крайне удивлялись, всѣми силами протестовали противъ взысканія, но такъ какъ не могли оспаривать своей подписи ни на вексель, ни въ нотаріальной книгѣ, то въ концѣ концовъ должны были уступать и платить.

Въ Москвѣ одна такая пайка, пожелавшая заполучить сразу большой кушъ, попалась на слѣдующемъ мошенничествѣ. Въ тѣ года прибылъ въ Бѣлокаменную повеселиться одинъ молодой богатый офицеръ, единственный племянникъ старушки-милліонерши. Члены пайки, всѣ люди «свѣтскіе», постарались сблизиться съ нимъ. Устраивали у себя вечера съ ужинами во вкусѣ à la regence, съ обильными возліянiями и полу-

дѣвицами. Послѣ ужина метали небольшой банкъ. Офицеръ посѣщаль вечера, но не пилъ вина и не игралъ ни во что. Шулера придумали съ нимъ слѣдующую штучку. Одна изъ присутствовавшихъ на ужинахъ прелестница, повидимому, очень нравилась ему; они заставили ее назначить ему свиданіе. Мѣсто, выбранное для rendez-vous, было въ глухомъ переулкѣ между огородами и садами. Возлѣ самага дома стояла полицейская будка. Офицеръ пріѣхаль въ домъ; его впустилъ лакей, заплатилъ извозчику и велѣлъ ему ѣхать прочь, сказавъ, что господинъ здѣсь останется на ночь. Войдя въ очень плохую квартиру, офицеръ не нашель той женщины, которая къ нему писала: вмѣсто нея приняли его какія-то незнакомыя личности самага непривлекательнаго вида. Офицеръ обошелъ квартиру и, подозрѣвая мышеловку, хотѣлъ уйти, но нашель всѣ двери запертыми, а принявшія его личности сказали ему, что онъ ранѣе отъ нихъ не уйдегъ, пока не исполнить одного непремѣннаго условія. Последнее состояло въ томъ, что онъ долженъ подписать на гербовой бумагѣ и въ нотаріальной книгѣ заемное обязательство въ 150,000 р., заднимъ числомъ и срокомъ на шесть мѣсяцевъ, на имя какого-то незнакомаго ему господина. Офицеръ отказался отъ этого; тогда мошенники заявили ему, что его будутъ сѣчь розгами до тѣхъ поръ, пока онъ не поумнѣетъ и не сдѣласть того, къ чему его они принуждали. Когда и за этимъ офицеръ не соглашался, то его раздѣли и сѣкли нещадно. На его крики никто не являлся. Наконецъ, пытаемый согласился на все и подписалъ все. Его отвели въ какую-то каморку и улѣжили въ постель полуживого. Придя въ себя, ему удалось выскочить въ окно и кой-какъ добраться до гостинницы, гдѣ онъ жилъ. Утромъ онъ отправился къ губернатору и рассказалъ, что съ нимъ случилось. Загорѣлось огромное дѣло. Розыски долго не приходили къ хорошему результату и только одинъ случай помогъ къ открытію. Пьяный писецъ нотаріуса проговорился. Обнаружилась связь московскихъ шулеровъ съ петербургскими.

Расхищена шулерами была также часть колоссальнаго богатства одного изъ Разумовскихъ, графа Петра Алексѣевича. Назначенный чиновникомъ особыхъ порученій при новороссійскомъ генераль-губернаторѣ герцогѣ Эмануилѣ де-Ришелье, онъ окружилъ себя всякаго рода греками, евреями и другими темными личностями и шулерами-проходимцами, безсовѣстно его обиравшими. Онъ въ короткое время проигралъ свой московскій домъ, полный всякаго великолѣпія: мебель, картины, гобелены, портреты, бронза, фарфоръ—все это пошло за безцѣнокъ для расплаты за карточные долги. Проигравшись совсѣмъ, графъ подѣ Одессой на хуторѣ, близъ Молдаванки, выстроилъ себѣ, съ безвкусными затѣями, дачу. Подѣ дачею онъ велѣлъ вырыть лабиринтъ, многочисленныя извилины котораго ему лишь одному были извѣстны. Туда онъ забирался играть въ карты, когда къ нему являлись неожиданные гости.

Въ двадцатыхъ годахъ въ обществѣ также много говорили про азарт-

ную игру извѣстнаго Толстого, американца; говорили, что игра его на самомъ дѣлѣ была безупречна. Толстой и самъ сознавался въ этомъ, отказавъ разъ своему пріятелю, князю С. Г. Волконскому, метать ему банкъ.

— Нѣтъ, мой милый, я васъ слишкомъ для этого люблю. Если бы вы сѣли играть, я увлекся бы привычкой исправлять ошибки фортуны.

Новосильцовъ приводитъ разсказъ, какъ Толстой сошелся съ Нащокинымъ, съ которымъ онъ не разставался по смерти и умеръ у него на рукахъ. Вотъ какъ описываетъ онъ первую встрѣчу друзей. Шла адская игра въ клубѣ; наконецъ, всѣ разѣхались, за исключеніемъ Толстого и Нащокина, которые остались за ломбернымъ столомъ. Когда дѣло дошло до расчета, Толстой объявилъ, что противникъ долженъ ему заплатить двадцать тысячъ.

— Нѣтъ, я ихъ не заплачу, сказалъ Нащокинъ:—вы ихъ записали, но я ихъ не проигралъ.

— Можетъ быть это и такъ, но я привыкъ руководиться тѣмъ, что записываю, и докажу это вамъ, отвѣчалъ графъ.

Онъ всталъ, заперъ дверь, положилъ на столъ пистолеть и прибавилъ:

— Онъ заряженъ, заплатите или нѣтъ?

— Нѣтъ.

— Я вамъ даю десять минутъ на размышленіе.

Нащокинъ вынулъ изъ кармана часы, потомъ бумажникъ и отвѣчалъ:

— Часы могутъ стоить пятьсотъ рублей, а въ бумажникѣ двадцати-пятирублевая бумажка, вотъ все, что вамъ достанется, если вы меня убьете, а въ полиціи вамъ придется заплатить не одну тысячу, чтобы скрыть преступленіе; какой же вамъ расчетъ меня убивать?

— Молодецъ! крикнулъ Толстой и протянулъ ему руку,—наконецъ-то я нашелъ человѣка!

Въ продолженіе многихъ лѣтъ друзья жили безотлучно, кутили вмѣстѣ, играли и попадали вмѣстѣ въ тюрьму.

Въ эти годы также много надѣлала шуму въ Москвѣ криминальная исторія, случившаяся во время азартной игры; виновникомъ оказался молодой адъютантъ начальника корпуса генерала Бороздина, извѣстный въ то время любимый композиторъ Алябьевъ; послѣдній игралъ въ карты на крупный кушъ съ княземъ N. въ домѣ не пользовавшагося хорошей репутаціей господина, слывшаго въ обществѣ подъ кличкой калмыка. Ал—ву везло очень; раздосадованный на неудачу князь крикнулъ на всю залу:

— Здѣсь навѣрняка играютъ, у васъ баломуть подтасованъ!

— Какъ баломуть? вскрикнули партнеры во главѣ съ Ал—ымъ.

Послѣдній въ азартѣ ударилъ шандаломъ по головѣ князя и прямо угодилъ въ високъ; послѣ удара князь не вставалъ и отдалъ Богу душу.

Ал—въ былъ судимъ и отправленъ въ каторжную работу въ Сибирь. На этотъ случай написанъ Писемскимъ романъ: «Масоны».

Пржеславскій въ своихъ воспоминаніяхъ упоминаетъ, когда при министрѣ внутреннихъ дѣлъ Перовскомъ начато было гоненіе на шулеровъ, то открыто было, что, кромѣ мелкихъ трактирныхъ и кабачныхъ искусниковъ, вращавшихся въ низшихъ слояхъ населенія, всему городу были извѣстны шулера высшаго полета, принимаемые въ обществѣ, какъ-то: гг. С., Г., Б., Л., К., Е., князь О., Г., К. и т. д. Нѣкоторые имѣли свои дома и давали вечера. Они-то постоянно обыгрывали Карабахскаго хана. Всѣ они были привлечены къ слѣдствію, но никто изъ нихъ не былъ пойманъ на дѣлѣ и никто не признался въ азартной игрѣ. А какъ это происходило въ то время, когда еще требовалось собственное признаніе, то слѣдствіе кончилось ничѣмъ. Въ производствѣ его наиболѣе замѣчательно было объясненіе одного изъ этихъ господъ С., который, какъ всѣмъ было извѣстно, все свое значительное состояніе пріобрѣлъ игрою. На допросѣ онъ показаль, что онъ не играетъ ни въ какую игру, а карты знаетъ только по пасьянсу, который часто раскладываетъ. Всѣ люди домашней прислуги подтвердили его слова. Но по обыску открытъ былъ большой сундукъ, стоявшій въ передней. Въ немъ оказалось большое количество картъ, углы и края которыхъ были загнуты въ видѣ паролей и на пз, что и составляло наглядное доказательство, что въ домѣ играли въ банкъ или въ штось. Но камердинеръ и тутъ нашелся. Онъ сказаль, что эти карты служили для чистки золоченыхъ пуговиць на фракахъ ихъ господина и то, что имѣло видѣ паролей, дѣлалось для охраненія самага платья отъ послѣдствій чистки.

Поводомъ гоненія и обнаруженія шаекъ петербургскихъ шулеровъ послужило слѣдующее обстоятельство. На углу Гороховой и Малой Морской, въ собственномъ домѣ, жила княгиня Голицына, мать тогдашняго московскаго генераль-губернатора, извѣстная въ высшемъ обществѣ подъ названіемъ «Princesse moustache». Она имѣла у себя перваго въ Петербургѣ повара француза, обѣды у нея считались самыми гастрономическими и нерѣдко на нихъ присутствовали высочайшія особы. Въ такихъ случаяхъ княгиня обыкновенно приказывала сервировать обѣду на серебрѣ, подаренномъ императоромъ Петромъ I одному изъ предковъ княжескаго дома. Разъ, когда высокопоставленное лицо должно было обѣдать у княгини, вошелъ къ ней дворецкій и, ставъ на колѣни, со слезами заявилъ, что историческій сервизъ не будетъ поданъ къ обѣду, потому что онъ заложилъ его въ ломбардѣ и не имѣетъ возможности выкупить; причиною этого поступка было, по словамъ виновнаго, то, что онъ, производя какую-то коммерцію, проторговался, закладомъ этимъ хотѣлъ поправить свои дѣла и тогда выкупить сервизъ. Княгиня тотчасъ же распорядилась о выкупѣ и сервизъ къ обѣду былъ готовъ, дворецкій былъ замѣщенъ другимъ, болѣе надежнымъ лицомъ, а вмѣстѣ

съ тѣмъ стало извѣстно, что онъ никакой торговли не производилъ, а игралъ въ карты и былъ обыгранъ шулерами; тогда же узнали, что игра производилась въ особыхъ комнатахъ трактира «Вѣна», напротивъ дома княгини Голицыной.

Описание одного петербургскаго игорнаго дома находимъ въ воспоминаніяхъ В. Н. Гетуна; послѣдній, еще молодой человекъ, былъ введенъ туда однимъ изъ пріятелей; тамъ металъ 25-ти-тысячный банкъ извѣстный въ то время игрокъ грекъ Полукучи; противъ него пункировало болѣе двадцати человекъ и всѣ, какъ и надо было ожидать, оставались въ проигрышѣ. Этотъ картежный домъ содержалъ нѣкто Смагинъ; тайны этого притона открылъ Гетуну нѣкто майоръ Гарновскій, который за большую картежную игру былъ высланъ изъ Петербурга и проживалъ въ Твери подъ надзоромъ полиціи. Этотъ Гарновскій впоследствии испросилъ разрѣшеніе возвратиться въ Петербургъ, съ обязаніемъ его подпискою, чтобы онъ впредь въ карты не игралъ; онъ признавался Гетуну, что онъ хотя въ домѣ Смагина не бываетъ, а барыши отъ игры получаетъ; онъ увѣрялъ, что между картежниками существуетъ своего рода честность и одного къ другому довѣренность, безъ чего компанія ихъ не могла бы существовать. Въ Москвѣ и въ Петербургѣ, лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, существовало три аристократическихъ картежныхъ дома—это были въ Петербургѣ дома гг. Ж. и Р. и въ Москвѣ Б. По разсказамъ, если въ Петербургѣ Ж. и Р. не успѣли обыграть когонибудь въ конецъ, то въ Москвѣ Б. пускать его просто по-міру, такъ велико было его искусство въ азартной игрѣ.

Шулера встарину жили широко и открыто; многочисленныя наши ярмарки были поприщемъ ихъ подвиговъ и богатою жатвою. Шулера ѣздили артелью, знакомились съ богатыми помѣщиками, питали также особенную привязанность къ ремонтерамъ и казначеямъ. Въ концѣ сороковыхъ и началѣ пятидесятихъ годовъ особенно часты были проигрыши казенныхъ денегъ; такъ, много шуму надѣлалъ въ свое время въ Петербургѣ проигрышъ 300,000 казенныхъ денегъ, сдѣланный чиновникомъ Управы Благочинія, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Клевенскимъ. Правда, часть этихъ денегъ онъ проигралъ не въ азартную игру, а въ преферансъ; въ выигрышѣ отъ него участвовали лица, прикосновенныя къ сферѣ бюстителей благочинія и были не кто иные, какъ полиціймейстеры 2 и 3 отдѣленій города Петербурга, полковники: Трубачевъ и Ломачевскій. Клевенскій былъ преданъ военному суду и приговоренъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и отдачѣ въ арестантскія роты, что были тогда въ городѣ Нарвѣ.

Другой случай проигрыша казенныхъ денегъ былъ сдѣланъ тайнымъ совѣтникомъ Политковскимъ; про роскошную жизнь послѣдняго разсказывали просто невѣроятныя вещи; по богатству его называли петербургскимъ Монтекристо. Видъ этого господина не представлялъ ничего

особеннаго; Политковскій былъ брUNETъ, низенькаго роста, довольно тучный, съ манерами въ высшей степени самоувѣренными. Онъ держалъ танцовщицу Волкову на содержаніи. Тогдашнее общество не допытывалось до источника дохода этого барина; все полагали, что тутъ главную роль играли карты. Политковскій долго гремѣлъ своимъ богатствомъ. Вдругъ въ одно прекрасное утро сдѣлалось извѣстнымъ, что въ инвалидномъ капиталѣ оказалось похищеніе нѣсколькихъ милліоновъ рублей. Въ дѣйствительности украдено было 1.100,000 рублей. Въ тайнѣ похищенія участвовали чиновники счетнаго отдѣленія: Путвинскій, Рыбкинъ и Таракановъ; довѣреннѣйшимъ лицомъ Политковскаго, собственно, былъ первый чиновникъ, страшный гуляка и забубенная голова. Дѣло, какъ ходили слухи, началось съ 10 тысячъ, которыя, при первой повѣркѣ invalidной суммы, на лицо не оказались. При извѣстіи объ этомъ, Политковскій заболѣлъ и, спустя нѣсколько дней, умеръ наканунѣ ревизіи. Слухи носились, что онъ отравился.

Послѣ проигрыша казенныхъ денегъ Политковскимъ, особенно строго стали слѣдить за игорными домами и картежниками; съ этого времени извѣстная въ Петербургѣ мѣстность, уголь Тюрeннаго переулка и Офицерской улицы, прозванная въ шутку игроками «Le passage des Termopiles», не стала уже по вечерамъ горѣть огнями въ двухъ угловыхъ домахъ и манить проѣзжающихъ по улицѣ то направо, то налево. Но расскажемъ, въ этихъ двухъ домахъ всевозможные приманки и соблазны были собраны для посѣтителей: груды золота, прелестныя женщины, дорогія вина и роскошныя яства, все было къ услугамъ посѣтителей. Игра здѣсь шла самая ужасная, самая адская. Извѣстно, что все игроки суевѣрны, а эта мѣстность— въ виду тюрьмы, Литовскаго замка, и жилища палача— считалась самою благополучною для игры. Какъ извѣстно, еще во времена процвѣтанія Венеціанской республики, такимъ суевѣріемъ не брезгали и на небольшой площадкѣ, противъ самаго дожевскаго дворца, гдѣ возвышаются колонны св. Марка и св. Феодора и гдѣ между этими колоннами предавались казни повѣшеніемъ все неполитическіе преступники, тамъ-то и было единственное счастливое мѣсто, гдѣ шла азартная игра и стояли золотыя столы съ грудамъ золота, за которыми совершенно спокойно сидѣли банкеты съ картами въ рукахъ, не пугаясь царствомъ палача.

О крупныхъ проигрышахъ, близкихъ къ нашимъ днямъ, мы могли бы рассказать цѣлую книгу. Много еще сравнительно не такъ давно говорили о большомъ выигрышѣ одного страстнаго игрока И., что взялъ въ часть милліонъ рублей съ одного одесскаго грека. Про этого героя зеленого поля рассказывали, что онъ держалъ у себя даже управляющаго имѣніемъ, тоже страстнаго игрока. Когда этотъ баринъ проигрывался, то посылалъ приказы въ деревню къ управляющему стричь овецъ. И разъ на такой приказъ долго не получалъ отвѣта. Когда же пришелъ отвѣтъ, то оказалось, что ни шерсти, ни овецъ уже не существуетъ и все про-

играно управляющимъ; на такую телеграмму была послана другая, лаконическая—«Кому»? Злые языки увѣряли, что когда баринъ узналъ имя счастливецъ, то поспѣшилъ самъ прїѣхать въ деревню и въ одинъ часъ отобрать отъ него все имъ выигранное и въдобавокъ заполучить и за безпокойство довольно крупную сумму. Я думаю, еще живы старожилы въ Варшавѣ, помнящіе проигрышъ цѣлаго города Д—ны, поставленнаго на одну карту княземъ Л—мъ, или въ Петербургѣ проигрышъ милліона рублей г. А—ою М—ву, или выигрышъ князя В. съ графа Ш. 225,000 руб., въ прихожей, въ шубѣ, при возвращеніи домой послѣ проведеннаго вечера за зеленымъ столомъ.

Заканчивая нашу статью, мы не можемъ не сказать, что страстные игроки были вездѣ и всегда. Но нигдѣ карты не были въ такомъ употребленіи какъ у насъ. Въ русской жизни карты, какъ говоритъ поэтъ Вяземскій,—одна изъ непреложныхъ и неизбѣжныхъ стихій. Но мы здѣсь говоримъ о мирной, такъ называемой коммерческой игрѣ, о карточномъ времяпровожденіи, свойственномъ у насъ всѣмъ возрастамъ, всѣмъ званіямъ и обоимъ поламъ. Одна русская барыня говорила въ Венеціи:

— Конечно, климатъ здѣсь хорошъ; но жаль, что не съ кѣмъ сразиться въ винтъ.

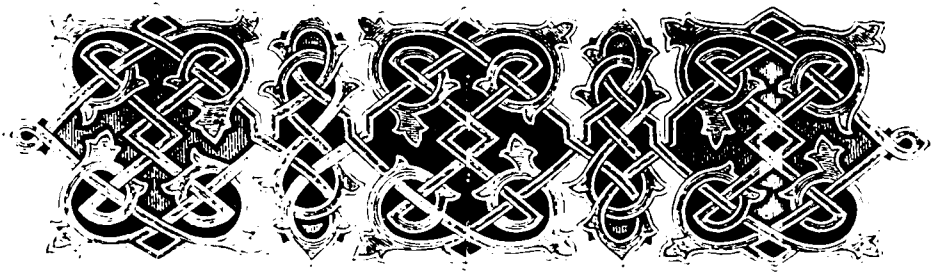
Другой нашъ соотечественникъ, который провелъ зиму въ Парижѣ, отвѣчая на вопросъ, какъ доволенъ онъ Парижемъ, отвѣчалъ:

— Очень доволенъ: у насъ каждый вечеръ были своя партія.

Карточная игра въ Россіи есть часто оселокъ и мѣрило нравственнаго достоинства человѣка. «Онъ пріятный игрокъ»—такая похвала достаточна, чтобъ благопріятно утвердить человѣка въ обществѣ.

Примѣты упадка умственныхъ силъ человѣка отъ болѣзни и отъ лѣтъ не всегда у насъ замѣчаются въ разговорѣ или на различныхъ поприщахъ человѣческой дѣятельности; но начини игрокъ забывать козыри—и онъ скоро возбуждаетъ опасеніе своихъ близкихъ и состраданіе общества. Карточная игра имѣетъ у насъ свой родъ остроумія и веселости, свой юморъ съ различными прибаутками и поговорками.

Моды и модники стараго времени.

I.

Гоненіе на модниковъ въ XVII вѣкѣ.—Стрижка и бритье волосъ.—Уборы женщинъ.—Боярскія ферязи, кафтаны, терлики и пр. — Нововведенія въ одеждѣ при Петрѣ I.—Поборники старинныхъ одѣяній.—Публичное осмѣяніе одеждъ и обычаевъ старины.—Историческіе модники: В. В. Голицынъ и М. П. Гагаринъ.

Въ XVII столѣтіи наша русская знать пріобрѣла большую склонность къ новомоднымъ платьямъ и прическамъ. Указомъ 1675 года стольникамъ, стряпчимъ и дворянамъ московскимъ и жильцамъ повелѣно было, «чтобъ они иноземскихъ, нѣмецкихъ и иныхъ избычаевъ не перенимали, волосовъ у себя на головѣ не постригали, такожъ и платья кафтановъ и шапокъ съ иноземскимъ образцомъ не носили и людямъ своимъ потому жъ носить не велѣли; а буде кто впредь учнетъ волосы постригать и платья носить съ иноземнаго образца, или такоежъ платье объявится на людяхъ ихъ, и тѣмъ отъ великаго государя быть въ опалѣ и изъ высшихъ чиновъ написаны будутъ въ нижніе чины».

Съ временъ татарскаго ига русскіе, по обычаю враговъ, плотно стриглись, а иногда даже и брили себѣ голову. Передъ каждымъ большимъ праздникомъ всѣ считали долгомъ непременно остричься. На обритуую голову надѣвали тафью (скуфью), на тафью—колпакъ, а на колпакъ—гарлатную шапку. Чѣмъ выше была шапка, тѣмъ знатнѣе былъ носившій ее. Шапку не скидали и въ присутствіи самого государя. Приходя домой, такой бояринъ шапку напяливалъ на болванецъ, расписанный нарядно иконописцами и составлявшій украшеніе въ домѣ. Попадавшіе въ царскую опалу или терявшіе близкихъ родныхъ отращивали на головѣ волосы въ знакъ печали. Волосы были такъ длинны, что висѣли по лицу и плечамъ. Женщины же, наоборотъ, въ знакъ печали остригали себѣ волосы. По понятіямъ вѣка, для замужней женщины считалось и

стыдомъ, и грѣхомъ оставлять напоказъ свои волосы: опростоволосить (открыть волосы) женщину было для нея большимъ безчестіемъ. По словамъ Костомарова, въ Новгородѣ вошло было даже въ обычай замужнимъ женамъ брить себѣ волосы, но этотъ обычай не одобрялся церковью. Правило скромности переходило въ щегольство, и нѣкоторыя женщины, укрывая волосы подъ волоснякомъ (скуфьей), стягивали ихъ такъ туго, что едва могли моргать глазами; это казалось имъ красиво. У дѣтей женскаго пола волосы всегда были острижены, точно какъ у мальчиковъ, и дѣвочку можно было узнать только по небольшимъ пучкамъ волосъ на вискахъ.

Русскія женщины не заботились ни объ изяществѣ формы, ни о вкусѣ, ни о согласіи цвѣтовъ въ одеждѣ, лишь бы блестяло и пестрѣло. Въ ихъ одеждахъ не было талии, онѣ были мѣшки. О томъ, чтобы платье сидѣло хорошо—не имѣли понятія. По мнѣнію русскихъ, красота женщины состояла въ толстотѣ и дородности; женщина стройнаго стана не считалась красавицею; напротивъ, ей предпочитали мясистую и тучную. По свидѣтельству иностранцевъ, русскіе считали особенною красотою, чтобы у женщины были продолговатыя уши и нѣкоторыя запясныя щеголихи вытягивали ихъ себѣ насильно.

На пестрыхъ платьяхъ женщинъ накладывалось множество украшеній; на шеѣ и на груди висѣло множество крестовъ на цѣпяхъ; на головѣ и по платью было нашито также много жемчуга. Платье Натальи Кирилловны, которое на нее надѣли послѣ взятія во дворецъ, было такъ тяжело, что у ней заболѣли ноги. На головахъ дѣвицъ были вѣнцы, имѣвшіе форму городовъ и теремовъ, съ жемчужными повязками. Въ торжественныхъ случаяхъ женщины, поверхъ своего и безъ того тяжелаго платья, надѣвали еще «подволоку или проволоку». Это былъ родъ богатой мантии изъ шелковой щербатой или бѣлой матеріи, но чаще золотой или сребротканой; края этой мантии были особенно нарядно разукрашены золотымъ шитьемъ, жемчугомъ и драгоценными камнями.

Не довольствуясь своими пестрыми и богатыми одеждами, русская женщина бѣлилась и румянилась такъ, что приводила въ смѣхъ иностранцевъ. Она такъ налѣпляла на лицо краски, что, по замѣчанію Олеарія, казалось, будто бы кто нибудь размалевалъ ихъ кистью. Этого мало: онѣ размалевывали себѣ шею и руки бѣлою, красною, голубою и коричневою красками, окрашивали рѣсницы и брови и притомъ самымъ уродливымъ образомъ—чернили свѣтлыя, бѣлили черныя. Красавицы, которыя сознавали за собою пригожесть, все-таки принуждены были это дѣлать, чтобы не подвергаться насмѣшкамъ.

Главнѣйшую часть убора, какъ женщинъ, такъ и дѣвицъ, составляли серьги и запястья или зарукавья. Первые обыкновенно бывали золотыя, длиною иногда дюйма въ два, всегда почти съ яхонтами, изумрудами или гіацинтами. Серьги носили и мужчины, но только въ одномъ ухѣ. Запястья были широкія серебряныя или золотыя очень искуснаго юве-

лирнаго дѣла съ жемчугами и драгоценными каменьями. Не послѣднее украшеніе были и кольца или перстни, и затѣмъ разнаго рода монеты и особенно жемчужины. Въ рукахъ у женщинъ былъ шелковый съ золотыми каймами и кистями платокъ, называемый ширинкою. Зонтики также у богатыхъ женщинъ были въ употребленіи: ихъ носили надъ ними рабыни.

Бояре еще въ первые годы царствованія Петра Великаго на мѣсто нынѣшнихъ мундировъ надѣвали богатые золотые, бархатные и объяристые фезези, въ которыхъ, по указу 1680 г., должны были являться ко двору. Фезезю называлось и женское платье; послѣднее онѣ носили съ поясомъ. Обыкновенно русскіе ходили безъ перчатокъ. Только цари и знатныя особы надѣвали «перчатныя рукавицы» и то зимою отъ холода; по величинѣ онѣ дѣлились на рукавицы и рукавки. Для мужскихъ одеждъ людей средняго состоянія употреблялась матерія зуфъ, родъ камлота; у людей богатыхъ наружная одежда была шелковая; тогдашній вкусъ требовалъ самыхъ яркихъ цвѣтовъ—черные и темные цвѣта употреблялись только въ печальныхъ случаяхъ или такъ называемыхъ смирныхъ одеждахъ, т. е. траурныхъ. По понятіямъ вѣка, яркіе цвѣта внушали уваженіе и потому начальствующія лица, по приказу царя, рядились въ такія цвѣтныя одежды. Преобладающій цвѣтъ въ народѣ былъ красный и особенно красно-фіолетовый (червчатый); даже духовныя особы носили рясы красныхъ цвѣтовъ.

Богатые и чиновные люди на лѣтній терликъ надѣвали охабень (послѣдній былъ измѣненъ при царѣ Θεодорѣ Алексѣевичѣ и строго было приказано въ немъ не пускать не только во дворецъ, но и въ городъ Кремль) или обнорядокъ, очень длинный съ рукавами и капишономъ, богато убранный жемчугомъ. Поверхъ его вельможи, выходя изъ дому, надѣвали длинный кафтанъ камлотовый, очень похожій на охабень, только безъ капишона и воротника. Голый затылокъ русскихъ бояръ закрывался стоячимъ воротникомъ, шириной отъ трехъ до четырехъ пальцевъ; послѣдній былъ унизанъ жемчугомъ и драгоценными камнями. Воротники даже у самыхъ рубахъ были безъ складокъ около шеи; послѣдніе всегда искусно вышивались, потому что предки наши дома ходили въ однѣхъ рубашкахъ. Сверхъ рубашки носили легкое шелковое платье, съ пуговицами, длиною до колѣнъ. На него надѣвали кафтанъ узкій съ пуговицами, подпоясанный персидскимъ кушакомъ, за который затыкали ножъ или кинжалъ. Кафтаны обыкновенно были бархатные, объяри или сукна кармазнаго цвѣта, иногда же изъ золотой парчи.

Между богатыми старинными одеждами были извѣстны еще фюфудіи или съ поясами кафтаны; затѣмъ родъ шубъ, которыя употребляли цари на охоту подъ названіемъ «бостроги или терлики», послѣдніе были бархатные съ золотыми шнурами и кистями на лучшихъ соболяхъ или чернобурыхъ лисицъ. Между княжескими одеждами были извѣстны еще кожихи или шуба русская. Такъ о царѣ Михаилѣ Θεодоровичѣ сказано:

нарядившись въ коужуъ золотной аксамитной на соболяхъ да въ шубу русскую соболью, крыта бархатомъ золотнымъ, заматавъ полы назадъ за плеча (описание торжества при бракосочетаніи царя Михаила Ѳеодоровича, стр. 36). Въ военное время употребляли родъ епанчи, называвшейся въ древности корзнь.

Исподнее платье шивали атласное бѣлое, или изъ золотой парчи. Бояре, какъ мы выше уже говорили, на голову надѣвали высокія, дорогія гарлатныя шапки—верхъ шапокъ бывалъ парчевый или бархатный и исподъ изъ собелей или рысей. Шапка унизывалась жемчутомъ и на верху ея дѣлывались кисти, иногда съ дорогими каменьями. Обыкновенно же въ первые годы царствованія Петра Великаго бояре носили черное бархатное платье, по краямъ унизанное жемчутомъ и драгоценными камнями.

Къ числу старинныхъ нарядовъ надо причислить и ожерелья, которыя носили особы царскаго рода. Лжедмитрій, въѣзжая въ первый разъ въ Москву въ 1605 году, имѣлъ на шеѣ у себя ожерелье, которое тогда цѣнили въ сто пятьдесятъ тысячъ червонныхъ.

Принятіе разныхъ нововведеній въ одежду приписываютъ Петру Великому; но еще ранѣе его, царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, женатый на Агафѣѣ Семеновнѣ, изъ польскаго рода Грушецкихъ, въ угоду послѣдней, какъ передають лѣтописцы, снялъ съ себя и съ бояръ женскіе охабни, велѣлъ стричь волосы, брить бороду и ходить по-польски—съ саблей и носить кунтушъ. Царь только одного не дѣлалъ: не брилъ бороды, и то потому, что у двадцатилѣтняго монарха борода еще не показывалась. Но на бороду гоненіе было еще ранѣе Ѳеодора Алексѣевича. Во время татарскаго владычества начало было входить въ обычай бритье бородъ и великій князь Василій Ивановичъ послѣдовалъ этому обычаю; это обыкновеніе продолжалось до Іоанна Васильевича; съ его царствованія духовенство вопіяло противъ бритья и Стоглавъ предалъ неблагословенію церкви дерзавшихъ отступать отъ дѣдовскаго обычая. Подъ вліяніемъ церкви,—какъ говоритъ Костомаровъ,—борода долго сохранялась и почиталась необходимою принадлежностью человѣка и если у кого отъ природы не росла борода, къ тому имѣли недовѣріе и считали его способнымъ на дурное дѣло—и всѣ тогда носили бороды, и тѣмъ бороды были длиннѣе, тѣмъ осанка человѣка считалась почтеннѣе и величественнѣе. Богатый человѣкъ ходилъ ее, берегъ и расчесывалъ гребешкомъ изъ слоновой или моржевой кости. Царь Борисъ Годуновъ, стараясь ввести многіе нѣмецкіе обычаи, приказывалъ тоже брить бороды, но приказъ этотъ плохо привился, и только Петръ Великій почелъ нужнымъ истребить наружные знаки, отличавшіе всѣхъ подданныхъ его отъ иностранцевъ, т. е. длинныя платья и бороды. Въ 1699 году вышелъ указъ царя, по которому, исключая крестьянъ, монаховъ, священниковъ и дьяконовъ, всѣмъ велѣно было брить бороды. Въ 1705 году повелѣлъ государь платить за бороды пошлину—послѣдняя была слѣдующихъ

размѣровъ: царедворцамъ и другимъ чиновникамъ—по 60 руб., гостямъ первой статьи—по 100 руб., средней и меньшей статьи гостиныя сотни, торговымъ и посадскимъ первой статьи—по 60 руб., средней и меньшей статьи боярскимъ людямъ, ямщикамъ, извозчикамъ и церковникамъ (кромѣ поповъ и дьяконовъ) и всѣмъ прочимъ, кромѣ хлѣбопашцевъ въ деревняхъ живущихъ—по 30 руб. въ годъ. Вносившимъ эту бородовую пошлину, вмѣсто квитанціи, давали мѣдные знаки. Съ этого времени у насъ стали употреблять прическу волосъ, пудру, помаду, носить парики и въ это же время вошли въ моду шляпы и картузы.

Въ 1699 году вышелъ указъ: всѣмъ, за исключеніемъ поповъ, дьяконовъ, монаховъ и крестьянъ, носить платье европейскаго фасона; въ первое время государь приказалъ носить венгерское платье, но потомъ отмѣнилъ это и приказалъ носить мужчинамъ верхнее — саксонское и французское, а камзолъ и нижнее платье—нѣмецкое, а женщинамъ приказалъ нарядиться въ нѣмецкое платье. Но чтобы повелѣніе это исполнялось точно, на ослушниковъ наложилъ штрафы, и на городскихъ заставахъ въ воротахъ повелѣлъ всякаго, кто окажется въ русскомъ платьѣ и бородѣ, брать съ пѣшихъ по сорока копѣекъ, а съ конныхъ—по два рубля съ человѣка. Въ это же время повелѣно было въ лавкахъ русскаго платья не продавать и портнымъ такого не шить, подъ опасеніемъ наказанія.

Съ этого также времени вошли въ употребленіе галстуки и манжеты, а между женщинами—кофты и юбки.

Относительно обуви старину уже извѣстна была нѣкоторая роскошь; такъ, богатые носили сапоги съ серебряными подковами и гвоздями, унизанные по швамъ, на носкахъ и каблукахъ жемчугомъ, а иногда и драгоценными камнями. При царѣ Михаилѣ Феодоровичѣ люди обоюго пола нашивали короткіе сапоги сафьяновые или другой цвѣтной кожи, унизанные тоже жемчугомъ. Съ самаго начала прошедшаго столѣтія начали уже носить у насъ, по примѣру иностранцевъ, башмаки и на нихъ серебряныя пряжки, иногда тоже унизанныя брилліантами или другими драгоценными камнями.

Петръ Великій строго смотрѣлъ, чтобы не носили старинную одежду, и только предоставлялъ рядиться въ старинный нарядъ одному князю-кесарю Ромадановскому. Послѣдній по одеждѣ, обычаямъ и роду своей жизни служилъ сатирой на старое время.

Князь Ромадановскій отличался безкорыстіемъ и честностью. Нартовъ рассказываетъ, что когда Петръ I, объявивъ войну шведамъ, сильно печалился о томъ, что у него нѣтъ денегъ и хотѣлъ уже обобрать всѣ монастырскія сокровища, то Ромадановскій передалъ царю громадное количество серебряной монеты и голландскихъ «фимковъ». Деньги эти, съ грудями серебряной и позолоченой посуды, были на храненіи у Ромадановскаго, но никто не зналъ объ этомъ—такъ какъ царь Алексѣй

Михаиловичъ приказывалъ Ромадановскому сбергать и деньги и посуду въ особой камерѣ при тайной канцеляріи и выдать сохраняемыя тамъ деньги только въ случаѣ войны, при самой крайней необходимости. Если бы Ромадановскій желалъ ими воспользоваться, то онъ могъ бы это сдѣлать безъ всякой отвѣтственности.

Въ вѣкъ преобразованія Россіи Петромъ I, борьбы старины съ новизной, осмѣянія древнихъ причудливыхъ нарядовъ, обычаевъ и обрядовъ (не разъ производившагося публично) — такъ описываетъ Желябужскій, современникъ такихъ случаевъ—въ мельчайшихъ подробностяхъ былъ выполненъ, въ 1702 году, старинный обрядъ трехдневнаго празднованія свадьбы «остроумнолюбіаго Феофилакта (Ивана) Шанскаго, многотѣшнаго шута и смѣхотворца, женившагося, въ 1702 г., на сестрѣ князя Ю. Ѳ. Шаховскаго. Самъ императоръ принималъ участіе въ такомъ шествіи, имъ затѣянномъ и устроенномъ по его вкусу къ подобнымъ потѣхамъ. Тамъ онъ былъ одѣтъ по-старинѣ, въ бархатный опашень, въ охабень изъ вишневоѣ ауфи, сверхъ его ферязь камчатная; на головѣ была шапка жаячья, черная; на ногахъ сапоги желтые, сафьянные. Въ свадебномъ поѣздѣ были бояре съ боярынями, окольнічіе, думные стольники и дьяки въ мантияхъ, ферязяхъ и гарлатныхъ шапкахъ. Лицо царя представлялъ князь-кесарь Ромадановскій, въ старинной царской одеждѣ; лицо царицы—жена Бутурлина; патриарха—князь-папа, прозванный также патриархомъ Пресбургскимъ, Заяузскимъ и всего Кокуя (т. е. Нѣмецкой слободы)—учитель Петра I, Зотовъ».

«Первая ночь у новобрачныхъ, говоритъ Желябужскій, была на башнѣ у Курятныхъ воротъ и тутъ пили три дня. Настоятельно подчивали же гостей, по старинѣ, только горячимъ виномъ и крѣпкимъ пивомъ и медомъ. Самъ государь при этомъ острилъ, обращаясь къ поборникамъ старины, употреблявшимъ эти напитки, «а старинные обычаи всегда лучше новыхъ» и т. д. Послѣдствія такого подчиванья для нѣкоторыхъ были печальны.

Въ другой разъ въ Москвѣ, въ 1715 году, Петръ Великій опять осмѣялся надъ старыми нарядами русскими и въ декабрѣ назначилъ уличный маскарадъ, въ которомъ, начиная отъ самаго именитѣйшаго лица и до простаго смертнаго, всѣ были одѣты въ курьезныя старинныя платья. Такъ, въ числѣ «дамскихъ персонъ» была Бутурлина въ нагольной шубѣ и лѣтникѣ; князь-игуменья Ржевская—въ шубѣ и телогрѣѣ. Въ рукахъ у этихъ лицъ былъ какой нибудь инструментъ, гудокъ или балалайка. Такъ смѣялся преобразователь Россіи надъ старыми обычаями и нарядами. Въ ряду историческихъ модниковъ рѣдко выдѣляются двѣ личности: князь Василій Васильевичъ Голшцынъ и князь Матвѣй Гагаринъ. Первый изъ нихъ—сынъ боярина князя Василья Андреевича, получилъ въ свое время почти необыкновенное образованіе—онъ говорилъ на трехъ языкахъ: латинскомъ, греческомъ и нѣмецкомъ. Началъ онъ службу при дворѣ царя Феодора стольникомъ и чапникомъ. Когда Ланевинъ пред-

ставлялся ко двору, то Голицынъ говорилъ съ нимъ по-латыни. По словамъ современниковъ, онъ отличался «умомъ, учтивостью и великолѣпиемъ» и терпѣть не могъ горячихъ напитковъ. Внѣшностью онъ былъ красавецъ и прибѣгалъ къ такимъ косметикамъ, употребленіе которыхъ у мужчинъ кажется смѣшнымъ. Такъ, онъ румянился и бѣлился, завивалъ усы, ходилъ разными спеціями свою небольшую свѣтлую бороду. Одѣвался въ атласный бирюзоваго цвѣта кафтанъ на соболяхъ, расшитый золотомъ и унизанный жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. Боярская его шапка стоила болѣе десяти тысячъ червонцевъ; она была изъ рѣдкаго, такъ называемаго, краснаго соболя или, вѣрнѣе, бѣлаго. Каменный домъ его, въ Москвѣ, не уступалъ убранствомъ своимъ лучшимъ дворцамъ Европы; онъ вмѣщалъ богатую коллекцію картинъ извѣстнѣйшихъ иностранныхъ живописцевъ; стѣны палатъ были обиты богатыми тканями, потолки были зеркальные или росписные. Крыша дома была мѣдная и горѣла на солнцѣ отъ чистоты, какъ золотая. Существуетъ преданіе, что онъ на Москвѣ первый далъ примѣръ богатымъ строить каменные дома. Библіотека Голицына въ свое время была изъ рѣдчайшихъ въ Россіи. Онъ первый выписалъ изъ Греціи 20 докторовъ. Этотъ всеильный вельможа, во время правленія царицы Софіи, думалъ содержать министровъ при главнѣйшихъ дворахъ европейскихъ. Онъ широко заботился о просвѣщеніи, убѣждалъ бояръ, чтобы они обучали дѣтей своихъ, отправляя въ Польшу и другія государства. Голицынъ приглашалъ къ себѣ иностранцевъ-наставниковъ и звалъ всѣхъ иноземцевъ въ Россію; онъ хотѣлъ ввести свободное вѣроисповѣданіе. Часто устраивалъ у себя ученыя бесѣды, особенно съ іезуитами, которыхъ изгнали изъ Москвы на другой день паденія Голицына. Голицынъ собралъ записки о состояніи и образѣ правленія разныхъ государствъ. Онъ первый построилъ отъ Москвы до Тобольска на каждыя пятидесяти верстахъ избы для крестьянъ, снабдивъ каждаго хозяина тремя лошадьми, съ условіемъ, чтобы ихъ содержали въ всегдашнемъ комплектѣ и взимали съ профѣзжающихъ за десять верстъ по три копѣйки на лошадь; онъ же велѣлъ разставить по дорогамъ длинные шесты во всей Россіи вмѣсто верстъ. Василія Голицына современники за дѣла называли «великимъ». Но, обладая просвѣщеннымъ умомъ, онъ не могъ освободиться отъ предрасудковъ своего вѣка. Такъ, однажды находившійся въ свитѣ его дворянинъ Бунаковъ, шедшій за нимъ по улицѣ, внезапно упалъ въ припадкѣ падучей болѣзни и, по суевѣрію, взялъ съ того мѣста горсть земли, которую завязалъ въ платокъ. Голицынъ, сочтя Бунакова чародемъ, велѣлъ пытать за то, что онъ «вынималъ», будто бы, «слѣдъ его для порчи». Также по его приказанію сожжены живымъ въ Москвѣ на болотѣ, при многочисленной толпѣ народа, мечтатель Квиринъ-Кульманъ за ересь. Но при такихъ отрицательныхъ качествахъ Голицыну приписываютъ въ Москвѣ и такія великолѣпныя вещи, какъ постройку деревянныхъ мо-

стовыхъ на Москвѣ, сооруженіе зданій въ Кремлѣ, посольскаго приказа, постройку великолѣпныхъ каменныхъ палатъ для присутственныхъ мѣстъ, затѣмъ Каменнаго моста на Москвѣ-рѣкѣ о двѣнадцати аркахъ. Постройка этого моста казалась въ свое время какимъ-то чудомъ. Изобрѣтателемъ и зодчимъ моста, по народному преданію, былъ какой-то монахъ, котораго имя, къ сожалѣнію, неизвѣстно. Вбивши дубовыя сваи въ русло рѣки и настлавъ ихъ брусьями, онъ выводилъ на нихъ каменное зданіе. Это сооруженіе по тому времени казалось столь дорогимъ, что даже вошло въ народную поговорку: «Дороже каменнаго моста».

По рассказамъ современниковъ, Голицынъ выводилъ въ чины людей ничтожныхъ (?), уважая въ нихъ истинное достоинство, и не любилъ бояръ, когда, съ знатнымъ происхожденіемъ, они были бесполезны для отечества. Но его инициативѣ было уничтожено мѣстничество въ Россіи и преданы огню книги, причинявшія раздоръ между семействами и вредъ службѣ. Голицынъ кончилъ свою карьеру очень печально. По волѣ Петра, ему былъ прочтенъ приговоръ; главныя вины его были, что онъ и приверженцы его докладывали царевнѣ, а не государямъ всѣ государственныя дѣла, писали отъ нихъ грамоты и печатали имя Софін въ книгахъ безъ соизволенія царскаго, что отъ неудачныхъ походовъ въ Крымъ Голицына казна понесла великіе убытки. За всѣ эти преступленія велѣно: отнять у Голицына боярство и чины и сослать въ городъ Яренскъ (Вологодской губерніи) и отписать на имя государей всѣ помѣстья, дома и пожитки. При описи найдено было въ его сундукѣ 100 тыс. червонцевъ и 400 пуд. серебряной посуды, кромѣ разныхъ монетъ. Князь Голицынъ умеръ въ ссылкѣ въ Пинегѣ 80-ти лѣтъ.

Другой такой модникъ въ Петровское время былъ князь Матвѣй Петровичъ Гагаринъ, сибирскій губернаторъ въ г. Tobольскѣ. Этотъ вельможа удивлялъ всѣхъ своею царскою пышностью. Онъ въ первое время пользовался большимъ довѣріемъ императора и потому почти самовластно управлялъ такою обширною и богатою странною, какъ Сибирь.

У него за столомъ подавали кушанья на пятидесяти серебряныхъ блюдахъ; самъ же онъ ѣлъ только на золотыхъ тарелкахъ. Колеса его кареты были также серебряныя и лошади подкованы серебряными и золотыми подковами. Парадный мундиръ князя Гагарина былъ залитъ алмазами. Пряжки его башмаковъ стоили десятки тысячъ. Князь былъ видомъ очень невзрачный: невысокаго роста, черноватый, съ быстрыми движеніями.

Князь Гагаринъ выстроилъ въ Москвѣ, въ Бѣломъ городѣ, обширныя и роскошныя палаты, гдѣ стѣны были зеркальныя, а потолоки изъ стекла, на которыхъ плавали въ водѣ живыя рыбы. Эти великолѣпныя палаты, на образецъ венеціанскихъ, воздвигнуты были, вѣроятно, по проекту какого нибудь иностраннаго архитектора. Четырехъ-этажныя комнаты выходили фасадомъ на Тверскую улицу, образуя порталъ съ двумя

павильонами; въ уступахъ между ними, въ аркахъ, устроена была открытая терраса съ баллюстрадаю.

Въ бель-этажѣ у портала и обоихъ павильоновъ висѣли балконы изъ бѣлаго камня, украшенные вычурною рѣзбою. Наличники и сандрики надъ окнами состояли изъ орнаментовъ, искусно высѣченныхъ изъ камня. Надъ подъездными воротами видно было клеймо, увѣнчанное княжескою короною и запечатлѣнное слѣдующею надписью: «Боже, во имя Твое спаси».

Изъ бель-этажа на улицу, по обѣ стороны воротъ, были красивыя крыльца съ оборотами, съ фигурами, баллюстрадами и т. д. На заднемъ фасадѣ дома на дворѣ былъ длинный балконъ съ художественными орнаментами.

Внутреннее великолѣпіе палатъ соответствовало и внѣшнему: разнаго рода дорогое дерево, мраморъ, хрусталь, бронза, серебро и золото, все было употреблено на украшеніе покоевъ. Зеркальные потолки отражали въ себѣ блескъ жирандольей, люстръ, канделябръ, въ висячихъ большихъ хрустальныхъ сосудахъ плавали живыя рыбы; разноцвѣтные наборные полы представляли узорчатые ковры. Одни оклады образовъ его въ спальнѣ, осыпанные брилліантами, стоили по оцѣнкѣ тогдашнихъ ювелировъ болѣе 130 тыс. руб. Въ числѣ его несметныхъ сокровищъ былъ самый драгоцѣнный изъ всѣхъ донынѣ извѣстныхъ въ цѣломъ свѣтѣ рубинъ, привезенный ему изъ Китая. Сынъ этого князя, путешествовавшій за границу, такъ сорилъ деньгами, что его иностранцы прозвали набобомъ.

Князь Гагаринъ былъ уличенъ Петромъ I въ лихоимствѣ и повѣшенъ на площади передъ Сенатомъ, на страхъ другимъ, не унимавшимся въ то время лихоимцамъ, и все его имѣніе было конфисковано. Нѣсколько тысячъ крестьянъ, принадлежавшихъ ему, были отданы производившему надъ нимъ слѣдствіе Егору Пашкову, потомство котораго отъ этого и заняло впослѣдствіи видное мѣсто между богатыми фамиліями.

II.

Выѣзды бояръ.—Поѣзда архіереевъ.—Мода на кареты.—Великолѣпная карета Разумовскаго.—Бѣзда съ форейторами.—Петиметры и амурицки.—Блескъ двора при императрицахъ Аннѣ и Елисаветѣ.—Разказы Миниха и Маиштейна.—Модныя лавки и волосочесы.—Парикмахеръ Леонарь.—Пудра, букли и парики.—«Красныя каблучки».—Модныя дома вельможъ и богачей.—Старый дворянскій бытъ.

Встарину при московскихъ царяхъ вся роскошь богатыхъ придворныхъ бояръ обращалась на выѣзды и конскіе уборы: арчаки и сѣдла украшались драгоцѣнными камнями, стремена иногда дѣлались золотыя, попоны, шитыя золотомъ и серебромъ, унизанныя жемчугомъ. Такіе уборы сохранялись въ богатыхъ семействахъ по десяткамъ лѣтъ и

переходили изъ рода въ родъ. Конями особенными русскіе не славились; лошади въ употребленіи были татарскія, пригоняемыя во множествѣ изъ Астрахани. Щеголяли лошадьми русскіе, особенно бѣлыми. Бояринъ въ древности ѣхалъ ко двору со звономъ бубенцовъ и грохотомъ литавръ; у верховой лошади на ногахъ, сверхъ копытъ, привѣшивали маленькіе колокольчики, а сзади у сѣдла прикрѣпляли небольшія литавры, мѣдныя или серебряныя: всадникъ ударялъ въ нихъ бичемъ для возбужденія охоты въ лошади и для того, чтобъ проходящіе давали дорогу. Такія поѣздки по улицамъ запретилъ Петръ Великій. Въ XVII вѣкѣ стали ѣздить у насъ въ каретахъ въ нѣсколько лошадей и зимою, и лѣтомъ. Въ 1681 году было указано, что только бояре могутъ ѣздить на двухъ лошадяхъ, а въ праздники—на четырехъ, во время же свадебъ и сговоровъ—на шести. Всѣ прочіе, не исключая и стольниковъ, должны ѣздить лѣтомъ неспремѣнно верхомъ, а зимою—въ саняхъ на одной лошади. Олеарій говоритъ, что ѣзда въ саняхъ считалась почетнѣе ѣзды на колесахъ; въ торжественныхъ случаяхъ сани употреблялись и лѣтомъ, особенно духовными лицами. Такъ, патриархъ іерусалимскій, пріѣзжавшій въ Москву для посвященія въ патриархи Филарета, ѣхалъ въ Успенскій соборъ въ саняхъ, хотя это было 24-го іюня. Архіерей обыкновенно ѣзжали къ обѣднѣ въ саняхъ и лѣтомъ, какъ и зимою, спереди служка несъ посохъ, позади также шли служки. Колымага или карета единственно употреблялась для двора, въ нихъ запрягалось по шести и болѣе лошадей. Чтобы имѣть понятіе о древнихъ нашихъ каретахъ, опишемъ одну изъ нихъ, которую царь Борисъ Годуновъ послалъ въ подарокъ жениху дочери своей, датскому принцу Іоанну: «Возокъ 6 лошадей сѣрыхъ, шлен на нихъ червчатая, у возку желѣзо посребрено, покрытъ лазоревымъ сафьяномъ, а въ немъ обито камкою пестрою; подушки въ немъ лазоревы и червчаты, а по сторонамъ писанъ золотомъ и разными красками; колеса и дышло крашены». Встарину подарки экипажами у коронованныхъ особъ были самыми излюбленными. Такъ, англійская королева Елисавета прислала Годунову карету, обитую бархатомъ. Въ богатой же каретѣ, въ 1606 году, вѣзжала въ Москву Маріна Мнишекъ; карета была обита снаружи алымъ сукномъ, а внутри—краснымъ бархатомъ, подушки были парчевыя, унизанныя жемчугомъ. Эта драгоцѣнная карета была запряжена, по словамъ лѣтописцевъ, двѣнадцатью чубарыми жеребцами, до того искусно подобранными, что, не смотря на пестроту шерсти, трудно было отличить одну лошадь отъ другой. При этомъ выгѣздѣ была и коляска, запряженная шестернею.

Впослѣдствіи, какъ увидимъ, мода на роскошные экипажи не имѣла уже границъ. Въ царствованіе же Петра I въ Петербургѣ каретъ было очень немного, и во всемъ городѣ только одна наемная, которою иногда пользовались пріѣзжіе иностранцы. При Аннѣ Іоанновнѣ, какъ выражается Щербатовъ, «экипажи тоже великолѣпіе восчувствовали», явились

кареты позлащенные, съ точеными стеклами, обитыя бархатомъ, съ золотыми и серебряными бахрамами и съ шелковыми кутасами; богатые ливреи, лучшія лошади, серебряныя и позолоченыя шоры. При Елисаветѣ Петровнѣ экипажи богачей блистали золотомъ; дорогія лошади были не столько удобны къ ѣздѣ, сколько для вида. Золоченыя колеса, красная сафьяновая сбура съ вызолоченнымъ наборомъ, кучера въ бархатныхъ кафтаняхъ, съ бобровою опушкою, являлись на улицу при ежедневныхъ выѣздахъ богатыхъ. Въ торжественные же дни поѣздъ снаряжался еще великолѣпнѣе: у нѣкоторыхъ богатыхъ господъ парадныя кареты съ зеркальными стеклами были вызолочены снаружи; цугъ отличныхъ коней съ кокардами и бантами на головахъ. Кучера безъ бородъ, но съ усами, въ треугольныхъ шляпахъ, пудренные, съ косами; позади каретъ стояли рослые гайдуки, одѣтые егерями или гусарами; впереди кареты бывали скороходы, и они, опираясь на длинныя булавы, дѣлали размашистые скачки; одѣты были эти бѣгуны въ легкія куртки съ ленточными бантами на колѣнкахъ и локтяхъ; такой нарядъ они носили и въ самые сильные морозы; на головахъ у нихъ были бархатныя шапочки съ кистями и страусовыми перьями. Владѣльцы этихъ скороходовъ употребляли ихъ не только для парада, но и вмѣсто почты. Въ описываемые годы жилъ въ Москвѣ, на Басманной, С. К. Нарышкинъ, слышій первымъ щеголемъ въ свое время. Онъ ко дню бракосочетанія Петра III выѣхалъ въ богатой золотой каретѣ, въ которой вездѣ были вставлены зеркальныя стекла, даже на колесахъ; карета эта стоила ему около тридцати тысячъ рублей. Кафтанъ у Нарышкина былъ шитый серебромъ, на спинѣ его было вышито дерево, сучья и листья котораго расходились по рукавамъ.

Въ блестящій вѣкъ Екатерины II уже при дворѣ и у нашихъ вельможъ появляются кареты, по цѣнѣ стоящія наравнѣ съ населенными имѣніями; на дверцахъ иной раззолоченой кареты пишутъ пастушечьи сцены такіе великіе художники, какъ Вато или Буше. Императрица Екатерина II получала даже въ подарокъ драгоцѣнныя кареты, украшенныя, помимо живописи, драгоцѣнными камнями; одну такую ей шлетъ Людовикъ XVI и другую великолѣпную двумѣстную карету посылаетъ ей Фридрихъ Великій. Въ это время безумная мода на кареты доходитъ до того, что Андрей Кирилловичъ Разумовскій заказываетъ карету для своего отца въ Лондонѣ, цѣною въ восемнадцать тысячъ рублей; за одно показаніе ея мастеръ собираетъ сумму въ нѣсколько тысячъ руб. По привозѣ этой кареты, Павелъ Петровичъ велитъ привезти ее на Каменный островъ для осмотра. Въ концѣ царствованія стали ѣздить въ каретахъ шестерникомъ съ двумя форейторами «на уносъ»; передовой форейторъ, трогаясь отъ крыльца дома, при разѣздахъ кидался какъ уторѣлый: ему вмѣнялось въ обязанность непременно вывезти перваго съ бала своего барина, хотя бы въ разбитой каретѣ. При такихъ разѣздахъ общая

свалка и давка доходили до невѣроятія; не только въ дребезги ломали экипажи, но давили на-смерть лошадей и людей; послѣ каждаго бала, если крѣпостные кучера кого нибудь задавили, то хвастались, какъ будто выигранной побѣдой.

При вступленіи на престолъ Павла I, варварская мода ѣзды съ фореиторами пріутихла, но за то съ воцареніемъ императора Александра I вновь появилась старая упряжь, съ кучерами въ русскихъ армякахъ и фореиторами. Особенно щеголяли такими закладами въ Москвѣ. Жихаревъ рассказываетъ, что въ 1805 году подъ Новинскимъ, въ числѣ такихъ упряжекъ, обращала на себя вниманіе карета, чрезвычайно нарядная, какого-то Павлова: голубая, съ позолоченными колесами и рессорами, соловья лошади съ широкими проточинами и съ гривами по колѣно, въ бархатной пунцовой, съ золотымъ наборомъ сбруѣ. Коренныя, какъ львы, на позолоченныхъ цѣпяхъ, а подручныя на кубертахъ. Старомодныя кареты попадались еще въ Москвѣ въ сороковыхъ годахъ; такъ, въ эти годы еще жила фрейлина Екатерины II, княжна П. М. Долгорукова, которая ѣздила въ двумѣстной каретѣ, которая имѣла видъ вѣера (*en forme d'éventail*). Въ Екатерининское время прогулки въ экипажахъ ежедневно дѣлались у Гостинаго двора. Здѣсь, на Ильинкѣ, около лавокъ, можно было встрѣтить всю аристократію; всѣ волокиты въ то время назначали свиданія. На это купцы неоднократно жаловались царигѣ, говоря: «что петиметры и амурчики только галантоняютъ» и мѣшаютъ имъ продавать. Пріѣзды на прогулки въ эти мѣста нашихъ баръ отличались большою торжественностью. Большія высокія кареты, съ гранеными стеклами, запряженныя цугомъ большихъ породистыхъ голландскихъ лошадей, всѣхъ мастей, съ кокардами на головахъ, кучера въ пудрѣ, гусары, егеря сзади и на запяткахъ, съ скороходами, бѣжавшими впереди экипажа; берлины, съ боковыми крыльцами, широкія сани съ полостями изъ тигровыхъ шкуръ, возницы, фореиторы въ треуголкахъ съ косами, вооруженные длинными бичами. Чинные и важные поклоны, привѣты рукой, реверансы и всякія другія учтивости по этикету того времени представляли довольно театральную картину на улицахъ Москвы и Петербурга.

Роскошь и блескъ нашего двора начинаются со временъ Анны Іоанновны; чтобы быть на хорошемъ счету у государыни, тогда требовалось расходовать очень большія суммы, и чтобы не затеряться въ раззолоченной толпѣ, наполнявшей дворцовыя апартаменты, человекъ, не обладавшій милліонами, неминуемо долженъ былъ продавать ежегодно не одну сотню «душекъ», по нѣжному выраженію маіора Данилова. Придворныя чины, по словамъ Миниха-сына, не могли лучшаго сдѣлать императрицѣ уваженія, какъ если въ дни ея рожденія, тезоименитства и коронаціи пріѣзжали въ новыхъ платьяхъ во дворецъ. Манштейнъ въ своихъ запискахъ пишетъ: «придворный, тратившій на свой туалетъ въ годъ не болѣе 3 тысячъ рублей, былъ почти незамѣтенъ».

Блескъ двора Елисаветы Петровны былъ еще болѣе изумителенъ; даже французы, привыкшіе къ блеску своего версальскаго двора, не могли надивиться роскоши нашего двора. Щегольство и кокетство дамъ нашихъ было въ большомъ ходу, и всѣ женщины только и думали, какъ бы перещеголять другъ друга. Елисавета сама подавала примѣръ щегольства; такъ, во время пожара въ Москвѣ, въ 1753 году, у нея сгорѣло 4 тысячи платьевъ, а послѣ ея смерти Петръ III нашелъ въ гардеробѣ ея слишкомъ 15 тысячъ платьевъ, частью одинъ разъ надѣванныхъ, частью совершенно не ношенныхъ; два сундука шелковыхъ чулокъ, лентъ; башмаковъ и туфель до нѣсколькихъ тысячъ; болѣе сотни неразрѣзанныхъ французскихъ матерій и т. д.

Въ Екатерининское время уже появились въ обѣихъ столицахъ французскія модистки и разныя модныя лавки: послѣднія появились подъ названіями: «Au temple de gout», «Musée de Nouveautés» и т. д. Существуетъ преданіе, что введеніемъ французскихъ нарядовъ и модъ, Россія обязана Кириллу Разумовскому и другу его, Ив. Ив. Шувалову. Въ ихъ время въ Москвѣ славилась модистка Виль, которая продавала модныя «шлемовки» (шубки безъ рукавовъ), чепцы, рожки, сороки, «королевино вставанье», à la грекъ, башмачки-стерлядки, улиточки, подкольный женскій кафтанъ, распашныя куръ-форме и фурро-форме, разныя бантики, кружева. Модистка Кампіони предлагала своимъ покупательницамъ цвѣты, гирлянды для наколокъ на дамскія платья и т. д. Уборщикъ и волосочесъ Бергуанъ рекомендовалъ всѣмъ плѣшивымъ помаду для отращиванія волосъ; изъ духовъ «вздохи Амура»; онъ же дѣлалъ изобрѣтенную имъ новую накладку для дамскихъ головокъ, въ видѣ башень съ висячими садами à la Семирамидъ. Другой такой же французскій парикмахеръ Мюльетъ предлагалъ мужчинамъ парики изъ тонкихъ бѣлыхъ нитокъ, которые такъ легки и покойны, что вѣсятъ только девять лотовъ; надѣвая ихъ, не надо помазать волосы толстымъ слоемъ сала и обсыпать мукою. Были между парикмахерами великіе артисты своего дѣла; такъ, Леонаръ, парикмахеръ несчастной королевы французской Маріи-Антуанеты, очень прихотливо распоряжался громадными дамскими куафюрами, пудрой, голубиными крыльями (ailes de pigeon) и т. д. Когда революція поколебала французскій тронъ и снесла высокіе головные уборы, онъ переѣхалъ изъ Франціи. Про него существуетъ слѣдующій анекдотъ: разъ, причесывая графиню Разумовскую, которая спѣшила на балъ и хотѣла блеснуть новою причесою, но для этого ничего не было подъ рукою—цвѣты, перья, брилліанты, все это уже было старо—графиня сообщаетъ свое горе Леонару. Парикмахеръ ходитъ по комнатамъ, ожидая вдохновенія. Вдругъ въ уборной графа видитъ онъ короткіе штаны изъ краснаго бархата. Онъ ихъ хватаетъ, разрѣзаетъ ножницами, собираетъ огромнымъ пухомъ и устраиваетъ графинѣ оригинальный, дотолѣ невиданный головной уборъ, имѣвшій громадный успѣхъ.

Въ Екатерининское время за туалетами просиживали цѣлые часы; иная щеголиха засядетъ въ пудеръ-мантелѣ, горничная рветъ бумажки, а дѣвчонка бѣгаетъ, раскаляетъ щипцы. Одѣвались тогда болѣе по произволу, хотя и прибѣгали къ моднымъ портнихамъ, чепечницамъ и волосочесамъ. Употребительная прическа молодыхъ красавицъ была слѣдующая: дѣлали посерединѣ головы большую квадратную буклю, будто батарею, отъ нея шли по сторонамъ косыя крупныя букли, словно пушки, назадъ шиньонъ и вся прическа была не менѣе полуаршина вышины, что называлось: «le chien couchant». Употребляли пудру разныхъ цвѣтовъ—розовую, палевою, сѣренькую, à la vanille, à la fleur d'orange, mille fleurs. Щеголиха держала длинную маску, съ зеркальцами изъ слюды, противъ глазъ, и парикмахеръ пудрилъ дульцемъ, маленькимъ мѣхомъ или шелковою кистью. Нѣкоторые имѣли особые шкафы, внутри пустые, въ которыхъ пудрились; барыня влѣзала въ шкафъ, затворяли дверцы и благовонная пыль нѣжно опускалась на ея голову.

Дѣвицы ходили въ волосахъ съ гирляндами, перьями на головахъ, иногда съ наколками. Старикки ходили распудренные въ букляхъ, въ парикѣ и съ копелькомъ назадъ; нѣкоторые носили локоны, бархатные сапоги, трость въ рукѣ. Тростями щеголяли: у иного важнаго вельможки трость стоила не одну тысячу. Трость графа Кирилла Разумовскаго оцѣнивалась въ 20 тысячъ рублей—была она вся изъ агата съ алмазами и рубинами. Бнязь Лобановъ-Ростовскій имѣлъ у себя цѣлую коллекцію тростей, которую купилъ у него графъ И. И. Воронцовъ-Дашковъ за 75 тысячъ рублей. Замужнія женщины въ концѣ прошедшаго столѣтія носили на головѣ трои наколки, тюрбаны съ брилліантами, перьями и платья круглыя молдаванъ съ хвостами изъ бархата, штофа, атласа, люстрина, гродетура, гроденапля. Ко двору надѣвали робы, вышитыя шелками, съ глазетовыми юбками, съ длинными, аршина въ полтора, хвостами или русскія съ рукавчиками назадъ; послѣднія стоили по тогдашней цѣнѣ не менѣе тысячи рублей. Къ этому наряду прибавляли фижмы, обшитыя обручи, по аршину съ боковъ, которые поддерживали, сжимали, опускали по желанію. Смѣшно было видѣть двухъ такихъ щеголихъ дамъ въ четырехмѣстной каретѣ. Они корчились, высокая прическа достигала имперіала, а огромныя фижмы высовывались изъ оконъ кареты. Запросто выѣзжали въ платьяхъ изъ лино-батиста, тарлатана, кисеи, въ шляпкахъ, чепцахъ; лѣтомъ съ зонтикомъ, зимою въ бархатныхъ шубахъ съ золотыми петлицами и съ муфтами собольими или изъ ангора съ длинною шерстью. Вѣрь служилъ занятіемъ для рукъ; онъ защищалъ отъ солнца, помогалъ скрыть смѣхъ, шепнуть словцо. Бѣдились, румянились очень прилежно, а также сурмили брови, налѣпляли мушки величиною съ гривенникъ и кончая мелкою блестяю. Мушка имѣла значеніе: большая у праваго глаза называлась «тиранъ», крошечная, на подбородкѣ—«люблю, да не вижу», на щекѣ—«согласіе», подъ носомъ—«разлуку».

Въ Екатерининское время вошло въ моду ходить на красныхъ каблучкахъ (*les talons rouges*). Красные каблучки означали знатное происхожденіе. Эта мода была перенята у французовъ, гдѣ существовалъ этотъ аристократическій обычай при послѣднихъ трехъ короляхъ.

При Екатеринѣ II, когда на куртагахъ явилась роскошь въ женскихъ туалетахъ, для дамъ были придуманы мундирныя платья по губерніямъ, и какой губерніи былъ мужъ, такого цвѣта и платья у жены. Юбка у такихъ платьевъ была атласная, а сверху что-то въ родѣ казакина или сюртука, довольно длиннаго, изъ стамеди, цвѣта губерніи, съ шелковою оторочкой другого цвѣта.

Пудра въ началѣ нынѣшняго столѣтія начала исчезать. Молодые модники стали являться въ большемъ свѣтѣ безъ пудры, буклей и кошельковъ. Сначала на это смотрѣли, какъ на неслыханное новшество, введенное якобинцемъ Шампаньи и его свитою. Но мода очень скоро взяла свое и надъ пудрою въ щегольскихъ гостиныхъ стали подсмѣиваться. Однако, при дворѣ и въ нѣкоторыхъ гостиныхъ, гдѣ строго еще держались старыхъ правилъ, безъ пудры никто не смѣлъ являться. Молодые щеголи, послѣ визитовъ въ такія гостиныя, когда имъ хотѣлось побывать еще у кого нибудь, принуждены были наскоро бѣжать домой, чтобы вымыть себѣ голову и предстать въ салоны, какъ того требовала новѣйшая мода.

Но при императорѣ Павлѣ никто не смѣлъ и подумать о томъ, чтобы безъ пудры носить волосы или надѣть французское платье. Пудру перестали носить только послѣ коронаціи императора Александра I, когда она была отмѣнена для солдатъ. Когда молодой государь пересталъ употреблять пудру и остригъ волосы, то, глядя на него, и другіе сдѣлали то же. Но все-таки еще до тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія были знатные старики, которые гнушались новой модой. Къ такимъ принадлежали въ Москвѣ князь Юсуповъ, Куракинъ, Лобановъ, Остерманъ и еще нѣкоторые другіе отставные сановники, которые появлялись въ обществѣ во французскихъ кафтанахъ, въ бѣломъ жабо, бѣломъ пикейномъ камзолѣ, въ чулкахъ и башмакахъ.

Богатые вельможи безъ должностей, начиная съ вѣка Екатерины, стали переселяться въ Москву, гдѣ они щеголяли роскошью и разными модными нововведеніями. Дома ихъ походили на дворцы. Въ чертогахъ ихъ были: штофъ, позолота, бархатъ, картины, бронза, гобелены, полы изъ цвѣтнаго паркета съ коврами, у дверей дюжины официантовъ въ галунахъ, букляхъ и шелковыхъ чулкахъ. Въ такихъ домахъ содержалось по пяти докторовъ, какъ бы въ больницѣ: одинъ для мужа, другой для барыни, третій для дѣтей и два для слугъ. Тогда про лекарей говорили: «мой знаменитъ, твой любезнѣе, прочіе подешевле»; гостиная такого барскаго дома была загромождена софами и новомодными диванами; послѣдніе впервые у насъ появились послѣ взятія Очакова; названіе они получили

отъ Потемкина. Передъ диванами на столахъ имѣли обыкновеніе раскладывать фарфоровыя куколки и игрушки «рококо», стоящія иногда нѣсколько тысячъ рублей; такая модная гостиня въ то время скорѣе походила на магазинъ и служила вывѣскою безразсуднаго тщеславія.

Въ дни баловъ и модныхъ собраній или раутовъ, на лѣстницѣ съ бархатными коврами дѣлали цѣлую рощу изъ померанцевыхъ деревьевъ, а шпалерникъ представляли лакеи, разставленные по ступенямъ; за ужинномъ аршинныя стерляди, малины и вишенъ цѣлыя горы, не смотря на январь мѣсяць; пріѣзжали гости на такіе праздники въ семистекольныхъ каретахъ, цугомъ, назадъ два араба или егеря, впереди два вершника и два скорохода.

Богатыми въ Екатерининское время слыли такіе, кто имѣлъ до десяти тысячъ рублей дохода: эти счастливицы выходили изъ общаго уровня, держали болѣе слугъ, лошадей и т. д.

Дома такіе помѣщики имѣли въ столицахъ собственные; послѣдніе переходили отъ одного поколѣнія къ другому и оставались въ роду безъ передѣлокъ; до начала нынѣшняго столѣтія не выводили ни одного дома съ колоннами, всюду господствовала простота. На лѣстницѣ рядомъ были кладовая съ желѣзною дверью и двое огромныхъ сѣней, однѣ за другими, которыя перегораживали строеніе; особой прихожей не было, частенько босая дѣвка отворяла дверь. Одноэтажный домъ состоялъ изъ семи-восьми комнатъ подъ сводами; для хозяевъ — спальня, кабинетъ; для дочерей и сыновей, сколько бы ихъ ни было, съ учителемъ, также по одной; столовая, гостиная, дѣвичья. Печи на столбахъ муравленныя, бѣлыя, синія со впадинами, узорами; полы досчатые. Въ пріемной комнатѣ софы, кресла изъ черной кожи съ мѣдными гвоздиками, или плетенныя изъ ремешковъ; обои съ грубыми разводами пѣтушками, съ челоувѣческими лицами коричневаго и съ облаками зеленаго цвѣтовъ; трюмо изъ составныхъ стеколъ, окрашенныя, съ одной рѣзбою, замѣняли зеркала; въ окнахъ мелкіе переплеты; такіе дома походили на темныя архіерейскія кельи. Разъ заведенный порядокъ въ такихъ домахъ не нарушался; поутру собирались къ чаю, затѣмъ расходились: барышни за рукодѣлья, мальчики за уроки. Обѣдъ въ этомъ домѣ въ полдень; яства самыя простыя: щи, каша въ горшкахъ и бутылки съ квасомъ; хозяинъ въ тулупѣ, хозяйка въ салопѣ; за столомъ каждый день обѣдалъ приходскій попъ, который сидѣлъ по правую руку, рядомъ съ нимъ приходскій учитель и шутъ; по лѣвую сторону толпа дѣтей, старуха нянька, мадамъ и гувернеръ-нѣмецъ. Такой хозяинъ дома былъ обыкновенно старый князь, владѣлецъ тысячи душъ крестьянъ, помнящій страхъ Божій и воеводство.

Обѣдъ у него изъ деревенскихъ запасовъ; пріѣдетъ гость, къ столу прибавятъ леванички или дутый пирогъ и бутылку бѣлаго вина; послѣ обѣда отдыхъ, хозяева спятъ и потомъ всѣ обѣдающіе сходятся вмѣстѣ, раскладываются карты, хозяинъ читаетъ печатныя вѣдомости, отписки

изъ деревень, супруга вяжетъ чулокъ; вечеромъ горять сальныя свѣчи, казачокъ снимаетъ свѣщцами или щипцами нагорѣвшую свѣтильню; въ десять часовъ всѣ уже члены семейства спятъ. Слуги такого дома обобраны, грубы, вѣчно пьяны; въ прихожей старыя лакеи сидятъ и вяжутъ чулокъ. Комнаты безъ обоевъ; на стѣнахъ висятъ произведенія кисти крѣпостного художника по обыкновенію, картины со слѣдующими сюжетами: Юдифь, держащая окровавленную голову Олоферна, надъ большимъ серебрянымъ блюдомъ или обнаженная Клеопатра съ румяными грудями, которыя кусаетъ огромная змія.

Такой помѣщикъ имѣлъ также свой штатъ; у него жили бѣдныя дворянки съ дѣтьми, мамы, няни, барскія барыни; первыя жили на покоѣ, вторыя выдавали сахаръ, кофе, чай, наблюдали за хозяйствомъ; барскія барыни одѣвали госпожу, смотрѣли за ея гардеробомъ, чистотою комнатъ, выѣзжали съ барынею по гостямъ. Изъ мужчинъ главными лицами были: дворецкій, дядька сыновей, затѣмъ казначей, парикмахеръ, стряпчій, были еще въ домѣ купчины; стряпчій хлопотали всякій день въ присутственныхъ мѣстахъ, рѣдкій помѣщикъ не имѣлъ тяжбы; второй — раза два поутру сбѣгаетъ въ ряды за шпильками, булавками, за палочкой сургуча. Спали мамы, няни въ дѣтской на сундукахъ, скамейкахъ; мужской персоналъ въ столовой, передней, на войлокахъ. Слуги тогда по большей части отличались высокимъ ростомъ, дородствомъ и важной осанкой. Въ числѣ домалинихъ забавниковъ стояли за стульями во время обѣда господъ карлики, шуты и дураки; шуты были въ шелковыхъ разноцвѣтныхъ парикахъ, съ локонами, въ чужомъ кафтанѣ, въ камзолѣ по колено; они передразнивали господъ, ругали ихъ, имъ позволялось говорить правду; дураки были одѣты въ одеждѣ изъ лоскутковъ, надъ ними всѣ смѣялись, дергали, толкали, мазали ихъ горчицей по губамъ и всячески имъ надоѣдали.

III.

Модная галломанія.—Подражаніе иностранцамъ.—Характеристика московскихъ модниковъ.—Республиканскія прически.—Щеголи и щеголихи начала XIX столѣтія.—Знаменитая «гардероба» графа Разумовскаго.—Щегольство графини Разумовской.

Мода ко всему французскому и введеніе французскаго языка во всеобщее употребленіе въ Россіи начались въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны; въ то время такъ она вкоренилась въ обществѣ, что даже въ официальныхъ бумагахъ многія казенныя учрежденія стали появляться подъ французской кличкой. Такъ, напримѣръ, Россійская Академія Наукъ въ это время стала называться «Десіанзъ академія». Въ эти годы дворъ, какъ и дворянство, стали бредить, подражать и прекло-

няться всему, что приходило изъ Парижа. По словамъ современниковъ, въ тѣ годы прїѣзжій иностранецъ не имѣлъ нужды въ своей ложкѣ и тарелкѣ: вездѣ двери для него были отворены, «милости просимъ, чѣмъ Богъ послалъ—кушай на здоровье, не брани». Подражаніемъ иностранцамъ, кажется, по сейчасъ еще страдаетъ русское общество. Такія рабскія подражанія французамъ осмѣяли наши лучшіе тогдашніе драматурги — Княжнинъ и Фонвизинъ. Первый — въ лицѣ героя Фириюлина модной въ то время пьесы «Несчастье отъ кареты», и второй—въ «Бригадирѣ», душа сына котораго, какъ говоритъ одинъ изъ дѣйствующихъ лицъ комедіи, принадлежитъ французской коронѣ. И. А. Крыловъ еще злѣе посмѣялся надъ тогдашней столичной и провинціальной галломаніей. Смѣялся также много и графъ Раstopчинъ надъ французскимъ языкомъ и полубарскимъ воспитаніемъ значительной части дворянскаго сословія. Въ первыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, кажется, всѣ хотѣли прослыть иностранцами. Посѣтившій, въ 1810 г., Москву поэтъ Батюшковъ вотъ что о ней писалъ въ письмѣ къ своему прїятелю: «Здѣсь всѣ картавятъ и кривляются. Зайдя въ конфектный магазинъ, на Кузнецкомъ мосту, гдѣ жидъ или гасконецъ Гоа продастъ мороженое и всякія сласти, я видѣлъ большое стеченіе московскихъ франтовъ, въ лакированныхъ сапогахъ, въ широкихъ англійскихъ фракахъ и въ очкахъ, и безъ очковъ, и растрепанныхъ прическахъ. Этотъ, конечно, англичанинъ; онъ, разиня ротъ, смотритъ на восковую куклу. Нѣтъ, онъ русакъ и родился въ Суздаль. Ну, такъ этотъ французъ: онъ картавитъ и говоритъ съ хозяйкой о знакомомъ ей чревоущателѣ, который, въ прошломъ году, забавлялъ весельчаковъ парижскихъ. Нѣтъ, это старый франтъ, который не ѣзжалъ далѣе Макарья и, промотавъ родовое имѣніе, наживаетъ новое картами. Ну, такъ этотъ нѣмецъ, этотъ блѣдный, высокій мужчина, который вышелъ съ прекрасной дамою? Ошибся! И онъ русскій, а только молодость провелъ въ Германіи. Но, по крайней мѣрѣ, жена его иностранка: она насилу говоритъ по-русски. Еще разъ ошибся, — она русская, любезный другъ, родилась въ приходѣ Неопалимой Купины и кончитъ жизнь свою на святой Руси. Пропу замѣтить еще пожилого человека въ шпорахъ. Онъ изобрѣлъ въ прошломъ году новыя подковы для своихъ рысаковъ, дрожки о двухъ колесахъ и карету безъ козелъ. Онъ живетъ на конюшнѣ, завтракаетъ съ любимымъ бѣгуномъ и ѣздитъ нарочно въ Лондонъ, чтобы посоветоваться съ извѣстнымъ коноваломъ о болѣзни своей англійской кобылы».

Въ иностранныхъ книжныхъ лавкахъ Батюшковъ видѣлъ безпрестанно покупающихъ модницъ, не уступающихъ парижскимъ въ благочестіи, которыя съ жадностью читають глупыя и скучныя проповѣди, лишь бы только онѣ были написаны на языкѣ медоточиваго Фенелона, сладостнаго друга почтенной дѣвicy Пюнь. Придя въ городъ, здѣсь онъ видѣлъ совершенно восточный базаръ: тутъ были грекъ, татаринъ, турокъ въ чалмѣ

и въ туфляхъ; тамъ сухой французъ въ башмакахъ, искусно перескаки-
вающій съ камня на камень, тутъ важный персіянинъ и т. д.

На модномъ тогда Тверскомъ бульварѣ опять цѣлая толпа праздныхъ
жителей. Хорошій тонъ и мода требовали, чтобы сюда приходили: франтъ
и кокетка, и старая вѣстовщица, и жирный откупщикъ, и т. д. Какіе
странные наряды, какія лица! Здѣсь вы видите пріѣзжаго изъ Мол-
давіи офицера, внука придворной вѣнской красавицы, наслѣдника пода-
грика, которые не могутъ налюбоваться его пестрымъ мундиромъ и не-
винными шалостями. Тутъ вы видите провинціальнаго щеголя, который
пріѣхалъ перенимать моды и который, кажется, пожираетъ глазами сча-
стливца, прискакавшаго на почтовыхъ съ береговъ Сѣкваны — въ голу-
быхъ панталонахъ и въ широкомъ безобразномъ фракѣ. Здѣсь красавица
ведетъ за собою толпу обожателей; тамъ старая генеральша болтаетъ со
своею сосѣдкой и возлѣ нихъ откупщикъ, тяжелый и задумчивый, кото-
рый твердо увѣренъ въ томъ, что Богъ создалъ одну половину рода че-
ловѣческаго для винокуренія, а другую — для пьянства, идетъ медленными
шагами съ прекрасною женою и съ карломъ. Университетскій профес-
соръ въ спанчѣ... пробирается на пыльную кафедру. Шалунъ напѣваетъ
водевили и травитъ прохожихъ своимъ пуделемъ, между тѣмъ какъ за-
писной стихотворецъ читаетъ эпиграмму и ожидаетъ похвалы или при-
глашенія на обѣдъ.

Въ концѣ прошедшаго столѣтія особенно сильно подражали францу-
замъ: бывшія моды до революціи Версаля уже не появлялись у нашихъ
щеголей и щеголихъ; послѣднія изъ маркизъ превратились въ Діангу,
Галатей, Венеру, Аврору, Весталокъ и Омфалъ. Платья на манеръ этихъ
древнихъ богинь вывели изъ употребленія фалбалы и палатины на поль-
скій и нѣмецкій ладъ и другіе наряды на англійскій манеръ. Прическа
мужчинъ и женщинъ состояла изъ коротко подстриженныхъ на шеѣ во-
лосъ, такъ, какъ стригли волосы тѣмъ, которыхъ гильотинировали. Такая
прическа называлась *à la Titus* и *à la гильотень*. Въмѣсто башмаковъ
женщины носили сандалии на босую ногу, и на пальцы ногъ вздѣвали
брилліантовыя кольца. Греческія моды, подобно Франціи, у насъ держа-
лись довольно долго и женщины носили сперва обтянутыя батистовыя
платья, надѣвали на обыкновенныя рубашки, потомъ вмѣсто такихъ про-
зрачныхъ носили кисейныя на батистовыхъ рубашкахъ и послѣ совер-
шенно уничтожили рубашки и надѣвали трико, украшая ноги и руки
золотыми обручами, которые надѣвали даже выше колѣнъ. У мужчинъ
вошли еще безобразнѣе одѣянія: фракъ съ длинными и узкими фалдами,
жилеты изъ розоваго атласа, сапоги съ кистями и огромныя галстукки, за-
крывающіе подбородокъ, длиною въ нѣсколько аршинъ, которые надле-
жало обматывать вокругъ шеи.

Съ 1800 года модныя женскія платья не были особенно красивы:
платья носили очень узенькія, поясъ подъ мышками, спереди нога видна

по щиколотку, а сзади у платья хвостъ; вскорѣ платья совѣмъ окургузили и вся нога стала видна; на головѣ начали носить какіе-то картузы; безобразіе чепцовъ и шляпъ было такое, что теперь себѣ нельзя представить. Только у пожилыхъ дамъ туалеты были еще хороши и несравненно богаче; тогда замужнія женщины носили матеріи, затканныя серебромъ, золотомъ и цѣльныя глазетныя. Роскошь въ нарядахъ послѣ коронаціи Александра I была большая: съ этого времени современники стали замѣчать большое великолѣпіе особенно въ бальныхъ платьяхъ и съ этой же эпохи стали отдѣлывать роскошно комнаты въ домахъ и начали обѣдать часа въ четыре и пять — не такъ какъ прежде въ двѣнадцать.

Въ эти года мужчины на балы являлись всегда въ шелковыхъ чулкахъ и башмакахъ; явиться въ сапогахъ на балъ никто не посмѣлъ бы и только военные имѣли ботфорты; статскіе все носили башмаки; на всѣхъ порядочныхъ людяхъ были дорогія кружева, это много придавало щеголеватости. Кромѣ того, пудра на другихъ очень красива. Женщины и дѣвочки еще румянились; отъ этого не бывало зеленыхъ и желтыхъ лицъ. Съ утра румянились слегка, но вечеромъ, передъ баломъ, румянились сильно; были и щеголи, которые прибѣгали къ этому тоже. Обычай румяниться на Руси самый древній и, по словамъ иностранцевъ, бывшихъ у насъ въ XVIII вѣкѣ, румянились у насъ все женщины, начиная отъ княгини до послѣдней крестьянки. Изъ историческихъ щеголей извѣстенъ Левъ Разумовскій; въ свое время онъ превосходилъ любезностью и щегольствомъ всѣхъ своихъ современниковъ. Не разъ отцу этого франта приходилось уплачивать долги молодого щеголя. Однажды къ отцу его явился портной со счетомъ въ 20,000 рублей. Оказалось, что у графа Андрея въ «знаменитой его гардеробѣ» однихъ жилетовъ было нѣсколько сотенъ. Разгнѣванный отецъ повелъ графа Андрея въ кабинетъ и, раскрывая шкафъ, показалъ ему кобенякъ и мерлуничью шапку, которую носилъ въ дѣтствѣ.

— Вотъ что носилъ я, когда былъ молодъ, не стыдно ли тебѣ такъ безумно тратить деньги на платье, сказалъ гетманъ.

— Вы другого платья и носить не могли, хладнокровно отвѣчалъ сынъ: — вспомните, что между нами огромная разница, — вы сынъ простого казака, а я сынъ російскаго фельдмаршала.

Гетманъ, любившій и самъ отпустить острое слово, былъ обезоруженъ отвѣтомъ сына.

Жена брата этого Разумовскаго, графиня Марія Григорьевна, отличалась еще большею безумною роскошью въ своихъ туалетахъ. Страсть ея къ нарядамъ доходила до того, что когда, въ 1835 г., въ Вѣнѣ, собралась она возвратиться въ Россію, то просила проѣзжавшаго черезъ Вѣну пріятеля своего, который служилъ въ Петербургѣ по таможенному вѣдомству, облегчить ея затрудненія, ожидавшія ее въ провозѣ туалетныхъ пожитковъ.

— Да что же намѣрены вы провести съ собою? спросилъ онъ.

— Бездѣлицу, отвѣчала она:—триста платьевъ!

Графиня Разумовская очень любила Парижъ и, какъ простодушно сознавалась, любила его потому, что женщины немолодыя тамъ носятъ туалеты нѣжныхъ свѣтлыхъ оттѣнковъ. «Ахъ, улица эта губить меня», шутя говаривала она на другой день послѣ приѣзда своего, гуляя по *gare de la Paix*. Въ Парижъ она уѣзжала каждые три года. Передъ коронаціей покойнаго государя, графиня рѣшилась туда съѣздить, чтобы заказать приличные туалеты для готовящихся торжествъ въ Москвѣ. Петербургъ не былъ еще связанъ сѣтью желѣзныхъ дорогъ съ Европою. Путешествіе было долгое и утомительное. Графиня, нигдѣ не останавливаясь, однимъ духомъ доѣхала до Парижа: ей было тогда 84 года; приѣхала она довольно поздно вечеромъ, а на другой день, утромъ, какъ ни въ чемъ не бывало, гуляла по любимой своей *gare de la Paix*. Въ то время въ Парижѣ находилась старая вѣнская пріятельница и ровесница графини, княгиня Грасальковичъ, рожденная Эстергази, славившаяся тоже необыкновенною своею бодростью, не смотря на свои преклонныя лѣта. Узнавъ, что Разумовская однимъ духомъ доскакала до Парижа для заказа нарядовъ, княгиня съ завистью воскликнула: «Послѣ этого мнѣ остается только съѣздить на два дня въ Нью-Йоркъ».

Мода на драгоценные камни у насъ существуетъ съизстари: еще московскій великій князь Василій Іоанновичъ, къ немалому соблазну своихъ современниковъ, слѣдовалъ модѣ записныхъ щеголей Западной Европы: навѣшивалъ на себя пуговицы, ожерелья, на рукахъ носилъ множество перстней, мазался благовоніями, притиралъ себѣ губы, сурмилъ брови, румянилъ и бѣлилъ щеки и т. д. По свидѣтельству епископа Алансонскаго Арсенія, присутствовавшаго на парадномъ приѣмѣ, сдѣланномъ въ золотой палатѣ царицею Приной Годуновой, женою царя Феодора Ивановича, на царницѣ такъ много было драгоценностей, что смотрѣть на нее безъ удивленія нельзя было; нарядъ ея былъ весь покрытъ алмазами, изумрудами и жемчугами. Историки, видѣвшіе вѣнчаніе царя Алексѣя Михайловича, говорятъ, что на царницѣ такъ много было драгоценностей и брачный нарядъ такъ былъ тяжелъ отъ драгоценныхъ камней, что царица вынуждена была переодѣться. То же самое повторилось и съ императрицею Анною Іоанновною въ день ея коронаванія. Одинъ только императоръ Петръ I не особенно уважалъ блескъ драгоценныхъ камней, хотя и посылалъ за ними первыхъ развѣдчиковъ, голландцевъ и итальянцевъ, на Уралъ. Но за то его любимецъ Меншиковъ у себя имѣлъ ихъ на милліоны. Минихъ въ своихъ воспоминаніяхъ рассказываетъ, что императрица Анна, въ угоду временщику Бирону, тратила много милліоновъ рублей на покупку брилліантовъ и жемчуговъ для его жены. Платье послѣдней стоило одно 400,000 рублей и другое, осыпанное жемчугомъ, 100,000 рублей. Бенigna Биронъ носила на себѣ брилліантовъ на два

милліона рублей. При императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, по разсказамъ брилліантника Позье, брилліантовъ при дворѣ было столько, какъ ни у одного европейскаго двора. Онъ говоритъ, что когда въ первое время по восшествіи своемъ на престолъ императоръ Петръ III выписалъ изъ Германіи своего дядю принца Георга Голштинскаго и его семейство, то онъ принужденъ былъ имъ надѣлать нѣсколько уборовъ изъ фальшивыхъ камней разныхъ цвѣтовъ, подобранныхъ и перемѣшанныхъ съ брилліантами, чтобы, когда они явятся ко двору, то наши дамы не сказали бы: «Смотрите-ка, эти иностранки чуть не голыя пріѣхали къ намъ». Брилліанты всегда были мѣриломъ богатства. Хотя у многихъ нашихъ аристократовъ были и поддѣльные, и одно время, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, былъ обычай на балы даже являться въ чужихъ брилліантахъ, и, случалось даже такъ, что сегодня взятые на прокатъ брилліанты были одѣты на одной и завтра на другой; хотя все это знали, но не считали это предосудительнымъ.

Царствованіе императрицы Екатерины II можно назвать вѣкомъ моды на брилліанты и цвѣтные камни. Царедворцы ея вѣка все щеголяли драгоценными камнями. Кирилль Разумовскій имѣлъ цѣлый мундиръ, залитый брилліантами. Потемкинъ носилъ на головѣ шляпу, всю осыпанную брилліантами. У него на праздникѣ въ Таврическомъ дворцѣ танцовали двадцать четыре пары изъ значительныхъ фамилій въ костюмахъ, украшенныхъ брилліантами, которые въ итогѣ стоили десять милліоновъ рублей. Графъ Нельн разсказываетъ про модника Екатерины II Зубова, что его мундиръ былъ залитъ брилліантами и что онъ имѣлъ страсть носить въ карманѣ камзола алмазы, которые пересыпалъ на рукѣ, любуясь ихъ игрою и блескомъ.

Дочь графа Орлова-Чесменскаго владѣла коллекціей драгоценныхъ камней, которые въ сложности стоили не одинъ милліонъ. У ней на шеѣ была длинная нить крупнаго жемчуга; въ нѣсколько разъ обвитая вокругъ шеи, она спускалась до пояса. Каждая жемчужина была величиной какъ двѣ самыя крупныя горошины, положенныя одна возлѣ другой, т. е. продолговатыя и удивительнаго блеска. Нить этого жемчуга оцѣнивалась въ 600 тыс. рублей. Покойная императрица Александра Ѳеодоровна говорила: «Je n'ai pas de perles telles que la comtesse Orloff».

Дорого стоившею страстью—собирать брилліанты извѣстна была Татьяна Васильевна Юсупова; въ числѣ ея драгоценныхъ камней былъ, между прочимъ, сю купленъ знаменитый брилліантъ, называемый «Полярная звѣзда»; она купила также діадему бывшей королевы неаполитанской Каролины, жены Мюрата, и жемчужину, извѣстную подъ именемъ «Пегрины», стоившую 200,000 рублей и принадлежавшую нѣкогда королю испанскому Филиппу II. Кромѣ того, у нея было огромное собраніе камней съ вырѣзанными на нихъ эмблемами и девизами.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія мода на драгоценныя камни осо-

бенно сильно процвѣтала и были даже особы мужского пола, которыя ими себя украшали. Вигель въ своихъ воспоминаніяхъ описываетъ одного такого, который въ пятьдесятъ лѣтъ румянился, бѣлился, сурмилъ себѣ брови, чернилъ волосы и, слѣдуя старинной модѣ, носилъ двое часовъ или, по крайней мѣрѣ, отъ нихъ двѣ цѣпочки съ брелоками, которыя длинно висѣли изъ жилетныхъ его кармановъ и которыми онъ побрякивалъ. Табакерки изъ янны, перстни бирюзовые, аметистовые, коими покрыты были его пальцы, и, наконецъ, двѣ цѣпочки изъ разныхъ камешковъ, которые поверхъ жилета носилъ онъ крестообразно; всего же примѣчательнѣе въ его сокровищницѣ былъ огромный жадъ, который при важныхъ оказіяхъ въ видѣ застежки являлся у него на груди.

Мода на драгоценныя камни немного упала въ началѣ царствованія императора Александра I. Это случилось послѣ расхищенія гардемебля во Франціи, когда всѣ легковѣсныя драгоценности были увезены изъ Парижа и фортуны раздробились, сравнялись; новая мода, которую война и торговля потомъ такъ быстро создали, не успѣла еще составиться—и женщины, вмѣсто брилліантовъ, принуждены были украшаться камнями и мозаиками, ихъ мужьями и родственниками награбленными въ Италіи. Намъ и тутъ надобно было подражать: брилліанты, которыми наши дамы были богаты, всѣ были попрятаны и предоставлены для пошенія купчихамъ. За немовѣрную цѣну стали доставать тогда рѣзные камни, оправлять золотомъ и вставлять въ браслеты и ожерелья. Это было гораздо античнѣе. Въ Москвѣ въ это время проживалъ богатый помѣщикъ Голо—овъ, который на украшеніе изъ камеевъ потратилъ все свое состояніе. Онъ платилъ за одно каме какого нибудь античнаго мастера по пяти тысячъ рублей и болѣе.

IV.

Страсть къ духамъ и косметикамъ.—Доктора.—Модные обмороки и нервы.—Модная страсть къ минеральнымъ водамъ.—Лекарство отъ всѣхъ болѣзней.—Эпоха танцевальнаго увлеченія.—Страсть къ музыкѣ.—Обожаніе пѣвцовъ и пѣвицъ.

Косметики и духи вошли въ употребленіе у насъ только въ концѣ прошедшаго столѣтія; съ этого времени наши придворныя дамы, кромѣ гулявнѣй воды (розовой) да зорной и мятной настойки (холодецъ), другихъ духовъ не знали. Первыми явились въ моду при Екатеринѣ II «Амбровыя яблоки», родъ саше; послѣднія считались предохранительнымъ средствомъ отъ чумы и другихъ эпидемическихъ болѣзней. Вмѣстѣ съ ними стали получать изъ-заграницы кармскую мелисную воду, затѣмъ лоделаванъ (лавендная настойка). Общеупотребительный теперь одоклонъ появился послѣ похода нашихъ войскъ во Францію; послѣдній очень любилъ Наполеонъ I и мылъ имъ плечи и голову. Шеголихи

Екатерининскихъ времяхъ, для возстановленія своей увядшей тѣлесной красоты, брали молочныя и земляничныя ванны. Первые духи были— «вздохи амура» и затѣмъ «франжипанъ», изобрѣтенные итальянцемъ Меркуріо Франжипани. Въ числѣ косметическихъ средствъ наши красавицы-прабабушки употребляли для лица слѣдующія простыя вещи: для мягкости кожи обкладывали лицо на ночь парной телятиной; отъ веснушекъ натирали лицо раздавленными сорочьими яйцами; для гладкости и бѣлизны употребляли дынное сѣмя, тертое съ бобовой мѣлкой, также огуречное молоко; прыщи съ лица сводили отваромъ травы исоба. Мыло первое у насъ стало извѣстно казанское яичное, ввели его въ употребленіе татары. Пудра первая была привезена изъ Франціи, называлась она à la маршалъ; тамъ она явилась во время регентства. Первые французскія помады для волосъ стали употреблять въ Павловское время; цѣна за небольшую банку стояла очень высокая, не менѣе одного рубля. Для бѣлизны лица наши барыни натирали лицо свинцовыми бѣлилами, румянились кошенилью и также втирали въ щеки бадягу. Мушки, какъ мы уже говорили, тогда играли большую роль; изобрѣтены онѣ были въ Лондонѣ герцогиней Нью-Кастель; подъ ними она скрывала прыщи, бывшіе у нея около рта. Мушки у насъ приготовляли изъ черной тафты, носили ихъ всегда при себѣ въ очень изящныхъ золотыхъ, чернаховыхъ и перламутровыхъ маленькихъ табакеркахъ; мушки имѣли самыя прихотливыя рисунки: звѣздъ, луны, собакъ, лисицъ и даже каретъ, запряженныхъ четвернею лошадей. Были также еще извѣстны въ старое время косметическія маски Попей; послѣднія надѣвали на ночь на лицо и послѣ утрома употребляли утиральники Венеры; это были куски замши, натертыя спермацетомъ съ бѣлилами; надѣвали на ночь такія же перчатки и на руки. Очень моднымъ въ концѣ прошлаго столѣтія считалось на груди носить блошныя ловушки, на шелковой ленточкѣ или золотой цѣпочкѣ; ловушки дѣлались изъ розоваго дерева, слоеной кости, изъ серебра или золота; это были небольшія трубочки со многими дырочками, снизу запертыя, а сверху открытыя, въ которыя ввертывался стволочъ, намазанный кровью, медомъ, сиропомъ или какою нибудь липкою жидкостью.

Также въ числѣ модныхъ всякихъ увлеченій въ русскомъ обществѣ была и страсть къ докторамъ и разнымъ лекарственнымъ панацеямъ. Иностранные медики еще въ царствованіе Екатерины II считались не лучше цирюльниковъ и въ полкахъ у полковыхъ командировъ и штабъ-офицеровъ какъ бы жили въ услуженіи; при ихъ домахъ исполняли домашнія порученія, какъ, наиримѣръ, расчесывали ихъ парики и прочее. Но въ 90-хъ годахъ доктора уже стояли въ большомъ почетѣ и за визиты имъ платили слишкомъ щедро—рублей 10, 25 и даже за визитъ въ уѣздахъ рублей 100. Первые иностранные доктора были выписаны изъ Англіи въ 1581 году; скорѣе это были фельдшера. Назначеніе докторовъ завѣ-

сѣло отъ первенствующаго въ государствѣ медика, носившаго званіе «архіатера»; званіе это у насъ существовало до учрежденія медицинской коллегіи 12-го сентября 1763 г.; послѣдній архіатеръ былъ Кондонди. За иностранными лекарствами у насъ нарочно посылались доктора въ иностранныя земли, но были медикаменты и отечественные; послѣдніе собирались подъ видомъ особой подати, для чего заведены были особенныя записныя книги. Такъ, на примѣръ, изъ поволжскихъ губерній и Астрахани привозили солодковый корень, изъ Сибири — бадьянъ, отъ болгаръ и китайцевъ — ревенъ; послѣдній продавался долгое время исключительно отъ казны. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ разведены вдоль западной стороны Кремля и въ селѣ Измаиловѣ аптекарскіе огороды; къ собиранію и распознаванію травъ служили такъ называемые травники, содержащіе рисунки и описаніе растений. Первая русская лечебная книга была переведена съ польскаго языка въ 1588 году; русскіе лекаря и рудометы (кровь пускатели) получили образованіе отъ прибывшихъ медиковъ-иностранцевъ; первые такіе были набраны изъ стрѣльцкихъ дѣтей. Въ древности у насъ у каждой царевны была своя бабка-лекарка; лишь Наталья Кирилловна, первая царица, лечилась у мужчины, горланнаго лекаря Ивана Губина. Страсть къ знахарямъ и знахаркамъ у насъ долго держалась. Кирилль Разумовскій тоже пользовался отъ подагры у какой-то бабы, которая грызла ему ногу и прикладывала соприкасающихся котловъ въ видѣ припарки. Орловъ-Чесменскій тоже былъ вылеченъ знахаремъ Ерофеичемъ, давшимъ свое имя извѣстной водочной пастойкѣ. Женскіе нервы въ концѣ нынѣшняго столѣтія не были еще извѣстны, хотя и тогда прекрасныя половины падали въ обмороки. Обмороки въ это время вошли въ большую моду и послѣдніе существовали различныхъ названій: такъ, были обмороки Дидоны, капризы Меден, спазмы Нины, ванёры Омфалы, «обморокъ кетати», обморокъ коловратности, и проч. и проч. Первы стали извѣстны чуть ли не въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія; стали входить они въ моду вмѣстѣ съ искусственными минеральными водами или, какъ ихъ тогда называли, «кислыми».

Въ ряду модныхъ явленій обыденной общественной жизни въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія особенно рѣзко сказалась страсть аристократическаго общества къ леченію минеральными водами. Повизна и мода влекла праздное общество къ питью кислыхъ водъ. Въ эти годы весною вся аристократическая Москва просыпалась уже въ пятомъ часу утра и катилась на всевозможныхъ экипажахъ въ заведеніе стараго московскаго врача Лодера, устроенное надъ Москвой-рѣвкой, близъ Крымскаго брода. Лодеръ вмѣстѣ съ молодымъ докторомъ Енхеномъ первый завелъ въ Россіи искусственныя минеральныя воды. Помѣщалась онѣ въ очень обширномъ саду съ галереями. Здѣсь, уже въ пятомъ часу утра, гремѣла музыка и бродили веселыя толпы гуляющихъ болвановъ. Въ первые годы

больше всего лечились дамы и затѣмъ старикки-сановники отъ неизлечимой болѣзни старости. Слава заведенія Лодера искусственныхъ водъ была настолько сильна, что сюда съѣзжалась публика со всей Россіи. Въ Петербургѣ минеральныя воды открыты только въ концѣ тридцатыхъ годовъ. По предписанію Лодера при питьѣ водъ больные должны были ходить три часа; эта-то ходьба, на взглядъ простолюдина безцѣльная, и вызвала поговорку, характеризующую празднаго гуляку: «Лодеремъ ходить». Названное заведеніе въ короткое время получило такую извѣстность, что въ Москву на минеральныя воды не только что пріѣзжали изъ Петербурга, но и изъ Сибири. Особенно сильно на нихъ тянуло прекрасный полъ. Въ «Московскомъ Вѣстникѣ» 20-хъ годовъ встрѣчаемъ слѣдующее интересное описаніе этихъ водъ: «Янсонъ! Янсонъ! Взгляни въ окно: вѣрно пожаръ? Скачутъ, стучать... невозможно долѣе спать! Шестой часъ и некому, кромѣ пожарныхъ, будить Остоженку. — Нѣтъ, сударь! не видно ни огня, ни дыму, небо ясно, но множество каретъ, колясокъ и дрожекъ тянутся... (странное дѣло! въ шестомъ часу утра такой разлѣздъ, это что-то необыкновенное). Спрашивающій одѣвается и выходитъ на улицу, здѣсь онъ встрѣчаетъ своего знакомаго, который объясняетъ ему причину такого движенія. Онъ идетъ съ нимъ въ заведеніе водъ, и когда приходитъ къ нему, то видитъ: весь его дворъ уставленъ экипажами, сотни лакеевъ толпились передъ крыльцомъ, посѣтителей была масса; они наполняли и зданіе минеральныхъ водъ, и большой садъ. Мальчики, раздававшіе воду, едва успѣвали наполнять кружки и снабжать подходившихъ листочками шалфея для чищенія зубовъ. Подрумяненные старушки, румяныя женщины, блѣдненькія дочки, кавалеры всѣхъ сортовъ и ранговъ тянулись непрерывною цѣпью къ источникамъ здоровья, къ мальчикамъ, разливавшимъ воду. Убогій оркестръ наигрывалъ старинныя марши и экосезы. Только ливреи и бороды, не постигая фантазій своихъ господъ, забавлялись на ихъ счетъ; одинъ кучеръ увѣрялъ, что господъ обманываютъ: я самъ видѣлъ, какъ брали воду изъ Москвы-рѣки. Одинъ москвичъ, пившій эти воды, почтительнѣе ихъ слѣдующими стихами:

Лишь только пять часовъ пробьетъ,
Жена моя уже одѣта,
И подъ крыльцомъ стоитъ карета,
И мы съ пяти часовъ утра
Ужъ ѣдемъ съ нею со двора

и т. д. Въ эти же года явилось много излюбленныхъ лекарствъ, или панацей, которыми лечились отъ всѣхъ болѣзней; къ такимъ принадлежали: жизненный эликсиръ шведскаго столѣтняго старца; это была настойка изъ сабура, шафрана и горькихъ пряныхъ кореньевъ; затѣмъ большой эффектъ производили также «гарлемскія капли», будто бы добываемыя со дна Гар-

лемскаго озера; зѣтъмъ наши отечественныя лекарства были: «самохотовскій элексиръ» отъ ревматизма, «Майскій бальзамъ» надворнаго совѣтника Нѣмчинова, «аверинъ чай отъ золотухи», «камергерскій шауфгаузенскій пластырь»; послѣдній даже рѣкомендовался «отъ неловкаго шага (?)» и, какъ гласило описаніе, приготовлялся изъ какихъ-то червей. Также съ этихъ лѣтъ вошло въ большое употребленіе носить фонтанели на рукахъ и лечиться китайскимъ иглоукальваніемъ и т. д.

Потребность общественной жизни въ большихъ городахъ была причиною открытія и модныхъ клубовъ. Первыя такія дворянскія собранія открылись въ Петербургѣ и Москвѣ въ царствованіе Екатерины II. Начинались они 24-го ноября, въ день именинъ императрицы, и кончались 21-го апрѣля, въ день рожденія государыни, и если этотъ день приходился не въ постъ, то этимъ днемъ и оканчивались собранія. Слѣзжались обыкновенно сюда въ 6 часовъ и въ 12 часовъ все разлѣзжались по домамъ. Въ Москвѣ, напри- мѣръ, великолѣпная и обширная ея зала, окруженная съ трехъ сторонъ колоннами, за ними баллюстрада отдѣляла возвышенныя площадки, гдѣ играють въ карты, сидятъ, проходятъ, а въ серединѣ непрерывно танцуютъ. Танцевальный залъ въ былые годы вмѣщаль до пяти тысячъ посѣтителей. Встарину ни одинъ изъ клубныхъ дней не былъ пропущенъ обычными посѣтителями; тогда не входило въ обычай перемѣнять всякій разъ платье и небогатая провинціалка стояла рядомъ съ первою щеголихою. Здѣсь не считали генеральни унижительнымъ находиться въ обществѣ съ ассесоршами и секретаршами; составлялись кадрили и танцевали отъ души до упаду. Къ масляницѣ прїѣзжали изъ Петербурга гвардейскіе офицеры и въ польскихъ, въ экосесахъ заключали брачныя союзы. Но въ первое время по учрежденіи собранія танцующихъ бывало немного, потому что минуэтъ былъ танецъ премудреный: поминутно то-и-дѣло что или присядь, или поклонись и то осторожно, а то съ чужимъ лбомъ стукнешься, или толкнешь въ спину, или оборвешь чужой хвостъ платья и запутаешься. Танцевали только умѣвшіе хорошо танцевать; то-и-дѣло было слышно: «пойдемте смотрѣть, танцуетъ такая-то съ такимъ-то», и потянутся изъ всехъ концовъ залы, обступятъ кругъ танцующихъ и смотрятъ какъ на диковинку, какъ дама присѣдаетъ, а кавалеръ низко кланяется: тогда въ танцахъ было много учтивости и уваженія къ дамамъ; вальсъ тогда еще не знали и въ первое время, какъ онъ сталъ входить въ моду, его считали неблагопристойнымъ танцемъ; какъ это—обхватить даму за талію и кружить ее по залѣ. Позднѣе, какъ описываетъ англичанинъ Ж. К. Пойля въ своихъ мемуарахъ, для летучихъ вальсовъ въ цѣлой Европѣ мастера только были русскіе, и кромѣ русскихъ дамъ, этихъ черезчуръ быстрыхъ, почти воздушныхъ, не выдержитъ ни англичанка, ни нѣмка, ни французенка. Въ самомъ дѣлѣ, тогда быстрота съ ловкостью въ вальсѣ составляли всю славу нашихъ танцевъ и потому аристократическій кругъ нашей молодежи, такъ сказать съ дѣт-

ства сроднившійся съ ловкостью вальсировать, рѣзко отдѣлялъ себя отъ экосесныхъ и отъ экосесовъ, не трудныхъ всякому. При императорѣ Павлѣ на вальсъ, или, какъ его тогда называли, «вальсонъ», вышло строгое запрещеніе.

Но особенно при Екатеринѣ II вошелъ у насъ на балахъ въ большое употребленіе полонезъ или польскій. Имъ начинался каждый балъ. Огинскій и Козловскій обезсмертили его, написавши каждый по прелестному такому полонезу. Обыкновенно въ полонезѣ въ первой парѣ шелъ хозяинъ дома съ почетнѣйшею изъ дамъ, мужчины выступали въ немъ сановито и выдѣлывали величавыя па, мѣняли руки и т. д. Полонезъ длился по полчаса; всѣ приглашенные гости принимали въ немъ участіе. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, какъ пишетъ П. М. Дарганъ, полонезъ, замѣнивъ минуэтъ, исполнялся на петербургскихъ балахъ подъ названіемъ «круглаго польскаго» вмѣстѣ съ вальсомъ. Послѣ польскаго шли на балахъ а-ля-греки, котильоны, англезы, гавоты, тампеты, матрадуры и мнимаски.

Первый изъ названныхъ танцевъ исполнялся двумя парами; котильонъ, по опредѣленію танцевальнаго словаря, то же что и контрдансъ; его плясали отъ четырехъ до восьми паръ и каждое лицо представляетъ свою «роль попеременно!» Англезъ по идее была пантомима любви и ухаживанья: женщина выдѣлывала эволюцію слѣдующаго рода: то она убѣгала и уклонялась отъ ухаживанья кавалера, который ее преслѣдовалъ, то опять, подразнивая и кокетничая съ нимъ въ обольстительной позѣ, будто отдавалась ему, но когда онъ приближался, то мгновенно ускользала отъ него. Гавоть былъ старинный французскій танецъ медленныхъ тѣлодвиженій. Тампетъ, какъ и названіе его «буря», выражалъ страстность и бурю тѣлодвиженій; матрадура — былъ танецъ въ родѣ нынѣшняго кадрили, а мнимаска — очень красивая полька съ фигурами. Русскіе танцы, которые иногда танцевали и при дворѣ, были по большей части хороводные и самый популярный «метелицы» — родъ кадрили. Такіе русскіе пляски и хороводы устраивались при дворѣ Екатерины въ дни святокъ и на масленицѣ и также встарину въ барскихъ домахъ на дѣвичникѣ, гдѣ съѣзжались родственники, молодая подружка; тогда тамъ пѣли пѣсни, подъ которыя плавно въ хороводѣ ходили «паванги» танцующія дѣвочки; вотъ подъ какія пѣсни плясали: «Отставала лебедушка отъ стада лебединаго», «Недолго вѣночекъ висѣлъ на столпикѣ», «На морѣ купалась утица, полоскалась сѣрая» и тому подобныя. Хоромъ веселили помолвленную. Этотъ древній обычай означалъ прощальное торжество семейства.

Особенно славилась своею русскою пляскою дочь чеменскаго героя, графиня Анна Алексѣевна Орлова. Въ Александровское время русская пляска вошла въ большую моду и на сценѣ, и въ обществѣ исполняли ее съ большимъ жаромъ. Въ Павловское время всѣ танцы носятъ строго-

серьезный характер—самъ государь на придворныхъ балахъ принималъ въ нихъ участіе. Волкова въ своей «Грибоѣдовской Москвѣ» рассказываетъ про эпоху 1810 года, что тогда плясали безъ отдыха, каждый день и не только по вечерамъ, на непрерывныхъ балахъ, но и по утрамъ, на «завтракахъ съ танцами».

Извѣстный балетмейстеръ Глушковскій, рассказывая про эту эпоху, говоритъ, что всѣ первоклассные учителя бальныхъ танцевъ были завалены уроками, и что престранную картину представляли иногда тогдашніе танцъ-классы. Тутъ можно было видѣть мальчика лѣтъ восьми, съ булочкой въ рукѣ, прыгающаго чижикомъ, нѣмца-старичка съ подвязанными зубами, который задыхается, но танцуетъ до поту лица, армянина въ національной одеждѣ, пожилыхъ и молодыхъ барынь, въ папильоткахъ на головѣ, которыя со всѣми граціями стараются выдѣлывать паде-зефиръ и, поглядывая на всѣхъ, какъ будто спрашиваютъ: «а, что, каковы мы?» По словамъ Глушковскаго, репертуаръ тогдашнихъ бальныхъ танцевъ былъ самый обширный; въ то время танцевали: экосезъ, вальсъ, котильонъ, французскую кадрили въ восемь фигуръ, гротфатеръ, полонезъ-сотанъ, пергурдонъ, гавоть, вестриса, мазурку въ четыре пары; характерные танцы: русскую, па-де-шаль, фанданго, матлотъ, венгерку, краковякъ, алемандъ, падекозакъ. Въ 1810 году завезена къ намъ изъ Парижа мазурка; послѣдняя въ эти годы вошла въ большую моду, ее танцуютъ въ четыре пары; по словамъ Глушковскаго, ее очень красиво танцевалъ актеръ Сосницкій: танцуя мазурку, онъ не дѣлалъ никакого усилія, все было такъ легко, зефирно, но вмѣстѣ увлекательно. Сосницкаго приглашали наперехватъ во всѣ аристократическіе дома, какъ балнаго кавалера, такъ и танцмейстера. Въ сороковыхъ годахъ сдѣлалась самымъ моднымъ танцемъ полька-редова и затѣмъ—просто полька.

Осторожная, простая жизнь не могла пребывать въ одномъ положеніи и постепенно измѣнялась. Прогрессъ вѣдрался, показались прихоти, вкусъ, молодья красавицы вышли изъ-заперти. До сороковыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія дѣвицы проводили время не лучше, какъ въ монастыряхъ: сидѣли за пальцами или вязали кошельки, подвязки, шнурки и быстро перекидывали коклюшки. Мама въ очкахъ, съ чулкомъ въ рукахъ забавляла рассказами о красотѣ своей въ молодости или какъ нападали на помѣщиковъ разбойники и какъ господа охотились въ старыя годы. Книгъ въ то время было очень мало, читали всякую, безъ разбора; особенно сильное впечатлѣніе производили страшные романы мадамъ Радклифъ или чувствительные — Дюкре-Дюмениля. Матери рѣдко брали дочерей съ собою и то къ старушкамъ бабушкамъ, тетушкамъ; рѣдко также бывали у дѣвицъ подруги. Всякое сообщество съ мужчинами строго запрещалось, они и близко не подходили къ нимъ. Увидѣли бы ихъ разговаривающихъ—Боже упаси! Такая бы молва пошла. Дочь неотлучно находилась при матери. Но минуло это время, дѣвицы не стали

бояться мужчинъ, молодыя красавицы вышли изъ-запорти, въ домахъ слышалось бряцанье клавикордовъ, пѣніе итальянскихъ арій и т. п.

Увлеченіе музыкой въ дворянскихъ домахъ началось еще со времени Елисаветы Петровны и наши молодыя аристократки стали брать уроки музыки на арфѣ. Всѣ наши молодые дипломаты были тоже записные меломаны. Петръ III превосходно игралъ на скрипкѣ; Корсаковъ, Ланской, Андрей Разумовскій тоже были хорошіе виртуозы на этомъ инструментѣ. Первые клавесины—первообразъ нынѣшнихъ фортепіанъ—у насъ появляются въ концѣ царствованія Екатерины II. Потемкинъ тоже очень любилъ музыку; у него неотлучно жилъ самородокъ скрипачъ и балабачникъ Хандошкинъ. Къ Потемкину подъ Очаковъ сбирался прѣѣхать Моцартъ; Андрей Разумовскій тоже не разставался съ Гайденомъ и самъ участвовалъ въ квартетахъ; знаменитаго Гайдена поражало въ русскомъ меломанѣ тонкое музыкальное чутье, благодаря которому въ сочиненіяхъ Гайдена онъ угадывалъ самыя сокровенныя побужденія, остававшіяся для большинства публики недоступными. Бетховенъ тоже находить въ Разумовскомъ вдохновеннаго покровителя и друга. Потемкинъ въ своихъ походахъ возилъ съ собою итальянскую оперу вмѣстѣ съ извѣстнымъ композиторомъ Сарти, а также большой оркестръ и капеллу пѣвчихъ. Нарышкинъ, Безбородко, Строгановъ также щеголяютъ своими оркестрами. Особенно наши вельможи любили кататься по Невѣ на катерахъ со своей музыкой и эта мода у насъ особенно сильно процвѣтала въ царствованіе Александра I. А. Л. Шлейцеръ рассказываетъ: «въ душный лѣтній вечеръ, сижу я за своимъ письменнымъ столомъ и слышу, вотъ ѣдетъ Григорій Орловъ на яхтѣ внизъ по Невѣ, за нимъ вереница придворныхъ шлюпокъ... впереди лодка съ сорока приблизительно молодцами, производящими музыку, какой я въ жизни не слышалъ, а я воображалъ, что знаю всѣ музыкальные инструменты образованной Европы. Казалось, какъ будто играли на нѣсколькихъ большихъ церковныхъ органахъ съ закрытыми трубами въ двухъ низшихъ октавахъ и вслѣдствіе отдаленности звукъ казался переливающимся и заглушеннымъ. Это было такъ же ново для слуха, какъ изобрѣтенная впоследствии гармоника. Игралъ оркестръ роговой музыки, изобрѣтенной въ Россіи въ 1757 г. капелмейстеромъ Нарышкина Маренцемъ. По словамъ графа Комаровскаго, между тогдашними меломанами ревность къ искусству и къ артистической славѣ порождала зависть и соперничество. Великосвѣтскіе музыканты не гнушались иногда играть со своими крѣпостными артистами. Въ описываемое время молодой князь Репнинъ состязался на флейтѣ съ придворнымъ виртуозомъ и его игра ставилась знатоками выше; въ его же время слыла большой музыкантшей на клавесинѣ княжна Кантемиръ. Сподвижница царицы Екатерины II — Дашкова тоже извѣстна была, какъ музыкантша. Музыка въ это время входила въ кругъ образованія великосвѣтскихъ людей, особенно дамы и барышни пѣли и играли

на разныхъ инструментахъ. Въ Москвѣ и Петербургѣ баре учреждали хоры пѣвчихъ, гдѣ сами пѣли вмѣстѣ съ крѣпостными людьми. Славилась въ то время въ Москвѣ хоры: Чашниковскій, Бекетовскій и Колокольниковскій; въ послѣднемъ участвовали купцы-любители, нѣкоторые изъ нихъ получили образованіе въ Италіи. Изъ этого хора вышелъ извѣстный пѣвецъ В. М. Самойловъ. Увлеченіе церковнымъ пѣніемъ было до того сильно, что въ церкви, гдѣ пѣли названные пѣвчіе по воскреснымъ днямъ, съѣзжалась вся Москва и, къ стыду, были случаи даже аплодированія послѣ исполненія ими концертовъ, какъ это сообщаютъ очевидцы Вигель и Жихаревъ. Слабость къ пѣнію у многихъ изъ нашихъ баръ доходила до помѣшательства. Такъ, извѣстный богачъ графъ П. М. Скавронскій вообразилъ себя большимъ пѣвцомъ и композиторомъ и окружилъ себя пѣвцами и музыкантами; онъ разговаривалъ съ прислугой своей по нотамъ, речитативами; такъ дворецкій докладывалъ ему бархатнымъ баритономъ, что на столъ подано кушанье. Кучеръ объяснялся съ нимъ густыми октавами, форейторы—дискантами и альтами, выѣздные лакеи тенорами и т. д. Во время парадныхъ обѣдовъ и баловъ его слуги, прислуживая, составляли тріо, дуэты и хоры; самъ баринъ отвѣчалъ имъ также въ музыкальной формѣ.

Графъ Растопчинъ, по поводу увлеченія нашихъ дамъ итальянцами, пишетъ: «Наши дамы обезумѣли; пѣвецъ оперы буйфъ, Мандини, доводитъ ихъ до крайнихъ дурачествъ. Изъ-за него онѣ спорятъ, завистничаютъ, носятъ девизы, которые онъ имъ раздастъ... Княгиня Д. аплодируетъ ему одна, внѣ себя кричитъ изъ своей ложи: фора, bravo! а княгиня К. съ восторгомъ рассказываетъ, что Мандини провелъ у нея вечеръ въ плафрокѣ и ночномъ колпакѣ. Жена его, публичная парижанка, повсюду принята ради мужа». Не менѣе увлекались талантами итальянцевъ и, лѣтъ тридцать тому назадъ, еще многимъ, я думаю, памятли бенефисы Патти или Тамберлика, когда за ложу бель-этажа поклонники платили по пятисотъ и болѣе рублей.

V.

Модные инвенторы.—Помѣшики прототипы Кошкарова.—Поѣзда помѣшиковъ.—Страсть къ лошадямъ и скачкамъ.—Мода ѣздить верхомъ.—Чудаки-спортсмены: Новосильцевъ и Демидовъ.—Балы аристократовъ-самодуровъ.

Въ концѣ царствованія Екатерины II у нашихъ богатыхъ помѣшиковъ явилось увлеченіе французами-агрономами; называли ихъ тогда «инвенторами». Противъ такихъ управляющихъ-самозванцевъ возстали сперва печать, потомъ и правительство. Извѣстный въ то время агрономъ Друковцевъ особенно сталъ сильно обличать «выѣзжихъ французскихъ обманщиковъ». «Разоренныхъ отъ нихъ», писалъ онъ, «видалъ я до-

вольно; а обогащенных никого». Полезныя французскія искусства, увѣрялъ онъ, здѣсь состоятъ въ томъ: чесать волосы, вымыплять и наряжать дамъ въ разнovidные уборы, обирать безбожно, сколько возможно обмануть больше тѣхъ, кто имъ повѣритъ. Противъ нихъ въ академическомъ регламентѣ явился указъ: чтобы таковыхъ прожекторовъ и инвенторовъ въ знаніи ихъ искусства въ наукахъ свидѣтельствовать въ академіи, а безъ свидѣтельства никуда не опредѣлять. Прототипы тоголевскаго Копшарова въ описываемое время уже встрѣчались; многіе изъ помѣщиковъ жили на широкую ногу, комнаты украшались выписною мебелью, французская бронза, ковры, картины, турецкіе диваны; множество экипажей, лошади; питать служащихъ при нихъ былъ премногочисленный, свои художники, чтецы, секретари, парикмахеры, французы-повара и т. д. Также помѣщиковъ разоряла и неузмѣренная страсть къ охотѣ; случаи, гдѣ мѣняли на борзыхъ псарей и семейства людей съ деревнями, были нерѣдки. Когда такой баринъ ѣхалъ къ себѣ въ имѣнье, обозъ его ничѣмъ не отличался по длинѣ отъ поѣзда желѣзной дороги. Въ одномъ изъ журналовъ нынѣшняго столѣтія мы встрѣчаемъ описаніе поѣздки одного помѣщика въ деревню. Баринъ съ барыней, перекрестившись, сѣли въ великолѣпную коляску въ шесть лошадей, за ними потянулась вереница другихъ экипажей. Первая фура была нагружена «Московскими Вѣдомостями» и грудой сочиненій, въ стихахъ и прозѣ, поднесенныхъ помѣщику его почитателями. За библіотекой слѣдовала кухня на трехъ повозкахъ; за кухней ѣхали пять поваровъ: французъ, итальянецъ, нѣмецъ, русскій и полякъ; далѣе слѣдовало десять поваренковъ, еще далѣе ѣхали докторъ и цирюльникъ съ домашней аптекой. Въ остальныхъ экипажахъ находились актеры, актрисы, стихотворецъ, плясуны, музыканты, живописецъ, чтець, писмоводитель, горничныя, камердинеры, парикмахеры, два шута; потомъ слѣдовалъ гардеробъ барина и барыни. Владѣлецъ всего поѣзда въ атласномъ шлафрокѣ и зеленомъ сафьянномъ картузѣ гордо посматривалъ изъ своего экипажа на проходящихъ. По случаю этого выѣзда въ деревню, стихотворцемъ, находившимся въ поѣздѣ, было написано аллегорическое стихотвореніе подъ названіемъ «Аллегорическое шествіе Аполлона и Дафны въ село Талантовъ». Во время движенія поѣзда чтець и трагическій актеръ декламировали первое явленіе изъ Эдипа, пѣвцы и пѣвицы пѣли «Лишь только занялась заря», шуты хохотали съ горничными. Когда поѣздъ добрался до деревни, крестьяне съ такою же радостью и торжествомъ встрѣтили своего барина, съ какою былъ встрѣченъ прибывшій въ свою деревню Тентетниковъ. Впереди шелъ старикъ въ зеленой курткѣ и велъ за руку мальчика лѣтъ двѣнадцать въ полосатомъ затрапезномъ халатѣ. Когда поѣздъ приблизился, раздался общій крикъ: «съ пріѣздомъ поздравляемъ, батюшка нашъ кормилецъ—Гаврилю Петровичъ и матушка наша Анна Семеновна!» Староста поднесъ хлѣбъ-соль, старостиха—яйца, а мальчикъ

въ халатѣ, размахнувъ руками, произнесъ рѣчь, начало которой было слѣдующее: «Высокородный господинъ! Когда усердіе и благоговѣнное изъясненіе преданной покорности съ симъ хлѣбомъ-солью и яйцами является лучезарному лицу твоему, да позволено будетъ дерзнуть излить предъ тобою, высокородный господинъ, чувствованіе глубоко тронутаго сердца». За рѣчь мальчикъ получилъ отъ барина гривну. Когда баринъ вошелъ въ приготовленные для него покои, человѣкъ въ зеленой курткѣ, бывшій приказчикомъ, предшествуя и растворяя двери, говорилъ: вотъ офиціантская, ваше высокородіе, вотъ зала, ваше высокородіе, вотъ гостиная, вотъ диванная, ваше высокородіе, вотъ спальная, ваше высокородіе, и т. д. Когда баринъ пошелъ осматривать село, приказчикъ рассказывалъ ему, гдѣ рѣка, гдѣ луга, гдѣ прудъ, гдѣ сады и прочія угодыя.

Мода на большіе парадные поѣзда была необыкновенно пышна: въ началѣ нынѣшняго вѣка, богатый и сановитый помѣщикъ, отправляясь изъ Москвы въ деревню, иногда имѣлъ свиту болѣе, чѣмъ въ двѣсти человѣкъ. Такъ, напримѣръ, извѣстный орловскій помѣщикъ Неплюевъ въ своемъ вояжѣ имѣлъ три восьмимѣстныхъ линіи, двѣ или три же кареты четверомѣстныя, многое множество колясокъ, кибитокъ, фуръ, дрожекъ, телѣгъ, и все это было переполнено разнымъ народомъ. Подлѣ главныхъ экипажей, тянувшихся ровнымъ шагомъ, шли скороходы и гайдуки, на запяткахъ стояли и ехали вооруженные гусары и казаки. Вся внутренность экипажей разбита была какъ садъ, изъ всякаго рода цвѣтистыхъ компаньоновъ и компаньонокъ, шутовъ и шутихъ и даже изъ дурь и дураковъ; послѣдніе припрыгивали и взвизгивали голосами всякихъ животныхъ. Самъ хозяинъ въ богатомъ гродетурномъ зеленомъ цвѣта халатѣ, украшенномъ знаками отличій, лежалъ на сафьянномъ пуховнкѣ въ одной изъ колясокъ; на головѣ его былъ зеленый же картузь съ красными опушками, отороченный, гдѣ только возможно, галунами. Изъ-подъ картуза виднѣлся бѣлый колпакъ, яркочунцовый рубчикъ котораго, отгѣняя зелень картуза, составлялъ на самомъ лбу помѣщика какого-то почти радужнаго цвѣта кайму. Руки помѣщика держали гигантской величины трубку, малиновый индѣйскій носовой платокъ и ужасную дорожную табакерку съ изображеніемъ одного изъ мудрецовъ Греціи. Даже небогатый помѣщикъ имѣлъ въ дорожной своей свитѣ нѣсколько экипажей и до десятка-двухъ людей. Обыкновенно первой въ поѣздѣ шла опять такая линія, за ней дорожная карета, потомъ коляска, двѣ кибитки и, наконецъ, огромная фура съ домашнимъ скарбомъ. Въ числѣ свиты были непременно одинъ настоящій казакъ и одинъ такой же солдатъ гусаръ и затѣмъ нѣсколько собственныхъ казаковъ, переряженныхъ изъ конюховъ, и до пяти солдатъ съ унтерами, выпрошенныхъ у начальства для конвоя. Въ тѣ времена дороги не были безопасны отъ разбойниковъ. Въ свитѣ почти всегда слѣдовали компаньоны-помѣщики, какой нибудь бѣдный дворянинъ, уволенный шкловскій кадетъ, гувернерь-французъ, французенка

мадамъ непремѣнно въ колоссальной шляпкѣ. Не обходилось также и безъ пѣвца, гитариста и флейтраверсента. Казаки ѣхали верхами возлѣ барской кареты во всемъ вооруженіи; гусары, егеря, унтеръ-офицеръ и солдаты были разсажены по всемъ экипажамъ. Главная путевая должность возлагалась на военныхъ людей: они содержали неуспынный караулъ при экипажахъ, по пріѣздѣ на станціи они отводили квартиры и пр.

Встарину считалось необходимою отличить себя новымъ егеремъ или новымъ гусаромъ-красавцемъ. Мода на такихъ выѣздныхъ людей была самая губительная. Одна одежда егеря, а особенно гусара, доходила отъ пяти сотъ рублей до тысячи, что составляло, если брать нынѣшнюю стоимость денегъ, до четырехъ тысячъ. Но самая разорительная мода у нашихъ помѣщиковъ была на лошадей и конскіе заводы, съ легкой руки графа Орлова-Чесменскаго, который сдѣлалъ у насъ починъ кровнаго коннозаводства и съ нимъ тѣсно связаннаго скакового дѣла. Первые такія публичныя скачки на призы въ Москвѣ были въ 1785 году; графъ Орловъ выписалъ первоклассныхъ скакуновъ изъ Англіи; по его примѣру, въ скачкахъ съ нимъ стали участвовать и другіе богатые помѣщики, и также повыписывали изъ Англіи лошадей. Соперникомъ лошадей графа былъ также проживавшій тогда въ Москвѣ царственный плѣнникъ, крымскій ханъ Сагинъ-Гирей. Заведенныя графомъ въ Москвѣ скачки продолжались до самой его кончины по четвергамъ весь май и іюнь мѣсяцы, и въ нихъ участвовали Д. М. Полторацкій, Муравьевъ, бригадиръ Чемадановъ, братья Мосоловы, Савельевы, Загряжскій, Д. Н. Лопухинъ, Темпирязевъ, братья Всеволожскіе, К. П. Воейковъ и другіе.

Одинъ Орловъ выписалъ изъ одной Англіи 38 жеребцовъ и 53 кобылы, которыя и вошли, какъ элементы, въ созданныя имъ породы: верховую и рысистую. Приобрѣтеніе же арабскихъ лошадей было произведено во время командованія имъ флотомъ въ Турецкую войну съ 1770 по 1774 годъ.

Выѣзды этого съ другими коннозаводчиками на скачки и другія публичныя увеселенія, по словамъ современниковъ, отличались необыкновенною торжественностью—графъ ѣзжалъ постоянно на фаворитномъ своемъ конѣ, Свирѣномъ; графъ былъ всегда въ парадномъ мундирѣ и обвѣшанный орденами; азіатская сбруя, сѣдло, мундштукъ и чепракъ были буквально залиты золотомъ и украшены драгоценными камнями. Съ графомъ всегда ѣзжала и дочь его въ сообществѣ нѣсколькихъ дамъ; сопровождали Чесменскаго, по обыкновенію, его побочный сынъ А. А. Чесменскій, князь Хилковъ, Д. М. Полторацкій, А. В. Новосильцевъ и множество другихъ особъ. За ними слѣдовали берейторы и конюшіе графа не менѣе сорока человекъ, изъ которыхъ многіе имѣли въ поводу по заводской лошади, въ нарядныхъ пополахъ и богатой сбруѣ—тянулись и графскіе экипажи, запряженные путами и четверками одномастныхъ лошадей. Современникъ графа С. П. Жихаревъ говоритъ о немъ, что, когда

онъ доживалъ свой громкій славой вѣкъ въ Москвѣ, какое-то очарованіе окружало богатыря Великой Екатерины, отдохавшаго на лаврахъ въ простотѣ частной жизни, и привлекало къ нему любовь народную. Чесменскій герой былъ типомъ русскаго человѣка: могучій крѣпостью тѣла, могучій силой духа и воли, онъ съ тѣмъ вмѣстѣ былъ доступенъ, радушенъ, доброжелателенъ справедливъ; вель образъ жизни на русскій ладъ и вкусъ имѣлъ народный. Эти свойства графа Орлова необходимо должны были покорить ему сердца всѣхъ окружавшихъ, а окружавшими его были всѣ московскіе граждане,—они нечувствительно приняли его направленіе какъ въ образѣ жизни, такъ и во вкусахъ. Со времени удаленія графа отъ государственныхъ дѣлъ, любимымъ его занятіемъ была конская охота, и вотъ всѣ московскіе обыватели сдѣлались конскими охотниками. Съ легкой руки графа Орлова между нашими помѣщиками быстро и широко развилась охота къ рысакамъ. Привозъ изъ Англій многотысячныхъ лошадей сталъ повторяться чаще и чаще,—были такіе любители, что платили по 15-ти тысячъ рублей за одного вышнего жеребца. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія московское аристократическое общество считало самымъ моднымъ обычаемъ ѣздить верхомъ и появлялось на улицахъ Москвы на своихъ многотысячныхъ скакунахъ, въ болѣе чѣмъ роскошной сбруѣ.

Вышеупомянутый Новосильцевъ, живя въ Москвѣ, поражалъ москвичей своимъ пышнымъ выѣздомъ. Онъ выѣзжалъ на великолѣпномъ конѣ, покрытомъ вышитымъ золотомъ чепракомъ: вся сбруя была составлена изъ богатыхъ золотыхъ и серебряныхъ отличнаго чекана цѣпочекъ. Во время такихъ пышныхъ своихъ уличныхъ поѣздокъ, въ сопровожденіи богато одѣтой свиты, онъ курилъ трубку. Последнее обстоятельство поражало всѣхъ и заставляло простонародіе снимать передъ нимъ шапки. Въ тѣ времена куренье на улицахъ было строго запрещено. Новосильцева подразумѣваетъ Грибоѣдовъ въ своемъ «Горѣ отъ ума», про него говоритъ Фамусовъ, называя его Максимомъ Петровичемъ.

Существовали въ Москвѣ и такіе затѣйники, какъ, на примѣръ, богачъ Демидовъ, который выѣзжалъ въ такомъ экипажѣ, что глазамъ трудно было вѣрить, въ которомъ все было наперекоръ симетрии и здравому смыслу. На запяткахъ трехъ-аршинный райдукъ и карлица, на козлахъ кучеромъ мальчишка лѣтъ десяти, а фореиторомъ старикъ съ сѣдой бородою, лѣвая коренная съ верблюда и правая съ собаку. Ѣздилъ одинъ также на Москвѣ зимою на колесахъ, а лѣтомъ въ саняхъ. Проживалъ еще въ Москвѣ одинъ ярый спортсменъ Лавръ Львовичъ Демидовъ, который даже носилъ особенное платье, приспособленное для верховой ѣзды: лѣтомъ ходилъ онъ въ курткѣ сѣраго сукна, панталоны въ обтяжку въ сапоги и круглая шляпа на головѣ. Зимой надѣвалась имъ длинная куртка на лисьемъ мѣху, теплый ватонный картузь, а на ноги бѣлые вязанные лохматые сапоги, какіе обыкновенно носились въ то время жен-

щинами. Собою Демидовъ былъ худъ, держалъ себя прямо, копируя во всемъ англичанина. Онъ имѣлъ свой домъ на краю города, въ улицѣ Ольховицы, близъ Сокольниковъ. Въ домѣ у него и во всемъ хозяйствѣ, въ особенности же въ конюшнѣ, былъ полный порядокъ, экономія и чистота; и если эту чистоту нарушала даже муха, то и тогда стѣдовало если не взысканіе, то выговоръ, и выговоръ строгій его домочадцамъ. О пыли нечего и говорить. На дворѣ его всегда бѣгало съ дюжину маленькихъ шавокъ—«позвонковъ». Бѣленькія, косматыя, совершенно похожія одна въ другую, онѣ привѣтствовали каждаго входящаго въ калитку такимъ звонкимъ, учащеннымъ ласмъ, и вертѣлись около него такъ быстро и дружно, хотя и безъ малѣйшаго вреда, что невольно заставляли останавливаться и выжидать, когда на лай выйдетъ кто либо изъ всегда запертыхъ дверей дома. Ворота рѣшетчатого забора были всегда затворены и отворялись только тогда, когда хозяинъ въ удовольствіе своей страсти «къ лошадамъ» выѣзжалъ верхомъ или лѣтомъ на бѣговыхъ дрожкахъ, а зимою въ санкахъ, промять застоявшуюся лошадь, что дѣлалось каждый день, попеременно нѣсколько разъ. Демидовъ никогда не отлучался изъ дому и даже не ходилъ въ церковь; однажды на вопросъ знакомаго, отчего онъ не былъ у обѣдни? «Нельзя, отвѣчалъ онъ, у меня три лошади стоятъ съ развязанными на блоки хвостами, англезируются. Это очень опасно-съ, хвостъ можетъ зарюсти на сторону, и изъ конюшни почти не выхожу, тамъ я сплю и чай пью и обѣдаю. Что-жь, пойдешь въ церковь, будешь думать о хвостахъ!... нельзя-съ». Когда открылась Николаевская желѣзная дорога, Демидовъ выѣхалъ посмотреть на невиданное движеніе. Сталъ на полверсты отъ дебаркадера, возлѣ дороги, на ровномъ мѣстѣ и когда, тронувшись, поѣздъ поровнялся съ нимъ, онъ пустился скакать въ перегонку. «Нѣтъ, не обгонишь, говорилъ онъ послѣ. Лошадь, знаете, устаетъ, а машина идетъ себѣ все шибче-съ и шибче».

Страсть къ верховой ѣздѣ почти въ то время была необходимостью. Но разскажемъ старожилловъ, въ Москвѣ, въ осеннюю и дождливую погоду, дороги были совершенно недоступны для экипажа и подмосковные помѣщички почти все отправлялись въ Москву верхомъ. Такъ однажды выѣхалъ въ Москву и фельдмаршалъ Сакенъ. Утомленный, избитый толчками, онъ приказалъ отпречь лошадь изъ-подъ форейтора, сѣлъ на нее и пустился въ путь. Когда явились къ нему московскія власти съ изъявленіемъ почтенія, онъ обратился къ губернатору съ вопросомъ: былъ ли онъ уже губернаторомъ въ 1812 году. и на отвѣтъ, что не былъ, графъ Сакенъ сказалъ: «А жаль, что не были! При васъ Наполеонъ никакъ не могъ бы добраться до Москвы».

Въ старое время, когда еще были живы Орловы, Шереметевы, Остерманы и другіе представители московской аристократіи и когда все эти магнаты жили съ необычайной роскошью, то эта роскошь была совершенно азіатская,

какъ и нравы, въ то время господствовавшіе: огромные дома по большей части убраны безъ всякаго вкуса, безчисленное множество слугъ, крѣпостные театры, доморощенные танцовщицы, домашніе оркестры, ежедневные обѣды, богатые не качествомъ, но количествомъ блюдъ, и балы, на которые съѣзжалась вся Москва. Вотъ картина одного изъ баловъ 1801 года. По всему дому безчисленное множество слугъ и богато, и бѣдно одѣтыхъ. Въ танцевальной залѣ гремитъ музыка, въ ней почти все гости и самъ хозяинъ, который въ полномъ мундирѣ и во всехъ орденахъ сидитъ посреди первыхъ сановниковъ и почетныхъ московскихъ дамъ. Этотъ аристократическій кругъ, эти кавалерственныя дамы и сѣдые старіки въ лентахъ и звѣздахъ, толпа молодыхъ людей, тоже вся безъ исключенія въ мундирахъ, — все это придаетъ какой-то важнѣй и торжественный видъ балу, который во всехъ другихъ отношеніяхъ, конечно, не могъ бы назваться блестящимъ. Ужинъ отличается великолѣпнымъ серебрянымъ сервизомъ, да полнотою и обиліемъ блюдъ. Послѣ ужина танцы начинаются безконечнымъ а-ла-грекомъ, одна фигура смѣняетъ другую и кавалеръ первой пары, не смотря на свои шестьдесятъ лѣтъ, рѣшительно не знаетъ усталости; онъ начинаетъ престранную фигуру, очень похожую на хороводную фигуру, все пары путаются, общій хохотъ, суматоха, бѣготня; вдругъ во время танцевальнаго разгула хозяинъ привстаетъ и кричитъ громовымъ голосомъ «гераусъ», т. е. вонъ! Музыка умолкаетъ, кавалеры раскланиваются съ дамами и въ двѣ минуты во всей залѣ не остается ни одного гостя. Гости такой обиды не понимаютъ и черезъ недѣлю опять танцуютъ у невѣжливаго хозяина. только онъ на этотъ разъ не кричитъ уже «гераусъ», а протрубитъ на волторнѣ тоже нѣчто, что означаетъ «ступайте вонъ!» На это тоже никто не сердился, — вообще приличіе зажиточные люди въ доброе старое время понимали очень условно и знали только одно «показаніе къ житейскому обхожденію», напечатанное по повелѣнію блаженной и вѣчно достойной памяти Петра Великаго. Книга эта учила, какъ держать себя въ обществѣ, сохранять свѣтскія приличія и т. п. Такъ, эта книга не совѣтовала придворному человѣку «руками или ногами по столу вездѣ колобродить, но смирно ѣсть, вилокми и ножикомъ по тарелкамъ и скатерти не чертить. Когда говоришь съ людьми, наставляла эта книга, то будь благочиненъ, учтивъ, немного говори, а слушай. Если случится рѣчь печальная, то надлежитъ быть печальну и имѣть сожалѣніе. Въ радостномъ случаѣ быть радостну и являть себя весело съ веселыми. Отъ клятвы, чужеложства, игранія и пьянства долженъ себя вельми удержать; придворный прямой человѣкъ не долженъ носомъ храпѣть и глазами моргать, и ниже шеи и плеча, яко бы изъ повадки, трясти. Не званъ и не приглашенъ въ гости не ходи, ибо говорится: кто ходитъ не званъ, тотъ не отходить не бранъ. Во всехъ пирахъ, банкетахъ и прочихъ торжествахъ отнюдь никакой скупости или грабительства да не являеть, дабы не признали гости. Также излишняя роскошь и

прихотливые протори: зѣло не похваляются. Не малая гнусность есть, кто часто сморкаетъ, яко бы въ трубы трубить, или громко чхаеть и тѣмъ малыхъ дѣтей устрашаетъ и пугаетъ. Еще зѣло непристойно, когда кто платкомъ или перстомъ въ носу чистить, якобы мазь какую мазаль, а особливо при другихъ честныхъ людяхъ» и т. д.

При императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ явилась новая книга свѣтскихъ приличій: «Граціанъ придворный человекъ». Книга эта учила, что «большая вѣжливость — учтивый обманъ, а истинное учтивство — одолженіе, а притворное лукавство — обхожденіе, всегдашняя наука въ жизни, что ради въ немъ великой осторожности потребно; всякое излишнее вредно, а наипаче въ обхожденіи. Когда ты въ компаніи, то думай, что въ шахматы играешь». «Безмѣрная хвала пристойна къ прикрытію лжи и злословія». «Никогда больного мѣста не кажи». «Благодарность скорому забвенію подвержена и зѣло тягостна». «Зависть всѣ твои пороки примѣтитъ, а добродѣтели ни одной не увидитъ». «Обманъ входитъ ушми, а выходитъ глазами». «Великаго вопрощика такъ надобно храниться, какъ шпиона». «Шутками наибольшія правды вывѣданы» и т. д.

При Екатеринѣ II вышла въ свѣтъ «Модная книга» со свѣтскими наставленіями; она принадлежала къ такъ называемой шуточной литературѣ — сатира была направлена противъ французскихъ модниковъ и модницъ, гонящихся безразсудно за модами. Авторъ въ предисловіи обращается къ господамъ и госпожамъ, у которыхъ поднимаются модные теперь пары (vareurs); сочинитель говоритъ, что зеленый цвѣтъ, подобно прочимъ модамъ, продолжается не болѣе недѣли и потому предлагаетъ имъ наилучшій румянецъ, подобный тому, который «сіяетъ на ихъ жестоко раскрашенныхъ лицахъ и способный, по мнѣнію докторовъ, разсѣять и избавить ихъ отъ ваперовъ».

Позднѣе было издано еще нѣсколько книгъ съ правилами вѣжливости и свѣтскихъ приличій; были и такія, которыя предлагали эти правила въ стихотворной формѣ. Такъ, въ одномъ изъ такихъ уже изданій въ сороковыхъ годахъ предлагаются такіе, напримѣръ, совѣты:

Старайся, чтобъ твой носъ былъ свѣжъ и чистъ:
Не фыркалъ, не сопѣлъ, не издавалъ бы свистъ,

или:

Старайся за столомъ такъ руки держать.
Чтобъ платья дамъ не замарать...

и т. д. учителями свѣтскихъ приличій въ Екатерининское время были: французы-эмигранты. Положеніе эмигрантовъ тогда было ужасное, многіе изъ нихъ не имѣли ни пристанища, ни куска хлѣба; были и исключенія, которыя могли назваться богатыми и привезли съ собою значительные капиталы. Люди чиновные и знатные вступали въ русскую службу и,

по милости императрицы, жили сообразно своему званію. Загоскинъ упоминаетъ объ одномъ такомъ эмигрантѣ, чуть ли не герцогѣ, котораго онъ зналъ въ своемъ дѣтствѣ. Ему было за шестьдесятъ лѣтъ, но никто не могъ ему дать этихъ лѣтъ: тонъ и манеры его были неподражаемы, шитый французскій кафтанъ, стальная шпага, парикъ а-лель-де-пижонъ, распудренный, брилліантовые перстни на пальцахъ, золотые брелоки у часовъ и пуанъ-далансоновы манжеты. Все это дѣлало его щеголемъ. Повность его была тоже удивительная: бывало закинеть ногу на ногу, развалится въ креслахъ, почти лежить. Сдѣлай это другой, такъ будетъ невѣжливо и даже неблагопристойно, а къ нему все шло: начнетъ ли онъ играть своей золотой табакеркою, или обсыпять табакомъ жабо и отряхнеть пальцами манжеты. А посмотрѣли бы вы, какъ онъ это дѣлалъ. Въ каждомъ его движеніи были такія грасы, такая прелесть. О, конечно, въ этомъ отношеніи старые французы, добавляетъ повѣствователь, были неподражаемы!

Пристрастіе дворянъ къ воспитанію дѣтей въ названное время французами-эмигрантами съ великосвѣтскимъ лоскомъ доходило до смѣшного. Въ журналахъ того времени часто встрѣчаемъ выведенныхъ такихъ господъ; такъ, въ «Московскомъ Вѣстникѣ» описанъ такой состоятельный помѣщикъ, который ищетъ учителя для своего маленькаго сына. Учителемъ непременно долженъ быть французъ и притомъ трехтысячный, потому что дешевые—или пьяницы, или воры. Онъ ни слова не долженъ знать по-русски, потому что съ такимъ учителемъ легче выучиться говорить по-французски. Въ «Литературныхъ Листкахъ» тоже выведенъ одинъ пятнадцатилѣтній сынъ помѣщика, прекрасно говорящій по-французски и танцующій, какъ Дюпоръ (извѣстный балетный танцовщикъ, которому наша дирекція платила по 1,700 рублей въ вечеръ). По внушенію родителя, онъ хочетъ любить свое отечество, но не умѣетъ, потому что не знаетъ его.

VI.

Воспитаніе по модѣ.—Французскіе «мадамы и мусье».—Столѣтіе перваго моднаго журнала.—Моды сто лѣтъ назадъ.—Исторія фрака.—Шалуны и повѣсы.—Военное удаальство и кутежи.—Мода на золото и портреты.—Уродливыя моды временъ директоріи.—Гоненія и указы на французскія моды.—Моды александровскихъ временъ.—Плащъ «cols и à la Quiroga, и шляпа «à la Bolivar».

«Воспитаніе по модѣ», состоящее въ содержаніи у себя въ домѣ «французской мадамъ и мусье», писатель XVIII столѣтія Н. И. Страховъ, редакторъ «Сатирическаго Вѣстника», характеризуетъ такъ: «Если случилось», — говоритъ онъ, — «что снъ господъ разругали васъ въ глаза, то стоить только послать слугу въ Англійскій кофейный домъ, и на другой день передняя ваша наполнится множествомъ мусьевъ, хотя извѣстная наша

склонность къ французскому языку, а паче наша неразборчивость лишила Парижъ половины слугъ; однакожь, можете вы между ними найти такихъ, которые у знатныхъ людей исполняли должность почтенныхъ господъ-камердинеровъ; причеъ онъ даетъ совѣтъ не справляться, знаютъ ли они учить правильно языку, но вѣдливаться, хорошо ли говорятъ они по-французски. Исчисляя прочіе предметы, входящіе въ составъ моднаго воспитанія, необходимо нужнаго для «щеголеватыхъ дѣвушекъ и молодцовъ», Страховъ упоминаетъ о танцованіи. Обращаясь къ молодымъ дѣвицамъ, авторъ иронически замѣчаетъ: «дабы не уменьшилось достоинство ногъ, продолжайте обучаться танцованію цѣлый вѣкъ. Почитайте оно главнѣйшимъ приданнымъ вашимъ и такимъ достоинствомъ, которое составляетъ душу всѣхъ вашихъ дарованій». Молодымъ щеголямъ онъ даетъ такой же совѣтъ: «помѣстить въ ноги всѣ тѣ достоинства, которыя не втѣзли въ ихъ голову». Относительно музыкальнаго воспитанія онъ тоже предлагаетъ только запомнить и заучить итальянскіе музыкальные термины.

Въ 1891 году, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, исполнилось ровно сто лѣтъ, какъ у насъ сталъ выходить первый модный журналъ — подъ названіемъ «Магазинъ англійскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ модъ». Издателемъ его былъ, по мнѣнію г. Неустроева, извѣстный Н. И. Новиковъ. Первый, впрочемъ, такой модный журналъ, подъ заглавіемъ «Модное ежемѣсячное сочиненіе или библіотека для дамскаго туалета», появился ранѣе нѣсколькими годами, но содержаніе этого журнала не соответствовало своему названію и не давало никакихъ извѣстій о модахъ, кромѣ самыхъ краткихъ объясненій приложенныхъ къ нему четырехъ модныхъ картинокъ. Магазинъ модъ иллюминированъ былъ рисунками, и кромѣ «извѣстій и обстоятельныхъ описаній каждой примѣчанія достойнѣйшей моды, появившейся за границей, въ отношеніи къ платью и нарядамъ обоюго пола, мебелиамъ столовымъ и прочимъ приборамъ, экипажамъ, расположенію домовъ, комнатъ и украшенію оныхъ» и т. д., — давалъ описанія образа жизни, публичныхъ увеселеній и времяпровожденій въ знатнѣйшихъ городахъ Европы. Магазинъ этотъ не ограничивался одною только исторіею чужестранныхъ модъ, но отъ времени до времени давалъ извѣстія о господствующимъ и у насъ въ столицѣ появлявшимся уборахъ, платьяхъ, экипажахъ и вкусѣ. Моды, общаемя въ журналѣ, какъ гласило объявленіе, будутъ появляться черезъ полтора мѣсяца послѣ ихъ появленія на горизонтѣ парижскихъ щеголей и щеголихъ.

Въ первомъ номерѣ, явившемся въ апрѣлѣ, про мужскіе туалеты писалось, что кавалеры теперь отличаются крайнею простотою, подходящею весьма близко къ деревенщинѣ (*rusticité*). Во фракахъ не послѣдовало никакой отмѣны, но, по случаю сырой погоды, носятъ сверхъ оныхъ сюртуки. Далѣе совѣтуется: «чтобы походить во всемъ на англичанина — должно имѣть новомодныя англійскія кожаныя шпоры, которыя прежде

были серебряныя или стальныя, теперь дѣлаются изъ жесткой черной кожи, и только назадъ къ нимъ пришивается небольшая шейка изъ металла». Дамы, какъ писалъ парижскій корреспондентъ, одѣваются опять великолѣпно—бальныя платья изъ темно-зеленаго полуатласа двухъ родовъ: первое на подобіе Эвфрозины (*Habitement à l'Euphrosine*), получившее названіе отъ новой пьесы, и другое à l'Amadis. Въ шляпахъ и дамскомъ уборѣ *Bonnets à Cylindre*, т. е. чепецъ или наколки на манеръ цилиндра, вышиною равняющіяся настоящей сахарной головѣ, такъ что, по причинѣ вышины прически, въ залахъ собранія всѣ люстры и жирандоли повѣшены гораздо выше прежняго для предупрежденія пожара на головахъ нашихъ красавицъ. Въ письмѣ изъ Гамбурга, въ этомъ журналѣ, между прочимъ, говорится объ успѣхѣ пьесъ Коцебу, которыя по справедливости принадлежатъ къ моднымъ театральнымъ пьесамъ. Вскорѣ эти пьесы доходятъ и до насъ въ переводахъ и держатся на сценѣ отечественнаго театра чуть ли не болѣе десятка лѣтъ—эти драматическія произведенія у насъ носятъ названіе «Коцебутины».

Интересно также сообщеніе о новой модѣ на карманное оружіе. Кто бы могъ подумать, что веселые и всегда поющіе парижане дойдутъ до того, что будутъ имѣть при себѣ вмѣстѣ со сткляночками, наполненными благовонными водами и спиртами, съ золотыми сувенирами, съ бумажниками, съ фальшивыми часами и пр. очень галантерейными вещами еще итальянскій кинжалъ, пару карманныхъ пистолетовъ, трости съ саблями и шпагами. Мода эта продолжалась недолго; у всѣхъ модниковъ, явившихся въ Тюльерійскомъ дворцѣ, были опорожнены всѣ карманы и наполнили этими галантереями нѣсколько коробовъ. Такихъ франтовъ позднѣе стали обыскивать на улицахъ и провожать пинками и толчками. Наши русскіе петиметры и петить-метрессы, прадѣды и прабабушки, щеголяли въ Москвѣ; въ то время появлялись въ слѣдующихъ нарядахъ: для баловъ и въ торжественные дни дамы надѣвали русскія платья изъ обьярей, двойныхъ тафтъ и заграничныхъ матерій, шитыхъ шелками или камнями, или другого цвѣта; рукава имѣли одинаковаго цвѣта съ юбкою; пояса носили по корсету, шитые шелками или тоже камнями, на шеѣ околки или родъ косынокъ на вздержкѣ изъ блондъ или кружевъ, на грудь надѣвали закладку или рубашечку изъ итальянскаго флера на вздержкѣ; голова причесывалась буклями большими или малыми, виски же подрѣзывались наравнѣ съ ушами; шиньонъ гладкій и конецъ его завивался буклею; на волосы накалывались ленты съ перьями и цвѣтами. Для выѣздовъ на обыкновенные балы, на свадьбы употреблялись сюртуки безъ фраговъ, флеровые и тафтинные полосатые, съ цвѣточками, съ бѣлыми флеровыми юбками, на шею платки и рубашечки съ мужскими воротниками, рукавички такіе же, какъ и къ русскому платью, пояса изъ лентъ съ концами и съ бантами и пряжки къ поясамъ стальныя или съ камнями; на головѣ носили тюрбаны изъ цвѣт-

ныхъ флеровъ, также и наколки. Для выѣздовъ въ клубъ и вокзалъ въ тогдашнее модное гулянье употребительнѣйшія платья дамъ были: сюртуки съ фраками—съ высокими воротничками, узенькими и короткими, въ родѣ туркезовъ, рукавчики расшнурованы ленточками, лацканы также такіе и на пуговицахъ, юбки изъ лино-батиста, на головѣ шляпка à la Cloche (на подобіе колокола); вокругъ шляпы черныя и бѣлыя блонды: другія же употребляли шляпки à la Bergère (по-пастушечьи). надѣвались послѣднія на волосы на одинъ бокъ съ гирляндами изъ цвѣтовъ, лентъ и съ перьями.

Мужскія московскія моды были: суконныя фраки разныхъ цвѣтовъ съ длиннымъ лифомъ и стальными пуговицами; весною и лѣтомъ употребляли для фраковъ шелковыя полосатыя матеріи и англійскія полусукна; на шеѣ носили косыночки изъ лино-батиста или кисеи, обшитыя кружевомъ или вышитыя по краямъ разными шелками, повязывались онѣ бантомъ напередѣ съ распущенными концами; жилеты носили шитые по канифасу бѣлыми и разноцвѣтными шелками. Рубашки—изъ англійской шелковой или полотняной матеріи съ узенькими полосочками, по сторонамъ ставились только по три пуговицы. Прическа головы—въ три бугли на сторонѣ, одна возлѣ другой и широкой а-ла-вержетъ. Шляпы къ фракамъ круглыя, остроконечныя, перевязанныя лентами. Чулки шелковыя, половинчатые, на подобіе сапожковъ до половины икры темнаго цвѣта, а отъ икры до колѣна бѣлыя. На фракъ съ начала нынѣшняго столѣтія стали нападать какъ въ литературѣ, такъ и въ обществѣ, съ легкой руки Грибоѣдова, опредѣлившаго его такъ:

Хвотъ сзади, спереди какой-то чудный выемъ,
Разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ.

Фракъ сталъ гонимъ—какъ и теперь рѣзко своего онъ вида не теряетъ, то подымется, то опустится лифъ, воротникъ или рукава сдѣлаются то уже, то шире, то длиннѣе, то короче. Загоскинъ написалъ о вредѣ его цѣлую статью, увѣряя, можетъ ли быть что нибудь смѣшнѣе и безобразнѣе фрака. Долговѣчность послѣдняго, надо думать, объясняется тѣмъ, что встарину, когда чинопочитаніе царствовало повсюду, одинъ только фракъ, который нашивали и служащіе, и неслужащіе, все безъ исключенія, иногда уравнивалъ между собою и полковника, и гвардейскаго сержанта, но и тутъ безъ вѣжливости фракъ не спасалъ шалуна или повѣсу. А повѣсь въ то время было много, такіе ходили съ толстыми палками въ рукахъ, послѣднія носили названіе геркулесовой дубины; эта мода явилась тоже изъ Франціи. Въ тѣ года на улицахъ Парижа и въ публичныхъ собраніяхъ палки и расправа палкой играли большую роль. Всякій смѣшилъ отвѣчать на грубое слово, на насмѣшку и просто даже на тѣсноту ударами палки. Тогдашніе щеголи не покидали ни на минуту своихъ тростей и часто пускали ихъ въ ходъ. Вѣжливость считалась предразсуд-

комъ и молодые люди разговаривали съ женщинами, надвигая шляпу на лобъ. Когда старики выказывали вѣжливость, молодые осыпали ихъ насмѣшками.

Большими повѣсами и шалунами въ началѣ нынѣшняго столѣтія были молодые кавалеристы; характеръ, духъ и тонъ военной молодежи и даже пожилыхъ кавалерійскихъ офицеровъ составляли въ ту эпоху молодечество, удалство. «Послѣдняя копѣйка ребромъ» и «жизнь—копѣйка, голова ничего», вотъ какія были поговорки и какіе девизы тогдашнихъ офицеровъ. Не надо забывать, что большая часть тогда эскадронныхъ командировъ и ротмистровъ были суворовскіе воины, крещенные въ кровавыхъ битвахъ и опаленные въ пороховомъ дыму. Поэтъ-партизанъ Денисъ Давыдовъ пѣлъ:

Сабля, водка, конь гусарской,
 Съ вами вѣкъ мой золотой!
 Я люблю кровавый бой,
 Я рожденъ для службы царевой!

Теперь все перешло въ преданіе! Ни эха, ни слѣда прежнихъ лѣтъ. Старые офицеры искали и въ войнѣ, и въ мирѣ опасностей, чтобъ отличиться безстрашіемъ и удалствомъ. Попировать, подраться на сабляхъ, побушевать, гдѣ бы не слѣдовало,—это входило въ составъ военной жизни и въ мирное время, пишетъ современникъ того времени Э. Булгаринъ: «Молодые кавалерійскіе офицеры были то же, что нѣмецкіе студенты-бурши и также вели вѣчную войну съ рябчиками (такъ встарину кавалеристы называли штатскихъ). Военная молодежь не покорялась никакой власти, кромѣ своей полковой, и безпрерывно вела войну съ полиціей. Буянство хотя и подвергалось въ то время наказанію, но не считалось порокомъ и не помрачало чести офицера, если не выходило изъ извѣстныхъ границъ. Стрѣлялись очень рѣдко, только за кровавыя обиды, за дѣла чести, но за то рубились за всякую мелочь. Послѣ такихъ дуэлей бывалъ пиръ и дружба. Общество офицеровъ въ полку было какъ одна семья, все было общее — и деньги, и время, и наслажденія, и непріятности, и опасности. Старшіе офицеры требовами отъ молодежи исполненія службы, храбрости въ дѣлѣ и сохраненія чести мундира. Офицеръ, который бы измѣнилъ своему слову, или обманулъ кого либо, не былъ терпимъ въ полку. Офицеры, правда, дѣлали долги, но въ крайности за нихъ складывались товарищи и платили ихъ. Офицерская честь высоко цѣнилась, хотя эта честь имѣла свое особенное, условное значеніе. Гвардія тогда была малочисленна. Въ Кавалергардекомъ, Преображенскомъ и Семеновскомъ полкахъ былъ особый тонъ и духъ. Офицеры этихъ полковъ принадлежали къ высшему обществу; они слыли танцорами, господствовали въ нихъ придворные обычаи и общій языкъ былъ французскій, когда, напротивъ, въ другихъ полкахъ между удакою молодежью французскій языкъ считался неприличнымъ и говорить между собою позволя-

лось только по-русски. Офицеровъ, которые отличались свѣтскою ловкостью и французскимъ языкомъ, называли «хрипунами»; послѣднее названіе произошло отъ подражанія парижанамъ въ произношеніи буквы *p*. Конно-гвардейскій полкъ былъ нейтральнымъ, онъ соблюдалъ смѣшанные обычаи. Лейбъ-гусары, павловцы, измайловцы и лейбъ-егеря слѣдовали господствующему духу удалства и жили по-армейски. Во флотѣ было еще больше удалства. Въ старыя времена офицеры кутили въ Екатерингофѣ, Красномъ кабачкѣ и на Крестовскомъ островѣ; сюда ѣздили какъ на охоту, и горе было бѣднымъ нѣмцамъ ремесленникамъ, которыхъ находили здѣсь съ семействами. Начиналось обыкновенно такъ: заставляли толстыхъ мамонекъ и папенокъ вальсировать до упаду, потомъ спаивали весь мужской полкъ, за прекраснымъ поломъ все волочились, обыкновенно это и оканчивалось баталіей. Кутили всю ночь до утра и въ 9 часовъ все являлись къ разводу, кто въ Петербургъ, въ Стрѣльну, Царское, Петергофъ, и какъ будто ничего не бывало. Черезъ нѣсколько дней приходили жалобы и виновные тотчасъ сознавались по первому спросу, кто былъ тамъ-то. Лгать было стыдно. На полковыхъ гауптвахтахъ всегда было тѣсно отъ арестованныхъ офицеровъ, особенно въ Стрѣльнѣ, Петергофѣ и Мраморномъ дворцѣ. Каратыгинъ рассказываетъ, какъ гвардейскіе офицеры, возвратясь изъ славнаго похода въ Парижъ, однажды ночью, послѣ веселаго ужина, разбрелись потѣпаться по Невскому проспекту и въ продолженіе ночи перемѣнили нѣсколько вывѣсокъ. Поутру у булочника оказалась вывѣска колбасника, надъ аптекой — гробовщика и т. д. Нынче немыслимы такія шалости, но въ то время ночной полицейскій надзоръ былъ очень слабъ и инвалиды-будочники дремали у своихъ старозавѣтныхъ будокъ.

Въ 1791 году вошло въ большое обыкновеніе у дамъ носить много золота въ видѣ ожерелій, съ большими золотыми сердцами, серьги въ видѣ блондъ и проч. Господствующій для всякой обшивки цвѣтъ былъ пунцовый и единственнымъ ему соперникомъ было только золото. Появилась въ тѣ года еще новая мода обшивать платье чернымъ или желтымъ цвѣтомъ; она названа была *à la contre révolution*, но послѣдняя скоро вышла изъ употребленія. Года два спустя, появилась большая мода на миниатюрные портреты на слоновой кости, которые носили въ медальонахъ на шеѣ. Мода эта вошла сперва въ Парижъ, гдѣ былъ знаменитый живописецъ Изобей, рисовавшій такіе портреты въ совершенствѣ. Этотъ родъ портретовъ очень распространился по всей Европѣ и держался очень долго и у насъ. Еще въ концѣ тридцатыхъ годовъ всякая молодая дѣвушка, выходявшая замужъ, дарила жениху медальонъ съ своимъ портретомъ на кости. Убила это обыкновеніе окончательно фотографія.

Въ концѣ 1791 года въ столичномъ обществѣ самымъ употребительнѣйшимъ женскимъ платьемъ былъ «молдаванъ»; его носила сама импе-

патрица Екатерина II. Платье было съ короткими рукавами, шилось из атласа, флёру, изъ турецкихъ тонкихъ парчей, обшивалось кружевомъ, блондами, бахрамою, лентами; юбки къ этому платью носили бѣлыя и одинаковаго цвѣта съ корсетомъ. Также носили «пiеро» изъ лино, шитые шелками и фуруферме съ большимъ шлейфомъ. Головы причесывали въ букли и въ расческу узко, въ родѣ мужскихъ головъ. Носили султаны съ золотомъ и золотыми колосьями и фольговыми цвѣтами.

Въ 1793 году вошли въ большую моду дамскіе сюртучки; къ сюртучку надѣвали камзолчикъ, газетовый изъ какой нибудь дорогой матеріи, у сюртучковъ были длинныя шлейфы. Умѣнье управлять длиннымъ шлейфомъ считалось признакомъ большой аристократичности. Въ это же время явилась «согрс», ужасная машина, сжимающая женщину до того, что она превращается въ статую; скоро «согрс» изгоняется корсетомъ, фижмы также перестаютъ носить и замѣнили ихъ «des bouffantes», которыя дѣлались изъ волосной матеріи; кромѣ того, чтобы сдѣлать платье пышнѣе, употреблялось проклеенное полотно, называемое «la criarde». Эта ткань шумѣла страшнѣйшимъ образомъ при малѣйшемъ движеніи. Модные цвѣта въ это время носили слѣдующія сентиментальныя названія: сладкой улыбки (*doux sourire*), нескромной жалобы (*plainte indiscrete*), совершенной невинности (*candeur parfait*), заглушеннаго вздоха (*soupir étouffé*) и т. д.

Въ описываемые годы мода на наряды настолько усилилась въ русскомъ обществѣ, что явилось нѣсколько изданій, которыя, «въ безпристрастномъ начертаніи», желали открыть нѣкоторымъ людямъ глаза и убѣдить ихъ во вредѣ, причиняемомъ модами, роскошью, вертопрашествомъ и прочими пороками, которые являются повсюду въ современномъ обществѣ.

Самая крупная сатира на моды явилась въ книгѣ «Переписка безрукихъ модъ»; въ книгѣ этой сказано, что «модѣ», попавшей во Францію въ самый разгаръ революціи, когда владычество ея рушилось, не оставалось ничего болѣе дѣлать, какъ пробраться въ землю подражательности—Россію, гдѣ она и была встрѣчена съ распростертыми объятіями. Авторъ представляетъ любопытную характеристику слабостей и пороковъ современнаго ему русскаго свѣтскаго общества.

Послѣ французской революціи ввелись въ моду у мужчинъ лорнеты и жабо выше подбородка и головы были острижены à la Titus и à la Каракала и коротенькія косы flambeau d'amour. Императрица Екатерина II приказала нарядить будочниковъ въ сюртучки, въ жабо и дать имъ лорнеты въ руки; будочники подходили къ франтамъ, щурились въ стеклушки и говорили имъ, какъ друзьямъ, bonjour! И жабо, и лорнеты быстро исчезли. Фраки въ то время носили съ длинными и узкими фалдами, жилеты изъ розоваго атласа, сапоги съ кистями, галстуки, закрывавшіе подбородокъ въ нѣсколько аршинъ, которые надлежало обматы-

вать вокругъ шеи. Трудно представить большее безобразіе. Къ описанному наряду надо прибавить еще треугольную шляпу, которую прежде носили подъ мышкой, чтобы не смять волосъ, да и вообще и прежде шляпъ не употребляли; большой парикъ и безъ того согрѣвать голову.

Шляпы, существующаго вида цилиндры появились въ 1785 году, въ Англіи; носить ихъ на головахъ стали у насъ только съ уничтоженіемъ париковъ. Съ появленіемъ англійскихъ модъ водворяется страшное смѣшеніе: женщины носятъ камзолы, жилеты, мужскія рубашки; мужчины — муфты. Эти муфты носили зимою и лѣтомъ; самая модная была бѣлаго цвѣта, изъ шерсти ангорскихъ козъ и украинскихъ; муфта носила названіе «манька»; были такія и очень дорогія изъ соболей и другихъ цѣнныхъ мѣховъ. Особенно такой «манькой» щеголялъ Леонъ Разумовскій. Въ числѣ мѣховыхъ костюмовъ, кромѣ шубъ и кирей, носили еще модныя «винчуры»; послѣднія у нашихъ баръ были очень цѣнны. Такъ, у пзвѣстнаго любимца Екатерины II, графа Мамонова, была такая изъ мѣха туруханскихъ волковъ, цѣною въ 15 тыс. рублей.

Съ воцареніемъ императора Павла I появились гоненія и указы противъ французскихъ модъ; указомъ настрожайше было подтверждено, чтобы никто въ городѣ, кромѣ треугольныхъ шляпъ и обыкновенныхъ круглыхъ шапокъ, никакихъ другихъ не носилъ; воспрещалось также съ подпиской всегъ находившимся въ городѣ ношеніе фракковъ, жилетовъ, банмаковъ съ лентами, а также увертывать шею безмѣрно платками, косынками и т. д. Повелѣно было также о строгомъ и неупустительномъ наблюденіи, дабы штатскіе чины и приказные служители и все отставныя отноудь не носили куртокъ, панталонъ, никакихъ фракковъ, толстыхъ галстуковъ и другихъ платьевъ, кромѣ мундировъ по высочайше апробованнымъ образцамъ. Обязательно было въ это время для всехъ жителей Россійской имперіи, какъ состоявшихъ на службѣ, такъ и бывшихъ въ отставкѣ съ какимъ бы то ни было мундиромъ: военнымъ, морскимъ или гражданскимъ, носить длиннополый прусской формы мундиръ, ботфорты, крагены, шпагу на поясицѣ, шпоры съ колесцами, трость почти въ сажень, шляпу съ широкими галунами и напудренный парикъ съ длинною косою.

Державинъ писалъ про это время, что тогда зашумѣли шпоры, ботфорты, тесаки, и будто бы по завоеваніи города ворвались въ покои вездѣ военные люди съ великимъ шумомъ. Съ восшествіемъ на престолъ Александра I моды рѣзко измѣнились. Булгаринъ говоритъ: «Откуда-то вдругъ явилось у всехъ платье новаго французскаго покроя «à l'incroyable», представлявшее собой рѣзкую противоположность прежней оципанной, кургузой прусской формѣ. Въ прическѣ франтовъ появился какіе-то невѣдомые «oreilles de chien», «эперансы» и, къ невыразимому ужасу Павловскихъ блюстителей благочинія, модники, вмѣсто саженныхъ тро-

стей, стали носить сучковатыя дубины съ внушительнымъ названіемъ «droit de l'homme».

Такіе львы носили кличку петиметровъ. Первымъ такимъ франтомъ въ петербургскомъ обществѣ явился извѣстный М. Я. Магницкій. Щеголяли эти модники въ шляпахъ à la Robinson, въ очень узенькихъ панталонахъ съ узорами по бантамъ и въ сапогахъ à la husard.

Женскіе наряды той эпохи были очень поэтичны, напоминающіе древнія статуи. По словамъ современника, Вигеля, если бы не мундиры и не фраки, то на балы можно было бы тогда глядѣть, какъ на древніе барельефы и на этрусскія вазы. И право было недурно: на молодыхъ женщинахъ и дѣвицахъ все было такъ чисто, просто и свѣжо; собранные въ видѣ діадемы волосы такъ украшали ихъ молодое чело. Не страшась ужасовъ зимы, онѣ были въ полупрозрачныхъ платьяхъ, которыя плотно обхватывали гибкій станъ и вѣрно обрисовывали прелестныя формы: казалось, что легкокрылыя Психеи порхаютъ на паркетѣ. Но каково было пожилымъ и дороднымъ женщинамъ: имъ не такъ было выгодно выказывать свои формы.

Мужскія платья стали дѣлать въ то время изъ разноцвѣтныхъ суконъ, а также на балы надѣвали бархатные фраки съ металлическими и перламутровыми пуговицами, при панталонахъ изъ кашмира или шелковаго трико, всегда одного цвѣта съ фраккомъ, надѣваемыхъ подъ сапоги въ видѣ ботфортъ съ желтыми иногда отворотами по утрамъ, но безъ нихъ—послѣ обѣда. Черный галстукъ не существовалъ при фракѣ, а былъ бѣлый—атласный или батистовый; рубашка—батистовая, съ брызгами, туго-накрахмаленными. Позднѣе появились черные атласные галстуки, съ брилліантовыми булавками. Это называлось американскою модою.

(существующаго) вида брюки сверхъ сапоговъ первый ввелъ въ Петербургъ герцогъ Веллингтонъ, генералиссимусъ союзныхъ войскъ и русскій фельдмаршалъ. Брюки носились со штрипками; называли ихъ тогда «веллингтонами». Тотъ же герцогъ познакомилъ петербуржцевъ и съ новымъ плащемъ, длиннымъ, чернымъ, безъ рукавовъ, плотно застегнутымъ. Плащъ носилъ названіе (cools) воротникъ. Немного позднѣе сталъ входить въ моду другой еще плащъ, à la Quigoga,—онъ былъ необъятной ширины, имъ можно было обернуться три раза. Уважались такіе плащи, которые были сдѣланы безъ швовъ, изъ одного куска сукна. Съ нимъ вошли въ моду сапоги со шпорами и усы, а также и шляпа, воспѣтая Пушкинымъ, à la Bolivar, поля которой были такъ широки, что невозможно было пройти въ узкую дверь, не снимая съ головы шляпы. Въ сороковыхъ годахъ всѣ модники одѣлись въ пальто «сакъ» (мѣшокъ) и шляпу «дагеръ»¹⁾; затѣмъ, въ пятидесятыхъ годахъ, à la Palmerston и т. д.

¹⁾ Въ честь изобрѣтателя дагеротипа.

Начало зрѣлищъ, баловъ, маскарадовъ и другихъ общественныхъ увеселеній въ Россіи.

I.

Древніе скomorохи.—Разсказы Олеарія.—Кукольныя комедіи, «райки», «вертепы», представленія «хаддеевъ», «пещное дѣйство», придворныя потѣшники.—Заѣзжіе игроки на органахъ.—Первыя театральныя представленія.—Комедійная хранина.—Драматическое искусство.—Мистеріи.—Спектакли царицы Софіи.—Ученическія представленія.—Первая актриса и бояре-актеры.

Скоморохи всегда были любезны русскому народу; они были не только музыканты, но соединяли въ себѣ разныя художества: одни играли на гусляхъ, гудкѣ, сопѣлѣ, сурмѣ (трубѣ); другіе били въ накры, бубны; третьи плясали; четвертые показывали медвѣдей, собакъ. Были и глумцы, стихотворцы-сказочники, умѣвшіе прибаутками и сказочными приеказками потѣшать и разглаживать морщины слушателя. Нѣкоторые изъ нихъ носили на головѣ доску съ движущимися фигурами и забавляли зрителя позорами или сценическими дѣйствіями; такіе наряжались въ скоморошное платье, надѣвали на себя хари, личины и т. д.

Непрерывный рядъ обличеній, которыми духовенство всегда громить любезныхъ народу скомороховъ, свидѣтельствуетъ о распространенности и давности скоморошества. Скоморохи возбуждали охоту въ зрителяхъ, и послѣдніе сами принимали участіе въ ихъ играхъ, принимаясь пѣть и плясать. Скоморохи ходили большими труппами, челоуѣкъ въ пятьдесятъ и болѣе, изъ села въ село, изъ посада въ посадъ, представляя свои позоры преимущественно въ праздники; «лѣтнівые, безумные невѣгласы дожидаются недѣли (воскреснаго дня), чтобы собраться на улицахъ и на играхъ», говорится въ предисловіи къ слову о недѣлѣ

св. Евсевія, «и тутъ обрящени ина гудяща, ина плещуща, ина поюща пустошная, пляшуща, ови борящася и помазающа другъ друга на зло».

Н. Костомаровъ говоритъ: «Въ самый праздничный день гульба начиналась съ самаго утра, народъ отвлекался отъ богослуженія, и такъ веселье шло цѣлый день и вечеръ за полночь. Мѣстами представленій были улицы и рынки; отъ этого самое слово «улица» иногда означало веселое игрище; и старые, и малые глазѣли на нихъ и давали имъ—кто денегъ, кто вина и пищи. Но нерѣдко скоморохи, лишеныя всякаго покровительства власти, терпѣли и насиліе отъ частныхъ лицъ. Послѣдніе зазывали ихъ въ дома, и вмѣсто того, чтобы давать имъ, отнимали у нихъ то, что они получали, ходя по-міру, да, вдобавокъ, еще колотили. Правительство, иногда слѣдуя внушеніямъ церкви, и само не разъ приказывало воеводамъ ломать и жечь ихъ инструменты и хари, и бить батогами тѣхъ, кто созывалъ къ себѣ пѣсенниковъ и глумцовъ. Въ поученіяхъ о казняхъ Божіихъ Θεодосія печерекаго встрѣчаемъ упоминаніе, въ числѣ другихъ искушеній рода человѣческаго, п о скоморохахъ съ гусями, сопѣлями и всякими играми и дѣлеса неподобными». Въ житіи послѣдняго святого, писаномъ Несторомъ, представляется цѣлая картина пира при дворѣ кіевскаго князя. Придя однажды къ князю, Θεодосій засталъ его окруженнымъ множествомъ пѣвцовъ и скомороховъ: одни играли на гусяхъ, другіе на органахъ, иные на головахъ пѣли пѣсни. Θεодосій смутилъ князя на мгновеніе вопросомъ, такъ ли будетъ на томъ свѣтѣ, и веселье на время прекратилось, чтобы возобновиться по уходѣ святого, такъ какъ «таковъ былъ обычай у князя».

Другія обличенія духовенства рисуютъ намъ скомороховъ главнѣйшими участниками народныхъ обрядовъ. На свадьбѣ они играютъ одну изъ первыхъ ролей и идутъ всегда съ пѣснями, плясками во главѣ свадебнаго поѣзда. Настанетъ ли тризна по умершимъ, или сойдется ли толпами народъ на кладбищѣ,—являются скоморохи, настроеніе мѣняется, печаль уступаетъ мѣсто необузданному веселью, и «мужп и жены отъ плача преставше, начнутъ скакати и плясати, и въ ладони бити, и пѣсни сатанинскія пѣти». Купальскіе и колядныя обряды также не обходились безъ участія скомороховъ. Игра на замрахъ или зурнахъ, домрахъ, гудкахъ, шутовскія пѣсни, цѣлыя сцены съ правильными распределеніями ролей между членами скоморошьей труппы, одѣтыми въ пестрые костюмы, увѣшанные бубенчиками, переряживание въ звѣринья шкуры или людскіе наряды и маски (хари, скураты)—все это практиковалось скоморохами.

Участвуя въ народныхъ обрядахъ, они входили во внутренній бытъ народа, проникали въ семейную жизнь и славились остроуміемъ и находчивостью, нерѣдко становились посредниками въ рѣшеніяхъ важныхъ семейныхъ вопросовъ.

Даже въ пословицахъ, съ виду проницески относящихся къ скоморухамъ, слышится расположеніе къ нимъ: «волынка да гудокъ собери намъ домокъ», «соха да борона разорила намъ дома», «Богъ далъ попа, а чортъ скоморуха» и т. д.

Впечатлѣніе скоморощныхъ игръ было до того сильно, что увлекало за собой даже представителей того начала, которое искони было враждебно всякому остатку древней жизни. Въ поученіяхъ митрополита Давида говорится: «Щецы отъ священныхъ яже суть сѣи пресвитеры и діаконы, и подіаконы, и четцы, и пѣвцы, глумяся играютъ въ гусли, въ домры, въ смычки въ пѣсняхъ бѣсовскихъ и безмѣрномъ, и премногѣмъ пьянствѣ, и всякое плотское мудрованіе и наслажденіе наче духовныхъ любяще».

Какъ мы выше уже говорили, одно время, особенно при царѣ Михаилѣ Феодоровичѣ, противодѣйствіе духовныхъ властей встрѣчаетъ поддержку и въ свѣтскихъ властяхъ. Такъ, при этомъ царѣ однажды въ Москвѣ не только у скоморуховъ, но и вообще въ частныхъ домахъ музыкальные инструменты отбирали и сжигали; такимъ образомъ ихъ было тогда истреблено на кострѣ пять возовъ. Изъ патріаршей грамоты этого времени видимъ, что по праздникамъ въ Москвѣ великія безчинства творятся, и вмѣсто духовнаго торжества и веселья жители предаются играмъ и кощунамъ бѣсовскимъ, сзываютъ по улицамъ медвѣдчиковъ¹⁾ и другихъ скоморуховъ, приказываютъ ихъ на торжищамъ и распутіяхъ сатанинскія игры творити, въ бубны бити, въ сурны ревѣти и руками плескати и плясати, и иная неподобная дѣяти.

По свидѣтельству Олеарія, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ у насъ уже устраиваются переносныя сцены съ представленіями маріонетныхъ пьесъ. Для этого, говоритъ онъ, они обвязываютъ вокругъ своего тѣла простыню, поднимаютъ свободную сторону ея вверхъ и устраиваютъ надъ головой своей такимъ образомъ нѣчто въ родѣ сцены, съ которою они и ходятъ по улицамъ, и показываютъ на ней изъ куколъ разныя представленія. Иногда же, вмѣсто подобнаго устройства, скоморухи носили на головѣ, какъ мы уже выше говорили, простыя доски съ подвижными куклами, придавая имъ различныя забавныя положенія—такіе скоморухи, какъ говоритъ тотъ же Олеарій, были какъ русскіе, такъ и голландцы; представляемые ими фарсы были въ духѣ и характерѣ народнаго вкуса, и всѣ они носили на себѣ яркій отпечатокъ сальности и цинизма. На такія неблагопристойныя представленія стекалась большая толпа, и на нихъ не только съ жадностью смотрѣла молодежь, но и дѣти, и женщины. Цинизмъ фарсовъ заключался въ передачѣ движеніями маріонетокъ, рѣчами и даже тѣлодвиженіями скоморуховъ сладострастныхъ сценъ, при

¹⁾ Представленія съ медвѣдями, козы въ сарафанѣ, ввелись у насъ во времена Бориса Годунова—вывезены они были изъ Сибири.

чемъ не стѣснялись изображеніемъ ихъ въ самыхъ грубыхъ формахъ, оскорбляющихъ стыдливость обоихъ половъ. Сюжеты тогдашнихъ кукольных комедій, надо полагать, мало разнились отъ нашихъ «петрушекъ». Такія комедіи по сей часъ еще играютъ въ Москвѣ подъ Новинскимъ и на дворахъ въ столицѣ. Содержаніе этихъ представленій и теперь большою скромностью похвалиться не можетъ. Тотъ же цыганъ, продающій лошадь, та же Варюша, петрушкина невѣста, и тотъ же козелъ, квартальный и чортъ.

Встарину также извѣстны были еще вертепы или райки; въ Малороссіи съ ними ходили ученики семинарій по домамъ гражданъ въ Рождество и на Пасхѣ. Такіе вертепы были ничто иное, какъ тѣ же театрики маріонетокъ; они существовали въ Польшѣ уже въ давнія времена, назывались они тамъ «яселки» или «szopka». Представленія по городамъ и селамъ начинались съ конца декабря и продолжались до февраля. При яселкахъ рѣчи дѣйствующихъ лицъ произносилъ ученикъ, скрытый позади сцены, а товарищи его пѣли рождественскіе канты. Представлялось: Христосъ, лежащій въ ясляхъ на сѣнѣ, оседъ и возъ стоятъ при ясляхъ; Иосифъ, св. Дѣва принимаютъ лицъ, приходящихъ на поклоненіе. На этой же сценѣ потомъ идетъ свѣтское представленіе, и изъ боковой башенки выходитъ здоровенный полякъ съ деревянною саблею. къ нему присоединяется его жена въ чепцѣ; послѣ взаимныхъ поклоновъ, они танцуютъ польскій и уступаютъ мѣсто смуглому украинцу, который, поклонясь зрителямъ, лихо вышлясываетъ со своей сударушкой; является затѣмъ нѣмецъ въ панталончикахъ въ обтяжку, а за нимъ съ трудомъ слѣдуетъ толстая нѣмка; далѣе бурливый забіяка съ толстой палицей шумитъ и достаетъ своимъ оружіемъ носы любопытныхъ зрителей; малорослый, но крѣпкій краковякъ въ живописномъ костюмѣ своей родины, отправивъ до дому свою Катюшу, вступаетъ въ драку съ забіякой. Послѣ Ирода, со скипетромъ въ рукахъ и въ сопровожденіи своего наперсника-жидка, произноситъ угрозы на весь міръ, но потомъ умираетъ въ ужасныхъ мукахъ; жидокъ подвергается той же участи, а жена Ирода, Ревекка, оплакивающая судьбу его, увлекается нечистыми въ адъ, вмѣстѣ съ тѣломъ мужа. Затѣмъ колдунья масло пахтаетъ, а дьяволъ вышываетъ у ней сметану. На послѣдокъ дряхлый старикъ съ мѣшкомъ для денегъ проситъ себѣ смерти, и тѣмъ кончается представленіе.

Олеарій еще рассказываетъ о такъ называемыхъ халдеяхъ, которые получали отъ патріарха ежегодно позволеніе, передъ святками и масляницей, производить свои представленія. Халдеи одѣвались совершенно какъ нѣмецкіе актеры карнавальныхъ празднествъ, въ деревянныя расписныя шапки; бороды у нихъ были обмазаны медомъ для того, чтобъ не поджечь ихъ огнемъ; халдеями они назывались потому, что представляли рабовъ царя Навуходносора, которые разводили огонь въ печи для наказанія трехъ отроковъ. О древне-русскихъ халдеяхъ, по свидѣтельству

профессора Архангельскаго, въ первый разъ упоминается въ приходе-расходной книгѣ новгородскаго архіепископскаго дома. Представленіе халдеевъ носило названіе «пещное дѣйство», совершалось оно въ Москвѣ, Новгородѣ и Вологдѣ. Дѣйство совершалось за недѣлю передъ Рождествомъ, въ воскресенье, во время заутрени. Посреди церкви ставилась печь. Такая печь сохранилась по сейчасъ въ музеѣ Академіи Художествъ: она состоитъ изъ двѣнадцати столбовъ, украшенныхъ рѣзными и скульптурными изображеніями святыхъ. Въ церковь входили отроки, набранные изъ пѣвчихъ или монастырскихъ служекъ. На нихъ были надѣты шапки, обшитыя заячьимъ мѣхомъ и сверху позолоченныя и раскрашенныя; одѣты они были въ длинныя платья изъ краснаго сукна; халдеи снабжались бѣлыми убрусами (полотенцами), которыми въ назначенное время должны были связать руки отрокамъ и затѣмъ вести ихъ къ печи. У халдеевъ были въ рукахъ еще какія-то длинныя трубы. Кромѣ этихъ лицъ, въ дѣйствіи участвовали еще такъ называемый «учитель отроческій». Отроки собственно въ печь не ввергались, а стояли подлѣ нея; подъ печь ставили горячъ съ горячими углями, и при печи стояло до 50 подсвѣчниковъ. Обрядъ дѣйства былъ связанъ тѣсно съ богослуженіемъ. Среди служенія однообразно звучали рѣчи халдеевъ: товарищъ зоветъ одиного другого, когда отроки отказывались поклониться золотому тельцу. — Чаво? отзывается другой. — Это дѣти царева. — Нашего царя повелѣнія не слушаютъ? — Не слушаютъ и златому тельцу не поклоняются. — Не поклоняются? — И мы вкинемъ ихъ въ печь. — И начнемъ ихъ жечь. — Отвѣты отроковъ на требованія халдеевъ были слѣдующіе: Видимъ мы печь, говоритъ одиный изъ нихъ: — но не ужасаемся ея; есть бо Богъ нашъ на небеси, Ему же мы служимъ, и т. д. Въ послѣднюю минуту является ангелъ съ небеси. Ангелъ спускался въ трубѣ «зело величѣ»; на дѣлѣ же это не исполнялось, и ангела замѣняли образъ, на которомъ былъ изображенъ архангелъ; образъ этотъ почему-то былъ подбитъ кожей. — По разсказамъ, впрочемъ, очевидца Флетчера, ангелъ слеталъ съ церковной крыши, къ величайшему удивленію зрителей, при множествѣ пылающихъ огней, производимыхъ посредствомъ пороха халдеями; по другимъ разсказамъ, дьяконы и причетники кидали горсти плауна (*Semen lycorodium*) на свѣчи и направляли вспыхивающія искры на халдеевъ.

Скоморохи извѣстны съ XV ст., но только средину XVII вѣка можно назвать эпохой скомороховъ. Въ эти времена, помимо странствующихъ скомороховъ, были и такіе, что жили постоянно при царскомъ дворѣ или при домахъ богатыхъ и знатныхъ бояръ. Въ быльницѣ о «Чурилѣ Пленковичѣ» говорится о придворномъ постельникѣ, что, по должности и обязанности службы, сидя у изголовья, потѣшалъ князя и княгиню игрой на гусяхъ; у царя Іоанна III былъ на службѣ при дворѣ органній игрецъ, по имени Иванъ Спаситель, капланъ бѣлыхъ чернецовъ Августінова ордена. При Іоаннѣ Грозномъ придворные скоморохи уже

играли при царскомъ столѣ видную роль, съ ними самъ царь иногда пѣлъ разгульные пѣсни и плясалъ въ «машкарахъ».

По писцовымъ книгамъ 1500 года, между прочими людьми и ремесленниками, упоминаются скоморохи въ нѣкоторыхъ погостахъ. Особенно ими изобиловалъ городъ Ямы. Въ немъ стояли: дворъ Игначь скоморохъ, дворъ Куземка Олухновъ скоморохъ, дворъ Олексѣйко скоморохъ, дворъ Зелена скоморохъ, дворъ Ооноско да Радивонки скоморохи. Не зная никакого ремесла, они потѣшали народъ музыкой и своими штуками. Очень понятно, что въ тогдашнемъ обществѣ скоморохи не пользовались такимъ почетомъ, какой теперь воздаютъ преемникамъ музыкально-сценическаго ремесла ихъ. Дворы ихъ поставлены въ писцовыхъ книгахъ наряду съ дворами пастуховъ, которые тоже считались послѣдними людьми въ городѣ.

Въ слѣдующемъ столѣтіи при дворѣ царя Михаила Феодоровича уже служатъ разные ваѣзжіе играцы на органахъ и клавикордахъ, а также разные цимбальники, скрипичники, научившіеся этому искусству у иностранцевъ. При дворѣ царя Алексѣя Михайловича разная «шпильманская хитрость» уже находитъ полное примѣненіе. Московскій дворъ того времени отличается блескомъ и пышностью; просвѣщенный бояринъ той эпохи Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ, изъ дома котораго была взята царица Наталья Кирилловна, даетъ вкусъ вѣку и имѣетъ модное вліяніе на придворную жизнь. Онъ вызываетъ изъ-заграницы многихъ актеровъ и музыкантовъ, и въ его время царь уже преслѣдуетъ грубое скоморошество и на своей свадьбѣ замѣняетъ прежнія музыкальныя потѣхи пѣніемъ. Такъ, въ описаніи царской свадьбы (Рос. Вивлюэика, ч. XIII, стр. 214) мы читаемъ: «Да на прежнихъ же государскихъ радостяхъ бывало въ то время, какъ государь пойдетъ въ мыленку, во весь день съ вечера до ночи на дворѣ играли въ сурны и въ трубы и били по накрамъ; нынѣ великій государь на своей государевой радости накрамъ, трубамъ быти не изволилъ. А велѣлъ государь въ свои государски столы вмѣсто трубъ и органовъ, и всякихъ свадебныхъ потѣхъ пѣти своимъ государевымъ пѣвчимъ, дьякамъ, всѣмъ станицамъ, перемѣняясь строчные и демественные большіе стихи отъ праздниковъ и изъ тріодей драгія вещи со всякимъ благочніемъ». Многие изъ придворныхъ царя, какъ, напр., князь Ив. Ив. Шуйскій, князь Д. М. Пожарскій и князь Шейдяковъ, имѣютъ своихъ собственныхъ скомороховъ. Олеарій рассказываетъ о позитивѣ (органѣ) и всякаго рода другихъ музыкальных инструментахъ, которые имѣлъ у себя другъ нѣмцевъ, великій бояринъ Никита Ивановичъ Романовъ. По свидѣтельству «дворцовыхъ разрядовъ», на комедійныхъ потѣхахъ въ то время играютъ уже иностранцы-музыканты, да еще дворовые люди боярина Матвѣева; послѣдній въ 1673 году заводитъ даже театральное училище, подготовлявшее актеровъ и музыкантовъ русскаго происхожденія. Въ эпоху типайшаго царя, масса оте-

чественныхъ скомороховъ увеличивается большимъ количествомъ захожихъ пноземцевъ, комедіантовъ, фокусниковъ и т. д.

По свидѣтельству современниковъ, этотъ царь въ первый разъ слышалъ музыку на органахъ, фіолахъ (скрипкахъ), трубахъ и другихъ инструментахъ въ своемъ дворцѣ 2 октября 1672 г. Такое исполненіе музыкальныхъ пьесъ было исполнено вновь прибывшимъ въ Москву нѣмецкимъ оркестромъ подъ управленіемъ Готфрида Грегори. Оркестръ очень понравился царю; послѣднее обстоятельство дало смѣлость Грегори испросить у государя позволеніе и на театральное представленіе; репертуаръ Грегори состоялъ изъ пьесъ духовнаго содержанія; самъ онъ былъ тоже духовное лицо — пасторъ. Царь далъ согласіе на открытіе такихъ представленій, назначивъ мѣстомъ ихъ свой дворецъ въ селѣ Преображенскомъ, — и ровно черезъ мѣсяць состоялось первое представленіе: давали комедію — «Какъ Олоферну-царю царица голову отсѣкла». Участвовалъ въ представленіи самъ Готфридъ Грегори и «его компанія», хоръ же музыки состоялъ изъ смѣшаннаго русско-нѣмецкаго оркестра, обученнаго изъ дворовыхъ людей боярина Матвѣева нѣмецкими придворными музыкантами и органистами. Услѣхъ первой пьесы былъ блистательный, актеры были вознаграждены царемъ щедро, а самая пьеса была переплетена въ сафьянъ съ золотомъ.

Впослѣдствіи труппа пастора Грегори состояла изъ посадскихъ дѣтей, отданныхъ въ науку Грегори бояриномъ Матвѣевымъ. На первый разъ такихъ учениковъ ему отдано было 26 человекъ, на содержаніе ихъ было положено отъ казны поденно, пока «будутъ въ ученіи у магистра», какъ тогда называли Грегори, по четыре деньги человекъ на день. Грегори жилъ въ Новонѣмецкой слободѣ, и тамъ же помѣщалась школа «Комедійнаго дѣйства».

Содержаніе, отпускаемое на школу казною, повидимому, было крайне недостаточно, и въ сохранившейся жалобѣ учениковъ говорится, что «корму имъ не учинено, и что они, ходя къ магистру, платишкомъ оборались и сапожишками обносились и пить-ѣсть нечего». Костюмы шились также на казенный счетъ, равно какъ изготовлялись на деньги приказа парики, бороды и мелкія бутафорскія вещи. Такъ, Грегори было однажды выдано на платье ангеловъ и на молодого «Товію и на спустшественниковъ его 30 рублей». Въ другой разъ выдано на «бороды евреевъ и на иную меньшую починку пять рублей».

На первомъ представленіи царь былъ безъ семейства; позднѣе мы видимъ, что представленія уже давались въ присутствіи царицы и всей семьи. Чтобы скрыть царицу отъ публики, говоритъ А. Веселовскій, прибѣгали къ средству, употребляемому нерѣдко при торжественныхъ въѣздахъ иностранныхъ пословъ въ Москву, на которое царица и великія княгини смотрѣли изъ закрытыхъ помѣщеній около воротъ Кремля; въ театрѣ была устроена галерея съ опускаемыми рѣшетками. Какъ сцена,

такъ и мѣста, отведенныя для царя и его приближенныхъ, покрывались коврами и краснымъ сукномъ. Простые же зрители сидѣли на лавкахъ, весьма незатѣливыхъ, которыя покупали у подгородныхъ крестьянъ. Сцена скрывалась отъ зрителей занавѣсомъ, который висѣлъ на продольной проволоцѣ, укрѣпленный на ней мѣдными кольцами. Театръ освѣщался сальными свѣчами, вставленными въ деревянные подсвѣчники.

За первымъ представленіемъ послѣдовалъ цѣлый рядъ другихъ спектаклей. Особенно понравилась также еще пьеса объ «Артаксерксѣ и Аманѣ». На заговѣнне былъ исполненъ дивертисементъ, въ которомъ играли только на органахъ и танцовали. Дивертисементы, составленные изъ декламации и плясокъ, исполнялись, повидимому, чаще пьесъ; у Рейтенфельса, извѣстнаго путешественника по Россіи, сохранилось о представленіи, бывшемъ въ субботу на масляницѣ 1675 г.: передъ началомъ балета на сцену выступилъ актеръ, одѣтый Орфеемъ, и обратился къ царю съ рѣчью въ стихахъ; въ ней онъ прославлялъ торжественный день, въ который труппа снова дерзаетъ потѣшать великаго государя. Затѣмъ до небесъ превозносилъ прекрасныя свойства души Алексѣя Михайловича и въ заключеніе, обращаясь къ двумъ пирамидамъ, стоявшимъ по бокамъ его, разсвѣченнымъ разноцвѣтными огнями и покрытымъ транспарантами въ честь царя, онъ пригласилъ ихъ танцовать съ собою. За этими словами начался балетъ.

Самый же театръ былъ построенъ въ 1673 году, 22-го января; царь отдалъ приказъ объ устройствѣ комедійной храмины надъ аптекой; на работу было выслано 25 плотниковъ, которые работали съ замѣчательною поспѣшностью днемъ и ночью, такъ что не прошло четырехъ дней, какъ все уже было готово; къ спектаклямъ стали приглашать и мѣстныхъ музыкантовъ; въ документахъ, изданныхъ Калачовымъ, видимъ, что были посылаемы «приказу галицкіе чети молодые подъячіе по три дня въ Новонѣмецкую слободу по полковнику по Миколая фонъ Стадена и по музыкантамъ да по Тимофея Газенкруха съ товарищи, какъ имъ велѣно быть въ комедійныхъ палатахъ для потѣхи». Въ составѣ оркестра видное мѣсто занимали небольшіе органы, затѣмъ употреблялись фіолы, накры и трубы; были и другіе «страменты».

Кромѣ пастора или магистра Грегори, во главѣ руководителей московскаго драматическаго искусства въ послѣдній годъ царствованія типайнаго царя состоялъ еще нѣкто шляхтичъ Степанъ Чижинскій, бывший учитель Кіево-братской духовной академіи. Профессоръ Бусласвъ полагаетъ, что онъ явился въ Москву не случайно. Представленія Грегори, дававшія буквальные и часто тяжелые переводы нѣмецкихъ пьесъ, никакъ не могли удовлетворить тогдашнее русское общество; они могли представлять интересъ случайный лишь на первые разы, но затѣмъ неизбежно должны надѣдать; бояринъ Матвѣевъ, повидимому, былъ озабоченъ тѣмъ, чтобы придать первому театру чисто русской или славян-

скій характеръ. Чижинскій поставилъ нѣсколько пьесъ — лучшая изъ нихъ была «Давидъ съ Галиаѳомъ». Труппа, которую онъ обучалъ, состояла изъ 80-ти человекъ разнаго званія людей; каждый учившійся получалъ по алтыну въ день.

Изъ писателей народныхъ драмъ извѣстенъ былъ еще Сильвестръ Медвѣдевъ; родомъ онъ былъ изъ курскихъ подъячихъ, ученикъ и другъ Симеона Полоцкаго. Онъ извѣстенъ такъ же, какъ авторъ записокъ о первомъ стрѣлкомъ бунтѣ. Медвѣдевъ, въ угоду царевнѣ Софьѣ, написалъ двѣ пьесы: небывлицу въ лицахъ «Мечъ-кладенецъ» и первую русскую сатирическую комедію «Шемякинъ судъ». Авторъ этихъ пьесъ, Сильвестръ Медвѣдевъ, былъ казненъ въ 1690 году вмѣстѣ съ Щегловитымъ за участіе въ заговорѣ съ стрѣльцами, по доносу грековъ Лихудъ, основателей греко-латинской академіи.

Но самый продолжительный успѣхъ изъ сценическихъ представленій имѣли мистеріи Симеона Полоцкаго; послѣдній заимствовалъ такія театральные представленія изъ ветхаго завѣта и изъ притчей Евангельскихъ. Эти мистеріи имѣли назначеніе укрѣплять въ вѣрѣ, посредствомъ изображенія въ лицахъ ея таинствъ, чудесъ и славы. Существуетъ любопытный библиографическій памятникъ одной такой мистеріи, нѣкогда хранимый въ собраніи г-на Кастерина. Мистерія эта была отпечатана въ 1685 году, въ Москвѣ, и играна была въ селѣ Преображенскомъ; названіе ей «Комедія притча о блудномъ сынѣ»; книга состоитъ изъ 57 восьмушекъ, на которыхъ съ одной стороны оттиснутъ гравированный на мѣди текстъ комедіи, по мѣстамъ украшенный тридцатью восемью картинками, изображающими главныя сцены, съ декораціями, освѣщенными площадками, и съ зрителями на первомъ листкѣ (послѣ заглавнаго, гдѣ вырѣзано: Исторія или дѣйствіе Евангельскія притчи о блудномъ сынѣ, бывающее лѣто отъ Рождества Хр. 1685), изображенъ комедіантъ въ нѣмецкомъ платьѣ, съ усами. На другомъ листѣ слѣдуетъ прологъ или Комедія-притчи прологъ:

Благороднѣя благочестивіи государіе милостивіи!
 Не тако слово въ памяти держится.
 Якоже аще что дѣломъ явится
 Христову притчу дѣйствомъ проявити.
 Здѣ умыслихомъ и чиномъ вершити.
 О блудномъ сынѣ вся рѣчь будетъ наша,
 Аки вещь живу узрѣть милость ваша,
 Всею на шесть частей притчу раздѣлихомъ,
 По всяцѣй оныхъ нѣчто примѣнимомъ,
 Утѣхи ради ибо все стужаетъ,
 Еже едино безвремени бываетъ.
 Извольте убо милость сію явити:
 Очеса и слухъ къ дѣйству приклонити,
 Тако бо слабость будетъ обрѣтена
 Не токмо сердцама, но и душамъ спасена

Велю пользу можетъ притча дати,
Токмо извольте прилежно внимати.

Сказавъ прологъ, комедіантъ дѣлаеть поклонъ до земли.

Изъ дѣйствія видно, что комедіанты тогда были люди смиренные. Такъ, и въ концѣ блудный сынъ обращается къ зрителямъ, читаетъ эпилогъ, начиная его словами: «Вашимъ милостямъ спцевъ поклонъ отдаю»; въ заключеніе, послѣ словъ: «Конецъ и Богу слава», сказано по поклону до земли всѣмъ сущимъ ту, сѣмо и овамо. Въ спискѣ Новикова (Виеліоѳика, т. VIII) сказано только: ту вси исшедшіе поклонялися, а мусикіе запоеть и тако развѣдутся гости. Тамъ послѣ каждаго дѣйствія прибавлено: «и пойдуть вси за завѣсу и гѣвцы поють и будетъ *intermedium*», чего нѣтъ въ экземплярахъ г. Кастерина, гдѣ зато на картинкѣ изображено все, что примѣнилъ авторъ для разнообразія, безъ котораго все слушаетъ иже безъ перемѣнъ бываетъ. На 22-й картинкѣ изображено, какъ прелестницы бьютъ блуднаго сына кочергой и обливають изъ окна водою; на 29-й картинкѣ его держатъ и въ весьма комическомъ положеніи бьютъ палками за то, что онъ, голодный, сѣлъ у свиньи кормъ. Неужели такъ было представляемо и на сценѣ? Въ спискѣ Новикова сказано: «поведуть блуднаго сына за завѣсу и бьютъ плетьюми, а онъ кричить: государь, пощади!» Можно полагать, что Новиковскій списокъ былъ процензурованъ для сцены. Впрочемъ, онъ совершенно сходенъ содержаніемъ съ текстомъ библиографической рѣдкости Кастерина.

Царствованіе царя Θεодора Алексѣевича, какъ говоритъ Θ. Кони, имѣло значительное вліяніе на судьбу русскаго театра и на развитіе са- мобытной драматической литературы. Здѣсь впервые являются пьесы изъ исторической жизни русскаго народа, и начинается знакомство съ знаменитыми драматургами Запада. При дворѣ царя даются концерты, составляются хоры изъ знатныхъ людей, которые выполняютъ духовные канты и особенно въ честь царя сочиненные гимны. Царь самъ ими руководилъ; онъ былъ воспитанникъ Симеона Полоцкаго, по времени, очень ученаго духовнаго лица, знавшаго основательно и музыку. Въ эту эпоху почти всѣ первые духовные іерархи пишутъ траги-комедіи; царица Софія тоже сочиняетъ духовную драму въ стихахъ «Екатерина Великомученица», которая ставится у ней въ терему. Карамзинъ видѣлъ это сочиненіе въ рукописи и отзывался о ней съ большою похвалою. Извѣстный театраль, князь А. Шаховской, говоритъ: «Мнѣ извѣстно, по семейнымъ преданіямъ, что прабабка моя, Татьяна Ивановна Арсеньева, боярышня царицы Софьи, представляла лицо Екатерины-мученицы, и что Петръ Великій, бывая всегда при этихъ театральныхъ зрѣлищахъ, прозвалъ Арсеньеву «Екатериной мучительницей большіе глаза». Извѣстный Иванъ Аѳ. Дмитріевскій имѣлъ переводъ комедіи Мольера «Лекарь принужденной», слогъ перевода которой принадлежитъ къ полуцерковному и, какъ ему передавали, былъ сдѣланъ самой царицей». — Пьеса

эта была играна въ день рожденія царевны, 17-го сентября. По поводу этой комедіи существуетъ слѣдующее преданіе, которое рассказываетъ въ своихъ запискахъ Доарвиль, жившій въ Россіи въ ту эпоху:—въ 1657 году царь Алексѣй Михайловичъ такъ сильно занемогъ, что все старанія врачей оказывались безплодными. Поэтому было объявлено всенародно, чтобы знахари, умѣющіе лечить подобныя болѣзни, являлись во дворецъ. За излеченіе обѣщана была огромная награда, зато было также извѣстно, что неуспѣхъ могъ повести на плаху. Жена одного взыскательнаго и крутого мужа, заведя интрижку, желала избавиться отъ его ревниваго надзора и побоевъ; она воспользовалась этимъ случаемъ и дала знать въ дворцовый приказъ, что мужъ ея знаетъ многія спасительныя зелья и вылечиваетъ почти все болѣзни. Мужа потребовали къ царю; онъ долженъ былъ его освидѣтельствовать и, не смотря на все отговорки, принялся за леченіе. Бѣднякъ придумывалъ все домашнія средства, которыя ему случалось въ жизни испытать или о которыхъ онъ слышалъ, и, къ величайшему удивленію его самого и всего тогдашняго врачебнаго персонала, ему удалось возстановить здоровье царя. Это же самое событіе описано и у Олеарія, но онъ относитъ его къ Борису Годунову. Показаніе перваго должно быть вѣрнѣе, потому что обнаружено ранѣе, и потому, что при Алексѣѣ Михайловичѣ было слишкомъ много хорошихъ иностранныхъ врачей. Пьеса Мольера слишкомъ близко подходитъ къ этому событію, которое, какъ видно, было очень извѣстно въ народѣ, потому что даже и иностранные писатели о немъ узнали; и поэтому немудрено, что царевна выбрала именно эту пьесу для перевода. Вотъ названія, данныя ею дѣйствующимъ лицамъ, и распредѣленіе ролей между придворными: Станарель, дровосѣкъ, князь Ю. А. Долгорукій; Марфа, его супружница, кн. А. П. Хованская; Робертъ, сосѣдь его, князь В. В. Голицынъ, извѣстный любимецъ царевны, одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени; Геронъ, бояринъ, князь Я. Н. Одоевскій; Луцында, дочь его, княгиня Н. П. Барятинская; Валеріанъ, дворецкій, князь Д. Щербатовъ; Лука, прислужникъ Герона, полковникъ С. Ѳ. Грибоѣдовъ; Акулина, жена, А. Б. Шереметева; Федотъ, мужичокъ, князь М. Я. Черкасовъ; Перинъ, сынъ ея, князь Г. А. Козловскій; Леандеръ, суженый Луцынды, князь К. О. Щербатовъ.

Любимой еще пьесой какъ у царевны Софьи, такъ и у царицы Натальи была «Калошійся грѣшникъ». Вотъ содержаніе ея по князю А. Шаховскому, — послѣдній слышалъ ее отъ Дмитревскаго, который еще игралъ ее въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны на придворномъ театрѣ. Сцена изображаетъ пустынный видъ; посреди стоятъ три существа, единственныя дѣйствующія лица въ пьесѣ: грѣшникъ, его ангель-хранитель и демонъ. Грѣшникъ въ бѣлой одеждѣ, скрытой подъ черными нашивками, на которыхъ написаны все его прегрѣшенія. Рѣчи ангела и демона дополняются двумя невидимыми хорами ихъ собратій. Ангель-

скій хоръ восхваляетъ милосердіе и благодѣть Божья, и грѣшникъ готовъ покаяться, но, опустивъ глаза, онъ видитъ свою одежду, ужасается бездны грѣховной и богохульствуетъ; адъ радуется новой добычѣ. Но ангель воспѣваетъ прощеніе разбойника; это обуздываетъ отчаяніе грѣшника, и онъ отъ всего сердца начинаетъ молитву. По мѣрѣ покаянія, нашивки спадаютъ одна за другой, и наконецъ обнаруживается бѣлая одежда, символъ безгрѣшности. Но борьба одолѣла человѣка, смерть близка; онъ испускаетъ духъ; душа его возносится къ небу при пѣніи ангеловъ, тогда какъ въ аду слышатся отчаянные крики и скрежетъ зубовъ.

Не менѣе еще была извѣстна въ то время и другая комедія, подъ названіемъ: «Ужасная измѣна сластолюбиваго житія съ прискорбнымъ и нищетнымъ, въ евангельскомъ пиролоубѣ и Лазарѣ изображенная»; въ ней была представлена въ лицахъ извѣстная притча Спасителя къ ученикамъ. Эта комедія давалась при «запустныхъ пированіяхъ». Она представлена была и дѣйствіемъ благородныхъ великороссійскихъ младенцевъ въ новосіянскихъ словено-латинскихъ Аѳинахъ въ Москвѣ, въ ноябрѣ 1701 года.

Комедія начиналась прологомъ, въ которомъ «образнѣ является всего дѣйствія вещь и событіе». Въ прологѣ, въ первой сценѣ представляется сластолюбіе, входящее въ міръ на седмглавомъ змѣи; во 2-й—является пиролоубецъ въ свѣтлой одеждѣ за трапезою и засыпаетъ при пляскѣ домовыхъ отроковъ. Явленіе 3-е: во время его сна является Іовъ на гноици и тщетно увѣщеваетъ его оставить сласти міра. Явленіе 4-е изображаетъ пиръ богатаго, на который приходитъ Лазарь, но, не получивъ ничего, уходитъ и полагается на гноици. Въ это время среди ликованія богатый видитъ подобное себѣ лицо, мучимое въ геенѣ огненной, утрапается, но вскорѣ «сабельное ликованіе» разбиваетъ скорѣе его. Это дѣйствіе заключается пѣснею хора. Явленіе 5-е: Лазарь вскорѣ получаетъ подкрѣпленіе съ неба. Явленіе 6-е: судъ Божій изрекаетъ слово блаженства Лазарю и опредѣленіе погибели богатыму. Явленіе 7-е: Лазарь умираетъ, утѣпаемый ангелами, и при пѣніи ихъ душа его возносится на небо. Явленіе 8-е: ангель, имѣющій ключи бездны, угрожаетъ пиролоубцу и отверзаетъ студенецъ геенскій, изъ котораго исходятъ вопли нечестивыхъ, огонь и дымъ. Засимъ слѣдуетъ пѣснь хора. Явленіе 9-е: смерть изливаетъ въ чашу ликующаго пиролоубца смертоносный ядъ, и онъ въ жестокихъ мукахъ умираетъ. Явленіе 10-е: душа пиролоубца препирается съ тѣломъ о причинѣ своей гибели, но ангель смерти низвергаетъ тѣло на землю, а душу въ адъ похищаетъ. Явленіе 11-е: тѣло, пораженное громомъ, пожирается разверзшеюся землею. Явленіе 12-е: Лазарь на лонѣ Авраама, а богатый въ геенѣ. Бесѣда между ними, оканчивающаяся горькимъ рыданіемъ богатаго. Эпилогъ: церковь скорбитъ о гибели пиролоубца и людямъ подобнымъ ему преподаетъ спасительное врачевство отъ тяжкаго грѣха сластолюбія—святый постъ.

Въ комедіи, между прочими лицами, являются: и левъ хромый, и слава на орлѣ съ трубою, и лютая гидра, и дѣвы съ тимпанами, и гусли срѣтають Давида, поють торжественныя пѣсни, и танцуется офицерскій танецъ съ словесными похвалами оружія и воинства, и затѣмъ слѣдуетъ «интермедіумъ». Комедіи того времени по внѣшней формѣ были взяты съ греческихъ трагедій; онѣ состояли изъ пролога, хора, нѣсколькихъ явленій и эпилога. Хоръ объяснялъ смыслъ явленій, которыя состоятъ въ символично-мимическомъ изображеніи извѣстнаго дѣйствія; часто въ пѣсни хора слышатся или нравственныя наставленія, или звуки скорби о дѣлахъ порока и звукъ радости о славѣ добродѣтели.

Регламентъ московской славяно-греко-латинской академіи позволялъ студентамъ «игру на мусикійскихъ инструментахъ и дѣлать комедіи», «что зѣло полезно къ наставленію и къ резолюціи, сіестъ честной смѣлости». Возвращаясь опять къ первымъ театральнымъ представленіямъ, мы видимъ, какъ это говоритъ Ө. Кони, что на третій день брака царя съ Мареой Апраксиной, въ селѣ Преображенскомъ играли бояре и боярыни комедію: «Баба-Яга, костяная нога»; распределение ролей было слѣдующее: Ягу Бабу играла копенгагенская актриса Анна Паульсонъ, тогдашняя европейская знаменитость, приглашенная въ Россію бояриномъ Матвѣевымъ. Ивана царевича игралъ князь Ів. Пронскій; Людмилу, его суженую, кн. Н. Барятинская; чернаго бога — полковникъ Грибоѣдовъ; подругъ Людмилы—Любашу, Надиопу и Таню: княжны: Куракина, Черкасова и Одоевская. Это былъ послѣдній спектакль при царѣ Өеодорѣ Алексѣевичѣ. 27-го апрѣля 1689 года — царь скончался.

Профессоръ Тихонравовъ отвергаетъ совсѣмъ существованіе спектаклей при царѣ Өеодорѣ. Онъ основывается на словахъ г. Замысловскаго, — автора книги «Царствованіе Өеодора Алексѣевича», — который говоритъ, что еще въ декабрѣ 1676 года царь приказалъ очистить палаты, которыя были заняты на комедіи.

II.

Театръ при Петрѣ Великомъ. — Народный театръ на Красной площади. — Комедіантъ Сплавскій. — Первые русскіе актеры. — Характеристика ихъ. — Наказаніе батогами. — Разсказы иностранцевъ. — Афиши. — Силачъ и его рекламы. — Первое апрѣля. — Театръ царевны Наталіи. — Танцовальное искусство. — Казачокъ. — «Шпильманская хитрость». — Лубочное искусство. — Птичьи вывески. — Балансеры, шпрингеры, собачья комедь. — Конскія ристанія. — Афиша перваго циркиста.

Первый придворный спектакль въ царствованіе Петра I въ с. Преображенскомъ былъ назначенъ въ день бракосочетанія царя съ Евдокіей Лопухиной, 19-го января 1689 г. Этотъ спектакль состоялъ изъ пьесы: «Илья Муромскій богатырь и Соловей разбойникъ» и былъ разыгранъ слѣдующими придворными: Илью Муромца игралъ Ів. Троекуровъ; Вла-

дислава, князя черниговскаго—князь Пронскій; Силопера, его конюшаго, исполнялъ И. Языковъ, извѣстный постельничій царя Феодора, достигшій въ весьма молодыхъ лѣтахъ, къ соблазну всего двора, сана боярина, — онъ завѣдывалъ стрѣлецкимъ приказомъ и былъ убитъ во время стрѣleckаго бунта; Прикрасу, княжну болгарскую, играла княжна Козловская, дочь окольного, славившаяся бойкостью и красотою; Буриной, отецъ ея, былъ К. Щербатовъ; Сновида, дочь Силопера, была Марья Скуратова, а самого Соловья-разбойника исполнялъ М. П. Головинъ, бояринъ, которому было поручено «надлежащимъ правленіемъ вѣдать Москву». Въ этомъ же году спектакли шли въ Кремлевской палатѣ царевны Софьи.

Но самая живая эпоха драматическаго искусства начинается съ первыхъ годовъ XVIII столѣтія, когда Петръ Великій перенесъ театръ изъ царскаго терема на площадь и нѣкогда царскую потѣху, доступную для немногихъ, обратилъ въ насущную потребность образованнаго народа. Театральныя представленія этихъ первыхъ годовъ остаются по формѣ тѣми же, что были и прежде; но главнымъ въ этихъ зрѣлищахъ являются прославленіе подвиговъ царя и его побѣдъ, и въ назиданіе еще вводится сатирической элементъ, въ которомъ на сцену выводятся старовѣры съ ихъ заблужденіями, несчастный ставленникъ, котораго надуютъ подъячіе, берущіе взятки, дьячокъ, который не хочетъ отдавать дѣтей въ науку и т. д. Съ этого времени начинаютъ появляться подстрочные переводы разныхъ иностранныхъ драматическихъ пьесъ, и въ ихъ числѣ, напримѣръ, произведенія Мольера, отрывки изъ «Донъ-Жуана» и т. д.

Въ декабрѣ 1701 г., комедіанта Яна Славскаго, поступившаго на службу къ царю еще въ 1698 г., отправляютъ за границу въ Гданскъ (Данцигъ), для вербованія въ Москву театральной труппы; на расходы ему выдается 200 рублей. Въ Данцигѣ Славскій уговаривается съ антрепренеромъ Иоганомъ Кунштомъ. По прибытіи съ труппою въ Москву «царскому величеству всѣми вымыслами, потѣхами, угодить и къ тому всегда доброму готовому полезному быти», и за все это ежегодно получать по 5,000 ефимковъ. Кромѣ этого, ему слѣдовало оказать пособіе на счетъ казны при постройкѣ зданія для театра, при шитьѣ костюмовъ и приготовленіи декораций. Актеры Куншта, кромѣ комедіальнаго дѣйствія, обязывались исполнять еще и разныя должности при театрѣ: — такъ, одинъ изъ нихъ, Антонъ Ротаксъ, долженъ былъ быть въ труппѣ парикмахеромъ и изготовлять парики и накладки; другой, Яганъ Эрдманъ, облеченъ былъ въ должность портного. Труппа Куншта прибыла въ Москву въ 1702 г.: по прибытіи, Кунштъ обратился въ посольскій приказъ съ просьбою о выдачѣ ему на обзаведеніе денегъ, при этомъ онъ предполагалъ приступить къ постройкѣ «дѣлательнаго двора» и испрашивалъ для этого разныхъ мастеровъ. Всѣ требованія Куншта были удо-

влетворены. Деревянная «комедіальная храмина» была поставлена въ Москвѣ, на Красной площади, а въ ней «театрумъ», хоры, лавки, двери и т. д. При этомъ еще въ нѣмецкой слободѣ, въ домѣ генерала Франца Лефорта, въ большой палатѣ для поспѣшенія, покамѣстъ та храмина построится, сдѣланъ театрумъ. «Великаго иждивенія» не пожалѣли, новая комедіальная храмина Москвы должна была послужить разсадникомъ будущаго народнаго театра. Первымъ условіемъ новой комедіи былъ поставленъ русскій языкъ. — «Комедію отправлять ему на нѣмецкомъ языкѣ?» спрашивали дьяки перваго директора русскаго театра Головина. Послѣдній отвѣчаетъ: — «Надобно, конечно, на русскомъ, и тому Сплавскому, какъ посулили, чтобъ такихъ вывезъ, приказано, чтобъ умѣли исполнить». Труппа Куншта вскорѣ стала ссориться со своимъ антрепренеромъ; актеры, по словамъ послѣдняго, вели разгульную жизнь и не слушались его. Въ октябрѣ того же года Головинъ приказалъ набрать русскихъ актеровъ изъ подъячихъ разныхъ приказовъ. Набранные люди были отданы въ науку Куншту. За преподаваніе науки ему было дано въ прибавку жалованья еще 500 рублей.

Вотъ имена первыхъ актеровъ: изъ ратуши — Федоръ Буслаевъ, Семень Смирновъ, Н. Кондратовъ, Левъ Невежинъ; изъ Сибирскаго приказа — Яковлевъ, Совѣтовъ, Степановъ; изъ Монастырскаго приказа — Гнѣвышевъ, Потаповъ; изъ ратуши — Петръ Быковъ, Долговъ, Меньшой, Комарской, Егоровъ, Евсѣевъ; изъ Помѣрной — Василій Кошелевъ; изъ посадскихъ, а былъ въ истопникахъ, Василій Теленковъ.

Кунштъ не былъ доволенъ своими учениками; онъ не разъ жаловался въ Посадскій приказъ, чтобы обязали ихъ являться на представленія въ одно время; затѣмъ онъ докладывалъ, что «невозможно русскихъ комедіантовъ во всѣхъ комедіяхъ своимъ театерскими платьями, перьями, накладными волосами, башмаками, чулками, рукавицами, лентами и инымъ вещами нарядить, понеже имъ такихъ вещей на полгода не будетъ, а мнѣ, Куншту, больше 1,500 рублей стали oprичъ турецкихъ и персидскихъ, которыя еще готовить надобно». Въ 1703 г. русскимъ актерамъ «для ихъ скудости» и потому, что, «ходя въ нѣмецкую слободу по вся дни, платьемъ и обувью обносились и испроѣлись», царь приказалъ выдать съ октября 1702 по январь 1703 г. 100 р. Въ 1703 г. Кунштъ умираетъ; въ мартѣ слѣдующаго года является новый антрепренеръ и учитель театральнаго дѣла Артемій Фюрстъ. На него вскорѣ подаетъ доносъ актеръ Быковъ, что онъ не занимается обученіемъ актеровъ, а потому «которыя комедіи они, комедіанты, выучили и тѣ комедіи за нерадѣніемъ его въ комплиментахъ и за недознаніемъ въ рѣчахъ дѣйствуютъ не въ твердости для того, что онъ иноземець, ихъ русскаго поведенія не знаетъ».

Изъ бумагъ 1705 г. видно, что для театральнаго представленія были выписаны изъ-за границы и музыканты. Въ первый разъ они прибыли

изъ Гамбурга чрезъ иноземца Матвѣя Понца въ числѣ семи человѣкъ; двоимъ изъ нихъ было назначено жалованье по 140 руб., а остальнымъ— по 114 руб.; затѣмъ нанято было еще четыре музыканта съ жалованіемъ по 150 руб.

У академика Пекарскаго находимъ чрезвычайно интересный докладъ того времени, какъ для исторіи той эпохи, такъ и для оцѣнки тогдашняго состоянія у насъ драматическаго искусства. Этотъ докладъ относится къ 1705 г. Вотъ онъ вполнѣ: «Ученики-комедіанты русскіе безъ указа ходятъ всегда съ шпагами, и многіе не въ шпажныхъ поясахъ, но въ рукахъ носятъ, и непрестанно по гостямъ въ ночныя времена ходя, пьютъ. И въ рядѣхъ у торговыхъ людей товары емлютъ въ долги, а денегъ не платятъ. И всякіе задоры съ тѣми торговыми и иныхъ чиновъ людьми чинятъ, придираясь къ безчестию, чтобъ съ нихъ что взять нахально. И для тѣхъ взятокъ ищутъ безчестій своихъ и тѣхъ людей волочатъ и убыточатъ въ разныхъ приказѣхъ мимо государственнаго посольскаго приказу, гдѣ они вѣдомы. И взявъ съ тѣхъ людей взятки, мрутъся, не дожидаясь по тѣмъ дѣламъ указу, а инымъ торговымъ людямъ бороды рѣжутъ для такихъ же взятокъ. И въ томъ на тѣхъ комедіантовъ разныхъ чиновъ людей словесное многое челобитье. А комедій, которыя по приказу боярина Феодора Алексѣевича (Головина) велѣно имъ списывать, писать не хотятъ, а тѣ комедіи для лучшаго обученія надлежитъ имъ списывать. А въ посольскомъ приказѣ тѣмъ комедіантамъ вышеупомянутыхъ непристойныхъ дѣлъ чинить заказываютъ, однакожь они такъ приказъ презираютъ и чинятся во всемъ непослушны, а именно въ вышеупомянутыхъ причинахъ явились комедіанты: Василій Теленковъ (онъ же Шмага пьяный), да Романъ Амосовъ, взявъ въ ряду у торговаго человѣка, у Иванова сына Полунина, сукна и не хотя денегъ платить, били челомъ въ ратушѣ, мимо посольскаго приказу, въ безчестьѣ и въ томъ волочили его многое время и потомъ, нѣчто съ него взявъ, помирились. А нынѣ тотъ же комедіантъ, Василій Теленковъ, билъ челомъ мимо посольскаго приказу въ судномъ приказѣ на ратушнаго подъячего Якова Новикова въ безчестьѣ же, а по свидѣтельству постороннихъ людей явилось, что въ томъ задоръ и брань была отъ него, комедіанта, а не отъ того подъячего. И для того посланы изъ посольскаго приказу на него, комедіанта, приставы, чтобъ его въ томъ унять. И онъ, комедіантъ, въ посольскій приказъ по многое время не пошелъ. А потомъ отъ дьяковъ посланъ къ нему комедіантъ Феодоръ Буслаевъ говорить, чтобы онъ такихъ противныхъ дѣлъ чинить пересталъ. И онъ, комедіантъ Василій Теленковъ, ему, Феодору, говорилъ съ великимъ крикомъ, что онъ никого не слушаетъ и не боится, и судить его некому, и притомъ многія противныя слова говорилъ. И того числа тотъ комедіантъ въ посольскомъ приказу сысканъ, и до указа велѣно его содержать въ приказѣ. А въ комедіяхъ дѣйствіе комедійное за нимъ не станеть, потому что не во мно-

гихъ комедіяхъ дѣйство его есть, и дѣла за нимъ мало, только безчестья много, а у того дѣла и быть онъ не потребенъ. А есть ученики комедійные русскіе добрые, которымъ велѣно быть до убыльхъ окладовъ въ прибыли (т. е. сверхкомплектныхъ). И о тѣхъ ослушникахъ и безчпникахъ что чинить?»

Докладъ этотъ былъ посланъ къ боярину Головину, который изъ похода прислалъ такое рѣшеніе: «Комедіанта пьянаго Шмагу, взявъ въ приказъ, высѣките батогами да и впредь его, также и иныхъ, буде кто изъ нихъ, комедіантовъ, явится въ какомъ плутовствѣ потому же, взявъ въ приказъ, чините имъ наказанье, смотря по винѣ, кто чего достоинъ, не отписывая ко мнѣ». Позднѣе изъ дѣла объ актерахъ, мы видимъ, что съ ними особенно не церемонились; такъ, изъ дневника Бергхольца вычитываемъ, что въ день представленія актеры разносили афиши, и одинъ изъ нихъ придумалъ даже извлекать изъ того выгоды, выпрашивая вознагражденіе, за что и былъ наказанъ до спектакля батогами, — въ спектакль же онъ исполнялъ роль короля; товарищъ этого актера тоже получилъ удары батогами. Иностранцамъ казалось въ то время удивительнымъ, что наказанный такъ недавно батогами игралъ опять на театрѣ вмѣстѣ съ княгинею и благородными дѣвицами: одна изъ нихъ, игравшая роль генерала, дѣйствительно была княжескаго рода, а супруга наказаннаго батогами короля — родная дочь маршала вдовствующей царицы.

Въ запискахъ иностранцевъ, бывшихъ тогда въ Россіи, находимъ нѣсколько интересныхъ свѣдѣній о старинномъ русскомъ театрѣ. Такъ, по словамъ Бассевича, московскій театръ былъ просто варварскій и посѣщаемъ былъ только одной чернью. Пьесы, которыя тамъ давались, раздѣлялись на нѣсколько дѣйствій, каждое изъ послѣднихъ — на столько явленій, что пьесы доставало на представленія въ продолженіе цѣлой недѣли, и каждый день давалась изъ нея треть или четверть. Между антрактами представлялись шутовскія интермедіи при пособіи кнута и палочныхъ ударовъ. Нѣмецкія пьесы, по словамъ тѣхъ же иностранцевъ, были сборищемъ площадныхъ фарсовъ, гдѣ удачное выраженіе и ловкая сатира терялись въ безобразной смѣси романтическихъ чувствъ, разглагольствованій, декламируемыхъ королями и рыцарями, съ шутовствомъ Ванюшекъ-дурачковъ, ихъ наперсниковъ и т. д.

Вкусъ императора, всегда вѣрный и здравый, даже въ искусствахъ, не совсѣмъ ему знакомыхъ, побудилъ его обѣщать премію актерамъ, если они дадутъ трогательную пьесу безъ этой любви, которую всюду навязываютъ, что надоѣдало царю, и веселый фарсъ безъ шутовства. Конечно, представленныя по этому случаю пьесы не удались, но для поощренія имъ все-таки выдана была награда. Вотъ одинъ изъ спектаклей у вдовствующей царицы, бывшей супруги царя Іоанна Алексѣевича, который видѣлъ Берхгольцъ, — онъ засталъ царицу въ спальнѣ; около нея сидѣли нѣкоторые изъ членовъ синода, какъ-то: архіепископъ новгородскій, ар-

химандрить троицкій и другіе. Когда наступило время начать театральное представленіе, дали знать о томъ присутствующимъ. Тогда царицу перенесли въ креслѣ въ залу, гдѣ уже было большое общество. Комедія началась въ 5 часовъ. Занавѣсъ поднялся. Театръ устроенъ очень изящно, только костюмы актеровъ не совсѣмъ хороши. Герцогиня Мекленбургская дирижировала всѣмъ, только пьеса изъ плохихъ. Дня черезъ три театръ посѣтилъ вмѣстѣ съ Бергхольцомъ и герцогъ Голштинскій съ значительными лицами своей свиты. Герцогиня, въ оправданіе своего театра, называла его дѣтской забавой и не считала его достойнымъ присутствія знатныхъ гостей. На этомъ-то спектаклѣ и игралъ вышепомянутый битый батогами актеръ. Представленіе иностранцамъ не понравилось; въ особенности сердило ихъ, что занавѣсъ безпрестанно опускался, и зрители оставались совершенно въ потемкахъ; по этому случаю герцогъ нѣсколько разъ повторилъ: «Welch ein Schund von Comödie ist das», и самому Бергхольцу стоило много старанія, чтобы удержаться отъ смѣха. «Въ прошлый театръ», говоритъ Бергхольцъ, «у меня стянули изъ кармана табакерку, а въ нынѣшній у двоихъ нашихъ вытащили шелковые носовые платки...»

Другой разъ онъ присутствовалъ въ театрѣ, устроенномъ въ госпиталѣ тамошними учениками. Самъ императоръ присутствовалъ въ немъ до конца пьесы и, казалось, былъ очень доволенъ ею. Пьеса продолжалась четыре часа. Этотъ театръ былъ узкій и невзрачный; тамъ находилось уже нѣсколько нѣмецкихъ дамъ и очень мало значительныхъ лицъ. Комедію играли молодые люди, ученики доктора Бидлау, очевидно, никогда не видавшие театра. Сюжетомъ пьесы была исторія Александра Македонскаго и Дарія; состояла она изъ 18 актовъ, изъ которыхъ девять давались въ одинъ разъ, другіе акты шли на другой день; между антрактами были забавныя интермедіи, послѣднія были очень плохи и оканчивались всегда потасовкой.

Первые актеры жалованье получали небольшое — большой окладъ давался только актрисамъ. Такъ, первая актриса въ труппѣ Фюрста, исполнявшая первыя женскія роли, жена генеральнаго доктора Паггенкампа, въ русскихъ документахъ передѣланная попросту въ Поганкову, получала 300 руб., а другая, дѣвица фонъ-Вилихъ, имѣла жалованья 150 руб.

Въ первое время появленія театральныхъ зрѣлищъ, какъ надо думать, печатались и афиши о представленіяхъ. Мы выше уже говорили, какъ одинъ изъ актеровъ даже пострадалъ за нихъ. Академику Пекарскому удалось видѣть одну такую афишу; напечатана она была на одной сторонѣ листа, внизу было отмѣчено, что она вышла въ свѣтъ въ С.-Петербургѣ, марта 17-го 1719 г. Озаглавлена афиша была такъ: «Объявленіе о чудномъ мужѣ, его же иные вторымъ Сампсономъ нарицають» — всей этой библиографической рѣдкости не выписываемъ. Но вотъ краткая выдержка изъ нея. Герой ея, силачъ, поднималъ пушку отъ 2,000 до

2,500 фунтовъ одною рукою, на которой стоялъ барабанщикъ. «Оную пушку держалъ одною рукою такъ долго, пока другою рукою про здравіе господъ смотрителей (sic) рюмку вина выпьетъ. Двухъ или трехъ сильныхъ лошадей припругаетъ къ себѣ, которыя, хотя всѣми силами тянуть, однакожь съ мѣста сволочь не смогутъ. Канать перерветъ руками, котораго двѣ лошади перервать не могутъ. Подыметъ лошадь одною рукою, на которой человѣкъ или два сидѣли бы, и до тѣхъ мѣстъ поднявъ держитъ, пока вина рюмку выпьетъ. Ляжетъ на землю и велитъ на себя двумъ тяжелымъ человѣкамъ стать, съ которыми онъ встаетъ и станеть на стулъ, который на столѣ стоитъ. Подыметъ отъ 10 до 12 человѣкъ самыхъ тяжелыхъ и, поднявъ одною рукою, такъ долго держитъ, пока рюмку выпьетъ вина. Желѣзный гвоздь въ футъ длиною, а въ душло шириною, свернетъ, какъ пыжевникъ. Возьметъ въ зубы палку и велитъ двумъ сильнымъ людямъ тянуть, которую не могутъ у него изо рта вытянуть». Цѣна мѣстамъ у этого Сампсона, за первое полтину, за другое десять алтынъ, а въ третьемъ или въ послѣднемъ пять алтынъ. Изъ этого объявленія видно, что афиша Петровскихъ временъ какъ по искусству заманивать зрителей, такъ и по дороговизнѣ мѣстъ едва ли чѣмъ отличается отъ нынѣшнихъ подобнаго рода. Этотъ Сампсонъ, какъ говоритъ Бергхольцъ, обманулъ собравшихся зрителей разъ первымъ апрѣлемъ. Такимъ обманомъ воспользовался и другой нѣмецъ Маннъ, устроившій театръ у нынѣшняго Полицейскаго моста, на Мойкѣ. Профессоръ Штелинъ въ своей нѣмецкой хроникѣ театра въ Россіи рассказываетъ этотъ случай, который не можетъ повториться въ наше время. Маннъ великолѣпной афишей извѣстилъ публику о необыкновенномъ новомъ представленіи, назначенномъ на первый день апрѣля. Стеченіе народа было страшное, за билеты платили втрое, потому что театръ не могъ вмѣстить всѣхъ желавшихъ видѣть представленіе. Наконецъ пріѣхалъ и государь. Музыка загремѣла, занавѣсъ взвился, и, вмѣсто спектакля, передъ изумленными зрителями явилось бѣлое полотно съ гигантскими словами: — «Нынче первое апрѣля». — «Нечего дѣлать! ступайте по домамъ!» сказалъ государь, улыбувшись: — «это вольность комедіантовъ».

По поводу 1-го апрѣля Бергхольцъ рассказываетъ еще другой случай, бывшій при немъ въ Петербургѣ въ Петровское время. «Въ полночь увидѣли мы сильный огонь за императорскимъ садомъ; начали звонить въ набатъ, бить въ барабаны, а ночные караульщики весьма прилежно дѣйствовали трещотками. Почти весь городъ былъ на ногахъ, а между тѣмъ этотъ огонь былъ ничто иное, какъ шутка, чтобы многія тысячи народа обмануть въ апрѣлѣ. Когда подходили къ огню, то поставленная тамъ стража отвѣчала, что сегодня послѣднее число марта. Но какъ многіе другіе о томъ ничего не знали, то все-таки стекались на предполагаемый пожаръ. Это немало забавляло Петра Великаго, и онъ каждый годъ около

того времени выдумывалъ что нибудь подобное». Штелинь еще рассказываетъ о необыкновенномъ спектаклѣ, который встарину давали на масляницѣ служители царскихъ конюшенъ; представляли эти импровизованные актеры въ рогожныхъ костюмахъ, давали они представленія въ разныхъ мѣстахъ. Для извѣщенія о томъ публики, на окнѣ выставился бумажный фонарь и играли на рожкахъ. Представленіе носило названіе «игрищъ» или, какъ онъ называется, «Sottises theatrales». Зрители за мѣста платили отъ 1 до 4 копѣекъ.

Находятся также свидѣтельства, что актеры стараго времени принимали участіе въ похоронныхъ процессіяхъ; такъ, на пышномъ погребеніи боярина Головина, извѣстный антрепренеръ Фюрстъ принималъ участіе въ церемоніи, и на этотъ конецъ ему были выданы изъ театральнаго платья «латы добрыя, всяя воинскія одежды и съ поручи и съ руками».

Веберъ, мекленбургскій посланникъ, бывшій въ Петровское время въ Петербургѣ, даетъ намъ описаніе театра любимой сестры царя, великой княжны Наталіи. Театръ ея помѣщался въ огромномъ пустомъ домѣ, гдѣ былъ устроенъ партеръ и ложи; посѣщать этотъ театръ былъ воленъ всякій. Здѣсь давались трагедіи и комедіи, сюжеты которыхъ были заимствованы изъ Библии или изъ обыкновенныхъ всеневныхъ приключеній. Труппа состояла изъ десяти русскихъ актеровъ и актрисъ, самаго ординарнаго качества. Про представленія онъ рассказываетъ, что роль арлекина поручена была одному оберъ-офицеру, и онъ вмѣшивался со своими шутками туда и сюда въ продолженіе всего дѣйствія; потомъ выходилъ ораторъ и рассказывалъ ходъ и содержаніе пьесы, а наконецъ слѣдовала и самая пьеса, гдѣ была изображена неудачность возстаній и всегда несчастный конецъ ихъ. Въ этой пьесѣ, какъ объясняли Веберу современники, было выведено на сцену одно изъ послѣднихъ стрѣлечкихъ возмущеній. Представленія же въ народномъ театрѣ на Красной площади давались по понедѣльникамъ и четвергамъ; въ эти дни ворота въ Кремль, Китаѣ и Бѣломъ городѣ не запирались до девяти часовъ вечера, и съ проѣзжающихъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ людей, проѣздной пошлины не брали, «дабы смотрѣть того зрѣлища ѣхали охотно».

Съ царствованія императора Петра въ Россіи появилось все, что только интересовало современную жизнь въ остальной Европѣ, и русскіе начали понемногу отвыкать отъ своихъ вѣковыхъ предрассудковъ; хотя формы, введенныя въ общественную жизнь Петромъ, все-таки были сухи и казенны, полной свободы не было, въ обращеніи царилъ придворный этикетъ, натянутый и церемонный. Всѣ общественныя увеселенія того времени, какъ напр., маскарады и ассамблеи, въ сущности были ничто иное, какъ церемоніалы, которыми при Петрѣ Великомъ ознаменовывалось почти каждое болѣе или менѣе замѣчательное событіе въ государ-

ствѣ. Такъ, къ торжественному вшествію побѣдоноснаго надъ шведами государя, приказано было изготovitъ театральное представленіе, въ которомъ, въ аллегорическомъ видѣ, были изображены побѣды его и побѣжденные имъ генералы.

На ассамблеи и балы придворные и военные съѣзжались большою частью, какъ на извѣстную церемонію, которая больше стѣсняла и утомляла, чѣмъ вносила веселье. Первые танцы были тоже церемонны, и за ними только слѣдовали обыкновенные. Приличіе того времени требовало, чтобы мужчина, желавшій танцовать съ дамою, подходилъ къ ней не прежде, какъ послѣ трехъ церемоніальныхъ поклоновъ; во время танцевъ едва касаться пальцами ея пальцевъ, а когда окончивалъ, тогда цѣловалъ ея руку. Дамы также не отличались нынѣшнею свободою. Одѣтыя въ европейскія платья, выученныя танцовать, онѣ все-таки сохраняли старую застѣнчивость: дѣвушка, напр., съ мужчиною не смѣла вступать въ разговоръ, не могла танцовать два раза въ вечеръ съ однимъ кавалеромъ. Хотя и существовали свободныя постановленія ассамблей, но на вечерахъ ихъ не было свободы и оживленности. Императоръ, любившій свободное обращеніе безъ чиновъ тамъ, гдѣ нужно было веселиться, ввелъ на ассамблеяхъ особенный танецъ на манеръ нѣмецкаго гротфатера, въ которомъ все собраніе, мужчины и женщины, подъ звуки медленнаго, почти похороннаго марша, также медленно двигались по комнатамъ; вдругъ, по знаку маршальскаго жезла, музыка переходила въ веселую, дамы оставляли своихъ кавалеровъ, брали новыхъ между не танцовавшими; кавалеры ловили дамъ или искали другихъ; поднималась ужасная толкотня, бѣготня, шумъ, крикъ; даже лица царской фамилии не были изъяты отъ этого; за ними бѣгали, гонялись, какъ и за всѣми другими, сами они ловили другихъ; наконецъ, по новому сигналу маршала, все опять приходило въ прежній порядокъ, и тѣ, которые оставались безъ дамъ, подвергались наказанію: осунуть кубокъ большого и малаго орла. Этотъ огромный кубокъ обыкновенно находился въ одной изъ комнатъ, и отъ осуненія онаго виновный не освобождался никакими отговорками.

При отцѣ императора, какъ говорятъ преданія, существовалъ одинъ только танецъ—это «Казачокъ»: буйный, удалой, занесенный въ бѣлокаменную малороссійскимъ казачествомъ,—но онъ не сближалъ оба пола. Одни святочныя посидѣлки и вечерницы развязывали нѣсколько затворническую теремную жизнь. Ассамблеи при Петрѣ давались по очереди всѣми придворными. Царь лично утверждалъ списокъ ихъ, и самъ присутствовалъ на нихъ со своимъ семействомъ. Хозяинъ обязанъ былъ только хлопотать объ угощеніи, а о поклонахъ, встрѣчѣ и проводахъ гостей онъ не заботился. Подъ ассамблеи занимали четыре комнаты: въ одной бесѣдовали старики; въ другой танцовала и веселилась молодежь; въ третьей курили табакъ и пили вино, а въ четвертой играли въ шах-

маты и пашки. На ассамблеи скликали обыкновенно барабаннымъ боемъ и прибитыми на перекресткахъ улицъ объявленіями. Императоръ считался первымъ танцоромъ, онъ танцевалъ ловчѣе и пріятнѣе всѣхъ. Между дансерами въ его время отличались: графъ Ягужинскій, князья Трубецкой и Долгорукой и графъ Головкинъ. Изъ дамъ первыя танцовщицы были: великая княжна Елизавета Петровна и княжна Кантемиръ. Общественная жизнь хотя при Петрѣ и измѣнилась, принявъ свѣтскія формы, но нужно помнить, что это случилось только въ высшемъ обществѣ, между знатью и придворными.

Въ царствованіе императрицы Екатерины I и Петра II придворные и частные балы почти прекращаются, и существовалъ ли тогда на Красной площади театръ — свѣдѣній не имѣется; извѣстно только, что въ это время процвѣтають немудреные спектакли въ главномъ госпиталѣ, гдѣ лекарскіе ученики завели у себя постоянный театръ, настилая доски на порожнія кровати, разгораживали сцену пестрыми ширмами и вылечивали своихъ больныхъ веселой забавою, а здоровыхъ морили со смѣху комедіями своего издѣлія, въ которыхъ уже появляются настоящія русскія народныя лица. Къ нимъ вскорѣ примкнули и питомцы корабельнаго училища Сухаревой башни и стали тоже давать спектакли. Со вступленіемъ на престолъ Анны Іоанновны, всякія удовольствія, зрѣлища, торжества и праздники входятъ въ большую моду; дворъ въ это время отличается великолѣпіемъ и пышностью. Польскій король Августъ II отправляетъ къ императрицѣ лучшихъ артистовъ дрезденскаго театра, — какъ музыкантовъ, такъ и танцовщиковъ. Изъ числа замѣчательныхъ артистовъ въ службу къ императрицѣ вступаетъ знаменитая пѣвица Казанова, мать извѣстнаго авантюриста, и комикъ-пѣвецъ Педрильо, впоследствии любимый шутъ императрицы. Спектакли того времени уже отличаются роскошью въ костюмахъ и декораціяхъ. Въ это же время въ обѣихъ столицахъ появляются разные нѣмецкіе кунштмейстеры, эквилибристы, позитурные мастера, великаны и проч. На Святой и на Масляницѣ строятся балаганы и лубочные шалаши, — отъ нихъ и произошло впоследствии слово «лубочное», какъ самое низменное въ искусствѣ.

Изъ старыхъ забавъ, чисто-народныхъ, стали опять процвѣтать медвѣдь съ козою — до первыхъ у насъ были такіе охотники, что держали у себя ихъ въ домахъ, и они, срываясь иногда съ привязей, причиняли большое безпокойство жителямъ. Кромѣ такихъ ученыхъ медвѣдей, появляются и ученые собаки, но послѣднимъ художествомъ преимущественно отличались только нѣмцы; здѣсь требовался особенно тонкіе приемы, неслишкомъ доступные русскому человѣку, спеціальностью котораго преимущественно были одни медвѣди. Зато въ другомъ чемъ, какъ говоритъ П. Е. Забѣлинъ, отличался русскій человѣкъ. Это были «птичьи высвисты», гдѣ онъ доходилъ до изумительнаго совершенства. На старинныхъ гуляньяхъ простые мужички составляли иногда цѣлыя хоры самыхъ разно-

образныхъ птичьихъ голосовъ, начиная съ соловья и до малиновки. Особенно славились этимъ тверскіе ямщики, которые, по словамъ Нащокина, на известной свадьбѣ князя Голыцына-Квасника въ медяномъ домѣ, «оказывали весну разными высвисты по птичьи».

Петръ Великій не любилъ разныхъ штукмейстеровъ, англійскихъ шпринтеровъ, балансеровъ и тому подобныхъ людей, удивлявшихъ своимъ дотолѣ невиданнымъ искусствомъ русскихъ людей, которые платили за ихъ шутки полновѣсными старинными рублями. Онъ ихъ неслишкомъ уважалъ, и когда одна труппа балансеровъ прибыла къ нему, онъ принялъ ее съ большимъ неудовольствіемъ. Для народа онъ приказалъ имъ показывать свое искусство даромъ, а для богатыхъ назначилъ таксу—не больше гривны съ каждаго зѣваки, и потомъ велѣлъ труппу выпроводить изъ города, замѣтивъ, что «намъ надобны художники, а не фигляры... прищельцамъ, шатунамъ сорить деньги безъ пользы грѣхъ». Зато послѣ Петра шатуны эти стали появляться въ Россіи въ большомъ количествѣ. Газеты того времени сохраняютъ въ цѣлости имена этихъ увеселителей и описываютъ ихъ шпильманскую хитрость, которую тѣ продѣлывали передъ публикой. Вотъ что напечатать англійской «эквилибристи Штуардъ» о новопостроенномъ имъ комедіальномъ домѣ, подлѣ земляного вала, между Красными и Покровскими воротами, что у Лѣсного ряду. Этотъ Михаилъ Штуардъ за свои «чрезвычайныя и здѣсь еще невиданныя, весьма достойныя зрѣнія, во многихъ разныхъ штукахъ балансированія» бралъ за мѣста съ публики, за первое по одному рублю, за второе по 50 коп., за третье по 25 коп. съ персоны. Господскіе служители безъ платежа денегъ впущены не будутъ. Представленія начинались ровно въ пять часовъ и давались каждый день, кромѣ субботы. Позднѣе, этотъ штукмейстеръ объявлялъ въ газетахъ, что находящійся здѣсь «англинской шпринтеръ и позитурный мастеръ, свой театръ будетъ растворять о святой недѣлѣ на третій и на четвертый день праздника».

Пріѣзжалъ еще французскій механикъ Петръ Дюмолинъ съ различными курьезными машинами, показывалъ онъ публикѣ ихъ въ нѣмецкой слободѣ въ домѣ дѣвнцы Нагетъ. Машины эти были: «1) маленькая бернская крестьянка, которая шесть лентъ вдругъ тчетъ, такъ что оныхъ отъ 18 до 20 дюймовъ въ минуту поспѣваетъ, а между тѣмъ играютъ куранты; 2) машинка, сдѣланная кинарейкою, которая такъ натурально поетъ, какъ живая; 3) разныя движущіяся и перемѣняющіяся весьма курьезныя и чрезвычайныя картины». Затѣмъ, онъ еще извѣщалъ публику, что у него добавлена электрическая машина, которою онъ будетъ дѣлать разныя и весьма курьезныя эксперименты. Картины, представляющія ландшафтъ, въ которомъ видны будутъ многія движущіяся изображенія дорожныхъ людей и возовъ, и многіе работные люди, которые упражняются въ разныхъ вещахъ такъ натурально, какъ бы живые; другая картина представляетъ голову движущуюся, которой дѣйствія такъ

удивительны, что всѣхъ зрителей устрашаютъ. Русской мужикъ, который голову и глаза движеть такъ совершенно, что можно его почестъ живымъ. Движущійся китаецъ, который такъ хорошо сдѣланъ, что не можно вообразить, что это была машина. Сіи двѣ фигуры имѣютъ величину натуральную. Этотъ же Дюмулень извѣщалъ публику, что онъ недавно окончилъ лягушку движущуюся, надъ которой онъ долго трудился. «Сія лягушка знаетъ время на часахъ и показываетъ оное, плавая на суднѣ». Въ томъ же домѣ, гдѣ показывались эти машины, заѣзжій нѣмецъ показывалъ «съ платежемъ по полтинѣ съ персоны» великолѣпное строеніе славной римской церкви св. апостола Петра, сдѣланное съ модели. Приѣзжалъ въ Москву еще нѣкто голландскій кунштмейстеръ Іозефъ Заргеръ, показывалъ онъ голову Цицеронову и другіе голландскіе куншты, и сверхъ того представлялъ комедію «о докторѣ Фавстѣ» большими итальянскими двухъаршинными куклами, которыя разговаривали, тутъ же и ученая его лошадь дѣйствовала. Наѣзжали и итальянскія маріонетки, веселія комедіи и также «новая комедія», которую выхлопоталъ себѣ вольный комедіантъ Іоганъ Нейгофъ съ женою Іоганою-Елеонорою въ городахъ: Петербургѣ, Ригѣ, Москвѣ и Ревелѣ. Новая комедія состояла изъ большихъ итальянскихъ маріонетокъ или куколъ, длиною въ два аршина, которыя по театру свободно ходятъ и такъ искусно представляютъ себя будутъ, какъ почти живыя. Комедія, которая съ куклами представлена быть имѣеть, называется «Храбрая и славная Юдиѣ».

Приѣзжали еще курсаксонскіе рудокопы съ курьезною и удивительною машиною, которая показывала статуями въ движеніи, такъ, какъ натуральные люди работаютъ въ горахъ, подкопахъ и ямахъ для сысканія руды серебряной и золотой; показывалась еще въ нѣмецкой слободѣ любопытная машина «оракулъ», которая на разные предлагаемые ей вопросы даетъ отвѣтъ. За входъ платили по одному рублю. За этимъ механикомъ наѣзжалъ еще другой Тезы: онъ показывалъ, «новую дѣйствительно физическо-оптическую машину, которая во многихъ отношеніяхъ заслуживала любопытства москвичей»; этой машиною онъ удивительнымъ перспективнымъ представленіемъ по правиламъ архитектуры показывалъ города, замки, церкви, сады, гавани, триумфальныя ворота и прочія любопытства достойныя вещи, которыя зрителей довольно приводятъ въ удивленіе. Сверхъ того, онъ показывалъ и мореплаваніе кораблей, которое потомъ, къ удивленію всѣхъ, превращается въ прекрасную, изъ свѣтлыхъ колеровъ состоящую живопись, а наконецъ, въ пріятныя сады, плоды, цвѣты и проч. Онъ же даетъ наставленіе, какъ рисовать, такъ и мѣшать краски, и то обученіе оканчивается въ восемь дней. Еще показывалъ онъ корабль, разбившійся при островѣ Мартиникѣ объ скалу, на которую человекъ изъ упомянутого корабля былъ выброшенъ, который три мѣсяца питался камушками, проглатывая разные каменья, данные ему для ѣды. Желающіе сіе видѣть сыскать упомянутого механика могутъ у

Красныхъ воротъ въ домѣ князя Трубецкаго, у французскаго трактирщика М. Оттона. Причемъ съ каждой персоны брано будетъ 25 коп., а знатымъ особамъ ничего не предписывается, но паче оставляется на ихъ щедрость, сколько каждая по своему соизволенію пожаловать соизволить.

Прибывала также цѣлая труппа искусниковъ, танцующихъ на веревкѣ, прыгающихъ, ломающихся и представляющихъ «пантомиму». Былъ пріѣзжій итальянецъ Іозефъ-Юліанъ Швейцеръ съ нѣкоторымъ числомъ большихъ и малыхъ собакъ, приученныхъ къ разнымъ удивительнымъ дѣйствіямъ. За смотрѣніе онъ бралъ сперва по рублю съ персоны, а затѣмъ по полтинѣ, а съ простаго народа по 10 коп. съ персоны.

Смотрѣла Москва также африканскую птицу «Струсъ» или страуса; объявлялось, что эта птица больше всѣхъ птицъ на свѣтѣ, и притомъ чрезвычайно скоро бѣгаетъ, распусая крылья, и особенную силу имѣетъ въ своихъ когтяхъ, которыми на бѣгу можетъ схватить камень и такъ сильно онымъ ударить, какъ бы изъ пистолета выстрѣлено было; она-жъ птица ѣстъ сталь, желѣзо, разнаго рода деньги и горящіе уголья. За смотрѣніе оной каждый изъ благородныхъ можетъ заллатить по своему изволенію, а съ купечества брана будетъ по 25 коп. Простому же народу будетъ при самомъ входѣ цѣна объявлена.

Первый циркъ или конскія ристанія открылъ англійскій берейторъ Батесъ, увѣдомивъ публику слѣдующей афишею: «По Высочайшему позволенію недавно пріѣхавшій сюда славный англійскій берейторъ Батесъ, который чрезъ долговременную науку до нынѣшняго совершенства въ берейторскомъ искусствѣ дошелъ, такъ что ни въ Англии и нигдѣ еще никто не видалъ, будетъ показывать охотникамъ слѣдующее искусство: 1) Ѣздитъ онъ верхомъ на двухъ лошадахъ на открытомъ полѣ нѣсколько разъ крутомъ во всю прыть. 2) Ѣздитъ вдругъ на трехъ лошадахъ во всю прыть; переметывается между тѣмъ съ одной на другую удивительнымъ образомъ. 3) Ѣздитъ на трехъ лошадахъ во всю прыть, стоя ногами на обѣихъ боковыхъ лошадахъ; обѣ отпускаетъ, и скачетъ на третью, не препятствуя лошадамъ къ бѣгу. 4) Ѣдучи на одной лошади во всю прыть, соскакиваетъ съ оной и опять вскакиваетъ съ удивительнымъ проворствомъ и черезъ ея прыгаетъ. Онъ (Батесъ) проситъ притомъ, чтобъ зрители никакихъ собакъ не приводили, дабы ему въ ѣздѣ не здѣлалось помѣшательствъ. Съ cadaго человѣка брано будетъ по одному рублю». Наѣзжали также еще карлики и маленькіе люди безъ рукъ и знаменитый въ свое время великанъ Бернардъ Жилли ростомъ 3¹/₂ аршина. Каждая персона за смотрѣніе платила по 40 коп., знатымъ же особамъ ничего не предписывается, но оставляется на ихъ соизволеніе, сколько кто пожаловать заблагоразсудить. Этотъ великанъ имѣлъ большой успѣхъ, и вскорѣ даже явилась лубочная картинка, какъ онъ прогуливается по Дѣвичьему полю на гуляньѣ 13-го мая.

Въ царствованіе Анны Іоанновны, какъ мы выше уже говорили, царица при дворѣ пышность представленій; государыни очень полюбилась итальянская интермедія, и въ Петербургъ была выписана труппа итальянцевъ для игранія комедій, съ которыми въ перемѣну, однажды въ недѣлю, представлялись итальянскія интермедіи съ балетомъ, гдѣ фигурантами бывали кадеты сухопутнаго корпуса, обучаемые танцмейстеромъ Ланде. Между танцовщиками-кадетами были такіе, что ничѣмъ не уступали итальянцамъ; особенно славился Чоглоковъ, впоследствии камергеръ и придворный императрицы Екатерины II. Придворные балы также въ то время были блистательны, дамы поражали блескомъ своихъ брилліантовъ, жена временщика Бирона являлась подъ тяжестью брилліантовъ на нѣсколько милліоновъ рублей. Въ шахматы и шашки тогда уже не играли, а замѣнили ихъ картами; тяжелыхъ гротесктеровъ не танцевали, а являлись въ «à la грекѣ» и «хлопушкѣ», медъ и вина отошли тоже на дальній планъ, и пили только оршадъ и лимонадъ. Дворъ не принималъ участія въ частныхъ балахъ, а сталъ давать ихъ самъ по нѣсколько ежегодно; особенною роскошью отличались такіе балы въ честь пословъ: китайскаго, турецкаго и бухарскаго, и по случаю разныхъ торжествъ. Только одна Масляница была посвящена русскимъ играмъ и забавамъ, пляскѣ и пѣснямъ по старинѣ. Императрица заботилась и о томъ, чтобы русская національность не утратилась совсѣмъ.

III.

Маскарады.—Метаморфозы.—Благородные фигуранты.—Балы.—Значеніе слова «балъ».—Маскарады Локателли.—Катальныя горы.—Увеселительные сады вельможъ.—Вокзалъ Медокса.—Адмиралъ Розенштейнъ.—Павловская эпоха.—Процвѣтаніе бульваровъ при Александрѣ I.—Прѣсенскіе пруды.—Первые садовые капельмейстеры.—Фейерверки и иллюминаціи.—Ив. Ив. Излеръ.—Французская оперетка.

Съ воцареніемъ Елисаветы Петровны, вошелъ въ потребность маскарадъ; родился онъ еще въ XVI столѣтіи,—русскій народъ тогда рядился въ хари и маски; шаманъ, коза и медвѣдь были самые употребительнѣйшіе костюмы. Но эта потѣха, какъ мы выше уже говорили, строго преслѣдовалась нашимъ духовенствомъ: обычай рядиться считался богопротивнымъ. Переряженіе къ намъ было перенесено новгородскою вольницею, которая переняла его у Ганзы.

Первоначальные маскарады наши ограничивались тѣмъ, что представляли свѣтъ навыворотъ, т. е. мужчины—одѣвались въ женское, а дамы—въ мужское платье. Такіе маскарады носили названіе «метаморфозъ». Первый изъ нихъ былъ устроенъ въ Москвѣ въ 1744 году. Что можетъ быть проще и наивнѣе этого? Самой царицѣ очень шелъ мужской нарядъ:

узкій мундиръ превосходно обрисовывалъ ея красивыя формы. Женское кокетство не оставалось безъ успѣха, и то, что могло быть недостаткомъ въ женскомъ платьѣ, отлично пряталось въ ботфорты и прикрывалось лампасами. Дѣвственная скромность исчезала подъ свободными приемами мужчины. Въ это время только постигли всю прелесть баловъ и маскарадовъ и всѣ выгоды сближенія, все очарованіе женской прелести. Ловкій танцмейстеръ Ланде началъ учить будущиxъ тансеровъ російскаго войска; первый шляхетный корпусъ достался ему въ передѣлъ, и всѣ русскія ноги сдѣлались тогда благовоспитанными. Прыжки, пируэты ворвались во дворецъ, въ обращеніе вошли грація и ловкость, ноги шаркали съ душою, поклоны стали ниже и фигурнѣе, улыбки выразительнѣе. Ланде публично, на всю Европу, говаривалъ: «кто хочетъ видѣть, какъ правильно, нѣжно и непринужденно менуеты танцовать надобно, тотъ долженъ пріѣхать къ императорскому російскому двору». — «Сіе изреченіе», замѣчаетъ Штелинь, «конечно, не происходило отъ пристрастія, ибо всему свѣту извѣстно, что императрица Елисавета Петровна совершеннѣйшая была своего времени танцовщица, подававшая собою всему двору примѣръъ правильнаго и нѣжнаго танцованія; она также чрезвычайно хорошо танцовала и природные русскіе танцы, которые, хотя вообще и не употребляются больше при дворѣ и въ знатныхъ домахъ, однако-жъ иногда, а особливо во время придворныхъ маскарадовъ, ихъ танцуютъ».

При дворѣ Анны Іоанновны, какъ мы уже упоминали, въ извѣстные дни во дворцѣ танцовали по-русски нарочно для того избираемые гвардейскіе унтеръ-офицеры со своими молодыми женами, между которыми бывали отличнѣйшія танцовщицы; съ ними иногда танцовали по-русски и придворные кавалеры. Современники-иностранцы о «русскомъ» отзывались съ большою похвалою и говорили: «всѣ роды европейскихъ танцевъ не могутъ сравниться съ природнымъ русскимъ, когда прекрасная русская дѣвушка въ русскомъ своемъ платьѣ его танцуетъ; и смѣло можно сказать, что въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ другого танца, который бы въ прелести могъ русскій превзойти». Первые балеты также исполняли будущіе воины — кадеты сухопутнаго шляхетнаго корпуса. Извѣстный драматургъ А. П. Сумароковъ составлялъ для нихъ либретто балетовъ. Такъ, въ день тезоименитства императрицы Елисаветы и по случаю одержанной 1-го августа надъ прусскими войсками побѣды при Франкфуртѣ былъ игранъ его прологъ «Новые лавры» и затѣмъ его же балетъ «Прибѣжище Добродѣтели» — нѣчто похожее на драму въ пяти актахъ.

Въ царствованіе Екатерины II празднества, маскарады и балы давались уже совершенно по-европейски. Распространеніе и усовершенствованіе хореографическаго искусства требовало и разныхъ общественныхъ и домашнихъ банкетовъ и баловъ. Кстати, безъинтереснымъ считаемъ здѣсь сказать, откуда взялось у насъ слово «балъ». Это выраженіе получило свое

начало въ Германіи въ XV столѣтіи. Балъ—Ball—слово чисто нѣмецкое, означающее шаръ, мячъ. «Давать балы» нѣмецкій писатель Нахтигаль объяснялъ стариннымъ германскимъ обычаемъ. Въ нѣмецкихъ деревняхъ на второй и третій день пасхи молодыя дѣвушки обыкновенно собирались съ тѣмъ, чтобы поднести своимъ подругамъ, вышедшимъ замужъ, по мячику, набитому шерстью или пухомъ. Сперва мячикъ натывался на длинный шестъ, и его носили по всей деревнѣ съ пѣснями; потомъ шестъ вдѣвали въ землю передъ домомъ новобрачной, а ей самой подносили мячикъ. Молодая обязывалась угостить все общество и поставить дѣвушкамъ и юношамъ безвозмездно угощеніе и музыку для танцевъ. Сколько было молодыхъ замужнихъ женщинъ, столько давалось мячей или баловъ, т. е. вечеринокъ съ танцами.

Одно время въ царствованіе императрицы Елисаветы въ Москвѣ и Петербургѣ давалъ публичныя маскарады и балы итальянецъ Локателли; цѣну за входъ на такіе маскарады Локателли, по тому времени, назначилъ очень высокую: онъ бралъ за входъ съ персоны по 3 руб. Этотъ Локателли первый познакомилъ русскихъ съ итальянской оперой—его опера-буффъ, по словамъ современниковъ, производила постоянный восторгъ и при дворѣ, и въ обществѣ; въ его оперѣ тогда участвовали лучшіе артисты, выписанные имъ изъ Италіи и Германіи; пѣвцовъ тогда называли оперистами и оперистками; у Локателли были также выписныя танцоры и музыканты. Премьеромъ у него былъ знаменитый кастратъ Манфредини. Театръ его стоялъ у Красныхъ воротъ, назывался онъ «опернымъ домомъ». Позднѣе, при Екатеринѣ, во время коронаціонныхъ торжествъ, въ немъ давались маскарады и благородныя спектакли съ балетами. Особенно богато былъ здѣсь поставленъ балетъ «Радостное возвращеніе къ аркадскимъ пастухамъ и пастушкамъ богини весны»; этотъ балетъ ранѣе былъ представленъ въ Головинскомъ дворцѣ, гдѣ принимали участіе графиня Сиверсова—дочь оберъ-гофмаршала, М. П. Нарышкина, графиня Строганова, урожденная графиня Воронцова, графъ Пётръ Александровичъ Бутурлинъ и другіе. Весь оркестръ тоже состоялъ изъ придворныхъ вельможъ.

Маскарады въ то время извѣщались афишами—носили они названіе: «Локателевъ» или «Локателевъ маскарадъ». Вотъ одна изъ такихъ афишъ: «Черезъ сіе объявляется, что для удовольствія знатнаго дворянства и прочихъ здѣшняго столичнаго города жителей, что съ будущаго воскресенья начнутся здѣсь вольныя маскарады. Желающіе въ оныя маскарады пріѣзжать имѣютъ платить съ каждой персоны за входъ по три рубля. Кто-жъ пожелаетъ ужинать, также кофе, чаю и питья, оныя будутъ получать въ томъ же домѣ за особливую плату. Маскарады будутъ начинаться концертомъ, пока съѣдутся столько масокъ, чтобъ балъ зачать можно было; и отъ сего времени съѣздъ въ маскарадъ имѣетъ быть всякое воскресенье въ 7 часу пополудни, а безъ маскераднаго платья, такожъ

и подлые люди никто впущены не будутъ. Билеты-жъ и маски всякаго сорту могутъ желающіе покупать въ томъ же домѣ отъ 8 часовъ утра до разъѣзду». Служившая у этого Локателли танцовщица Нюдень публиковала также не разъ въ газетахъ, что она «обучаетъ благородныхъ танцовать минаветы, контратанцы и верхніе танцы», т. е. придворные.

Въ ряду разныхъ увеселеній стараго времени первое мѣсто занимали также катальныя горы, карусели, качели и т. п. игры, вошедшія въ большое употребленіе въ царствованіе Екатерины II. Всѣ эти удовольствія были устраиваемы на площадяхъ для увеселенія народа во всю масляницу, и всякій могъ туда «собираться, смотрѣть разныя игрища, пляски, комедіи кукольныя, фокусъ-покусъ и разныя тѣлдвиженія и катанья съ горъ во всю недѣлю, съ утра и до ночи, въ маскѣ или безъ маски, кто какъ похочетъ всякаго званія люди». Такія катальныя горы и другія затѣи были устроены въ Москвѣ при Покровскомъ дворцѣ, куда императрица, по примѣру своихъ предшественницъ, ѣздила веселиться со всѣмъ дворомъ. Катальная гора тамъ была устроена по образцу существовавшихъ въ Ораніенбаумѣ и Царскомъ селѣ. Горы были зимнія и лѣтнія, двухъэтажныя; въ нижнемъ была устроена машина съ колесами и со всѣми инструментами, дѣйствовавшая посредствомъ лошадей; при ней канать чрезъ всю гору на четырехъ мѣдныхъ шкивахъ. Съ верхняго этажа спускался по луку къ Яузѣ форсъ или скать изъ сосновыхъ брусевъ длиною въ 186 саж. 1 аршинъ, шириною въ 4 сажени. Для зимняго катанья этотъ форсъ настилали льдомъ по снѣгу; льдины распиливали толщиною въ 3—4 вершка, клали ихъ и поливали водою. Съ одной стороны форса устроенъ былъ ящикъ или каналъ шириною въ 4, глубиною въ 5 вершковъ для «хожденія каната», которымъ обратно поднимали наверхъ санки и коляски. Зимю по бортамъ форса прибывались для украшенія елки. Въ концѣ форса, куда скатывались, устроенъ былъ щитъ шириною въ 16¹/₂ сажень. Къ веснѣ, къ маю, этотъ щитъ былъ украшенъ тридцатью перспективными картинами. Для зимняго катанья употреблялись санки и лодки, обитыя сукномъ, на стальныхъ полозьяхъ на «головашкахъ»; у однихъ было рѣзное изображеніе льва, а у другихъ — лебедя; также были еще два лебедя бѣлыхъ съ крыльями, обитые холстомъ, на зимнемъ ходу,—одни съ рулемъ, другія съ ползкомъ. На горѣ стояли двѣ деревянныя рѣзныя статуи, на которыя надѣвались бумажныя, крашенныя черною краскою, головы для сниманія ихъ копьями налету во время катанья. Такихъ головъ при этихъ статуяхъ было еще десять.

На горѣ въ лѣтнее время были устроены карусели, качели и т. д., и сама гора преобразована: ледъ сколотъ, и по форсу устроено лѣтнее катанье на коляскахъ. Нѣкоторыя коляски отличались необыкновеннымъ великолѣпіемъ. Эти увеселительныя затѣи сперва были доступны однимъ дворянамъ, но затѣмъ вскорѣ отдавались на откупъ антрепренерамъ-ино-

странцамъ, которые здѣсь, какъ нѣкій Берлиръ, торговали винами и сластями и допускали уже кататься на ней и простымъ людямъ, взимая плату на горѣ съ персоны по 10 копѣекъ съ коляски, т. е. съ двухъ персонъ 20 коп. за одинъ разъ. На карусели обернуть 20 разъ съ персоны 10 коп., на круглой качели обернуть 20 разъ также по 10 коп., а съ прочихъ игоръ: съ фортуны, съ кегельной игры, сваешной игры, съ висячаго пара, съ ворона и съ веревочной качели, и съ колечной игры платы не брали.

Затѣмъ къ исторіи увеселеній надо причислить и попытки частныхъ лицъ открытія увеселительныхъ садовъ. Такъ, въ вѣдомостяхъ 1769 г. явилось объявленіе, что въ саду графа Сиверса, состоящемъ близъ церкви Богоявленія Господня, что въ Тхаловѣ, «имѣютъ быть увеселенія, подъ присмотромъ Жоржа и Куровскаго, на подобіе славныхъ лондонскихъ, парижскихъ и вѣнскихъ садовыхъ гульбищъ, о чемъ объ оныхъ чрезъ нарочно напечатанныя объявленія публикѣ уже знать дано; да въ ономъ же саду по пруду будетъ плавать судно на подобіе корабля, которое разными огнями будетъ иллюминировано и на ономъ играна быть имѣетъ разная музыка, что зрителей не мало увеселять можетъ». Съ посѣтителей здѣсь брали входную плату.

Но были въ Москвѣ и такіе вельможи, которые для народа у себя устраивали въ подмосковныхъ праздники съ потѣшными огнями, музыкой, пѣсенниками, играми и другими затѣями. Таковы были графы Шереметевъ, Орловъ и мн. др. Затѣмъ еще для народа въ Москвѣ на Дѣвичьемъ полѣ былъ открытъ въ 1769 г. народный театр, гдѣ представленія были «комедіантскія увеселительныя», «интермедіи» и «курьезныя шпринъ-мейстерскія дѣйствія». Давались они для публики бесплатно, и содержалъ ихъ канцеляристъ Илья Соколовъ въ теченіе трехъ лѣтъ, получая за каждое представленіе отъ казны по 10 рублей.

Въ Москвѣ еще извѣстенъ былъ, какъ увеселительный садъ, «вокзалъ Медокса», извѣстнаго содержателя петровскаго театра: въ этомъ вокзалѣ былъ лѣтній театръ, гдѣ играли небольшія комическія оперы въ одномъ или двухъ дѣйствіяхъ. За представленіями въ театрѣ слѣдовалъ балъ или маскарадъ, который кончался прекраснымъ ужиномъ—за все это тогда бралось съ персоны по 5 рублей.

Память о старинномъ московскомъ вокзалѣ сохранилась только въ пѣснѣ, также теперь забытой, а тогда сочиненной по случаю прибытія въ Москву шведскаго адмирала Розенштейна, взятаго въ плѣнъ въ битвѣ между островами Аспо, Легмою и Леллеромъ 13-го августа 1789 года. Розенштейнъ былъ красивый, видный мужчина и еще молодой. Московскія дамы сходили по немъ съ ума и наперерывъ старались обратить на себя его вниманіе. Онѣ хотѣли довершить побѣду—любезностью, красотою и нарядами. Въ пѣснѣ, между прочимъ, было сказано, что модныя матушки и дочери, въ суетливомъ круженіи головъ, тотчасъ всѣ броси-

лись на Кузнецкій мостъ за нарядами, «какъ сказали, что въ вокзалѣ—будетъ шведскій адмиралъ». Но Розенштейнъ былъ настоящій «розовый камень» и оставался вѣренъ своей фамиліи — цвѣтущій, какъ роза, и твердый, какъ камень, онъ, отдавъ шпагу русскому военачальнику, не сдавалъ сердца русскимъ красавицамъ.

Въ Петербургѣ въ эту эпоху существовалъ тоже «вокзалъ барона Вонжура» или, вѣрнѣе, садъ на Мойкѣ, гдѣ теперь помѣщается Демидовскій домъ трудящихся, — въ немъ показывали свое искусство разные заѣзжіе мастера этого дѣла, и тамъ же устраивались балы и маскарады. Помимо этого вокзала, въ Петербургѣ было тогда чуть ли не четыре уже клуба и нѣсколько музыкальныхъ обществъ, устроенныхъ на широкую ногу, съ роскошными обѣдами, балами, и также масса загородныхъ дачъ нашихъ вельможъ, въ которыя впускъ былъ свободенъ для всѣхъ званныхъ и незванныхъ.

Въ суровое царствованіе императора Павла I всякія общественныя гулянья прекратились; въ это время строго преслѣдовались въ частныхъ домахъ даже нѣкоторые танцы, какъ, напримѣръ, «вальсонъ», т. е. нынѣшній вальсъ. Съ восшествіемъ на престолъ императора Александра I всякая общественная жизнь закипѣла снова ключемъ—пошли опять всякіе карусели, праздники, дивертисменты, балы, маскарады и проч. Въ Москвѣ въ это время стали славиться гуляньями бульвары, кремлевскій садъ и Прѣсенскіе пруды — особенно послѣдніе стали цеголять аристократическою публикою. Въ николаевское время загородные царственные сады стали блистать фейерверками и иллюминаціями, стоящими по нѣскольку тысячъ рублей.

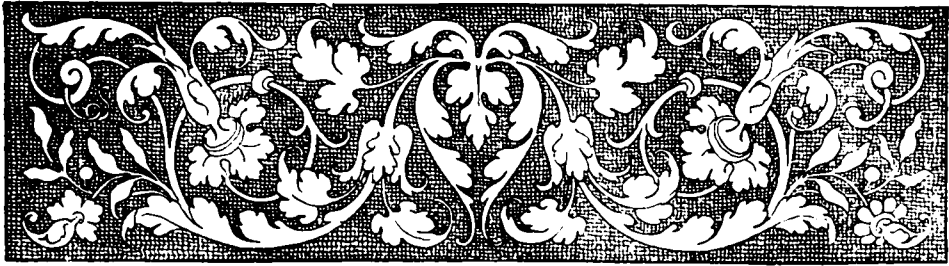
Первыми капельмейстерами петербургскихъ садовъ были Лабичкой и Германъ — преемники Ланнера, Юганна и Юсифа Гунгля; за ними второстепенные — Гильманъ, Шиндлеръ, Лааде и многіе послѣдователи ихъ мало-по-малу до такой степени пристрастили публику къ садовой музыкѣ, что послѣдняя стала какъ бы лѣтнею необходимостью, наравнѣ съ воздухомъ и зеленью. Къ оркестрамъ этимъ постепенно присоединялись цыганскіе хоры, тирольскіе арфісты, казанскіе, малороссійскіе и иные пѣвцы, ученые обезьяны, лошади, чревоушчателі, профессора магіи, эквилибристы и силачи.

Все это, освѣщаемое китайскими иллюминаціями и потѣхами пиротехники, съ разнообразными и безконечными затѣями были впервые введены Излеромъ сначала въ 1847 года въ Безбородкинскомъ саду, а потомъ при зданіи искусственныхъ минеральныхъ водъ, гдѣ онъ долго процвѣталъ въ ряду болѣе или менѣе счастливыхъ соперниковъ своихъ, учредителей разныхъ скоротечныхъ «плезировъ» и «альгамбуръ», не дожившихъ до почета развалинъ.

Надо отдать справедливость Излеру — послѣ него никто удачнѣе дѣлѣ

не вель—и воды все-таки стали пзсякать; тогда жаждущая публика устремилась къ новому источнику, гдѣ стали ее подчивать непредусмотрѣнною въ греческой миѳологіи богиней—опереткой. Первая такая оперетка «La grande duchesse» была поставлена въ 1868 году тѣмъ же П. И. Излеромъ. Первая имѣвшая у насъ фуроръ шансонетная и опереточная пѣвица была г-жа Аннета Нобль, приглашенная въ Петербургъ изъ театра «Follies Bergères».

Эпоха рыцарских каруселей и аллегорических маскарадовъ въ Россіи.

Въ блестящій вѣкъ Екатерины эстетическія забавы и наслажденія получили широкое развитіе. Роскошь и великолѣпіе ея общественныхъ пировъ и торжествъ доходили до степени сказочнаго азіатскаго волшебства. Рядъ такихъ блестящихъ празднествъ начался съ прибытіемъ императрицы въ Москву для коронованія. Первый такой большой историческій праздникъ былъ назначенъ на шестой мѣсяць по совершеніи коронаціи. За мѣсяць до этого торжества появилась афиша, которою извѣщалось: «Сего мѣсяца 30-го и февраля 1-го и 2-го, т. е. въ четвертокъ, субботу и воскресенье, по улицамъ: Большой Нѣмецкой, по обѣимъ Басманнымъ, по Мясницкой и Покровкѣ, отъ 10-ти часовъ утра за поздни, будетъ ѣздить большой маскарадъ, названный «Торжествующая Минерва», въ которомъ изъявится гнусность пороковъ и слава добродѣтели. По возвращеніи онаго къ горамъ, начнутъ кататься и на сдѣланномъ на то театрѣ представлять народу разныя играллица, пляски, комедіи кукольныя, фокусъ-покусъ и разныя тѣлодвиженія, стануть доставать деньги своимъ проворствомъ охотники бѣгаться на лошадахъ и прочее; кто оное видѣть желаетъ, могутъ туда собираться и кататься съ горъ во всю недѣлю масленицы, съ утра и до ночи, въ маскѣ и безъ маски, кто какъ похочетъ, всякаго званія люди».

Устройство маскарада стоило большихъ хлопотъ; программу, по приказанію императрицы, составлялъ извѣстный первый русскій актеръ Федоръ Григорьевичъ Волковъ (1729—1763), объяснительные стихи къ программѣ сочинилъ М. М. Херасковъ, а хоры къ маскараду написали

А. П. Сумароковъ. Машины и другія аксесуарныя вещи дѣлалъ механикъ италіанецъ Бригонцій¹⁾.

Всѣхъ дѣйствующихъ лицъ въ этомъ маскарадѣ было болѣе 4,000 человекъ, двѣсти огромныхъ колесницъ были везены, запряженными въ нихъ отъ 12-ти до 24-хъ въ каждой, разубранными волами. Это торжественное шествіе уподоблялось бывшимъ въ древности римскимъ увеселеніямъ.

Подробности этого маскарада описаны въ книжкѣ, напечатанной въ 1763 году въ Москвѣ при университетѣ, съ такимъ заглавіемъ: «Торжествующая Минерва, общенародное зрѣлище, представленное бывшимъ маскарадомъ въ Москвѣ 1763 года, генваря (?) дня»²⁾. Маскарадное шествіе открывалось предвозвѣстникомъ торжества со свитою и раздѣлено было на отдѣленія. Предъ каждымъ несли на богато украшенномъ шестѣ особенный знакъ. Первый знакъ былъ Момуса, или пересмѣшника, на немъ были куклы и колесколычки съ надписью «Упражненіе малоумныхъ», за нимъ слѣдовалъ хоръ комической музыки, большія литавры и два знака Момусовыхъ. Театры съ куколыщиками, по сторонамъ двѣнадцать человекъ на деревянныхъ коняхъ съ погремучками. Флейтички и барабанычки въ кольчугахъ. Далѣе ѣхали верхомъ Родомонтъ, Забіяка, храбрый дуракъ, за нимъ слѣдовалъ пажъ, поддерживая его косу. Послѣ него служители Панталоновы, одѣтые въ комическое платье, и Панталонъ — пустохвасть въ портшезѣ, который несли четыре человекъ. Потомъ шли служители глупаго педанта, одѣтые скарамушами (?), слѣдовала книгохранительница безумнаго вряля; далѣе шли дикари съ ассистентами, несли мѣсто для арлекина; затѣмъ два человекъ вели быка съ придѣланными на груди рогами; на немъ сидящій человекъ имѣлъ на груди оконницу и держалъ модель кругомъ вертящагося дома; передъ нимъ двѣнадцать человекъ въ шутовскомъ платьѣ, съ дудками и погремучками. Эту группу программа объясняетъ такъ: «Момъ, видя человекъ, смѣялся, для чего боги не слѣбали ему на грудяхъ окна, сквозь которое бы въ его сердце можно было смотрѣть; быку смѣялся, для чего боги не поставили ему на грудяхъ роговъ, и тѣмъ лишили его большей силы, а надъ домомъ смѣялся, отчего не можно его, если у кого худой сосѣдъ, поворотить на другую сторону».

Момусъ съ своею свитою заключалъ первое отдѣленіе маскарада. Вто-

¹⁾ Извѣстный строитель Царскосельскаго театра, затѣмъ сценъ Эрмитажнаго и Большаго театровъ. Убытки при кладкѣ фундамента государственнаго банка довели этого художника до съумасшествія, и онъ покончилъ съ жизнью, бросившись въ Фонтанку, близъ Лѣтнаго сада; по смерти его императрица запретила употребленіе машинъ на театрахъ.

²⁾ Это описаніе было выпущено въ крайне ограниченномъ количествѣ экземпляровъ. Краткія перепечатки изъ него были въ «Маякѣ» 1840 г. и «Москвитяинѣ» 1850 года. Всѣ перепечатки неполны и сдѣланы съ большими пропусками; мы воспроизводимъ теперь полностью изъ имѣющагося у насъ экземпляра этой рѣдкой книжки.

рое отдѣленіе представлялъ Бахусъ; знакъ—козлиная голова и виноградныя кисти; надпись—«Смѣхъ и безстыдство».

Затѣмъ—пещера Пана, окруженная пляшущими и поющими нимфами; далѣе пляшущіе сатиры и вакханки съ виноградными кольями, тамбуринами, бряцалками и корзинами съ виноградомъ.

Сатиры ѣхали на козлахъ, пересмѣаемые бѣгущими за ними; двое подвигались на свиньяхъ и двое съ обезьянами. Колесница Бахуса, заложенная тиграми, и сатиры съ тамбуринами и бряцалками; далѣе сатиры вели осла, на которомъ сидѣлъ пьяный Силенъ, поддерживаемый сатирами; наконецъ, пьяницы тащили сидящаго на бочкѣ толстаго краснолицаго откупщика; къ его бочкѣ были прикованы корчемники и шесть крючковъ. Затѣмъ слѣдовали цѣловальники съ мѣрками и насосами и двѣ стойки съ питьемъ, на которыхъ сидѣли чумаки съ гудками, бала-лайками, съ рылями и волюнками. Отдѣленіе Бахуса заключалъ хоръ пьяницъ. Предъ третьимъ отдѣленіемъ маскарада былъ знакъ съ надписью «Дѣйствіе злыхъ сердець»; онъ представлялъ ястреба, терзающаго голубя, паука, спускающагося на муху, копящую голову съ мышью въ зубахъ и лисцу, давящую пѣтуха. «Нестройный хоръ музыки, гдѣ музыканты наряжены въ видѣ разныхъ животныхъ; забіяки, борцы и кулачные бойцы окружаютъ дискордію, или несогласіе, бьются, борются, ѣбгаютъ съ убійственными орудіями и три фурии съ ними».

Четвертое отдѣленіе представляло «Обманъ»; на знакѣ была изображена маска, окруженная змѣями, кроющимися въ розахъ, съ надписью «Пагубная прелесть»; за знакомъ шли цыгане и цыганки, пьющіе, поющіе и пляшущіе колдуны, и ворожен и нѣсколько дьяволовъ. Въ концѣ слѣдовалъ обманъ въ лицѣ прожектеровъ и аферистовъ.

Пятое отдѣленіе было посвящено посрамленію невѣжества; на знакѣ изображены были: черныя сѣти, нетопырь и ослиная голова, надпись «Вредъ и непотребство». Хоръ представлялъ слѣпыхъ, ведущихъ другъ друга; четверо, держа замерзшихъ змѣй, грѣли и отдували ихъ. Невѣжество ѣхало на ослѣ. Праздность и злословіе сопровождала толпа лѣнивыхъ.

Отдѣленіе шестое изображало «Мздоимство». На знакѣ было изображеніе гаршіи, окруженной крапивой, крючками, денежными мѣшками и изломанными вѣсами. Надпись гласила «Всеобщая пагуба». Ябедники, сопровождаемые духами ябеды, и стряпчій крючкотворецъ открывали шествіе. Подъячіе шли съ знаменами, на которыхъ написано было крупными литерами «Завтра». Нѣсколько замаскированныхъ длинными огромными крючьями тащили за собою зараженныхъ акциденціею, т. е. взяточниковъ, обвѣшанныхъ крючками; повѣренные и сочинители ябедъ шли съ сѣтями, опутывая и стравливая идущихъ людей разнаго званія; хромая «Правда» тащилась на костыляхъ съ переломленными вѣсами; сутяги и аферисты гнали ее, колотя въ спину туго набитыми денежными мѣшками. Затѣмъ вели взятку, или акциденцію, сидящую на яцахъ,

изъ которыхъ вылуплялись гарпіи. Два друга Кривосудь-Обираловъ и Взятколюбъ-Обдираловъ ѣхали, бесѣдуя о взяткахъ, при нихъ состояли пакостники, которые разсыпали вокругъ на пути крапивныя сѣмена. Въ концѣ за ними шли обобранные тяжущіеся съ пустыми мѣшками, печально опустивъ головы.

Седьмое отдѣленіе пзображало міръ навыворотъ, или «Превратный свѣтъ»; на знакѣ видѣлось изображеніе летающихъ четвероногихъ звѣрей и человеческое лицо, обращенное внизъ; надпись—«Непросвѣщенные разумы». Хоръ шелъ въ развратномъ видѣ, въ одеждахъ наизнанку, два трубача ѣхали на верблюдахъ, литавщикъ на быкѣ, за ними четверо шли задомъ; слуги въ ливреяхъ везли открытую карету, въ которой разлеглась лошадь; вертопрахи-щеголи везли другую карету, съ посаженною въ ней обезьяною; нѣсколько карлицъ съ трудомъ поспѣвали за великанами, за ними подвигалась люлька съ спеленымъ въ ней старикомъ, котораго кормилъ грудной мальчикъ. Въ другой люлкѣ лежала старушка, играла въ куклы и сосала рожокъ, а за нею присматривала маленькая дѣвочка съ розгой; затѣмъ везли свинью, покоящуюся на розахъ; за нею брель оркестръ пѣвцовъ и музыкантовъ. въ которомъ дѣйствующія лица были: поющій осель и козелъ, игравшій на скрипкѣ; при нихъ состояло нѣсколько лицъ, одѣтыхъ развратно. Далѣе везли химеру, которую рисовывали четыре плохихъ маляра и пѣснословили два рифмача, ѣхавшіе на коровахъ; Диогенъ съ фонаремъ въ рукѣ катился на бочкѣ. Гераклитъ и Демокритъ, т. е. смѣхъ и горе, несли земной глобусъ, а за ними шесть странно одѣтыхъ, съ вѣтряными мельницами, представляли любителей празднословія.

Восьмое отдѣленіе глумилось надъ спѣсью; знакъ украшался павлинымъ хвостомъ, окруженнымъ нарцисами, а подъ ними зеркало съ отразившеюся въ немъ надутую харей съ надписью: «Самолубіе безъ достоинства». Хоръ составляли рабы, съ трубачами и литавщиками, за ними шли: скороходы, лакеи, пажи и гайдуки, предшествуя пышному рыдвану слѣси и окружая его.

Отдѣленіе девятое представляло «Мотовство и бѣдность съ ихъ свитами». На знакѣ виденъ былъ опрокинутый рогъ изобилія, изъ котораго сыпалось золото, по сторонамъ курящіяся кадильницы; надпись гласила: «Безпечность о добрѣ». Хоръ шелъ въ платьяхъ, обшитыхъ картами; два знамени были составлены изъ множества сшитыхъ картъ; потомъ шли рядомъ пиковый валетъ, король и дама, за ними трефовый валетъ, король и дама, послѣ того червонныя и бубновыя фигуры картъ. За ними слѣдовала слѣпая фортуна, затѣмъ счастливые игроки и несчастные съ растрепанными волосами, брели и двѣнадцать нищихъ съ котомками. Затѣмъ еще толпа картежниковъ и костырниковъ; шествіе замыкала колесница развращенной Венеры съ сидящимъ возлѣ нея купидономъ. Къ колесницѣ были прикованы гирляндами цвѣтовъ нѣсколько особъ обоего

пола, затѣмъ шла «Роскошь» съ мотами-асистентами. Хоръ поющихъ бѣдняковъ и скупость съ своими послѣдователями, скрягами, въ характерныхъ маскахъ; четырнадцать кузнецовъ шли за скрягами съ ихъ инструментами, за ними подвигалась часть горы Этны, на которой Вулканъ съ циклопами ковалъ громовыя стрѣлы на поражение пороковъ.

За этимъ отдѣленіемъ начиналось самое торжественное и великолѣпное шествіе—маскарадъ; открывалось оно колесницей Юпитера-громовержца, и затѣмъ слѣдовали персонажи, изображавшіе золотой вѣкъ.

Впереди этой группы шелъ хоръ пастуховъ съ флейтами, за ними слѣдовали двѣнадцать пастушекъ, и хоръ отроковъ съ оливковыми вѣтвями, славя дни золотого вѣка и пришествіе Астреи на землю. Двадцать четыре часа, въ одеждѣ, блестящей золотомъ, окружали золотую колесницу, въ которой Астрея призывала радость; вокругъ нея тѣснились стихотворцы толпой, увѣнчанные лаврами, призывая миръ и счастье на землю; далѣе появлялся цѣлый Парнасъ съ музами и колесница для Аполлона; потомъ шли земледѣльцы съ ихъ орудіями, несли миръ въ облакахъ, пожигающій военныя оружія; затѣмъ шла группа Минервы съ добродѣтелями; впереди были трубачи и литаврички; за ними науки и искусства, при торжественныхъ звукахъ трубъ и литавръ, предшествовали колесницѣ добродѣтели, которую окружали маститые старцы въ бѣлой одеждѣ и лавровыхъ вѣнкахъ: герои, прославленные исторіей, ѣхали на бѣлыхъ коняхъ, за ними шли законодатели, философы. Хоръ отроковъ въ бѣлыхъ одеждахъ, съ зеленѣющими вѣтвями, съ вѣнками на головахъ предшествовалъ на колесницѣ торжествующей Минервы. Надъ нею видна была Викторія (побѣда) и слава. Хоры и оркестры роговой музыки гремѣли:

Ликовствуйте днесь,
Ликовствуйте здѣсь,
Воздухъ, и земля, и воды!
Веселитесь, народы,
Матерь наша, россы, вамъ,
Затворила Яна храмъ.
О Церера, и Помона, и прекрасная Флора,
Получайте днесь,
Получайте здѣсь
Безъ препятствъ даръ солнечнаго взора!
О душевна красота,
Жизни сей утѣха, жизни сей отрада,
Раствори врата
Храма своего, Паллада!

Маскарадное шествіе заключалось горой Діаны, озаренною лучезарными свѣтилами.

Три дня двигался этотъ маскарадъ по московскимъ улицамъ, собираясь на полѣ, предъ Аннинскимъ дворцомъ или Головинскимъ, про-

тивъ Нѣмецкой слободы, за Яузюю, и шелъ чрезъ всю слободу Басманную и возвращался по старой Басманной чрезъ мосты: Елоховъ и Салтыковъ, къ зимнимъ горамъ, иллюминированнымъ разноцвѣтными фонарями. Не смотря на холодную погоду, всѣ окна, балконы и крыши домовъ были покрыты любопытными¹⁾, и, кромѣ того, толпы народа провожали эту процессію.

Народъ ликовалъ непритворною радостью; вездѣ раздавались веселыя пѣсни, звукъ дудокъ, флейтъ, бой барабановъ и т. д.

Вотъ что пѣли хоры, участвующіе въ процессіи. Хоръ сатировъ пѣлъ:

Въ сырны дни мы примѣчали,
Три дня и три noci на рынкѣ:
Никого мы не встрѣчали,
Ктобъ ни коснулся хмѣля крынкѣ.
Въ сырны дни мы примѣчали:
Шумъ блистаетъ,
Шаль мотаетъ,
Дурь летаетъ,
Хмѣль шатаетъ,
Разумъ таетъ,
Зло хватаетъ,
Наглы враки,
Сплетни, драки.
И грызутся какъ собаки.
Примиритесь!
Рыла жалѣйте и груди!
Пьяные, пьяные люди,
Не деритесь!

Хоръ пьяницъ пѣлъ:

Двоенныя водки, водки скляница!
О Бахусъ, о Бахусъ, горькой пьяница!
Просимъ, молимъ васъ,
Утѣшайте насъ;
Отечеству служимъ мы болѣе всѣхъ,
И болѣе всѣхъ
Достойны утѣхъ;
Всякъ часъ возвращаемъ кабацкой мы сборъ:
Подъ вирь-вирь-вирь, донъ-донъ-донъ, протчи службы вздоръ

Хоръ къ обману пѣлъ слѣдующее:

Пусть мошенникъ шарить, невелико дѣло:
Срѣзана мошонка, государство цѣло;
Таль-лалъ, ла-ла, ра-ра!
Плутушку онъ пара.

¹⁾ Этотъ маскарадъ стоилъ жизни его автору Ѳ. Г. Волкову. Разѣзжая верхомъ для наблюденія за порядкомъ маскарада, Волковъ сильно простудился и слегъ въ постель. Онъ скончался 4-го апрѣля 1763 года. См. «Опытъ словаря о російскихъ писателяхъ», Н. И. Новикова, стр. 40.

Къ ябедѣ приказной устремленъ догадкой,
 Правду гонить люто кручкотворецъ гадкой,
 Талъ-лалъ, ла-ла, ра-ра,
 И плуту онъ пара.
 Откупщикъ усердной на Руси народу
 Въ прибыль государству откупаетъ воду;
 Талъ-лалъ и т. д.
 Къ общу благоденству кто прерветъ дороги.
 Ежели приставить ко лбу только роги!
 Талъ-лалъ и т. д.

Хоръ невѣжества пѣль:

То же все въ ученой рожѣ,
 То же въ мудрой кожѣ:
 Мы полезнаго желаемъ,
 А на вредъ ученья даемъ;
 Прочъ и азъ, и буки,
 Прочъ и всѣ литеры изъ рядъ!
 Грамота, науки
 Вышли въ міръ изъ ада.
 Лучше жить безъ заботы,
 Убѣгать работы.
 Лучше ѣсть, и пить, и спати,
 Нежели въ умѣ копати.
 Трудны къ тѣмъ хоромамъ
 Въ гору отъ земли подъѣзды.
 Въ коихъ астрономамъ
 Пялиться на звѣзды.

Хоръ къ «мздоимству» пѣль:

Есть ли староста бездѣльникъ, такъ и земской плутъ,
 И совѣмъ они забыли, что ременной кнутъ.
 Взятки въ жизни красота.
 Слаще меда и сота:
 Такъ-то крючкотворецъ мелить,
 Какъ на взятки крючкомъ цѣлить;
 Такъ-то староста богатой,
 Сельской насыщаясь платой,—
 Такъ ихъ весь содомъ.
 Крючкотворцевъ жена —
 Такой же сатана!
 А отъ эдакой насѣдки —
 Таковыя же и дѣтки;
 Съ ними тварьми одинаки
 Батраки ихъ и собаки:
 Весь таковъ ихъ домъ.

Хоръ къ превратному свѣту:

Приплыла къ намъ на берегъ собака,
 Изъ заполючнаго моря,

Изъ-за холоднаго океана;
 Прилетѣлъ оттоль и соловейка,
 Спрашивалъ гостью пріѣзжу,
 За моремъ какіе обряды.
 Гостя пріѣзжая отвѣчала:
 Многое хулы тамъ достойно,
 Я бы разсказать то умѣла,
 Есть ли бы сатиры пѣтъ я смѣла,
 А теперь я пѣти не желаю,
 Только на пороки я полаю;
 Соловей, давай и оброки.
 Просвищи заморскіе пороки—свистъ
 За моремъ хамъ-хамъ-хамъ-хамъ и т. д.

Хоръ къ гордости исполнялъ:

Гордость и тщеславіе выдумалъ бѣсъ,
 Шеринъ да беринъ, лисъ-тра-фа,
 Фаръ-фаръ-фаръ, люди-еръ-арцы,
 Шинда-шиндара, трандру-трандара,
 Фаръ-фаръ-фаръ-фаръ и т. д.

Хоръ игроковъ голосилъ:

Подайте картежникамъ милостинку;
 Черви, бубны, вины, жлуди всѣхъ насъ разорили
 И, лишивъ насъ пропитанья, голодомъ поморили.

Хоръ къ золотому вѣку воспѣвалъ:

Блаженны времена настали
 И истины лучемъ Россію облистали.
 Подсолнечна. внемли!
 Астрея на земли,
 Астрея во странахъ російскихъ водворилась,
 Астрея воцарилась.
 Рокъ щедрый рекъ:
 Настани россамъ ты, золотой желанный вѣкъ —
 И се струи російскихъ рѣкъ,
 Во удивленіе сосѣдомъ,
 Млекою текутъ и медомъ.

Хоръ къ Парнасу пѣлъ:

Лейтесь, токи Ипокрены,
 Вы съ Парнасскія горы,
 Орошайте вы долины
 И прекрасныя дуга!
 Напойтесь, россияне,
 Тѣми сладкими струями.
 Кои Греція пила,
 И, имѣя на престолѣ,
 Вы, аѳинскую богиню.
 Будьте аѳиняне вы!..

Государыня смотрѣла на маскарадъ, объѣзжая улицы Москвы въ раззолоченной каретѣ, запряженной въ восемь красивыхъ неаполитанскихъ лошадей, съ цвѣтными кокардами на головахъ. Императрица сидѣла въ ало-бархатномъ русскомъ платьѣ, унизанномъ крупнымъ жемчугомъ, съ звѣздами на груди и въ брилліантовой діадемѣ на головѣ. За нею тянулся огромный поѣздъ высокихъ тяжелыхъ золотыхъ каретъ съ крыльцами по бокамъ, — каретъ, очень похожихъ на вѣера, на низкихъ колесахъ, въ которыхъ виднѣлись: распудренные головы вельможныхъ царедворцевъ, бархатные или атласные кафтаны, расшитые золотомъ или унизанные блестками съ большими стальными или стеклянными пуговицами, пюсовыя камзолы, лосиные чинчиры въ обтяжку и т. д. Въ другихъ осмистекольныхъ ландо виднѣлись роскошно одѣтыя дамы въ атласныхъ робронтахъ и калишахъ на проволоку, въ пышныхъ полонезахъ, въ глазетовыхъ платьяхъ и длиннохвостыхъ робахъ съ прорѣзами на боку, съ фижмами или бочками, головы были также распудрены — прическа à la Valière, или палисадникомъ; ноги въ бѣлыхъ атласныхъ башмакахъ стерлядкою (т. е. востроносые). Лакеи сзади каретъ стояли одѣтые турками или албанцами; были и настоящіе арабы.

Отъѣздъ императрицы въ Москву на свою коронацію, по отчетамъ полицейскимъ, потребовалъ на переѣздъ до 19,000 лошадей и около 80,000 народа. Петербургъ на это время совершенно дѣлался пустымъ: на его улицахъ не было видно ни одной кареты, и даже улицы заросли травой.

Въ первые года царствованія Екатерины, въ Петербургѣ часто происходили карусели, или турниры, на Царицыномъ лугу. Этими играми императрица воскрешала времена рыцарства.

Великолѣпная такая первая карусель была дана въ С.-Петербургѣ лѣтомъ, въ 1766 году, 18-го іюля. На эту карусель была выбита золотая медаль, на которой съ одной стороны — изображеніе императрицы Екатерины II, съ надписью: «Б. М. Екатерина II, императрица и самодержица всероссійская». На оборотѣ представлено въ отдаленіи ристалище, надъ которымъ паритъ орелъ съ вѣнкомъ, а на первомъ планѣ геній, съ надписью: «Съ Алфеевыхъ на Невскіе берега». Ведмейеръ говоритъ: «Богатая одежды, доспѣхи, панцири, драгоценныя камни, красота женщинъ — все это представляло зрѣлище необыкновенное».

Участвовавшіе въ карусели были въ костюмахъ разныхъ народовъ и раздѣлялись на четыре кадрили: славянскую, индійскую, римскую и турецкую. Надъ послѣдними двумя начальствовали графы Григорій и Алексѣй Орловы. Церемоніймейстеръ въ французскомъ платьѣ носилъ на поясѣ шарфъ съ золотою бахрамою, и въ конвоѣ его были 1 унтеръ-офицеръ, 8 человекъ конныхъ и 2 трубача. Для вспоможенія, дано ему восемь человекъ герольдовъ; каждый изъ нихъ имѣлъ при себѣ четырехъ юнныхъ и одного трубача. При кавалерахъ особые люди несли дротники, пики, значки; участвовавшіе въ турнирахъ выказывали свою ловкость,

отрубая головы кукламъ, изображавшимъ мавровъ, и пронзая копьями тигровъ и кабановъ, сдѣланныхъ изъ картона. На мѣста, назначенныя для карусели, пускали по билетамъ. Двѣ великолѣпныя ложи были приготовлены — одна для императрицы, другая для великаго князя. Судьи, въ числѣ которыхъ былъ главнымъ фельдмаршалъ Минихъ, пріѣхали въ придворныхъ каретахъ и вошли въ свои ложи, причемъ играли трубы и литавры. Посреди карусельнаго мѣста находилась трибуна, въ которой присутствовалъ главный судья; онъ чрезъ трубачей давалъ сигналъ къ въѣзду и выѣзду карусельныхъ кавалеровъ. Кромѣ него, было 12 судей, записывавшихъ число выигранныхъ призовъ, сохранялъ ли рыцарь на лошади должное положеніе, съ правой ли ноги лошадь начинала скачку, и не сбивалась ли съ ноги. Позволено было и неизвѣстнымъ кавалерамъ принимать участіе въ турнирѣ, съ тѣмъ, однако, чтобы они избрали для себя девизъ и знакъ, какой заблагоразсудятъ, и чтобы при появленіи своемъ извѣщали оберъ-шталмейстера императрицы о своемъ имени и фамиліи съ доказательствомъ о дворянствѣ, а оберъ-шталмейстеръ ручался бы своею честью сохранить тайну ненарушимо, и никому оной безъ дозволенія того кавалера не объявлять. Если неизвѣстный кавалеръ не хотѣлъ открыться и оберъ-шталмейстеру, то могъ назвать кого либо изъ знатныхъ особъ, присутствовавшихъ на карусели, которая бы ручалась за его дворянство.

По окончаніи турнира судьи и кавалеры возвращались во дворецъ; кавалеры въ особой залѣ ожидали назначенныхъ призовъ; судьи присуждали ихъ по большинству голосовъ; рѣшительное опредѣленіе дѣлалъ главный судья. По окончаніи этого, оберъ-церемоніймейстеръ со всѣми герольдами вводилъ кадрили въ залу, для полученія призовъ.

Фельдмаршалъ Минихъ, какъ главный судья, произнесъ рѣчь на французскомъ языкѣ; вотъ она въ переводѣ:

«Знаменитые дамы и рыцари!

«Всѣмъ вамъ извѣстно, что не проходитъ дня, ни минуты, когда бы не выражалось вниманіе ея императорскаго величества, нашей всемплодотвѣйшей государыни, къ умноженію славы ея имперіи и благоденствія ея подданныхъ вообще, и въ особенности къ возвышенію блеска ея дворянства. Сія несравненная монархія назначила сей день, чтобы доставить случай избранному дворянству ея имперіи ознаменовать свое искусство въ воинскихъ упражненіяхъ блистательной карусели, какой до сихъ поръ еще въ Россіи не было видано. Кто не раздѣлитъ со мной чувства удивленія и благодарности, которыя она такъ справедливо внушаетъ своею благостію и прозорливостію материнскими. Знаменитые дамы и рыцари! Сія благородныя упражненія выполнены вами достойнымъ образомъ, и такъ, что вы можете быть увѣрены въ благоволеніи ея величества, его высочества цесаревича и во всеобщемъ одобреніи».

Потомъ, обратясь къ графинѣ Бутурлиной, которой былъ присужденъ

первый призъ, онъ сказалъ: «По порученію ея величества, вамъ, милостивая государыня, долженъ я вручить первый призъ, пріобрѣтенный ловкостью необыкновенной, заслужившей всеобщее одобреніе: позвольте, милостивая государыня, мнѣ первому принести поздравленіе съ симъ почетнымъ отличіемъ, доставляющимъ вамъ право на раздачу изъ рукъ вашихъ прочихъ заслуженныхъ призовъ».

Въ 1770 году, во время пріѣзда принца Генриха, брата короля прусскаго, императрица Екатерина II всячески старалась сдѣлать его пребываніе въ Петербургѣ пріятнымъ. При дворѣ почти ежедневно были даваемы праздники; особенно былъ замѣчательнъ маскарадъ, данный для него въ Царскомъ Селѣ: императрица, великій князь, принцъ Генрихъ и разныя придворныя особы, числомъ шестнадцать, сѣли, когда смерклось, въ огромныя сани, запряженныя шестнадцатью лошадьми, и поѣхали изъ Петербурга въ Царское Село; сани были внутри и снаружи обставлены двойными зеркалами, отражавшими всѣ безчисленные предметы внутри и снаружи; за этими санями слѣдовало болѣе двухъ тысячъ другихъ саней; сидящіе въ нихъ всѣ были замаскированы и одѣты въ домино. Въ семи верстахъ отъ Петербурга, они поѣхали сквозь большія триумфальныя ворота, великолѣпно освѣщенные. Затѣмъ на пути чрезъ каждыя семь верстъ стояла пирамида, искусно иллюминированная, и противъ нея гостинница; въ каждой изъ нихъ сидѣли люди различныхъ націй, которые плясали и играли на инструментахъ. На Пулковской горѣ былъ представленъ Везувій, извергавшій пламя — это изверженіе продолжалось во всю ночь. Отъ Пулковской горы до Царскаго Села стояли деревья, на которыхъ висѣли разноцвѣтные фонари въ видѣ гирляндъ. По прибытіи въ Царское Село, дворецъ былъ освѣщенъ à giorno; послѣ танцевъ, по выстрѣлу изъ пушки, балъ прекратился, вмѣстѣ съ нимъ погасли и всѣ огни во дворцѣ; затѣмъ всѣ стали у оконъ и увидѣли великолѣпный фейерверкъ. Новый пущечный выстрѣлъ далъ сигналъ, и моментально опять засвѣтился дворецъ; за этимъ послѣдовалъ роскошный ужинъ. Принцъ Генрихъ послѣ этого бала отправился въ Москву и прибылъ туда съ изумительною быстротою—въ 36 часовъ!

Не менѣе торжественными и богатыми бывали маскарады и другія празднества, которыя давали въ честь императрицы богатые вельможи ея царствованія. Такъ, извѣстный Л. А. Нарышкинъ далъ для Екатерины маскарадъ, стоившій ему болѣе трехъ сотъ тысячъ рублей. Описание этого маскарада мы беремъ изъ прибавленія къ № 85 «Московскихъ Вѣдомостей» 1772 года.

«29-го іюля 1772 года Л. А. Нарышкинъ всеподданнѣйше просилъ государыню Екатерину II удостоить высочайшимъ присутствіемъ своимъ его приморскій домъ, именуемый Левендаль, гдѣ въ роцѣ предназначилъ онъ быть маскараду и представленію увеселительныхъ огней, на что, получивъ высочайшее благоволеніе, старался заблаговременно пригласить чрезъ

билеты какъ чужестранныхъ министровъ и знатныхъ особъ обоого пола, такъ и именитое купечество. По приглашенію, въ 3 часа пополудни, какъ благородство, такъ и гражданство въ великомъ множествѣ начали собираться, и прежде 6 часовъ вся роща наполнена уже была народомъ, гуляющимъ между деревъ и съ пріятностію взирающимъ на различіе предметовъ, взоръ ихъ улаждающихъ. Одни съ удивленіемъ смотрѣли на дома и бесѣдки, по вкусу и образцу китайцевъ состроенные, другіе, входя въ рощу, читали на разныхъ языкахъ изображенное на доскѣ отъ хозяина дозволеніе въ слѣдующей силѣ: «Хозяинъ здѣшняго дому весьма будетъ радъ, если пріѣзжіе пожелаютъ посѣщать сіе мѣсто своимъ гуляньемъ, когда угодно». Нѣкоторые осматривали мѣста, испещренные всякаго рода цвѣтами, кустами различныхъ растеній, иные восхищались изгибистымъ теченіемъ рѣчки, протяженіемъ острововъ, дикостію буераковъ, безразмѣрнымъ веденіемъ дорогъ, непрозрачною густотою лѣса, мрачностью пещеръ, возвышеніемъ при удоліяхъ горъ и другими привлекающими вниманіе явленіями. Между тѣмъ, при наступленіи семи часовъ изволили прибыть изъ Петергофа императрица съ ея высочествомъ и со всего двора своего свитою. При приближеніи императрицы къ дачѣ, играла музыка на трубахъ и литаврахъ въ горней китайской бесѣдкѣ, стоящей при входѣ въ рощу. При пріѣздѣ государыня вошла въ покои хозяина, затѣмъ изволила пойти въ провожаніи домохозяина въ рощу, куда вскорѣ послѣдовалъ и цесаревичъ. Звукъ разной музыки раздавался по всей рощѣ, и каждое оной мѣсто украшено было особливаго рода увеселеніями. Островъ, гдѣ находятся качели и другія игры, наполненъ былъ представленіемъ разныхъ забавныхъ игръ и позорищъ. Государыня, пройдя это мѣсто по излучистой дорожкѣ, обсаженной кустами и деревьями, незамѣтно пришла въ густоту дремучаго лѣса, внутри котораго находилась глубокая пещера, мохомъ и дерномъ обросшая; цвѣты и плоды, служащіе пицею и увеселеніемъ пустынныхъ жителей, находятся на поверхности оной. При осмотрѣ всего, императрица вдругъ услышала голосъ пастушыхъ свирѣлей. Слѣдуя сему эху, нечувствительно приближалась къ холму, покрытому лѣсомъ и испещренному цвѣтами, на верху коего стояла пастушья хижина; подъ нею на пологости горы видны были пастухи, стерегущіе овецъ, и пастушки, упражняющіяся въ собираніи цвѣтовъ для украшенія хижины своей; но какъ только увидѣли онѣ императрицу, вдругъ музыка умолкла, и двѣ первенствующія пастушки, Филлида и Лпза (это были дочери Нарыпкина—Наталья и Екатерина), будучи одѣты въ простое, но пріятное пастушье платье, и держа въ рукахъ увитые цвѣтами посохи, разговаривали съ собою о прибытіи томъ драгоцѣнной гостыи и спѣшили на долъ для приглашенія ея въ свою хижину. Ея величество изволила сидѣть у подошвы горы сея, на сдѣланной изъ дерну скамейкѣ, и, внявъ усердному сихъ пастушекъ прошенію, благоволила къ хижинѣ ихъ воспріять путь, который усыпали они благовонными и пре-

красными цвѣтами. Но не меньше ихъ, какъ и всѣхъ зрителей, было удивленіе, какъ гора, къ которой государыня подходила, вдругъ разступилась и вмѣсто хижины открылся огромный и великолѣпный храмъ побѣды, состроенный о двухъ жильяхъ, для входу въ которой сооружены были крыльца; при дверяхъ каждаго входа стояли истуканы, представляющіе побѣды, на морѣ и на сухомъ пути торжественнымъ оружіемъ императрицы одержанныя. Въ срединѣ сводовъ былъ виденъ орелъ съ распростертыми крыльями, у коего на груди было вензелевое имя императрицы, а въ когтяхъ свитокъ съ надписью «Екатеринѣ II побѣдительницѣ».

«Сей храмъ окружали два перехода, наполненные вооруженными ратниками. Видъ оружія и звукъ военной музыки взору и слуху пріятнѣйшее представляли зрѣлище. Столпы, увитые лаврами, пальмы и трофеи, поставленные всюду, услаждали очи каждаго. Глава храма украшена огненными сосудами. Слава, стоящая на поверхности, трубою своею возглашала вселенной торжество побѣдоносныхъ оружія императрицы».

«Геній побѣды (Дмитрій Львовичъ Нарышкинъ), выпшедь для срѣтенія государыни при входѣ въ храмъ, несъ въ рукахъ сплетенный изъ лавра вѣнецъ, подавалъ оный государынѣ, изъявивъ причину произнесенною передъ нею рѣчью, которая купно съ рѣчьми пастушекъ и съ планомъ храма особою книжкою напечатана на французскомъ языкѣ, и съ планами храма и горы давана была присутствующимъ тутъ зрителямъ. Лишь только императрица изволила вступить въ храмъ, украшенный трофеями, завоеванными у турокъ и татаръ, какъ по выстрѣлу изъ пушки, картины, представлявшія трофеи, превратились въ изображенія побѣдъ, которыхъ содержаніе было слѣдующее: 1-я картина представляетъ взятіе Хотина, 9-го сентября 1769 года. Надъ городомъ и войскомъ окруженное сіяніемъ божество держитъ надпись: «Супротивленіе было бы тщетно»; 2-я картина—сраженіе при рѣкѣ Ларгѣ, 7-го іюля 1770 года. Здѣсь сидящая на облакахъ Слава гласитъ тако: «Не симъ однимъ окончится»; 3-я картина—сраженіе и побѣда при рѣкѣ Кагулѣ, 21-го іюля 1770 года. Тутъ Минерва, взирающая со сводовъ небесныхъ, на свиткѣ держитъ сіи слова: «Число преодолено храбростно»; четвертая картина—флотъ оттоманскій, сожженный и истребленный на Архипелагѣ при Чесмѣ, 24-го іюня 1770 года. Тутъ виденъ на воздухѣ парящій орелъ и испускающій молнію со словами на свиткѣ: «Небывалое исполнилось».

«Пятая картина—взятіе Бендеръ, 16-го сентября 1770 года; здѣсь видится на тверди небесной, неиспренной звѣздами, Беллона, мечущая на городъ стрѣлы, въ одной рукѣ горящій факель, а въ другой держитъ хартію съ сею надписью: «Что можетъ постоять?» Шестая картина—покореніе Кафы и всего Крыма, 1771 года. На высотѣ зрится Слава, держащая въ рукахъ лавры, для увѣнчанія російскихъ героевъ. Крымъ, веселящійся владычествомъ премудрыя обладательницы, изъ-

являетъ радость свою симъ на свиткѣ написанными словами: «Коль сладокъ нынѣ жребій мой». Осмотря все сіе, государыня изволила пойти къ такъ называемому «Китайскому учрочищу», гдѣ построены дома, сады и птичники во вкусѣ китайскомъ, наполненные птицами; служители домовъ этихъ, одѣтые китайцами, играли на разныхъ китайскихъ мусикійскихъ орудіяхъ. Между этими домами была воздвигнута изъ рѣдкихъ морскихъ камней, раковинъ и окаменѣлостей горка; на площадкахъ стояли высокія мачты, украшенныя китайскими съ колокольчиками пагодами и разнообразными флагами. Государыня, здѣсь отдохнувъ немного, пошла черезъ маленькій мостикъ, въ правую сторону рощи, гдѣ слышанъ былъ раздающійся отъ рожковъ деревенскихъ пастырей и пѣніе ликующихъ поселянъ голосъ. Здѣсь, посреди лѣса, на луку, видны были шалаши хлѣбонашцевъ, а немного подалѣе открылись ихъ дома, огороженные плетнями и вмѣщающіе въ себѣ все, чѣмъ семейные и зажиточные крестьяне изобиловать могутъ. Любящіе деревенское хозяйство съ восхищеніемъ видѣли живое и наглядное представленіе здѣсь деревни; любители полей, жатвъ и пчельниковъ—каждый съ удовольствіемъ находилъ тутъ соответствующій своему вкусу предметъ. Государыня оттуда пошла къ площади храма, намощенной досками для танцевъ, которые тотчасъ и открылись при играніи въ переходахъ храма огромной музыки. Государыня послѣ пошла въ верхніе покои, гдѣ накрытъ былъ великолѣпный вечерній столъ, съ купаніемъ и десертомъ, изъ рѣдчайшихъ плодовъ нынѣшняго времени года на 80 персонъ, прочіе же, коихъ было болѣе 2,000 лицъ, угощаемы были по разнымъ бесѣдкамъ и покоемъ, въ рощѣ, на нарочно устроенныхъ столахъ, наполненныхъ купаніемъ и питіемъ. Въ это время проспекты, рощи, зданія и все мѣста, какъ и крыльца верхнихъ покоевъ и ограда всего дома, освѣщены были налитыми воскомъ глиняными и стеклянными сосудами, и разноцвѣтными слюдяными и другими фонарями.

«По окончаніи ужина, при рѣкѣ, именуемой «Красной», зажженъ былъ фейерверкъ, коего щитъ представлялъ Астрю, возвращающую золотой вѣкъ: въ одной рукѣ держала она вѣсы равенства, а въ другой—рогъ изобилія, внизу видны были пастухи, веселящіеся спокойно паствою овецъ и удаляющіеся отъ нихъ, въ видѣ фурій, несогласія и раздоры; по стораніи щита, пущено вверхъ нѣсколько тысячъ ракетъ и увеселительныхъ огненныхъ шаровъ; причемъ зажжены и разные огнемечущія колеса, представлявшія глазамъ наипрїятнѣйшее зрѣлище. Ея величество и его высочество изволили сію огненную потѣху смотрѣть изъ нарочно поставленнаго для сего на луку намета, изъ котораго лишь только изволили выйти, то открылось между деревъ другое прозрачное огненное явленіе, представляющее въ колесницѣ Феба, держащаго въ рукахъ озаряющее всѣхъ пресвѣтлыми лучами освѣщенное вензелевое имя императрицы, подъ которымъ внизу виденъ былъ образъ престарѣлаго индій-

скаго брамина, стоящаго съ благоговѣніемъ между пальмовымъ и рацвѣтающимъ алоевымъ деревомъ, и творящаго воздѣяніемъ рукъ сему имъ обожаемому свѣтилу поклоненіе. У корня одного изъ этихъ деревъ былъ изображенъ гербъ домохозяина. Когда это зрѣлище окончилось и всѣ полагали, что оно послѣднее, какъ вдругъ увидѣли еще освѣщенный сіяніемъ среди перспективы мраморный столбъ, наверху котораго виднѣлся двоеглавый орелъ, съ вензелевымъ именованіемъ государыни, а внизу, на подножіи, состроенномъ изъ дикаго камня, на мѣдныхъ доскахъ, бронзовыми буквами была изображена слѣдующая надпись: «Сей изъ обрѣтеннаго въ Сибири мрамора сдѣланный и отъ всецѣдрья государыни Екатерины Вторья въ даръ полученный столбъ, въ незабвенный знакъ къ ея императорскому величеству благодарности на семъ мѣстѣ поставилъ Левъ Нарышкинъ, лѣта, въ кое российскій флотъ прибылъ въ Морею и истребилъ турецкія морскія силы». Наверху сего показалось пріятнѣйшее зрѣлище восходящаго солнца, лучами своими озаряющаго всю рощу, такъ, что если бы часы не показывали полуночи, то можно бы подумать, что наступилъ уже день. Нѣкто изъ находившихся тутъ стихотворцевъ, при открытіи сего явленія, начертилъ карандашемъ слѣдующую надпись:

О новое, что видитъ здѣсь народъ!
 Въ необычайный часъ зримъ солнечный восходъ:
 Конечно, Фебъ, узнавъ приходъ Екатерины,
 Вознесся въ полночь здѣсь, оставивши пучины;
 И не хотя идти еще на твердь небесъ,
 Узрѣвъ ее предсталъ во Левендальскій лѣсъ:
 Блескъ радостныхъ огней собой усугубляя
 И храмъ побѣдъ ея сіяньемъ окружая,
 Простря свои вездѣ чистѣйшіе лучи,
 Чѣмъ изъявилъ онъ тутъ пресвѣтлѣй день въ ночи.
 Монархиня! тебѣ кругъ солнечный дивится,
 Такъ два ли, что народъ твой, видя зракъ, чудится?

«Послѣ осмотра всего этого императрица и ея дворъ отправились въ храмъ, гдѣ продолжались танцы. Мракъ, тихость и теплота ночи и пріятность лѣтней погоды соответствовала празднику. Въ часъ ночи его императорское высочество, и въ началѣ третьяго часа, государыня, изъяснивъ хозяину свое удовольствіе, изволили возвратиться въ Петергофъ, — въ четыре часа ночи и всѣ гости, оказавъ хозяину благодареніе, разъѣхались по домамъ. Въ заключеніе чего выпалено нѣсколько разъ изъ пушекъ, чѣмъ празднество сіе окончилось».

По смерти этого Нарышкина, сынъ его, Ал. Львовичъ, удивлялъ Петербургъ тоже своими праздниками, подобія которыхъ, какъ говорилъ фельетонистъ того времени: «находили только въ повѣстяхъ Востока, гдѣ многолюдныя торжища Бассоры, Багдада, бывшія театромъ приключеній забавныхъ и вмѣстѣ удивительныхъ, могутъ непрерывнымъ шумомъ,

разнообразіемъ картинъ, дѣятельнымъ движеніемъ сравнятся съ подобными зрѣлищами, видѣнными у него на праздникахъ». Ал. Львовичъ Нарышкинъ возобновилъ петербургскія серенады, бывшія въ большомъ употребленіи въ царствованіе императрицы Екатерины II. Передъ домомъ его (Англійская набережная), въ продолженіе почти трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, богатыхъ свѣтлыми ночами, съ шести часовъ вечера до поздней ночи, разъѣзжали по Невѣ шлюпки съ разнаго рода музыкою: роговою, духовою, хоромъ пѣвчихъ съ рожками, бубнами и тарелками; набережная во время такихъ прогулокъ была покрыта народомъ. Этотъ Нарышкинъ былъ въ послѣдствіи очень хорошимъ директоромъ театровъ; расточительность его не имѣла границъ, и онъ частенько нуждался даже въ небольшихъ суммахъ.

Между вельможами вѣка Екатерины также отличался широкимъ гостепріимствомъ и великолѣпіемъ своихъ праздниковъ оберъ-камергеръ графъ Петръ Борисовичъ Шереметевъ. У него часто устраивались праздники, маскарады и спектакли, въ которыхъ участвовалъ и цесаревичъ. Особенно интересенъ былъ спектакль 21-го февраля 1766 года, распорядителями котораго были: директоромъ—генераль-поручикъ графъ Ив. Гр. Чернышевъ, указательницею мѣсть—жена его, собирателемъ билетовъ—графъ Зах. Гр. Чернышевъ, директоромъ оркестра—тайный совѣтникъ князь П. Н. Трубецкой, капельмейстеромъ—баронесса Е. И. Черкасова, музыкантами въ оркестрѣ были: князь П. И. Репнинъ, Л. А. Нарышкинъ, тайный совѣтникъ А. В. Олсуфьевъ и многіе другіе вельможи двора. На театрѣ давали сочиненіе де-ла-Гранжа, комедію «Le contretemps»; дѣйствующими лицами въ комедіи были: князь Щербатовъ, двѣ дочери хозяина, графиня Чернышева, графъ Сольмсъ—прусскій посланникъ, графъ Строгановъ и другіе высокіе особы; въ заключеніе дана была комедія Каюзака—«Зенеида»; въ числѣ актеровъ былъ и цесаревичъ, графиня Шереметева и двѣ графини Чернышевы; на четырехъ лицахъ, въ ней игравшихъ, было брилліантовъ на два милліона рублей. Но особенно великолѣпный праздникъ графъ Шереметевъ далъ въ честь императрицы въ своемъ подмосковномъ имѣніи Кусковѣ, во время проѣзда ея черезъ Москву изъ Крыма. Въ этотъ день по дорогѣ изъ Москвы до села были устроены арки и триумфальныя ворота съ аллегорическими эмблемами и надписями; въ устроенныхъ надъ ними галереяхъ, во время проѣзда царицы, гремѣли трубы и литавры. Графъ съ семьей встрѣтилъ государыню на границѣ своего села, при въѣздѣ въ которое были устроены ворота іоническаго ордена, росписанныя подъ мраморъ, бѣлый съ краснымъ, съ затѣйливой золотой рѣзбой и съ четырьмя золочеными гербами, изображавшими Нептуна, Аполлона, Марса и Меркурія. Внутри воротъ изображена была летящая слава съ трубой, вокругъ которой надпись гласила: «теченіемъ приумножаетъ славу свою»; на боковой стѣнѣ верхняя картина представляла городъ и часть моря, озаренные солнцемъ.

нымъ сіяніемъ; въ срединѣ ихъ вензелевое имя Екатерины съ надписью: «лучами своими озаряетъ». Другая, нижняя картина изображала въ окружности цирка пьедесталь, въ видѣ большой непоколебимой скалы, на которой лежала книга, озаглавленная «Учрежденіе законовъ», щитъ, племь и мечъ, связанные лавровымъ вѣстномъ, съ надписью: «утверждаютъ и охраняютъ». На другой сторонѣ верхней картины было изображено солнечное сіяніе съ вензелевымъ въ срединѣ именемъ государыни, а подъ нимъ въ проспектѣ городъ Москва съ надписью: «веселящаяся присутствіемъ»; нижняя картина изображала въ перспективѣ Кусковскій садъ, часть оранжерей и мраморный обелискъ. На верху воротъ галерея, на которой, во время проѣзда государыни играла музыка. Предъ воротами, по обѣ стороны, находились вызолоченные цирки съ нишами, въ которыхъ были поставлены померанцевыя и лимонныя деревья, обремененныя плодами. За каретами царицы, иностранныхъ посланниковъ и придворныхъ тянулся нескончаемый рядъ экипажей почетныхъ гостей. Когда императрица подъѣхала къ селу, ее солотовали пушечною пальбой съ берега пруда, съ яхты и другихъ судовъ, красиво испещренныхъ разноцвѣтными, полоскающимися въ воздухѣ, флагами. На шоссе выступили попарно кусковскіе жители, одѣтые въ цвѣта графской ливрен, съ корзинами, полными цвѣтовъ; за ними шли дѣвицы въ бѣлыхъ платьяхъ, съ цвѣточными вѣнками на головахъ, и устилали путь царицы живыми цвѣтами. Государыня осмотрѣла весь домъ графа, затѣмъ отправилась садомъ въ новопостроенный для этого случая театръ, въ которомъ была представлена опера: «Самнитскіе браки съ балетомъ». Вечеромъ садъ былъ ярко иллюминированъ, въ немъ горѣлъ щитъ съ изображеніемъ имени Екатерины II и парящей надъ нимъ славы. Шумящія каскады были тоже въ огнѣ, на большемъ озерѣ стояла на якорѣ раззолоченная пшестипушечная яхта, качались плюпки, ходили по водѣ челноки, ботки, гондолы съ разноцвѣтными флагами; по водамъ также разѣзжали пѣсенники въ русскихъ костюмахъ. Передъ фейерверкомъ Катеринѣ поднесли голубя; съ ея руки полетѣлъ онъ къ щиту, и освѣтилось все Кусково. Послѣ всего государыня пошла въ покои, гдѣ играла въ карты; въ 11 часовъ былъ сервированъ въ галереѣ роскошный ужинъ на 60 кувертовъ, съ золотыми ложками, тарелками и проч. Передъ государыней стояло ¹⁾ изображеніе горы съ каменной руиной, украшенной алмазами, изумрудами и жемчугами; вазы и другія украшенія были осыпаны бирюзой, рубинами и другими драгоценными каменьями. Во время стола гремѣла музыка и пѣлъ хор пѣвчихъ.

¹⁾ Графъ Комаровскій въ своихъ запискахъ говоритъ (См. «Восемнадцатый Вѣкъ», ч. I, стр. 322): «Что на этомъ великолѣпномъ праздникѣ болѣе всего меня удивило, такъ это—плато, которое поставлено было предъ императрицею за ужиномъ; оно представляло на возвышеніи рогъ изобилія, все изъ чистаго золота, а на возвышеніи томъ былъ вензель императрицы изъ довольно крупныхъ брилліантовъ».

На возвратномъ пути въ Москву дорога ярко была освѣщена площадями и смоляными бочками. Когда государыня вѣзжала въ Москву, били уже утреннюю зорю.

Также необыкновенно великолѣпнѣе былъ праздникъ, данный въ честь императрицы Шляхетнымъ кадетскимъ корпусомъ, въ 1775 году, по случаю мира съ Портою, заключеннаго въ этомъ году. Описаніе этого аллегорическаго празднества мы беремъ изъ рѣдкаго періодическаго изданія того времени «*Journal de littérature et choix de musique*», выходящаго въ 1783 году въ Цвейбрюккенскомъ герцогствѣ; вотъ переводъ описанія:

«Одинъ только рассказъ объ этомъ чудесномъ праздникѣ уже даетъ возможность вѣрить въ великолѣпіе публичныхъ игръ, устраиваемыхъ древними греками и римлянами; но, заглянувъ въ это описаніе волшебства, которое мы сейчасъ представимъ читателямъ, остается только изумиться блестящему воображенію устройства праздника. Каковъ же былъ эффектъ при выполненіи всѣхъ его предназначеній!..¹⁾»

«Вездѣ, какъ и въ Россіи, для исполненія подобнаго праздника можно найти декораторовъ, архитекторовъ, музыкантовъ, актеровъ, машинистовъ; но что является въ этомъ случаѣ единственной принадлежностью Петербурга, это 700 молодыхъ дворянъ, обученныхъ декламации, искусствамъ: плаванія, верховой ѣзды, единоборства и прочимъ тѣлеснымъ упражненіямъ, введеннымъ у древнихъ народовъ. Эти молодые люди и были главными исполнителями празднества; къ нимъ присоединили еще 300 другихъ лицъ, что составило вмѣстѣ 1,000 человекъ, которыми г. Пошэ и воспользовался съ рѣдкимъ умѣньемъ.

«Посреди площади, болѣе обширной, нежели Тюльерійскій садъ, былъ, по плану г. Пошэ, выстроенъ вокругъ центральнаго пункта амфитеатръ, настолько удобный, что всѣ зрители, въ количествѣ 1,200 человекъ, могли, не оборачиваясь и не двигаясь, видѣть все, что происходило во всѣхъ концахъ этой обширной окружности. Центральнымъ пунктомъ, по сторонамъ котораго воздвигалось это строеніе, являлась триумфальная колонна, въ 50 футовъ вышины, украшенная сверху статуей богини Славы, окруженной знаменами и значками, отнятыми у турокъ. Богиня, при звукѣ трубы, давала сигналъ къ началу упражненій, предписанныхъ актерамъ и статистамъ. Къ амфитеатру вели четыре аллеи, обнесенныя перегородками изъ зелени, въ промежуткахъ которой, на извѣстномъ раз-

¹⁾ «Остроумный изобрѣтатель этого праздника, руководившій и его исполненіемъ, г. Пошэ, бывшій директоръ общественныхъ удовольствій въ с.-петербургскомъ Шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ, въ настоящее время состоитъ на службѣ его свѣтлости владѣтельнаго герцога цвейбрюккенскаго, въ качествѣ директора французской школы малолѣтнихъ чужеземныхъ комедіантовъ, о которомъ намъ уже приходилось говорить въ № 1-мъ нашего журнала; отъ него-то мы и получили планъ празднества».

стояніи, были поставлены статуи и вазы, наполненныя апельсинами и другими фруктами. Аллеи эти освѣщались гирляндами разноцвѣтныхъ огней. Амфитеатръ, видимо, подавлялъ своимъ величіемъ повергнутыя около него аллегорическія фигуры «Лживой политики», «Мора», «Пожара» и «Возмущенія», изображенныя въ страдальческихъ положеніяхъ.

«Зрѣлище (или, вѣрнѣе, четыре отдѣленія зрѣлища), устроенное два раза въ теченіе іюня мѣсяца, начиналось въ полночь, подъ сводомъ неба, бывшаго въ то время, по счастью, чистѣйшаго лазореваго цвѣта и покрытаго звѣздами. Взоръ зрителя не отвлекался по сторонамъ, благодаря устройству амфитеатра, позволявшаго видѣть только то, что было передъ глазами.

«1-е аллегорическое зрѣлище ¹⁾).

«При звукахъ трубы, возвѣщенныхъ богиней славы, представлялась среди выполненныхъ артистически украшеній, обширная арена, изображавшая остатки развалинъ храма; вокругъ ихъ—поверженные колонны, вазы и подножія занимали сцену. Одна только статуя находилась на своемъ пьедесталѣ,—это «эмблема любви къ отечеству». Въ глубинѣ театра возвышались горы, покрытыя деревьями, колеблемыми вѣтромъ.

«Аполлонъ, осужденный стеречь стадо Адмета, услаждаетъ скуку своего новаго положенія, оказывая всевозможныя благодѣянія. Сосѣдніе пастухи, наученные его примѣромъ, живутъ счастливо и безбоязненно подъ сѣнью мира. Ихъ невинныя сердца, тронутыя благодѣяніями Аполлона, воздаютъ ему почтеніе, тѣмъ менѣе льстивое, что они не подозреваютъ его божественнаго пропехожденія. Пастушка Сильвія, украшенная всѣми дарами природы, возбуждаетъ въ Аполлонѣ живѣйшую страсть, отвѣчая ему взаимною нѣжностью. Любовники уже готовы увѣнчать свои стремленія предъ алтаремъ любви къ отечеству, какъ вдругъ, въ самый моментъ торжества, они видятъ себя разлученными лживой политикой, которая, завидуя ихъ счастью, вооружила противъ нихъ всѣхъ фурій ада. Вдругъ статуя «любви къ отечеству» оживаетъ и, ставъ во главѣ витязей благодарности, беретъ на себя защиту любовниковъ; она побѣждаетъ чудовищей и приковываетъ ихъ къ колоннамъ храма. Эту мигнуту богиня судьбы находитъ удобною, чтобы возвратитъ Аполлону его божественное начало: счастье бога искусствъ оказывается совершеннымъ,—тѣмъ болѣе, что въ Сильвій онъ узнаеть богиню благополучія,

¹⁾ Въ этомъ аллегорическомъ зрѣлищѣ, равно какъ и въ трехъ слѣдующихъ, г. Пошэ, для довершенія очарованія, введены, во время важнѣйшихъ моментовъ дѣйствія, лучшіе отрывки изъ оперъ гг. Глюка, Филлора, Пиччини, Монсиньи, Флокэ и Рудольфа; отрывки эти исполнялись оркестромъ изъ ста музыкантовъ.

которая укрылась подъ видомъ пастушки, чтобы раздѣлить участь любимаго ею бога, съ которымъ она и соединяется навсегда. Между тѣмъ, театръ украшается иллюминированными транспарантами; колонны, вазы, пьедесталы и другіе остатки храма благополучія внезапно поднимаются, занимаютъ старыя мѣста и образуютъ триумфальную колоннообразную галерею, украшенную трофеями. Горы исчезаютъ и замѣняются триумфальной аркой, образующейся при звукахъ марша, въ продолженіе котораго группы рыцарей, въ торжественныхъ колесницахъ, увлекаютъ за собой въ своемъ шествіи лживую политику и закованныхъ въ цѣпи фурій. Съ одной стороны виденъ корабль, ведомый тритонами; это—новый памятникъ славы, воздвигнутый въ честь богини благополучія. Богиня вмѣстѣ съ Аполлономъ замыкаютъ шествіе. Она садится на колесницу, сдѣланную въ видѣ плута и запряженную четырьмя бѣлыми быками, руководимыми «любовью къ отечеству». Этотъ блестящій кортежъ окруженъ 400 рыцарей, сидящихъ на поддѣльныхъ лошадяхъ, удивлявшихъ зрителей правдивостью и точностью ихъ движеній.

«Эпизодъ этотъ оканчивался соединеніемъ обоихъ любовниковъ у алтаря «любви къ отечеству», помѣщенному подъ триумфальной аркой. Празднуя счастливое событіе, большинство рыцарей исполнило воинственные танцы при многократныхъ возгласахъ витязей благодарности; въ разгаръ этихъ игръ, въ виду всѣхъ появился двуглавый орелъ, спускавшійся надъ аркой съ августѣйшимъ вензелемъ Екатерины II, окруженнымъ лавровыми листьями и гирляндами, которые и образовывали вокругъ триумфальной арки нѣкоторый родъ балдахина¹⁾).

«2-е аллегорическое зрѣлище.

«При звукахъ трубы «Славы», амфитеатръ съ 1,200 зрителей, поворачивался вокругъ своего центра и направлялъ взоры зрителей на новую арену, на которой изображался балетъ-пантомима слѣдующаго содержанія, сходнаго въ аллегорическомъ смыслѣ съ воспитаніемъ его императорскаго высочества великаго князя, его женитьбой и учрежденіемъ новыхъ губерній, созданныхъ мудрыми предначертаніями Екатерины II.

«Театръ представлялъ храмъ бога искусствъ, въ которомъ находилось нѣсколько геніевъ, приведенныхъ въ уныніе и обезсиленно склонившихся

¹⁾ Благодѣянія императрицы Екатерины II, оказываемыя подвластнымъ ей народамъ, со дня ея вступленія на тронъ, и составляютъ главное основаніе сюжета этой аллегоріи. Война, миръ, пожары и наводненія, разорившія ея имперію, прекратили на время благодѣянія, которыми она всегда надѣляла иностранцевъ, равно такъ и покровительство, оказываемое ею изящнымъ искусствамъ; авторъ дѣлаетъ здѣсь намекъ на всѣ эти случаи и прославляетъ возвращеніе благоденствія для изящныхъ искусствъ и общественнаго благосостоянія.

передъ своими начатыми созданіями, представлявшими рядъ аллегорическихъ фигуръ, извлеченныхъ геніями изъ глыбъ мрамора.

«Богиня благополучія, которую несчастія разлучили съ ея дѣтьми, питомцами Аполлона, находятъ, по своемъ возвращеніи, генія заслуги (аллегорическій намекъ на его сіятельство князя Панина, воспитателя великаго князя), который, какъ новый Пигмаліонъ, оказывается влюбленнымъ въ свое произведеніе. При видѣ богини вдохновеніе артиста въ немъ пробуждается; онъ показываетъ богинѣ свою работу: изображеніе геніевъ правды и добродѣтели, находящихся въ объятіяхъ другъ друга и изваянныхъ славнымъ скульпторомъ изъ лучшаго паросскаго мрамора. Геній заслуги высказываетъ богинѣ желаніе видѣть ожившимъ свое произведеніе. Богиня благополучія, взявъ лиру у Аполлона и вдохновенная тремя граціями, даетъ жизнь произведенію генія заслуги. Слѣдуя примѣру богини, Аполлонъ оживляетъ всѣ статуи, наполняющія театръ. Эти новые питомцы богини благополучія окружаютъ ее; Аполлонъ и граціи образуютъ картину благодарности; они держатъ въ рукахъ знамена съ изображеніемъ на каждомъ герба какой нибудь губерніи. Тогда храмъ Аполлона превращается въ великолѣпный транспарантный садъ, украшенный каскадами и фонтанами; показывается богиня изобилія, дочь богини благополучія, сопровождаемая 24 геніями, которые обогащаютъ своими дарами алтарь богини.

«3-е зрѣлище.

«Упоительное забвеніе зрителей прервалось опять сигналомъ, даннымъ богинею славы, вслѣдствіе котораго амфитеатръ вновь обернулся около своего центра къ третьей сценѣ. Тамъ было изображено Марсово поле въ видѣ цирка; арена, длиною въ 700 футовъ, оканчивалась трономъ въ китайскомъ вкусѣ, на которомъ помѣщалась богиня благополучія съ двумя питомцами заслуги по бокамъ и окруженная толпой мандариновъ, бонзъ и т. п.

«Игры, служившіе основаніемъ этому новому зрѣлищу, представляли повтореніе тѣхъ упражненій, которыя входили въ программу воспитанія кадетовъ корпуса и которыя были введены въ это заведеніе г. Пошэ.

«Сцена освѣщалась 200 хрустальными люстрами, съ 25 свѣчами въ каждой. Циркъ былъ украшенъ, съ правой и лѣвой сторонъ, арками, между которыми на скамьяхъ помѣщались витязи благодарности, принимавшіе участіе въ первомъ зрѣлищѣ. Посреди цирка питомцы благополучія занимались всевозможными упражненіями, сгруппированными такимъ образомъ, что всѣ зрители въ одно и то же время наслаждались ихъ лицезрѣніемъ.

«Одни изъ нихъ старались перескочить черезъ ровъ, въ 15 и 20 футовъ ширины; другіе молодые люди вступали въ единоборство или состязались въ фехтованіи; нѣкоторые бросались одѣтые въ прудъ, стре-

мась взобраться первыми на скользкія мачты, воздвигнутыя среди пруда; и они возвращались оттуда, неся въ рукахъ стрѣлы, пущенныя ихъ товарищами въ чучела птицъ, прикрѣпленныхъ къ мачтамъ, высокою въ 60 футовъ.

«Это гимнастическое состязаніе сопровождалось каруселью, во время которой воспитанники гарцовали на настоящихъ лошадяхъ, стараясь вызвать благосклонный взглядъ или рукоплесканія ихъ благодѣтельницы.

«Празднество заканчивалось раздачею наградъ, которыя были розданы получившимъ ихъ самой богиней, выступавшей впередъ съ своимъ кортежемъ при звукахъ цимбаловъ. Любовь къ отечеству и богъ искусствъ сопровождали это блестящее шествіе, имѣя въ главѣ генія заслуги и воспитанниковъ, удостоенныхъ награды.

«4-е аллегорическое зрѣлище.

«Радостные возгласы были прерваны звукомъ трубы богини славы, по знаку которой амфитеатръ въ послѣдній разъ обернулся къ новой сторонѣ зрѣлища, долженствовавшего достойнымъ образомъ увѣнчать этотъ волшебный праздникъ.

«Театръ представлялъ храмъ Януса, смежный съ храмомъ Моды. Въ немъ была представлена небольшая лирическая комедія, сочиненія г. Пошэ, подъ названіемъ: «Мода, личина коей сорвана гениемъ любви къ отечеству». 24-хъ-лѣтнее пребываніе автора въ Россіи дало ему возможность изучить эту страну и передать ея дворянству нѣсколько полезныхъ идей, могущихъ принести добрыя послѣдствія.

«По смерти императрицы Елисаветы, финансовое положеніе государства было въ большомъ безпорядкѣ. Любовь къ роскоши и страсть къ игрѣ вошли въ обычай у знатнѣйшихъ фамилій имперіи, всегда готовыхъ слѣдовать примѣру двора. Императрица Екатерина II, по восшествіи своемъ на престолъ, рѣшилась заняться искорененіемъ этихъ злоупотребленій; но чтобы вѣрнѣе отъ нихъ избавиться, надо было найти способъ искусно на нихъ подѣйствовать. Тогда-то и родилась идея устроить знаменитый аллегорическій и сатирический маскарадъ, подъ названіемъ: «Извращенный міръ», составленіе программы котораго было поручено г. Пошэ. Тамъ можно было видѣть колесницы, запряженныя ослиами, волами, свиньями, сопровождаемыя обезьянами, и болѣе 1,000 лицъ, представленныхъ въ смѣшномъ видѣ: судей, переодѣтыхъ лисцами, офицеровъ—сурками, купцовъ—щеголями и, наконецъ, воронъ и коршуновъ, разрядившихся въ навлиновыя перья и т. п.

«Аллегорія эта являлась въ слишкомъ мягкомъ видѣ, чтобы раскрыть глаза русскому дворянству относительно его смѣшной страсти къ модѣ и другихъ пороковъ; безпорядочность оставалась попрежнему, не смотря на постоянныя усилія императрицы вырвать съ корнемъ обычай, могшіе

послужить къ разложенію націи. Славная повелительница поставила, наконецъ, себѣ за правило — удостоивать своей благосклонностью только лицъ, заслужившихъ это, и устранять отъ дѣлъ и занятія почетныхъ постовъ тѣхъ лицъ благороднаго сословія, которыя были заражены пороками прежней придворной жизни ¹⁾). Правило это послужило основаніемъ комедіи «Мода, личина коей сорвана любовью къ отечеству». Вотъ ея фабула:

«Меркурій, завидуя могуществу благополучія и не имѣя возможности помѣшать счастію Аполлона, у котораго онъ успѣлъ только съ помощью бога Момуса похитить лиру, рѣшается, изъ жажды мести, развратить нравы подданныхъ благополучія. Мода, будучи предметомъ ихъ поклоненія, является въ самомъ прихотливомъ видѣ. Ее несутъ на богатомъ паланкинѣ, взятомъ ею въ долгъ и никогда не оплаченномъ; голова ея украшена самыми пахучими цвѣтами; она шествуетъ въ сопровожденіи Момуса, превратившагося въ ея управляющаго, жаждущаго ее же разорить, насмѣливаго адвоката, картежника — офицера, лживаго храбреца, лихоимца и взяточника — таможника; этотъ кортежъ замыкаютъ эмпирики и аптекаря, представляющіе всѣ вмѣстѣ поклонниковъ моды, приобретенныхъ ею во владѣніяхъ благополучія.

«Является богъ любви къ отечеству, держа въ рукахъ зеркало истины. Онъ подходитъ къ питомцамъ благополучія, ослѣпленнымъ модою. Возвративъ имъ зрѣніе, онъ разбиваетъ аптекарскіе сосуды и извлекаетъ изъ нихъ огни оливковаго цвѣта, отражающіеся на лицахъ поклонниковъ моды. Онъ пользуется этимъ моментомъ и представляетъ имъ зеркало истины. Устыдясь видѣть себя въ непривлекательномъ и смѣшномъ видѣ, они отрекаются отъ своего заблужденія и при радостныхъ восклицаніяхъ надсмѣхаются надъ модой и ея единомышленниками, которые со стыдомъ удаляются, видя себя уличенными въ глупости въ то время, когда надѣялись быть повелителями. «Любовь къ отечеству» освобождаетъ изъ цѣпей лицъ, возвращенныхъ имъ къ истинѣ, и предлагаетъ одной изъ особъ собранія основной конецъ гирлянды, служившей имъ цѣлью. Вдругъ внезапно, по искусному знаку, непостижимому даже для особы, взявшейся за гирлянду, глубина театра воспламеняется и обра-

¹⁾ Нѣкоторые изъ нихъ доходили до такого самозабвенія, что натрали оконечности пальцевъ пензой для приобрѣтенія болѣе нѣжнаго ощущенія во время игры въ карты; другіе же изъ боязни кары, предназначенной противъ всѣхъ игроковъ, не осмѣляясь прибѣгать къ игрѣ въ карты, придумали способъ держать пари на быстрый бѣгъ тѣхъ отвратительныхъ насѣкомыхъ, даже названія которыхъ изобѣгаютъ въ нашихъ странахъ. Столъ замѣняетъ песчаную равнину для этихъ бѣгуновъ въ новомъ родѣ; игла, вбитая въ середину стола является достойнымъ барьеромъ въ ихъ соревнованіи. Одинъ молодой русскій умѣлъ такъ искусно готовить подобныя иглы, уснащенные помадой, что изъ множества банковъ, которые закладывались по этому поводу, двѣ трети выигрыша выпадали на его долю.

зуетъ фейерверкъ изъ китайскихъ огней, изображающій «Разрушенный храмъ моды».—Этотъ фейерверкъ оставляетъ мѣсто для статуи Петра I, изображеннаго въ видѣ Конфуція, какъ законодателя имперіи. Это—новый памятникъ, воздвигнутый «любовью къ отечеству» въ честь «благополучія».

«Въ то время, какъ болѣе четверти часа продолжался фейерверкъ, «любовь къ отечеству» и ея новые сподвижники пригласили собраніе сойти съ амфитеатра и повели зрителей, какъ бы желая дать имъ возможность опомниться, подъ своды, иллюминированные разноцвѣтными огнями. Когда зрители были приведены къ концу этой темной аллеи, богъ вручилъ ключъ фельдмаршалу князю Голицыну. Тотъ отперъ дверь, и собраніе вошло въ ротонду, раздѣленную на 12 залъ, представлявшихъ 12 знаковъ зодіака. Тамъ находились столы, покрытые рѣдкими яствами, фонтаны и каскады, бившіе прохладительными напитками. Но что представляло въ данномъ случаѣ верхъ иллюзіи, такъ это—новая триумфальная арка, воздвигнутая надъ ротондой въ формѣ галереи, гдѣ можно было видѣть всѣхъ лицъ, дѣйствовавшихъ въ исполненіи праздника.

«Въ это время музыка пригласила желающихъ къ танцамъ; и въ теченіе двухъ дней, какъ продолжалось вышеописанное зрѣлище, собраніе не расходилось раньше зори.

«Въ программѣ находятся нѣкоторыя подробности, упущенныя нами; и, съ небольшою помощію соображенія, читатель можетъ себѣ представить все волшебство картинъ, только что описанныхъ нами».

Послѣдній изъ каруселей на открытомъ воздухѣ былъ данъ при Александрѣ I въ Москвѣ, на обширной равнинѣ, противъ Александринскаго дворца и сада Нескучнаго ¹⁾: здѣсь былъ выстроенъ огромный амфитеатръ съ галереями и ложами для пяти тысячъ человѣкъ, въ окружности до 350 саженей. Въ назначенные дни, зрители, почти изъ однихъ дворянъ, по билетамъ, наполняли амфитеатръ; а кругомъ его стеченіе народа бывало до 30,000 человѣкъ. По первому сигналу главныя ворота въ циркъ отворялись и рыцарскія кадрили, каждая съ особенною своею музыкою, выѣзжали изъ ближайшаго дворца, и въ виду народа, восхищавшагося такимъ необычайнымъ зрѣлищемъ, приближались къ воротамъ. Всѣ рыцари, составлявшіе кадрили, были верхами на лошадахъ рѣдкой красоты, съ богатыми чепраками. Одежда ихъ поражала зрителей своимъ вкусомъ и великолѣпіемъ. Почти на всѣхъ блистали драгоцѣнные камни. Проѣхавши нѣсколько разъ кругомъ ложъ и галерей, рыцари производили свои турниры съ копьемъ, на всемъ быстрѣйшемъ скаку копьями попадали въ цѣль и повѣшенныя небольшія кольца. Много было и другихъ эволюцій, совершаемыхъ съ необыкновеннымъ искусствомъ. Въ этомъ особенно отличались: Всеволодъ Андреевичъ Всеволожскій и Алексѣй Ми-

¹⁾ Описаніе беремъ изъ «Московскхъ Вѣдомостей» 1811 года.

хайловичъ Пушкинъ. При кадрили Всеволожскаго былъ хоръ музыкантовъ, едва ли не первый тогда въ Россіи. Его сравнивали даже съ оркестромъ князя Эстергази, въ Вѣнѣ, гдѣ былъ Гайднъ капельмейстеромъ. Хоромъ Всеволожскаго управлялъ извѣстный въ то время Мауреръ. Правила карусели были замѣтнованы изъ историческихъ свѣдѣній времени Людовика XIV. При немъ, какъ извѣстно, карусели были любимымъ занятіемъ высшаго дворянства. Въ нихъ участвовалъ и самъ король, поражая всѣхъ своимъ искусствомъ и богатствомъ наряда.

Устройство московской карусели произведено съ высочайшаго соизволенія генераломъ-отъ-кавалеріи Ст. Ст. Апраксинымъ, объ устройствѣ которой и правилахъ первый подалъ мысль онъ самъ; жена его, Екатерина Владиміровна, была избрана для раздачи отличившимся рыцарямъ приличныхъ призовъ, при звукѣ трубъ и литавръ.

Рыцари подъѣзжали къ ложѣ г-жи Апраксиной, салютовали своими копьями и получали изъ рукъ ея назначенные призы.

При императрицѣ Екатеринѣ II каждую пятницу при дворѣ бывали маскарады, на которые допускались всѣ, кто имѣлъ право носить шпагу; впрочемъ, купечеству отводилась «особая зала», но она имѣла сообщеніе съ дворянской, и не запрещалось купцамъ ходить по другимъ комнатамъ.

Отъ двора къ каждому маскараду раздавалось до четырехъ тысячъ билетовъ; въ 6-ть часовъ пополудни публика начинала съѣзжаться; сама императрица имѣла обыкновеніе туда приходить въ седьмомъ часу и, поговоривъ съ нѣкоторыми вельможами, садилась за карты; въ девятомъ часу она обыкновенно удалялась во внутренніе покои. Во второмъ часу ночи маскарадъ кончался. Во время маскарадовъ публикѣ разносились разные налитки, закуски, конфеты и пр.

Особенно большою непринужденностью пользовались маскарады въ Царскомъ Селѣ. Это случалось болѣе зимой; здѣсь давался особенный родъ маскарадовъ, въ которыхъ мужчины наряжались въ женское платье, а дамы—въ мужское. Узкій мужской костюмъ отлично обрисовывалъ красивыя женскія формы, дѣвственная скромность исчезала подъ свободными приѣмами мужщины, и, наоборотъ, прямой мужской станъ отлично приходился къ молдавану и роброну. На такихъ маскарадахъ необыкновенно красивъ былъ въ женскомъ нарядѣ извѣстный приближенный Екатерины II Гр. Гр. Орловъ ¹⁾.

Весьма оживленные и веселые также маскарады давались въ Эрмитажѣ, которые носили названіе «Сюрпризы»: соберутся придворные, по-

¹⁾ Въ 1742 году вышелъ указъ, какъ ѣздить въ маскарады: «въ хорошемъ, а не въ гнусномъ платьѣ—тѣлогрѣяхъ, полушубкахъ и кокошникахъ»; не чиновнымъ запрещено было носить шелковую подкладку; только первые 5 классовъ могли носить кружева. Знать приглашалась имѣть побольше лакеевъ; 1-й и 2-й классы должны были имѣть отъ 8-ми до 12-ти лакеевъ, по 2—4 скорохода, по пажу и по два егеря. Лица 4-го класса должны были имѣть по четыре лакея у кареты и т. д.

дойдутъ къ театру, видятъ двери запертыми, съ надписью на нихъ: «поворотить женщинамъ вправо, мужчинамъ влѣво». Тамъ гости находили платье двухъ цвѣтовъ—пунцоваго и бѣлаго цвѣта, и вмѣсто ожидаемаго спектакля шли въ маскарадъ. Иногда придворные получали весьма странные костюмы; ихъ наряжали: кого вѣтряною мельницею; кого башнею, хижиною, кого купцомъ, евреемъ, молочницею; гости, встрѣчаясь, другъ друга не узнавали. Однажды всѣ явились на ужинъ и заняли мѣста, слуги суетились, но раскрытыя блюда оказались пустыми. Императрица встала съ неудовольствіемъ, гофмаршалъ былъ нѣмъ отъ испуга и оплошности кухни. Императрица обратилась къ великому князю Александру Павловичу и сказала:

— Такъ мы пойдѣмъ къ тебѣ, я ѣсть хочу.

— У насъ, отвѣчалъ великій князь,—приготовлены кушанья только для нашего малаго двора, мы врядъ ли можемъ угостить все общество!

— Нѣтъ нужды, проговорила императрица:—мы раздѣлимъ по куску.

Все общество отправилось и нашло роскошный ужинъ, съ великолѣпными парадными блюдами.

Во время шведской войны, въ день придворнаго маскарада, было получено непріятное извѣстіе, и, чтобы не прервать вечера и скрыть несчастіе отъ публики, императрица посылаетъ за графомъ Строгановымъ.

— Я увѣрена, говоритъ она:—что ты исполнишь, что я тебѣ прикажу.

— Съ усердіемъ, государыня.—Что прикажете?

— Садись же, подавайте поскорѣе.

Приносятъ женское платье, убираютъ ему голову; графъ не понимаетъ, чтò бы это значило.

— Иди теперь въ маскарадъ, говоритъ императрица:—дай руку моему кавалеру, сохрани мою походку и представь мою особу.

Графъ повиновался и расхаживалъ по маскараду величавою дамою, и всѣ принимали его за царицу!

Но особенною прелестью въ то время были для нашихъ вельможъ такъ называемые вольные дома съ маскарадами; ихъ посѣщали какъ всѣ знатные обоого пола, такъ и вся простая публика, маскированная и безъ масокъ. По словамъ Энгельгардта, императрица очень часто, инкогнито замаскировавшись, въ сопровожденіи А. Д. Ланского, статсъ-дамы графини Браницкой и камеръ-фрейлины Протасовой посѣщала вольные маскарады. На послѣдніе пріѣзжала она въ чужой каретѣ и всячески старалась скрыть себя; но полиція всегда узнавала государыню и ея свиту. Многіе не догадывались, или съ намѣреніемъ шутили, прыгали передъ нею. Государыню это очень забавляло и смѣшило; иногда ей очень доставалось отъ тѣсноты. Павелъ Сумароковъ рассказывалъ: «однажды императрица усѣлась подлѣ знакомой г-жи Д—ской, которую очень жаловала и допускала къ себѣ въ кабинетъ; государыня, перемѣнивъ голосъ, вступила съ ней въ разговоры и долго ее интриговала. По-

слѣдняя, стораая отъ любопытства, желала узнать, кто ее интригуешь, и кого ни назоветъ, все получала отрицательный знакъ головою. Наконецъ, потерявъ терпѣніе, срываетъ маску съ императрицы и, пораженная открытіемъ, сильно смутилась и оробѣла. Императрица тоже не менѣе была удивлена дерзкимъ поступкомъ.

— Что вы сдѣлали? Маска неприкосновенна! Вы нарушили права благопристойности! проговорила государыня; затѣмъ встала и тотчасъ же уѣхала изъ маскарада. Смѣлая дама навѣкъ потеряла благоволеніе императрицы.

Не касаемся описанія тѣхъ торжествъ, что давалъ въ своемъ Таврическомъ дворцѣ князь Потемкинъ. Одинъ послѣдній праздникъ, устроенный имъ, походилъ на возсозданіе сказокъ тысячи одной ночи: одного воска, въ свѣчахъ и шкаликахъ, сожжено было на 70,000 руб., такъ что воска, бывшаго въ Петербургѣ, не достало, и за нимъ по почтѣ посылали въ Москву. На этомъ праздникѣ, по описанію, танцовало двадцать четыре пары изъ знатнѣйшихъ фамилій, въ костюмахъ, украшенныхъ брилліантами, которые въ итогѣ стоили десять милліоновъ рублей. Самъ Потемкинъ имѣлъ на головѣ шляпу, которую, по тяжести отъ брилліантовъ, не могъ надѣть, и ее носилъ за нимъ въ рукахъ одинъ изъ его адъютантовъ.

Не смотря на такія роскошныя частыя празднества, тогдашнее высшее общество очень любило «вольные дома»; здѣсь оно освобождалось отъ оковъ этикета и вполнѣ предавалось веселости и шалости, конечно, не выходя изъ предѣловъ приличія.

Грибовскій въ своихъ воспоминаніяхъ рассказываетъ про канцлера графа Безбородко, что онъ былъ большой охотникъ тамъ проводить свое время и почти ежедневно, по выѣздѣ изъ дворца послѣ доклада императрицѣ, надѣвалъ простой сюртукъ и такую же шляпу, пускался въ такіе дома, въ общество прелестницъ, которыхъ покидалъ только тогда, когда видѣлъ подобнаго себѣ гостя. Грибовскій говоритъ, что онъ былъ одинъ изъ первыхъ дѣловыхъ людей, которые въ то время подавали другимъ примѣръ къ вольной жизни.

Лучшіе маскарады и вечера такого сорта въ то время бывали на Мойкѣ, какъ мы выше уже говорили, въ увеселительномъ саду Нарышкина.

Основателемъ ихъ былъ извѣстный поддиректоръ императорскихъ театровъ, баронъ Ванжура. Здѣсь каждую среду и въ воскресенье давались праздники и маскарады съ танцами, съ платою по рублю съ персоны. Вечера начинались съ восьми часовъ вечера. Посѣтителіи могли приходиться въ маскахъ и безъ маски. Въ залѣ для танцевъ играло два оркестра музыки: роговой и бальный. На открытомъ театрѣ давали пантомимы и сожигали фейерверки. Иногда здѣсь шли и большія представленія, какъ, на примѣръ, «Капитана Кука сошествіе на островъ, съ сраженіемъ, поставленнымъ фехтмейстромъ Мире», или «Новый годъ

индѣйцевъ», народныя пляски и т. д. При этихъ представленіяхъ публика платила два рубля. Здѣсь показывали свое искусство «путешествующіе актеры и мастера разныхъ физическихъ, механическихъ и другихъ искусствъ, музыканты на органахъ и лютнѣ, искусники разныхъ тѣлодвиженій, прыгуны, сильные люди, великаны, мастера верховой ѣзды, люди съ львами и другими рѣдкими звѣрьми, искусными лошадьми, художники потѣшныхъ огней» и т. д.

Затѣмъ еще публичныя маскарады устраивали въ большомъ каменномъ театрѣ машинистъ Домпьеріи и танцовщикъ Ганцолесъ. Послѣдніе о дняхъ маскарадовъ извѣщали публику афишами; приводимъ одну изъ такихъ афишъ: «Машинистъ Домпьеріи и танцовщикъ Ганцолесъ, увѣдомляя почтенную публику, что первый ихъ маскарадъ будетъ октября 14-го дня, просятъ покорнѣйше удостоить оный своимъ благосклоннымъ посѣщеніемъ. Начало будетъ въ 6 часовъ, за билеты платятъ по 1 рублю; паркетъ поднимется наравнѣ съ театромъ, такъ что будетъ одна пространная китайская зала, убранная и освѣщенная великолѣпнѣйшимъ образомъ, по сторонамъ которой будутъ разные покои, какъ-то: залы для контратанцевъ, горница для игранія въ карты, иные для напитковъ, другіе—со столами, для ужина, иные—съ лавками для продажи маскарадныхъ платьевъ, масокъ, перчатокъ и прочихъ галантерейныхъ вещей. Если кто пожелаетъ имѣть особенный ужинъ, то можетъ оный заказать у Надервиля, содержателя французскаго трактира «Парижъ», заблаговременно».

Танцы въ этихъ публичныхъ маскарадахъ начинались «польскимъ открытымъ» (какъ говаривали); за польскимъ слѣдовали: «очаковская» кадрили, штейнъ-бассъ, чудный веселостью контратанецъ, съ превычурными балансеями. Для выучки этихъ танцевъ требовались тогдашніе профессора хореграфическихъ выправокъ и балансеевъ, разные гг. Сабіюли, Коссели, Парадизъ, Морели. Далѣе въ нашихъ танцахъ слѣдовали кадрили французскія, точные балеты, минуэты à la Reine, по правиламъ танцевальнаго искусства, которыхъ ранѣе не начинали, какъ послѣ трехъ церемоніальныхъ поклоновъ дамъ; во время же танцевъ едва касались пальцами ея пальцевъ, а когда оканчивали, то изъявляли свою благодарность, цѣлуя ей руку. Затѣмъ слѣдовали простые польскіе, горлицы, аллеманы и круглый польскій, съ эластическимъ распаркиваніемъ, съ премудрыми выгибами ногъ, присѣданіями, поклонами и проч. Въ концѣ концовъ танцы, по обыкновенію, заключались «Метелицею» или «Татьяною»; здѣсь уже пары выступали особенныя, выраженные русскими молодками и молодцами. Это, впрочемъ, не были простые смертныя, а часто титулованныя особы, ученики и ученицы извѣстнаго въ свое время русскаго Вестриса, танцора Бублика.

Въ первыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, въ Петербургѣ маскарады славились у Фельета. Здѣсь, на мѣстѣ нынѣшняго зданія Главнаго штаба, стоялъ построенный полукругомъ великолѣпный домъ графа Кушелева;

въ этомъ домѣ былъ театръ съ роскошными комнатами. Это былъ палерояль въ миниатюрѣ; лучшее петербургское общество здѣсь танцовало и проводило время; рестораторомъ здѣсь былъ французъ Тардина, цѣны у него на вино и кушанья были весьма дешевы. Такъ, за бутылку краснаго вина платили тридцать копѣекъ и за жаренаго рябчика двадцать копѣекъ. Въ этомъ же домѣ были лучшіе иностранные магазины въ столицѣ.

Не менѣе превосходные маскарады въ Екатерининское время давались въ роскошномъ домѣ, на углу Невскаго и Екатерининскаго канала, въ домѣ, теперь принадлежащемъ Учетному банку.

Въ началѣ двадцатыхъ годовъ, придворные маскарады въ Зимнемъ дворцѣ составляли тоже эпоху. Болѣе тридцати тысячъ билетовъ раздавалось желающимъ быть въ этомъ маскарадѣ. По разнообразію костюмовъ и многочисленности посѣтителей маскарада подобнаго не бывало. Съ восьми часовъ вечера безконечный рядъ великолѣпныхъ комнатъ дворца открывался и въ какой нибудь часть времени наполнялся пестрою толпою. Черкесы, грузины, армяне, татары въ національныхъ костюмахъ, толпа купцовъ съ окладистыми бородами, въ длиннополыхъ сибиркахъ и въ круглыхъ шляпахъ, съ женами и дочерьми въ парчевыхъ и шелковыхъ платьяхъ, въ жемчугахъ и брилліантахъ, офицеры, иностранныя посольства, въ парадныхъ мундирахъ, и присутствіе монарха съ августѣйшей фамиліею и дворомъ — все это дѣлало такой маскарадъ вполне торжественнымъ. Государь являлся всегда привѣтливымъ хозяиномъ и удостоивалъ нѣкоторыхъ посѣтителей разговоромъ и вниманіемъ.

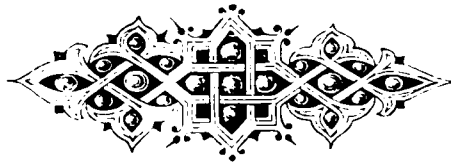
Во время маскарада раздавался желающимъ чай, медъ и разныя лакомства. Въ маскарадахъ этихъ царствовалъ необыкновенный порядокъ, сохранялся онъ безъ содѣйствія полиціи, которая сюда не допускалась.

Въ тридцатыхъ годахъ имѣла большой успѣхъ въ интеллигентномъ обществѣ маскарадная затѣя слѣдующаго содержанія. Нѣсколько молодыхъ людей разучивали одно изъ дѣйствій комедіи «Горе отъ ума», преимущественно третій актъ, и въ костюмахъ и маскахъ разъѣзжали по городу въ каретахъ, съ шестью или семью музыкантами, и, останавливаясь передъ освѣщенными окнами своихъ хорошихъ знакомыхъ, посылали хозяевамъ визитныя карточки съ надписью: 3-е дѣйствіе «Горе отъ ума». Молодыхъ людей приглашали войти; замаскированные являлись съ своимъ оркестромъ, разыгрывали актъ и оканчивали вечеръ веселыми танцами.

Въ сороковыхъ годахъ блестящіе маскарады давались въ дворянскомъ собраніи и въ Большомъ театрѣ; такіе бывали ежегодно на масляницѣ и раннею весною. Сюда относится такъ называемый маскарадъ — томболо.

Въ послѣднемъ, въ часъ ночи, на особой эстрадѣ, при звукахъ трубъ

разыгрывали разныя галантерейныя вещи. Этимъ маскарадомъ оканчивались до осени бальныя и маскарадныя собранія петербургской публики. Къ вышесказанному мы находимъ небезполезнымъ присовокупить, что первые маскарады въ Россіи введены императоромъ Петромъ Великимъ по случаю мира со шведами, въ 1721 году; они продолжались тогда при дворѣ семь дней сряду. Въ смыслѣ святочныхъ игръ и переодѣваній, маскарады были еще извѣстны при царѣ Іоаннѣ Грозномъ. Маскарады въ Европѣ вошли въ обыкновеніе въ 1540 году; ученикъ Микель-Анджело, Граньци, устроилъ первый такой торжественный маскарадъ въ честь Павла Эмилиа. Слово «маскарадъ» заимствовано съ арабскаго «мушкарà», что въ переводѣ значитъ «шутка».

Полубарскія затѣи.

Въ началѣ нынѣшняго и въ концѣ прошлаго столѣтія въ нашемъ дворянскомъ быту театрѣ и музыка получили широкое развитіе; наши бары тогда сосредоточили особенное вниманіе на сценическихъ представленіяхъ; и не было ни одного богатаго помѣщичьяго дома, гдѣ бы не гремѣли оркестры, не пѣли хоры и гдѣ бы не возвышались театральные подмостки, на которыхъ и приносили посильныя жертвы богинямъ искусства доморожденные артисты. Эти затѣи бары, какъ ни были онѣ иногда смѣшны и неудачны, но все-таки развивали въ крѣпостныхъ людяхъ, обреченныхъ коснѣть въ невѣжествѣ, грамотность и понятія о изящномъ. Многіе изъ крѣпостныхъ актеровъ впоследствии сдѣлались украшеніемъ отечественной сцены.

Въ Екатерининское время «собственными актерами» славилась большая труппа графа П. Б. Шереметева. У него существовало три театра—одинъ въ Москвѣ и два въ подмосковныхъ селахъ: въ Кусковѣ и Останкинѣ. Въ первомъ селѣ была еще устроена воздушная сцена изъ липовыхъ шпалеръ съ большимъ амфитеатромъ. Здѣсь, по большей части, давали балеты и оперы; у графа былъ свой крѣпостной авторъ и переводчикъ пьесъ Василій Вроблевскій¹⁾; на обязанности послѣдняго лежало также поставлять разныя торжественныя эклоги, пасторали и т. д.

Въ 1787 году, во время пріѣзда Екатерины II въ Кусково, графъ по поводу этого случая далъ на своемъ театрѣ оперу съ балетомъ «Самнитскіе браки». Государыня такъ осталась довольна игрою актеровъ и актрисъ, что приказала ихъ представить себѣ и «пожаловала къ рукѣ»²⁾.

¹⁾ См. «Краткое описаніе села Спасскаго, Кусково тожъ», Москва, 1787 г.

²⁾ См. Ведемейеръ: «Дворъ и замѣчательные люди», стр. 45.

Сегюръ, бывшій на этомъ спектаклѣ, говорить, что балетъ удивилъ его не только богатствомъ костюмовъ, но и искусствомъ танцовщиковъ и танцовщицъ. Наиболѣе ему показалось страннымъ, что стихотворецъ и музыкантъ, авторъ оперы, какъ и архитекторъ, построившій театръ, живописецъ, написавшій декораціи, такъ и актеры и актрисы,—всѣ принадлежали графу и были его крѣпостные люди.

Спектакли у Шереметева бывали по четвергамъ и воскресеньямъ¹⁾; сюда стекалась вся Москва. Херасковъ иначе не называлъ Кускова, какъ «новыми Афинами»; входъ для всѣхъ былъ бесплатный.

Въ виду этого обстоятельства, тогдашній содержатель московскаго частнаго театра Медоксъ²⁾ обратился съ жалобой къ князю А. А. Прозоровскому на графа, въ которой говорилъ, что онъ платитъ условленную часть своихъ доходовъ воспитательному дому, а графъ отбиваетъ у него зрителей. На эту жалобу вотъ что отвѣтилъ Прозоровскій: «Фасадъ вашего театра дурень, нигдѣ нѣтъ въ немъ архитектурныхъ пропорцій; онъ представляетъ скорѣе грудку кирпича, чѣмъ зданіе. Онъ глухъ, потому что безъ потолка, и весь слухъ уходитъ подъ кровлю. Въ сырую погоду и зимой въ немъ бываетъ течь, сквозь худую кровлю вездѣ вѣтеръ ходитъ, и даже окна не замазаны; вездѣ пыль и нечистота. Онъ построенъ не по данному и высочайше конфирмованному плану. Внизу нѣтъ сводовъ, нѣтъ опредѣленныхъ входовъ; въ большую залу одинъ входъ и выходъ, въ верхній этажъ ложъ одна деревянная лѣстница; вверху нѣтъ бассейна, отчего можетъ быть большая опасность въ случаѣ пожара. Кругомъ театра, вмѣсто положенной для разѣзда улицы, деревянное мелочное строеніе. Внутреннее убранство театра весьма посредственно. Декораціи и гардеробъ худы. Зала для концертовъ построена дурно: въ ней нѣтъ резонанса, зимой ея не топятъ, оттого всѣ сидятъ въ шубахъ; когда же топятъ—угарно. Актеровъ хорошихъ только и есть, что два или три старыхъ³⁾; нѣтъ ни пѣвца, ни пѣвицы хорошихъ, ни посредственно танцующихъ, ни знающихъ музыку. Повѣрить нельзя, что у васъ капельмейстеръ глухой и балетмейстеръ хромой. Изъ вашей школы не вышло ни одного пѣвца, ни актера, ни актрисы порядочныхъ. Въ выборѣ пьесъ вы неудачны» и т. д.

Медоксъ позднѣе выстроилъ въ Москвѣ новый каменный театръ «Петровскій»; архитекторомъ былъ у него Розбергъ; открытъ онъ былъ діалогомъ Аблесимова «Странники»; кресла въ немъ стоили по два рубля,

¹⁾ Публичныя спектакли у Шереметева окончились въ годъ его смерти, въ 1788 году.

²⁾ Михаилъ Егор. Медоксъ, родомъ англичанинъ, былъ извѣстенъ въ свое время въ Москвѣ каждому. Ходилъ всегда въ красномъ плащѣ,—народъ его за это звалъ кардиналомъ.

³⁾ Эти старые актеры были: Померанцевъ, Плавильщиковъ, Шушеринъ, Сандуновъ; актрисы: Сандунова, Синяева, Калиграфова.

а партеръ внизу за креслами 1 рубль мѣдью. Медоксъ этимъ театромъ не удовольствовался: вскорѣ онъ пріобрѣлъ на Таганкѣ у коллежскаго ассесора Яковлева домъ, гдѣ устроилъ «вокзалъ». Для открытія вокзала В. И. Майковъ сочинилъ оперетту: «Аркасъ и Ирса», музыка Керцелли. Здѣсь потомъ представляли другія оперетты: «Бочаръ»¹⁾, «Два охотника»; въ послѣдней главную роль игралъ медвѣдь, затѣмъ здѣсь же имѣло большой успѣхъ «Несчастіе отъ кареты». Вокзалъ Медокса привлекалъ множество публики—до 5,000 человекъ, входная плата была рубль мѣдью, а съ ужиномъ 5 рублей. На вокзальномъ театрѣ играли молодые артисты небольшія пьесы. Это былъ школьный театръ. Садъ по программѣ увеселеній напоминалъ нынѣшніе сады Аркадіи и Ливадіи.

Декорации прежнихъ московскихъ публичныхъ театровъ почти все были на домашній ладъ; многія изъ нихъ писывалъ, какъ тогда говорили, «Ефремъ, російскихъ странъ маляръ». Механическая часть московскаго театра шла также въ такомъ видѣ; въ костюмахъ крѣпостныхъ актеровъ играли первыя роли: китайка, коломянка и крашенина. Только актеры-аристократы, такіе, какъ Плавильщиковъ, Померанцевъ, Шушеринъ, имѣли свой гардеробъ. На Урасова, какъ на записного щеголя, работалъ лучшій изъ московскихъ портныхъ—Робергъ. Что же касается до мѣстъ въ театрѣ, то они оставались на полной отвѣтственности годовыхъ абонентовъ; послѣдніе были обязаны ложи оклеивать на свой счетъ обоями, освѣщать и убирать, какъ хотѣли. Каждая ложа имѣла свой замокъ, и ключъ хранился у хозяина ложи. Для театраловъ ставились подлѣ оркестра табуреты, гдѣ единственно и садились присяжные почитатели театровъ. Рассказывали, что Дидеротъ, въ бытность въ Петербургѣ, всегда сидѣлъ въ театрѣ зажмурясь. «Я хочу», говорилъ онъ, «слиться душою съ душами дѣйствующихъ лицъ, а для этого мнѣ глаза не нужны; на нихъ дѣйствуетъ міръ вещественный, а для меня театръ—міръ отвлеченный!»

Въ ряду театровъ вельможъ Екатерининскаго времени отличался своею царскою роскошью при постановкѣ пьесъ театръ графа С. П. Ягужинскаго; у него, въ числѣ крѣпостныхъ актеровъ, былъ Мих. Матвѣевъ, личность крайне талантливая, съ глубокими познаніями въ наукахъ;

¹⁾ Эта одноактная оперетта была переведена студентомъ Федор. Геншемъ (напечатана въ типографіи Н. П. Новикова, въ 1784 г.). Это была идиллическая арлекинада въ лицахъ. Игралъ «Бочара» актеръ Ожогинъ, тогдашняя необходимость московскаго райка. Ожогинъ былъ актеръ высокаго роста, съ очень комическою фізіономіей, въ родѣ покойнаго Живокини, голосъ у него былъ густой басъ, довольно, впрочемъ, сиповатый. При всякомъ выходѣ Ожогина театръ помиралъ со смѣху. Ожогинъ былъ происхожденъ въ «Мельникѣ» Аблесимова; но этотъ же мельникъ-Ожогинъ являлся въ «Корадо де Герера», въ оперѣ «Рѣдкая вещь», въ «Бочарѣ Мартынѣ» и т. д.

онъ, помимо таланта актера, обладалъ качествами музыканта и композитора. Опера его «С.-Петербургскій гостиный дворъ» долго не сходила со сцены и имѣла три изданія¹⁾. Имя другого крѣпостного актера князя Волконскаго, подъ инициаломъ О. Л., тоже встрѣчается подъ многими весьма недурными переводами и драматическими произведеніями прошлаго вѣка.

Въ Москвѣ, на Знаменкѣ, въ тѣ года существовалъ обширный театральный залъ графа С. С. Апраксина. Въ труппѣ С. С. Апраксина былъ извѣстный буфъ Малаховъ и замѣчательный теноръ Булаховъ (отецъ), съ металлическимъ голосомъ и безукоризненной методой: онъ впоследствии пѣлъ на императорской сценѣ; про него итальянцы говорили, что если бы онъ родился въ Италіи и выступилъ на сцену въ Миланѣ или Венеціи, то убилъ бы всё до него извѣстныя знаменитости. Здѣсь, помимо крѣпостной труппы, игравали и благородные артисты. Изъ послѣднихъ извѣстны были Фед. Фед. Кокочкинъ и А. М. Пушкинъ. На этомъ театрѣ иногда пьесы ставились съ роскошью изумительной. Такъ, во время представленія оперы «Діана и Эндиміонъ» по сценѣ бѣгали живые олени, трубили охотничьи рога и слышался лай гончихъ собакъ. Театръ Апраксина, кажется, судьбой былъ предназначенъ служить храмомъ искусства; здѣсь долго играли императорскіе актеры и была опера итальянская, выписанная и учрежденная также при содѣйствіи Апраксина. Впоследствии этотъ домъ, кажется, былъ домомъ призрѣнія сиротъ, оставшихся послѣ родителей, умершихъ отъ холеры.

Въ царствованіе императора Павла домашніе театры до того размножились, что, въ 1797 году, главнокомандующій Москвы князь Юр. Влад. Долгоруковъ доносилъ о томъ императору и получилъ отъ государя слѣдующій рескриптъ: «По представленію вашему о начавшихся въ Москвѣ въ партикулярныхъ домахъ спектакляхъ, запрещать ихъ никакой надобности не нахожу, а замѣтить нужнымъ почитаю: 1) Чтобы не были представляемы никакія пьесы, которыя не играны на большихъ театрахъ и которыя чрезъ цензуру не прошли. 2) Для таковыхъ собраній, дабы въ нихъ былъ сохраняемъ надлежащій порядокъ, а равно для наблюденія за исполненіемъ предыдущимъ пунктомъ подписуемаго, быть всегда частному приставу, который за то и отвѣчать долженъ».

Въ описываемое время вольности на сценѣ барскихъ театровъ иногда бывали до невозможности безграничны. Князь Вяземскій въ своихъ воспоминаніяхъ описываетъ одинъ изъ такихъ спектаклей на крѣпостномъ театрѣ А. А. Стольпина, гдѣ шла пьеса «Оленька», соч. князя Бѣлосельскаго-Бѣло-

¹⁾ «С.-Петербургскій гостиный дворъ» былъ напечатанъ въ 1781, 1792 и 1799 годахъ; книги Мих. Матвѣяскаго извѣстны: «Начальныя основанія геометріи», «Описаніе различныхъ мѣръ», «Васни и сказки Геллерта» и многія музыкальныя и театральныя пьесы.

зерскаго ¹⁾. «Сначала», говоритъ онъ, «все было чинно и шло благополучно. Благопристойности ничто не нарушало».

Но Бѣлосельскій былъ не разъ бѣдамъ начало.

Вдругъ посыпались шутки и даже не двусмысленно-прозрачныя, а прямо на-бѣло и на-голо. Въ публикѣ удивленіе и смущеніе. Дамы многія, вѣроятно, по чутью, чувствуютъ что-то неладно и неловко. Дѣйствіе переходитъ со сцены на публику; сперва слышенъ пошоптъ, потомъ ропотъ. Однимъ словомъ, театральнѣйшій скандалъ въ полномъ разгарѣ. Нѣкоторые мужья, не дождавшись конца скандала, поспѣшно съ женами и дочерьми выходятъ изъ залы. Дамы, присутствующія тутъ безъ мужей, молодыя особы, чинныя старухи слѣдуютъ этому движенію. Зала пустѣетъ. Слухи объ этомъ спектаклѣ доходятъ до Петербурга, и спустя нѣкоторое время,—какъ рассказываетъ князь Вяземскій,—Бѣлосельскій тревожно вбѣгаетъ къ Карамзину и умоляетъ его, говоря: «Спаси меня, императоръ Павелъ повелѣлъ, чтобъ немедленно прислать ему мою оперу; сдѣлай милость, исправь въ ней всѣ подозрительныя мѣста, очисти ее какъ можешь и какъ умѣешь». Карамзинъ, не теряя времени, тутъ же перемарываетъ и передѣлываетъ пьесу; Бѣлосельскій тотчасъ же печатаетъ у себя въ селѣ и отсылаетъ въ Петербургъ. Исторія кончилась благополучно: ни автору, ни хозяину театра не пришлось быть въ отвѣтѣ.

Если бывали въ то время представленія неособенно цѣломудренныя, то и были такія, которыя отличались неслыханною чистотою нравовъ. Такъ, въ 1798 году наѣзжалъ въ Москву, жившій въ своемъ ардатовскомъ имѣніи, въ селѣ Юсуповѣ, полковникъ князь Николай Григорьевичъ Шаховской. По рассказамъ Вигеля, онъ ужаснѣйшимъ образомъ законодательствовалъ въ своемъ закулисномъ царствѣ. Все, что онъ находилъ неприличнымъ или двусмысленнымъ, онъ безпощадно выкидывалъ изъ пьесъ. Въ труппѣ своей онъ вводилъ монастырскую дисциплину, требовалъ величайшей благопристойности на сценѣ, такъ чтобы актеръ во время игры никогда не могъ коснуться актрисы, находился бы всегда отъ нея не менѣе какъ на аршинъ, а когда она должна была падать въ обморокъ, только примѣрно поддерживать ее.

Вся княжеская театральная труппа помѣщалась въ особомъ, довольно большомъ деревянномъ домѣ, позади театра. Домъ этотъ былъ раздѣленъ на двѣ половины—мужскую и женскую, всякое сообщеніе которыхъ другъ съ другомъ было строжайше княземъ воспрещено, подъ страхомъ неминуемаго тяжкаго наказанія. За всѣ провинности артистовъ противъ теа-

¹⁾ «Оленька, или первоначальная любовь», Село Ясное, 1796 г.—авторъ ея сенаторъ, князь Бѣлосельскій (1752—1809 г.). Въ бытность посланникомъ въ Туринѣ, онъ написалъ еще три книги на французскомъ языкѣ: 1) «Circée cantate», 1792; 2) «De la musique en Italie», à Hague, 1778; 3) «Poésie française d'un prince étranger», Paris, 1789.

тральной нравственности тотчас же творились наказанія, въ родѣ такъ называемыхъ «рогатокъ»; на примѣръ, героя въ родѣ Эдипа ставили на болѣе или менѣе продолжительное время, смотря по степени вины, посреди комнаты и подпирали его въ шею тремя рогатками. Для музыкантовъ существовалъ особый родъ исправленія, въ видѣ стула, съ прикованной къ нему желѣзною цѣпью, съ ошейникомъ: провинившагося сажали на такой стулъ, надѣвали на него ошейникъ и въ такомъ положеніи несчастный свободный артистъ обреченъ былъ иногда находиться по цѣлымъ днямъ; кромѣ этихъ специальныхъ мѣръ, еще общою мѣрою были розги и палки. Зоркимъ аргусомъ чистоты нравовъ театральнаго дѣла была приближенная князю г-жа Заразина, имѣвшая обязанностью подавлять въ самомъ началѣ малѣйшее проявленіе эротическихъ наклонностей княжеской труппы не только въ домѣ, но и на сценѣ.

Всѣхъ актеровъ въ труппѣ князя ¹⁾ было болѣе ста человекъ, изъ которыхъ лучшими считались И. Залѣскій (трагедія и драма), Я. Завидовъ (драма), соединявшій съ драматическимъ талантомъ еще способности пѣвца-баритона, музыканта, композитора и балетмейстера; А. Вышеславцевъ (водевиль) и, кромѣ того, теноръ; Андрей Ершовъ, комикъ и пѣвецъ баритонъ; Д. Завидова и Н. Шунова (драма), А. Залѣская, Т. Стрѣлкова, Ф. Вышеславцевъ (комедія). Но главнымъ украшеніемъ его сцены были: пѣвица Роза и Поляковъ, который болѣе былъ извѣстенъ подъ именемъ «Миная»; онъ постоянно приводилъ публику въ восторгъ, особенно въ роляхъ Богатонова (Провинціалъ въ столицѣ), портного Фибса (Опасное сосѣдство) и т. д. Театръ Шаховского по архитектурѣ былъ незатѣйливъ, хотя довольно помѣстителенъ: въ немъ было 27 ложъ, до 50 креселъ, партеръ на 100 человекъ и галерея на 200 человекъ. Когда князь содержалъ театръ въ Нижнемъ, — какъ говоритъ Вигель, — изъ прибыли, то у него изъ экономическихъ видовъ освѣщалась одна сцена, въ партерѣ можно было играть въ жмурки, а въ ложахъ, чтобы рассмотреть другъ друга въ лицо, каждый привозилъ съ собою кто восковую, кто сальную свѣчку, а иные даже лампы.

Въ деревнѣ князя, въ видѣ публики, сгонялись въ театръ крестьяне по наряду и «отбывали эту повинность бездоимочно», такъ какъ тому, кто бывалъ въ театрѣ, кромѣ удовольствія поглазѣть и поохотать, доставалась еще чарка княжеской водки.

Нижегородскій театръ князя Шаховского, на которомъ играли его холопи, описываетъ князь И. Мих. Долгорукой ²⁾ такъ: «Какого жи-

¹⁾ Подробности о труппѣ князя можно найти въ книгѣ Гацискаго: «Нижегородскій театръ»; затѣмъ въ «Воспоминаніяхъ» Ф. Вигеля, у Храмцовскаго: «Нижегородскій театръ», «Пантеонъ», 1846 г. Съ романтическими прикрасами въ драмѣ П. Боборыкина «Большія хоромы» и въ романѣ г. Михайлова «Шерелетныя птицы».

²⁾ Описаніе это относится къ 1813 году.

дать дарованія отъ раба неключимаго, котораго можно и высѣчь и въ стулъ посадить по одному произволу? Слѣдовательно, и толпа его актеровъ, которыхъ очень много, играетъ точно такъ, какъ волъ везетъ тягость, когда его черкасъ прутомъ гонить. Я не восхожу къ причинамъ, отчего крѣпостной человѣкъ не можетъ имѣть превосходнаго таланта. Скажу только просто, что зрѣлища театральныя весьма хороши въ Нижнемъ для людей сего разряда, но, назвавши ихъ актерами, почти нельзя безъ отвращенія смотрѣть на ихъ тѣлодвиженія: они не играютъ, а, такъ сказать площаднымъ словомъ, кривляются; но повторимъ, что для холопей и это больше, нежели чаять должно». По словамъ Долгорукова, въ Нижнемъ существуетъ хорошій постоянный театръ, но князь Шаховской всякій годъ еще ставитъ на скорую руку для театра дощатый сарай на ярмаркѣ и на весь июль привозитъ свою труппу. Тамъ она отличается ежедневно всякій вечеръ: въ 8 часовъ комедія, и всѣ мѣста заняты; они раздѣляются на ложи и кресла. Рукоплесканія не умолкаютъ; послѣ представленія вызываютъ на сцену всѣхъ актеровъ по очереди, потому что каждый изъ нихъ, особливо пригожія дѣвки, кому нибудь изъ зрителей понравятся. Самолюбіе содержателя въ превеликомъ торжествѣ, за которымъ слѣдуетъ и значительный прібытокъ. Цѣна за входъ московская, декораціи изрядны, по крайности не отвратительны. Одѣяніе, хотя не всегда сообразно съ характеромъ пьесы, однако бредеть. Оркестръ княжой изъ его же людей и слуху не противенъ. Освѣщеніе всего хуже потому, что вездѣ горитъ сало и обоняніе терпитъ. Про постоянный нижегородскій театръ онъ говоритъ слѣдующее: «Здѣсь даются представленія отъ сентября мѣсяца до Макарьевской ярмарки три раза въ недѣлю. Ложи въ театрѣ въ два ряда и надъ ними нѣсколько лавокъ для партера. Этотъ порядокъ не такой, какъ въ другихъ театрахъ, гдѣ партеръ за креслами, имѣетъ свою разумную причину: во-первыхъ, сцена освѣщается саломъ и слишкомъ близка къ зрителямъ, и потому чѣмъ далѣе въ глубинѣ сидишь театра, тѣмъ меньше страждетъ обоняніе и болѣе удовлетворяется оптика. Оттѣнки сіи гораздо чувствительнѣе для людей благородныхъ, нежели для нижегородскихъ рядовичей и подъячихъ, коими наполняется партеръ для усиленія дохода. Кресла очень сжаты, и это нѣсколько тѣснитъ зрителя. Ложи и кресла разбираются погодно, театръ полонъ, публика очень любитъ эту забаву; актеры иногда играютъ лучше, иногда хуже, но почти всегда только что сносно; призракъ соблюденъ по возможности, комическій актеръ одинъ удачно отправляетъ свое мастерство и весьма нравится жителямъ. Они часто его выкликаютъ и бьютъ въ ладоши съ восхищеніемъ. Изъ актрисъ трудно какую нибудь замѣтить. Одѣты всегда хорошо, прилично, согласно съ характерами своихъ ролей. Мѣщанку не увидишь на театрѣ въ левантинѣ съ шлейфомъ, или даму благородную въ стамедной робѣ, какъ иногда и не въ Нижнемъ примѣчать удавалось». Говоря дальше объ этомъ театрѣ, онъ

добавляеть, что репертуаръ пьесъ былъ почти одинъ и тотъ же: такъ, иныя комедіи такъ часто повторяются въ зиму, что, кромѣ свиданія съ людьми, почти нѣтъ причины для самой комедіи пріѣзжать въ театръ. Князю Долгорукому пришлось здѣсь увидать представленіе своей оперы «Любовное волшебство»; самъ авторъ называетъ ее нелѣпницей. Онъ ее и не думалъ никогда отдавать на сцену. «Къ особому моему счастью, или несчастью», говоритъ онъ, «моя опера попалась въ руки князя Шаховского; онъ ее и соизволилъ изуродовать вдесять». Опера полюбилась и ее стали играть каждый день; самому автору Шаховской прислать раскрашенный билетъ съ разными атрибутами и надписью: «Для входа въ нижегородскій театръ вездѣ». Вотъ какъ описываетъ Долгоруковъ представленіе своей оперы: «Занавѣсъ поднялся. Начали актеры «трелюдиться», и все пошло навыворотъ. На сценѣ представленъ сѣнокосъ, косцы поютъ хоръ. Тутъ я увидѣлъ мажъ на дощечкахъ, который мужики пощипали и вынесли его съ досками вонъ. По этому началу оставалось стгадивать и послѣдствіе. Недурна, думалъ я, — выдумка театральнoй дирекціи. Музыкальные инструменты не поспѣвали переливать музыкальныя трели, актеры волновались поминутно. Музыканты упирались всей бородой въ скрипку и, трясая смычкомъ какъ плетью, насилу догоняли капельмейстера, который какъ въ набатъ ударялъ своимъ ковшомъ на наложникъ для такты. Суфлеръ въ поту ежеминутно кричалъ: «мѣняй декорацію!» а машинистъ въ мылѣ, какъ почтовая лошадь, не зная, куда бѣжать напередъ, чтобы или лѣсъ спрятать, или опять его выставить. Буфа, который игралъ роль весельчака, забавлялъ чрезвычайно своими тѣлодвиженіями; словомъ, экзекуція соотвѣтствовала произведенію. Волшебство внезапное въ чертогѣ, гдѣ садилась Венера и амуръ на изумрудной престолъ, произошло отлично, и машинисту можно было дать на водку за труды. Публика любовалась на зрѣлище съ восторгомъ, и моя опера не несчастлива въ Нижнемъ, и ее долго будутъ играть здѣсь, и дай, Аполлонъ, моему театральному подкидышу много лѣтъ здравствовать! Чувствительно благодарю князя Шаховского за его ко мнѣ вниманіе и ласку; я, пріѣхавши домой, отъ всего сердца хохоталъ надъ собой, какъ сочинителемъ, и надъ моими тиранами, которые открыли необыкновенный опытъ изъ дурацкаго произведенія сдѣлать еще нѣчто глупѣе, и подъ названіемъ оперы представлять изумленному зрителю такую сумятицу, во время которой никому ни изъ движущихся, ни изъ сидящихъ тварей, образумиться нельзя на одну минуту. То-то хорошо! браво-брависсимо!!»

Этотъ Шаховской вмѣстѣ со своимъ братомъ выведеть княземъ А. Шаховскимъ въ комедіи «Полубарскія затѣи». По смерти князя, въ 1827 г., его театры со всѣмъ гардеробомъ и всѣми принадлежностями, какъ и домами, гдѣ жили актеры, купили за 100,000 рублей у наслѣдниковъ князя гг. Распутинъ и Климовъ. Покупщики поставили актерамъ и

актрисамъ¹⁾ въ обязанность, по полученіи отъ нихъ вольныхъ, играть на нижегородскомъ театрѣ десять лѣтъ. Труппа Шаховского въ Нижнемѣ просуществовала до 1839 года.

Въ концѣ прошлаго столѣтія, въ Алатырскомъ уѣздѣ, была еще труппа князя Грузинскаго; здѣсь особенно процвѣтали балеты, оперетты, пасторали. Вотъ разсказъ про эти представленія бывшаго двороваго: «Когда занавѣсъ поднимется, выдетъ съ боку красавица Дуныша—ткача дочь, волосы наверхъ подобраны, напудрены, цвѣтами изукрашены, на щекахъ мушки налѣплены, сама въ помпадурѣ на фижмахъ, въ рукѣ посохъ пастушечій съ алыми и голубыми лентами. Станетъ князя виршами поздравлять, и когда Дуня отчитаетъ, Параша подойдетъ, псаря дочь. Эта пастушкой наряжена, въ пудрѣ, въ штанахъ и въ камзолѣ. И станутъ Параша съ Дунькой виршами про любовь да про овечекъ разговаривать, сядутъ рядкомъ и обнимутся. Недѣли по четыре дѣвокъ, бывало, тѣмъ виршамъ съ голосу Семенъ Титычъ сочинитель училъ, были неграмотны. Долго, бывало, маются, сердечныя, да какъ разъ пятокъ ихъ для понятія выдерутъ, выучатъ твердо.

«Андрюшку-поваренка сверху на веревкахъ спустятъ, бога Феба онъ представляетъ, въ аломъ кафтанѣ, въ голубыхъ штанахъ, съ золотыми блестками. Въ рукѣ доска прорѣзная, золотой бумагой оклеена, прозывается лирой, вокругъ головы у Андрюшки золоченныя проволоки натяканы, въ родѣ сіянія. Съ Андрюшкой девять дѣвокъ на веревкахъ, бывало, спустятъ; напудрены всѣ, въ бѣлыхъ робронахъ; у каждой въ рукахъ нужная вещь: у одной скрипка, у другой святочная харя, у третьей зрительная труба. Подъ музыку стихи пропоютъ, князю вѣнокъ подадутъ, и такой пасторалью всѣ утѣшены. Князь велитъ позвать сочинителя Семена Титыча, чтобъ подарокъ пожаловать, но никогда его привести было невозможно. Каждый разъ не годился и въ своей горницѣ за замкомъ на привязи сидѣлъ. Неспокоенъ во хмѣлю бывалъ»...

Въ Симбирскѣ, въ концѣ прошлаго столѣтія, существовали двѣ труппы крѣпостныхъ актеровъ: Татищевская и Ермоловская. Обѣ были незамѣчательныя.

Въ Казани извѣстна была труппа Петр. Вас. Есипова. Последній, старый холостякъ, угощалъ своихъ друзей, помимо театральныхъ представленій, еще вакханаліями съ крѣпостными актрисами. Ф. Вигель говоритъ, что онъ былъ одинъ изъ тѣхъ русскихъ дворянъ, ушибенныхъ театромъ, которые имъ же потомъ лечились (онъ впоследствии содержалъ публичный театръ въ Казани). Обѣдъ у этого помѣщика описываетъ Вигель такъ: «Я крайне удивился, увидѣвъ у него съ дюжину довольно нарядныхъ женщинъ. Я зналъ, что дамы его не посѣщаютъ — это все были Тени, Матрешы, Ариши, крѣпостныя актрисы хозяйской труппы;

¹⁾ Всѣхъ артистовъ съ дѣтьми было 96 человекъ.

я еще болѣе изумился, когда онѣ пошли съ нами къ столу и когда, въ противность тогдашняго обычая, чтобы женщины садились все на одной сторонѣ, онѣ размѣстились между нами такъ, что я очутился промежь двухъ красавиць... На другомъ концѣ стола сидѣли, — можно ли повѣрить? — авторы и музыканты Есипова, т. е. его слуги, которые смѣнялись, вставали изъ-за стола, служили намъ и потомъ опять за него садились... Послѣ обѣда все они наряжались и готовились потѣшить насъ оперой «Cosa rara», или «Рѣдкая вещь»... Играли и пѣли они, какъ и все тогдашніе провинціальныя актеры, «не хуже не лучше».

Когда Есиповъ уже держалъ публичный театръ въ Казани, то въ немъ произошло слѣдующее событіе, характеризующее тогдашнія понятія и религіозное направленіе казанскихъ татаръ¹⁾. Есиповъ поставилъ однажды на сцену трагедію «Магометъ»; въ театрѣ было много татаръ. Едва увидѣли они на сценѣ чалму Магомета и произнесено было имя его, между ними началось смятеніе: съ криками: «алла!» Одни бѣжали изъ театра; другіе, люди болѣе простые, вообразили настоящаго Магомета, который пришелъ для укоризны ихъ за посѣщеніе иновѣрнаго собранія; они падали ницъ и сбрасывали свои туфли, тоже съ криками: «алла!» Съ этого времени татары долго не посѣщали театра.

Аксаковъ, въ своихъ воспоминаніяхъ, рассказывая романтическую исторію Оеклуши, крѣпостной актрисы Есипова, говоритъ, что онъ первый образовалъ въ Казани театръ; послѣднее обстоятельство невѣрно: уже въ 1728 году въ Казани начались драматическія представленія въ архіерейской школѣ, и затѣмъ открытая въ Казани гимназія начала конкурировать въ драматическихъ представленіяхъ съ семинаріей.

При утвержденіи новаго штата гимназіи, въ 1760 году, кураторъ Московскаго университета Шуваловъ предписалъ директору гимназіи Вережкину достойнымъ образомъ отпраздновать эту милость императрицы Елисаветы. Верекинъ устроилъ обѣдъ на 117 человекъ, благодарственный молебень, и послѣ обѣда представлена была комедія Мольера «Школа мужей». Верекинъ, описывая это торжество Шувалову, говоритъ: «Вотъ въ Татаріи Мольеръ уже извѣстенъ». Позднѣ Екатерина II поручила губернатору Квашнину-Самарину содѣйствовать въ гимназіи устройству театральныхъ представленій. Въ 1791 году губернаторъ князь Баратаевъ устроилъ подъ управленіемъ приглашеннаго въ Казань придворнаго актера Бобровскаго постоянный театръ.

Театръ Есипова существовалъ въ Казани по 1814 годъ; актеры Есипова были: Федоръ Львовъ—герой и первый любовникъ; Михайло Калмыковъ—главный комикъ; Николай Комаковъ—буфъ-арлекинъ; Анисья Комакова—любовница въ драмахъ и комедіяхъ; Оекла Аникіева—первый

¹⁾ См. «Указатель историческихъ достопримѣчательностей гор. Казани» С. М. Шпилевскаго, Казань, 1873 г.

талантъ на роли первыхъ любовницъ въ трагедіяхъ, драмахъ, комедіяхъ и операхъ; Марѳа Аникіева — молодая любовница, предпочтительно въ операхъ. Главные наемные актеры были: г. Волковъ—режиссеръ и театральнй utilité на всякія роли; г. Грузиновъ на роли благородныхъ отцовъ; г. Расторгуевъ на роли молодыхъ любовниковъ, повѣсь и весельчаковъ; г. Прытковъ на роли слугъ.

О существовавшемъ въ 1810 году крѣпостномъ театрѣ въ Полтавѣ мы находимъ небольшую замѣтку въ путешествіи князя И. М. Долгорукова въ Одессу. Вотъ что онъ говоритъ о немъ: «Мы взяли билеты и вошли; давали «Мѣщанина во дворянствѣ». Двухъ актеровъ нѣтъ, которые бы однимъ нарѣчіемъ говорили: кто по-русски, кто по-черкасски, кто по-малороссійски, иной и по-польски. Смѣшеніе языковъ полное! Никакой взаимности въ общихъ вниманіяхъ: одинъ говоритъ, другой, отворотясь, шепчетъ про себя свою роль, чтобъ не забыть того, чего слѣдуетъ. Что за актрисы! Какое платьишко! Какія тѣлодвиженія! Куклы на ниткѣ не такъ надоѣдаютъ, какъ эти живыя машины. Сперва я досадовалъ, тужилъ, негодовалъ, наконецъ, рассудилъ хохотать и умеръ было со смѣха! Говорятъ, что гдѣ-то актеры, подобные имъ, берутъ съ зрителей деньги не за входъ, а за выходъ: не худо бы имъ перенять этотъ образъ контрибуціи, они бы вѣрно большой доходъ получили, потому что въ сарай къ нимъ набилось пропасть народу. Духота была страшная, воздухъ самый крѣпкій, можно бы, я думаю, впотьмахъ зажечь свѣчку; такой былъ паръ отъ любителей театра! Освѣщеніе къ тому же самое смрадное: ежеминутная копоть; креслы безъ дна, стулья безъ спинокъ. Представьте, что бы каждый изъ насъ заплатилъ за то только, чтобъ выпустить на чистый воздухъ. Вышедъ оттуда, я былъ счастливѣе узника, который почувалъ свободу».

Въ городѣ Орлѣ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, существовалъ публичный театръ Сер. Мих. Каменскаго¹⁾, сына фельдмаршала. Театръ съ домогъ, гдѣ жилъ графъ и всѣ его крѣпостные актеры, машинисты, декораторы и музыканты, занималъ огромный четырехугольникъ на Соборной площади. Строенія были всѣ одно-этажныя, деревянныя, съ колоннами; внутренняя отдѣлка театра была недурная—съ двумя ярусами ложъ, съ райкомъ на верху, нумерованными креслами и т. д. Для графа была устроена особая ложа и къ ней примыкала галерея, гдѣ обыкновенно сидѣли такъ называемыя пансіонерки—дворовыя дѣвушки, готовившіяся въ танцовщицы и актрисы. Для нихъ было обязательно посѣщеніе те-

¹⁾ При составленіи статьи о театрѣ Каменскаго, мы пользовались разсказами орловскихъ старожилковъ: князя Д. М. Сонцова-Засѣкина, И. О. Мацнева и затѣмъ записками графа М. Д. Бутурлина (см. «Русскій Архивъ» 1869 г., стр. 1707), записками И. С. Жиркевича (см. «Русская Старина» 1875 г., стр. 572) и неизданными имѣющимися въ нашемъ распоряженіи записками бывшаго редактора журнала «Другъ Россіянъ», издававшегося въ Орлѣ въ 1817 году г. Ошменцомъ.

атра; графъ требовалъ, чтобы на другой день каждая изъ нихъ продекламировала какойнибудь монологъ изъ представленной пьесы или протанцовала бы вчерашній «па». Въ ложѣ передъ графомъ на столѣ лежала книга, куда онъ собственноручно вписывалъ замѣченныя имъ на сценѣ ошибки или упущенія, а сзади его, на стѣнѣ, висѣло нѣсколько плетокъ и послѣ всякаго акта онъ ходилъ за кулисы и тамъ дѣлалъ свои расчеты съ виновными, вопли которыхъ иногда долетали до слуха зрителей. Онъ требовалъ отъ актеровъ, чтобы роль была заучена слово въ слово, говорили бы безъ суфлера и бѣда была тому, кто запнется; но собственно объ игрѣ актера графъ мало хлопоталъ. Иногда сходить съ кресла, которыя для него были въ первомъ ряду. Во второмъ ряду, тотчасъ же за нимъ, сидѣла его мать и съ нею двѣ его дочери, а позади матери, въ третьемъ ряду, г-жа Курилова, любовница графа съ огромнымъ его портретомъ на груди¹⁾. Въ антрактахъ публикѣ въ креслахъ разносили моченныя яблоки и груши, изрѣдка пастилу, но чаще всего вареный превкусный медъ. Публика всегда собиралась во множествѣ, но не изъ высшаго круга, которая только прїѣзжала съ компаніей ради смѣха надъ актерами. Разъ посѣтилъ театръ корпусный командиръ баронъ Корфъ вмѣстѣ съ дамами. Графъ Каменскій замѣтилъ ихъ насмѣшки, велѣлъ потушить всѣ лампы, кромѣ одной, и началъ въ залѣ запахомъ масла. Прислуга при театрѣ была въ ливрейныхъ фракахъ съ красными, синими и бѣлыми воротниками. Билеты для входа графъ продавалъ и раздавалъ самъ лично, сидя у кассы съ своимъ Георгіевскимъ крестомъ 2-й степени. Шалуны того времени платили графу за ложи мѣдными деньгами, которыя пересчитывать ему иногда приходилось по получасу и больше.

Репертуаръ пьесъ, даваемыхъ на театрѣ, былъ самый разнообразный: ставили комедіи, трагедіи, оперы и балеты²⁾. Музыкантовъ было два хора—бальный и роговой, каждый изъ 40 человекъ, одѣтыхъ въ военную форменную одежду. Какъ актеры, такъ и остальная часть дворни жила на военномъ положеніи, на пайкахъ, на общемъ столѣ, собирались на обѣдъ и расходились по барабану съ волторной и за столомъ никто

¹⁾ Если г-жа Курилова навлекла чѣмънибудь на себя неудовольствіе графа, то портретъ этотъ отъ нея отбирался, и на мѣсто его давался другой, точно также отдѣланный, но на которомъ лица не было видно, но виднѣлась одна спина; портретъ этотъ вѣшался ей тоже на спину, и въ такомъ видѣ на соблазнъ всѣмъ должна была показываться всюду. Кромѣ этого наказанія, назначалось и другое, несравненно жесточе: въ квартиру Куриловой ставилась смѣна дворовыхъ людей подъ командой урядника, которая каждыя $\frac{1}{4}$ часа входила къ ней и говорила ей: «Грѣшно, Акулина Васильевна. Разсердили батюшку графа, молитесь». И бѣдная женщина должна была сейчасъ класть поклоны, такъ что ей приходилось не спать и по ночамъ даже не вставать съ поклоновъ.

²⁾ Такъ, находимъ въ «Другѣ Россіянъ», что театръ графа Каменскаго, въ 1817 году, съ начала своего открытія по 28-е іюля (за полгода) представилъ къ увеселенію публики 82 пьесы, изъ коихъ было 18 оперъ, 15 драмъ, 41 комедія, 6 балетовъ и 2 трагедіи.

не смѣть сидя ѣсть, а непремѣнно стоя, по замѣчанію графа «что такъ будешь ѣсть до-сыта, а не до безчувствія». Пьесы на театрѣ часто мѣнялись и ставились иногда болѣе чѣмъ роскошно; такъ, въ «Калифѣ Багдадскомъ» бархату, шелку, турецкихъ шалей и страусовыхъ перьевъ было болѣе чѣмъ на 30,000 рублей.

Главные персонажи труппы Каменскаго были: гг. Барсовъ, Соколовъ, Жбановъ, Протасовъ, Миняевъ, Ремизовъ, Щитовъ, Кравченко, двѣ сестры Кобазины, Рычкова, большая Козакова, Кузьмина, Цвѣткова, Краснова, Кубышкина, Олешева и многіе другіе.

Выписываемъ качества актрисъ и актеровъ изъ имѣющейсѣ у насъ рукописи: первый Барсовъ, въ чинѣ губернскаго секретаря, былъ вольноотпущенный графа и состоялъ режиссеромъ труппы; Кузьмина, по словамъ рукописи, своими отличными дарованіями, приобрѣвшая особенное вниманіе орловской публики, справедливое имѣетъ предъ прочими своими компаніонками преимущество въ трагедіяхъ и драмахъ; плѣнительныя она чувства представляетъ на подобіе славной «Мантуани». Въ операхъ она является съ великолѣпіемъ и улыбкою неподражаемой «Замбони» (извѣстная того времени итальянская пѣвица), а въ комедіяхъ, по своей ловкости и веселости, кажется быть другая Кетнеръ.

Кожевникова, послѣ Кузьминой, достойна имѣть первое мѣсто. Она весьма способна къ представленію великихъ и важныхъ лицъ. Въ роли богини, царицы и госпожи Кожевникова весьма привлекательна, чувствительна, исполнена величія и пріятности.

Цвѣткова не только въ комическихъ, но даже и въ трагическихъ роляхъ весьма удачно и счастливо выдерживаетъ свой характеръ. Какъ натурально она представляетъ или простосердечіе доброй женщины, или капризы злобной и вѣтренной женщины, или же крикъ, плачь и обморокъ.

Большая Козакова, въ комическихъ роляхъ, кажется, имѣетъ большія дарованія: ея ловкость, притворство и веселый характеръ не можетъ не нравиться публикѣ.

Рычкова довольно пріятна въ представленіяхъ невинной дѣвицы и ловкой служанки. Въ балетахъ она, кажется, превосходитъ другихъ танцовщицъ своими дарованіями.

Краснова въ представленіяхъ деревенской дѣвицы въ оперѣ «Ягъ и посидѣлки» умѣла соединить пріятность голоса и плѣнительную наружность съ невинностью и скромностью, приличною поселянкѣ.

Олешева весьма утѣшительна и весела въ своихъ представленіяхъ. Въ «Филаткиной свадьбѣ» можно было видѣть великую ея способность къ комическимъ ролямъ.

Степанова, при своей развивающейсѣ способности къ нѣжнымъ и чувствительнымъ представленіямъ, обнадѣживаетъ публику скорымъ приведеніемъ своихъ дарованій въ лучшее совершенство.

Ремизова въ роли служанокъ и деревенскихъ дѣвиць весьма хорошія имѣеть способности.

Лыгова къ комическимъ представленіямъ весьма способна, ловка, проворна и смѣла.

Кубышкина въ оперѣ «Дѣвишникъ и крестьяне» довольно удачно и пріятно явилась передъ публикою въ роли Параша и Вари, и т. д.

Далѣе находимъ извѣстіе и про искусство крѣпостныхъ актеровъ театра Каменскаго, таланты которыхъ у всѣхъ «коннессеровъ» театра заслуживаютъ всеобщее одобреніе. Такъ говорится, что игра актера Барсова въ трагедіи «Коварство и любовь» довершила весьма чувствительную картину, извлекающую слезы у зрителей; актеръ Городецкій «умѣлъ вынести весьма удачно чрезвычайныя терзанія», а Протасовъ хорошо «представилъ коварнаго интриганта». Въ драмѣ «Юлія» появленіе г. Барсова, его терзанія и любовь къ дочери плѣняли публику до слезъ.

Протасовъ въ комедіи «Ботъ» превосходно изобразилъ характеръ грубо нравнаго и добродѣтельнаго англійскаго купца, а Жбановъ въ роли полковника заставилъ насъ имѣть надежду, что незадолго будемъ въ немъ видѣть не посредственнаго актера. Въ трагедіи «Леаръ» («Король Лиръ»), соч. Шекспира, г. Барсовъ оказалъ свои отличныя дарованія въ трогательной роли древняго англійскаго короля Леара; Кузьмина — въ любезной и чувствительной его дочери Корделіи; г. Соколова и Миняева — въ плѣнительныхъ роляхъ приверженнаго къ несчастному царю вельможи и геройскаго его сына, и т. д. Въ оперѣ «Ямъ» восхищалась орловская публика музыкою Каменскаго и пріятнымъ пѣніемъ его актеровъ Кравченко, Леженка и Жбанова; въ этой оперѣ забавно отыграли актеръ Широковъ безобразнаго Филатку, и т. д.

По словамъ графа М. Д. Бутурлина, всѣ пѣвцы и танцоры, восхваляемые неизвѣстнымъ авторомъ записокъ, были ниже всякой посредственности; вотъ что онъ рассказываетъ про этого хваленаго перваго тенора Кравченко: «Онъ былъ на сценѣ чистый холопъ, пѣлъ столько же носомъ, сколько горломъ, не разставаясь никогда съ носовымъ платкомъ, который онъ комкалъ въ рукахъ и въ который поминутно плевалъ». Второй, будто бы, теноръ Миняевъ болѣе шевелилъ губами и махалъ руками, нежели выпускалъ звуки изъ устъ, и потому трудно было опредѣлить, къ какой категоріи принадлежалъ его голосъ. Чего либо похожаго на басъ въ труппѣ не было, хотя лица, предназначенныя для басовыхъ партицій, силились ревѣть брюхомъ. Дворовая дѣвка, дурнолицая примадонна, обладала пронзительнымъ пискливымъ голосомъ, была высокаго роста и имѣла также свой особенный шикъ, состоявшій въ почти непрерывномъ поворачиваніи головы къ одному плечу. Въ балетахъ особенно былъ хорошъ первый танцоръ Васильевъ, росту необыкновенно высокаго, въ тѣлесно-цвѣтномъ трико, съ плохообритою бородою,

пускавшійся въ граціозныя позы. Когда онъ совершалъ прыжки, называемые антрапа, голова его уходила почти въ облака сцены.

Изъ балетовъ на сценѣ графа шли: «Амуровы шутки», «Необитаемый островъ» съ морскими сраженіями, кораблекрушеніемъ и громовыми ударами, «Русскія пляски», «Сельскія увеселенія» и разные дивертисементы; изъ оперъ давали: «Діанино древо» съ мифологическимъ костюмомъ, «Коза рара, или Рѣдкая вещь» съ испанскимъ костюмомъ бабы-яги, «Три брата горбуны» съ турецкимъ костюмомъ, «Трубочистъ» и другія. Театральныя декораціи, по словамъ панегириста театра Каменскаго, бывали украшены проспектами городовъ, деревень, острововъ, крѣпостей, замковъ, роцъ, садовъ, полей, лѣсовъ, горъ, моря и кораблей; при лучезарномъ солнцѣ, свѣтлой лунѣ, громахъ и молніяхъ, пальбахъ, кораблекрушеніяхъ и сраженіяхъ на сценѣ являлись: цари, царицы, герои, князья, графини и крестьянки, воины, граждане и купцы, ремесленники и поселяне, также философы и сочинители, профессора и доктора, судьи, приказные и полиціанты. Кромѣ обыкновенныхъ костюмовъ російскихъ, французскихъ, англійскихъ, случалось видѣть древніе костюмы, а также и мифологическіе великолѣпные, и т. д.

Гр. Каменскій имѣлъ болѣе 7,000 душъ крестьянъ, но, когда онъ умеръ, буквально нечѣмъ было похоронить его: отъ громаднаго состоянія ничего не осталось, все богатство пошло на театръ.

Точно такое же колоссальное богатство прожилъ на балетъ рязанскій помѣщикъ Ржевскій; онъ болѣе чѣмъ до страсти былъ преданъ хореографическому искусству; въ богатомъ его домѣ въ Москвѣ, на Никитской, былъ сдѣланъ роскошный театръ, здѣсь у него была также устроена танцевальная школа, гдѣ и образовывались изъ дворовыхъ дѣвокъ и парней будущіе жрецы и жрицы Терпсихоры; изъ его труппы поступили на московскую балетную сцену талантливыя солистки: Ситникова, Харламова, двѣ сестры Михайловы, Карасева и многія другія. Про него, кажется, находимъ намекъ у Грибоѣдова «на крѣпостной балетъ», и т. д.

До 1806 года, на московскомъ императорскомъ театрѣ (Петровскомъ) почти вся труппа, за небольшимъ исключеніемъ, состояла изъ крѣпостныхъ актеровъ Ал. Емел. Столыпина. Этихъ артистовъ на театральныя афишахъ отличали отъ свободныхъ артистовъ тѣмъ, что не удостоивали прибавлять къ ихъ фамиліи букву Г., т. е. господинъ или госпожа ¹⁾).

Въ 1806 году эти бѣдняки услышали, что ихъ помѣщикъ намѣревается ихъ продать; они выбрали изъ своей среды старшину Венедикта Баранова, который отъ лица всѣхъ актеровъ и музыкантовъ подалъ 30-го августа на имя государя прошеніе: «Всемиловѣйшій государь!—

¹⁾ По словамъ Жихарева (см. «Дневникъ студента»), съ ними тогда неособенно церемонились, и если они зашибались, то дѣлали выговоръ особаго рода.

говорилъ онъ въ немъ,—слезы несчастныхъ никогда не отвергались милосерднѣйшимъ отцомъ, неужель божественная его душа не внемлетъ стону нашему. Узнавъ, что господинъ нашъ Алексѣй Емельяновичъ Столыпинъ насъ продаетъ, осмѣлились пасть къ стопамъ милосерднѣйшаго государя и молить, да щедрота его искупить насъ и дать новую жизнь тѣмъ, кои имѣютъ уже счастье находиться въ императорской службѣ при московскомъ театрѣ. Благодарность услышана будетъ Создателемъ вселенной и Онъ воздастъ спасителю ихъ». Просьба эта черезъ статсъ-секретаря князя Голицына была препровождена къ оберъ-камергеру Александру Львовичу Нарышкину, который вмѣстѣ съ ней представилъ государю слѣдующее объясненіе: «Г. Столыпинъ находящюся при московскомъ вашего императорскаго величества театрѣ труппу актеровъ и актрисъ, и музыкантовъ, состоящіе съ дѣтьми ихъ изъ 74 человекъ, продаетъ за сорокъ двѣ тысячи рублей. Умѣренность цѣны за людей образованныхъ въ своемъ искусствѣ, польза и самая необходимость театра, въ случаѣ отобранія оныхъ, могущаго затрудниться въ отысканіи и долженствующаго за великое жалованье собирать таковое количество нужныхъ для него людей, коими паче актрисъ, никогда со стороны не поступающихъ, требуютъ непремѣнной покупки оныхъ.

«Всемилоостивѣйшій государь! По долгу званія моего, съ одной стороны, наблюдая выгоды казны и предотвращая немалые убытки театра, отъ приѣма за несравненно большее жалованье произойти имѣющія, а съ другой, убѣждаясь челоуѣколюбіемъ и просьбою всей труппы, обѣщающей всѣми силами жертвовать въ пользу службы, осмѣливаюсь всеподданнѣйше представить милосердію вашего императорскаго величества жребій столь немалаго числа нужныхъ для театра людей, которымъ со свободою отъ руки монаршей даруется новая жизнь и способы усовершенять свои таланты, и испрашивать какъ соизволенія на покупку оныхъ, такъ и отпуска означеннаго количества денегъ, котораго ежели не благоволено будетъ принять на счетъ казны, то хотя на счетъ московскаго театра съ вычетомъ изъ суммы, ежегодно на оной отпускаемой.

«Подписалъ оберъ-камергеръ Нарышкинъ. 13-сентября 1806 года».

Бумага эта была докладована государю 25-го сентября 1806 года. Его величество, находя, что просимая г. Столыпиннымъ цѣна весьма велика, повелѣлъ г. директору театровъ склонить продавца на умѣренную цѣну.

Столыпинъ уступилъ десять тысячъ, и актеры, по высочайшему повелѣнію, были куплены за 32,000 рублей.

Изъ купленныхъ актеровъ были въ свое время извѣстны слѣдующіе ¹⁾: Кураевъ, Іовъ Прокофьевичъ—очень талантливый комикъ-буффъ;

¹⁾ Гораздо ранѣе (въ 1793 году) изъ Столыпинской труппы была извѣстна очень талантливая актриса «Варенька»; она векорѣ вышла замужъ за извѣстнаго литератора того времени Н. И. Стрхова, издателя «Сатирическаго Вѣстника».

А. И. Касаткинъ—пѣвецъ и актеръ такого же амплуа; Як. Як. Соколовъ, молодой пѣвецъ-теноръ, замѣчательнъ былъ въ оперѣ «Иосифъ» и въ «Водовозѣ»; Лисицинъ, любимецъ райка, — какъ говорилъ Жихаревъ, — гримаса въ разговорѣ, гримаса въ движеніи, представлялъ роли дураковъ; Кавалеровъ игралъ роли слугъ; актрисы: Баранчеева—на роляхъ благородныхъ матерей и большихъ барынь въ драмахъ и комедіяхъ; Караневичева, по словамъ Жихарева, роли молодыхъ любовницъ превращала въ старыхъ; Носова, водевильная актриса, съ превосходнымъ голосомъ, чистая натура; Бутенброкъ—недурная пѣвица; сестра ея Лисицина играла роли старухъ — обѣ были очень талантливыя актрисы. Последняя выдвинулась случайно: во время представленія «Русалки», игравшая роль Ратимы Померанцева внезапно была поражена ударомъ на сценѣ. Кто-то сказалъ, что молодая Лисицина, еще неопытная актриса, можетъ замѣнить ее; Сандуновъ убѣдилъ Лисицину согласиться сыграть за нее и самъ разрисовалъ дебютанткѣ лицо сухими красками, такъ что она долго плакала отъ боли, и когда надѣла костюмъ, то ея сестра и другіе товарищи приняли ее за Померанцеву и съ участіемъ стали спрашивать о здоровьѣ. Лисицина провела свою роль хорошо и съ тѣхъ поръ стала любимицею публики.

Въ концѣ прошедшаго столѣтія и въ началѣ нынѣшняго, въ Москвѣ было до двадцати барскихъ театровъ, со своими оркестрами и даже пѣвчими. Такими владѣльцами театровъ были: кн. В. И. Щербатовъ, гр. П. Б. Шереметевъ, Д. Е. Столыпинъ, Н. Е. Мясоѣдовъ, кн. М. П. Болконской, кн. Б. Г. Шаховской, В. Е. Салтыковъ, А. Н. Зиновьевъ, И. Я. Блудовъ, С. С. Апраксинъ, В. А. Всеволожскій, Н. А. Дурасовъ, П. А. Поздняковъ, и др.

О Дурасовскомъ театрѣ говоритъ миссъ Вильмотъ¹⁾; по ея словамъ, когда она разъ посѣтила его театръ, у него на сценѣ и въ оркестрѣ появлялось около сотни крѣпостныхъ людей, но хозяинъ разсыпался насчетъ бѣдности постановки, которую онъ приписывалъ рабочей порѣ и жатвѣ, отвлекшей почти весь его персоналъ, за исключеніемъ той горсти людей, которую успѣлъ собрать для представленія. Самый театръ и декорациі были очень нарядны, и исполненіе актеровъ весьма порядочное. Въ антрактахъ разносили подносы съ фруктами, пирожками, лимонадомъ, чаемъ, ликерами и мороженымъ. Во время представленія ароматическія куренія сожигались въ продолженіе всего вечера.

Въ Москвѣ, на Никитской, на углу Леонтьевскаго переулка, до нашествія французовъ и послѣ славился крѣпостной театръ П. А. Позднякова; спектакли у него ставилъ извѣстный актеръ Сандуновъ; въ домопощенной его труппѣ находились актеры и пѣвцы не безъ дарованій; въ труппѣ этой славилась пѣвица Любочинская, которая превосходно испол-

¹⁾ См. письма изъ Россіи въ 1806 году, «Русск. Арх.» 1873 г., стр. 1889.

няла роль жены президента въ «Водовозѣ» и Раису въ «Оборотняхъ». На спектакляхъ и маскарадахъ Позднякова бывала вся Москва. Въ маскарадахъ самъ Поздняковъ всегда ходилъ наряженнымъ персіяниномъ или китайцемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что про него сказалъ Грибоѣдовъ: «На лбу написано: театръ и маскарадъ». У него же Грибоѣдовъ слышалъ «пѣвца зимой погоды лѣтней». Это былъ его садовникъ-бородачъ, который превосходно щелкалъ соловьемъ. Примѣры Москвы дѣйствовали и на провинцію; особенно въ Пензѣ въ это время существовало много крѣпостныхъ театровъ: гг. Арапова, Бекетова, Панчулидзева и В. О. Мацнева. Затѣмъ въ городѣ былъ одинъ еще публичный «Гладковской»; стоялъ онъ на склонѣ горы, которая вела отъ присутственныхъ мѣстъ; содержалъ его помѣщикъ крайне безпутный, В. Г. Гладковъ. Зданіе было тоже весьма неряшливой внѣшности; труппа состояла частію изъ крѣпостныхъ людей Гладкова, частію изъ мѣстныхъ чиновниковъ. Первый персонажъ этого театра былъ «Гришка», отчаяннѣйшій изъ всѣхъ существовавшихъ трагиковъ, какъ говоритъ Инсарскій ¹⁾). Гришка этотъ даже внѣ сцены наводилъ на всѣхъ трепеть; онъ постоянно, какъ и его баринъ, былъ «въ подпитіи»; другая звѣзда на этомъ театрѣ былъ другой трагикъ, Бурдаевъ; послѣдній служилъ столоначальникомъ гражданской палаты, служенію же драматическаго искусства предавался изъ любви къ театру. Былъ тамъ еще комикъ Кондагаровъ. Женскій же персоналъ былъ весь крѣпостной; первую пѣвицу звали Сашкой, первую танцовщицу называли «Машкой». По разсказамъ Инсарскаго, на этомъ театрѣ въ одно время давалось два представленія: одно шло на сценѣ, другое неизбежное передъ сценой, гдѣ главнымъ и единственнымъ артистомъ являлся самъ хозяинъ театра, Гладковъ. Публика хорошо знала привычки его и слѣдила за нимъ съ вниманіемъ едва ли не большимъ, чѣмъ то, какое отдавалось представленію на сценѣ. Возгласы сценическіе смѣшивались съ возгласами Гладкова. Въ то время, когда какойнибудь царь или герой въ лицѣ Бурдаева или крѣпостного Гришки ревѣлъ на когонибудь изъ своихъ подданныхъ, Гладковъ, нисколько не стѣняясь, изрыгалъ громы на этого царя или героя и называлъ его дуракомъ или скотиной, смотря по тому, чего онъ заслуживалъ, вслѣдствіе эстетической оцѣнки хозяина театра. Этого мало. Часто, по окончаніи какогонибудь явленія, Гладковъ на виду всѣхъ бурно срывался съ своего мѣста и грозно летѣлъ на сцену. Всѣ знали, что этотъ неистовый полетъ имѣлъ цѣлю немедленную расправу съ артистомъ или артисткой посредствомъ пощечинъ или зуботычинъ. Послѣ подобной расправы дѣйствующее лицо появлялось на сцену съ раскраснѣвшимися щеками и заплаканными глазами.

Въ 1830 и 40-хъ годахъ въ Орловской губерніи славился театръ очень

¹⁾ См. его «Половодье».

богатаго помѣщика Василя Сергѣевича Талѣва. Въ его имѣніи Елецкаго уѣзда (въ 40 в. отъ Ельца и въ 50 в. отъ гор. Задонска Воронежской губ.), въ селѣ «Архангельскомъ», устроено было два театральныя зданія. Одно деревянное, вновь выстроенное, имѣло все приспособленія для большихъ представлений, какъ-то: машины, подъемы, люки, полеты. Все было доставлено изъ Москвы. Къ этому театру вела торцовая дорога изъ барскаго дома. Въ немъ давались: драматическія представленія, балеты и оперы. Исполнителями были: обученная крѣпостная прислуга попеременно съ разными провинціальными актерами. Въ другомъ театрѣ, передѣланномъ изъ каменнаго барскаго дома, преимущественно давались благородныя спектакли, въ которыхъ, въ качествѣ исполнителей, являлись самъ помѣщикъ, его жена, урожденная Новикова, сестра и братья жены, родственники, сосѣднія семейства и нѣкоторыя лица изъ губернской знати. Въ началѣ сороковыхъ годовъ въ Архангельскомъ спектакли бывали почти ежедневныя въ теченіе осени и зимы. Оркестръ состоялъ изъ 45 человекъ крѣпостныхъ. Свѣзды иногда были такъ велики, что для порядка необходимо бывало нѣчто въ родѣ полиціи, съ каковою цѣлью въ эти дни охотники (т. е. служившіе въ охотѣ помѣщика при царскомъ дворѣ) сажались на своихъ коней, одѣвались въ особую форму и разъѣзжали около театра въ качествѣ конныхъ жандармовъ. Послѣдній спектакль у Талѣва состоялся въ январѣ 1848 года въ «благородномъ» театрѣ, т. е. каменномъ. Давалась комедія «Харьковскій женихъ».

Въ 1849 году послѣдовало разореніе, и все имѣнія были проданы съ аукціоннаго торга. Архангельское досталось генералу Красовскому.

Жизнь Василя Сергѣевича Талѣва послужила его родственнику, кн. Гр. Вас. Кутушеву, фабулой для извѣстной повѣсти «Корнетъ Отлетаетъ», напечатанной въ 50-хъ годахъ.

Въ Курскѣ были извѣстны труппы крѣпостныхъ актеровъ гг. Анненкова и графа Волкенштейна; изъ послѣдней выпелъ М. С. Щепкинъ.

Въ Петербургѣ въ Николаевское время славились домашніе театры съ балетами, живыми картинками у гг. Мятлевыхъ и князя Дондукова; послѣдній первый ввелъ на сцену живыя картины, которыя у него обставлялись иногда съ царскою пышностью. Дома, гдѣ давали спектакли съ благородными артистами и съ крѣпостными, были слѣдующіе: графини Васильевой, Грибоѣдова, князя Долгорукова, князя П. А. Гагарина, графа Комаровскаго, у Резановыхъ, Авдулиныхъ, И. А. Кожошкина и А. И. Кожошкина, Храповицкаго, Титова, Комаровыхъ, Бакунина, Ганина; у послѣдняго разыгрывались только пьесы самого хозяина; въ послѣднихъ самъ авторъ игралъ роли безсловесныхъ животныхъ, появляясь передъ публикой на четверенькахъ, въ роли лютый тигры.

Въ двадцатыхъ годахъ, въ Петербургѣ, пріѣзжали по зимамъ со своимъ деревенскимъ оркестромъ, актерами, пѣвчими и собаками богатый

толстякъ А. А. Кологривовъ¹⁾, ходившій въ огромномъ парикѣ и въ коричневомъ фракѣ.

Всѣ артисты этого барина были подстрижены въ скобку и окрашены черной краской.

Когда Кологривова спрашивали, зачѣмъ онъ привозить въ Петербургъ своихъ артистовъ, то онъ отвѣчалъ:

— У меня на сценѣ, какъ я приду посмотрѣть, всѣ актеры и пѣвчіе раскланиваются, и я имъ раскланиваюсь. Къ вамъ же придешь въ театръ, никто меня знать не хочетъ и не кланяется.

Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ процвѣтали театры петербургскихъ богачей-меценатовъ: на дачѣ Рябово, за Охтой, у Всева. Анд. Всеволожскаго, да еще у другого, тоже сосѣла послѣдняго, Алек. Ник. Оленина, на дачѣ его «Пріютино»; для этого театра писалъ небольшія пьески задушевный другъ Оленина, Ив. Ан. Крыловъ.

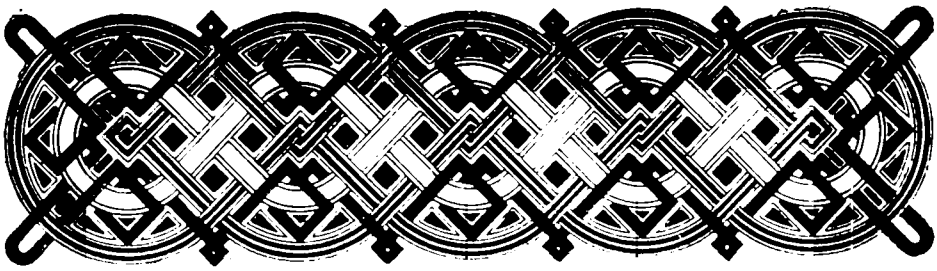
Вмѣстѣ съ сценической нашихъ баръ рядомъ шла мода составленія и хора пѣвчихъ. Любовь къ пѣвчимъ у послѣднихъ восходитъ до временъ Елисаветы Петровны, когда извѣстные регенты придворныхъ пѣвчихъ, Рачинскій и Березовскій, помаленьку стали вводить въ церковное пѣніе западную музѣку. При Екатеринѣ II: Галупи, Керцель, Сарти, Бортиянскій уже совсѣмъ водворяютъ въ нашу церковь пѣніе концертное. Павелъ I противъ этого издалъ указъ (1797 года, мая 18-го), въ которомъ говорится: «Усмотрѣвъ, что въ нѣкоторыхъ церквахъ поютъ стихи, сочиненные по произволѣнію, повелѣваю никакихъ выдуманныхъ стиховъ въ церковномъ пѣніи не употреблять и вмѣсто концертовъ пѣть или приличный псаломъ, или обыкновенный каноникъ». Хоры пѣвчихъ въ Александровское время были извѣстны: В. А. Всеволожскаго, Н. А. Дурасова, Бекетова, Чашникова и купца Колокольниковъ. Пѣвчіе послѣдняго были свободные изъ купцовъ; онъ посылалъ дѣтей послѣднихъ въ Италію, гдѣ тѣ обучались пѣнію; изъ хора Колокольниковъ вышелъ родоначальникъ артистической семьи Самойловыхъ; пѣвчіе хора Колокольниковъ каждое воскресенье пѣли въ церкви Никиты Мученика въ Басманной улицѣ; здѣсь былъ съѣздъ лучшей московской публики не для моленія, но болѣе для слушанія пѣнія и свиданія. Во время чтенія или службы священника большая часть знатной публики разговаривала и даже переходила съ мѣста на мѣсто, но какъ скоро запоютъ пѣвчіе, то все умолкало и слушало. Жихаревъ²⁾ говоритъ, что отъ нихъ черномазый Визапуръ³⁾, не знаю—графъ или князь, намедни пришелъ въ такой восторгъ, что осмѣлился заплодировать. Полиціймейстеръ Алексѣевъ приказалъ ему выйти.

Въ Петербургѣ позднѣе пользовались такою славою хоры пѣвчихъ графа Шереметьева и Дубенскаго.

¹⁾ См. записки академика Солнцева въ «Русской Старинѣ».

²⁾ См. «Дневникъ студента», стр. 31.

³⁾ Визапуръ, эмигрантъ-мулатъ, былъ женатъ на дочери купца Сахарова, отъ которой имѣлъ дѣтей бѣлыхъ и черныхъ; онъ былъ въ 1812 году разстрѣлянъ какъ шпіонъ Наполеона.

Нашъ театръ въ эпоху Отечественной войны.

Въ знаменательный годъ Отечественной войны, дѣятельность русскаго театра въ Петербургѣ не прерывалась. Напротивъ, репертуаръ новыхъ патріотическихъ пьесъ каждодневно обогащался; появилось даже много балетовъ, относящихся къ военнымъ событіямъ того времени.

Спектакли въ этотъ годъ давали только на Маломъ театрѣ (нынѣшній Александринскій) и въ домѣ Кушелева, гдѣ теперь Главный штабъ. На первомъ играли французы и русскіе; на второмъ—нѣмцы и молодая русская труппа, составленная изъ воспитанниковъ театральнаго училища и немногихъ вновь опредѣляющихся дебютантовъ.

Въ то тяжелое время всеобщій патріотизмъ сильно отразился на нашей сценѣ. Каждый стихъ, каждое слово, примѣнимое къ тогдашнимъ военнымъ обстоятельствамъ, вызывало цѣлую бурю рукоплесканій и самыя неистовые, изступленные крики: «браво», «bis!» Когда, напримѣръ, въ трагедіи «Фингалъ» — актеръ говорилъ:

«Могила храбраго отечеству священна!»

или въ «Дмитріи Донскомъ»:

«Умремъ, коль смерть въ бою назначена судьбою!»

или когда бояринъ возвѣщалъ Ксеніи побѣду, произнося:

«Разбитый ханъ бѣжитъ, Россія свободенна!»

оглушительные единодушные апплодисменты неслись и раздавались повсюду. Актеръ стоялъ безмолвствуя по получасу, не смѣя продолжать монолога.

При исполненіи драмы С. И. Висковатова «Всеобщее ополченіе», одинъ изъ зрителей, видя, какъ на сценѣ всѣ приносятъ въ даръ оте-

честву свое имущество, до того забылся, что бросилъ на сцену свой бумажникъ, вскричавъ: «вотъ возьмите и мои послѣдніе 75 рублей!»

Въ этой пьесѣ маститый семидесятилѣтній старецъ И. А. Дмитревскій исполнялъ главную роль унтеръ-офицера Усердова, который, не имѣя уже силы идти въ ополченіе, приноситъ свои медали въ пользу ополченцевъ; артистъ изображалъ больного дряхлаго мужа, убѣленнаго сѣдиною, съ открытымъ челомъ, въ рубищѣ, то одушевленнаго порывомъ патріотизма, то плачущаго о своемъ безсиліи, то трепещущаго за святую свою родину. Около старца вѣяло какой-то святыеи, и минуты его увлеченія были высокія минуты. Всѣ плакали отъ умиленія, самъ Дмитревскій рыдалъ и не могъ выговорить слова, когда послѣ единодушнаго вызова хотѣлъ благодарить публику. Заслуженнаго артиста почти безъ чувствъ привезли домой. На другой день, рано, онъ получилъ запечатанный ящикъ, въ которомъ лежалъ драгоценный перстень съ запиской: «Истинному сыну отечества и великому актеру».

Это былъ подарокъ великаго князя Николая Павловича.

Въ этотъ же патріотическій спектакль шелъ балетъ сочиненія Вальберха и Огюста—«Любовь къ отечеству» съ хорами и пѣніемъ, музыка сочиненія Кавоса; пѣвецъ Самойловъ представлялъ русскаго генерала и пѣлъ арію. Въ драмѣ и балетѣ вся труппа была на сценѣ.

Въ тотъ день, когда было получено извѣстіе о Клястицкомъ и Кобринскомъ сраженіяхъ, шла русская опера «Старинныя святки» и Сандунова играла «Настасью». Когда, по обыкновенію, она запѣла пѣсню: «Слава Богу на небѣ, слава», то вдругъ остановилась, подошла къ рампѣ, и съ самымъ пламеннымъ чувствомъ запѣла:

«Слава храброму графу Витгенштейну,
Поразившему силы вражески! Слава!
Слава храброму генералу Тормасову,
Поборовшему супостата нашего! Слава!

Театръ загремѣлъ и потрясся отъ рукоплесканій и криковъ «ура»! Когда же пѣвицу заставили повторить, то она снова подошла къ рампѣ и медленно запѣла тихимъ, дрожащимъ голосомъ:

«Слава храброму генералу Кульневу,
Положившему животъ свой за отечество! Слава!

На этотъ разъ, весь театръ залился слезами вмѣстѣ съ пѣвицей. Энтузіазмъ артистовъ нерѣдко заходилъ и далѣе; актеры и актрисы забывали свои роли и неудержимо предавались патріотическому чувству. Такъ, знаменитая трагическая актриса К. С. Семенова, узнавъ нечаянно за кулисами о новомъ торжествѣ русскаго оружія, съ радости выбѣжала на сцену и закричала: «Побѣда! Побѣда!!» Разумѣется, этого ни въ пьесѣ, ни въ роли ея не было.

Театръ ежедневно давалъ что нибудь патріотическое, и зала театра всегда была полна; восторгъ зрителей, при каждомъ словѣ, имѣющемъ

какую нибудь аналогію, доходилъ до изступленія. Любимыми въ то время пьесами были: «Пожарскій», «Дмитрій Донской», «Всеобщее ополченіе», «Илья Богатырь»; въ послѣдней пьесѣ куплеты: «Побѣда, побѣда русскому герою» всегда приводили публику въ патріотическій восторгъ. Балетъ «Любовь къ отечеству» и множество дивертисементовъ, въ которые П. А. Корсаковъ вставлялъ свои куплеты, всегда приходились по вкусу зрителей.

При вступленіи русскихъ въ Парижъ и по полученіи о томъ извѣстія, поставленъ былъ на сценѣ балетъ Огюста «Геній Благости». Это былъ аллегорическій апоэозъ виновнику славы Россіи, Александру Благословенному. При перемѣнѣ декораций аллегорія оканчивалась и побѣдители являлись въ Парижъ, гдѣ побѣжденные и побѣдители вмѣстѣ праздновали торжество «Генія Благости». Стихи:

«Честь Александру,
Хвала царю царей!

пѣтые актеромъ Бобровымъ, не пѣвцомъ, производили громовый эффектъ. Въ комедіяхъ «Модная лавка» и «Урокъ дочкамъ» насмѣшки и карриатуры на французовъ вызывали также полный и неудержимый смѣхъ.

Иногда и французскіе актеры, игравшіе въ то время въ Петербургѣ, жертвуя своимъ роднымъ патріотическимъ чувствомъ, разыгрывали русскія патріотическія пьесы на французскомъ языкѣ. Такъ, извѣстный въ то время актеръ Дальмакъ поставилъ въ свой бенефисъ Озеровскаго «Дмитрія Донскаго», а знаменитая трагическая актриса Жоржъ исполняла роль княжны «Ксенія». Но такіе спектакли въ петербургской публикѣ не находили сочувствія и встрѣчали одно холодное вниманіе.

Вся высшая аристократія, съ открытіемъ войны, перестала посѣщать французскій театръ. Рассказываютъ, что передъ объявленіемъ войны случился въ немъ слѣдующій казусъ:

Въ то время существовалъ обычай возвѣщать со сцены составъ спектакля на слѣдующій день, и актеры, выходя всегда съ тремя обычными поклонами, говорили: *Messieurs, demain nous aurons l'honneur de vous donner* и прочее. Когда же началась война, то однажды первый актеръ Дюренъ, выйдя для анонса и начавъ свою всегдашнюю фразу: *Messieurs!* увидалъ, что въ залѣ всего сидитъ одинъ зритель, и то, кажется, должностное лицо, а потому тотчасъ же перемѣнилъ начало рѣчи и сказалъ: «*Monsieur, demain nous aurons l'honneur...*» закрыть спектакли, распустить труппу и т. д.

Ненависть къ французамъ, въ годъ войны, въ народѣ была чрезвычайно сильна. Много людей пострадало за то только, что не оставило обыкновенія говорить на улицѣ по-французски. Простой народъ останавливалъ такихъ господъ, подозрѣвалъ ихъ въ шпіонствѣ и передавалъ въ руки полиціи. Чуть-чуть за такую привычку говорить по-французски не поплатился жизнью директоръ петербургскихъ театровъ, князь Тюфя-

кинъ, заговорившій въ Казанскомъ соборѣ, во время обѣдни, со своимъ знакомымъ на этомъ ненавистномъ въ то время языкѣ. Только находчивость и распорядительность ловкаго полицейскаго офицера спасла жизнь князя. Онъ пробился сквозь толпу и учтиво попросилъ князя Тюфякина послѣдовать за нимъ къ главнокомандующему, графу Вязьмитинову. Князь повиновался и нѣсколько сотъ людей послѣдовали за нимъ въ Большую Морскую. Толпа эта безпрестанно возростала дорогою; всѣ твердили, что поймали важнаго шпиона. Непріязненное и враждебное расположеніе толпы на дорогѣ все увеличивалось и безъ полицейскаго конвоя едва ли князь остался бы живъ. Графъ избавилъ князя отъ печальныхъ сценъ, выпустивъ его изъ другихъ воротъ и выславъ къ народу полиціймейстера Чихачева съ объясненіемъ, что приведенный человекъ вовсе не шпионъ, а русскій князь.

Въ Петербургѣ за все время войны спектакли не прерывались. Но въ Москвѣ ихъ уже не было. Грозный громъ битвы подъ Бородинымъ уже гремѣлъ — и жрицы, и жрецы Талии и Мельпомены испуганно бѣжали изъ предѣловъ Бѣлокаменной.

Князь Долгоруковъ въ «Калищѣ моего сердца» рассказываетъ два эпизода изъ бѣгства нашихъ актеровъ изъ Москвы во время вступленія французовъ. «Когда партизаны непріятельскіе уже начинали грабить около нашей подмосковной, тогда мы снабдили подводами семейства актеровъ: Мочалова съ женою и дочерью и пѣвицу Носову съ матерью—и доставили имъ возможность дотащиться до Ярославля, куда изъ Москвы выѣхали ихъ начальники. При всемъ горѣ и несчастіи, въ которомъ всякій изъ насъ тогда находился, были минуты, въ которыя нельзя было не расхохотаться. Напримѣръ, когда я увидѣлъ, что Носова натягивала дугу у телѣги и сама въ нее впрягала лошадь. Носову, которую я помню въ театрѣ, дающую оперу въ свой бенефисъ, которой, кромѣ четырехъ тысячъ сбору въ одинъ вечеръ, летали еще изъ партера на сцену кошельки съ особенными подарками признательности, видѣть ее же около лагуна съ дегтемъ и клячи—было жалко и смѣшно... Не меньше былъ забавенъ и Мочаловъ, когда онъ вдругъ прибѣжалъ къ матери моей и трагически вопіялъ противъ невѣжества нашего управителя. Дѣло было въ слѣдующемъ: Мочаловъ, видя, что мы слишкомъ стѣснены, желалъ нанять квартиру на заводѣ, отъ котораго мы жили въ верстѣ разстоянія. Управляющій заводомъ, узнавъ, что онъ актеръ, запретилъ ему отдавать квартиру, говоря, что Господь покараетъ весь заводъ за то, что онъ пріютилъ въ такое тяжкое время грѣшника-актера».

Послѣднее театральное представленіе въ Москвѣ давали 30-го августа 1812 года во вновь построенномъ театрѣ у Арбатскихъ воротъ. Шла драма С. Н. Глинки «Наталья, боярская дочь». Главную роль въ этой драмѣ игралъ пожаръ. Представленіе это было дурнымъ предзнаменованіемъ. Театръ не простоялъ и двухъ мѣсяцевъ, и съ первыхъ же дней

представленія онъ неохотно посѣщался публшкой и сборами едва окупалъ ежедневные расходы. Графъ Растопчинъ, тогдашній губернаторъ Москвы, по открытіи его, сказалъ: «Чтобъ поддержать его, нужно купить двѣ тысячи душъ крестьянъ и приписать ихъ къ нему, такъ какъ на одну публику надѣяться нельзя». Въ этомъ театрѣ шли спектакли на русскомъ и французскомъ языкѣ—послѣдніе, впрочемъ, уже очень неохотно посѣщались—были даже такіе ненавистники французовъ, которые публично выражали свое неудовольствіе къ французскимъ актерамъ. Въ числѣ такихъ былъ нѣкто Гусятниковъ, человекъ почтенныхъ лѣтъ, изъ купеческаго сословія, но возвращавшійся въ лучшемъ московскомъ обществѣ. Онъ былъ большой театралъ и поклонникъ извѣстной пѣвицы Лизаньки Сандуновой, допѣвавшей уже свои арии. Въ то время, о которомъ говоримъ, пріѣхала изъ Петербурга въ Москву на нѣсколько представлений извѣстная французская пѣвица Фились Андріе. Русскіе театралы взволновались и вооружились противъ француженки. Поклонникъ Сандуновой и всего отечественнаго, Гусятниковъ, сталъ во главѣ недовольныхъ, и въ первый же спектакль садится въ первый рядъ креселъ, и только что начинаетъ Фились дѣлать свои рулады, онъ затыкаетъ себѣ уши, встаетъ съ креселъ и съ заткнутыми ушами торжественно проходить всю залу, кидая направо и налево взгляды презрѣнія и негодованія на всѣхъ французолсбцевъ, какъ ихъ тогда уже называли, съ легкой руки патріота С. Н. Глинки.

При вступленіи Наполеона въ Москву, ни одного уже театра не существовало. Префектъ двора императора, генералъ Боссе, искалъ театра для придворныхъ представлений. Во время занятія Москвы французами, уцѣлѣлъ отъ пожара, но не отъ разграбленія, одинъ только частный театръ Позднякова, на Никитской улицѣ, гдѣ теперь домъ князя Юсупова. Этотъ театръ славился въ старой Москвѣ своею роскошью, своимъ зимнимъ садомъ и своими затѣями вельможъ прошедшаго вѣка. Его спектакли привлекали массу посѣтителей. Крѣпостная труппа Позднякова была вполне прекрасная. Вся Москва такъ и рвалась смотрѣть ихъ.

Этотъ-то домъ Позднякова и избралъ генералъ Боссе для представленія уцѣлѣвшей французской труппы во время пребыванія Наполеона въ Москвѣ.

Нѣсколько лѣтъ еще до вступленія Наполеона, въ Москвѣ существовала труппа французскихъ актеровъ, подъ управленіемъ даровитой г-жи Бюрсей. Забытая всѣми во время всеобщаго бѣгства изъ Москвы, семья этихъ артистовъ пріютилась въ огромномъ домѣ князя Гагарина, въ Басманной, въ части города, совершенно противоположной той, куда должна была вступить армія.

Вотъ какъ описываетъ актриса Фюзи свое пребываніе въ то время въ Москвѣ (см. «Souvenirs d'une actrice, par madame Louise Fusil»): «Начался пожаръ Москвы; отъ сильнаго вѣтра огонь разливался съ не-

обычайною быстротою. Ночью мы не зажигали свѣчь, потому что было гораздо свѣтлѣе нежели днемъ. По временамъ раздавались взрывы, въ родѣ ружейныхъ выстрѣловъ. Домъ, въ которомъ мы думали найти безопасное убѣжище, загорѣлся, и мы съ трудомъ успѣли вынести нужнѣйшія изъ своихъ вещей въ садъ. Мы хотѣли искать убѣжища въ Петровскомъ, гдѣ жилъ Наполеонъ, но безъ военнаго конвоя не смѣли туда отправиться. Блуждая изъ улицы въ улицу, изъ дома въ домъ, мы вездѣ находили слѣды грабежа и опустѣнія. Между тѣмъ приказано было отыскать артистовъ, жившихъ въ Москвѣ, изъ которыхъ одни должны были пѣть во дворцѣ, другіе играть комедіи. Исполненіе такого приказа казалось весьма затруднительнымъ въ городѣ, начисто ограбленномъ: гдѣ было найти нужныхъ костюмовъ, декорацій, свѣчь, масла для лампъ и т. д. Короли кулись утратили свои пурпуровыя мантии и облеклись въ одежды сермяжныя. Лапти замѣнили имъ державныя сандалии. Въ такомъ печальномъ положеніи нашель питомцевъ музъ генераль Боссе. Онъ доложилъ императору о печальной участи артистовъ. Императоръ приказалъ немедленно имъ выдать значительную сумму денегъ».

Г-жа Бюрсей представила генералу Боссе всѣхъ членовъ своей труппы, которая состояла изъ гг. Адне, перваго трагика парижскаго театра Сен-Мартенъ, Перу, Госсе, Лефевра и г-жъ Андре, Перигюи, Лекенъ, Фюзи, Ламираль и Адне.

Но въ какомъ жалкомъ видѣ предстали эти артисты передъ взоромъ своего начальника: первый трагикъ явился въ фризовой шинели и шапкѣ ополченія; первый любовникъ въ семинарскомъ сюртукѣ и треугольной шляпѣ; благородный отецъ безъ сапогъ и съ дырявыми локтями; злодѣй безъ необходимѣйшей части туалета — безъ штановъ, въ коротенькомъ испанскомъ плащѣ. Дамы были еще скуднѣе одѣты — вся труппа была разряжена, какъ будто шла въ маскарадъ нищихъ и бродягъ. Одна только директриса, г-жа Бюрсей, была одѣта въ красной душегрѣйкѣ на заячьемъ мѣху и въ головномъ уборѣ Маріи Стюартъ съ чернымъ страховымъ перомъ и въ чалмѣ, въ которой нѣкогда играла въ «Трехъ султанахъ» и «Заирѣ».

Полуразрушенный театръ Позднякова былъ приведенъ въ порядокъ. Его очистили, выбѣлили, ложи одѣли драпировкою, занавѣсъ спили изъ цѣльной парчи, которой довольно нашлось въ золотокружныхъ рядахъ, спасенныхъ отъ разграбленія. Повѣшено было стосемидесятимѣстное паникадило, изъ чистаго серебра, которое нѣкогда украшало храмъ Божій. Сцена была убрана съ роскошью. Богатѣйшая мебель, драгоценныя украшенія, мраморы, бронзы явились въ изобиліи. Ихъ извлекали изъ-подъ пепла и изъ погребовъ, куда москвичи прятали свои сокровища, предавая жилища огню. Кремлевскія палаты, галереи Чудова монастыря и колокольня Ивана Великаго были биткомъ набиты всевозможными сокровищами и драгоценностями.

Графъ Дюма, которому Наполеонъ поручилъ надзоръ за Кремлемъ, все это отрылъ въ подземельяхъ и радушно открылъ эти богатства передъ новымъ директоромъ театра, который и обратилъ ихъ въ бутафорныя и гардеробныя вещи. Гардеробъ наполеоновскаго театра могъ щегольнуть богатствомъ и роскошью невиданною и неслыханною. Здѣсь не было ничего мипурнаго, все было чистое золото и серебро. Фюзи разсказывастъ: «нельзя себѣ представить той жадности, съ которою оборванные, почти нагіе артисты бросились вскрывать тяжелые сундуки бояръ московскихъ. Мужчины дѣлили дѣдовскіе кафтаны русскихъ, женщины отнимали другъ у дружки старинныя атласныя робронды бабушекъ и т. д. Въ порывѣ восторга актеры и не замѣчали, что подъ пышною одеждою у нихъ неоставало самаго необходимѣйшаго—бѣлья». Три дня спустя послѣ приказа Наполеона, театръ былъ открытъ для военной публики. Вотъ первая афиша, которую передаемъ съ фотографическою точностію.

Théâtre Français à Moscou

Les comediens français auront l'honneur de donner mercredi prochain
7 octobre 1812

Une premiere representation
du Jeu de l'amour et du hasard,
comédie en 3 actes et en prose de Mariveau
suivie
de L'amant auteur et valet
comédie en 1 acte et en prose de Ceron.

Dans le «Jeu de l'amour»: M-rs Adnet, Perroud, St. Clair, Belcour, Bertrand. M-mes André, Fusil.

Prix de places

Premières galeries 5 roubles ou 5 francs.
Parquet 3 roubles ou 3 francs.
Seconde galerie 1 rouble ou 1 franc.

On commencera à 6 heures precises.

La salle du spectacle est dans la grande Nikitskaia, maison de Posniakoff.

Первый спектакль прошелъ блистательно, зрители не переставали аплодировать и кричать bravo. Весь партеръ былъ занятъ солдатами, изъ которыхъ старыя драбанты гвардіи сидѣли въ первыхъ рядахъ въ полной формѣ, съ крестами почетнаго легіона на груди. Оба ряда ложъ были наполнены чиновниками штаба и офицерами всѣхъ войскъ и націй. Публика при всякой вѣрной оказіи кричала: «Vive l'Empereur! Vive

Napoléon!» Немного женщинъ можно было насчитать въ театрѣ; изъ присутствовавшихъ женщинъ почти всѣ были обитательницы Кузнецкаго моста — модистки и нѣсколько гувернантокъ безъ мѣстъ. Оркестръ состоялъ изъ лучшихъ музыкантовъ гвардіи и былъ вполне превосходный. Между тѣмъ какъ солдаты аплодировали и кричали bravo артистамъ, товарищи ихъ поочередно охраняли театр. Кой-гдѣ разложены были огни, и чрезвычайное множество бочекъ съ водою и ведеръ стояло около самаго театра. По всей же Никитской и по бульварамъ тянулись сторожевые кордоны и пикеты: такія строгія мѣры предпринимались на случай пожара, могущаго произойти на сценѣ.

За все время пребыванія французовъ въ Москвѣ дано было одиннадцать представлений. Пьесы, имѣвшія особенный успѣхъ, повторялись нѣсколько разъ, давали: «Три султана», «Figaro», «Le procureur arbitre», «Side et Zaira» и многія другія.

Но не весело было актерамъ и актрисамъ. Вотъ что говоритъ Фюзи: «Когда намъ велѣли играть комедію, мы думали, что надъ нами шутятъ. У насъ не было ни платья, ни бѣлья, ни бапмаковъ. Однако, ленты и цвѣты посыпались на насъ градомъ, ихъ находили въ казармахъ нашей гвардіи; къ стыду французовъ — эти казармы гвардіи, гдѣ развѣвались ленты, были святые соборы Кремлевскій, Успенскій, Благовѣщенскій и Архангельскій». По преданію, самъ Наполеонъ не удостоилъ своимъ присутствіемъ ни одного представленія. Впрочемъ, Фюзи въ своихъ запискахъ рассказываетъ, что онъ заходилъ однажды въ спектакль, когда давали пьесу «Открытая война».

Но для императора префектъ Боссе устроилъ совершенно другого рода удовольствіе: между иностранцами, жившими въ Москвѣ и уцѣлѣвшими при общемъ погромѣ, нашли итальянца — пѣвца Таркинію. Онъ пользовался извѣстностью въ Москвѣ какъ преподаватель пѣнія. Къ нему добыли піаниста Мартини, сына автора оперы: «Рѣдкая вещь» (La cosa rara) и «Діанино древо». Еще взяли пѣвицу романсовъ и ариетокъ г-жу Фюзи. Артисты были представлены ко двору и каждый вечеръ составляли Наполеону концертъ изъ пьесъ любимыхъ его авторовъ.

Вотъ какъ описываетъ одинъ изъ такихъ концертовъ г-жа Фюзи:

«Я пѣла романсъ, которымъ прославила себя въ московскихъ гостиныхъ. Въ присутствіи Наполеона зрители не аплодировали; но романсъ, никому неизвѣстный, произвелъ нѣкоторое впечатлѣніе. Наполеонъ, разговаривая съ кѣмъ-то во время пѣнія, не слышалъ романса; однакожъ, шумъ въ залѣ заставилъ его спросить о причинѣ графа Боссе. Мнѣ приказано было повторить романсъ. Съ тѣхъ поръ меня безпрестанно мучили этимъ романсомъ. Король Неаполитанскій выпросилъ у меня музыку. Романсъ былъ написанъ въ рыцарскомъ духѣ»...

На театрѣ также привлекалъ особенное вниманіе военной публики родъ балета — или разнохарактернаго дивертисемента, который цѣликомъ

былъ взятъ французскими актерами у русскихъ. Онъ состоялъ изъ разныхъ танцевъ и преимущественно изъ русской пляски, которую превосходно плясали двѣ сестры Ламираль—по рожденію русскія.

«Седьмого октября», рассказываетъ графъ Боссе въ своихъ воспоминаніяхъ, «императоръ призвалъ меня и началъ разспрашивать объ улучшеніяхъ касательно театра. Онъ началъ перечислять артистовъ, которыхъ можно взять съ театра большой комедіи въ Парижѣ, не вредя его составу. Отмѣчая имена ихъ карандашемъ на лоскуткѣ бумаги, онъ говорилъ о мѣрахъ, которыя нужно принять для скорѣйшаго доставленія ихъ въ Москву. Списокъ не былъ еще конченъ, какъ напи занятія были прерваны неожиданнымъ пріѣздомъ адъютанта Мюрата.—«Что новаго?» спросилъ императоръ, все еще разсматривая свой списокъ...—«Государь! Мы разбиты!» отвѣчалъ посланный. Наполеонъ ждалъ отъ русскаго императора мирныхъ переговоровъ; онъ писалъ къ нему. Отвѣтъ этотъ былъ—пораженіе короля Неаполитанскаго подъ Тарутинымъ войсками Бенингсена».

Въ тотъ же вечеръ былъ отданъ приказъ выступить изъ города и строиться за Калужскою заставой. Эта внезапная вѣсть изумила все войско. Графъ Боссе поспѣшилъ увѣдомить о ней свою труппу, предоставляя на волю актеровъ, оставаться въ разграбленной Москвѣ, или слѣдовать за войскомъ.

Выступленіе французовъ изъ Москвы продолжалось нѣсколько дней сряду. Сперва выступили команды съ заграбленными сокровищами, потомъ пошли обозы, лазареты, наконецъ потянулись и самыя полки въ разныя заставы. Девятаго октября маршалъ Мортъе вывелъ изъ Москвы послѣдній остатокъ войска.

Очень немногіе изъ актеровъ Наполеона вернулись на родину.

Выѣхали артисты изъ Москвы довольно забавно: первый любовникъ поѣхалъ верхомъ, трагики и комики помѣстились въ лазаретномъ фургонѣ. Первая любовница, г-жа Андре, вмѣстѣ съ директоршей, г-жей Бюрсей, раздобыли ландо — и выѣхали на тройкѣ лошадей, подаренныхъ имъ префектомъ. До Смоленска еще кое-какъ они дотащились, но уже въ Смоленскѣ обрушились на нихъ всевозможныя несчастія. Пероне, первый любовникъ, потерялъ тамъ своего буцефала и отморозилъ ноги; при выѣздѣ же изъ Смоленска, въ лазаретной фурѣ, онъ былъ безжалостно брошенъ на большой дорогѣ и умеръ съ голоду. Адне, первый сюжетъ труппы, тоже скоро извѣдалъ всю превратность судьбы человѣческой: въ Смоленскѣ онъ забылъ застаться рукавицами и валенками и на пути отморозилъ себѣ руки и ноги, а при переправѣ черезъ Березину утопилъ свою коляску и жену. Г-жа Андре и Бюрсей долго путешествовали на одной хромоу кавалерійской лошади въ старомъ зарядномъ ящикѣ, но подъ конецъ на одномъ изъ приваловъ, во время партизанскаго наѣзда, ядро раздробило ихъ колесницу и тяжело ранило

г-жу Андре, отчего первая любовница скоро на пути и умерла. Самъ директоръ, графъ Боссе, долго путешествовалъ верхомъ на пушкѣ, отморозилъ себѣ ноги и кое-какъ добрался до Франціи. Одна водевильная актриса Фюзи, послѣдовательница этого скорбнаго путешествія, благополучно и безъ особенныхъ приключеній добралась до предѣловъ родины и еще ознаменовала свой походъ дѣломъ челоувѣколюбія; во время входа французскихъ войскъ въ Вильно, въ суматохѣ, какіе-то родители потеряли ребенка; Фюзи взяла его подъ свою защиту, и при всей своей бѣдности, она дѣлилась съ пріемышемъ послѣднею крохою и воспитала дѣвочку, которую французы прозвали «виленской сироткой». Впослѣдствіи ея исторія дала поводъ Скрибу написать драму «Ольга, русская сирота».

По выходѣ французовъ, первый посѣтилъ придворный театръ императора Наполеона извѣстный драматическій писатель князь А. А. Шаховской. Вотъ какое печальное зрѣлище онъ увидѣлъ: на сценѣ валялись дохлыя лошади и падаль, лѣстница, корридоры и зало были загромождены мебелью, зеркалами, инструментами. Въ уборныхъ валялись обрѣзки парчевыхъ и бархатныхъ матерій, изъ которыхъ артисты выкраивали себѣ кафтаны, а артистки сооружали юбки, береты и шпенсеры, и т. д.

Въ ожиданіи возрожденія Москвы и московскаго театра, нѣкоторые изъ московскихъ артистовъ жили въ Петербургѣ, хотя и считались московскими.

Это были: Зловъ, Толченевъ и Сандуновъ; всѣ они подъ конецъ перешли на здѣшнюю сцену; только передъ смертью Сандунова покинула Петербургъ и умерла въ Москвѣ.

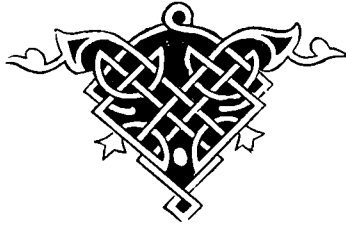
Театръ московскій возродился въ 1814 году. Первая пьеса, имѣвшая на московской сценѣ большой успѣхъ и игранная болѣе тридцати разъ кряду, была драма Бориса Ѳедорова «Крестьянинъ-офицеръ, или извѣстіе о прогнаніи французовъ изъ Москвы».

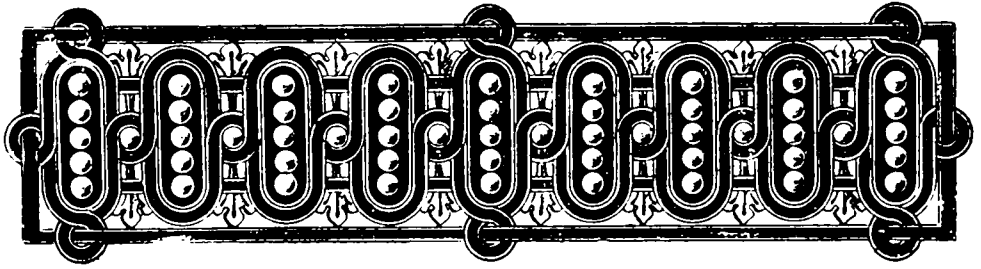
Въ 1814 году, въ Москвѣ, первоначально театральныя представленія давали въ домѣ Ст. Ст. Апраксина, на Знаменкѣ. Спектакли открылись 30-го августа любимую въ то время оперою «Старинныя святки»; затѣмъ, помимо названной нами пьесы, имѣли большой успѣхъ драмы: «Храбрые кириловцы при нашествіи враговъ», соч. Вронченки. Затѣмъ «Освобожденіе Смоленска», «Всеобщее ополченіе» и комедія Бориса Ѳедорова «Прасковья Борисовна Правдухина».

Даже балеты были примѣнены къ обстоятельствамъ того времени и носили чисто патріотическіе характеры; вотъ они: «Любовь къ отечеству», «Русскіе въ Германіи», «Русскіе въ Парижѣ», «Казакъ въ Лондонѣ», «Праздникъ въ станѣ союзныхъ армій».

Позднѣ, въ 1815 году, большой успѣхъ производилъ дивертисементъ «Семикъ или гулянье на Марьиной рошѣ»; въ этомъ дивертисементѣ

русскіе солдаты славили подвиги русскаго оружія, лучшіе пѣвцы и пѣвицы пѣли патріотическія пѣсни, и балетные артисты рисовались въ русской пляскѣ въ богатыхъ національныхъ костюмахъ. Здѣсь же знаменитый въ то время пѣсенникъ Лебедевъ пѣлъ со своимъ хоромъ. Этотъ семикъ былъ перенесенъ балетмейстеромъ Глушковскимъ на сцену Останкинскаго театра, гдѣ и давался во время пребыванія тамъ короля Прусскаго.

День генералиссимуса Суворова.

Русскій «чудо-богатырь» Суворовъ остался загадкою для потомства. Быстрый, рѣшительный, предприимчивый не только въ военныхъ дѣйствіяхъ, но и въ своихъ поступкахъ, разнообразный до безконечности, какъ разнообразны были окружавшія его обстоятельства, великій вождь и въ то же время странный старикъ, который то шалитъ какъ ребенокъ, то обнимаетъ мыслью цѣлый міръ, рѣшаетъ въ своемъ умѣ самыя сложные вопросы, касавшіяся счастья миллионовъ людей, или судьбы государства. Человѣкъ, обладавшій всѣми способами и средствами по своему званію, но не пользуется ими, презираетъ роскошь, спитъ на соломѣ, пьетъ воду, довольствуется солдатскимъ сухаремъ, борется съ собственными страстями, обуздываетъ ихъ и остается побѣдителемъ въ этой борьбѣ, какъ и въ дѣйствительной войнѣ. Истинные свои замыслы онъ всегда прикрываетъ фарсами и лаконическими остротами.

Дѣянія Суворова принадлежатъ исторіи, мы ихъ не коснемся, но возьмемъ одну его частную жизнь и домашнія привычки, которую очерчимъ изъ разказовъ его приближенныхъ и слугъ.

Всѣхъ его слугъ было пятеро: старшимъ изъ нихъ былъ его камердинеръ, Прохоръ Дубасовъ, болѣе извѣстный подъ именемъ «Пронки». Этотъ вѣрный слуга фельдмаршала пережилъ своего барина и умеръ въ 1823 году, восьмидесяти лѣтъ. Въ уваженіе заслугъ его господина, въ день открытія памятника Суворова на Царицыномъ лугу¹⁾, онъ былъ пожалованъ императоромъ Александромъ I въ класный чинъ съ пенсіею въ 1,200 рублей въ годъ. Помощникомъ этого камердинера, или, какъ его называли, подкамердинеръ, былъ сержантъ, Иванъ Сергѣевъ; онъ на-

¹⁾ Поставленнымъ въ 1801 году, по модели ваятеля Козловскаго. Сперва на Марсовомъ полѣ, потомъ былъ отнесенъ къ берегу Невы, по приказанію императора Александра I.

ходилъся при Суворовѣ шестнадцать лѣтъ безотлучно и поступилъ къ нему въ 1784 году изъ Козловскаго мушкатерскаго полка; впоследствии онъ находился при сынѣ героя, Аркадіѣ Александровичѣ, до самой его смерти, постигшей сына въ той же рѣкѣ, которая доставила отцу славное имя «Рымникскаго». Третьимъ подкамердинеромъ, или, вѣрнѣе, денщикомъ Суворова, былъ сержантъ Илья Сидоровъ, затѣмъ прислуживалъ генералиссимусу еще фельдшеръ, который поврежденъ пускалъ ему кровь. Въ тѣ года кровопусканіе считалось единственнымъ средствомъ отъ многихъ болѣзней, и многіе прибѣгали къ нему. Пятымъ приближеннымъ слугою Суворова былъ поваръ «Матька». Вся эта прислуга спала возлѣ спальни Суворова; на первый призывъ его являлась къ нему.

День Суворова начинался съ первыми пѣтухами; въ первомъ часу онъ приказывалъ будить себя, но въ военное время онъ пробуждался еще ранѣе, и даже нерѣдко и въ мирное время онъ дѣлалъ ученіе полкамъ въ ночное время. Ночной бой, говаривалъ Суворовъ, выгоденъ тому, кто отваженъ и смѣлъ, ибо тутъ число войска не видно и мало значить, да и отъ стрѣльбы толку мало. Ночной походъ тоже служить въ пользу тому, кто любитъ являться передъ непріателемъ внезапно. Суворовъ приказывалъ себя будить, не слушая никакихъ его отговорокъ. «Если не послушаю, тащи меня за ногу!» Спалъ Суворовъ на сѣнѣ, укладенномъ такъ высоко, какъ парадная постель. Надъ сѣномъ постилалась толстая парусинная простыня, на нее тонкая полотняная, въ головахъ двѣ его пуховыя подушки, которыя всюду за нимъ возились; третья простыня служила ему вмѣсто одѣяла. Въ холодное время онъ сверхъ простыни накрывался своимъ синимъ плащемъ. Ложился въ постель Суворовъ безъ рубашки. Вставъ съ постели, неодѣтый, нагишемъ, онъ начиналъ бѣгать взадъ и впередъ по спальнѣ, а въ лагерьъ по своей палаткѣ; нерѣдко въ лѣтнее время онъ бѣгалъ въ такомъ видѣ въ садъ, гдѣ и маршировалъ въ тактъ. Это продолжалось съ часъ времени; во время такихъ эволюцій онъ держалъ въ рукахъ тетрадки и твердилъ татарскія, турецкія и корельскія слова и разговоры. Для практики въ послѣднемъ явыкъ онъ у себя держалъ нѣсколько кореловъ изъ собственныхъ своихъ новгородскихъ вотчинъ. Послѣ такого урока, онъ умывался; ему, по обыкновенію, приносили въ спальню два ведра самой холодной воды и большой мѣдный тазъ; въ продолженіе получаса онъ выплескивалъ изъ ведеръ воду себѣ на лицо, говоря, что это помогаетъ глазамъ. Послѣ этого его камердинеръ долженъ былъ оставяющуюся воду тихонько лить ему на плеча, такъ, чтобы вода стекала ручейкомъ, катилась по локтямъ, для чего онъ и держалъ локти въ такомъ положеніи. Мытье оканчивалось во второмъ часу ночи. Обтирался Суворовъ передъ каминомъ; въ это время входилъ въ спальню его поваръ Матька съ чаемъ; онъ только одинъ имѣлъ право наливать ему чай и даже въ его присутствіи кипятить воду. Наливъ половину чашки, онъ подавалъ ему отвѣ-

дывать; если чай былъ крѣпокъ, разбавлялъ водою. Суворовъ любилъ черный чай, лучшаго качества, и еще приказывалъ его просѣвать сквозь сито. Чай онъ выписывалъ изъ Москвы черезъ своего управляющаго, и при выпискѣ наказывалъ, чтобы прислалъ ему «наилучшаго, какой только обрѣтаться можетъ... По цѣнѣ купи какъ бы тебѣ дорогъ ни показался, выбери его черезъ знатоковъ, да перепли мнѣ очень сохранны, чтобы посторонняго духа онъ отнюдь не набрался, а соблюдалъ бы свой духъ весьма чистый».

Въ скоромные дни онъ пилъ по три чашки со сливками, безъ хлѣба и безъ сухарей; въ постные дни безъ сливокъ и строго наблюдалъ всѣ посты, не исключая среды и пятницы. А во время Страстной недѣли Суворовъ ничего не ѣлъ, а только пилъ одинъ черный чай безъ хлѣба.

При подавнн чая, требовалъ бѣлой бумаги для записыванія своихъ уроковъ и вытверженнаго имѣ. Суворовъ не писалъ чернилами, а всегда тушью. Письма онъ писалъ на толстой бумагѣ, иногда на небольшихъ клочкахъ, самымъ мельчайшимъ почеркомъ; слогъ его былъ кратокъ и мужественъ, и въ выборѣ выраженій такъ мѣтокъ, что онъ никогда написаннаго не поправлялъ. Запечатывалъ онъ ихъ самымъ дорогимъ сургучомъ и огромной печатью съ знаменами, пушками и саблями съ надписью: «*Virtute et veritate*», т. е. «доблесть и вѣрность»—девизъ Суворова.

Послѣ чая онъ спрашивалъ повара, что онъ будетъ готовить и что будетъ у него для гостей. Поваръ отвѣчалъ, что будетъ. «А для меня что?» спрашивалъ Суворовъ. Въ постный день поваръ отвѣчалъ: уха, а въ скоромный—щи; вторымъ блюдомъ было жаркое. Сладкаго Суворовъ никогда не ѣлъ, соусовъ также. Большой же званый обѣдъ для гостей у него былъ изъ семи блюдъ, и никогда болѣе. Если кто желалъ угостить обѣдомъ Суворова, то приглашалъ къ себѣ его повара; другой страши онъ не ѣлъ. Суворовъ очень любилъ, когда у него обѣдали и говорили много за столомъ, но кто много ѣлъ, онъ терпѣть тѣхъ не могъ. Разъ одинъ прѣзжкій иностранецъ обѣдалъ у него и удивилъ его и всѣхъ присутствующихъ своимъ апетитомъ. Всякое блюдо быстро исчезало. Суворовъ смотрѣлъ съ изумленіемъ. На другой день не могъ онъ позабыть этого посѣщенія и сказалъ: «Ну, спасибо гостю, онъ первый изволилъ отдать справедливость искусству моего повара, ѣлъ, какъ будто у него нѣтъ желудка. Онъ не подходитъ подъ указъ Петра Перваго объ отпускѣ прожорамъ двухъ пайковъ; для него мало и четырехъ». Суворовъ неохотно тратилъ деньги на парадные обѣды. Потемкинъ много разъ напращивался къ нему на обѣдъ. Суворовъ всячески отпущивался; но, наконецъ, вынужденъ былъ пригласить его съ многочисленною свитою. Суворовъ призываетъ къ себѣ Матоне, метрд'отеля, служившаго у Потемкина, заказываетъ ему роскошный обѣдъ и проситъ его не щадить денегъ на яства, а для себя приказываетъ своему повару изготовить два постныхъ блюда. Обѣдъ вышелъ роскошнѣйшимъ и удивилъ даже самого

Потемкина, привыкшаго къ роскоши. По выраженію Суворова, за столомъ, «рѣдка виноградныхъ слезъ неслла на себѣ прянности обѣихъ Индій». Но самъ онъ, кромѣ двухъ блюдъ, подъ предлогомъ нездоровья, ничего не ѣлъ. На другой день, когда Матоне представилъ ему счетъ, простиравшійся за тысячу рублей, то Суворовъ отказался платить его и только написалъ на немъ: «я ничего не ѣлъ» и отправилъ его къ Потемкину, который тотчасъ заплатилъ, сказавъ: «Дорого стоитъ мнѣ Суворовъ!»

Но возвратимся опять къ утру Суворова. Послѣ чая онъ, все еще неодѣтый, садился на софу и начиналъ пѣть по нотахъ духовные концерты: Борнгянскаго и Сарти; такое пѣніе продолжалось цѣлый часъ; онъ очень любилъ пѣть, голосъ у него былъ басъ. У Суворова, въ московскомъ домѣ, близъ церкви Вознесенья, у Никитскихъ воротъ, жили даже крѣпостные пѣвчіе и музыканты. Онъ ихъ тамъ держалъ для усовершенствованія въ музыкѣ и пѣніи, и приказывалъ ходить учиться къ другимъ, славившимся тогда по Москвѣ, какъ, напримѣръ, Голыцынскимъ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ управляющему, Суворовъ говоритъ: «А простое пѣніе всегда было дурно и больше, кажется, его испортилъ Бочкинъ, велимъ гласомъ съ Кабацкаго». Во время своего житья въ деревнѣ, пѣвчіе эти переводились изъ Москвы въ имѣніе.

Послѣ пѣнія Суворовъ спѣшилъ одѣваться; туалетъ свой онъ совершалъ не болѣе какъ пять минутъ и въ концѣ послѣдняго еще умывалъ лицо холодною водою. Вслѣдъ затѣмъ онъ приказывалъ своему камердинеру Прошкѣ позвать своего адъютанта, полковника Даншу Давыдовича Мандрыкина, съ дѣлами.

Ранѣе еще семи часовъ Суворовъ отправлялся на разводъ и здѣсь каждый разъ прочитывалъ свой катехизисъ, состоящій изъ слѣдующихъ военныхъ афоризмовъ: «Братцы! Смѣлость, храбрость, бодрость, экзерциція, побѣда и слава! Береги пулю на три дня. Перваго коли, второго коли, а третьяго съ пули убей... Ученый одинъ, а неученыхъ—десять. Намъ мало трехъ! Давай намъ шесть, давай намъ десять на одного... всѣхъ побьемъ, повалимъ, въ полонъ возьмемъ... Стрѣляй рѣдко, да мѣтко; штыкомъ коли крѣпко. Пуля обмишуглится, а штыкъ не обмишуглится; пуля дура, штыкъ молодецъ».

Къ разводу Суворовъ выходилъ въ мундирѣ того полка, какой былъ тогда въ караулѣ. Послѣ развода, если не было докладовъ и дѣлъ, онъ призывалъ инженернаго полковника Фалькони для чтенія иностранныхъ газетъ. Суворовъ выписывалъ до двѣнадцати заграничныхъ газетъ: шесть французскихъ и шесть нѣмецкихъ, и, кромѣ того, «Московскія» и «Петербургскія Вѣдомости». Изъ оставшихся послѣ Суворова расходныхъ книгъ видно, что онъ на газеты тратилъ въ годъ около трехъсотъ рублей.

По окончаніи чтенія газетъ, Суворовъ спрашивалъ, подано ли кушанье. Садился онъ за столъ въ 8 часовъ утра, а когда у него былъ парадный обѣдъ, то часомъ позднѣе. Передъ обѣдомъ онъ пилъ рюмку тминной

сладкой водки, иногда на мѣсто ея золотой, а когда страдалъ желудкомъ, то выпивалъ рюмку пѣннику съ толченымъ перцомъ. Закусывалъ водку всегда рѣдкой. Приборъ за столомъ у него былъ самый простой: оловянная ложка, ножъ и вилка съ бѣлыми костяными черенками; на серебрянъ онъ не ѣлъ, говоря: «въ серебрянъ есть ядъ». Суворовъ никогда не садился на хозяйское мѣсто, а всегда съ боку, по правую сторону стола, на самомъ углу. Передъ обѣдомъ, идучи къ столу, онъ читалъ громко: «Отче нашъ». Кушанья не ставили на столъ, а носили прямо изъ кухни, съ огня, горячее въ блюдахъ, обнося каждаго гостя, и начиная со старшихъ. Суворову подносили не всякое блюдо, а только то, которое онъ кушалъ; Суворовъ наблюдать величайшую умѣренность въ пищѣ, онъ часто страдалъ разстройствомъ желудка. Камердинеръ его, Прошка, всегда стоялъ позади его стула и не допускалъ его съѣсть лишнее, прямо отымая тарелку, не убѣждаясь никакими просьбамъ, потому что зналъ, что въ случаѣ нездоровья Суворова, онъ же будетъ въ отвѣтъ и подвергнется строгому взысканію: «Зачѣмъ давалъ лишнее ѣсть?» И если въ такой моментъ разгнѣванный его баринъ спрашивалъ, по чѣму приказанію онъ это дѣлаетъ, то онъ отвѣчалъ: «По приказанію фельдмаршала Суворова». — «Ему должно повиноваться», говорилъ Суворовъ. Часто Прошка обходился весьма дерзко со своимъ бариномъ, что случалось, по большей части, оттого, что онъ былъ постоянно пьянъ, но Суворовъ снисходилъ ему потому, что онъ нѣкогда спасъ его жизнь. Король Сардинскій, Карлъ Эммануиль, прислалъ Прошкѣ двѣ медали на зеленыхъ лентахъ, съ изображеніемъ на одной сторонѣ императора Павла I, на другой — своего портрета, съ латинскою надписью: «За сбереженіе здоровья Суворова». Прошка всегда носилъ ихъ на груди.

Въ продолженіе обѣда Суворовъ пилъ немного венгерскаго или малягу, а въ торжественные дни — шампанское. Суворовъ никогда не завтракалъ и не ужиналъ. Лакомствъ и плодовъ онъ не любилъ; изрѣдка только, вмѣсто ужина, подавали ему нарѣзанный ломтиками лимонъ и обсыпанный сахаромъ, да иногда ложечки три варенья, которыя онъ запивалъ сладкимъ виномъ.

Во время походовъ Суворовъ никогда не обѣдывалъ одинъ; столъ его накрывался на пятнадцать, на двѣнадцать персонъ для генераловъ и прочихъ чиновъ, составлявшихъ его свиту. За столомъ Суворовъ имѣлъ предразсудки: не терпѣлъ, чтобъ брали соль ножомъ изъ солонки, двигали ее съ мѣста или ему подавали: каждый долженъ былъ отсыпать себѣ на скатерть соли, сколько ему угодно, и тому подобное...

Послѣ стола всегда крестился три раза; вообще онъ молился очень усердно и всегда съ земными поклонами, утромъ и вечеромъ, по четверти часа и долѣе. Во время Великаго поста въ его комнатахъ всякій день отправлялась Божественная служба; а когда говѣлъ онъ, во всю недѣлю пилъ одинъ чай, безъ хлѣба. Во время Божественной службы у себя дома,

какъ и въ деревнѣ, онъ всегда служилъ дьячкомъ, зная церковную службу лучше многихъ причетниковъ. О Святой недѣлѣ, отслушавъ заутреню и раннюю обѣдню въ церкви, онъ становился въ ряду съ духовенствомъ и христосовался со всѣми, кто бы ни былъ въ церкви. Во все это время его камердинеры стояли сзади его, съ лукошками крашеныхъ яицъ, и Суворовъ каждому подавалъ яйцо, а самъ ни отъ кого не бралъ. Во всю Святую недѣлю пасха и куличъ не сходили съ его стола и предлагались каждому изъ гостей.

Въ Троицынъ день и Семикъ онъ праздновалъ по старинному русскому обычаю; обѣдывалъ всегда съ гостями въ рошѣ подъ березками, украшенными разноцвѣтными лентами, при пѣніи пѣвчихъ или пѣсенниковъ и при хорахъ музыки. Послѣ обѣда самъ игралъ въ хоровахъ съ дѣвушками и съ солдатами. Въ походахъ, во время Святокъ, если это случалось въ городахъ, то всегда праздновалъ ихъ шумно, приглашая множество гостей, забавлялся игрою въ фанты и въ другія игры, и особенно очень любилъ игру: живъ, живъ курилка. На масляницѣ онъ очень любилъ гречневые блины и катанье съ горъ. А также на этой недѣлѣ давалъ балы, иногда раза три въ недѣлю. Самъ онъ на нихъ присутствовалъ до обыкновеннаго своего часа сна, и когда тотъ наступалъ, онъ потихоньку уходилъ отъ гостей въ спальню, давая гостямъ веселиться до утра. Именины и день своего рожденія никогда не праздновалъ, но всегда съ большимъ почтеніемъ праздновалъ торжественные царскіе дни: въ эти дни онъ бывалъ въ церкви во всѣхъ орденахъ и во всемъ парадѣ, и послѣ обѣдни приглашалъ гостей, а иногда дѣлалъ балъ.

Въ обыкновенные дни, послѣ обѣда, Суворовъ умывался, выпивалъ стаканъ англійскаго пива, съ натертой лимонной коркой и съ сахаромъ—этотъ напитокъ тогда ввела въ употребленіе княгиня Дашкова—затѣмъ раздѣвался со всѣмъ до-гола и ложился въ свою постель спать часа на три. Вставъ послѣ сна, онъ одѣвался очень быстро. Одежда его, кромѣ бѣлья, состояла изъ нижняго канифаснаго платья съ гульфиками; садясь на стулъ, онъ надѣвалъ наколѣнники и китель, бѣлый канифасный съ рукавами. Это былъ его домашній, комнатный нарядъ. И въ заключеніе надѣвалъ на шею Аннинскій или Александровскій орденъ. Зимой ни въ какой морозъ не носилъ онъ мѣхового платья, ни даже теплыхъ фуфаякъ или перчатокъ, хотя бы цѣлый день долженъ былъ стоять на морозѣ. Плаща и сюртука не надѣвалъ въ самый большой дождь. Въ самые суровые морозы, подъ Очаковымъ, Суворовъ въ лагерѣ былъ въ одномъ супервестѣ съ каской на головѣ, а въ царскіе дни — въ мундирѣ и въ шляпѣ, и всегда безъ перчатокъ. Императрица Екатерина II пожаловала ему дорогую соболью шубу польскаго покроя, крытую разнѣснымъ зеленымъ бархатомъ съ золотыми петлицами и кистями. Но Суворовъ никогда не надѣвалъ ее и только изъ повиновенія раза два надѣвалъ, когда выходилъ изъ кареты, въ которой съ большимъ уваженіемъ возилъ ее.

Зимою Суворовъ любилъ, чтобъ въ комнатахъ его было такъ тепло, какъ въ банѣ; дома онъ разгуливалъ безъ всякаго платья по комнатамъ. Въ Варшавѣ и въ Херсонѣ его квартиры были всегда съ садомъ, по которому онъ и бѣгалъ всегда въ одномъ бѣльѣ и въ сапогахъ. Квартира его состояла по большей части изъ трехъ комнатъ. Первая комната была его спальня, и вмѣстѣ съ тѣмъ кабинетъ, вторая шла за столовую, гостиную и залу, а третья—назначалась для его слугъ. Въ спальнѣ его всегда до разсвѣта горѣли двѣ восковыя свѣчи, а въ камердинерской, возлѣ его спальни, горѣла одна сальная, въ тазу, во всю ночь.

Суворовъ часто спалъ навзничъ, и оттого подвергался приливамъ и кричалъ во снѣ; во время такихъ припадковъ прислуга должна была будить его. Суворовъ очень любилъ мазаться помадою и прыскаться духами; особенно онъ любилъ одеваванъ, которымъ всякій день смачивалъ узелокъ своего платка. Табаку онъ никогда не курилъ, но любилъ нюхать очень часто рульной табакъ. Табакерку въ будничные дни онъ имѣлъ золотую, а въ праздники осыпанную брилліантами; такихъ у него было нѣсколько, все подарки царственныхъ особъ; онъ не любилъ также, чтобы нюхали его табакъ. Исключеніе было только для князя Г. С. Волконскаго, съ которымъ онъ былъ въ большой дружбѣ. Онъ не терпѣлъ, чтобы въ домѣ его были зеркала, и если въ отведенной ему квартирѣ оставались такія, то ихъ закрывали простынями. «Помилуй Богъ» говорилъ онъ, «я не хочу видѣть другого Суворова». Если же случалось ему увидѣть незакрытое зеркало, то тотчасъ отвернется и во всю прыть проскачетъ мимо, чтобы не увидѣть себя. Однажды только въ Херсонѣ, по усиленной просьбѣ дамъ, позволилъ онъ поставить въ дальней, задней комнатѣ маленькое зеркало, которое онъ прозвалъ «для дамъ, кокетокъ» и самъ въ эту комнату не входилъ. Да и дамы послѣ такого его отзыва не рѣшались туда идти. Во время пребыванія Суворова въ Таврическомъ дворцѣ, по приказу императрицы, самое точное вниманіе было оказываемо къ причудамъ фельдмаршала, уже не говоря о томъ, что всѣ зеркала были завѣшаны и дорогая мебель вынесена; но и комнаты были приспособлены такъ, какъ у него въ домѣ. Такъ, для спальни назначили комнату, гдѣ есть каминъ; для кабинета же особой комнаты не дали. Въ спальнѣ фельдмаршала, посрединѣ, къ стѣнѣ настлали сѣна, которое покрыли простыней и одѣяломъ; въ головы положили двѣ большія подушки, что составляло всегдашнюю его постель. У окна поставили столъ для письма, двое креселъ и маленькій столикъ, на которомъ его поваръ Матъка разливалъ чай. Кушанья для Суворова подъ надзоромъ послѣдняго приготавливали въ пяти горшечкахъ. Въ скоромные дни были: вареная съ разными пряными веществами говядина, подъ названіемъ духовой, щи изъ свѣжей или кислой капусты; иногда калмыцкая похлебка—бапбармакъ, пельмени, каша изъ разныхъ крупъ и жаркое изъ дичи или телятины. Въ постные дни: бѣлые грибы, различно пригото-

вленные, пироги съ грибами, иногда жидовская щука; готовилась она такъ: снять съ щуки кожу, не отрѣзывая головы, и, очистивъ мясо отъ костей, растирають его съ разными пряностями; фаршируютъ имъ щучью кожу и, сваривъ, подаютъ съ хрѣномъ... Суворовъ любилъ и просто разварную щуку, подъ названіемъ щуки съ голубымъ перомъ.

Суворовъ не менѣе зеркаль не терпѣлъ и своихъ портретовъ. Кажется, курфирстъ Саксонскій первый упросилъ его списать съ него портретъ для дрезденской галереи. Онъ прислалъ къ нему извѣстнаго живописца Миллера. Суворовъ очаровалъ его своими разговорами.

— Ваша кисть, сказалъ онъ ему, — изобразить черты лица моего: онѣ видимы, но внутренній человекъ во мнѣ скрытъ. Я долженъ сказать вамъ, что я лилъ кровь ручьями. Трепещу, но люблю моего ближняго; въ жизнь мою никого не сдѣлалъ я несчастнымъ, не подписалъ ни одного смертнаго приговора, не раздавилъ моею рукою ни одного насѣкомаго, бывалъ малъ, бывалъ великъ!

При этихъ словахъ онъ вскочилъ на стулъ, прыгнулъ со стула и прибавилъ:

— Въ приливъ и отливъ счастья, уповая на Бога, бывалъ я неподвиженъ такъ, какъ теперь: онъ сѣлъ на стулъ. — Вдохнитесь гениемъ и начинайте, сказалъ онъ Миллеру.

— Твой гений вдохновитъ меня! воскликнулъ Миллеръ.

Суворовъ при себѣ не носилъ никогда ни часовъ, ни денегъ, также и въ домѣ его никогда не было часовъ; онъ говорилъ, что солдату они не нужны и что солдату и безъ часовъ должно знать время. Когда надо же было идти въ походъ, никогда въ приказахъ своихъ не назначалъ часа, но всегда приказывалъ быть готовыми съ первыми пѣтухами; для того, онъ выучился пѣть пѣтухомъ и когда время наставало, выходилъ и выкрикивалъ «кукареку». Голосъ его немедленно раздавался и войска выступали въ походъ. — Также не держалъ при себѣ Суворовъ никакихъ животныхъ, но, увидѣвъ на дворѣ собаку или кошку, любилъ ихъ приласкать; собакѣ кричалъ: «гамъ, гамъ», а кошкѣ: «мяу, мяу», подражая ихъ голосу.

Живя въ деревнѣ съ Покрова или въ Великомъ посту, въ одной изъ своихъ комнатъ устраивалъ родъ садка; полъ горницы приказывалъ устилать пескомъ, наставить тамъ елокъ и сосенъ, поставить ящики съ кормомъ и напустить туда скворцовъ и всякой мелкой птицы. Такъ до Святой недѣли тамъ и жили птицы у него какъ въ саду. А въ Великій праздникъ, когда станетъ потеплѣе, велитъ ихъ выпустить на волю. «Онѣ, скажетъ, — промахнулись, рано прилетѣли, и на снѣгу имъ было взять нечего... Вотъ теперь до тепла, пускай у меня поживутъ на елкахъ».

Въ новгородскомъ своемъ имѣніи Суворовъ въ домашней жизни былъ еще неприхотливѣе: точно также рано вставалъ, ходилъ въ церковь, по праздникамъ звонилъ въ колокола, игралъ съ ребятишками въ бабки; на Масляной недѣлѣ строилъ ледяную гору; на Святой — качели, катанья по

льду на конькахъ, любилъ угощать всѣхъ виномъ, но самъ не пилъ и не любилъ пьяныхъ; даже зимой приказывалъ поливать водой у колодца такихъ крестьянъ, которые шибко пьянствовали. Простота его въ жизни доходила до того, что онъ на мѣсто лодки переправлялся на рѣкѣ въ чану, утвердивъ канатъ съ берега на берегъ. Суворовъ говорилъ: что военному надо на всемъ умѣть переплывать рѣки—и на бревнѣ, и на доскѣ.

Суворовъ ежедневно ходилъ по десяти и болѣе верстъ, и когда уставалъ, то бросался на траву и, валяясь нѣсколько минутъ на травѣ, держалъ ноги кверху, приговаривая: «это хорошо, чтобъ кровь стекла!» То же приказывалъ дѣлать и солдатамъ. Докторовъ, какъ мы выше уже говорили, онъ сильно не долюблялъ, и когда его подчиненные просились въ больницу, то онъ говорилъ имъ: «Въ богадѣльню эту не ходите. Первый день будетъ тебѣ постель мягкая и кушанье хорошее, а на третій день тутъ и гробъ! Доктора тебя уморятъ. А лучше, если нездоровъ, выпей чарочку винца съ перечкомъ, побѣгай, попрыгай, поваляйся и здоровъ будешь».

Когда Суворовъ захворалъ смертельно и когда сыпь и пузыри покрыли все тѣло его, то онъ слегъ въ постель и велѣлъ отыскать аптеку блаженной памяти Екатерины.—Она мнѣ надобна только на память, говорилъ Суворовъ, не любившій лекарствъ.

Простота и воздержность Суворова сроднила его съ недугами и научила ихъ переносить легко и безъ ропота; суровая жизнь закалила тѣло его отъ невзгодъ и была хорошей боевой школой. Школа Суворова хорошилась и подъ его причудами, только не сразу до смысла причудъ можно было добраться.

Графъ Сегюръ говорилъ въ своихъ запискахъ: «что Суворовъ прикрывалъ блестящія достоинства странностями, желая избавить себя отъ преслѣдованія сильныхъ завистниковъ». Потемкинъ сказалъ о немъ: «Суворова никто не «пересуворитъ». Екатерина, желая вывести Потемкина изъ ошибочнаго его мнѣнія объ умѣ Суворова, посоветовала ему подслушать ихъ разговоръ въ сосѣдней комнатѣ. Удивленный глубокомыслиемъ и умомъ Суворова, Потемкинъ какъ-то упрекнулъ его за то, что онъ съ нимъ не говорилъ такъ: «Съ царями у меня другой языкъ», отвѣчалъ Суворовъ. Однажды, разговаривая о самомъ себѣ, онъ сказалъ окружающимъ его: «Хотите ли меня знать? Я вамъ себя раскрою: меня хвалили цари, любили войны, друзья мнѣ удивлялись, ненавистники меня поносили, при дворѣ надо мною смѣялись; я бывалъ при дворѣ, но не придворнымъ, а Эзопомъ и Лафонтеномъ: шутками и звѣринымъ языкомъ говорилъ правду. Подобно шуту Балакиреву, который былъ при Петрѣ и благодѣтельствовалъ Россіи, кривлялся и корчился. Я пѣлъ пѣтухомъ, пробуждалъ сонливыхъ, утомлялъ буйныхъ враговъ отечества; если бы я былъ кесарь, то старался бы имѣть всю благородную гордость души его, но всегда чуждался бы его пороковъ».

Отецъ Суворова.

Въ нашей исторической литературѣ нѣтъ совсѣмъ біографіи Василія Ивановича Суворова, а между тѣмъ это былъ человѣкъ далеко не заурядный. Для облегченія будущаго біографа В. И. Суворова, я сообщаю въ настоящей замѣткѣ тѣ немногія и отрывочныя свѣдѣнія о немъ, которыя мнѣ удалось найти какъ въ печатныхъ, такъ и въ рукописныхъ источникахъ.

Отецъ генералиссимуса Суворова, генераль-аншефъ Василій Ивановичъ Суворовъ родился въ 1705 году, въ Москвѣ; отецъ его, Иванъ Григорьевичъ, былъ въ царствованіе Петра Великаго генеральнымъ войсковымъ писаремъ. Вотъ что говоритъ о своихъ предкахъ фельдмаршалъ Суворовъ: «Въ 1622 году выѣхали изъ Швеціи Наумъ и Суворъ и по ихъ челобитью приняты въ Россійское подданство; именуемы честные мужи раздѣлились на разныя поколѣнія и по Сувору стали называться Суворовы».

Изъ документовъ, представленныхъ, въ 1786 году фельдмаршаломъ Суворовымъ въ Московскую Дворянскую Опеку, видно, что отецъ его, Василій Ивановичъ, былъ крестникомъ Петра Великаго и началъ службу въ должности деньщика и переводчика, и, по кончинѣ императора, императрицею Екатериною Первою былъ выпущенъ лейбъ-гвардіи отъ бомбардиръ сержантомъ.

Вскорѣ Вас. Ив. Суворовъ былъ пожалованъ прапорщикомъ въ Преображенскій полкъ, гдѣ онъ и продолжалъ службу до капитана. При императрицѣ Аннѣ Иоанновнѣ онъ служилъ въ полевыхъ войскахъ прокуроромъ и въ это время участвовалъ, вмѣстѣ съ Ушаковымъ, въ Тобольскѣ, въ розыскѣ надъ княземъ Иваномъ Алексѣевичемъ Долгорукимъ, извѣстнымъ фаворитомъ и оберъ-камергеромъ императора Петра Второго, мужа не менѣе извѣстной княгини Натальи Борисовны.

Въ царствованіе императора Іоанна VI Суворовъ, февраля 2-го

1741 года, уволенъ отъ должности полевой службы прокурора и опредѣленъ къ гражданскимъ дѣламъ съ чиномъ коллежскаго совѣтника. Въ томъ же году онъ назначенъ прокуроромъ въ генераль-бергъ-директоріумъ въ рангѣ полковничьемъ. Въ 1753 году, марта 29-го, Суворовъ былъ представленъ сенатомъ въ оберъ-прокуроры Синода, но по высочайшей резолюціи пожалованъ въ бригадиры и въ декабрѣ того же года повелѣно его произвести въ генераль-маіоры и назначить членомъ Военной Коллегіи.

Въ числѣ дѣлъ Военной Коллегіи за 1754 годъ находится указъ объ отставкѣ изъ Оренбургскаго горнизона Пензенскаго полка подполковника Романа Державина, за имѣющимися у него болѣзнями отъ воинской и штатской службы, подписанный января 31-го генераль-маіоромъ Василіемъ Суворовымъ. Въ 1758 году, января 7-го, Вас. Ив. Суворовъ производится изъ генераль-маіоровъ въ генераль-поручики, съ оставленіемъ присутствовать въ Военной Коллегіи; апрѣля 20-го 1760 года, Суворовъ командированъ къ русской арміи, находящейся за границую, и состоитъ при провіантскомъ правленіи. На дорожныя его съ штабомъ издержки выдается двѣ тысячи рублей.

Во время его пребыванія за границей въ этой должности, императрица Елисавета поручала ему большія денежные операціи, очень благоволила къ нему, и въ іюнѣ того же года пожаловала орденомъ святого Александра Невскаго. Въ этомъ же году государыня ему писала:

«Реляція ваша, изъ Познани отъ 6-го іюля къ намъ отправленная, причинила намъ особенное удовольствіе. Что въ Познани, не смотря на всѣ бывшія затрудненія, однакожь столько вами провіанта запасено, что армія наша съ собою слишкомъ на мѣсяць возьметъ; то потому уповаемъ мы, что ревностнымъ вашимъ стараніемъ и въ Калишѣ не съ меньшею скоростью потребный магазинъ поспѣетъ и армія наша въ своемъ походѣ и операціяхъ затѣмъ отнюдь остановлена не будетъ. Чего ради всемилостивѣйше апробуемъ заключенный вами съ графомъ Гуровскимъ и комиссаромъ Циманомъ на то контрактъ и за передачу не ставимъ, что шляхтичъ Янъ Остенъ за меньшую сумму нѣсколько дешевле взять хотѣлъ. Старайтесь токмо, чтобы время притомъ упущено не было, а хлѣбъ теперь уже поспѣваетъ, и такъ, конечно, въ провіантѣ недостатку не будетъ. Что до денегъ принадлежитъ, то, во-первыхъ, повторяемъ вамъ наше благоволеніе и признаніемъ за знакъ прямого усердія всѣ трудности превосходящаго, что вы и не имѣя денегъ, столько однакожь за пасти успѣли, что въ Познани будутъ и остатки; а потому контракты свято наблюдать надлежитъ. Но какъ теперь и деньги не весьма скоро къ вамъ доставляемы быть могутъ, хотя вскорѣ знатныя суммы отправятся, то коротко рекомендуемъ вамъ нужную экономію хранить; однакожь больше того смогрѣть, чтобъ армія въ пропитаніи недостатка, а въ походѣ остановки, не имѣла, въ чемъ мы на васъ совершенно по-

лагаемся и для того почитаемъ, что всемѣрно надлежитъ вамъ лучше ближе къ арміи быть, нежели далеко назади въ Познанн оставаться. Мы пребываемъ къ вамъ императорскою милостію благосклонны. Данъ въ Царскомъ Селѣ іюля 18-го 1760 года.

Августа 16-го, того же года, государыня назначила Суворова сенаторомъ; въ сентябрѣ, 12-го числа, состоялся другой указъ на имя его: «О невызовѣ изъ арміи до окончанія кампаніи назначеннаго 16-го августа въ сенаторы Суворова». Въ декабрѣ того же года государыня назначила его въ должность генераль-губернатора завоеванной части Пруссіи. Указъ о назначеніи былъ тоже очень милостивый.

«Отзывая нашего», говорилось въ немъ, «генераль-поручика изъ Пруссіи губернатора Корфа сюда для опредѣленія генераль-полиціймейстеромъ, всевысочайше восхотѣли мы опредѣлить васъ на его мѣсто точно на такомъ же основаніи и съ такимъ жалованьемъ, какое онъ получалъ. Почему и имѣете вы немедленно въ Кенигсбергъ ѣхать и его смѣнить, а мы увѣрены пребываемъ, что и въ семь новомъ постѣ съ тою же ревностію службу вашу продолжать станете, о которой мы всегда оказывали вамъ наше удовольствіе и благоволеніе, пребывая императорскою милостію вамъ благосклонны. Данъ въ С.-Петербургѣ декабря 1760 года по именному ея императорскаго величества указу. Подписали: князь Трубецкой, графъ Михаилъ Воронцовъ, графъ Александръ Шуваловъ, графъ Шуваловъ (второй), Иванъ Неплюевъ, князь Яковъ Шаховской, статскій совѣтникъ Волковъ».

Числа въ указѣ не было выставлено; но такъ какъ курьеры изъ Петербурга въ Познань пріѣзжали въ девять дней, то слѣдуетъ полагать, что это назначеніе состоялось 12-го декабря 1760 года.

Извѣстный Андрей Болотовъ, въ своихъ запискахъ, даетъ намъ характеристику В. И. Суворова. Изъ разговора его съ нимъ, по пріѣздѣ въ Кенигсбергъ, онъ замѣтилъ, что Суворовъ былъ «довольно обо всемъ свѣдущъ», но только въ немъ не было ни малѣйшей пышности и великолѣпія такого, какое привыкли они видѣть въ прежнемъ губернаторѣ. Губернаторомъ онъ былъ разумнымъ, дѣловымъ и притомъ крайне трудолюбивымъ; вставалъ онъ такъ рано, что уже въ два часа пополуночи бывалъ всегда одѣтъ и можно было его всякому видѣть. Столъ его былъ очень умѣренный, гостей къ себѣ онъ никогда не звалъ и вообще отличался расчетливостію. Онъ входилъ во всякое дѣло съ основаніемъ и не давалъ никому водить себя за носъ. Дѣла при немъ шли очень хорошо; усердіе его къ службѣ было такъ велико, что онъ не только наблюдалъ, но и исправлялъ все, чего требовалъ долгъ его. По словамъ Болотова, онъ денно и ночно помышлялъ и о томъ, какъ бы доходъ, получаемый тогда съ королевства и простирившійся только до двухъ милліоновъ талеровъ, изъ которыхъ одинъ милліонъ тратился на расходы по королевству, сдѣлать больше и значительнѣе. Въ концѣ концовъ, Суворовъ

своими стараніями и трудами дошелъ до того, что сократилъ многочисленныя расходы и увеличилъ почти цѣлымъ миллиономъ доходы съ маленькаго тогда прусскаго государства, чѣмъ и приобрѣлъ особенное благоволеніе императрицы Елисаветы.

Жилъ онъ вдали отъ всякой пышности и великолѣпія и рѣдко, только въ торжественныя дни, звалъ на обѣды, но когда къ нему пріѣхали двѣ его дочери, то онъ сталъ жить нѣсколько открытѣе, и нрѣдка для дочерей сталъ давать балы; обѣ дочери уже были тогда невѣсты, и одну изъ нихъ онъ вскорѣ выдалъ замужъ за генераль-провіантмейстера лейтенанта князя Ивана Романовича Горчакова.

Пріѣзжалъ къ нему въ Кенигсбергъ на короткое время и будущій фельдмаршалъ, въ то время еще подполковникъ, но уже слывшій за большаго чудака и оригинала.

При восшествіи на престолъ императора Петра III, Суворовъ былъ уволенъ отъ губернаторства и на мѣсто его назначенъ генераль-поручикъ Панинъ. Указъ объ отозваніи его изъ Пруссіи состоялся 27-го декабря 1761 года. Болотовъ пишетъ, что «всѣ сожалѣли искренно добраго, усерднаго и исправнаго губернатора», всѣ привыкли къ его кроткому и хорошему нраву и считали какъ бы своимъ роднымъ. Его проводили со слезами. Прощаясь съ своими прежними подчиненными, онъ расцѣловалъ всѣхъ ихъ дружески, пожелавъ имъ всѣхъ благъ на свѣтѣ. Суворовъ перенесъ немилость государя мужественно, не выказавъ ни малѣйшаго неудовольствія, тотчасъ сдать всю команду и все правленіе новому губернатору и немедленно отправился въ Россію.

30-го января 1762 года генераль-лейтенантъ Василій Ивановичъ Суворовъ назначается на мѣсто Соимонова, Тобольскимъ губернаторомъ, но, какъ слѣдуетъ думать, въ Тобольскъ не уѣхалъ, такъ какъ, спустя полгода, находился еще въ Петербургѣ.

Въ запискахъ Штелина о послѣднихъ дняхъ царствованія Петра III говорится, что В. И. Суворовъ вмѣстѣ съ Ад. Вас. Олсуфьевымъ былъ посланъ въ Ораніенбаумъ съ отрядомъ гусаръ и конной гвардіи для арестованія гольштинскаго генералитета со всѣми оберъ- и унтеръ-офицерами и прочими войсками. Здѣсь гольштинцы отдали Суворову свои шпаги и тесаки, послѣ чего онъ объявилъ ихъ военноплѣнными и заключилъ въ крѣпость.

Суворовъ приказалъ составить опись всѣмъ находившимся во дворцѣ денежнымъ суммамъ и драгоценнымъ вещамъ. На другой день Суворовъ сдѣлалъ разборъ всѣмъ арестованнымъ офицерамъ и нижнимъ чинамъ. Изъ нихъ русскіе, малороссіяне и лифляндцы были приведены къ присягѣ въ дворцовой церкви, а гольштинцы и другіе иноземцы посажены на суда и перевезены въ Кронштадтъ. Вечеромъ въ тотъ же день Суворовъ объявилъ офицерамъ, что правительство полагается теперь на ихъ присягу и разрѣшилъ имъ разойтись по квартирамъ, съ тѣмъ, чтобы они

на слѣдующій день готовы были ѣхать въ Петербургъ. На другой день, всё оставшіяся въ Ораніенбаумѣ войска препровождены были подъ прикрытіемъ гусаръ въ Петергофъ. Затѣмъ, на слѣдующій день, они выступили въ Петербургъ и вечеромъ расположились по квартирамъ въ Московско-Ямской. Этимъ и ограничили дѣйствія В. И. Суворова въ знаменательные дни вступленія императрицы Екатерины II на престолъ. Государыня произвела его въ лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ премьерь-майоромъ и въ лейбъ-гвардіи Измайловскій — подполковникомъ.

Въ началѣ августа 1762 года губернаторамъ и воеводамъ были посланы указы собрать справки о томъ, сколько гдѣ имѣется нерозданныхъ засѣкъ и дикихъ полей, а также лѣсовъ и всякихъ угодій, и представить вѣдомости въ Сенатъ. Императрица повелѣла продавать эти земли съ публичнаго торга въ С.-Петербургской Вотчинной Конторѣ подъ главнымъ вѣдніемъ сенатора В. И. Суворова. Въ началѣ же 1763 года была учреждена подъ его предѣдательствомъ особая комиссія о продажѣ казенныхъ засѣкъ и «въ дачахъ не бывалыхъ земель»¹⁾. Въ концѣ того же года, государыня наградила Суворова чиномъ генераль-аншефа; а черезъ три года, въ день восшествія своего на престолъ, пожаловала его орденомъ св. Анны первой степени.

Вас. Ив. Суворовъ умеръ въ Москвѣ, въ 1775 году, генераль-аншефомъ и сенаторомъ. Родовой его домъ находился на Царицынъ улицѣ, нынѣшняя Большая Никитская; домъ этотъ былъ третьимъ отъ церкви Вознесенія. Въ тѣ года, эта церковь еще была иноческа обитель во имя Феодора Студита, основанная родоначальникомъ дома Романовыхъ.

За алтаремъ этого храма даже послѣ 1812 года существовали могилы родителей великаго Суворова, покрытыя деревянною крапеной кровелькой; впоследствии камень съ высѣченною на немъ надписью отъ небреженія утратился, или употребленъ на починку церкви.

По рассказамъ старожиловъ-прихожанъ, фельдмаршалъ, когда бывалъ въ Москвѣ, всегда служилъ паннхиду, а въ церкви за обѣднею читалъ Апостолъ и раздавалъ милостыню нищимъ за упокой родителей своихъ. Теперь уже нѣтъ никакого признака могилъ родителей Суворова; онѣ сравнены съ землей.

Домъ Суворова былъ каменный, одно-этажный; надъ нимъ надстроены другой этажъ только въ шестидесятихъ годахъ нынѣшняго столѣтія. Незадолго до 1812 года онъ былъ купленъ какимъ-то докторомъ. Въ тридцатыхъ годахъ имъ владѣлъ купецъ Вейеръ, а въ семидесятихъ годахъ домъ принадлежалъ барону Шеппину.

В. И. Суворовъ былъ очень экономенъ, вѣрнѣе скупъ до скарденности, и очень свѣдущъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Изъ приказовъ генералиссимуса по имѣніямъ, видно, что онъ часто приказывалъ своимъ управляю-

¹⁾ См. II. С. З. № 11,781.

щимъ строго придерживаваться порядковъ, существовавшихъ при покойномъ его отцѣ.

В. И. Суворовъ зналъ нѣсколько языковъ и перевелъ извѣстное сочиненіе Вобана «Основаніе крѣпостей».

Женатъ былъ В. И. Суворовъ на Авдотѣ Ѳедосѣевнѣ Мануковой; отецъ ея служилъ при Петрѣ I дьякомъ и описывалъ Ингерманландію по урочищамъ. Во время празднованія свадьбы князя-папы онъ участвовалъ въ потѣшной процессіи, одѣтый по-польски, со скрипкою въ рукахъ. При императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ онъ былъ петербургскимъ воеводой и въ концѣ 1737 года судился за злоупотребленія по службѣ. Дочь его, Авдотья Ѳедосѣевна, какъ это видно по раздѣльной записи, принесла въ приданое домъ въ Москвѣ и имѣніе въ Орловскомъ уѣздѣ.

Вышла она замужъ въ концѣ 20-хъ годовъ. Въ 1760 году Авдотья Ѳедосѣевна въ живыхъ уже не было; въ перепискѣ ея сына, за все время его долгой жизни, не говорится о ней ни слова, также не встрѣчается ни одного намека или воспоминанія.

В. И. Суворовъ имѣлъ двухъ дочерей и сына — старшая его дочь Анна Васильевна ¹⁾, какъ мы упоминали, была замужемъ за генералъ-поручикомъ княземъ Иваномъ Романовичемъ Горчаковымъ; родилась она въ 1744 году и умерла въ 1813 году, похоронена въ Москвѣ въ Донскомъ монастырѣ близъ главной церкви; на семейной могилѣ Горчаковыхъ три черныхъ урны—на средней изъ нихъ слѣдующая эпитафія:

«Здѣсь прахъ почіетъ той, что славы и сребра
 «Средь міра тлѣннаго въ сей жизни не искала,
 «Но добродѣтельми на небо возлетала:
 «Се Горчакова мать—Суворова сестра!»

Внизу сказано: сочинялъ г. Державинъ.

Младшая дочь В. И. Суворова, Марья Васильевна, была замужемъ за дѣйств. ст. сов. Алексѣемъ Васильевичемъ Олешевымъ, служившимъ вологодскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства. Олешевъ жилъ въ роскошно устроенномъ своемъ имѣніи, Ермоловъ, въ 12-ти верстахъ отъ Вологды. Онъ былъ человѣкъ весьма образованный по тому времени: имѣлъ у себя хорошую бібліотеку и самъ писалъ и переводилъ книги философскаго и нравственнаго содержанія; такихъ книгъ и переводовъ извѣстно до пяти. Какъ жена генералиссимуса, такъ и онъ самъ съ сыномъ жила у него въ имѣніи. Олешевъ прожилъ съ женой всего три года, и впослѣдствіи былъ женатъ на другой. Онъ былъ очень друженъ съ извѣстнымъ въ свое время поэтомъ, тоже вологжаниномъ, Мих. Ник. Муравьевымъ. Олешевъ умеръ въ 1788 году, въ Петербургѣ, и похороненъ въ

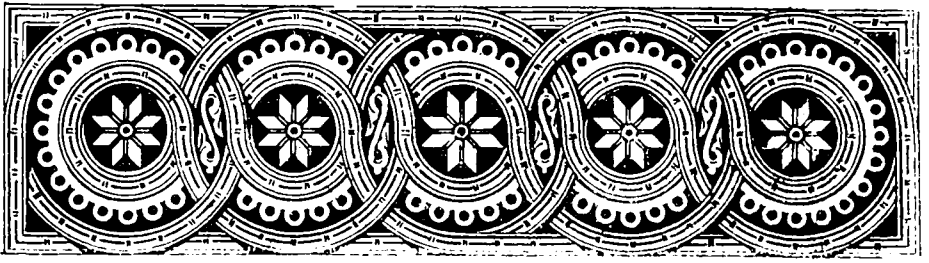
¹⁾ Анна Вас. владѣла въ Москвѣ домомъ въ приходѣ Трехъ Святителей на Большой Мясницкой, въ 5-мъ кварталѣ, по нумераціи дома 2.

Невскомъ монастырѣ на Лазаревскомъ кладбищѣ. На могилѣ его находится слѣдующая эпитафія:

«Сіе изъ мрамора и металла надгробіе положила оставшаяся по немъ вторая жена и рожденный отъ нея сынъ его, неутѣшно сѣтующіе о разлученіи съ нимъ и горестно оплакивающіе его кончину.

- Останки тѣлныя того сокрыты тутъ,
- Кой вѣчно будетъ жить чрезъ свой на свѣтѣ трудъ,
- Чѣмъ Шпальдингъ, Дюмулинъ и Юмъ себя прославилъ,
- То Одешевъ своимъ соотчичамъ оставилъ.
- Былъ воинъ, судія, мудрецъ и экономъ,
- Снякавшій честь сохой, и шпагой, и перомъ.
- Жилъ добродѣтельно и кончилъ жизнь безъ страху
- Читатель, ты, его воздавъ почтенье праху,
- Къ Всевышнему мольбы усердны вознеси.
- Да духъ блаженствуетъ его на небеси».

Стародавні старчики, пустосвяты и юродцы.

Въ самомъ началѣ появленія юродивыхъ, уже являлись люди, которые для своихъ корыстныхъ цѣлей пользовались легковѣріемъ народа. Іоаннъ Грозный во второмъ посланіи къ собору жалуется, что «лживые пророки, мужики и женки, и дѣвки, и старыя бабы бѣгають изъ села въ село, нагіе и босые, съ распущенными волосами, трясутся и быются, и кричатъ: св. Анастасія и св. Пятница велятъ имъ» и пр. ¹⁾.

Въ слѣдующемъ затѣмъ столѣтіи злоупотребленія въ этомъ отношеніи достигли крайнихъ предѣловъ, такъ что патріархъ принужденъ былъ запретить пускать въ церкви юродивыхъ и нищихъ. «Понеже — сказано было въ окружной грамотѣ 1646 г. — отъ ихъ крику и писку православнымъ христіанамъ божественнаго глѣна не слышать; да тѣмъ въ церкви въ Божія приходятъ аки разбойники съ палки, а подь тѣми палки у нихъ бываетъ копейца желѣзныя и бывають у нихъ межъ себя брани до крови и лая смрадная».

Въ началѣ XVIII вѣка въ обѣихъ столицахъ развелось особенно много юродивыхъ и другихъ странныхъ и полупомѣшанныхъ людей, которые являлись въ церкви въ «кощунныхъ одеждахъ», кричали, пѣли и дѣлали разныя безчинства во время богослуженія — единственно изъ корыстнаго желанія обратить на себя вниманіе богомольцевъ.

Такіе беспорядки въ церквахъ вызвали со стороны св. Синода слѣдующее постановленіе отъ 14-го іюля 1732 г.: «юродивыхъ по церквамъ въ столицахъ бродить не допускать, въ кощунныхъ же одѣянїяхъ и въ церквахъ не впускать, а въ приличномъ одѣянїи они могутъ входить, но стояли бы съ должною тихостію не между народомъ, но въ удобномъ уединенномъ мѣстѣ. А буде они стануть чинить каковыя своеволія, и

¹⁾ См. Истор. Рус. Церкви, стр. 238.

ихъ къ тому не попускать и показывать за то имъ, яко юродивымъ, отъ священно-церковнослужителей угрозыительные способы. А ежели они отъ того страху никакого имѣть не будутъ, то ихъ во время всякаго церковнаго пѣнія изъ тѣхъ церквей высылатъ вонъ. Каковыя же нынѣ юродивые при здѣшнихъ церквахъ суть, тѣхъ сыскать въ духовное правленіе и какими возможно способы испытывать, наипаче о томъ, не притворствуютъ ли они, и потомъ слѣдовать какъ надлежитъ: чей онъ крестьянинъ, какъ и отколь сюда пришелъ и гдѣ пристанище имѣетъ, и отколь пищу и одежду получаетъ, и собираемыя отъ подателей деньги куда они отдають».

Изъ этого указа видно, что Синодъ преслѣдовалъ не юродство, а только соблазнительные недостатки юродивыхъ; тѣмъ болѣе, что въ то время нѣкоторые изъ юродивыхъ жили даже при дворѣ, и имъ поручались многія благочестивыя дѣла, какъ, напригѣръ, раздача милостины и пр. Императрица Анна, пугливая и подозрительная, съ особеннымъ вниманіемъ слѣдила за появляющимися въ разныхъ вотчинахъ, какъ она выражалась, «якобы святыми», т. е. тѣми типическими проходимцами черезъ всю исторію Россіи, такъ называемыми «юродивыми», нерѣдко вѣщавшими въ иносказательной формѣ о разныхъ тягостяхъ и печаляхъ народныхъ, о злоупотребленіяхъ власти и т. д. При дворѣ матери императрицы Анны Иоанновны, набожной царицы Прасковьи Ѳедоровны, находилось множество разнаго рода калѣкъ и юродовъ. Историкъ Татищевъ, посѣщавшій царицу, рассказываетъ, что у нея былъ цѣлый госпиталь уродовъ, юродовъ, ханжей и шалуновъ. Изъ числа ихъ особеннымъ по четоу пользовался нѣкто Тимоѳей Архипычъ; у него цѣловали руки, просили благословенія, ждали пророческихъ сказаній, и каждому его простому слову придавали загадочное и таинственное значеніе.

I.

Тимоѳей Архипычъ.

К. Тромонингъ¹⁾ говоритъ о немъ слѣдующее: «1731 года, мая въ 29-й день, при державѣ благочестивѣйшей великія государыни нашей императрицы Анны Иоанновны всея Россіи, преставился рабъ Божій Тимоѳей Архиповъ сынъ, который, оставя иконописное художество, юродствовалъ міру, а не себѣ; а жилъ при дворѣ матери ея императорскаго величества государыни императрицы благочестивѣйшей государыни царицы и великой княгини Параскевіи Ѳедоровны двадцать осемь лѣтъ и

¹⁾ См. крайне рѣдкое изданіе «Достопримѣчательности Москвы», изд. въ 1842 году, 6 тетр., стр. 73.

погребенъ въ 30-й день мая въ Чудовомъ монастырѣ, въ стѣнѣ церкви Михаила Архангела, наружу съ южной стороны».

Къ этому Тромонинъ добавляетъ, что «надъ гробницею его (т. е. Архипыча) находится картина, гдѣ Тимошеей изображенъ лежащимъ въ гробѣ; возлѣ него стоитъ, какъ извѣстно по преданію, императрица Анна Иоанновна».

Болтинъ ¹⁾ говоритъ про Тимоея Архипыча, что онъ умѣлъ ловко подмѣчать рельефныя черты окружающаго его общества и весьма мѣтко опредѣлялъ противорѣчивыя свойства характера Анны Иоанновны. За ея склонность къ благочестію и монашеству онъ называлъ ее «Аноисой» и предрекалъ ей монастырь, а ея строптивость и самодурство выражалъ въ слѣдующемъ присловьѣ, которое произносилъ постоянно при видѣ Анны Иоанновны: «Донъ, донъ, донъ!—царь Иванъ Васильевичъ!»

Татищевъ рассказываетъ, что Тимошеей Архипычъ его не долгоблывалъ за то, что онъ не былъ суевѣренъ и руки его не цѣловалъ. «Однажды», пишетъ Татищевъ, «передъ отъѣздомъ въ Сибирь, я пріѣхалъ проститься съ царицей; она, жалую меня, спросила онаго шалуна: скоро ли я возвращусь? Онъ отвѣчалъ на это: «руды много накопиаетъ, да и самого закопаютъ».

Пророчество это, однако, не сбылось.

Другъ царицы Прасковьи, Настасья Александровна Нарышкина, питала къ Тимошееу Архипычу чувство глубокаго уваженія и довѣрія, чтילה его память и послѣ его смерти. Ея правнучка, Елис. Алек. Нарышкина, сообщаетъ о Тимошееѣ Архипычѣ слѣдующее ²⁾: «По занятіямъ этотъ блаженный былъ живописецъ и съ юныхъ лѣтъ расписывалъ храмы; послѣдней его работой были въ Чудовомъ монастырѣ, гдѣ онъ, между прочимъ, по преданію, помѣстилъ портреты царицы и ея друга Нарышкиной; всѣ полученные тамъ имъ деньги за работы, какъ и все свое остальное имущество, онъ роздалъ бѣднымъ, и послѣдніе годы своей жизни употребилъ на странствованія по Святýmъ мѣстамъ».

Далѣе та же именитая дама приводитъ слѣдующій религіозно-мистическій и суевѣрно-поэтический рассказъ, который мы передаемъ въ сокращеніи:

«Въ послѣдніе годы жизни Н. А. Нарышкина, по обыкновенію своему, пребывала въ своей моленной. Однажды, болѣе чѣмъ когда либо озабоченная будущностью своего потомства, въ виду возмущавшихъ ея душу преобразованій и реформъ, введенныхъ въ Россію Петромъ I, она пала на колѣни и, въ пылу религіознаго увлеченія, возносила къ небесамъ молитву о томъ, чтобы родъ ея неизмѣнно оставался вѣренъ истинному православію и не прекращался никогда. Внезапно ее озаряетъ видѣніе:

¹⁾ См. его примѣчанія на исторію Россіи г. Леклера, т. II, стр. 497.

²⁾ См. «Русс. Архивъ» 1874, т. I, стр. 612.

она видитъ передъ собою, на воздухѣхъ, колѣнопреклоненнымъ Тимоея Архипыча, держащаго въ рукѣ свою длинную сѣдую бороду. Обращаясь къ ней, онъ произнесъ: «Настасья, ты молила Бога, чтобы родъ твой не пресѣкался и пребывалъ въ православіи; Господь опредѣлилъ иначе, и молитва твоя вполне услышана быть не можетъ. Но я замолилъ Всевышняго, и доколѣ въ семьѣ твоей будетъ сохраняться въ цѣлости моя борода, желаніе твое будетъ исполнено, и родъ твой не прекратится на землѣ».

Устрашенная и взволнованная этимъ видѣніемъ и словами, Нарышкина упала и лишилась чувствъ. Когда ее подняли, и она пришла въ себя, то въ рукахъ ея оказалась длинная сѣдая борода, «та самая, которую я, прибавляеть ея правнучка, видѣла у свекра моего Ив. Алек. Нарышкина, родного внука Наст. Алек. Нарышкиной». Борода эта сохранялась въ особенномъ ящикѣ, на днѣ котораго лежала шелковая подушка съ вышитымъ на ней крестомъ, и на этой подушкѣ покоилась эта реликвія, или семейный талисманъ.

«Мнѣ особенно памятна эта борода», продолжаетъ Е. А. Нарышкина, «потому что вскорѣ послѣ моего замужества свекровь моя настояла, чтобы я временно перевезла ее къ себѣ въ домъ, въ надеждѣ, что ея присутствіе въ нашемъ домѣ принесетъ съ собою благословеніе Божіе и что у насъ съ мужемъ будутъ дѣти. Не могу теперь достоверно опредѣлить, въ какую именно эпоху борода исчезла и, не смотря на самыя тщательныя розыски, не могла быть отыскана. Когда хватились бороды и не нашли ее, то, послѣ многихъ тщетныхъ поисковъ, мы остановились на томъ убѣжденіи, что мой свекоръ, переѣзжая въ новый домъ, вздумалъ помѣстить въ этомъ ящикѣ свою коллекцію бѣлыхъ мышей, которыхъ онъ очень любилъ и для которыхъ счелъ это помѣщеніе весьма удобнымъ хранилищемъ при переѣздѣ. Затѣмъ остается предположить, что мыши привели эту бороду въ такое состояніе, что самъ Нарышкинъ, боясь упрековъ жены, выкинулъ ее по пріѣздѣ въ новый домъ; или прислуга, приводя въ порядокъ шкатулку, забросила или потеряла эту бороду; при этомъ достойно замѣчанія, что въ годъ исчезновенія бороды получены были извѣстія отъ старшаго брата мужа, проживавшаго съ семьей за границею, что у единственнаго сына его Александра проявились первые признаки того тяжкаго недуга, который свелъ его въ могилу; такъ какъ онъ наслѣдниковъ послѣ себя не оставилъ, эта вѣтвь Нарышкиныхъ, послѣ кончины моего мужа, дѣйствительно пресѣкалась».

II.

Ксенія Григорьевна.

Во время императрицы Елисаветы Петровны известна была городи-
вая «Ксенія Григорьевна»¹⁾, жена придворнаго пѣвчаго Андрея Ѳеодо-
рова Петрова, «состоявшаго въ чинѣ полковника». Ксенія въ молодыхъ
годахъ осталась вдовою (26 лѣтъ); раздавъ все свое состояніе бѣднымъ,
она надѣла на себя одежду своего мужа и подъ его именемъ странство-
вала сорокъ пять лѣтъ, не имѣя нигдѣ постояннаго жилища. Главнымъ
мѣстопробываніемъ ея служила Петербургская сторона, приходъ св. апо-
стола Матѳея, гдѣ одна улица называлась ея именемъ «Андрей Петровъ». По
преданію, Ксенія пользовалась особеннымъ уваженіемъ у петербург-
скихъ извозчиковъ, которые, завидя ее гдѣ нибудь на улицѣ, напере-
рывъ одинъ передъ другимъ предлагали ей свои услуги, въ томъ убѣ-
жденіи, что которому изъ нихъ удастся хотя нѣсколько провезти Ксе-
нію, тому непременно повезетъ счастье.

Годъ смерти Ксеніи неизвѣстенъ; нѣкоторые увѣряютъ, что она по-
гребена на Смоленскомъ кладбищѣ еще до перваго наводненія, случив-
шагося въ 1777 г.; при жизни предсказала жителямъ Петербургской сто-
роны смерть императрицы Елисаветы Петровны 25 декабря 1761 г. Ксе-
нія ходила по Петербургской сторонѣ и говорила жителямъ: «Пеките блины,
вся Россія будетъ печь блины». На другой день императрица внезапно
скончалась. По другимъ рассказамъ Ксенія скончалась въ царствованіе
Павла Петровича, но это невѣрно: въ спискахъ кладбищенскихъ за это
-ремя имя ея не встрѣчается.

По преданію, въ скоромъ времени послѣ ея погребенія посѣтители
вразобрали всю могильную насыпь. Сдѣлана была другая, и усердствую-
щими лицами на могилѣ положена плита. Но плита скоро была разло-
мана и разнесена по домамъ. Другая плита также недолго оставалась
цѣлою. Ломая камень и разбирая землю, посѣтители бросали на могилу
Ксеніи посильныя денежныя пожертвованія, а кладбищенскіе нищіе этими
пользовались и забирали деньги себѣ. Тогда къ могилѣ прикрѣпили кружку
и на собранныя такимъ образомъ пожертвованія надъ могилою Ксеніи
поставили памятникъ въ видѣ часовни, которая существуетъ и теперь.
Здѣсь же находится кружка, куда жертвователи опускаютъ свои при-
ношенія. Половина собираемой такимъ образомъ суммы поступаетъ въ
пользу попечительства, а другая остается въ церкви на неугасимую лам-
паду на гробѣ Ксеніи. Всей суммы въ теченіе года высыпается изъ этой
кружки около 300 руб. сер. Могила Ксеніи посѣщается ежедневно на

¹⁾ Свѣдѣніе это мы беремъ изъ описанія Смоленскаго кладбища, составленнаго свя-
щенникомъ Стефаномъ Опатовичемъ.

Смоленскомъ кладбищѣ массою посѣтителей, и ни на одной изъ могилъ не служится столько панихидъ. Надпись на могилѣ Ксеніи слѣдующая: «Кто меня зналъ, да помянетъ мою душу для спасенія своей души».

Въ распоряженіи нашемъ имѣется крайне интересный архивный документъ, касающійся пророчества этой юродивой. Это собственно прошеніе о бѣдности къ императору Павлу I, поданное надворнымъ совѣтникомъ Думашевымъ, 15 іюня 1797 г. Вотъ извлеченіе изъ него, касающееся нашего повѣствованія: «Прими, монархъ славы, о чемъ доношу, есть либъ со мною все то не совершилось поднесъ и съ особою вашею умолю бы навсегда, но теперъ на совѣсти лежитъ, чтобъ вамъ не донести. Въ 1766 году, генваря 10 дня, былъ день моего рожденія; накануне моихъ именинъ, проживъ я съ моею женою девять мѣсяцевъ въ Петербургѣ, не получилъ никакой милости кромѣ крайняго прожитку, и надобно намъ было отъѣзжать въ Москву. Мы жили тогда въ домѣ вмѣстѣ съ покойною несчастною фрейлиною Анною Алексѣвною Хитрово, именнымъ повелѣніемъ намъ приказано жить съ нею и ѣхать вмѣстѣ въ Москву; жена моя ей была внучатная сестра, по оному родству она намъ была и поручена.

«Вдругъ въ оное число вышла къ намъ Богу угодная юродивая женщина, называемая Андрей Федорычъ, весь городъ ея зналъ и почиталъ таковою. Мы всѣ весьма обрадовались ея приходу и испугались, за счастье считали—къ кому она войдетъ въ домъ. Между многими отъ насъ вопросами она мало говорила, и надобно вслушиваться, что скажетъ; о прошедшемъ случаѣ матери моей и о несчастіи съ нею сказала догадками; что я завтра именинникъ и что мы этотъ день будемъ плакать и молиться и всѣ люди наши; я спрашивалъ, да за что и отъ чего? она сказала: ну да царь заставитъ васъ плакать отъ радости, и послѣ еще много слезъ будетъ у васъ; я говорю: какой царь, скажи мнѣ.—Ну да какъ запоютъ Христось Воскресе, увидишь¹⁾, показала руками на свою голову, и окружила и пальцами едѣлала крестъ; мы, государь, изумились. Говорить: онъ очень будетъ счастливъ; женѣ моей говорить: ты у меня такъ дородна, какъ его жена.—Какая жена и чья? спрашивали.—Ну, вонъ его жена!—указала на вашъ портретъ, она вмѣстѣ, опять показала пальцами крестъ. Даже мы, монархъ, трое другъ съ другомъ не смѣли говорить,—совершилось подлинно въ нынѣшнемъ году въ свои самыя именины генваря 11 дня, получилъ извѣстіе отъ Дмитрія Прокофьевича Трощинскаго²⁾ о вашихъ ко мнѣ милостяхъ пожалованіемъ денегъ на оплату долговъ; рыданій и моленій много было сіе число, а паче меня удивило, взяла за мою ногу, шпоры украли, и плакала, то

¹⁾ Императоръ Павелъ I короновался въ 1-й день Пасхи.

²⁾ Оберъ-прокуроръ въ царствованіе императора Павла I и министръ при императорѣ Александрѣ I.

донесу объ ономъ, когда государь въ несчастіи матери моей наканунѣ нашего отъѣзда изъ Петербурга.

«Государь! Вашъ родитель, мой отецъ и божество мое, изволилъ матери моей сто, а мнѣ пятьдесятъ червонныхъ прислать на дорогу и мнѣ шпоры съ своихъ ножекъ, съ тѣмъ, чтобъ это было негласно; оныя шпоры во весь прусской походъ неопѣненнымъ даромъ при мнѣ хранились, и когда я бывалъ за майора, всегда на мнѣ, но, по возвращеніи изъ Пруссіи въ Россію, въ Валдаяхъ, меня въ ночи всего обокрали, остался въ чемъ былъ, много плакалъ объ оныхъ шпорахъ, послѣдняя сказала: «я не дождусь праздника Петра и Павла, а вы доживете. Далѣе, государь, умолчу описать подробно, что она говорила о царѣ; дай, Боже! чтобъ оное осталось въ Россіи по ея предсказанію, и она сказала покойному Николаю Ивановичу Рославлеву, онъ тогда былъ въ гвардіи майоромъ, и былъ посыланъ къ оной Андрею Ѳедорычу; послѣ онъ намъ пересказывалъ за секретъ предъ своею смертію,—все сбылось, что она ему сказала, въ предшедшемъ 1796 году.

«Государь не приѣмили отъ вашего вамъ подданнаго за выдумку и слогъ, клянусь присягою вамъ, крестомъ и Евангеліемъ и моею головою, а вашимъ мечомъ, что все сіе поднесъ истинная правда».

III.

Семень Митричь.

(Самымъ замѣчательнымъ на поприщѣ юродства въ Москвѣ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, былъ «Семень Митричь» (родился въ 1770 г., умеръ 31 декабря 1860 г.). Въ молодости онъ занимался башмачною торговлею на Смоленскомъ рынкѣ. Начало его юродства можно отнести къ эпохѣ «Новинскаго» въ Москвѣ пожара, въ 1804 г. У него сторѣла лавка; потеря всего имущества сильно подѣйствовала на него. «Пламя пожара освѣтило передъ нимъ всю нищету и суетность земныхъ заботъ и попеченій», говоритъ его анонимный біографъ въ «Домашней Бесѣдѣ» В. И. Аскоченскаго. По другимъ сказаніямъ, было въ Москвѣ одно купеческое семейство, состоявшее изъ отца и сыновей; жили они хорошо, но, по смерти отца, сыновья поссорились и раздѣлились; при раздѣлѣ одинъ обманулъ другого, и вотъ начали жить они отдѣльно, проклиная другъ друга. Одинъ изъ братьевъ скоро умеръ, успѣвъ отдать свою дочь въ Никитскій монастырь, гдѣ она жила до послѣдняго времени, а другой весь прожилъ, сталъ юродствовать и наконецъ сдѣлался Семеномъ Митричемъ. Онъ сперва принютился на паперти при церкви св. Троицы, гдѣ исправлялъ, между прочимъ, должности чтеца и пѣвца. Во время нашествия

французовъ онъ не выходилъ изъ Москвы и бродилъ по пустырямъ и обгорѣлымъ мѣстамъ.

Въ 1816 г. онъ поселился на Арбатѣ, въ домѣ купца Дронова, а въ 1821 г., при встрѣчѣ на улицѣ съ московскимъ оберъ-полицеймейстеромъ Шудьгинымъ, взятъ былъ въ съумасшедшій домъ. По испытаніи, его не признали умалишеннымъ и выпустили на свободу. Семень Митричъ вырылъ себѣ землянку во дворѣ дома купца Ильина, но вскорѣ пожелалъ опять на Арбатъ, къ тому же Дронову. Наконецъ, въ 1826 г. онъ переселился на житье въ приходъ св. Николая, что на Щепкахъ, въ домѣ купца Чамова; отсюда онъ выходилъ рѣдко, а съ 1836 до 1852 г. почти постоянно оставался въ саду, лѣтомъ и зимою.

Прежде онъ все зимой бѣгалъ на рѣку умываться, бѣгалъ босой, въ одной рубашкѣ, въ какую бы то ни было погоду: зной, стужа, 20° мороза для него не существовали. Ходилъ онъ съ открытой головой, иногда напѣвалъ вслухъ; но ни у кого ничего не бралъ и не просилъ. Потомъ онъ засѣлъ дома и началъ предсказывать. Чтобы попасть къ нему, надо было, выйдя въ ворота, пройти черезъ грязный переулокъ—на заднемъ дворѣ, спуститься въ подземелье, и тутъ направо была кухня, гдѣ онъ жилъ.

Кухня—въ родѣ подвала со сводомъ, прямо русская печь, направо окно и стѣна, уставленная образами съ горящими лампадами; налѣво, въ углу, лежалъ на кровати Семень Митричъ; возлѣ него стояла лохань; въ подвалѣ мракъ, сырость, грязь, вонь.

Прежде Семень Митричъ лежалъ на печи, потомъ легъ на постель, съ которой ни разу не вставалъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. Представлялъ онъ изъ себя какую-то массу живой грязи, въ которой даже трудно было различить, что это—человѣческій ли образъ или животное. Лежа на постели, Семень Митричъ совершалъ всѣ свои отправленія. Прислуживавшая ему женщина одѣвала и раздѣвала его, иногда по два и по три раза обтирала, мыла и перемѣняла на немъ бѣлье.

«Если же не доглядишь», рассказывала она: «такъ онъ и лежитъ...» «А то, прибавляла, и ручку, бывало, замараешь: ты подойдешь къ нему, а онъ тебя и перекреститъ».

Такую жизнь Семена Митрича почитали за великій подвигъ. Церкви онъ не зналъ; Богу тоже не молился; не любилъ, чтобы его спрашивали о чемънибудь; прямыхъ отвѣтовъ онъ не давалъ, а о себѣ говорилъ въ третьемъ лицѣ. Понимать его надо было со сноровкою. Спроси, напри- мѣръ, его ктонибудь о женихѣ или о пропажѣ, или, какъ одна барыня спросила, куда ея мужъ убѣжалъ,—онъ или обольетъ помоями, или обдастъ глаза какоюнибудь нечистью.

По рассказамъ современниковъ, онъ будто бы обладалъ глубокою прозорливостью, но для уразумѣнія его отвѣта опять нужна была сноровка, потому что онъ иногда говорилъ, что ему взбредетъ на умъ: «полѣно,

тараканъ, доска, воняеть, вошь» и т. п. Почитательницы его надъ каждымъ его словомъ ломали голову, отыскивая въ немъ таинственное значеніе. Какъ гласитъ надпись надъ его гравированнымъ портретомъ: «онъ узнавалъ настоящее и прошедшее, даже предсказывалъ нѣкоторые случаи, и они исполнялись; другіе же отъ самыхъ ударовъ его получали облегченіе».

Богатая купчиха изъ Рогожской выдавала дочь замужъ и пріѣхала спросить у Семена Митрича, каковъ женихъ? выдавать ли за него дочь и т. п. Вошла и сѣла она, а онъ и говоритъ: «доски». — Чтò за доски? спрашиваетъ купчиха: — какія у меня доски! у меня все сундуки, набитые шелкомъ, да бархатомъ!

— А мы отвѣчаемъ ей, говорила его прислужница: — что не знаемъ, а сами думаемъ: «какъ не знать, извѣстно, чтò значитъ доски—гробъ». Такъ вѣдь и сдѣлалось: дочь-то купчихи умерла.

Самъ Семень Митричь умеръ на пятидесятомъ году отъ рожденія. Во время его агоніи цѣлая толпа купчихъ не отходила отъ него. Въ день похоронъ его стеченіе народа было страшное. Хоронили его штабсъ-капитанъ Заливскій да его супруга изъ купеческаго рода. Гдѣ лежало тѣло, тугъ нельзя было пролѣзть. Дворъ постоянно былъ полонъ. Все имущество его растащили на память; одинъ тащитъ подушку его, другой какую нибудь его тряпицу, третій ложку, которою онъ ѣлъ; четвертый его опорки и т. д. Хоронили его на четвертый день послѣ смерти, но многіе сердились, зачѣмъ такъ скоро его хоронятъ. Переулки, примыкавшіе къ дому, гдѣ онъ жилъ, были переполнены народомъ. Въ церкви, во время обѣдни, у гроба его стояла стѣна почитателей: всѣ лѣзли, кто приложиться, кто только чтобъ до него дотронуться. И вся эта масса народа по окончаніи отпѣванія, подняла гробъ и понесла на Ваганьково кладбище.

Впереди всей процессіи скакалъ неизвѣстный никому юродивый, босикомъ, въ черной рубашкѣ. Скачетъ, скачетъ, скачетъ — остановится, три раза поклонится гробу и снова скачетъ... Потомъ несли образъ, шли пѣвчіе, духовенство, затѣмъ народъ, несшій на головахъ гробъ, и, наконецъ, экипажи. На кладбищѣ ревнителями было устроено обильное угощеніе (разошлись поздно). И долго еще Москва, извѣстнаго крута, ни о чемъ больше не говорила, какъ о Семенѣ Митричѣ. Двое, по рассказамъ, въ то же время стали писать его житіе: студентъ и священникъ, но, къ сожалѣнію, жизнеописаніе Семена Митрича въ печати не появилось.

IV.

Михаилъ Дурасовъ, Евсеіи Соломонія и Неонилла.

Въ царствованіе императора Александра I въ Москвѣ, кромѣ Семена Митрича, пользовались извѣстностью еще нѣсколько юродивыхъ. Такъ, въ Симоновомъ монастырѣ проживалъ Мих. Зин. Дурасовъ, въ мірѣ носившій чинъ генераль-лейтенанта; жилъ онъ въ монастырѣ тайно съ высочайшаго дозволенія, и чинъ его былъ извѣстенъ одному настоятелю монастыря. Онъ былъ ревностный ученикъ и послѣдователь знаменитаго саровскаго подвижника Серафима и отличался самою строгою подвижническою жизнью. Нерѣдко онъ казался весьма страннымъ, совершеннымъ юродивымъ; но подъ этою странностью, по словамъ знавшихъ его, онъ скрывалъ цѣль высокаго своего любомудрія и уклонялъ отъ себя міръ со всѣми прелестями его. Дурасовъ скончался 20 іюня 1828 г., 56 лѣтъ, погребенъ онъ въ Симоновомъ монастырѣ.

Въ Страстномъ монастырѣ проживалъ въ это же время монахъ Евсеій (скончавшійся въ 1836 году). Это былъ тогда самый популярнѣйшій юродивый въ Москвѣ. Онъ отличался вполне безупречною жизнью и, по словамъ монаховъ, «былъ славенъ особливо по великому терпѣнію разныхъ поношеній и біеній отъ непонимавшихъ его сокровенной духовной жизни».

При отпѣваніи и несеніи тѣла его изъ Страстнаго монастыря до Симонова, многія тысячи народа окружали и сопровождали гробъ его. Надъ прахомъ его было сказано, что въ его лицѣ «было видимое торжество вѣры и нищеты духовной, которая славнѣе и величественнѣе всякаго блеска богатыхъ и сильныхъ земли»; это надгробное слово говорилъ извѣстный въ то время проповѣдникъ архимандритъ Мельхиседекъ.

Въ то время въ Симоновомъ монастырѣ, у юго-восточной башни, было отведено особенное мѣсто для юродивыхъ, на которомъ обитала и давала безвозмездное послѣднее пристанище всѣмъ страннымъ и нищимъ духомъ, которыхъ въ народѣ зовутъ также блаженными. Еще до сихъ поръ тамъ цѣлы могильныя плиты двухъ знаменитыхъ въ свое время женщинъ-юродивыхъ, дѣвицъ Соломоніи и Неониллы. На памятникѣ первой написано: «Подъ симъ камнемъ погребено тѣло рабы Божьей дѣвицы Соломоніи, скончавшейся 1809 года, мая 9, на 55-мъ году отъ рожденія». На памятникѣ второй: «Подъ симъ камнемъ погребено тѣло рабы Божьей дѣвицы Неониллы болящей, скончавшейся въ ноябрѣ 29-го 1824 года».

V.

А н н у ш к а.

Въ Петербургѣ, въ царствованіе императора Николая I, пользовалась большою популярностью юродивая старушка «Аннушка» или «Анна Ивановна». По вѣншности это была небольшого роста женщина, лѣтъ шестидесяти, съ весьма тонкими красивыми чертами лица, одѣтая всегда бѣдно, съ ридикулемъ въ рукахъ, всегда полнымъ разныхъ даяній. Особенностью этой юродивой была страсть къ нюхательному табаку. Анна Ивановна происходила изъ знатной фамиліи¹⁾; говорили даже, что она была княжескаго рода; воспитаніе она получила чуть ли не въ Смольномъ институтѣ, прекрасно говорила по-французски и по-нѣмецки; въ молодости влюбилась въ гвардейскаго офицера, который женился на другой. Тогда она покинула Петербургъ и, спустя нѣсколько лѣтъ, явилась въ немъ юродивой. Она, не смотря ни на какую погоду, ходила по городу, собирала милостыню и раздавала ее другимъ; большею частью она проживала на Сѣнной, у одного домовладѣльца Дурышкина, и въ квартирѣ священника Чулкова, извѣстнаго отца Василія, вышедшаго изъ народа и пользовавшагося самою большою популярностью между купцами, мастерами и всякимъ бѣднымъ людомъ.

Разъ, бродя по городу, Аннушка зашла въ Лавру и, встрѣтившись здѣсь съ однимъ архимандритомъ, предсказала ему полученіе епископскаго сана. Дѣйствительно, архимандритъ вскорѣ былъ хиротонисанъ во епископа и оставленъ въ Петербургѣ викаріемъ. Онъ опредѣлилъ Анну Ивановну въ Охтенскую богадѣльню подъ вымышленной фамиліей Ложкиной. Впрочемъ, и послѣ опредѣленія въ богадѣльню она гораздо чаще жила на Сѣнной, у своихъ благодѣтелей,—говорять, потому, что жизнь богадѣленокъ ей не нравилась. Да и сама она не слишкомъ-то нравилась богадѣленкамъ за сварливость и частыя ссоры. Одѣтая въ отвратительныя лохмотья, она заводила ссоры, бранилась съ извозчиками и нерѣдко, вмѣсто платы за провозъ, била ихъ палкой. Такая товарка богадѣленкамъ не могла быть пріятною; зато на Сѣнной площади она пользовалась чрезвычайнымъ уваженіемъ. Торговцы, мастеровые, чернорабочіе и даже весьма многія духовныя лица въ Петербургѣ видѣли въ ней юродивую Христа ради и не соблазнялись ея наружностью. Мнѣ передавалъ одинъ изъ сторожниковъ Петербурга слѣдующій фактъ, случившійся въ домѣ его отца:

«Анна Ивановна часто бывала у моего отца; у него жилъ бѣдный аптекаръ. Разъ, придя къ отцу, она спросила:

«— Гдѣ аптекаръ!

¹⁾ См. Описаніе Смоленскаго кладбища Опатовича.

Когда послѣдняго позвали къ Аннѣ Ивановнѣ, то она положила ему въ ротъ десятирублевую бумажку, сказавъ:

— Крѣпко будешь париться въ банѣ, нѣмецъ!

Не прошло двухъ дней послѣ этого, какъ аптекарь, составивъ что-то на плитѣ, жестоко обжегъ себѣ лицо и грудь и долго послѣ того лечился въ больницѣ.

Незадолго до своей смерти Анна Ивановна пришла на Смоленское кладбище, принесла покровъ и, разостлавъ его на землѣ, просила протоіерея отслужить панихиду по рабѣ Божіей Аннѣ. Когда панихида была отслужена, она пожертвовала покровъ въ церковь съ тѣмъ, чтобы имъ покрывали убогихъ покойниковъ, и просила протоіерея похоронить ее на этомъ мѣстѣ. Послѣ этого приходили къ ней монахини изъ женскаго монастыря и предлагали мѣсто на своемъ кладбищѣ, но она отказалась. При погребеніи ея присутствовали почти все обитатели Сѣнной площади. На могилѣ ея стоитъ деревянный крестъ и положена плита съ надписью. Могила постоянно посѣщается народомъ; посѣтители берутъ землю изъ-подъ плиты и уносятъ ее съ собою, какъ средство отъ болѣзней.

VI.

Иванъ Яковлевичъ.

Изъ всеѣхъ извѣстныхъ лжепророковъ ни одинъ не пользовался такою большою извѣстностью, какъ жившій въ Москвѣ, въ половинѣ нынѣшняго столѣтія, «Иванъ Яковлевичъ Корейша». Онъ долженъ занимать первенствующее мѣсто въ исторіи различныхъ чудачествъ. Про него почитатели его говорили: «Онъ отъ писаній скажетъ и эллинской премудрости научить, и табачокъ освятить!»

Иванъ Яковлевичъ Корейша родомъ происходилъ изъ смоленскихъ священническихъ дѣтей; обучался въ духовной академіи, затѣмъ жилъ въ Смоленскѣ, управляя чѣмъ-то, но надѣлалъ что-то недоброе и ушелъ въ лѣсъ, рѣшившись юродствовать¹⁾). Крестьяне нашли его въ лѣсу копающимъ палкою землю, безъ шапки и безъ всякаго имущества; они построили ему избушку, стали къ нему ходить, и скоро имя Ивана Яковлевича сдѣлалось извѣстнымъ во всей окрестности. Такое начало подвижнической жизни Ивана Яковлевича было въ древне-русскомъ духѣ. Встарину все старцы и старицы уходили въ лѣсъ, въ пустынные мѣста, въ особенности на сѣверъ, гдѣ у нихъ являлась землянка или келья. Вскорѣ молва о пустынникѣ достигла деревень и селъ, и толпа собиралась, чтобы принять благословеніе, послушать вѣщихъ рѣчей и т. д.

Но строгой подвижнической жизни Ивана Яковлевича не суждено

¹⁾ См. ст. Прыжова: «Наше Время» 1860 г., стр. 547.

было дальнѣйшаго развитія. Въ двадцѣтихъ годахъ, въ Смоленскѣ, жила одна богатая и знатная барыня; у ней была дочь-невѣста, сговоренная за одного военнаго, героя двѣнадцатаго года. Свадьба уже была назначена, но невѣстѣ вздумалось съѣздить къ Ивану Яковлевичу. И вотъ мать съ дочерью ѣдутъ въ лѣсъ, къ землянкѣ Ивана Яковлевича, и спрашиваютъ у него: счастлива ли будетъ замужемъ такая-то раба Божія?

Иванъ Яковлевичъ, вмѣсто отвѣта, вскакиваетъ со своего мѣста, стучитъ кулаками о столъ и кричитъ: «разбойники! воры! бей! бей!»

Воротившись домой, невѣста объявила, что она замужъ за своего жениха не пойдетъ, потому что Иванъ Яковлевичъ назвалъ его разбойникомъ. Женихъ, узнавъ причину отказа, тотчасъ же отправился къ Ивану Яковлевичу, изрядно поколотилъ его, а потомъ просилъ губернатора избавить общество отъ полоумнаго изувѣра, разстраивающаго семейныя дѣла.

Такъ какъ дома для умалишенныхъ въ Смоленскѣ не было, то Иванъ Яковлевичъ былъ отправленъ въ московскій «безумный домъ», какъ тогда его называли. Невѣста же замужъ совсѣмъ не пошла, а переселилась въ монастырь, гдѣ была именьей и вела переписку съ Иваномъ Яковлевичемъ по свою смерть.

Ѣхалъ Иванъ Яковлевичъ въ Москву, а слава о немъ бѣжала впередъ, распространяя слухъ, что ѣдетъ пророкъ, чудесно все угадывающій и предсказывающій. По приѣздѣ въ Москву, Иванъ Яковлевичъ былъ помѣщенъ въ домъ умалишенныхъ. Вотъ описаніе его комнаты и его самого, заимствованное нами изъ газетъ того времени: «Въ его палатѣ стѣны уставлены множествомъ иконъ, словно часовня какая. На полу, предъ образами, стоитъ большой высеребренный подсвѣчникъ съ маслой свѣчекъ; въ подсвѣчникъ ставятъ свѣчи.

«Налѣво низко молится странникъ съ растрепанными волосами и въ порыжѣломъ отъ солнца кафтанѣ. Направо, въ углу, еще ниже молится баба. Прямо на диванѣ сидитъ молоденькая дѣвушка, на полу, возлѣ него, извѣстная московская купчиха З. Увидавъ вошедшихъ людей, она встала, опустила на юбку свое платье, поднятое кверху, чтобы не замарать его на полу, подвела къ нему подъ благословеніе своего ребенка, потомъ сама подошла, поцѣловала его руку и лобъ, перекрестила его и вышла.

«Направо, въ углу, на полу, лежитъ Иванъ Яковлевичъ, закрытый до половины одѣяломъ. Онъ можетъ ходить, но нѣсколько лѣтъ предпочитаетъ лежать; на всѣхъ больныхъ надѣто бѣлье изъ полотна, а у Ивана Яковлевича и рубашка, и одѣяло, и наволочка изъ темноватаго цвѣта. И этотъ темный цвѣтъ бѣлья, и обычай Ивана Яковлевича совершать всѣ пищевыя потребности, какъ-то обѣды и ужины (онъ все ѣлъ руками — будь это щи или каша — и о себя обгирался) — все это дѣлаетъ изъ его постели какую-то темногрязную массу, къ которой трудно и подойти.

«Лежитъ онъ на спинѣ, сложивъ на груди жилистыя руки. Ему лѣтъ около восьмидесяти; лобъ высокій, голова лысая, лицо какое-то придавленное. Онъ молчитъ или почти не отвѣчаетъ на всѣ предлагаемые ему вопросы. Сторожъ ему говоритъ:

«— Иванъ Яковлевичъ, что же вы не скажете ничего господамъ? Скажите что нибудь имъ.

«— Я усталъ, отвѣчалъ онъ, но потомъ сказалъ кое-что очень обыкновенное».

По великимъ постами, онъ велѣлъ приносить себѣ постныя и скоромныя кушанья, мѣшалъ ихъ вмѣстѣ и самъ ѣлъ, и другихъ кормить. За обѣдомъ и ужиномъ принималъ онъ и водочку. Купчихи, которыя дома не обходятся безъ постнаго сахара, ѣли у Ивана Яковлевича скоромныя кушанья, вѣруя, что это богоугодное дѣло.

Вообще же мѣшанье кушаньевъ имѣло въ глазахъ почитателей его какое-то мистическое значеніе. Принесутъ ему кочанной капусты съ лукомъ и варенаго гороху; оторветъ онъ капустный листъ, обмокнетъ его въ сокъ и положитъ къ себѣ на плѣшь, и сокъ течетъ съ его головы; остальную же капусту смѣшаетъ съ горохомъ, ѣсть и другихъ кормить: скверное кушанье, а всѣ ѣдятъ. Впрочемъ, поклонники его и не это дѣлали. Князь Алек. Долгоруковъ¹⁾ рассказываетъ, что онъ любилъ одну г-жу А. А. А., которая, слѣдуя въ то время общей московской довѣрчивости къ Ивану Яковлевичу, ѣздила къ нему, цѣловала его руки и пила грязную воду, которую онъ мѣшалъ пальцами. Князь добавляетъ, что «я на нее крѣпко разсердился за это и объявилъ ей, что если она еще разъ напьется этой гадости, то я до нея дотрогиваться не буду. Между тѣмъ, спустя три недѣли, она отправилась вторично къ нему— и когда онъ по очереди сталъ опять поить этой водой, то, дойдя до нея, отскочилъ и три раза прокричалъ: «Алексеѣй не велѣлъ!»

Болѣе сорока лѣтъ онъ предсказывалъ о женихахъ, угадывалъ о мѣстахъ, пророчествовалъ о морозахъ, о засухѣ, буряхъ, холерѣ, о войнахъ и т. д. Ему несли дары «съ упованіемъ нѣкія пользы», но онъ самъ ничѣмъ не пользовался, а раздавалъ окружающимъ.

Кромѣ того, при домѣ умалишенныхъ была устроена кружка, куда добротные датели клали свои лепты, нерѣдко и красенькія бумажки, какъ это дѣлали замоскворѣцкія купчихи. Приносимые же ему дары состояли обыкновенно въ калачахъ, яблокахъ и нюхательномъ табакѣ. Принятые Иваномъ Яковлевичемъ, такіе дары пріобрѣтали въ рукахъ его какую-то необыкновенную чудесную силу, потомъ же раздавались всѣмъ приходящимъ къ нему и производили мнимыя чудеса.

Одна барыня, услыхавъ однажды голосъ невѣрія, рассказывала, какъ у ней болѣлъ палецъ на рукѣ, и медики присудили его отрѣзать, ска-

¹⁾ См. «Органонъ живогнаго месмеризма». Соч. князя Долгорукова.

завѣ, что если она не отрѣжетъ пальца, то скоро нужно будетъ рѣзать ей всю руку. Нѣсколько дней продолжалась ужасная боль въ ея пальцѣ, и не знала она, что ей дѣлать и куда дѣваться. И вдругъ вспомнила, что въ ея комодѣ лежитъ свертокъ табаку, подареннаго ей Иваномъ Яковлевичемъ, съ надписью: «Табакъ отъ Ивана Яковлевича». Она велѣла подать себѣ этотъ табакъ, посыпала имъ палецъ, и—чудо!—палецъ тотчасъ же пересталъ болѣть и скоро зажилъ.

— Такимъ образомъ всѣ ваши доктора, продолжала она:—шарлатаны, а Иванъ Яковлевичъ истинный цѣлитель.

Кромѣ нюхательнаго табаку, другимъ служили лекарствомъ записочки, которыя онъ раздавалъ приходящимъ. Записочки эти носили на крестѣ; онѣ исцѣляли зубную боль, но, главное, по смыслу написаннаго въ нихъ указывалась судьба.

Писалъ Иванъ Яковлевичъ очень четко, но намѣсто словъ иногда дѣлалъ каракульки, чтобы въ его писаніи было больше чудеснаго.

Съ этою же цѣлью употреблялъ онъ греческія и латинскія слова. Предсказанія его и записочки были всегда загадочны до отсутствія всякаго смысла; въ нихъ можно было видѣть все и ничего не видѣть, а потому, объясняемая съ извѣстною цѣлью, они постоянно сбываются.

Въ послѣднее время своей жизни Иванъ Яковлевичъ рѣдко писалъ записочки; писаніемъ ихъ занимался его послушникъ Александръ Васильевичъ, который былъ прежде дьякономъ и все это къ батюшкѣ ходилъ, а подъ конецъ, какъ передавали поклонницы Ивана Яковлевича, выпросился изъ дьяконовъ, да при немъ и остался.

Вотъ нѣсколько образчиковъ письма Ивана Яковлевича: писано къ одной дамѣ, имѣвшей съ нимъ сношеніе въ продолженіе болѣе двадцати лѣтъ. Каждый шагъ этой дамы, вся участь ея дѣтей, все это предварительно подвергалось обсужденію его. Напримѣръ, дама писала: «Что ожидаетъ Петра — женитьба или монастырь? О чемъ думаетъ Петръ?» Отвѣтъ Ивана Яковлевича былъ слѣдующій: «Я не думала и не гадала ни о чемъ въ свѣтѣ тужить. А когда пришло времячко: взяла грудь тамить и нѣсть подъ лексомъ (закономъ), но подъ благодатью!»

Вопросъ. Идти ли рабѣ Божьей въ монастырь?

Отвѣтъ. Цорная ряза не спасаетъ, а альпа (альба, т. е. бѣлая) риза у ереси не уводитъ. Будьте мудри, яко ехидны, и цѣли, яко колюмп(бы) (голуби) и нетлѣненъ яко ар(б)порсъ (деревья) кипариси и пѣвки и кедри 1832 рока мензисъ (мѣсяць) Іулія XXII студентъ холодныхъ водъ Іоанусъ Іяковлевъ.

Вопросъ. Скоро ли получить рабѣ божій Николай (семинаристъ)?

Отвѣтъ. Во вселія (т. е. въ селы).

Вопросъ. Женится ли X.?

Отвѣтъ. Безъ працы не бенды колацы (sic).

Вопросъ. Ведяты ли выдать мнѣ проценты?

Отвѣтъ. Въ мефу дать аргентъ (серебро) боится.

Вопросъ. Что случится съ рабомъ Александромъ?

Отвѣтъ. Александръ Львовъ Филипа Василасу Македону Урбеу (sic).
Надо замѣтить: московскій прорицатель не церемонился съ буквами и писалъ вмѣсто б—п и т. д.

Незадолго до своей смерти Иванъ Яковлевичъ ¹⁾ написалъ къ одному лицу въ Москву слѣдующее письмо: «Гоанъ Яковлевичъ отенокъ нетлѣнаго свѣта тышетъ къ лучю нетлѣнаго свѣта безсмертнаго луча и свѣта... ²⁾ на брэнной землѣ... свѣтъ міру, а лучъ православный на земли и на водахъ ей витійствуетъ Духъ да почіетъ свѣтъ отъ трудовъ своихъ; не привѣтствуя Васъ... какъ всегда готовою для всемірной славы, тако міръ благовѣствую. Болѣе гораздо квадратныхъ лѣтъ ради Бога съ его народами тружусь у печки на двухъ квадратныхъ сажняхъ. Кто ищегъ Царствіе Небесное нудится, а нуждницы восхищаютъ. Благодарю Создателя моему, что Онъ меня, пораженнаго болѣзнями, не отринулъ, послалъ исцѣленіе. Ты, Господи, вся стихіею сотворилъ эси; Души праведныхъ въ рущѣ Божіи, отъ нетлѣнаго Свѣта брэнный свѣтъ питается... обратите милостивое ваше вниманіе на Ивана Яковлевича, исходатайствуйте ему свободу изъ больницы на чистый прохладный безболѣзненный воздухъ къ родной племянницѣ моей, діаконицѣ, Маріи въ село Петровское, за такое ваше милосердіе воздасть вамъ Богъ и Господь и Духъ Святый воздаяніе во Единой Троицы славимый? Аминь».

По этому письму Ивана Яковлевича хотѣли выпустить изъ дома умалишенныхъ, но когда ему объявили это, то онъ сказалъ, что «идти никуда не хочеть, а тѣмъ болѣе въ адъ».

Изъ разныхъ способовъ, которымъ приписывалась врачующая сила Ивана Яковлевича, замѣчательны были слѣдующіе: дѣвушекъ онъ сажалъ къ себѣ на колѣни и вертѣлъ ихъ; пожилыхъ женщинъ онъ обливалъ и обмазывалъ разными нечистотами, рвалъ имъ платья, дрался и ругался; всему этому придавали суевѣры символическое значеніе.

Княгиня В., больная, поддерживаемая двумя лакеями, пріѣхала къ нему спросить о своемъ здоровьѣ. Въ это время у Ивана Яковлевича были въ рукахъ два большихъ яблока. Ничего не говоря, онъ ударилъ княгиню этими яблоками по животу. Съ ней сдѣлалось дурно, она упала и потомъ, какъ говорили, болѣзнь какъ рукой сняло: она выздоровѣла.

Прыжовъ въ своей книгѣ ³⁾ приводитъ нѣкоторыя семейныя воспоминанія о Корейшѣ: «Бабушка моя, тетюшка и матушка», говоритъ онъ, «были усердными почитательницами Ивана Яковлевича. У бабушки жила шутиха, нѣкая Лизавета Ивановна, старая безнравственная дѣвка, заба-

¹⁾ См. книгу 26 московскихъ джепророковъ. М. 1863 г.

²⁾ Письмо это не годится для печати и приводится нами съ пропусками.

³⁾ См. «Житіе Ивана Яковлевича», стр. 22.

влявшая всѣхъ такими же штуками, какія Бергхольцъ видѣлъ при дворѣ Прасковьи Ивановны. Отправляясь разъ къ Ивану Яковлевичу, бабушка взяла съ собою Лизавету Ивановну, у которой тогда болѣла голова. Вотъ, вошли они на дворъ «безумнаго дома»; Лизавета Ивановна шла впереди. Увидѣвъ ее, Иванъ Яковлевичъ, гулявшій тогда по саду, бросился на нее, повалилъ ее на землю, сѣлъ на нее верхомъ и началъ бить ее по головѣ моченымъ яблокомъ и билъ до тѣхъ поръ, пока не измочалилъ все яблоко. Еле-еле убралась отъ него Лизавета Ивановна, и— представьте, что сдѣлалось!— у нея отъ побоевъ перестала болѣть голова».

Изъ почитателей Ивана Яковлевича извѣстны: г. Олсуфьевъ, купчиха Заливская и г-жа Г. Рассказывали, что послѣдняя дама имѣла въ Москвѣ судебное дѣло, въ которомъ отказано ей было во всѣхъ инстанціяхъ. Подавала она нѣсколько просьбъ начальству, и кончилось тѣмъ, что ее обязали подпиской не беспокоить болѣе начальства. Что ей дѣлать? Она бросилась къ Ивану Яковлевичу; онъ ей сказалъ: «Не бойся! ступай въ Питеръ и проси священника Александра». Она поѣхала въ Петербургъ, говѣла тамъ, исповѣдалась нарочно у священника Александра и выиграла дѣло. У нея же за долги было назначено въ продажу имѣніе. Завтра аукціонъ: что ей дѣлать? Она къ Ивану Яковлевичу.— «Не бойся», говоритъ онъ ей на своемъ мистическомъ языкѣ, «все будетъ хорошо!» Она, грѣшная, не вѣритъ, идетъ домой... и что-жъ? ей даютъ займы денегъ, она платитъ ихъ, и имѣнье остается за нею! Но не ко всѣмъ добръ бывалъ Иванъ Яковлевичъ. Пріѣзжаютъ разъ къ нему три жирныя и очень извѣстныя московскія купчихи въ тысячныхъ сапогахъ, и одна изъ нихъ, беременная, спрашиваетъ: кого она родитъ— мальчика или дѣвочку? Иванъ Яковлевичъ выгналъ ихъ всѣхъ и не сталъ съ ними говорить.

Пріѣхала къ нему извѣстная нѣкогда красавица-купчиха Ш. и спрашиваетъ его, о чемъ ей было нужно, а онъ поднялъ ея платье и говоритъ: «Все растрясла,—поди прочь!»

Настоящихъ дураковъ Иванъ Яковлевичъ терпѣть не могъ и гонялъ отъ себя, но особенно онъ не любилъ, когда къ нему обращались съ нелѣпыми вопросами.

Въ числѣ его почитателей много было важныхъ лицъ, и когда они пріѣзжали, то къ нему никого больше не пускали.

Такимъ почитателемъ Ивана Яковлевича считалось одно извѣстное лицо, которое, по его записочкамъ, написаннымъ на клочкѣ сѣрой бумаги, оказывало покровительство его родственникамъ. Такъ, напримѣръ, племянникъ Ивана Яковлевича былъ переведенъ изъ села Петровскаго въ село Черкизово.

Эти черкизовскіе родственники сильно хлопотали, чтобы взять къ себѣ Ивана Яковлевича и такимъ образомъ открыть у себя торговлю. Имъ помогалъ нѣкто В.; говорятъ, что послѣдній былъ прежде дьякономъ, потомъ

женился на купчихѣ, былъ учителемъ, по ходатайству одного лица передъ губернаторомъ, княземъ С. М. Голицынымъ, поступилъ въ совѣтъ, гдѣ, по милости князя же, дослужился до коллежскаго ассесора, потомъ поступилъ въ монахи, а теперь опять сдѣлался свѣтскимъ. Онъ подавалъ тоже прошеніе, чтобъ взять Ивана Яковлевича изъ съумасшедшаго дома.

Иванъ Яковлевичъ недѣли за три до своей смерти впалъ въ безпамятство, и все это время уста его не говорили вѣщихъ словъ; посѣтители выходили отъ него съ грудю нерѣшенныхъ вопросовъ; за все время его агоніи публика входила въ его комнату бесплатно.

Изъ предсмертныхъ его особенныхъ дѣйствій извѣстно, что за восемь дней до смерти онъ приказалъ купить восемь окуней и сварить ушеу; покушавъ послѣдней немного, онъ отложилъ ее до утра. Потомъ, разъ ночью, выдвинулся онъ на средину комнаты и легъ ногами къ образамъ, какъ прилично покойнику, но внимательными заботами сторожа былъ водворенъ на прежнее мѣсто, въ уголъ къ печкѣ.

Наконецъ пришелъ роковой часъ, и Ивана Яковлевича не стало. Скорбная вѣсть о его кончинѣ быстро пронеслась по всѣмъ концамъ Москвы. Множество поклонниковъ спѣшило къ нему, и всѣ несли ему укусуеу, спирту, масла, духовъ для умащенія его тѣла.

Два дня стоялъ онъ въ своей комнатѣ, и масса народа не отходила отъ него, прикладывалась къ нему и помазывала его для уничтоженія появившагося зловонія. Благоразумные поклонники, опасаясь, что отъ усерднаго натиранія трупъ окончательно испортится, сочли нужнымъ вынести его въ часовню.

«Московскія Полицейскія Вѣдомости» сообщали, что умершаго въ Преображенской больницѣ Ивана Яковлевича Корейша отпѣваніе тѣла будетъ въ воскресенье, 16 числа, въ 10 часу утра, въ приходской, что въ Екатерининскомъ богадѣльномъ домѣ, церкви, а погребеніе—въ Покровскомъ монастырѣ.

Въ назначенный день, чѣмъ-свѣтъ, стали стекаться къ нему почитатели; но погребеніе не состоялось за возникшимъ споромъ, гдѣ именно его хоронить. Говорятъ, что чуть не дошло до драки, и брань ужъ была, да и порядочная. Одни хотѣли везти его въ Смоленскъ, на мѣсто его родины; другіе хлопотали, чтобъ онъ былъ похороненъ въ мужскомъ Покровскомъ монастырѣ, гдѣ даже вырыта была для него могила подъ церковью; третьи умиленно просили отдать его прахъ въ женскій Алексѣевскій монастырь, а четвертые, уцѣпившись за гробъ, тащили его въ село Черкизово, гдѣ у покойнаго осталась племянница въ замужествѣ за дякономъ, который поэтому нажилъ себѣ благодѣтелей. На послѣдней сторонѣ больше всего было силы, и она одолѣла ¹⁾.

Изъ опасенія, чтобы не украли тѣло Ивана Яковлевича, стоявшее въ

¹⁾ См. «Сказанія о кончинѣ и погребеніи московскихъ юродивыхъ». М., 1862 г.

часовнѣ, сначала приставили къ нему сторожа, а потомъ внесли въ церковь, откуда уже никакъ нельзя было его украсть. Во все это время шли дожди, и была вездѣ страшная грязь, но, не смотря на то, во время перенесенія тѣла изъ квартиры въ часовню, изъ часовни въ церковь, изъ церкви на кладбище женщины, дѣвушки, барышни падали ницъ, ползали подъ гробомъ, ложились по дорогѣ, чтобы надъ ними пронесли гробъ. Принесли его въ церковь. Близъ гроба поставили три кружки, и эти кружки быстро наполнялись деньгами, а затѣмъ деньги, которыя не взяли въ кружки, посыпались въ гробъ.

Гробъ до самой могилы несли мужчины и женщины. Хоронили его на счетъ г-на Заливскаго, хотя онъ былъ католическаго вѣроисповѣданія. Этотъ же самый Заливскій хоронилъ и Семена Дмитрияча¹⁾.

Къ выносу праха изъ церкви собрались отовсюду уроды, юроды, ханжи, странники, странницы. Въ церковь они не входили за тѣснотой и стояли на улицѣ.

И тутъ, среди бѣлаго дня, среди собравшейся толпы, дѣлались народу поученія, совершались явленія и видѣнія, изрекались пророчества, хулы, собирались деньги, издавались зловѣщія рыканія и проч., и проч.

Г. Скавронскій²⁾ указываетъ еще нѣсколько особенностей погребенія Ивана Яковлевича. Въ продолженіе пяти дней его стоянія отслужено болѣе двухсотъ панихидъ; псалтырь читали монашенки и отъ усердія нѣкоторыя дамы покойника безпрестанно обкладывали ватой и брали ее назадъ съ чувствомъ благоговѣнія; вату эту даже продавали; овесъ игралъ такую же роль; цвѣты, которыми былъ убранъ гробъ, расхватаны вмигъ; нѣкоторые изувѣры, по увѣренію многихъ, отрывали даже щепки отъ гроба.

Бабы провожали гробъ воемъ и причитаніями: «на кого ты насъ, батюшка Иванъ Яковлевичъ, оставилъ, покинулъ сиротивнушекъ (последнее слово пѣлось и тянулось такимъ тономъ, что звенѣло въ ухахъ), кто насъ безъ тебя отъ всякихъ бѣдъ спасетъ, кто на умъ-разумъ наставитъ, ба-тюшка-а-а?»

Многіе ночевали около церкви. Могила выстлана была камнемъ на подобіе пещеры: многіе въ нее спускались и ложились. Долгое время на могилѣ служили по двадцати панихидъ въ день. Московскія купчихи, завертывая въ дорогія турецкія шали свѣчи и ладанъ, ѣдутъ на могилу Ивана Яковлевича и, отдавая тамъ свои дары, говорятъ: «свѣчи и ладанъ нашему батюшкѣ, а шаль священнику».

С. Калопинъ, редакторъ «Зрителя», описываетъ день похоронъ слѣдующимъ образомъ: «Я видѣлъ, какъ среди двора, окруженные разнообразными фигурами, горячо спорили два священнослужителя, городской и сельскій, имѣя безмолвнымъ ассистентомъ третьяго. Состязатели ока-

¹⁾ См. «Сѣверную Пчелу» о похоронахъ Ивана Яковлевича.

²⁾ «Очерки Москвы», т. II, стр. 212.

зались равно тонкими діалектиками, но наконецъ столичное краснорѣчіе превозмогло. Выносъ Ивана Яковлевича отличался большою торжественностію. Шли пѣвчіе и духовенство; гробъ несли женщины на головахъ; подъ покровъ, распростертый въ видѣ шатра, проходили, какъ, видѣлъ я, проходятъ подъ образа. Гробъ былъ украшенъ цвѣтами, къ нему безпрестанно прикладывались, отрывая листья и цвѣты, подносили дѣтей, брали опять зерна изъ-подъ покрова и т. д. По окончаніи панихиды, какая-то женщина изъ простонародья стала метаться у гроба и произнесла нѣсколько такихъ словъ, что ее вывели. Ревъ и вой въ народѣ не прекращался, крикуньи орали, какъ зарѣзанныя, и метались, какъ бѣсомъ одержимыя; на кладбищѣ была страшная давка».

Ниже Калопинъ говоритъ: «Я видѣлъ въ Москвѣ похороны двухъ извѣстныхъ русскихъ людей, Гоголя и Ермолова; того и другого проводила толпа. Но это были не тѣ проводы, не тѣ и почести: за Гоголемъ съ благоговѣйнымъ сознаніемъ шель университетъ, къ которому примыкала горсточка просвѣщенныхъ людей, свѣтъ, привыкшій къ университетской церкви, гдѣ стоялъ прахъ великаго человѣка. За Ермоловымъ народъ валилъ потому, что тутъ были войска, пушки, музыка, словомъ, даровое зрѣлище. И тѣни той торжественности, которою были проникнуты послѣднія почести Ивана Яковлевича, никто не видалъ вокругъ останковъ гениальнаго поэта и славнаго вождя».

Неутѣшная толпа, по словамъ газетъ, прямо съ похоронъ пошла въ съумасшедшій домъ и вѣнчала тамъ на мѣсто Ивана Яковлевича новаго юродиваго, который уже лежалъ на его мѣстѣ, испивъ малую толику отъ заупокойной чаши.

Новый преемникъ Ивана Яковлевича еще при жизни писалъ записочки; говорилъ онъ не уставая, говорилъ много, но совершенно безотносительно къ нуждамъ посѣтителей, и все больше о политическихъ неурядицахъ иностранныхъ державъ, до которыхъ поклонникамъ святоши дѣла не было.

Не смотря на то, что прошло нѣсколько десятковъ лѣтъ, а ревнители умершаго Ивана Яковлевича до сихъ поръ не могутъ забыть своего любимца и глубоко скорбятъ о своей невозвратной потерѣ.

VII.

Цыганъ Гаврюша.

Лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ Замоскворѣчье съ величайшимъ наслажденіемъ упивалось разными розказнями нѣкоего отца Гавріила аеонскаго, или, попросту, «Гавріила Ѳеодоровича». Этотъ кудесникъ былъ происхожденіемъ изъ молдаванскихъ цыганъ, но про себя онъ рассказывалъ,

что онъ былъ черногорскій магометанинъ и перешелъ въ православіе вслѣдствіе какого-то совершившагося съ нимъ чуда.

Видомъ онъ былъ сухощавъ, съ небольшою сѣдою бородою. Разныя чудеса, впрочемъ, къ неописанной радости его почитателей, никогда не покидали отца Гавріила, и разныя демонскія искушенія не оставляли его ни днемъ, ни ночью.

По словамъ его, демоны все больше наводили совратить его блудною страстью и являлись къ нему въ видѣ нагихъ прелестницъ и разныхъ морскихъ чудовищъ, разныхъ аспидовъ и василисковъ.

Отецъ Гавріиль во всемъ этомъ видѣлъ «перстъ», указывающій ему одинъ возвратъ на Аѳонъ; но такъ какъ туда дорога была дальняя, и путь не дешевъ, то усердныя подачки на дорогу и сыпались ему за голенище отъ добротныхъ дателей ежедневно.

На пѣніе же юницъ и на танцы Иродіадъ онъ не взиралъ и затыкалъ свои уши воскомъ, какъ хитроумный Улиссъ. Такимъ образомъ, набирая деньги и выходя чуть ли не десяткомъ разъ изъ Бѣлокаменной, онъ набралъ состояніе въ нѣсколько тысячъ рублей.

Для временнаго пребыванія въ Москвѣ одинъ богатый его поклонникъ, купецъ, устроилъ ему въ саду келью, гдѣ и проживалъ отецъ Гавріиль. У купца этого, впрочемъ, въ самое короткое время пустынный сѣумѣлъ вселить въ семьѣ такой раздоръ, что подъ конецъ былъ изгнанъ съ позоромъ.

Послѣ этого слава его немного поколебалась, и онъ долженъ былъ идти въ одинъ скитъ близъ Москвы, но и тутъ ему не жилось; и вотъ, спустя нѣсколько лѣтъ, онъ появляется на Москвѣ, заходя къ старымъ знакомымъ съ разными образками, сдѣланными изъ кости рыбы-единорога, съ просвирками и слезками Богородицы.

Богатое купечество всегда радо было видѣть его дорогимъ своимъ гостемъ и угощало его стерляжьей ущицей, до которой онъ былъ большой охотникъ, такъ же какъ и до разныхъ почестей, въ родѣ цѣлованій рукъ и земныхъ поклоновъ.

Въ разговорахъ онъ всегда былъ грубъ и говорилъ болѣе аллегорически. За батюшкой Гавриломъ Ѳедоровичемъ и богатыя купчихи высылали всегда готовый экипажъ, въ которомъ онъ кататься весьма любилъ.

По слухамъ, онъ былъ негласнымъ участникомъ въ лошадиной торговлѣ извѣстнаго московскаго барышника Б—на, у котораго цыганъ прежде служилъ работникомъ на дворѣ, когда тотъ еще держалъ звѣриную травлю.

Также Гавриль Ѳедоровичъ слылъ въ Москвѣ за хорошаго коновала, умѣвшаго давать людямъ «обратную кладъ» и пускать кровь изъ «соколка».

VIII.

Андрей-старчикъ.

Другой такой же пустосвятъ извѣстенъ былъ въ Москвѣ подъ именемъ «отца Андрея»; онъ родомъ былъ изъ духовнаго званія и воспитывался въ Петербургской духовной академіи, «но убоясь премудрости и возвратися вспять».

Послѣ выхода изъ академіи за разныя неблаговидныя продѣлки, онъ попалъ въ острогъ и тамъ принялся юродствовать.

Сначала онъ ходилъ по Москвѣ босикомъ, въ бѣлой поярковой шляпѣ, но, развиваясь понемногу, сталъ рядиться въ разные костюмы для разныхъ случаевъ. Въ домъ церковнаго старосты, въ день храмоваго праздника, онъ являлся въ одеждѣ послушника, подпоясанный ремнемъ, на головѣ скуфейка; въ домъ богатой барыни онъ входилъ въ сюртукъ и шляпѣ съ лорнеткой; на гуляньяхъ онъ одѣтъ былъ купцомъ или крестьяниномъ.

Видомъ онъ былъ похожъ на порядочнаго человѣка; у него очень длинныя вьющіеся русые волосы и красивая такая же борода, правильныя черты лица; онъ хорошо говорилъ по-французски, да еще такимъ мягкимъ и вкрадчивымъ голосомъ. Явившись къ богатой аристократкѣ, онъ выдавалъ себя за дворянина, знатной фамиліи, рассказывалъ, что онъ бросилъ почести и все земное «Бога ради», и что съ малолѣтства возымѣлъ желаніе спасти свою душу подвигомъ юродства.

Въ обществѣ старухъ, ханжей и купчихъ онъ толковалъ о смерти и адѣ, о своихъ великихъ согрѣшеніяхъ и т. п.

Въ домѣ благочестивыхъ онъ надѣвалъ на себя вериги и облакался въ рубище; если его оставляли тамъ ночевать, то онъ не ложился на кровати, а гдѣнибудь на полу. «Поспишь здѣсь мягко — уснешь тамъ жестко», говорилъ онъ. Также прикидывался онъ великимъ постникомъ въ домѣ ханжей, съѣдалъ только два грибка, да соленый огурчикъ. Гдѣнибудь въ трактирѣ, между кутящими купчиками, онъ былъ первый собесѣдникъ и дѣлался душой общества: пѣлъ скабрзные пѣсни, пилъ больше всѣхъ, плясалъ и т. д.

Онъ проживалъ долгое время во Ржевѣ, у нѣкогда поселившейся тамъ молодой ханжи, богатой почетной гражданки М—ной, но здѣсь не ладилъ съ извѣстной ей опекушкой Б—ть, извѣстной тоже пустосвяткой и лицемѣркой, лѣтъ пять назадъ судимой за мошенничество и сосланной въ Сибирь.

По рассказамъ москвичей, отецъ Андрей впоследствии покончилъ съ юродствомъ и, въ компаніи съ нѣкоторою разбитною женщиною, занялся другимъ предпріятіемъ въ собственномъ общевеселительномъ заведеніи.

IX.

Кирюша-старчикъ.

Нѣкогда въ Москвѣ проживалъ на Зацѣпѣ лжепрорицатель морочившій благодушную слѣпоту; съ виду очень благообразный, сухощавый, начитанный и краснорѣчивый старикъ «Кирюша», родомъ изъ крестьянъ. На вопросъ, кто онъ и что онъ, у него былъ одинъ отвѣтъ: «азъ есмь рабъ божій Кирюша».

Носилъ онъ всегда на груди сумку, которую никогда не снималъ. Сначала онъ ни къ кому не ходилъ, и его трудно было звать въ гости.

— Батюшка Кирюшенька, упрасиваетъ его какая нибудь купчиха:— зайди чайку откупать!

— Не пойду, не пойду, отвѣчаетъ онъ:—радъ бы въ рай да грѣхи не пуцаютъ.

Такія темныя словеса только щекотали и раздражали женское любопытство.

Разъ, впрочемъ, одна лабазница, извѣстная въ Москвѣ богатая купчиха, какъ-то обманомъ залучила его. Войдя на дворъ, онъ началъ креститься, но, не дойдя до крыльца, закричалъ благимъ матомъ:

— Полы не мыты, полы не мыты, псы были! и ушелъ.

Купчиха перетолковала это такъ и рассказала всѣмъ:

— Батюшка-то утадалъ, вчера у меня былъ учитель дочери, нѣмецъ—значить, бусурманъ, нехристь...

Учителя тотчасъ прогнали, полы вымыли, окна и двери окропили святой водой и отслужили молебенъ—потомъ послали за Кирюшей, предварительно пригласивъ всѣхъ знакомыхъ посмотреть, какъ блаженный будетъ показывать свою святость.

Когда всѣ были уже въ сборѣ, тихой поступью вошелъ въ комнаты и Кирюша, войдя, снялъ свою сумочку и, обращаясь къ собраннымъ дамамъ, спрашивалъ ихъ:

— Мужатья вы или вдовицы?

Когда послѣдовалъ отвѣтъ, что мужатья, т. е. замужнія, то Кирюша спросилъ:

— Соблюдаете ли себя? чисты вы или нѣтъ? Если нечисты, то не приступайте—иначе обличены будете!

Послѣдовалъ робкій и нерѣшительный отвѣтъ, что всѣ чисты; тогда онъ приказалъ всѣмъ кланяться до земли и, ставъ на колѣни, началъ вынимать изъ сумки разныя вещи.

— Вотъ, говорилъ онъ:—покажу вамъ прежде «тьму египетскую», что напущена на фараона,—и показалъ черную стекляночку, къ которой всѣ прикладывались:—а вотъ часть младенца, убитаго Иродомъ; а вотъ

перышко изъ крылышка Михайла Архангела; вотъ косточка Кузьмы-Демьяна; вотъ камень, взятый Моисеемъ при переходѣ чрезъ Черное море; вотъ копыто валаамской ослицы; вотъ кость отъ того кита, въ которомъ пребывалъ Иона; вотъ щепочка отъ той лѣстницы, что видѣлъ Иаковъ во снѣ».

Изъ всего показаннаго все было раскуплено за дорогую цѣну знакомыми лабазницы.

Кирюша отчитывать больныхъ, лечилъ младенцевъ отъ бессонницы, женъ благочестивыхъ отъ безплодія и т. д. Но самъ не могъ уберечь себя отъ сѣтей прекраснаго пола и, посѣщая одну набожную портниху, влюбілся въ ея мастерицу, которую и взялъ на содержаніе, открылъ ей магазинъ; но та, какъ только отобрала у него всѣ деньги, выгнала его вонъ, а сама вышла замужъ за писаря изъ участка. Репутація блажененькаго послѣ этого пала, — онъ сталъ загуливать и, казалось, погибъ навсегда, но потомъ снова поправился, опять началъ пророчествовать и, поправившись во второй разъ, уже занялся торговлею и долго былъ въ Москвѣ кулакомъ-старьевщикомъ.

X.

Второй Кирюша.

Не менѣе описаннаго Кирюши былъ извѣстенъ въ Москвѣ проживавшій въ домѣ княгини N другой «Кирюша», извѣстный еще болѣе перваго своими странностями; родомъ онъ былъ изъ одного села Борисоглебскаго уѣзда. Проявилъ себя этотъ пустосвятъ сначала въ двухъ губернскихъ городахъ, — Тулѣ и Воронежѣ.

Остриженный и обритый, въ легкомъ черномъ демикотоновомъ полукафтанѣ, безъ шапки на головѣ, онъ зиму и лѣто ходилъ по улицамъ. Въ правой его рукѣ постоянно былъ жезлъ съ привязаннымъ на концѣ букетомъ свѣжихъ цвѣтовъ; палка эта была внутри пустая, налитая свинцомъ, что придавало ей большую тяжесть; букетъ цвѣтовъ имѣлъ онъ постоянно свѣжій, даже и зимою, чѣмъ, конечно, былъ обязанъ своимъ почитателямъ прекраснаго пола. Лицо у Кирюши цвѣло здоровьемъ. Чтобы лучше обморочить простодушныхъ своихъ поклонниковъ, онъ притворился нѣмымъ и болѣе полугода ни съ кѣмъ не говорилъ; но когда, по его соображенію, настало время окончательно одурочить суевѣровъ, онъ заговорилъ. Эта выходка поразила всѣхъ: — «Заговорилъ, такъ неспроста!» твердили его обожатели. Кирюша, въ свою очередь, тоже смекнулъ, чего отъ него ожидаютъ, и началъ пророчествовать. Нѣсколько удачно сказанныхъ по извѣстнымъ обстоятельствамъ фразъ доставили Кирюшѣ громкую славу великаго прорицателя и открыли ему двери богатыхъ домовъ

Воронежа, гдѣ онъ широко и пользовался разными дарами и развѣзжалъ въ богатыхъ экипажахъ. Особенно баловало Кирюшу купечество. Одно время жилъ онъ въ домѣ почетныхъ гражданъ А—хъ; въ нижнемъ этажѣ ему была отведена особая комната; зная, что всѣ домашніе, отъ прислуги до хозяевъ, жадно слѣдятъ за нимъ, Кирюша велъ себя осторожно. Каждый вечеръ онъ затворялся въ комнату и усердно клалъ земные поклоны. Любопытные смотрѣли на него въ дверную скважину, и, чтобы отвязаться отъ послѣднихъ, онъ вдругъ, не оборачиваясь, говорилъ: «Знаю, знаю, что вы на меня смотрите!» Зрители, внутренно укоряя себя въ любопытствѣ, со страхомъ расходились, крестясь.

Одинъ только человѣкъ въ домѣ этого купца прилежно наблюдалъ за походами блажененькаго; это былъ кучеръ Николай, и любопытный не остался въ накладѣ — онъ подсмотрѣлъ, что послѣ моленья Кирюша имѣлъ привычку пересчитывать свою выручку, добрался какъ-то до нея и утянулъ весь капиталъ лжепророка.

Въ одну ночь, когда кучеръ уже не видѣлъ ничего любопытнаго въ надзорѣ за Кирюшей, послѣдній поднялъ страшный крикъ въ домѣ; всѣ сбѣжались; Кирюша волновался въ припадкѣ злости, но о деньгахъ не говорилъ ни полслова.

— Пустите меня вонъ отсюда! кричалъ онъ неистово: — не хочу больше здѣсь оставаться...

Послѣ уже узнали о покражѣ у него. Отправившись изъ Воронежа въ Тулу, Кирюша тамъ поселился на жительство у богатаго купца Д.; для него была отведена особая комната, которая и носила названіе «Кирюшиной».

Въ Тулѣ онъ пользовался большою популярностью и, по разсказу, который находимъ въ книгѣ двадцати шести московскихъ лжепророковъ, стр. 143, въ тотъ годъ, когда въ Тулѣ былъ большой пожаръ, Кирюша передъ отходомъ своимъ въ Воронежъ былъ въ домѣ купца М—ва; посмотрѣвъ въ окна, онъ указалъ на городъ и проговорилъ: «скоро, скоро будетъ большая суета... все будетъ чисто...» Спустя немного времени по уходѣ Кирюши изъ Тулы, городъ сгорѣлъ; слава лжепророка черезъ это утвердилась.

Въ Москвѣ, какъ мы уже говорили; княгиня N отвела для него въ своемъ домѣ особую комнату, которая постоянно вся была убрана цвѣтами. По приходу Кирюши, каждый отцвѣтпій горшокъ съ цвѣтами былъ замѣняемъ новымъ, цвѣтущимъ. Такъ блаженствовалъ Кирюша цѣлый годъ. Наконецъ совѣсть заговорила въ немъ: ремесло обманщика надоѣло ему, и онъ, отростивъ себѣ бороду и волосы на головѣ, уѣхалъ въ свое родное село, гдѣ первымъ долгомъ сдѣлалъ на свой счетъ иконостасъ для сельской церкви и выстроилъ себѣ домъ съ хорошимъ плодовымъ садомъ. Когда онъ разъ, проѣздомъ черезъ Тулу, зашелъ, по старой памяти, въ гости къ почетному гражданину А—ву, гдѣ когда-то онъ

постоянно жить, тотъ спросилъ его за чаемъ: не приходитъ ли ему и теперь еще когда нибудь охота блажить попржнему? Кирюша просто-душно отвѣчалъ:

— Нѣтъ! никогда! подурчился, да и будетъ!..

По словамъ А—ва, изъ бывшаго пустосвята вышелъ очень хорошій садоводъ.

XI.

Матушка-кувырокъ.—Никола-дурачокъ.—Θеодосій-веригоносецъ, да
Петръ-прыгунокъ.

Въ числѣ нравственныхъ уродовъ на Москвѣ былъ нѣкогда извѣстенъ «Матюша», родомъ изъ крестьянъ, небольшого роста, съ русой бородой; ранѣе своего пустосвятства онъ былъ нищимъ въ городскихъ рядахъ, гдѣ для именитаго купечества кувыркался турманомъ, ходилъ колесомъ, пѣлъ пѣтункомъ и т. д. Уставъ на этомъ поприщѣ, онъ поступилъ въ монастырь, но его оттуда скоро удалили за хитростное неоднократное пронесеніе въ монастырь «оловастры міра, сирѣчь водки».

Послѣ этого Матюша уже является въ преображенномъ видѣ, въ послушническомъ нарядѣ, ходить по купцамъ, какъ нѣкій начстчикъ духовныхъ книгъ и прозорливый старецъ, поздравляетъ ихъ съ праздникомъ, съ ангеломъ, собираетъ на скиты и монастыри и изрекаетъ ужасныя слова: «жупель, обаче, геена огнена» и т. д.

Изъ числа служившихъ потѣхою честному купечеству стоитъ тоже вниманіе нѣкій «Николаша-дурачокъ». Его пріютила московская матроская богадѣльня, извѣстная сосѣдствомъ съ тѣмъ безумнымъ домомъ, гдѣ проживалъ Иванъ Яковлевичъ. Такъ какъ въ этой сторонѣ нѣтъ ни театровъ, ни балагановъ, ни увеселительныхъ садовъ, то благодѣтельное купечество, глядя на Николашу, утѣшало себя, надрывая свои животики.

Николаша былъ очень простое, доброе и слабое существо, великій охотникъ до рѣпы и, къ несчастію, до мати-сивухи, къ которой пріучили его благодѣтели-торговцы Преображенскаго рынка. Они выучили его также пѣть отвратительныя пѣсни; наряжали его въ шутовской костюмъ, на-примѣръ, въ ливрею, лакеемъ, и заставляли его пѣть и плясать, а сами хотали надъ нимъ и дразнили его, какъ собаку, заставляя чихнуть разъ пятьдесятъ, зѣвнуть разъ сто; онъ зѣвалъ и чихалъ до-поту, до изнеможенія. Словомъ, этотъ несчастный представлялъ для московскаго захолустья обычную его уличную идиллію.

Извѣстенъ также былъ въ Москвѣ, на грустномъ пути пустосвята, нѣкій отецъ Θеодосій; родомъ онъ былъ изъ крестьянъ Дмитровскаго уѣзда и проживалъ въ Хамовникахъ. Ходилъ онъ всегда босикомъ, носилъ желѣзныя всриги и пророчествовалъ. Видомъ онъ былъ здоровый мужикъ,

лѣтъ сорока, съ окладистой бородой, плѣшивый. У него была дочь, молодая дѣвушка, которая и отбирала у него деньги. Съ нимъ же всегда ходилъ другой юродивый, «Петръ Устюжскій», въ послушническомъ полукафтаныѣ, подпоясанный ремнемъ. Онъ ходилъ въ припрыжку, отчего и носилъ кличку «бѣгуна».

Петрушка очень любилъ все съѣстное — въ особенности сладкое — и бабъ, которыхъ называлъ вербочками, пѣночками, кинареечками, лапушками и т. д. Вѣрующіе ставили ему это въ добродѣтель юродства.

Онъ отличался настолько большимъ аппетитомъ, что заразъ съѣдалъ цѣлый арбузъ, какъ бы онъ великъ ни былъ; при видѣ арбуза онъ кричалъ: «искушеніе, искушеніе, великое искушеніе!» и затѣмъ, взявъ его въ колѣнки, ѣлъ до тѣхъ поръ, пока отъ него оставались однѣ корочки.

Съ такою же прозорливостью накидывался онъ на икру и не переставалъ ее жевать, пока не останется ни зернышка. Поклонники, зная его пристрастіе къ этимъ яствамъ, угощали его до-отвала, видя въ этомъ какой-то подвигъ юродства.

ХІІ.

Иванъ Степанычъ и Кеенофонть, отрокъ его.—Данило-пустосвятъ и Феодоръ.

Въ числѣ лжепророковъ на Москвѣ знаменитъ былъ и «Иванъ Степановичъ», старикъ-мужикъ, одѣтый въ послушничье платье. Говорилъ онъ довольно краснорѣчиво; родомъ изъ крестьянъ, прежде онъ былъ извозчикомъ-лихачемъ, стоялъ у Ермолая на Садовой, возлѣ Козихи. Онъ одно время ходилъ по Москвѣ босикомъ и пророчествовалъ. Полиція привлекла его за бродяжничество и безписьменность и посадила въ острогъ. Выйдя изъ послѣдняго, онъ сталъ уже ходить пристойнѣе, въ сапогахъ, и бросилъ юродство, но посѣщать дома купцовъ сталъ уже какъ «наставникъ въ благочестіи».

Вскорѣ онъ успѣлъ сколотить этими дѣлами капиталецъ, купилъ на рѣкѣ Пахрѣ домикъ, въ которомъ и основалъ свой пріютъ.

У купчихъ Замоскворѣчья и на Самотекѣ Иванъ Степановичъ пользовался какимъ-то особеннымъ расположеніемъ; приходъ его въ домъ считался особенною благодатью. Придетъ Иванъ Степановичъ невеселъ — и всѣ думаютъ, что быть бѣдѣ. Захворай ктонибудь послѣ его посѣщенія, хотя бы черезъ годъ — и все говорятъ: «Иванъ-то Степановичъ былъ невеселъ, вотъ и захворала Акулина Михайловна!» Умри ктонибудь черезъ полгода: — «Вотъ, скажутъ, Иванъ Степановичъ-то все хмурился, вотъ оно къ чему!» и т. д.

Иванъ Степановичъ очень любилъ читать поученія, и всѣ они клонились къ тому, чтобы вызвать поболѣе пожертвованій отъ благодушной слѣпоты.

Подъ конецъ жизни у Ивана Степановича былъ свой скотный дворъ, откуда онъ и посылалъ своимъ благодѣтелямъ разную дичину, молоко, творогъ, сметану и яйца.

У этого Ивана Степановича былъ и ученикъ, нѣкто «Ксенофонтъ Пехорскій», ходившій босикомъ съ большою палкой въ рукахъ, съ непокрытой головой, постящійся и будто бы болящій мужикъ.

Явился онъ въ Москву въ 1848 г., во время холернаго времени: въ такое время чернь особенно падка на этихъ фокусниковъ. Началъ онъ юродствовать слѣдующимъ образомъ: ѣлъ онъ мало, по ночамъ читалъ книги, въ рѣчи вставлялъ тексты изъ Священнаго Писанія, чаю пилъ мало, да и то не иначе, какъ съ деревяннымъ маслицемъ изъ лампадки, смотрѣлъ внизъ, вздыхалъ громко, съ горничными не заигрывалъ, вообще велъ себя смиренно.

Раза три въ годъ ходилъ онъ на богомолье, собравъ предварительно хорошия деньги на монастыри. Промыкавъ такъ нѣсколько лѣтъ, онъ рѣшился пересчитать свой капиталъ и, найдя не одну тысячку, въ одно прекрасное утро скинулъ съ себя шутовской костюмъ и сдѣлался прасоломъ, женился и сталъ поживать припѣваючи, подъ хмѣлькомъ рассказывая о своихъ похожденияхъ à la Казанова между московскими купчихами и другими барынями, величая ихъ разными сдобными именами.

Среди другихъ московскихъ пустосвятовъ-юродивыхъ личность «Данилушки Коломенскаго» облекается ореоломъ какой-то псевдосвятости. Масса неправдоподобныхъ рассказовъ о его прозорливости, чудесахъ и т. д. возбуждала нѣкогда въ средѣ московскаго купечества и мѣщанства особенное къ нему сочувствіе и любопытство. Онъ былъ одно время центромъ, къ которому приплеталось все чудесное и таинственное, хотя бы оно и не принадлежало ему.

Родомъ Данилушка былъ изъ села Лыкова, Московской губ., Коломенскаго уѣзда. Отецъ его былъ крестьянинъ, богатый закоренѣлый раскольникъ, и имѣлъ у себя на дому молельню; мать его считалась большою начетчицею старыхъ духовныхъ книгъ. Данилушка не былъ любимцемъ родителей и росъ одиноко, даже играть со сверстниками ходилъ въ другое село, верстъ за десять.

Въ дѣтствѣ Данилушка считался лучшимъ игрокомъ въ бабки и, не смотря на то, что былъ очень близорукъ, наигрывалъ ихъ въ недѣлю на хорошую сумму, которую и отдавалъ на церковь церковному старостѣ. Послѣдній любилъ Данилушку за сиротливость, кормилъ, поилъ, оставлялъ нерѣдко у себя ночевать и пріучалъ его къ церкви, заставлялъ его пѣть на клиросѣ по слуху и торговать свѣчами. Отецъ Данилушки сердился на старосту и жаловался на него своему барину.

Баринъ, когда узналъ, что Данилушка—мальчикъ смиренный и добрый, взялъ его къ себѣ въ домъ, сдѣлалъ казачкомъ, сталъ одѣвать и хотѣлъ даже учить его грамотѣ; но Данилушкѣ вскорѣ надоѣло все это, и онъ

одно утро снялъ съ себя одежду и сапоги и принесъ барину, сказавъ, что ходить въ этомъ не можетъ, потому что все падаетъ съ него; послѣ этого Данилушка ужъ никогда больше не носилъ сапогъ.

Въ праздники и въ будни онъ постоянно пребывалъ въ церкви, а когда не бывало службы въ селѣ, то бѣгалъ за двѣ, за три и за пять верстъ въ сосѣднія села.

На дворѣ еще темно, а Данилушка уже бѣжитъ куда нибудь къ заутренѣ, и какъ бы рано она ни началась, а онъ ужъ вѣрно поспѣетъ къ началу. Его не останавливалъ никакой морозъ, хотя бы въ тридцать градусовъ. Въ одной рубашкѣ, по колѣни въ снѣгу, по оврагамъ и полямъ бѣжитъ онъ къ заутренѣ; если, случалось, придетъ онъ раньше благовѣста, то зайдетъ къ ближайшему крестьянину и тамъ дожидается.

Когда онъ покинулъ свое село и пришелъ въ городъ Коломну, то обыватели приняли его, какъ настоящаго юродиваго.

Тамъ босикомъ ходилъ онъ по улицамъ, по церквамъ; ему давали денегъ,—онъ деньги бралъ, опускалъ ихъ за пазуху и вечеромъ относилъ въ свою квартиру къ купцу К. Разъ въ недѣлю навѣщалъ его церковный староста и обиралъ у него деньги. Данилушка, собирая деньги, любилъ шутить съ купцами. Если купецъ былъ толстъ, то, потрепавъ его по плечу, говорилъ: «Эй ты, кошолка»; одного онъ называлъ «синимъ», другого «звонкимъ».

Если, смѣясь, они говорили ему:—«Данила, ноги-то отморозилъ», то онъ отвѣчалъ: «Самъ отморозилъ» и, заложивъ руки за спину (его обыкновенная походка), продолжалъ идти далѣе и напѣвать про себя: «О всепѣтая мати» или «Милосердія двери отверзи».

Такъ, живя нѣсколько лѣтъ въ Коломнѣ, онъ успѣлъ собрать денегъ на постройку цѣлой колокольни. Самая же церковь въ его селѣ на его же собранныя подаянія была расписана внутри и снаружи.

Воспитаніе Данилушки, совершавшеся въ средѣ благочестивыхъ купцовъ, шло впередъ, и вотъ онъ вскорѣ началъ предсказывать. Толковали бабы, что Данилушка три раза предсказывалъ пожаръ въ Лыковѣ, а въ третій разъ сказалъ, что Лыково сгоритъ въ Великую субботу, и вмѣстѣ сгоритъ и его отецъ,—что и сбылось.

Набѣгалъ Данилушка въ Москву очень часто, здѣсь ему жилось въ Замоскворѣчѣ какъ нельзя лучше; тамъ онъ былъ гость желанный.

Гдѣ-то въ пригородной слободѣ, на дачѣ богатаго купца, проживалъ пустосвятъ «Еодоръ»¹⁾ съ двумя своими малолѣтними сыновьями; ходилъ онъ въ черномъ засаленномъ полукафтаниѣ, съ длинными волосами, безъ шапки и босой во всякое время года. На головѣ у него былъ какой-то обручъ, обернутый черною сальною тряпицею, съ нашитымъ на ней позументнымъ крестикомъ; носилъ онъ длинную палку съ же-

¹⁾ См. «Жизнь московскихъ 26 лжепророковъ».

лѣзнымъ на нижнемъ концѣ остріемъ, на верхнемъ же сдѣланъ былъ крестъ, обшитый шелковыми тряпичками, на которыхъ развѣшаны были металлическіе и стеклянные образки.

Въ такомъ видѣ онъ свободно ходилъ по улицамъ, площадямъ, церквямъ и монастырямъ города, громко распѣвая духовные псалмы. Нерѣдко случалось, что пѣніемъ своимъ онъ нарушалъ порядокъ церковной службы и съ желавшими воздержатъ его вступалъ въ громогласный споръ.

Обыкновеннымъ мѣстомъ пребыванія его была монастырская галерея, въ извѣстныя времена года биткомъ набитая богомольцами изъ селъ и деревень. Иногда онъ громко пѣлъ, а иногда молча молился Богу, дѣлая размашистые кресты съ сильными ударами по головѣ, груди и плечамъ; земные поклоны его сопровождались сильнымъ стуканьемъ лба о полъ. Около него группировались толпы любопытныхъ, богомольцевъ и надѣляли его милостынею, приговаривая: «помяни за упокой или за здравіе такого-то»; Θεодоръ молча бралъ деньги и громко творилъ поминовеніе.

По окончаніи церковной службы, когда весь народъ скоплялся около монастыря, онъ становился среди монастырской площади, отставлялъ одну руку съ жезломъ для цѣлованія креста въ тряпицахъ, гдѣ, по его словамъ, зашиты были частицы мощей, а другую протягивалъ для сбора денегъ. Каждый богомольецъ подходилъ, прикладывался къ образамъ на палкѣ и давалъ копѣйку.

Безпрерывный перечень душъ, которыхъ онъ обязывался поминать, надоѣдалъ ему, и вотъ, едва крестьянинъ или крестьянка откроетъ ротъ и успѣетъ вымолвить «помяни», пустосвятъ прерывалъ начатую фразу лаконическимъ возгласомъ и киваньемъ головы: «знаю! знаю, кого!..» Удивленные богомольцы благоговѣйно крестятся и шепчутся между собой: «Вотъ ужъ подлинно-то святая душенька! ты только ротъ розинешь, а ужъ онъ и знаетъ, кого нужно помянуть...» Этотъ пустосвятъ прежде долго морочилъ жителей Воронежа, но какая-то исторія сквернаго свойства открыла тамъ глаза ослѣпленныхъ.

XIII.

Мандрыга-угадчикъ.—Дуня Тамбовская.—Агаша.—Марѳа-затворница и Маша-пещерница.

Въ 60-хъ годахъ, въ Москвѣ, проживалъ челоѣкъ неизвѣстной національности, по внѣшности персіянинъ или еврей, сухощавый, небольшого роста, черноволосый, съ небольшими черными глазами. Популярность его была значительна, онъ въ короткое время успѣлъ нажить до-

микъ за Донскимъ монастыремъ, у воротъ котораго съ утра до вечера стояли экипажи. Мандрыга занимался гаданьемъ, давалъ назидательныя поученія житейской мудрости; у него въ комнатѣ стоялъ аналой, на которомъ лежала священная книга; въ праздники происходило служеніе, которое отправлялъ самъ пустосвятъ, въ фантастической одеждѣ; множество его поклонницъ ловили каждое сказанное имъ слово и крестились усиленно.

Дерзость этого пустосвята въ одно время дошла до геркулесовыхъ столбовъ, и онъ за кощунство былъ сосланъ въ Соловецкій монастырь, гдѣ въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ и умеръ, находясь на покаяніи.

Въ ряду пустосвятокъ, подвизавшихся на поприщѣ юродства и блажи, извѣстна была въ шестидесятыхъ годахъ, въ Москвѣ, проживавшая гдѣ-то на Таганкѣ, «Евдокія Тамбовская», женщина лѣтъ пятидесяти, сухая, блѣдная, вѣчно босая, въ черномъ каленкоровомъ платьѣ, повязанная чернымъ платкомъ. Она останавливала проходящихъ на улицѣ со словами: «миленькій братецъ (или миленькая сестрица), благословите на копѣчку!» Если миленькій братецъ или миленькая сестрица подавали просимую копѣчку, то подавшего она начинала крестить и цѣловать, а если ей не давали, то она страдала «жупеломъ огненнымъ» и всякими геенскими муками; придя же къ комунибудь въ домъ, она садилась на полъ и рассказывала о разныхъ явленіяхъ и видѣніяхъ.

Въ разговорахъ она была непрочъ попросить и водочки. Если же при этомъ кто либо замѣчалъ, что водку ей пить не подобаешь, то на это она отвѣчала:

— Водку-то? водку-то можно пить, поелику мы люди такіе: водку просимъ—воду пьемъ, воду просимъ—водку пьемъ!

Въ жизни средняго купечества, гдѣ нѣтъ разумно выработанныхъ отношеній, гдѣ нѣтъ общества въ полномъ значеніи этого слова, гдѣ жизнь идетъ по издавна пробитой глухой колѣѣ, въ быту, въ которомъ къ разумному все безучастно,—такіе разговоры находятъ полное сочувствіе, и тянутся они долгими часами, благо затянуло жиромъ уши православныхъ, чуткія только къ подобнымъ разговорамъ и колокольному звону. Весь ихъ идеальный міръ нейдетъ дальше, какъ къ бѣлорыбицѣ, къ здоровеннѣйшему кучеру, да къ какойнибудь псевдоюродивой, или пустосвяту, или гадателю.

Другая такая старуха, съ блѣднымъ лицомъ, въ заячьей шубкѣ и повязанная бѣлымъ платкомъ, по прозванію «Агаша», тоже собирала вокругъ себя большія толпы купчихъ и разныхъ праздныхъ барынь, сперва въ Алексѣевскій монастырь, гдѣ она проживала, а потомъ, когда его упразднили, въ Вознесенскій монастырь.

И ходила, бывало, эта старушка по церкви, разставляя свѣчки передъ образами и приговаривая: «Это тебѣ, Иванушка! это тебѣ, Николаша, одна отъ меня, а другая отъ рабы Божіей Марьи».

А раба Божія Марья слышитъ это и начинаетъ усиленно молиться, креститься да кланяться.

Не менѣе была извѣстна въ Хотьковѣ другая такая пустосвятка, по прозванію «Марѳа Герасимовна затворница». По рассказамъ, она пребывала въ самозакупориваніи чуть ли не 30 лѣтъ и выходила на свѣтъ Божій только въ экстренныхъ случаяхъ. Каждый такой выходъ принимался за предзнаменованіе какого нибудь большого несчастія, возбуждалъ говоръ и наводилъ на всѣхъ ужасъ; начинали являться разныя видѣнія и слышатся разные глаголы...

— Гляди, говорили кумушки: — мать Марѳа Герасимовна вышла... быть бѣдѣ... быть бѣдѣ... И неслоь это слово повсюду, и слышали, какъ звонилъ въ полночь колоколь на колокольнѣ; другая видѣла самого домового или вѣдму, какъ она прилетала на метлѣ. Въ воздухѣ даже пахло гарью, грудныя дѣти по ночамъ вздрагивали въ страхѣ, — даже кухонные коты и кошки жались сиротливо къ печкамъ и всѣхъ пугались.

Но Марѳа Герасимовна входила снова въ затворъ и начинала опять плестъ кружева, изрѣдка высовываясь изъ своего могилица въ окошко, изрекая оттуда кару или спасеніе, смотря какъ ей вздумается. И снова толпы купчихъ и разныхъ барынь тѣснятся у ея окошечка, ожидая милости, какъ манны небесной.

Къ ней по большей части пріѣзжали купчихи попросить благословенія на бракъ дочери и получить знаменіе, т. е. кружева. Дастъ кружевъ — цѣлуютъ и прячутъ; не дала — плачутъ: это великое несчастіе. Окружающіе спрашиваютъ, какой кусочекъ дала, короткій, широкій или узкій, — и, смотря по отвѣту, дѣлаютъ приличныя предзнаменованія.

И какихъ примѣтъ не наблюдается въ купеческомъ быту при отдачѣ невѣсты, и откуда эти суевѣрія? За недѣлю до свадьбы бѣдную невѣсту совѣмъ замытаряютъ по гадалкамъ — дня три до брака она говѣетъ, просфора да святая вода. Сколько боязни, сколько заботъ о будущемъ счастіи, — и все-таки мирное, тихое, свѣтлое семейное счастье такъ рѣдко въ купеческомъ быту.

Деньги, которыя давали Марѳѣ Герасимовнѣ, она копила, тщательно ихъ пряча. Послѣ смерти нашли у нея цѣлыя кучи серебряныхъ и мѣдныхъ монетъ и бумажекъ, успѣвшихъ совѣмъ превратиться въ прахъ.

Въ двѣнадцати верстахъ отъ Москвы, въ с. Бусинѣ, жила «Маша-пещерокопательница». Подвигами юродства послѣдняя начала заниматься съ пятнадцати лѣтъ. Народная молва пронесла про нее, что, когда она роетъ пещеру, въ то время все крутомъ нея освѣщается необыкновеннымъ свѣтомъ, а роетъ она по особенному, бывшему ей гласу, что она тутъ должна вырыть икону.

Всѣ шли и ѣхали, чтобы посмотрѣть «Машу»; пещера, гдѣ она жила, была ничто иное, какъ глубокая яма, на стѣнѣ которой висѣла икона съ горѣвшей лампадой; на полу лежала ветхая одежда труженицы, а она

сама, съ заступомъ въ рукахъ, босикомъ, въ одной рубашкѣ и съ распущенными волосами, распѣвала звонкимъ голосомъ духовныя пѣсни.

Приходившіе опускали ей въ яму деньги, калачи, сайки, а взамѣнъ изъ ямы брали песокъ и щепочки. Слава о ней быстро росла и привлекала толпы народа.

Вскорѣ въ это дѣло вмѣшалась полиція. Машу взяли и отвезли въ Москву, гдѣ она на допросѣ показала, что была научена это дѣлать корыстными родными.

Маша была отдана на покаяніе въ одинъ изъ женскихъ монастырей и подъ конецъ жила въ с. Свибловѣ, на суконной фабрикѣ Кожевникова, въ суконницахъ.

XIV.

Марья Ив. Скачкова.—Татьяна босая.

Въ одной изъ московскихъ богадѣленъ, лѣтъ пятьдесятъ назадъ, жила богадѣленка изъ купеческаго рода Скачковыхъ, Марья Ивановна. Старуха страдала всѣми физическими недостатками: была хрома, глуха и кривонога; въ богадѣльнѣ она жила слишкомъ уже сорокъ лѣтъ¹⁾, какъ вдругъ стала всѣмъ рассказывать, что ей привидѣлось во снѣ и даже слышался ей голосъ, говорившій ей: «Марья, благословляй воду на исцѣленіе другихъ!» Видѣніе это повторялось нѣсколько разъ.

Но вотъ однажды приходитъ въ богадѣльню какой-то мужикъ и спрашиваетъ Марью Ивановну: ему снился сонъ, чтобы онъ шелъ въ Москву, въ такую-то богадѣльню, спросить такую-то богадѣленку и попросить ее, чтобы она благословила воду для исцѣленія его жены.

Скачкова исполнила просьбу мужичка. Спустя нѣсколько дней послѣ этого, приходила въ богадѣльню барыня, отыскивая Скачкову, тоже по сонному видѣнію, для благословенія воды.

Слава Марьи Ивановны росла, къ ней съѣзжались московскія барыни и купчихи; наконецъ, она вылечила одного откупщика. Послѣдній взялъ ее изъ богадѣльни, помѣстилъ въ Мѣщанской улицѣ, въ богатой квартирѣ; у ней былъ поварь, карета и пара лошадей, на которыхъ она разъѣзжала по монастырямъ. Съ этихъ поръ Марья Ивановна пріобрѣла славу великой цѣлительницы и въ подмогу къ себѣ взяла бѣдную дворянку, для которой впоследствии купила домъ. Благодарный откупщикъ съ этихъ поръ не зналъ, какъ угодить Марьѣ Ивановнѣ, и всякую ея прихоть исполнялъ. Разъ, уѣзжая въ Петербургъ, онъ испрашивалъ у нея благословенія и при этомъ спросилъ: какого бы гостинца привезти ей.

— Привези мнѣ, говоритъ Марья Ивановна: — органъ, который бы игралъ обѣдно.

¹⁾ См. «Жизнь 26 московскихъ лжепророковъ».

Какъ ни трудно было отыскать такой органъ, который бы играть обѣдно, но откупщикъ отыскалъ такой.

Не одинъ откупщикъ дарить Марью Ивановну. Отовсюду ей везли и несли, что ей только хотѣлось — и чего у ней не было! И табакерки съ музыкой и съ поющими птичками, и шитые ковры, и священные книги, дорогія подушки и всякія лакомства.

Особенно боготворить ее одинъ генералъ, занимавшій очень видное мѣсто. По словамъ неизвѣстнаго біографа Скачковой, онъ, бывало, пріѣдетъ, соберутся еще двое-трое важныхъ стариковъ, ея усердныхъ поклонниковъ, запрягутся всѣ они въ колясочку на рессорахъ и катаютъ Марью Ивановну по саду.

Марья Ивановна со всѣми своими знакомыми обращалась свысока и даже весьма грубо, что еще выше поднимало ее въ общемъ мнѣніи. Всѣхъ она безъ различія званія и пола называла одними именами: Иванъ, Петръ, Степанъ, Катерина, Анна, Александра и т. д.

Въ ея гостиной рѣшались разныя общественныя и домашнія дѣла; тутъ возстановлялся миръ между мужемъ и женою, отцомъ и сыномъ и т. д. Очень понятно, что примиренные несли ей дары. Черезъ нея получались выгодныя мѣста. «Иванъ, дай мѣсто Петру», говорила она, и мѣсто давалось безпрекословно. Или: «Григорій, опредѣли такого-то», и такого-то опредѣляли.

Въ домѣ ея писались и подписывались духовныя, о которыхъ въ другомъ мѣстѣ и заговаривать не смѣли. У ней также заключались браки, и всѣ новости столицы были ей извѣстны. Ходила Марья Ивановна вся въ черномъ, волосы стригла по-мужески и голову иногда покрывала шапочкой. Собою она была худощава, мала ростомъ, имѣла пронизательные глаза и рѣзкій голосъ. При ея выѣздахъ огромные лакеи брали ее на руки и носили въ карету и изъ кареты.

Въ послѣдній годъ ея жизни ее звали переѣхать въ Петербургъ, гдѣ пріискали ей богатую квартиру; послѣ большихъ просьбъ, она выѣхала изъ Москвы, но на дорогѣ захворала и въ Торжкѣ скончалась; похоронена она была съ большимъ парадомъ. Все богатство она завѣщала своей компаньонкѣ Катеринѣ, которая впоследствии поступила въ монастырь, гдѣ и умерла въ постригѣ.

Въ сороковыхъ годахъ на московскихъ улицахъ была извѣстна молодая дѣвушка, недурная собой, стройная, съ распущенными волосами и босая, покрытая чернымъ платкомъ. Юродивая дѣвушка эта сначала называлась «Татьяной», а потомъ «Татьяной Степановной босоножкой».

Родомъ она была изъ купческаго семейства; послѣ родныхъ осталась сиротой и жила въ одномъ дворянскомъ домѣ, гдѣ получила образованіе. Послѣ одного неудачнаго любовнаго похищенія она покинула домъ своихъ воспитателей, познакомилась съ ханжами и сама начала ханжить и юродствовать. Жила она съ сестрами на Плющихѣ въ своемъ домѣ, гдѣ

отчитывала порченныхъ и больныхъ; потомъ распустила слухъ, что явилась у ней въ домѣ чудотворная икона, и толпы народа осаждали ее съ утра и до ночи.

Она продавала свѣчи, пузырьки съ деревяннымъ масломъ, вату и т. д.

О себѣ она рассказывала, будто въ сновидѣнїяхъ ей бывають разные гласы и явленїя. Старухи-ханжи, старыя дѣвы и несчастныя молодыя дѣвушки, которыя, по ея совѣтамъ, отказывались выходить замужъ, жили у ней съ утра и до ночи, а иныя и ночевали. Эти постоянныя собранїя у босоножки, недоказанныя чудеса и разные неблаговидныя сцены, бывавшія тайно по ночамъ, обратили на нее вниманіе полици; икона была взята въ одинъ монастырь, а босоножкѣ было приказано прекратить сборища.

Послѣ того «босоножка» все собиралась выйти замужъ, но не вышла; затѣмъ занималась сватовствомъ. Домъ ея постоянно былъ наполненъ разными неувядаемыми вдовицами съ моськами и болонками на рукахъ; разные отставные усачи и другіе выхолненные джентльмены искали у ней протекціи и занятій. Ея жилия комнаты носили какой-то специфическій запахъ; свѣжаго человѣка, какъ только войдетъ, такъ и обдавалъ запахъ бѣлилль, румянъ, пудры и тому подобныхъ снадобій. Босоножка вскорѣ уже стѣсняться не стала и открыто стала заниматься прибыльной профессіей извѣстной «мадамы».

XV.

Г о л у б и ц а.

Въ ряду извѣстныхъ такихъ женщинъ-пустосвятокъ, пройдохъ и ханжей, сіяла, какъ «адамантъ», въ Москвѣ и Петербургѣ, въ пятидесятихъ годахъ, толстая и красивая баба, лѣтъ сорока пяти, съ лицомъ бѣлымъ и беззаботнымъ. Называлась она «Ольга Макарьевна», или просто Макарьевна; величала, впрочемъ, себя она «вдовицей», «странницей», «птицей небесной», «голубицей» и «оливанной».

Старые петербургскіе гостинодворцы еще должны помнить, какъ она бродила по лавкамъ, въ черномъ суконномъ подрясникѣ съ широкими рукавами, подпоясанная большимъ ременнымъ поясомъ; на головѣ у ней красовалась черная остроконечная бархатная скуфья, но нерѣдко хаживала она и повязанная краснымъ фуляровымъ платкомъ съ распущенными по плечамъ волосами. Въ рукахъ у ней была огромная палка, которую она называла «жезломъ іерусалимскимъ»; въ рукахъ же она, по большей части, держала пучокъ восковыхъ свѣчей; на шеѣ надѣты были четки съ большимъ крестомъ, а иногда и нѣсколько образовъ, писанныхъ на финифти или вытисненныхъ на единорогѣ іерусалимской работы.

Всѣхъ встрѣчныхъ Голубица благословляла и давала имъ цѣловать

свои руки. Говорила она всегда иносказательно, о себѣ же простодушнымъ купчихамъ болтала всякую ложь, только въ самыхъ выспренныхъ и велерѣчивыхъ словахъ:

— Вамъ, другъ мой милый, говорила она какойнибудь купеческой благодушной слѣпотѣ:—жена я была боярская; ѣздила въ каретѣ драгой и устроенной муссіено и серебромъ, и имѣла аргамаки и кони многи съ гремячими чепьями. Лѣбота лица моего сіяла, яко древле во Израилѣ вдовы Юдиои или древней Деворы или Эсеири, жены царя Артаксеркса. Но разъ въ ноци бысть мнѣ видѣніе и кличъ неподобный: «Жено, почто очи твои на нищихъ и убогихъ не взирають?» И, возставъ отъ сна и памятуя сіи слова, пала я ницъ, прося отпуска грѣховъ своихъ. Персты же рукъ моихъ возношаше на чело, на путь и на обѣ рамѣ. Изъ очей моихъ слезы яко бисеріе драгое исхождаху, а изъ глубины сердца бысть вопль велій — воздыханія же терзаху утробу, яко облацы воздухъ возмущаху. И съ того часу ноги мои дивно ступаніе возымѣли по темницамъ, по весямъ и распутіямъ, нося милостыню отъ дому своего, нося деньги и ризы и другая потребная—овому рубль, а индѣ десять, а иному и сотельный билетъ. Ближніе же моя меня, яко звѣріе дикіе, за это терзаху сердце и плоть рваху...

Заканчивала она свои разглагольствованія по большей части разными выпрашиваньями, начинавшимися такими словами: «и я тебѣ, свѣту моему, о своихъ бѣдахъ и напастяхъ возвѣщу».

Родомъ Макарьевна была московская мѣщанка. Подъ конецъ своей жизни она уже не выѣзжала изъ Москвы и жила между купчихами Таганки и Замоскворѣчья, гдѣ пользовалась большимъ уваженіемъ и почетомъ, и считалась необходимою принадлежностью на всѣхъ поминкахъ, похоронахъ, свадьбахъ, при отпускѣ невѣсты подъ вѣнецъ; помимо ея, никто не смѣлъ подвязать въ мѣшочкахъ, въ которые кладутъ четверговую соль, кусочекъ хлѣба, утолкъ, иголку, булавку, маковую головку, ладанку, плакунъ-траву, корень Петровъ-крестъ.

На поминкахъ и на похоронахъ она играла тоже роль угѣшительницы: надѣвала на плачущихъ четки, крестъ съ себя, говорила разные подходящіе тексты и т. д., садилась за столомъ между духовенствомъ, толковала о раѣ и адѣ и пр.

На дѣвнишникахъ она благословляла сундуки, куда будутъ класть приданое, клала кусочекъ хлѣба съ солью, въ каждый уголъ по серебряному пятаку, подвязывала невѣстѣ извѣстный карманъ съ мячкнскимъ¹⁾ снадобьемъ, въ составъ котораго вмѣстѣ съ названными выше вещами входила еще богоявленская свѣча, и другая свѣча отъ иконы Гурія, Самона и Авива, деревянная палочка съ двѣнадцатью зарубками, розовая шелковинка и какое-то заклинаніе отъ порчи.

1) Носить названіе отъ извѣстной московской старухи-лекарки Мячкиной.

Терла она также купчихъ въ баняхъ, пользуя отъ разныхъ недуговъ, пользовала и отъ бесплодія какой-то косточкой.

Особенно молодыя вдовы и молодыя жены, а также и молодые мужья любили посѣщать ея квартиру. Кругъ дѣйствій Макарьевны не ограничивался одной Москвой, она посѣщала Нижегородскую, Коренную и другія ярмарки.

Нѣкоторое время она держала при себѣ дѣвушку, однимъ выдавая ее за дочь, другимъ—за воспитанницу. Дѣвушку эту подконецъ она выдала замужъ за консисторскаго чиновника, давъ за ней приданого тысячь десять.

Жила Макарьевна подчасъ очень весело, и вечеркомъ перѣдко можно было встрѣтить ее катающей на извозчикѣ-лихачѣ, красивомъ и румяномъ. По смерти у ней осталось болѣе семидесяти тысячь капитала, который и получила ея воспитанница или дочь.

XVI.

Батюшка Шамшинъ и мѣщанинъ Кочуевъ.

Въ самое недавнее время въ Петербургѣ славился своими пророчествами помѣшанный Шамшинъ; содержался онъ сперва на Удѣльной, затѣмъ былъ переведенъ въ больницу Николая Чудотворца, гдѣ и умеръ. По словамъ «Петербургской Газеты», на четвертый день его приѣзда въ Петербургъ, уже стали притекать «вѣрующіе» въ него. Управление больницы, однако, твердо охраняло покой больного Шамшина отъ «вопросителей», но жаръ вѣры притекающихъ отъ этого не унимался.

Въ церкви больницы, какъ говорить «Газета», шла ежедневная служба, и желающіе видѣть батюшку Шамшина приходили въ церковь съ надеждою его тамъ встрѣтить. Но это было напрасно: Шамшинъ къ церковной службѣ не ходилъ. Сильно вѣрующіе въ него принимали другія мѣры и дѣлали энергическіе опыты.

Въ страстной понедѣльникъ два купца одушевились такъ, что даже явились въ контору больницы съ настоятельнымъ требованіемъ, чтобы Шамшинъ былъ имъ «выданъ», такъ какъ онъ будто бы вовсе не помѣшанъ, а находится въ полномъ разсудкѣ, и «отецъ Іоаннъ благословилъ имъ его вынуть».

Требованіе было такъ настойчиво, что главный докторъ вынужденъ былъ приказать вывести этихъ благословенныхъ людей вонъ, что, разумѣется, и было исполнено; но благословенные, по удаленіи изъ конторы, перешли въ церковь и здѣсь тоже не имѣли успѣха. Вмѣсто Шамшина они случайно насладились нѣсколько религіозною бесѣдою Звѣ—нскаго, имѣющаго величественную манію о своихъ будто бы непосредственныхъ

соотношеніяхъ съ Богомъ. Большой же Шампинъ помѣщался въ одной изъ общихъ палатъ во второмъ отдѣленіи. Онъ былъ совершенно тихъ и не говорилъ ни съ кѣмъ ни одного слова. Весь день онъ сидѣлъ на своей кровати или вставалъ и, молча, въ одиночествѣ прохаживался тихими шагами по корридору. Онъ былъ свѣтлый блондинъ, лѣтъ за сорокъ на видъ, съ пріятнымъ чистымъ золотистымъ отливомъ въ цвѣтѣ волосъ, остриженъ по-русски «въ скобку», борода русая, длинноватая и раздваивающаяся. Голубые глаза смотрѣли чрезвычайно кротко, со смѣшаннымъ выраженіемъ доброты и грусти или даже, пожалуй, страданія. Смотрѣлъ онъ на говорящаго съ нимъ внимательно, но не уставляясь, а какъ подстрѣленная птица. Не отвѣчалъ никому ни на какіе вопросы. Въ рѣдкихъ случаяхъ прилагалъ руку къ сердцу и тихо кланялся, какъ бы извиняясь или прося оставить его въ покоѣ. Кушалъ до-сыта, но безъ всякой жадности и ничего не просилъ. Спалъ онъ спокойно; руки у него были чистыя бѣлыя и красной продолговатой формы, какихъ не бываетъ у людей, занимавшихся черными работами.

Писалъ онъ плохо, какъ пишутъ мелочные лавочники, но письменно отвѣчалъ на всѣ вопросы коротко и очень вѣжливо. Вообще это была натура мягкая, и всѣ движенія его были тихія и по-своему даже граціозныя, симпатичныя.

Молитвъ онъ за послѣднее время писать не хотѣлъ. Писалъ онъ карандашомъ, держа бумажку на колѣнѣ. Написавъ одинъ отвѣтъ и начиная писать другой, онъ всегда прежде зачеркивалъ въ первомъ отвѣтѣ послѣднее слово.

Незадолго до смерти Шампина его посѣтилъ одинъ хорошо знакомый намъ литераторъ, который передъ тѣмъ былъ опасно боленъ. Онъ просилъ его написать что нибудь на листкѣ памятной книжки. Шампинъ скоро взялъ карандашъ и написалъ нѣчто очень подходящее, а именно: «Я не знаю, чево вамъ писать, вамъ написаннаго не перечитать. Отъ болѣзни васъ Господь спасъ»; послѣднюю фразу онъ подчеркнулъ; потомъ прижалъ руку съ карандашомъ къ сердцу и умоляющимъ взглядомъ просилъ, чтобы карандашъ ему оставили, что и было исполнено съ разрѣшенія тутъ же бывшаго доктора.

Помѣнательство Шампина было самое тихое.

На вопросъ литератора — напишите мнѣ что нибудь въ томъ родѣ, какъ другимъ дѣлали, Шампинъ далъ отвѣтъ:

— Я давалъ тѣмъ, кто правды жаждалъ. Слѣпому подавалъ свѣтъ. А вамъ правда извѣстна, вы не слѣпой.

По словамъ Н. Аристова¹⁾, въ первой половинѣ настоящаго столѣтія, въ Сибирской губерніи, былъ особенно сильный урожай на юродивыхъ, которые бродили болышею частью съ цѣлю распространенія раскольни-

¹⁾ См. «Историческій Вѣстникъ» 1880 г., ноябрь.

чьихъ ученій. Другіе, впрочемъ, прикидывались блаженными, чтобы ради мнимой святости добывать безбѣдное существованіе безъ всякаго труда и работы. Третьи, наконецъ, дѣйствительно скорбные главой отъ природы, бродили по-міру, какъ нищіе и лишніе члены общества. Всѣ они внушали населенію суевѣрный страхъ и почтеніе; имъ приписывали разныя необычайныя силы духовныя, особенно даръ предвидѣнія и предсказанія будущаго; каждое дѣйствіе, жестъ, слово или мычаніе непремѣнно старались считать не простымъ явленіемъ, а знакомъ таинственнаго выраженія глагола Божія, и это не одни простолюдины, но и помѣщики.

Въ двадцатыхъ годахъ жилъ въ Симбирскѣ мѣщанинъ Кочуевъ, который считался Божьимъ человѣкомъ, хотя былъ раскольничьимъ начетчикомъ. Онъ служилъ приказчикомъ у макарьевскаго купца Олонцева, который послалъ его по дѣламъ въ Астрахань. Недолго удалось ему пожить спокойно: за распространеніе раскола и за бесписьменность его хотѣла арестовать полиція, но онъ успѣлъ скрыться и поселился въ Жигулевскихъ горахъ; здѣсь онъ старался вести строгую отшельническую жизнь и прикинулся совершенно молчальникомъ. Такое появленіе пещернаго затворника среди рыбаковъ поразило ихъ, и послѣдніе, въ знакъ любви и привязанности къ нему, стали носить ему свѣжую рыбу; потомъ распространившаяся молва стала привлекать къ нему массу пришельцовъ изъ раскольничьяго міра. Наконецъ, слава о немъ, какъ о святомъ мужѣ, пошла далеко, и толпы уже осаждали его пещеру и самую воду родника, находившагося недалеко отъ его жилища, стали считать священной и пить для исцѣленія разныхъ болѣзней. Наконецъ, симбирскіе коноводы раскольниковъ Валдышевы вывезли его изъ Жигулевскихъ горъ, помѣстили въ своемъ домѣ и окружили доволствомъ. Юродивый все выдерживалъ свою задачу молчальника при всѣхъ, исключая одной дѣвицы, съ которой завелъ любовную связь; ихъ взаимныя отношенія были открыты, когда подслушали тайный разговоръ молчальника съ дѣвицей и поняли, что она беременна.

Тогда отъ непріятностей Кочуевъ убѣжалъ къ иргизскимъ старцамъ и потомъ поселился въ Москвѣ. Онъ собралъ много рукописей и старыхъ книгъ и впоследствии сдѣлался виднымъ человѣкомъ между московскими раскольниками; утверждаютъ, будто онъ первый подалъ мысль учредить старообрядческую іерархію и искать архіереевъ.

XVII.

«Дядя домой».

Другой юродивый симбирскій, Павель, происходилъ изъ города Алатыря; онъ извѣстенъ былъ всюду подъ названіемъ «дядя домой», потому что, кромѣ этихъ словъ, не говорилъ ничего, притворяясь нѣмымъ. Онъ двадцати лѣтъ отъ роду скрылся изъ родительскаго дома и черезъ два

года явился въ родномъ городѣ, но уже совершенно въ другомъ видѣ. Лѣтомъ и зимой ходилъ онъ босикомъ, носилъ легкое длинное, до пятъ, полукафтанье, которое не мѣнялъ по году. Онъ былъ высокаго роста и красивой наружности, распускалъ свои длинные волосы по плечамъ и никогда не покрывалъ головы; въ рукахъ онъ держалъ высокую палку, на верху которой навязаны были разноцвѣтныя ленты, и каждому встрѣчному выкрикивалъ одно и то же: «дядя домой!» Такъ онъ держалъ себя съ лицами незнакомыми, а кто принималъ его съ усердіемъ и кому онъ довѣрялъ, тѣхъ удостаивалъ своей тайной бесѣды. Когда давали ему серебряныя деньги, онъ бралъ ихъ, мѣдныя же бросалъ на землю. Своимъ наружнымъ благочестіемъ Павелъ привлекъ къ себѣ много людей; особенно барыни и купчихи были его поклонницами. Въ селѣ Стамасѣ «дядя домой» очень часто ходилъ въ домъ зажиточнаго крестьянина, у котораго былъ сынъ Федоръ, парень лѣтъ 16-ти; этотъ юноша сильно привязался къ юродивому и вскорѣ пропалъ изъ дома. Черезъ годъ стамасскіе крестьяне увидали его въ лѣсу, верстѣ за двадцать отъ села, вмѣстѣ съ Павломъ и другимъ юродивымъ-бродягою изъ гор. Алатыря; они сидѣли втроемъ на полянѣ, но, увидѣвъ людей, разбѣжались въ разные стороны. Спустя нѣсколько времени, все они явились въ село Стамасъ: Павелъ въ своемъ подрясникѣ, а Федоръ и алатырскій бѣглець въ однѣхъ длинныхъ рубашкахъ и босые. Въ разныхъ домахъ этого села и сосѣдняго они привлекли къ себѣ многихъ молодыхъ дѣвушекъ, которыя стали называться старицами, ходить въ черномъ одѣяніи и обязывались не вступать въ супружество. По вечерамъ молодые парни и юныя старицы сходились въ одну избу, гдѣ юродивые учили ихъ читать, писать и пѣть. Въ собраніяхъ участвовали только посвященныя лица; не однѣ сельскія дѣвицы попадались имъ въ ловушку, но иногда и образованныя дѣвушки. Въ то время въ гор. Алатырѣ жила дѣвица благородныхъ и набожныхъ родителей, только что окончившая курсъ въ Смольномъ институтѣ; въ домъ къ нимъ заходилъ нѣмой юродивый, молодой и красивый мужчина, лѣтъ двадцати пяти; ему подавали всякое угощеніе и надѣляли деньгами. Однажды, во время закуски юродиваго, институтка осталась съ нимъ вдвоемъ въ комнатѣ и любовалась его выразительной фізіономіей, роскошными волосами и атлетической фігурой: вдругъ нѣмой юродивый обратился къ ней съ рѣчью на отличномъ французскомъ языкѣ:

— Вотъ, по вашимъ святымъ, чистымъ и дѣвственнымъ молитвамъ, сказалъ онъ:—Господь не только развязалъ мнѣ языкъ, но и надѣлилъ разумомъ и даромъ разныхъ глаголовъ...

Потомъ онъ сталъ говорить по-русски очень умно и краснорѣчиво, но просилъ никому не сообщать объ этой благодати.

Отъ величайшаго изумленія институтка разинула ротъ и не могла вымолвить слова, точно сама превратилась въ нѣмую юродивую, такъ

поразило ее неожиданное чудное явленіе. Послѣ этого чаще и чаще навѣщаль институтку загадочный молодой человекъ, говорилъ съ ней одинъ-на-одинъ по-французски о возвышенныхъ божественныхъ предметахъ въ мистическомъ направленіи, а при другихъ молчалъ...

Живыя таинственныя рѣчи о любви Христовой, объ олицетвореніи между людьми Царства Божія на землѣ и о пребываніи св. Духа внутри человека воспламенили молодую дѣвушку до того, что она стала раздѣлять съ мнимымъ юродивымъ любовь земную.

Эта связь тянулась недолго: нѣмого юродиваго арестовали за распространеніе секты «людей божіихъ» и за побѣгъ отъ симбирскаго помѣщика изъ Парижа, гдѣ онъ служилъ болѣе пяти лѣтъ помощникомъ повара. Такое неожиданное открытіе для гордой и нервной барышни оказалось гибельнымъ, и она отравилась, можетъ быть, еще и потому, что чувствовала плодъ чрева своего. Этотъ разсказъ г. Аристовъ слышалъ отъ алатырскаго доктора В. В. Преображенскаго.

Этотъ Павелъ нерѣдко заходилъ къ архіепископу симбирскому Θεодотію. Владыка не довѣрялъ ему и считалъ его юродство притворнымъ. Онъ убѣждалъ его бросить юродство; но Павелъ на всѣ вопросы отвѣчалъ только: «дядя домой». Преосвященный предостерегалъ его: «смотри, не улети домой по широкой дорогѣ въ Сибирь!»

Предсказанія преосвященнаго оправдались: полиція заподозрила Павла въ какихъ-то мошенническихъ дѣлахъ и отыскала въ глухомъ лѣсу, около озера, его келью съ секретными подземными ходами. Говорятъ, когда полицейскій пришелъ къ запертой кельѣ Павла, ведя его съ собою, онъ сказалъ: «дядя домой! Получишь за это 500 рублей...» Но тотъ отвѣчалъ, что теперь уже поздно, и нашелъ у него спрятанными въ кельѣ много денегъ и серебряной посуды и все отобралъ. На слѣдствіи онъ чистосердечно покаялся во всѣхъ своихъ похищеніяхъ и далъ подписку впредь не юродствовать.

XVIII.

А н д р е ю ш к а.

Въ числѣ юродивыхъ шарлатановъ въ Симбирскѣ находились и настоящіе юроды и дураки. Въ ряду такихъ былъ тамъ юродивый «Андреюшка», сынъ бѣднаго мѣщанина Огородникова, лишенный съ самаго рожденія всѣхъ даровъ природы: нѣмой, не могшій безъ движенія стоять на одномъ мѣстѣ, а, подобно маятнику, качавшійся изъ стороны въ сторону, переминываясь безпрестанно и издавая какіе-то звуки. Онъ ходилъ всегда въ одной только длинной рубашкѣ и босой, даже въ сильные жестокіе морозы, и, бѣгая по снѣгу, онъ не обнаруживалъ никакихъ признаковъ ощущенія стужи. Онъ любилъ пить только одинъ чай; занятіемъ

его было цѣловать полы, стѣны, углы и вещи, которыя ему попадались въ руки или на глаза; голосомъ издавалъ онъ одни дикіе членораздѣльные звуки; черный хлѣбъ предпочиталъ бѣлому и любилъ его ѣсть намазаннымъ медомъ. Не лишенъ онъ былъ органа слуха и на вопросы отвѣчалъ звуками, движеніемъ рукъ и головы. Онъ былъ весьма неопрятенъ, но любилъ мыться въ банѣ; вода должна была быть чуть теплая, и мыть его надобно было, начиная съ головы до ногъ; если же чуть порядокъ нарушался, то никто его въ банѣ не могъ удержать, и онъ убѣгалъ нагой. Холодной воды онъ чрезвычайно боялся, и словами «подайте Андреюшкѣ воды!» обыкновенно выгоняли его изъ дома, гдѣ посѣщенія его надоѣдали. Когда священникъ давалъ ему цѣловать крестъ при водосвятіи, то онъ придерживалъ своей рукой кропило и мазалъ имъ все лицо... Въ церквахъ онъ бывалъ рѣдко и то на минуту, всегда съ полнымъ равнодушіемъ, и никто не видалъ, чтобы онъ молился въ ней когда; только часто онъ одинъ толкался на паперти церковной съ обычнымъ ему выраженіемъ—подобіе медвѣдя, сосущаго лапу.

Бѣгая по улицамъ, онъ подбиралъ лоскутки, щепочки и раздавалъ ихъ встрѣчнымъ, даже кидалъ въ экипажи—всѣ эти дѣйствія считались пророческими предзнаменованіями. Онъ носилъ сумку, въ которую ему клали подаяніе; при этомъ онъ иногда оставался спокойнымъ и молчалъ, а иногда выбрасывалъ подарки и монеты въ сторону. Подаяніе раздавалъ самъ другимъ, кто ему взглянется, и безъ счету, сколько захватить, будто безъ цѣли и размышленія. Все это почитали какимъ-то особеннымъ даромъ отъ него, и многіе сберегали и деньги, и пустыя вещи. Торговцы всѣ наперерывъ даромъ приглашали его брать изъ лавокъ, что ему угодно, но онъ, по какому-то чутью, у одного когонибудь возьметъ какуюнибудь ничтожную вещь, а у другого ни по какому убѣжденію и значительной вещи не возьметъ. Когда насильно давали ему чтонибудь, то онъ изорветъ, если это какаянибудь матерія, или броситъ съ презрѣніемъ въ сторону, хотя бы вещь стоила и значительной цѣны. Если пьяные причиняли ему побои и оскорбленія, то онъ съ терпѣніемъ и кротостью все переносилъ.

Въ годину бѣдствій, въ 1812 году, когда набожность развилась во всѣхъ сословіяхъ болѣе обыкновеннаго и когда многіе значительныя особы симбирскія ѣздили въ Саровскую пустынь къ затворнику Серафиму, послѣдній отказывалъ въ благословеніи богомольцамъ, отсылая ихъ въ Симбирскъ къ юродивому Андрею.

Андреюшка прожилъ въ Симбирскѣ около семидесяти лѣтъ; передъ его кончиной народъ толпами осаждалъ квартиру его, такъ что полиція вынуждена была для порядка приставить чиновника съ компандой. Кончина его взволновала не однихъ жителей города, но и окрестное населеніе; стеченіе народа было чрезвычайное... По словамъ его біографа: «Откуда-то явился и возвысился великолѣпный гробъ на серебряныхъ нож-

кахъ, обитый бархатомъ, показались два дорогіе покрыва, открылось кругомъ гроба множество подсвѣчниковъ съ пылающими денно и ночью восковыми свѣчами... Въ богатый гробъ его положили въ томъ же облаченіи обыкновенномъ, въ какомъ онъ всегда ходилъ, т. е. въ одной рубашкѣ и босого. Прочее все соответствовало особенной пышности, даже до самыхъ мелочей, и все это сопровождалось усердіемъ значительнаго дворянства и богатаго купечества... Градской голова съ обществомъ купцовъ просилъ у преосвященнаго Феодотія позволенія положить его среди города, около Вознесенской церкви. Архіепископъ, не постигая безотчетной народной признательности къ умершему и убѣждаясь народнымъ голосомъ, какъ голосомъ Божиимъ, расположился принять покойнаго въ мѣсто, огражденное при архіерейскомъ домѣ, что въ Покровскомъ монастырѣ, на концѣ города, гдѣ съ незапамятныхъ временъ погребаютъ знаменитые дворянскіе роды... Чтобы удовлетворить народному какому-то безусловному энтузіазму, онъ дозволилъ до погребенія на сутки перенести гробъ юродиваго въ Вознесенскую церковь, чтобы продолжить время усердствующему народу успѣть проститься съ такимъ замѣчательнымъ покойникомъ. Народъ держалъ его четверо сутокъ въ хижинѣ, а одни сутки въ церкви; подобно обильной рѣкѣ, безпрестанно притекалъ ко гробу и съ особеннымъ благоговѣніемъ касался бранныхъ останковъ умершаго. Но въ четверо сутокъ духота и жаръ не имѣли вліянія на тѣло умершаго, и никакого не происходило запаха, а это въ особенности поддерживало къ нему народное признаніе и сопровождено весьма многими толпами. Только на лицѣ, сначала бѣломъ, показались синія пятна, но это надобно отнести къ жару и непрерывному прикосновенію къ его лицу... При выносѣ и при погребеніи юродиваго тотъ только изъ жителей города оставался въ своемъ домѣ, кому не было возможности сдѣлать одного шага; даже закоренѣлые раскольники разныхъ сектъ рѣшились присутствовать въ церкви во время литургіи и погребальнаго чиноположенія и тоже съ благоговѣніемъ проводили его гробъ до мѣста. Хоронилъ Андрея архимандритъ, ректоръ семинаріи, съ городскимъ и сельскимъ духовенствомъ; однихъ священниковъ было до тридцати душъ. Гробъ несли съ хоругвями и звономъ на пространствѣ болѣе версты, при ежеминутныхъ перемѣнахъ носильщиковъ: лучшее купечество и дворяне непрерывно одинъ у другого перенимали гробъ, стараясь улучшить случай повторить это нѣсколько разъ, и оттого около гроба тѣснота и давка была невыносимая. Экипажей счесть нельзя. Изъ двухъ дорогихъ покрывовъ чернѣ сильно домогалась одинъ пріобрѣсти, чтобы разорвать его на куски въ воспоминаніе покойнаго, но не допущена къ тому полиціей, безъ помощи коей могло бы случиться даже насиліе¹⁾.

¹⁾ Сказаніе о похоронахъ и жизни Андреюшки написалъ какой-то симбирскій пономарь.

Въ числѣ другихъ юродивыхъ, пользовавшихся болѣею извѣстностью въ Симбирскѣ, надо еще упомянуть объ Ильѣ Герасимовѣ, помѣщикомъ крестьянинѣ села Арской слободы; сначала онъ былъ только болящимъ, потомъ прикинулся юродивымъ и сталъ пророчествовать; ходилъ онъ въ длинной рубахѣ и босой. Пользуясь уваженіемъ крестьянъ, онъ весьма удачно совращалъ ихъ въ поморское согласіе ²⁾.

XIX.

Фекла болящая. — Вѣра Матвѣвна. — Старецъ Глѣбъ. — Антонъ Воздержникъ. — Устинья-пророчица.

Въ городѣ Петровскѣ, Саратовской губерніи, извѣстна была «Фекла болящая». Жила она, что называется, «и въ людяхъ, и на усторонѣ», одиноко на рѣкѣ Медвѣдицѣ, въ своемъ домишкѣ. Заболѣетъ ли кто въ городѣ, другое ли какое горе приключится кому либо, сейчасъ къ Феклѣ болящей. Слыла эта Фекла за богобоязненную женщину и была хорошо знакома съ монахинями Кирсановскаго монастыря, которыя всегда останавливались у Феклы во время поѣздокъ «за сборомъ». Разузнаетъ она отъ монахинь тѣ или другія свѣдѣнія о богомольцахъ, да и воспользуется этими свѣдѣніями по-своему, на утѣшеніе всѣхъ приходившихъ къ ней. Отъ болѣзней она лечила однимъ секретомъ «водицей», а сама все-таки оставалась болящею, да такъ и Богу душу отдала.

Въ Кирсановскомъ уѣздѣ прославлялась нѣкая слѣпая и убогая «Вѣра Матвѣвна». Эта раба Божія жила не одиноко, а съ какою-то другою старицею. Хижина Вѣры Матвѣвны была въ лѣсу, на р. Воронѣ. Злые языки говорили, что у рабы Вѣры много пріюта давалось рабамъ воровства, стяжанія и другихъ напастей, при посредствѣ которыхъ она знала, гдѣ и когда что украдено; могла угадать, найдется ли украденное. Последнее обстоятельство всегда зависѣло отъ количества лепты, принесенной рабѣ Божьей. Если украденная вещь не стоила тѣхъ денегъ или подарка, какіе приносились съ просьбой «прозрѣть» грабителя, то указывалось мѣсто или случай, при которомъ вещь найдется, и затѣмъ украденное или подбрасывалось, или зарывалось въ землю, а потомъ «прозорливая» давала указаніе, и такимъ образомъ пропаша «чудодѣйственно» возвращалась къ хозяину или хозяйкѣ. А какъ въ критику дѣла никто не входилъ, то «Вѣра Матвѣвна» упорно слыла «прозорливицею» и открытыя воровства приписывались набожными людьми ея молитвамъ. Для монахинь Кирсановскаго монастыря у Вѣры Матвѣвны былъ излюбленный пріютъ, которымъ всѣ сестры этой обители дорожили и пользо-

²⁾ См. «Православный Собесѣдникъ» 1877 г., I, 46—49.

вались матвѣвнинымъ гостепріимствомъ во время своихъ объѣздовъ «по сбору».

Вообще Кирсановскій уѣздъ богатъ былъ разными пустосвятами; такъ, здѣсь извѣстенъ былъ подвижникъ «Глѣбъ Лаврентьевичъ», родомъ изъ крестьянъ; славился онъ, между прочимъ, своимъ строгимъ воздержаніемъ. Но это только дома, такъ какъ Глѣбъ Лаврентьевичъ занимался болѣе путешествіями по Святымъ мѣстамъ: въ Кіевъ, Воронежъ, Москву и другіе города. И ходилъ онъ всегда пѣшкомъ, дѣлая по 60—80 верстъ въ сутки; потому воздержаніе его было крайне сомнительнаго свойства. Къ чести «Глѣба Лаврентьевича» нельзя не отнести того обстоятельства, что во время своихъ путешествій, собирая милостыню, онъ сумѣлъ на собранныя деньги выстроить въ с. Паникѣ, гдѣ онъ жилъ, великолѣпный храмъ, блестяще украсилъ его и снабдилъ богатою церковною утварью, какъ удалось ему это сдѣлать — судить трудно.

Популярность его стала особенно замѣтною по поводу его предсказанія своей смерти. Въ одинъ прекрасный день рабъ Божій «Глѣбъ» вдругъ объявляетъ односельчанамъ, что ему нужно идти въ городъ Ломовъ и тамъ умереть. Отправился онъ въ Ломовъ къ мѣстному городничему, гдѣ былъ всегда любезно принятъ, и тамъ, дѣйствительно, скончался. Какъ строитель храма, Глѣбъ былъ торжественно похороненъ при соборной церкви города Ломова.

Въ Саратовѣ и Пензѣ знаменитъ также былъ нѣкто «Антонъ Григорьевичъ», изъ купческаго званія; извѣстенъ онъ былъ, какъ постникъ и человекъ, всею душою ненавидѣвшій пьянство. Кофе и чаю онъ вовсе не пилъ, табаку не курилъ и не нюхалъ и терпѣть не могъ табачниковъ.

Въ Саратовѣ разъ онъ замѣтилъ, что одинъ изъ священнослужителей понюхалъ табаку въ алтарѣ. Вскипѣла душа Антона Григорьевича; влетаетъ онъ въ алтарь и, не смотря на то, что слылъ за человека богобоязненнаго, со всего размаху угостилъ нюхавшаго табакъ двумя полновѣсными здоровыми оплеухами.

Приведенъ онъ былъ за это происшествіе на судъ къ мѣстному каіафѣ, а потомъ и къ архіерею; но пресвященный постарался замаять дѣло и отпустить раба Божія Антона безнаказанно, что было восторгомъ для послѣдняго.

Жилъ Антонъ Григорьевичъ, всегда окруженный массою нищихъ, калѣкъ вольныхъ и невольныхъ, слѣпыхъ, глухихъ, хромыхъ и прочей братіи. Ради этой жизни купецъ бросилъ торговлю, домъ и семейство.

Умирая, онъ завѣщалъ похоронить его непременно въ бѣломъ шелковомъ халатѣ, наподобіе древнихъ, чтимыхъ церковью, «юродивыхъ», что и исполнено было однимъ изъ петровскихъ купцовъ г. Лысковцевымъ.

Въ Саратовской губерніи извѣстна была нѣкая пророчица «Устинья», пришедшая изъ земли Иркутскія. Появившаяся пророчица творила чу-

деса въ с. Каменкѣ; жила она у одного старообрядца на огородѣ, принимала же учениковъ и предсказывала въ моленной.

Пророчица являлась одѣтая вся въ бѣломъ, подпоясанная розовою шелковою лентою и съ распущенными волосами, перевязанными назади голубою лентою. Предсказывала она за столомъ съ курящеюся ладаницею.

Говорила она больше слѣдующія слова: «Приходятъ, людѣ, послѣднее время, небо и земля потрясется, чистыя звѣзды на землю скатятся; сойдеть Михаилъ Архангелъ и затрубитъ въ трубу живогласную: вставайте всѣ живые и мертвые на судъ къ Богу. По правой сторонѣ идутъ души праведныя—въ лицахъ всѣ свѣтлѣютъ, волосы яко ковыль-трава, ризы на нихъ нетлѣнныя. Идутъ они на судъ къ Богу, радуются. Встрѣчаютъ ихъ владычица мати-Богородица: подите, мои христіанскіе избранныя, да покаянныя, посрамленныя, вотъ вамъ царство уготованное. Принимаетъ ихъ самъ Господь, Царь Небесный. По лѣвой сторонѣ идутъ души грѣшныя, въ лицахъ темнѣютъ, одѣяніе страшное. Идутъ они на свою муку и слезно плачутъ: Господи, царь небесный! почто ты насъ въ царствіе непустишь? мы всѣ люди, христіане. Глаголетъ Господь, Царь Небесный: пойдите вы, грѣшныя, проклятыя, во три пропасти земли: вы не въ мою вѣру вѣровали. Да провалятся всѣ грѣшныя въ преисподнюю! Составитъ Господь всѣ муки въ одну, не взвидятъ грѣшныя свѣту бѣлаго, не взвидятъ они солнца свѣтлаго, не слышать они гласу ангельскаго. Во вѣки вѣковъ аминь...»

Но, главное, пророчица отгадывала воровъ и находила спрятанное, какъ говорило простонародье: «сокровенная человѣческая» узнавала. И ходили къ ней каждодневно разные бабы и мужики, спрашивая:

— Скажи мнѣ, боголюбивая жена, кто у меня укралъ недавно холсты съ огорода?

— Люди злые, отвѣчала пророчица:—которые схоронили ихъ на рѣкѣ, у плотины, подъ хворостомъ,—сходи и обрящешь.

Или говорилъ мужичекъ:—Повѣдай мнѣ, избранная Божья раба, кто увель у меня сѣраго мерена или гнѣдую кобылу?

— Завистники злые, отвѣчала пророчица и указывала мѣсто, гдѣ кони привязаны:—пойди и найдешь.

Понятно, народъ вѣрилъ сначала въ чудеса, но потомъ частыя покражи навлекли и на пророчицу подозрѣнія, и въ концѣ концовъ она была уличена полиціей въ соучастіи въ этихъ воровскихъ продѣлкахъ и уводахъ лошадей. И пророчица опять была сослана на мѣсто своей родины.

XX.

Тамбовскій Сѹмеонъ.—Солдатъ Ванюшка.—Блаженный Егорушка.—Пьяница Машка.—Иванушка-дурачекъ и Иванушка Рождественскій.

Въ гор. Тамбовѣ любилъ щегольнуть своей «ревностью по вѣрѣ блаженненькій купецъ Сѹмеонъ»; онъ тоже былъ «болящій». Зимой онъ не показывался—холодно, а лѣтомъ обыкновенно ѣздилъ въ своей кибиткѣ, любилъ останавливаться посрединѣ улицы и всегда собиралъ толпу зѣвакъ.

«Сѹмеонъ болящій» любилъ наставлять, какъ нужно жить по-христіански. Всѣ наставленія его обыкновенно начинались и кончались почти одною и тою же фразою: «въ нераскаивающихся грѣшникахъ нѣтъ ни вѣры въ Бога, ни самого Бога!»

Какъ вѣровалъ самъ болящій—неизвѣстно, но родные Сѹмеона признавали его «блаженненькимъ» и содержали на свой счетъ, не позволяя ему собирать какую либо лепту отъ доброхотныхъ его слушателей.

Тамъ же, въ Тамбовѣ, извѣстенъ былъ «пророкъ», солдатъ «Ванюшка Зиминъ». Онъ былъ съумасшедшій и жилъ въ домѣ умалишенныхъ, но легковѣрующіе тамбовцы вѣровали въ него, какъ въ пророка. Закричитъ Ванюшка ни съ того, ни съ сего: «пожаръ! пожаръ!» — записываютъ тамбовцы день и часъ; когда кричалъ Ванюшка, и послѣ окажется, что дѣйствительно въ записанное время гдѣ нибудь въ окрестностяхъ Тамбова въ самомъ дѣлѣ былъ пожаръ. Вотъ и «прозорливство».

Говорилъ «Ванюшка», какъ съумасшедшій, всегда безсвязно, себѣ подъ носъ, а тамбовцы ухитрялись понимать его слова по-своему и ломали голову: что бы это значило, что сказалъ Ванюшка?

Начнетъ Ванюшка кататься по землѣ—быть бѣдѣ и покойнику; придумаетъ Ванюшка поднимать что-то имъ воображаемое и дѣлаетъ тѣло-движенія въ родѣ тѣхъ, какъ бы перекидываетъ вещи черезъ заборъ — смотри, что будетъ гдѣ нибудь кража; взбредетъ въ голову Ванѣ лить воду—значить, берегись: придется заливать пожаръ и т. д.

Замѣчательнъ былъ въ Тихвинѣ блаженный «Егорушка». Это былъ высокаго роста мужчина; ходилъ онъ всегда въ разноцвѣтныхъ рясахъ, со священническою тростью въ рукѣ, въ пуховыхъ шляпахъ или съ непокрытою головою, весь увѣшанный крестами, крестиками и образками на разноцвѣтныхъ лентахъ. Егорушка очень любилъ форснуть одеждою, которая обыкновенно носится у насъ духовными особами. По умственному развитію Егорушка былъ простой и глупый человѣкъ. Говорить онъ ничего не говорилъ, а издавалъ только какіе-то членораздѣльные звуки, но не былъ совѣмъ лишенъ дара слова, выучился самой скверной брани и ругался охотно и отчетливо.

Въ церкви, во время Богослуженія, Егорушка бродилъ среди богомольцевъ, заглядывалъ въ лица молящихся, а самъ никогда не молился, даже ни разу не осѣнялъ себя крестнымъ знаменіемъ, не говоря уже о поклонахъ.

Не смотря на такое поведеніе въ храмахъ, «Егорушка» слылъ въ Тихвинѣ «блаженнымъ». Большинство тихвинцевъ и множество набожныхъ людей, прїѣзжавшихъ въ Тихвинъ на поклоненіе мѣстной святыни, считали долгомъ хотя посмотрѣть только на Егорушку; если удавалось при этомъ повѣсить на блаженного какой либо крестикъ, паломникъ тихвинской святыни уѣзжалъ домой вполне счастливый, съ сознаниемъ, что онъ удостоился зрѣть святого мужа, и «воздѣтъ на него жертвицу».

Жилъ Егорушка постоянно у одного изъ тихвинскихъ купцовъ, известнаго въ мѣстномъ простонародѣ подъ именемъ Мины. Купецъ этотъ хорошо торговалъ, и люди объясняли его удачу въ торговлѣ тою благодатью, которую ниспосылалъ Егорушка Минѣ своими молитвами, хотя Егорушка никогда никакихъ молитвъ не зналъ; на самомъ дѣлѣ хорошая торговля Мины зависѣла отъ примѣрной добросовѣстности этого купца.

Живя въ названномъ домѣ въ особой комнатѣ, уставленной кіятами и образами и освѣщенной лампадами, Егорушка любилъ облачаться въ священническія ризы, бралъ имѣвшееся въ домѣ кадило и начиналъ служить, при чемъ вмѣсто молитвенныхъ словъ издавалъ одни крики. Отслуживъ и накадившись вдоволь, «Егорушка» разоблачался и отправлялся путешествовать по улицамъ Тихвина. Онъ выбиралъ для прогулокъ сухія улицы и по грязи не любилъ шлепать, хотя ходилъ непремѣнно посрединѣ дороги. Идетъ Егорушка и поетъ, или, лучше сказать, воетъ ему одному вѣдомо что, а тихвинцы повысунуть любопытныя головы въ окна и форточки и смотрятъ, любятся, слушаютъ и изъясняютъ то, что поетъ.

Надоѣстъ Егорушкѣ мычать, онъ начнетъ ругаться отборною бранью, отчетливо, отчеканивая каждое слово, при чемъ беретъ, что попадается подъ руку—кирпичъ, камень—и начинаетъ бросать камнями за заборъ или въ огородъ какого нибудь мирнаго гражданина.

— Ума не приложу, съ чего это Егорушка началъ нынѣ бросаться камнями и ругаться, да вѣдь какими еще площадными словами, говорили суевѣрные тихвинцы, глядя на такое поведеніе юрода.

— Быть какой ни на есть бѣдѣ, отвѣчали на это такіе же другіе суевѣры.

Но бѣдъ особенныхъ въ Тихвинѣ не было, и граждане продолжали вести ту же лѣнивую и полную сплетень жизнь.

Иногда Егорушка исчезалъ изъ Тихвина и ходилъ по окрестнымъ монастырямъ и селамъ. Люди, признавшіе его за блаженного, говорили, что Егорушка молится въ лѣсу, вдали отъ міра, за грѣхи людскіе, на самомъ же дѣлѣ за молитвой никто никогда не видалъ Егорушку. Вполнѣ

обезпеченный въ жизни вышеназваннымъ купцомъ, Егорушка никогда не бралъ подаяній, хотя охотники жертвовать въ его карманъ всегда напались бы. Будь это не идіотъ, а юродствующій проходимецъ, Егорушка воспользовался бы богатыми приношеніями, но этотъ блаженный, если и получалъ когда либо деньги, то или разбрасывалъ ихъ тутъ же по улицѣ, или рвалъ на мелкіе куски, если это были кредитные билеты.

Ублажившіе Егорушку тихвинцы ухитрялись придавать и этому безцѣльному уничтоженію денегъ значеніе какихъ-то пророчесственныхъ дѣйствій, прощать и извинять которыя можно было только понимая Егорушку, какъ неразумнаго ребенка, оставшагося неразумнымъ и до старости лѣтъ.

Когда Егорушка умеръ, то погребенъ былъ съ большимъ почетомъ въ мѣстномъ мужскомъ монастырѣ.

Въ томъ же Тихвинѣ слыла за юродивую какая-то отвратительная грязная женщина, ходившая всегда въ лохмотьяхъ, часто босая и вѣчно съ кошельемъ, въ который клала и куски хлѣба, подаваемые ей суевѣрами, и тряпки, найденныя на улицѣ, и щепки съ камнями, поднятыя на дорогѣ, и т. д. Въ тотъ же кошель клала она и деньги. Простой народъ, мужики звали эту идіотку «Манкой», потому что видѣли въ ней часто пьяную глупую бабу; но женщины благоволили къ этой глупой бабѣ. Ругаться площадными словами «Машка» умѣла тоже отчетливо, но женщины увѣряли, что она не умѣетъ ругаться, а мычить только. При видѣ полиціи «Машка» стихала.

Былъ въ Тихвинѣ также еще блаженный «Иванушка-дурачокъ», родомъ бывшій причетникъ, спившійся съ крута. Ходилъ Иванушка часто босой, съ тяжеловѣсной желѣзной палицей, въ родѣ лома, въ рукавѣ, въ монашеской скуфейкѣ, которая была сдѣлана изъ желѣзнаго листа, одѣвался Иванушка въ подрясникъ. Этотъ человекъ заслужилъ репутацію блаженнаго и юродиваго, между прочимъ, потому, что ни съ кѣмъ никогда не говорилъ ни слова. Если же кто начиналъ насмѣхаться надъ нимъ, то онъ убѣгалъ или въ сторону, или за самимъ насмѣшникомъ, смотря по виду человека смѣющагося, или же произносилъ какой либо текстъ изъ Новаго Завѣта.

Подаянія Иванушка очень любилъ, но никогда о нихъ не просилъ, и бралъ даваемое ему молча. Подпоясанный кушакомъ, Иванушка всегда за пазухой носилъ кучу разныхъ разностей. Судя по вздутому красному носу этого блаженнаго, иные предполагали, что онъ очень любилъ тоже полштофъ водки, который, вѣроятно, и имѣлъ себѣ мѣсто у него за пазухой.

Полицію этотъ Иванушка не совсѣмъ-то любилъ и ходилъ всегда по такимъ мѣстамъ и улицамъ, гдѣ рассчитывалъ полиціи не встрѣтить.

Суевѣрными тихвинцами Иванушка очень уважался, и встрѣча съ нимъ считалась за счастье.

Въ Вологдѣ были извѣстны два юродивыхъ: Алеша и Петропавловскій дьяконъ—оба они отличались строгою подвижническою жизнью, послѣдній—даромъ прозорливости.

Въ селѣ Рождественѣ, Царскосельскаго уѣзда, въ бывшей вотчинѣ царевича Алексѣя Петровича, съ 1799 по 1836 г. проживаль у мѣщанки Русаковой юродивой «Иванушка». Росту онъ былъ средняго, лицо имѣлъ смутное, волосы и брови черные; тѣло всегда грязное. Зимой ходилъ онъ въ одной рубашкѣ, безъ шапки, босой, заложивъ руки за спину; ѣлъ, что ему давали; спалъ на печкѣ, хотя бы даже горячей, зимой и лѣтомъ; милостыни не собираль; деньги, которыя ему давали, опускаль въ часовенный ящикъ. Когда, по случаю болѣзни ноги, онъ пролежалъ шесть недѣль, не собирая денегъ, то въ часовенномъ ящикѣ было денегъ на 60 руб. меньше. Опуская деньги въ ящикъ, онъ говорилъ: «спасибо, ступай домой». И, спустивъ деньги, бѣжалъ по селу, крича: «спасибо! Богъ далъ». Къ церкви онъ былъ усерденъ, по словамъ мѣстнаго духовенства, но къ службѣ ходилъ не всегда; крестился всѣмъ кулакомъ; сильно билъ лбомъ о полъ; если хвалиль службу, то говорилъ: «спасибо, поплъ! страхъ». Покойниковъ провожалъ до могилы; къ священникамъ былъ почителенъ.

Онъ много предсказываль: такъ, въ 1831 г. сиворицкому священнику Евтихию Литвину предсказаль смерть; одной крестьянкѣ предсказаль скоропостижную смерть ея мужа, жившаго въ Гатчинѣ; князю Гагарину, командиру квартировавшаго здѣсь кирасирскаго эскадрона, предсказаль, въ 1832 г., пожаръ гумна, въ которомъ стояло нѣсколько лошадей; въ 1836 г., за годъ до смерти, предсказаль пожаръ села Рождествена; во время польскаго мятежа, въ 1831 г., провожая ѣхавшаго чрезъ село императора Николая, бросаль вслѣдъ его щепенку и кричалъ: «Ахъ, спасибо! Богъ дастъ», предсказывая этимъ прекращеніе мятежа, какъ это объяснило мѣстное духовенство. Свою хозяйку Иванушка отвратилъ отъ раскола. Стащивъ ее съ печки и поставивъ въ передній уголъ, предъ иконой, онъ сказалъ: «Бабка, молись Богу, Богъ въ церкви, Богъ дастъ». Одной лутской помѣщицѣ предсказаль выздоровленіе больной ея дочери, за что дочь сшила ему рубашку; графу Раstopчину, ѣхавшему въ Кіевъ съ больной дочерью, не владѣвшею ногами, Иванушка предсказаль выздоровленіе, за что Раstopчины подарили ему бѣлую камилавку, обшитую золотымъ газомъ, привезенную изъ Кіева отъ Іоанна Многострадальнаго. Въ этой камилавкѣ Иванушку и похоронили.

Предъ смертью Иванушка страдалъ болѣзною ноги, приключившейся отъ попавшаго ему въ ногу стекла. Стекло вытащили, и при этомъ онъ сказалъ пожалѣвшей его хозяйкѣ: «спасибо, бабка, пора домой!»

На погребеніе его собрался народъ во множествѣ. Надъ его могилой въ послѣдствіи былъ поставленъ «голубецъ» въ родѣ домика съ крестомъ наверху.

XXI.

Кузька-богъ.

Въ Нижегородской губ., между Нижнимъ городомъ и Арзамасомъ, гдѣ обитаетъ племя мордва-терюхане, въ началѣ нынѣшняго столѣтія жилъ замѣчательнѣйшій пустосвятъ, лжепророкъ «Кузька-богъ» или «Кузя-богъ»¹⁾. Память о немъ по сейчасъ жива въ мѣстномъ краѣ, хотя сказанія уже приняли легендарный характеръ. Мордва-терюхане произносятъ имя его съ благоговѣніемъ, не смотря на то, что всѣ они почти обрусѣли.

Кузька проживалъ въ мордовской деревнѣ «Макрапшѣ» и слылъ между сельчанами за великаго знахаря и кудесника. Кузьма представлялъ собою явленіе довольно небывалое въ мордовскомъ народѣ: онъ былъ грамотный; обыкновенное его занятіе было — лечить людей и скотъ, отыскивать покраденныя вещи, открывать воровъ, выгонять нагайкой шайтановъ изъ кликушъ-морденокъ, а иногда и изъ русскихъ бабъ, предугадывать будущее и дѣлать другіе фокусы.

Кузька всѣ свои дѣйствія облакалъ видомъ непосредственнаго содѣйствія небесныхъ силъ. Нагайка, которую онъ выгонялъ чертей изъ бѣшеныхъ бабъ, хранилась у него въ почетномъ мѣстѣ, въ особомъ ящикѣ, вмѣстѣ съ мѣдными образками: по тайному разглашенію мордовскаго знахаря, эта нагайка была та самая, которою Михаилъ Архангелъ согналъ съ Небесъ нечистую силу въ преисподнюю бездну.

При такихъ условіяхъ вскорѣ распространилась молва между мордвами русскими, что Кузя — святой, пророкъ, чудотворецъ и «человѣкъ боговой», и что къ Кузѣ по ночамъ летаютъ ангелы и т. д.

Хитрый и ловкій мордвинъ въ короткое время завоевалъ себѣ эту славу, и просторная его келья съ утра до вечера была наполнена приходящими мордвинами и русскими. Видомъ Кузька былъ довольно высокъ ростомъ, черноватъ, съ густой, окладистой и широкой бородой; чрезвычайно рябое и некрасивое лицо его было какого-то суроваго очертанія; осанка важная, глаза мелкіе, лукавыя, умныя, взглядъ тяжелый, притомъ повелительный; рѣчь его была грубоватая, рѣзкая и таинственная; во всей его фізіономіи проглядывало что-то зловѣщее.

Волосъ онъ не стригъ и носилъ съ прямымъ проборомъ на лбу, закидывая ихъ за уши, подобно лицамъ духовнаго званія; одѣвался опрятно, въ темный кафтанъ, похожій на причетнической подрясникъ, подпоясанный широкимъ кожанымъ ремнемъ. Въ Кузькѣ понятіе о грамотности успѣлъ возбудить другъ его отца, одинъ богатый раскольникъ изъ секты

¹⁾ Исторія Кузьки въ обширной монографіи г. К. помѣщена въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1866 г., кн. 6, 7, 8, 9 и 11.

«душителей», у котораго даровитый мальчикъ долго жилъ и успѣлъ перенять въ полномъ совершенствѣ искусство лицемѣрить и морочить людей и пользоваться вѣрой для корыстныхъ цѣлей.

Кузька въ домѣ этого раскольника былъ часто свидѣтелемъ религиозныхъ обрядовъ «душителей», при которыхъ самъ учитель изображалъ Христа, нѣсколько мужиковъ были апостолами, нѣсколько бабъ представляли Богородицу, женъ-мироносицъ, и эта секта имѣла девизомъ: «не согрѣша, не умолишь»; въ ней также практиковалось душеніе самовольныхъ мучениковъ, и послѣ каждаго общественаго моленія допускался свальный грѣхъ.

Поселившись въ деревнѣ, Кузька сдѣлался религиознымъ шарлатаномъ и обманщикомъ вслѣдствіе слѣдующихъ причинъ. Часто бывая въ Нижнемъ по торговымъ дѣламъ, онъ останавливался въ одномъ постояломъ дворѣ, гдѣ въ одной изъ комнатъ проживалъ пьянчужка приказный вмѣстѣ съ хорошенькой женой. Не смотря на свою степенную и некрасивую наружность, Кузька былъ очень влюбчивъ. Эта несчастная страсть развилась въ немъ во время воспитанія въ распутной раскольнической сектѣ и не покидала во всю жизнь, которая вся и была непрерывною исторіею заблужденій этого рода.

Вмѣсто того, чтобы ѣздить съ товаромъ въ Арзамасъ, Лысково или Казань, Кузька сталъ ѣздить въ Нижній и вмѣсто того, чтобы кончить дѣло въ сутки, затягивалъ ихъ на недѣлю и больше. Здѣсь онъ, не взирая на свою мощную дупу, познакомился съ ѣдкою сердечною тоскою и съ изнурительными бессонными ночами. Нѣсколько словъ, сказанныхъ шопотомъ, вскружили ему голову и распалили страстное его сердце, и онъ влѣзъ въ разставленные для него сѣти.

Однажды, когда пьяный подъячій спалъ мертвецки, красавица-жена шепнула ему, чтобъ онъ ночью постучался къ ней въ дверь. Кузька съ замираніемъ сердца исполнилъ это, и въ тепленькой горенкѣ съ занавѣшеннымъ окномъ и съ двуспальной кроватью въ углу Кузька извѣдалъ наслажденіе любить и быть любимымъ вполне. Но когда онъ, на утро, очнулся отъ сна, то не нашелъ ни своей кисы, ни денегъ. За наслажденіе быть любимымъ безкорыстно онъ поплатился всѣмъ своимъ состояніемъ. Кузьку хотя и прошибъ холодный потъ и била лихорадка, но онъ, призывавъ на помощь все присутствіе своего крѣпкаго духа, ободрился и затаилъ убійственную скорбь въ глубинѣ своего сердца.

Потерявъ все состояніе такъ глупо, въ одну ночь, онъ долженъ былъ начать трудовую жизнь безъ денегъ. Но это бѣдствіе не осилило его, а только заставило переимѣнить образъ жизни.

Въ жизни своего наставника-раскольника, который богатѣлъ, лежа на печи, онъ видѣлъ единственный теперь идеалъ своей жизни. И вотъ, пріѣхавъ домой, Кузька притворился больнымъ на нѣсколько дней. Во время болѣзни къ нему неоднократно являлся во снѣ Христосикъ съ

ангелами и накрѣпко ему наказывалъ немедленно оставить торговлю, всё деньги раздать нищей братіи, самому отойти въ келью на уединеніе и молитву. Выздоровѣвъ отъ небывалой болѣзни, онъ, собравъ нѣкоторые долги, ушелъ въ святыя мѣста на богомолье, чтобы расточить небывалое богатство на монастыри и нищую братію. Вернулся Кузька домой уже въ черной ермолкѣ, въ монашескомъ подрясникѣ и подпоясанный широкимъ ремнемъ.

Первою его заботою, по возвращеніи домой, было—построить келью, въ которую онъ вскорѣ и удалился отъ всѣхъ суетъ міра. Здѣсь онъ расположился слѣдующимъ образомъ: на столѣ его постоянно лежала раскрытая большая книга «Старовѣрскій псалтырь». Каждую ночь передъ иконами въ его кельѣ горѣла неугасимая свѣча, и при занавѣшенныхъ внутри волоковыхъ окнахъ казалось, извнѣ, будто онъ всё ночи простаиваетъ на молитвѣ.

Между тѣмъ мнимый богомолецъ, забившись ночью со свѣчей въ подполье, дѣлалъ тамъ опыты надъ бумажными вырѣзками, изображающими свѣтозарныхъ ангеловъ, и съ помощью долгихъ опытовъ довелъ это искусство до такого совершенства, что трудно было издали различить изображение отъ живого существа.

И потекли къ Кузькѣ-отшельнику легковѣрныя набожныя старухи-мордовки, потомъ и русскія. Но къ Кузькѣ влекли людей не однѣ религиозныя нужды: онъ былъ и лекаремъ всевозможныхъ болѣзней, и совѣтникомъ въ мірскихъ дѣлахъ, и прорицателемъ будущаго, и открывателемъ сокровеннаго, и всѣмъ для всѣхъ.

Когда Кузька былъ уже провозглашенъ Богомъ, то каждую ночь стали навѣщать его въ кельѣ ангелы съ разными наказами отъ Христосика. Кузька-Богъ угощалъ летающихъ къ нему ангеловъ сыченымъ пивомъ, медовымъ квасомъ, зеленымъ виномъ, лучшей мордовской стряпней, до которыхъ они, дескать, были большіе охотники.

Мордва, по случаю посѣщеній ангеловъ, завалила Кузьку предметами ангельскаго угощенія. Кузька разъ намекнулъ обиняками, что если кто въ такую-то ночь, около первыхъ пѣтуховъ, заглянетъ въ окно его кельи, тотъ сподобится увидѣть прилетѣвшихъ къ нему ангеловъ.

Между тѣмъ Кузька въ назначенное время поставилъ въ простѣнкѣ между окнами своей кельи три закрытыхъ ящика, наглухо отдѣленныхъ другъ отъ друга; въ стѣнкахъ ящичковъ, обращенныхъ къ противоположной стѣнѣ, повѣсилъ по бумажному вырѣзку, занавѣсилъ каждый тонкой непроницаемой бумагой, а передъ вырѣзками приготовилъ по свѣчѣ; противоположная стѣна состояла изъ темной и плотно сколоченной досчатой ширмы; передъ доской поставленъ былъ столъ, на которомъ стояло нѣсколько бураковъ, деревянныхъ стакановъ, крашенныхъ деревянныхъ блюде со стряпней и лакомства.

Въ сумерки около кельи Кузьки зашумела толпа любопытныхъ

мордовою. Мордва такъ и пялилась въ непрогляднотемныя окна. Кузька, наблюдавшій за движеніемъ толпы, зажегъ всѣ три свѣчи въ закрытыхъ ящикахъ, потомъ быстро снялъ всѣ три занавѣски, и на противоположной стѣнѣ мгновенно появились, словно проникли сквозь стѣну, три свѣтлыхъ ангела, которые освѣтили стоящій передъ ними столъ, сидящаго передъ нимъ Кузьку и всю келью. Кузька, посредствомъ протянутой ниточки, пошевеливалъ свѣчами—и ангелы шевелились.

Пораженная нечаянностью и чуднымъ видѣніемъ, мордва отскакивала отъ оконъ, давая просторъ глядѣть другимъ; черезъ нѣсколько минутъ ангелы мгновенно исчезли, мелькнувъ въ воздухѣ и оставивъ послѣ себя въ кельѣ мрачную темноту; мордовки пришли въ ужасъ; закричали, завизжали и разбѣжались безъ памяти по домамъ, разглашая видѣнное ими чудо.

Божественная карьера Кузьки очень прочно утвердилась; совершавшья имъ чудеса вознесли его въ мнѣніи народномъ на необъятную высоту; слава о немъ быстро распространялась по всему краю не только между мордвою, но и между русскими. Всеобщая увѣренность въ сверхъестественныхъ силахъ Кузьки помогала ему лечить болѣзни самыми пустыми средствами. Для него часто достаточно было ободрить больного однимъ словомъ, чтобы больной почувствовалъ облегченіе. Неизлечимыя болѣзни Кузька угадывалъ съ необыкновенною точностію, вслѣдствіе своей наблюдательности и долговременной практики, и отъ неотвязчивыхъ докукъ въ этомъ случаѣ онъ очень удачно отдѣлывался популярнымъ изреченіемъ: «Такъ на роду написано», или что скорая смерть раба Божія уже написана въ большой книгѣ Христосика...

Пользуясь довѣріемъ народа, онъ зналъ непосредственно многія тайны, и это обстоятельство, въ соединеніи съ его особенною проникательностью, помогало открывать ему воровъ и краденныя вещи. Онъ очень оригинально выпутывался въ тѣхъ случаяхъ, когда не могъ открыть тѣхъ или другихъ. «Летающіе по свѣту ангелы», говорилъ онъ обкраденному, «не доглядѣли вора, да и не попали на то мѣсто, гдѣ лежитъ покража».

Богослуженіе, утвержденное Кузькой, состояло изъ трехъ элементовъ: древней мордовской вѣры, изъ богослуженія православной церкви и изъ обрядовъ знакомой ему раскольнической секты. Моленіе по кузькиной вѣрѣ происходило на лѣсной полянѣ; самъ Кузька игралъ здѣсь роль архіерея: на груди его висѣло божественное изображеніе; это изображеніе, по словамъ его, вышивала Христосикова матушка со святой Пятницей; въ богослуженіи участвовали двѣнадцать вѣрныхъ «апостоловъ» и святая Пятница (солдатка Степанида, его любовница). Первое моленіе началось слѣдующими словами: «будьте же вы, рабы божіи, моими апостолами; а ты, раба божія Степанида, будь моей Пятницей. Служите мнѣ, да Христосику, вѣрой-правдою! Унимайте народъ боговъ отъ воровства, отъ мотовства, отъ пьянства, отъ распутства, да отъ всѣхъ недобрыхъ дѣлъ; а вы, право-

славная мордва, люди боговы, ихъ слушайте! Наказываю всѣмъ вамъ сохранить нашу святую вѣру въ тайной тайности. А кто не сохранить нашей тайности, того я велю разорвать вонъ на этихъ двухъ дубахъ согнутыхъ. Вѣрный мой апостоль Григорій, покажи примѣръ, чтобы всѣ казнились отъ малаго до великаго».

Апостоль Григорій, получившій приказаніе, схватилъ на плечи приготовленнаго теленка и направился къ согнутымъ дубамъ. Тамъ онъ привязалъ теленка задними ногами къ вершинамъ того и другого дуба и, повѣсивъ его, повелъ лезвіемъ косы по толстой веревкѣ, связующей согнутыя вершины. Дубья съ визгомъ выпрямились; живой теленокъ разорвался такъ быстро, что не могъ усмотрѣть глазъ; разорванныя части мелькнули въ воздухѣ, мельчайшія брызги теплой крови понеслись по полянѣ и въ видѣ красноцвѣтнаго пара охватили народъ и ближнія вещи; оторванная голова взвилась вверхъ и упала въ сотнѣ саженьяхъ отъ мѣста; большая половина туловища, оторвавшись отъ веревки, плепнулась на землю; меньшая, обвивши вершину, повисла на ней. «То, православная мордва, люди боговы», сказалъ Кузька, «что вы теперь видѣли, то будетъ всякому, кто скажетъ русскимъ про нашу вѣру и укажетъ мѣсто, гдѣ мы собираемся на моленье». Послѣ того Кузька выбралъ для себя трехъ чистыхъ дѣвиць-красавиць для послушанія и поручилъ ихъ своимъ апостоламъ, чтобы они выучили избранныхъ молиться въ два перста, да по четкамъ. Обязанность же Пятницы была — свидѣтельствовать дѣвиць въ отношеніи чистоты тѣлесной. По окончаніи богослуженія, Кузька облачался въ свою обыкновенную одежду и выходилъ на поляну, гдѣ почетнѣйшимъ старикамъ давался обѣдъ и раздавалась милостыня ничимъ мѣдными деньгами.

Мы не описываемъ обряда постриженія дѣвиць и воя, и завыванья родныхъ надъ бѣдными будущими затворницами. Кузька, сказавъ имъ приличное слово, постращавъ ихъ карою за несоблюденіе дѣвства, объявилъ, что Христосикъ велѣлъ ему такихъ, связавъ по рукѣ да по ногѣ съ любодѣемъ, обоихъ живыхъ закопать въ землю. «А вы, вѣрные мнѣ апостолы, десять воскресеній сряду наряжайте сюда по двадцати пяти копальщиковъ — рыть могилы глубокія для устрашенія дѣвиць, да другихъ двадцать пять человекъ тѣ могилы закапывать».

Послушанія дѣвиць начались тѣмъ, что каждая изъ нихъ должна была дежурить по ночамъ въ кельѣ сладострастнаго Кузьки. Боязнъ быть закопанной въ могилу оказала мало сопротивленія: Кузька увѣрилъ дѣвиць, что любовная связь съ нимъ совсѣмъ не то, что съ простымъ человекомъ, не составляетъ никакого грѣха и не лишаетъ дѣвушки чистоты и непорочности. И непорочныя дѣвицы исполняли послушаніе у Кузьки каждую ночь. Самъ Кузька посѣщалъ ихъ каждодневно, обращался съ ними ласково и носилъ имъ орѣхи, пряники, изюмъ и другія сладости.

Черезъ годъ тайнаго владычества Кузьки-бога надъ мордовскимъ на-

родомъ духовенство не могло не замѣтить, что мордва явно холодѣеть къ церкви, посѣщая ее все рѣже и рѣже и въ меньшемъ количествѣ. Изъ содержателей окружныхъ кабаковъ, по случаю непитья водки мордвою, многіе доходили до банкротства; губернскія власти тоже стали замѣчать, что частные доходы отъ мордовско-терюханскаго населенія совершенно прекращаются.

Слухи между тѣмъ о какихъ-то мордовскихъ жертвоприношеніяхъ начали ходить во всемъ мѣстномъ краѣ. Но мордва, поголовно преданная Кузькѣ, хранила «тайное таинство». Когда священники начали серьезно приставать съ вопросами къ своимъ прихожанамъ, то Кузька приказалъ поить ихъ виномъ «до положенія» и выдавать имъ отъ міру золотыя монеты. Такимъ образомъ мордва отдѣлывалась и отъ разныхъ наѣзжающихъ на нихъ чиновниковъ, которые, поживившись на мѣстѣ, представляли дѣло высшему начальству въ наибѣлѣйшемъ цвѣтѣ.

Но любовныя похождения этого лжепророка, наконецъ, довели его до законнаго возмездія. Надо сказать, что Кузька сильно, безумно привязался къ послѣдней своей любовницѣ, Афросиньѣ, та, въ свою очередь, также безумно привязалась къ молодому парню Пахомкѣ-сиротинкѣ, которому во время своихъ тайныхъ свиданій пересказала всѣ штуки этого обманщика. Пахомъ, возмущенный этимъ, передалъ все духовенству. Послѣднее, взявъ сотскихъ, отправилось отыскивать мѣсто тайнаго жительства Кузьки-бога, но ночью заблудилось и чуть не погибло въ болотахъ.

Кузька, узнавъ про это, казнилъ несчастнаго Пахома той безчеловѣчною смертью разорванія на дубахъ, которою онъ казнилъ для примѣра въ началѣ нашего разсказа теленка. Афросинья была свидѣтельницей этого звѣрства; отъ ужаса она тутъ же сошла съ ума и вскорѣ утопилась въ колодцѣ.

Кузька съ потерей своей любимицы потерялъ всю энергію, всю силу своего характера и окончательно палъ духомъ.

Вѣсть о страшной казни Пахома быстро облетѣла весь мѣстный край и на всѣхъ жителей навѣяла суевѣрный страхъ. Вслѣдъ за этой вѣстью стали ходить слухи, что двухъ заплутавшихся въ лѣсу мужиковъ, случайно попавшихъ на священную поляну, мордва убила дубиками и тѣла ихъ затошила въ ближнемъ болотѣ.

Чтобы наполнить свое тягостное одиночество и избавиться отъ неотвязной тоски, Кузька сталъ предаваться чувственнымъ удовольствіямъ до необузданности, умножая свой гаремъ до десятка молодыхъ послушницъ, а иногда уединялся въ своей кельѣ и жилъ истымъ аскетомъ, склоняя къ тому же и своихъ молодыхъ послушницъ.

Фанатики его вполнѣ овладѣли имъ и помыкали своимъ идоломъ по своему произволу; они заключили Кузьку безвыходно на священной полянѣ и окружили его обожаемую особу неусыпнымъ карауломъ. И вскорѣ вся мордва принудила его учредить самовольное крещеніе младенцевъ,

вѣнчаніе браковъ, отпѣваніе покойниковъ и исправленіе всѣхъ требъ, съ которыми до того времени обращалась къ русскимъ священникамъ, и такимъ образомъ довела свою вѣру до осязательной гласности.

Въ духовныя и гражданскія суды Нижняго-Новгорода полетѣли отъ мѣстной администраціи разные доносы, раскрывающіе мордовскаго бога и мордовскую вѣру съ религіозной и уголовной сторонъ. Къ заблуждающимся стали посылать, по распоряженію духовнаго начальства, краснорѣчивѣйшихъ увѣщателей. Мордва встрѣтила ихъ тоже краснорѣчиво съ дубинами въ рукахъ. Наконецъ захватить Кузьку-бога было поручено нижегородскому капитану-исправнику, и тотъ, собравъ понятыхъ въ количествѣ болѣе 500 человекъ, двинулся на поляну.

Мордва, узнавъ объ угрожавшей ихъ богу опасности, поголовно ополчилась на его защиту и устроила за собою поперекъ дороги нѣсколько заваловъ изъ хвороста, тяжелыхъ деревьевъ и разнаго лѣсного мусора, а также разобрала всѣ мосты черезъ ручьи и овраги.

Первая экспедиція во главѣ съ исправникомъ кончилась для послѣдняго весьма печально. Человѣкъ десять разъяренныхъ фанатиковъ окружили экипажъ, въ которомъ ѣхалъ исправникъ, вытасили его оттуда, скрутили ему руки, повели къ извѣстнымъ двумъ дубамъ, которые были согнуты, и повторили надъ нимъ звѣрскую исторію Пахома-сиротки.

Собранныя части разорваннаго исправника съ ругательствами и проклятіями были отнесены и брошены въ ближнее болото, гдѣ мордва и затоптала ихъ. Русская партія, лишившись главы своей, поворотила назадъ; болѣе всѣхъ струсили разные мелкіе чиновники, рѣзвыя ножки которыхъ прежде всѣхъ явились въ городъ.

Черезъ недѣлю въ село прибылъ изъ Нижняго сильный отрядъ солдатъ съ начальникомъ и новымъ исправникомъ. Кромѣ палокъ, нагаекъ и розогъ, въ судейскомъ поѣздѣ были уложены какія-то особыя орудія, употреблявшіяся тогда только въ рѣдкихъ случаяхъ. Нѣсколько заваловъ, сдѣланныхъ поперекъ дороги попрежнему, были быстро расчищены, появляющимся мордовскимъ партіямъ былъ данъ залпъ изъ холостыхъ ружей, и партія, наконецъ, достигла священной поляны; но въ длину всей поляны стояла цѣлая стѣна вооруженной мордвы, грудью загородивъ собою избу Кузьки-бога. Исправникъ сталъ увѣщевать, чтобы они выдали своего Кузьку-бога, обнадеживая ихъ прощеніемъ, но мордва не соглашалась выдать Кузьку. Тогда былъ данъ залпъ изъ ружей, отъ которыхъ мордва и разбѣжалась.

Команда вошла въ домъ Кузьки, гдѣ нашла его «апостола» Григорія Бакулина.

— Отвѣчай, гдѣ вашъ плутъ-Кузька? грозно вскричалъ исправникъ.

— Я никакого плута-Кузьки не вѣдаю, а нашего святого Кузьку-бога вѣдаю, твердо отвѣтилъ Бакулинъ: — и хоть знаю гдѣ онъ, но не скажу.

Долго уговаривалъ этого изувѣра исправникъ, наконецъ добился отъ его сына, что Кузька находился въ подпольѣ.

Тотчасъ же изба была раскидана по бревну, подземный ходъ былъ разрытъ, и въ концѣ его, подъ самымъ сараемъ, найденъ былъ Кузька-богъ, который, прижавшись въ уголъ, трясся словно въ лихорадкѣ.

На допросахъ Кузька-богъ во всемъ признался; касательно убійства исправника онъ показалъ, что оно совершено противъ его воли крестьяниномъ Бакулинымъ; въ растлѣннй дѣвицъ онъ оправдывался тѣмъ, что это растлѣнне не было сопряжено съ насиліемъ. Судъ рѣшилъ наказать мордвина Кузьму Пеляндина ста ударами кнута на кобылѣ и, по вырваннй поздрей и наложеннй клеймъ, сослать его въ каторжную работу.

Казнь Кузьки происходила въ сентябрѣ въ торговомъ селѣ Константиновѣ; въ день казни въ село мордва-терюхане собрались почти поголовно. Кузька, когда его привязывали къ кобылѣ, поклонился на всѣ четыре стороны и легъ на кобылу безъ сопротивленія.

Мордовскій богъ страшно похудѣлъ и посѣдѣлъ, что подало поводъ мордвѣ утверждать, что истинный, подлинный Кузя-богъ взятъ на небеса, а здѣсь подмѣненъ другимъ человѣкомъ. Во время самой казни поднялся всеобщій вой и ревъ мордовскаго народа.

Послѣ казни цѣлыя девять лѣтъ мордва-тюрехане ожидали появленія на землю съ небесъ Кузи-бога и во все это время свято исполняли всѣ его наказы и заповѣди. Самые преданныйшіе изъ нихъ ходили украдкой на разоренную поляну и тамъ молились, выли и ревѣли; нѣкоторымъ чудились тамъ сверхъестественныя явленія, которыя долго поддерживали въ мордвѣ Кузькину вѣру.

XXII.

Воронежскій Никаноръ.—Антонушка.—Отецъ Серафимъ.—Полицейскій колдунъ.

Въ дѣлѣ темнаго и дикаго суевѣрія не отсталъ и гор. Воронежъ. Вотъ подвиги нѣкоторыхъ пустосвятовъ, которые мы беремъ въ краткомъ видѣ изъ «Воронежской бесѣды» г-на де-Пуле.

Въ 30-хъ годахъ жилъ себѣ уединенно на Божоявленской горѣ бывшій помѣщичій крестьянинъ г. Викулина, ловкій малый, по прозвищу Никаноръ. Присмотрѣвшись къ толпамъ богомольцевъ, отовсюду стекавшихся для поклоненія вновь открытымъ мощамъ св. Митрофана, онъ крѣпко соблазнился возможностью собрать низачто-нипрочно множество трудовыхъ, но легко бросаемыхъ грошей. И вотъ Никаноръ облачается въ черную власяницу, отращиваетъ себѣ бороду и волосы и превращается такимъ образомъ въ отца Никанора. Въ этомъ новомъ чинѣ онъ сначала терся около простосердечныхъ пришельцевъ, мужичковъ и бабъ, потомъ,

прискавъ себѣ ловкихъ «пидбрихачей», вдругъ скрылся. Затѣмъ разнесся слухъ, что Никаноръ затворился и жажущимъ истины прорицаетъ будущее. Для этой новой профессіи онъ придумалъ слѣдующую приличную обстановку: избралъ себѣ тѣсную келью, въ которой устроилъ установленную сверху до низу иконами божницу, съ неугасимыми лампадами и свѣчами, а посреди комнаты поставилъ черный гробъ, вмѣщавшій въ себѣ послѣдніе атрибуты жизни—покрывало, свѣчи и ладанъ.

Въ этой-то свѣтлицѣ, въ присутствіи постороннихъ, падалъ онъ ницъ и молился. Усердные глашатаи зазывали богомольцевъ удостоиться чести побывать у затворника Никанора. Толпами валилъ темный людъ въ открытую западню съ посильными приношеніями. Никаноръ, ничѣмъ не стѣсняясь, благословлялъ посѣтителей и вралъ имъ все, что могъ придумать.

Удавшаяся спекуляція и жажда славы, соединенной съ богатыми дарами, довели его до дерзкаго кощунства: въ кельѣ Никанора, посредствомъ проверченной въ потолокъ дыры, сталъ слышаться гласъ свыше, отпускающій грѣхи лежащимъ на полу въ покаянномъ смиреніи бабамъ. Но, къ счастью, гласъ этотъ, при всей своей мягкости, достигъ до слуха полиціи, и отецъ Никаноръ былъ изгнанъ изъ затвора, а потомъ женился. Дальнѣйшая судьба этого проказника окончилась ссылкой въ Сибирь за какія-то новыя дѣянія.

Въ Задонскѣ жилъ и наѣзжалъ въ Воронежъ небольшого роста, съ рѣдкой сѣденькой бородкой, въ сѣрой свиткѣ, пожилыхъ лѣтъ, отъ природы дурачекъ-мужичекъ «Антонушка». Худощавый и слабосильный отъ природы, Антонушка былъ совершенный ребенокъ; при полномъ отсутствіи разсудка онъ рѣдко говорилъ; если же проговаривалъ иногда два-три слова, то уже твердилъ ихъ нѣсколько разъ безостановочно. «Видимъ этого пустосвята въ ранніе годы своей юности», рассказываетъ авторъ его біографіи: «какъ теперь, представляется намъ фигура этого старичка съ включенными волосами, въ сѣромъ низко подпоясанномъ кафтанишкѣ, съ камнями и всякою дрянью за пазухой. Вотъ онъ сходитъ съ церковной паперти, его окружаетъ толпа женщинъ и дѣтей всѣхъ сословій и съ благоговѣніемъ цѣлуетъ его грязныя руки».

Антонушка имѣлъ постоянное пребываніе въ Задонскѣ и славился тамъ, какъ великій прорицатель и чудотворецъ. Многіе издалека пріѣзжали къ нему съ больными дѣтьми просить исцѣленія. Такъ, Усманьскаго уѣзда, села Чамлыка, мѣщанка Елена Солодовникова, у малолѣтняго сына которой поражены были неизлечимымъ недугомъ ноги, ходила съ нимъ въ Задонскъ къ Антонушкѣ. Придя къ нему въ комнату, мать больного поднесла ребенка и просила совѣта, чѣмъ лечить его. Антонушка поплевалъ на ноги больного, потеръ ихъ своими слюнями и сказалъ: «теперь будетъ здоровъ». Предсказаніе, однако, не исполнилось.

Жители Воронежа очень желали имѣть Антонушку у себя, и одна

сметливая ханжа взялась доставлять повременамъ воронежскому обществу духовное наслажденіе слышать безсвязный и безсмысленный лепетъ этого пустосвята и искать въ немъ таинственнаго духовнаго смысла пророчества. Вотъ образецъ пророчествъ Антонюшки. Въ 183... г. семейство богатаго и уважаемаго въ городѣ купца Н. Н. С—ва пожелало благодатнаго присутствія Антонюшки, за которымъ и посланъ былъ эки пажъ. Молодые члены семейства и особенно сыновья купца, учившіеся въ то время въ гимназіи, желали видѣть Антонюшку просто изъ любопытства; но старички и старушки ждали его съ полнымъ убѣжденіемъ въ его святости, и потому нѣкоторые изъ нихъ во все время ожиданія, затворившись, усердно клали земные поклоны, прося Господа о томъ, чтобы онъ сподобилъ достойно встрѣтить лжепророка. Послѣ этого дерзко-наивнаго богохульства, когда раздался крикъ: «ѣдетъ, ѣдетъ!» всѣ выпли на крыльцо, ссадили желаннаго гостя, сняли его съ пролетки, какъ дитя, и съ благоговѣніемъ ввели подъ руки въ комнату. Пророкъ былъ въ старомъ армякѣ, шапкѣ и рукавицахъ. По срединѣ комнаты встрѣтила его почтенная старушка, глава семейства; она съ подобающею честью протянула къ нему сложенные одна на другую руки, преклонила голову и сказала: «благословите, Антонюшка!» Между тѣмъ Антонюшка, едва переступивъ порогъ, началъ повторять фразу: «чи собаки брешутъ? чи собаки брешутъ?» Просившую благословенія старушку, не снимая рукавицъ, онъ слегка ударилъ по щекѣ; сконфуженная неожиданной выходкой дурачка, она отвернулась въ сторону, потерла щеку и въ утѣшеніе себѣ сказала: «хорошо, что еще не дерется!» Затѣмъ посадили Антонюшку на переднее мѣсто, подъ образа. Члены семейства, желая каждый услышать предсказаніе о будущемъ, выходили по-одиночкѣ изъ другой комнаты и показывались Антонюшкѣ. При входѣ одного изъ сыновей купца онъ началъ повторять: «паромы плывутъ... паромы плывутъ...» Вышла дѣвушка, Антонъ заговорилъ: «чи дивка, безъ котовъ пришла... чи дивка, безъ котовъ пришла». При появленіи другой онъ сказалъ: «вари кулешу, вари кулешу». Другому купцу, родственнику перваго, Антонюшка прорекъ: «чи мене на поселенье соплютъ? чи мене на поселенье соплютъ?» Антонюшку почествовали и отвезли во-свояси.

Въ другой разъ привезли Антонюшку на дворъ; онъ расплакался, какъ дитя, и не хотѣлъ сойти съ пролетки; его насильно втащили въ комнату, но онъ вырвался и побѣжалъ къ воротамъ, которыя оказались затворенными; лжепророкъ бросился въ подворотню, но одинъ изъ сыновей купца схватилъ его за ноги и втащилъ обратно во дворъ. Начали ублажать Антонюшку, какъ ребенка: уговаривали, катали по двору на пролеткѣ, но ничто не помогало: онъ рвался и плакалъ. Послали наконецъ за его опекуницей, которая, покатавшись съ нимъ по двору, вошла въ комнату и съ таинственнымъ благоговѣніемъ объявила, что Антонюшка не расположенъ сегодня говорить... съ тѣмъ и увезли его домой.

Антонушка умеръ въ Задонскѣ и погребенъ въ тамошнемъ монастырѣ. Рассказываютъ, что въ день погребенія въ рукахъ его неизвѣстно откуда явился запечатанный пакетъ съ надписью: «на погребеніе Антонушки»; въ пакетъ найдено 300 рублей. Этотъ случай тоже обратили въ чудо.

Послѣднее нашествіе блаженнаго фокусника на Воронежъ было въ 1859 г.; а въ это же время на смѣну ему появился уже другой чудотворецъ—государственный крестьянинъ Нижнедѣвицкаго уѣзда, села Везноватки, Ермилъ Сидоровъ. Онъ бросилъ жену и семейство, преобразился въ отца «Серафима» и пошелъ таскаться сначала по деревнямъ и уѣзднымъ городамъ, а потомъ пожаловать на вакантное мѣсто и въ Воронежъ.

Хорошо обутый, одѣтый въ суконное полукафтаные, съ монашеской скуфейкой на головѣ, онъ скоро втерся въ нѣсколько купеческихъ домовъ, гдѣ и пророчествовалъ, какъ только доставало умѣнья. Одна почтенная старушка, купеческая вдова, имѣя собственный каменный домъ, приютила у себя отца Серафима. При домѣ ея былъ садъ, въ которомъ находился флигелекъ въ одну комнату; въ немъ-то и поселился Серафимъ.

Со вдовою жилъ ея сынъ, холостой человекъ, да приказчикъ, ея племянникъ; каждую ночь сынъ вдовы послѣ ужина, прощаясь на сонъ грядущій съ матерью, обращался къ ней съ просьбой:

— Маменька, позвольте мнѣ пойти къ отцу Серафиму—помолиться Богу!

— Ну, что-жъ, ступай, Христось съ тобою! было обычнымъ отвѣтомъ.

Въ одинъ вечеръ сынъ ранѣе обыкновеннаго обратился къ матери съ подобною просьбою. Мать, хотя и благословила его, но подушка, которую онъ держалъ въ своихъ рукахъ и которую никогда не бралъ съ собою прежде, поселила въ ней какое-то безотчетное подозрѣніе.

Спустя два часа, мучимая разными предположеніями и сомнѣніями (сынъ любилъ немножко покутить), старушка позвала къ себѣ приказчика.

— Гриша, а, Гриша! поди, батюшка, посмотри, что мой Ваня дѣлаетъ у отца Серафима?

Гриша, мужчина лѣтъ 47, тотчасъ же отправился по порученію хозяйки въ садъ, гдѣ, подойдя къ дверямъ кельи, по обычаю монастырскаго, пренаивно проговорилъ нараспѣвъ входную фразу: «Господи Исусе Христе Сыне Божій, помилуй насъ!»

— Аминь! отвѣчалъ голосъ за дверью.

Гриша вошелъ и остоленѣлъ отъ удивленія: на столѣ былъ штофъ водки и осетрина, а за столомъ сидѣла мертвецки пьяная женщина; Ваня былъ не въ лучшемъ положеніи; Серафимъ однакожь не былъ пьянъ. Все видѣнное Гришей было передано вдовѣ, и Серафима прогнали вонъ.

Изъ дома одного чиновника, гдѣ было нашель пристанище отецъ Серафимъ, выгнали его за то, что онъ, не смотря на тяжесть носимыхъ

имъ веригъ, слишкомъ ужъ замѣтно ухаживалъ за хозяйкою въ отсутствіе ея мужа.

Молоденькая купеческая жена Ф—ва, кончившая курсъ въ одномъ изъ частныхъ пансіоновъ, но сильно зараженная пустосвятствомъ, очень ласково принимала Серафима и благоговѣнно выслушивала всю чушь, которую онъ говорилъ ей. Вотъ что рассказывала одна молодая дама, хорошая знакомая Ф—й. У мужа первой пропали изъ комнаты деньги; пока производился розыскъ ихъ полиціею, она со своею сестрою-дѣвушкою, зная, что у Ф—й будетъ Серафимъ, отправилась изъ любопытства туда — испытать его пророчество.

При входѣ послѣдней съ сестрою хозяйка пошла чаемъ Серафима, а онъ, обращаясь къ хозяйкѣ, говорилъ:

— Ты мнѣ послаже, послаже налей, положи побольше сахару, да варенья не жалѣй! не жалѣй! Потомъ, не обращая вниманія на вопедшихъ, онъ сказалъ:—Вотъ пришли! Они думаютъ, что я цыганъ, буду имъ воровить о деньгахъ. Деньги украла рыжая дѣвка.

Но эта фраза не одурачила пришедшую женщину: она сейчасъ же догадалась, что плутъ Серафимъ уже слыпалъ о пронажѣ денегъ изъ разговоровъ сестры ея, часто бывающей у Ф—ой, и потому не обратила особеннаго вниманія ни на пророка, ни на пророчество.

Серафимъ показывалъ пріѣхавшимъ свою скуфейку и говорилъ, что она не обыкновенная, а желѣзная; показывалъ также вериги; называлъ сестру пріѣзжей своею невѣстою, становился съ нею передъ образами и, снявъ съ ея пальца золотой перстень, надѣлъ его себѣ и сказалъ, что теперь они уже обручены другъ другу. Перстень онъ унесъ съ собою и не отдалъ назадъ.

Неизвѣстно, откуда онъ взялъ себѣ полную одежду схимника—схиму въ то время въ Воронежѣ изъ монаховъ никто не принималъ; шарлатанъ этотъ ходилъ въ схимѣ только у себя дома, во время богомолья. Не очень долго, однако, поплатился этотъ обманщикъ по Воронежу и вскорѣ куда-то исчезъ.

Случалось, что даже и сама полиція прибѣгала къ помощи такихъ пустосвятковъ. У полковника Л. очень ловко была украдена шкатулка съ драгоценными вещами. Л. на другой день обратился съ просьбою о розыскѣ вещей прямо къ губернатору, который тотчасъ же приказалъ полиціи принять всѣ мѣры къ отысканію. Должность полиціймейстера временно исправлялъ въ то время состоявшій при губернаторѣ для особыхъ порученій подполковникъ П. Послѣдній кинулся искать горячо, сбиль съ ногъ всю полицію, измучился и самъ, но вещи какъ въ воду канули, даже слѣда не открыли. П. сталъ втупикъ. Думалъ-думалъ онъ и наконецъ придумалъ: выписать изъ пригороднаго села извѣстнаго по части колдовства бородатаго мужика въ смуромъ кафтанѣ. Привезли его прямо въ одну изъ городскихъ частей и помѣстили въ канцелярію; мужикъ

объявилъ, что гаданье должно быть «на тощее сердце». На утро полицейскія власти собрались въ канцелярію части и съ покорностью ожидали вѣщихъ словъ мага. Бородатый плутъ потребовалъ миску чистой воды, поставилъ ее на столъ подъ образами и началъ что-то нашептывать. Окончивъ свои заклинанія, онъ отступилъ шага на три отъ стола съ мискою, обратился къ присутствующимъ и съ суровой таинственностью сказалъ: «молитесь все до единого въ землю!» Чудная была картина: здоровый мужичище дѣлалъ размашистые кресты и стучалъ лбомъ о полъ; за нимъ съ благоговѣйнымъ смиреніемъ усердно клали земные поклоны подполковникъ, частный приставъ, ратманъ и все предстоящіе. Когда же окончилась молитва, знахаръ взялъ миску и сталъ смотрѣть въ воду. П. наострилъ уши и весь превратился во вниманіе. Знахаръ описалъ примѣты вора, объявилъ признаки мѣста его жительства и, сказавъ о томъ, гдѣ спрятаны вещи, распустилъ честную компанію. П., раскинувши умомъ-разумомъ и посовѣтовавшись съ кѣмъ нужно, пріискалъ вора по примѣтамъ и сейчасъ же нагрянулъ на какой-то домишка. Всполошили всѣхъ сосѣдей, перепугали хозяевъ дома, перевернули все вверхъ дномъ, но не только вещей, даже и слѣдовъ подозрѣнія не отыскали. Поѣхалъ П., понуривъ голову и чуть не плача, но знахаря, говорятъ, маленько посѣкли и отпустили во-свояси.

XXIII.

Блаженный Антонушка.

Въ Задонскѣ жилъ до 50-хъ годовъ блаженный старецъ Антоній Алексѣевичъ; родомъ онъ происходилъ изъ села Клинова, принадлежавшаго нѣкогда помѣщицѣ Разумовой. Будучи семи лѣтъ, онъ разъ во время сильной бури, пронесшейся по селу Клинову, скрылся изъ родительскаго дома и черезъ три недѣли отысканъ былъ въ полѣ у ручья, близъ котораго росъ горохъ, служившій для него пищю. На вопросы о причинахъ его скривательства онъ или не отвѣчалъ, или отвѣчалъ невпопадъ¹⁾. Такъ, по преданію, началась блаженно-юродивая жизнь Антонія Алексѣевича, продолжавшаяся болѣе ста лѣтъ.

Когда онъ возмужалъ, отчимъ заставилъ его обрабатывать землю. Но не спорилась у него работа, и нерѣдко онъ подвергался безчеловѣчнымъ побоямъ. Когда мать Антонія умерла, жестокой отчимъ выгналъ своего пасынка изъ дома. Съ этого времени Антоній и сталъ проводить дни въ лѣсу, чтобы не стѣснять никого своимъ присутствіемъ. Ходилъ онъ въ кафтанѣ изъ толстаго бѣлаго сукна, подпоясанный краснымъ куша-

¹⁾ См. «Блаженный Антоній Алексѣевичъ». Спб., 1865 г.

комъ или ремнемъ, а обувался въ суконныя онучи и кожаные, особаго покроя, коты. Онъ не разувался и не раздѣвался ни днемъ, ни ночью и ходилъ всегда съ наполненною чѣмъ ни попало пазухою, изъ которой иногда давалъ встрѣчавшимся съ нимъ: кому—огурецъ, кому—хлѣбъ, а иному—камень или стекло. И все это имѣло у него особенное значеніе. Къ деньгамъ онъ былъ вполне равнодушенъ, да и не зналъ имъ цѣны. Въ одно время отправился онъ купить рукавицы и, отдавъ за нихъ 28 рублей, съ дѣтскимъ восторгомъ показывалъ, что купилъ «за серебряные-то!» Не заботился онъ нисколько и о чистоплотности. Люди, помнившіе его, рассказывали, что онъ былъ необыкновенно кротокъ, послушенъ, со всѣми обходителенъ, привѣтливъ и съ дѣтской улыбкой на устахъ, которою невольно привлекалъ къ себѣ сердце каждаго; нерѣдко онъ съ свойственной ему лаской говаривалъ нуждавшемуся въ его ободреніи и утѣшеніи человѣку: «Сударикъ ты мой! я ничего: такъ Богъ далъ; знать, такъ мать тебя обрекла!» Въ другую же пору представлялся онъ какъ бы тревожнымъ, озабоченнымъ, иногда дерзкимъ и подчасъ грознымъ: въ такую пору онъ цѣлыя ночи проводилъ безъ сна, а иногда цѣлую недѣлю не принималъ ни пищи, ни питья. Въ тѣ дни онъ беспощадно обличалъ нѣкоторыхъ не только за пороки, а за малѣйшія слабости, не смотря ни на званіе лицъ обличаемыхъ, ни на положеніе ихъ въ обществѣ.

Взявъ длинную палку, ходилъ онъ и бѣгалъ ночью по монастырю и выгонялъ кого-то съ крикомъ: «Урю! урю! урю! экъ ихъ нашло сколько!» Или, схвативъ кочергу, выгонялъ кого-то изъ-подъ дивана, либо изъ печки, приговаривая: «Зачѣмъ ты сюда зашелъ? пошелъ вонъ въ лѣсъ!» А на вопросъ—кого онъ выгоняетъ, отвѣчалъ: «Бирюковъ», т. е. волковъ. Иной разъ вскрикнетъ: «Ахъ, какъ стонуть-то, какъ горько тамъ!..»—Гдѣ, батюшка? спросятъ его.—«Ахъ, не слышишь, какъ бѣдненькіе стонуть-то тамъ, подъ землею?»

Изъ числа многихъ предсказаній этого юродиваго біографъ его, епископъ Герасимъ, описываетъ слѣдующіе случаи: однажды, встрѣтившись съ настоятелемъ монастыря, Антоній Алексѣевичъ поцѣловалъ у него на груди крестъ и сказалъ:

— Князь! мы съ Аеонькой большіе воры, уведемъ у тебя лошадей. Только бы завести намъ ихъ за уголъ, а тамъ поминай какъ звали!

Архимандритъ-настоятель принялъ слова эти за предсказаніе объ обыкновенномъ конокрадствѣ, усилилъ караулъ, сдѣлалъ новые запоры; однакожь не уберегъ лошадей, къ которымъ былъ пристрастенъ: двѣ изъ нихъ, особенно любимыя имъ, скоро пали.

Къ тому же архимандриту въ обитель пришелъ разъ юродивый, легъ противъ царскихъ вратъ на амвонъ и скатился на полъ. Потомъ, подойдя къ панихидному столику, взялъ съ него крестъ и, подавая архимандриту, сказалъ: «На, цѣлуй его!» На слова же архимандрита, что

онъ съ нимъ дѣлаеть, отвѣчалъ: «Не моя воля, такъ Богъ велить!» Ровно черезъ годъ послѣдовалъ указъ объ увольненіи настоятеля на покой.

За нѣсколько лѣтъ до открытія мощей святителя Тихона, бесѣдуя разъ съ келейнымъ казначея, Антоній Алексѣевичъ вдругъ измѣнился въ лицѣ и, какъ вдохновенный, воскликнулъ: «Сколько народу-то идетъ! видимо-невидимо!.. А денегъ-то, денегъ сколько несутъ! Одинъ только Господь знаетъ, да моя душенька!» На вопросъ же келейнаго: — Куда это, батюшка, народъ-то идетъ? — «Къ Оськѣ въ яму!» сказалъ Антоній Алексѣевичъ. Подъ ямою разумѣлъ онъ гробовую пещеру, гдѣ покоились тогда подъ спудомъ мощи угодника Божія Тихона, а Оською называлъ іеромонаха Иринаея, служившаго при мощахъ святителя Тихона около 20 лѣтъ.

Въ другой разъ, сидя на крылечкѣ съ келейникомъ казначея и указывая ему рукой на пустое мѣсто—это было въ 1837 г.—Антоній Алексѣевичъ сказалъ: «Смотри-ка, какая большая церква стоитъ, да хорошая, новая!» Когда же послушникъ казначея отвѣчалъ, что не видитъ тамъ никакой церкви, юродивый настойчиво утверждалъ, что стоитъ тамъ церковь. Черезъ 8 лѣтъ дѣйствительно на томъ самомъ мѣстѣ былъ построенъ въ обители храмъ.

Въ 1841 г. въ Задонскѣ былъ большой пожаръ. За мѣсяць передъ этимъ пожаромъ блаженный заходилъ въ тѣ самые дома, которые послѣ сгорѣли, и говорилъ: «Палки жарко горятъ! палки жарко горятъ!.. Воды надо, воды!»

Другой разъ, остановившись близь одного дома въ Задонскѣ, онъ началъ запруживать дождевую лужу и, на вопросъ: для чего это дѣлаеть, отвѣчалъ, что вода будетъ нужна, потому что сюда прилетитъ красный пѣтухъ. Согласно предсказанію, домъ этотъ сгорѣлъ до-гла.

Разъ зашелъ онъ къ квартальному надзирателю гор. Задонска; послѣдній вывелъ къ нему восьмилѣтняго своего сына и сталъ просить у юродиваго благословенія отдать его въ училище. Но Антоній Алексѣевичъ, посмотрѣвъ на ребенка, сказалъ: «Я возьму его на поляну». Черезъ нѣсколько недѣль послѣ того сынъ квартальнаго умеръ...

Зайдя разъ къ одному задонскому мѣщанину, юродивый спросилъ у него: можно ли на такой-то улицѣ выстроить двѣнадцать домовъ? Тотъ отвѣчалъ, что всѣ мѣста уже застроены... «Нужды нѣтъ», сказалъ юродивый:—«Я-таки выстрою...» Черезъ десять лѣтъ на этой улицѣ дѣйствительно сгорѣло двѣнадцать домовъ, которые и были выстроены заново.

Обратившись однажды къ дочери того же мѣщанина, онъ говорить: «У тебя мать Анна: люби ее!» Дѣвушка отвѣчаетъ, что мать у ней Екатерина, а не Анна. Но Антоній Алексѣевичъ продолжалъ утверждать, что Анна, не смотря даже на личное присутствіе матери, которой онъ какъ бы и не замѣчалъ. Спустя годъ мать ея Екатерина умерла, и отецъ дѣвицы женился на другой женѣ, которую дѣйствительно звали Анной.

По смерти архимандрита Иларія одинъ братъ спросилъ блаженнаго: кто будетъ у насъ княземъ?—«Князь у васъ будетъ», отвѣчалъ юродивый, «изъ дьяконовъ». И дѣйствительно заступившій мѣсто покойнаго архимандрита былъ изъ вдовыхъ дьяконовъ.

Не разъ Антонія Алексѣевича видѣли, какъ онъ въ сильномъ безпокойствѣ ходилъ по двору около подъяконома задонскаго монастыря и, махая около него голикомъ, приговаривалъ: «Пошли прочь! кто васъ звалъ сюда?» Однажды вечеромъ онъ въ сильномъ безпокойствѣ пришелъ къ одному брату въ келью, гдѣ были еще двое изъ братіи, и прилесть было на постель; но, пролежавъ немного, вдругъ вскочилъ и, сколько есть мочи, прокричалъ три раза: «Карпушка! Карпушка! Карпушка!» (такъ онъ обыкновенно звалъ этого послушника), затѣмъ, понизивъ голосъ, сказалъ какъ бы про себя: «Ну, такъ и быть: схватилъ волкъ овечку!» На завтра нашли этого послушника повѣсившимся въ то самое время, какъ блаженный кричалъ: «Карпушка!»

Разъ, придя къ другому послушнику, потребовалъ онъ бумаги, чернилъ, сургуча и печать. Послушникъ подалъ ему все это. Юродивый написалъ что-то и запечаталъ: «На, возьми! это тебѣ подорожная!» Черезъ недѣлю совсѣмъ неожиданно послушникъ этотъ отправился въ Москву.

Одному послушнику при каждой почти встрѣчѣ старецъ постоянно твердилъ, что уйдетъ онъ къ отцу — пахать землю; послушникъ и слушать не хотѣлъ, но черезъ семь лѣтъ дѣйствительно покинулъ монастырь.

Въ 1847 г., придя разъ въ келью къ знакомому монаху, старецъ спросилъ его: «Чей это въ сѣняхъ гробъ, большой, пестрый?» потомъ, немного помолчавъ, продолжалъ: «Дома бы и умирать: зачѣмъ приѣзжать опять въ монастырь?» Черезъ мѣсяцъ монахъ, заболѣвъ, пожелалъ съѣздить на родину для поправленія здоровья, но, пробывъ тамъ около мѣсяца, возвратился въ Воронежъ, гдѣ вскорѣ, отъ свирѣпствовавшей въ то время холеры, и умеръ.

Во время холеры Антоній Алексѣевичъ заходилъ во многіе дома обывателей Воронежа безъ всякаго со стороны ихъ приглашенія, и гдѣ ставилъ онъ столы посреди комнаты и пѣлъ «вѣчную память», тамъ почти всѣ жильцы вымерли отъ холеры.

Проходя разъ мимо одного каменнаго дома, дворъ котораго обнесенъ былъ досчатымъ заборомъ, Антоній Алексѣевичъ остановился передъ канавкой, по которой стекали со двора нечистоты, и, немного подумавъ, поползъ бокомъ по этой канавкѣ по двору и, пощупавъ у кладовыхъ замки, тѣмъ же путемъ выползъ на улицу, сопровождаемый дружнымъ хохотомъ со стороны столпившихся свидѣтелей этой сцены. По прошествіи нѣсколькихъ дней эта загадка объяснилась: чрезъ ту самую канавку проникли во дворъ ночью воры, обообрали всѣ кладовыя и были таковы.

За годъ до своей кончины пришелъ Антоній Алексѣевичъ къ одной помѣщицѣ, которая купила домъ въ Задонскѣ, и говоритъ ей: «Вотъ я

къ вамъ: такъ Богъ велѣтъ!» Потомъ, разболѣвшись, говоритъ хозяйкѣ: «Мама (такъ онъ называлъ ее), пора мнѣ умирать; похорони меня во спасеніе души твоей въ монастырѣ и заплати за меня пять рублей...» А когда та подумала, что едва ли можно будетъ похоронить его за такую сумму, Антоній Алексѣевичъ, отвѣчая на ея мысли, присовокупилъ: «Ну, 500 рублей отдай впередъ. Хотя у тебя и былъ нынѣ недородъ хлѣба, да зато у меня его много. Вотъ, дастъ Богъ, я перейду, тогда и тебя возьму къ себѣ; да сшей мнѣ новый бѣлый кафтанъ съ нижнимъ бѣльемъ и купи новый кушакъ». Духовника своего, къ которому всегда самъ прихаживалъ, когда нужно было исповѣдаться или приобщиться, просилъ онъ сшить себѣ новые коты. А недѣли за двѣ до Покрова говоритъ хозяйкѣ дома: «Мама! пеки блины въ субботу, подь Покровъ». Наступила эта суббота, и юродивый скончался на 120-мъ году жизни.

Тѣло его погребено было съ большою торжественностью въ Задонскомъ монастырѣ подь алтаремъ Вознесенской церкви. На похоронахъ его присутствовала многочисленная толпа народа.

XXIV.

Старець Алексѣй.—Томскій Осинька.—Сыльная Домна.—Лже-Разумовскій.—
Лже-Александръ.—Данилушка на кровлѣ.

Въ Ростовѣ былъ извѣстенъ старецъ Алексѣй изъ имѣнія графа Панина; онъ юродствовалъ въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ 32 года. Родомъ онъ былъ изъ духовнаго званія, жизнь велъ воздержную, ходилъ въ одной верхней одеждѣ, босой зиму и лѣто. Временно жилъ онъ въ сторожкѣ монастырской, любилъ читать апостолъ за раннею литургіею. Послѣ ранней обѣдни въ своемъ монастырѣ весьма часто уходилъ въ ростовскій Успенскій соборъ, отстоящій отъ Борисоглѣбскаго монастыря на 18 верстъ, къ поздней литургіи, гдѣ также читалъ апостолъ.

О скорой его ходбѣ рассказываютъ слѣдующій случай. Одна помѣщица, отправляясь въ Ростовъ на богомолье на тройкѣ лошадей, посѣтила у Бориса-Глѣба чтеца Алексѣя и сѣтовала на то, что ей мало времени оставалось, чтобы подолѣе побесѣдовать съ Алексѣемъ, такъ какъ спѣшила въ Ростовъ, чтобы поспѣть къ литургіи въ соборъ. Алексѣй, замѣтивъ это, сказалъ ей: «Мы увидимся въ Ростовѣ». Къ удивленію своему, помѣщица, пріѣхавъ, замѣтила въ соборѣ Алексѣя, который прибылъ туда раньше ея, хотя она ѣхала на тройкѣ лошадей. Вотъ какъ быстро ходилъ Алексѣй.

Сторожилы еще рассказывали изъ его жизни, что однажды люди, встрѣтившіе его выходящимъ изъ лѣса, спросили:—Гдѣ ты былъ, Алексѣй Степановичъ?»

— Въ банѣ былъ, прекрасно выпарился, ни одного мѣста не осталось невыпареннымъ.

На самомъ же дѣлѣ нѣкоторые видѣли его въ то время сидящимъ въ муравейникѣ. Вотъ какова была его баня!

Часто онъ хаживалъ въ нѣкоторые дома борисоглѣбскихъ жителей и никогда ни дверей, ни воротъ не затворялъ. Не смотря на то, какъ разсказывали, ни скотъ со двора не уходилъ, ни похищенія никакого не было.

Утверждали, что Алексѣй обладалъ и даромъ прозорливости. Такъ, будучи въ одномъ домѣ, гдѣ мать сильно безпокоилась о томъ, что давно не получала никакого извѣстія отъ сына, жившаго въ Петербургѣ, Алексѣй сказалъ: «Рѣка Нева глубока, много въ ней тонуть». И дѣйствительно, чрезъ недѣлю мать получила извѣстіе, что сынъ ея утонулъ въ Невѣ.

Однажды Алексѣй передъ бурей размѣривалъ пространство земли близъ колокольни села Троицкаго, что въ Бору. Окружающіе его спросили: Что ты дѣлаешь, Алексѣй Степановичъ?—«А вотъ мѣряю, куда крестъ упадетъ съ колокольни». Когда нашла буря, крестъ съ колокольни сорвало, и онъ упалъ на то мѣсто, гдѣ указалъ Алексѣй.

Предъ пожаромъ въ селѣ Вошажниковѣ, въ десяти верстахъ отъ Борисоглѣбскаго монастыря, Алексѣй Степановичъ расхаживалъ по улицамъ и говорилъ вслухъ: «Ахъ, какъ жарко! ахъ, какъ жарко!» хотя на самомъ дѣлѣ и не было жарко. Въ слѣдующую ночь былъ сильный пожаръ въ Вошажниковѣ.

Умеръ Алексѣй 16-го октября 1781 г. и погребенъ за алтаремъ; послѣ его смерти какой-то неизвѣстный выстроилъ надъ его могилой каменную часовню, гдѣ на стѣнахъ изобразилъ Алексѣя. Память объ этомъ юродивомъ читается въ монастырѣ посейчасъ.

Городъ Томскъ изстари богатъ былъ разными пустосвятами. Въ числѣ такихъ нѣкогда знаменитъ былъ тамъ «Осинька», который, судя по разсказу, переданному намъ столѣтней старицей Мареей Леоновой, знаменитъ былъ тѣмъ, что всѣмъ показывалъ пальцы, да по ночамъ ходилъ и предсказывалъ пожары, говоря: «Стопочка сгорить, стопочка сгорить».

Не менѣе его была извѣстна въ этомъ городѣ старуха самой неряшливой внѣшности, таскавшая за плечами въ мѣшкѣ дохлыхъ крысъ, кошекъ и разную дрянъ и отправлявшая всѣ свои фізіологическія отправленія тамъ, гдѣ ей это приходило въ голову—въ комнатахъ, церквахъ и т. д. Родомъ она была дворянка, помѣщица и была прислана въ Сибирь за жестокое обращеніе со своими крѣпостными. Извѣстна она была подъ названіемъ «Домны Карповны», ходила зимой и лѣтомъ босикомъ и жизнь вела ночную; знала только одну рѣчь, которую и твердила постоянно: «Пресвятая Богородица, спаси отъ горячихъ бѣсовъ». Изъ разсказовъ о ней извѣстенъ одинъ, какъ она по дорогѣ въ городъ Канскъ встрѣтила архіерея и предсказала ему смерть.

Изъ замѣтныхъ пустосвятыхъ въ этомъ городѣ былъ извѣстенъ еще

нѣкто Разумовскій, выдававшій себя за гетмана. Этотъ самозванецъ особенными нравственными качествами не отличался; рассказывалъ старухамъ болѣе про бѣлую Арапію и о выползавшихъ будто бы на гору изъ озера крокодилахъ, что мѣняли постройки будущаго томскаго собора, и тому подобныя несуразности; въ сущности этотъ Разумовскій былъ негласный содержатель томскаго веселаго заведенія и родомъ полякъ, присланый въ Сибирь за мошеничество.

Въ томъ же Томскѣ у простого народа и особенно у купцовъ пользовался большимъ уваженіемъ нѣкто столѣтній старецъ Ѳедоръ Кузмичъ или Александръ; происхожденія послѣдній былъ неизвѣстнаго, но есть данныя подозрѣвать, что онъ нѣкогда принадлежалъ къ высшему петербургскому обществу. Наружность имѣлъ старецъ Ѳедоръ красивую, величавую, роста былъ большого, съ правильными чертами лица и большой окладистой бородой. Онъ зналъ языки, на которыхъ говорилъ очень правильно, и отличался необыкновеннымъ даромъ слова. Сибиряки въ этомъ таинственномъ отшельникѣ видѣли будто бы покойнаго императора Александра I; какъ ни нелѣпо было это предположеніе, но оно крѣпко существовало въ томскомъ купеческомъ обществѣ. Старецъ Ѳедоръ жилъ у купца Хромова за городомъ, на дачѣ. Онъ похороненъ въ Томскѣ, въ оградѣ Алексѣевского монастыря. На его памятникѣ существовала очень загадочная надпись, которую, въ бытность мою въ Томскѣ, въ 1882 г., въ маѣ мѣсяцѣ, стерли и закрасили, такъ что прочесть ее не было возможности. Старецъ Ѳедоръ тоже будто бы отличался прозорливостью и предугадываніемъ будущаго: такъ, онъ одному изъ мужичковъ предсказалъ, что тотъ найдетъ золото, что и случилось. Жизнь онъ велъ строгую.

Въ Томскѣ былъ извѣстенъ еще изъ ссыльно-каторжныхъ нѣкто «Данилушка». Онъ также предсказывалъ и отличался большими странностями — жилъ въ лѣсу, питаясь кореньями, а въ городахъ — преимущественно на крышѣ дома, гдѣ и сидѣлъ цѣлыми часами въ созерцательномъ молчаніи.

XXV.

Авраамій.—Диомидъ юродивый.—Старецъ Вася.

Лѣтъ 50 назадъ въ одной изъ сибирскихъ губерній пронеслась молва, что явился отшельникъ «Авраамъ», надѣленный даромъ пророчества и чудотворенія. Стоустная молва, варьируя эти рассказы, разнесла вѣсть объ отшельникѣ по всей Сибири.

Въ самомъ дремучемъ лѣсу, далеко отъ всякаго поселенія, жилъ въ большой избѣ моленной отецъ Авраамъ. Когда все кругомъ лѣса погружалось въ сонъ, у отшельника пробуждалась жизнь. Сотни поклонниковъ тянулись къ нему на молитву, гдѣ вмѣстѣ съ псевдо-религіозностью пропагандировался чудовищный развратъ.

Авраамъ считался основателемъ секты очищенцовъ. Послѣдователи его, мужчины и женщины, входя, сбрасывали съ себя верхнюю одежду и оставались въ однихъ рубахахъ съ босыми ногами. Учитель становился на возвышеніи и былъ одѣтъ въ черной рясѣ, въ родѣ монашеской. Обрядъ молитвы заключался въ слѣдующемъ:

— Да приблизится избранная моя! провозглашалъ Авраамъ; въ отвѣтъ на это входила на возвышеніе молодая дѣвушка и становилась на колѣни.

— Облобызай нози мои! говорилъ онъ...

Дѣвушка цѣловала его ноги.

— Творите, какъ я творю, братіе.

При этихъ словахъ подлѣ каждаго мужчины становилась дѣвушка и, по примѣру избранницы Авраама, цѣловала ноги мужчинѣ.

— Да будетъ плодородіе ваше, яко плодородіе маслины! говорилъ Авраамъ, осѣняя стоящихъ восковою свѣчкою.— Чисты ли и непорочны ли вы вси?

— Осквернены отъ рожденія! слѣдоваль общій отвѣтъ.

— Имѣете ли твердость истязаніемъ плоти очиститесь?

— Имѣемъ! отвѣчали всѣ, падая на колѣни.

— Очиститесь же.

Вслѣдъ за этими словами каждый изъ очищенцевъ бралъ пукъ розогъ въ руки и начиналъ имъ бить по плечамъ и по спинѣ своихъ сестеръ.

Бичеваніе это продолжалось довольно долго, кровь струилась по обнаженному тѣлу добровольныхъ мученицъ. Послѣ этого спрашивалось:— «Очищены ли вы есте, сестры мои?» Слѣдовалъ отвѣтъ, что очищены и чисты, какъ снѣгъ. — «Очищены ли вы?» обращался онъ къ мужчинамъ.— «Не очищены», отвѣчали послѣдніе.— «Очиститесь!» И снова начиналось истязаніе,— истязуемыми на этотъ разъ была мужская братія; послѣ этого всѣ очищенные удалялись изъ моленной.

Отецъ Авраамъ жилъ въ скиту со своею избранницею, какою-то бѣглою солдатскою женою Аленюю, и жилъ, благодаря богатымъ приношеніямъ, весело, пока полиція не провѣдала о немъ. Впрочемъ, Авраамъ успѣлъ улизнуть отъ рукъ правосудія, а его послѣдователи сожгли моленную, чтобы она не попала въ руки нечестивыхъ. По ихъ рассказамъ, Авраамъ чуть ли не живой былъ взятъ на небо вмѣстѣ съ Аленюю. Авраамъ же, какъ оказалось послѣ, жилъ въ Москвѣ у богатой купчихи С—овой въ дворникахъ, и тамъ его уже звали Семеномъ. Какъ мужикъ еще весьма красивый и притомъ ловкій, онъ пользовался особеннымъ расположеніемъ своей хозяйки. Жизнь его у нея была самая беззаботная, подчасъ онъ кутилъ не хуже богатаго купца.

Разъ какъ-то его хозяйку посѣтилъ бѣглый раскольничій попъ и, не заставъ хозяйки дома, зашелъ къ дворнику, гдѣ за графиномъ водки убѣдилъ Семена обокрасть купчиху и бѣжать. Результатомъ этой бесѣды

было то, что въ одно прекрасное утро у хозяйки исчезли шкатулка съ 40,000 рублей и дворникъ Семень.

Какъ ни искала полиція похитителя денегъ, всё розыски остались тщетными. Благодаря паспорту Авраама, красноярскаго мѣщанина, который промыслилъ ему погѣ, онъ благополучно добрался до Сибири и, подѣливъ украденную сумму, поселился въ лѣсу и опять началъ проповѣдывать свое пустосвятство.

Послѣ исчезновенія отца Авраама въ одномъ изъ нашихъ губернскихъ городовъ поселился богатый сибирскій купецъ. Купилъ онъ себѣ домъ и началъ торговать хлѣбомъ. Спустя нѣсколько лѣтъ имя его стало извѣстно во всѣхъ промышленныхъ понизовыхъ губерніяхъ.

Въ лѣсистой мѣстности губерній орловской, смоленской и калужской каждому изъ обитателей какъ городовъ, такъ и сель названной мѣстности былъ извѣстенъ лѣтъ 20 назадъ 80-лѣтній старикъ, юродивый «Діомидъ», ходившій по лѣсамъ и скрывавшійся тамъ на деревьяхъ; всегда босой, въ одной рубашкѣ зимой и лѣтомъ, Діомидъ бродилъ по лѣснымъ дебрямъ. Это былъ вполне лѣсной человѣкъ, съ ногъ до головы обросшій волосами. Ходилъ онъ не молча, а всегда что нибудь мурлыкалъ или напѣвалъ себѣ подъ носъ. Откуда онъ былъ родомъ—никто не зналъ, и когда началъ вести такую суровую бродячую жизнь — тоже покрыто было тайною. Бродя по селамъ, Діомидъ заходилъ иногда къ мужикамъ, но отнюдь не къ духовенству, котораго онъ не терпѣлъ, бѣгалъ и боялся.

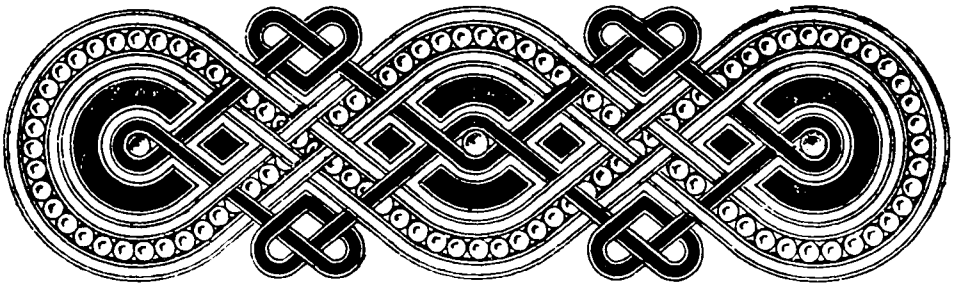
Въ Болховѣ въ эти же года извѣстенъ былъ старикъ «Вася», вѣчно раздѣтый и босикомъ лѣтомъ и зимою. Посѣщеніе его въ домахъ обитателей считалось очень желательнымъ и счастливымъ, и каждый спѣшилъ зазвать его калачикомъ и водкой, до которой онъ былъ большой охотникъ. Вася былъ просто идиотъ, лишенный дара слова и ничѣмъ не отличавшійся отъ людей такого сорта.

Здѣсь перечислены всё или почти всё изъ «словущихъ» стариковъ и юродцевъ, просіявшихъ въ недавнее время, во многихъ случаяхъ противопоставляемое до-петровскому періоду и времени самого императора Петра, который въ великомъ рядѣ своихъ государственныхъ заботъ обращалъ вниманіе и на вредъ, причиняемый обществу святошествомъ стариковъ и юродцевъ. Твердая рука перваго императора не миловала этихъ пустосвятовъ, которые приносили тотъ несомнѣнный вредъ, что понижали въ людяхъ понятіе о промыслѣ, выдавая себя за какихъ-то довѣренныхъ агентовъ, адвокатовъ и разъяснителей воли Бога, какъ будто нуждающагося въ ихъ посредствѣ и избравшаго ихъ для этого назначенія. Петръ I видѣлъ въ этихъ поступкахъ «лицемѣріе, глупость и злообычное наглство къ обману простодушныхъ невѣждъ». То же самое продолжало видѣть въ этомъ и все русское законодательство при послѣдующихъ императорахъ, и исполнительныя власти постоянно считали

себя призванными оказывать сопротивленіе пустосвятству юродивыхъ и старчиковъ; но въ обществѣ иногда встрѣчалось столько незаслуженнаго довѣрія этимъ плутамъ или дурачкамъ, что исполнительные чиновники оказывали снисхожденіе и смотрѣли на дѣло сквозь пальцы. Это не перелелось и до сего дня, и нашъ списокъ почитаемыхъ старцевъ новѣйшихъ временъ представляетъ цѣлую группу такихъ «достопоклоняемыхъ» лицъ, которые всѣ были или плуты, или дурачки, или сумасшедшіе. Притомъ изъ нихъ только три-четыре человѣка обнаруживали нѣкоторую доброту и мягкость въ отношеніи къ людямъ, а всѣ остальные были грубы, несострадательны, злы, жестоки и чрезвычайно жадны. Наиболѣе же всѣмъ имъ общею и притомъ замѣчательною ихъ чертою является выдающаяся склонность къ промысловымъ предпріятіямъ, къ которымъ большинство изъ старчиковъ и юродцевъ обращается послѣ пріобрѣтенія денежнаго капитала, нужнаго для начала торговли.

Вывести это можетъ только распространеніе настоящихъ христіанскихъ понятій и истиннаго просвѣщенія во всѣхъ слояхъ общества.

Историческіе колокола.

«Колоколъ—это голосъ церкви, зовущій издалека и посылающій равномерный привѣтъ дворцу и лачугѣ».

Паоло Мантегацца.

I.

Начало употребленія колоколовъ.—Значеніе слова: колоколъ.—Клепала и била.—Легенда о Пронскомъ билѣ.—Сказаніе о древнихъ новгородскихъ колоколахъ.—Чугунные, стеклянные, глиняные и деревянные колокола.—Подраздѣленіе колоколовъ.—Исторія набатнаго или исполошнаго колокола.—Вѣчевые колокола.—Колокола краснаго звона.—Плѣнные и сыльные колокола.—Царскіе золотые и лыковые колокола.—Отливка колоколовъ.—Замѣчательные по звуку колокола.—Криптографическія надписи на колоколахъ.—Искусство звонить.—Крещеніе колоколовъ.—Надписи на колоколахъ.—Царь-колоколъ и его исторія.—Иванъ Великій.—Большой Успенскій колоколъ.—Случай при поднятіи этого колокола.—Колокола: Реуть, Вседневный, Медвѣдь, Лебедь, Широкій, Слободской, Ростовскій, Нѣмчинъ, Глухой и Корсунскіе зазвонные.

Начало употребленія колоколовъ приписывается египтянамъ; по словамъ историковъ, колокола будто бы употреблялись при священнодѣйствіяхъ въ праздники Озириса. Грекамъ также были извѣстны колокола: у аѳинянъ при храмахъ Прозерпины существовали колокола съ тою же цѣлію, какъ у насъ,—ими народъ призывался къ богослуженію. Тибуль Страбонъ и Полибій, жившіе за двѣсти лѣтъ до Р. Х., говорятъ о колоколахъ, а позднѣе Іосифъ Флавій подробно описываетъ ихъ въ своихъ еврейскихъ антикваріяхъ. Въ Китаѣ и Японіи древность нѣкоторыхъ колоколовъ нисколько не уступаетъ древности Рима, Греціи и даже Іудеи и Египта.

Слово колоколъ, по догадкамъ нѣкоторыхъ ученыхъ, имѣетъ корень съ греческаго «калкунъ», означающее клепала или било. Первые колокола

при церквахъ на Западѣ введены въ употребленіе въ концѣ VI вѣка. Литые первыхъ колоколовъ приписываютъ Павлину, епискому Нольскому, что въ Кампаньи; думаютъ, что отъ этого и произошло латинское ихъ названіе самрана и pola.

При христіанскихъ храмахъ колокола, надо полагать, вошли въ употребленіе на Западѣ не раньше конца VI или начала VII вѣка; существуетъ преданіе, что когда въ 650 году войска Клотарія осадили Орлеанъ, то орлеанскій епископъ Лупъ велѣлъ звонить въ соборный колоколъ при церкви св. Стефана; осаждавшіе, испугавшись этого звона, приняли его за голосъ ангела и поспѣшно сняли осаду города. На Востокѣ, колокола употреблялись весьма рѣдко; при взятіи Константинополя турками колокола были уничтожены и сохранились только въ немногихъ мѣстахъ Сиріи и Палестины. Турки запрещали колокола подѣтъ предлогомъ, что будто бы звукъ ихъ возмущаетъ покой душъ, витающихъ въ воздухѣ.

Колокола, какъ у древнихъ, такъ и у христіанскихъ народовъ, употреблялись въ разныхъ случаяхъ: звонъ ихъ призывалъ народъ въ храмы, извѣщалъ о времени, возвѣщалъ о началѣ дѣйствій военныхъ и высту пленіи войскъ въ походъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ звонили въ колокола, когда вели на казнь преступниковъ, случался пожаръ въ городѣ, или смерть царя, епископа и даже частнаго лица. Въ небольшихъ городахъ и монастыряхъ, какъ уже мы замѣтили, колокола замѣнялись клепами, билами, или просто досками, какъ напримѣръ, въ Греціи, гдѣ ихъ называли «симандрами»; это были просто деревянныя и желѣзныя полосы, въ которыя били палками или колотушками. Подобныя доски находились въ XII и XIV вѣкахъ въ новгородскихъ и псковскихъ церквахъ—они и теперь еще употребляются на Алтаѣ и въ Сибири въ старобрядческихъ скитахъ.

Въ слободѣ «Плотной», составляющей одно изъ предмѣстій нынѣшняго города Пронска, на колокольномъ тамошней приходской церкви, хранится такое древнее било, по преданію, замѣнявшее нѣкогда, въ старину «вѣчевой колоколъ». По рассказамъ старожиловъ, это «било» неизвѣстно для чего неоднократно переносили изъ Пронска, верстъ за пять, въ село Ельшину, но било опять уходило на старое мѣсто въ Пронскъ. Преданіе говоритъ, что оно принадлежало женскому монастырю, нынѣ уничтоженному, бывшему на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь сооружена приходская церковь, сохранившая еще доселѣ чудное било. У этой церкви похоронены многія княжны и княгини Пронскія. Било это положено «кладью» въ церковь съ тѣмъ, чтобы оно принадлежало вѣчно одной и той же церкви. И, по народному повѣрью, никакою силою невозможно присвоить била съ того мѣста, которому оно завѣщено.

О колоколахъ новгородскихъ упоминается съ XI вѣка, какъ это видно изъ повѣствованія о приходѣ въ Новгородъ литовскаго князя Всеслава

Брячиславича, снявшаго съ Софійской колокольной колокола въ 1066 году, и изъ житія преподобнаго Антонія Римлянина, приплывшаго въ 1106 году во время утрени къ Новгороду и слышавшаго въ немъ великій звонъ ¹⁾. Но колокола эти, вѣроятно, были другого устройства и едва ли сохранились до насъ, хотя и признается преданіемъ въ Антоніевомъ монастырѣ одинъ небольшой колоколъ за колоколъ преподобнаго Антонія Римлянина († 1147).

О новгородской Филипповской церкви ²⁾, по случаю слитія перваго колокола въ 70 пудовъ въ 1558 году, сказано: «и не бысть колокола большаго и никакова и отъ созданія церквей каменныхъ св. апостола Филиппа и великаго чудотворца Николы 175 лѣтъ, а было желѣзное клепало». Также въ церковной описи Звѣрина монастыря за 1682 годъ показана въ числѣ клепалъ «доска желѣзная». Впрочемъ, до XIV вѣка еще упоминается о колоколахъ вѣчевыхъ и курсунскихъ ³⁾, а съ XIV и XV вѣка о нынѣшнихъ колоколахъ церковныхъ. Первый изъ этихъ колоколовъ, какъ извѣстно по лѣтописямъ, слить въ 1342 году къ Софійскому собору московскимъ мастеромъ Борисомъ, по приказанію архіепископа Василя, а въ XV вѣкѣ при архіепископѣ Евфиміи были литы колокола не только церковные, но и часовые.

Что касается XVI и XVII вѣковъ, то отъ этого времени осталось не мало колоколовъ и даже съ надписями русскими и иностранными, указывающими на русскихъ и западныхъ колокольныхъ мастеровъ.

Колокола обыкновенно отливаются изъ такъ называемой колокольной мѣди, состоящей изъ сплава 78 процентовъ чистой мѣди и 22 процентовъ олова. Но бывали примѣры, что колокола дѣлались изъ чугуна, стекла, глины, дерева и даже серебра. Такъ въ Китаѣ, въ Пекинѣ, существуетъ одинъ колоколъ чугунный, отлитый въ 1403 году. Въ Упсалѣ, въ Швеціи, есть колоколъ изъ стекла, превосходнаго звука. Въ Брауншвейгѣ, при церкви св. Власія, хранится какъ рѣдкость одинъ деревянный, тоже очень старый, лѣтъ около трехсотъ, называвшійся нѣкогда колоколомъ св. великаго пятка; онъ употреблялся во время еще католицизма и въ него звонили на Страстной недѣлѣ. Въ Соловецкомъ монастырѣ находятся глиняные колокола, неизвѣстно когда и кѣмъ слѣпленные.

Колокола у насъ существуютъ многихъ видовъ и названій. Такъ извѣстны: набатные, вѣчевые, красные, царскіе, плѣнные, ссыльные, благовѣстные, поліелейные, золоченые и даже лыковые; существуютъ еще небольшіе колокола подъ названіемъ «кандія» или звонецъ. Имъ дается знать звонарю на колокольную о времени благовѣста или звона.

¹⁾ О колоколахъ въ Кіевѣ упоминается въ 1171 г. См. «Полное Собраніе Рус. Лѣт.», т. II, стр. 100.

²⁾ «Церковн. Лѣт.» въ Синодикѣ XVIII вѣка.

³⁾ См. «Ист. Госуд. Рос.» Карамзина, т. VI, стр. 120—123.

Первый из набатных колоколов висѣлъ въ Москвѣ, въ Кремлѣ, подлѣ Спасскихъ воротъ, въ настѣнномъ шатрѣ или полубашенкѣ¹⁾; онъ назывался также царскимъ, сторожевымъ и всполошнымъ; въ него звонили во время нашествія враговъ, мятежа и пожара; такой звонъ назывался «всполохомъ» и набатомъ²⁾. На этой полубашенкѣ висѣлъ прежде, какъ полагаютъ, вѣчевой колоколъ, привезенный въ Москву изъ Великаго Новгорода, послѣ покоренія его Иоанномъ III. Существуетъ предположеніе, что Новгородскій вѣчевой колоколъ былъ перелитъ въ Московскій набатный или всполошный въ 1673 году. По указу царя Феодора Алексѣевича, онъ сосланъ былъ 1681 года въ Корельскій Николаевскій монастырь (гдѣ погребены дѣти Новгородской посадницы Марѣи Борецкой) за то, что звономъ своимъ въ полночь испугалъ царя. На немъ вылита слѣдующая надпись: «лѣта 7182 іюля въ 25 день, вылить сей набатный колоколъ Кремля города Спасскихъ воротъ, вѣсу въ немъ 150 пудовъ». Къ этой надписи прибавлена другая, вырѣзная: «7189 года, марта въ 1-й день по именному великаго государя царя и великаго князя Феодора Алексѣевича всея великія и малыя Россіи самодержцу указу данъ сей колоколъ къ морю, въ Николаевскій-Корельскій монастырь за государское многолѣтнее здравіе и по его государскимъ родителямъ въ вѣчное поминовеніе неотъемлемо при игуменѣ Арсеніѣ»³⁾.

По свидѣтельству старожиловъ, у другого набатнаго колокола, который висѣлъ на башнѣ Спасскихъ воротъ послѣ перваго колокола и который теперь хранится въ Оружейной палатѣ, по приказу Екатерины II, былъ отнятъ языкъ за то, что онъ во время Московскаго бунта въ 1771 году сзывалъ народъ: въ такомъ видѣ онъ висѣлъ до 1803 года, когда былъ снятъ съ башни и поставленъ подъ каменнымъ шатромъ у Спасскихъ воротъ вмѣстѣ съ большими пушками. По сломкѣ шатра, онъ былъ сперва помѣщенъ въ арсеналь, а потомъ въ Оружейную палату: на немъ находится слѣдующая надпись: «1714 года іюля въ 30 день вылить сей набатный колоколъ изъ стараго набатнаго же колокола, который разбило, Кремля города ко Спасскимъ воротамъ, вѣсу въ немъ 108 пудъ. Лилъ сей колоколъ мастеръ Иванъ Маторинъ».

Вотъ что находимъ о набатномъ колоколѣ въ статьѣ Г. В. Есипова⁴⁾: въ 1803 году стѣны и башни Московскаго Кремля во многихъ мѣстахъ начали разваливаться и Московская Кремлевская экспедиція озаботилась ихъ исправленіемъ—главноуправляющій Кремлевскою экспедиціею П. С. Валуевъ, командировалъ чиновника въ набатную башню съ приказаніемъ снять осторожно колоколъ и сдать его въ экспедицію для храненія въ

1) Государи Россійскіе послѣ коронованія своего входили сюда показаться народу, собиравшемуся на Красной площади.

2) См. «Русская Старина», сост. А. Мартыновымъ. Москва. 1848 г.

3) «Словарь Географич. Рос. Госуд.». Соч. Щекатова.

4) См. «Историческій Вѣстникъ», 1881 г. 2, стр. 418.

кладовой, впредь до исправленія башины. — Когда сняли колоколъ и хотѣли его везти въ кладовую, явился офицеръ съ солдатами и заявилъ, что комендантъ приказалъ оставить колоколъ на площади, и поставилъ къ нему двухъ солдатъ. Сконфуженный чиновникъ донесъ Валуеву объ арестѣ колокола. — Валуевъ отличался непомернымъ самолюбіемъ и послалъ къ коменданту чиновника, который на словахъ заявилъ ему: чтобы онъ немедленно возвратилъ колоколъ. — Комендантъ потребовалъ письменнаго объясненія. — Валуевъ не замедлилъ такое послать и немного рѣзкое.

Комендантъ нашелъ тонъ письма да и самое требованіе немного оскорбительнымъ и пожаловался московскому главнокомандующему графу Салтыкову. Главнокомандующій, вѣроятно, тоже не совсѣмъ довольный тѣмъ, что Валуевъ обратился къ коменданту помимо его, въ тотъ же день уведомили Валуева, «что онъ находитъ дѣйствія коменданта совершенно законными и проситъ въ подобныхъ случаяхъ обращаться къ нему, главнокомандующему, и содержать коменданта въ томъ вниманіи, какого онъ заслуживаетъ по отличному усердію и исправности, въ толиколѣтнемъ прохожденіи важнаго служенія своего оказанными».

Валуеву стало понятно, что сдѣлалъ ошибку, погорячился и что главнокомандующій можетъ довести объ этомъ до высочайшаго свѣдѣнія, а главнокомандующій и Валуевъ, какъ два медвѣдя въ берлогѣ, жили не въ ладу, и Валуевъ поспѣшилъ искать покровительства въ любимцѣ императора, Троицкомъ, мимо котораго въ случаѣ жалобы графа Салтыкова дѣло это не могло пройти.

«Опасаясь, что главнокомандующій представитъ о дѣлѣ своимъ манеромъ на высочайшее усмотрѣніе, доношу вашему высокопревосходительству (писалъ Валуевъ къ Троицкому), яко единственному благотворителю, о встрѣтившейся непріятности отъ коменданта и главнокомандующаго, душащими меня попеременно пустыми отношеніями.

«По понятію моему о пользѣ казны и славѣ моихъ государей, истребилъ я, безъ огласки, прошедшимъ лѣтомъ два застѣнка, яко памятники временъ жестокихъ и безчеловѣчныхъ, употребля изъ оныхъ матеріалы на исправленіе древностей, заслуживающихъ быть обереженными въ позднѣйшія времена и что этимъ оправдалъ я ваше покровительство, снискалъ всеобщую жителей московскихъ эстиму и заслужилъ монаршее благоволеніе. Руководствуясь таковымъ же подвигомъ спрятанъ у меня давно языкъ извѣстнаго колокола, служащаго возвѣстителемъ всѣхъ возмущеній стрѣleckихъ и возмущенія во время чумы въ царствованіе Екатерины Премудрой».

Послѣ такого напоминанія о своихъ заслугахъ, оказанныхъ государю и отечеству и московскимъ жителямъ, Валуевъ въ письмѣ къ Троицкому рассказываетъ, какъ комендантъ арестовалъ колоколъ и оставилъ его подъ карауломъ на площади «гдѣ прохожіе, можетъ быть, дѣлаютъ

о томъ разные толки и заключенія, а главнокомандующій, не осмотрѣвъ мѣста и не разспросивъ о томъ у меня, пишетъ ко мнѣ отношеніе, которое я оставилъ безъ отвѣта, какъ для избѣжанія дальнѣйшихъ исторій, такъ и потому, что отвѣтствуя, обязанъ бы я былъ объяснить его сіятельству, что колоколъ, имъ уважаемый, есть памятникъ золь российскихъ, заслуживающій быть забытъ всѣми благомыслящими отечества сынами, памятникъ безславія покойнаго отца его, который, будучи главнокомандующимъ, отъ чумы и возмущенія укрылся въ подмосковную, за что и былъ отставленъ, и дана преемнику его инструкція, въ которой упомянуто о его побѣгѣ».

Изливши свою злость на главнокомандующаго и даже на его покойнаго отца, Валуевъ принялся за коменданта:

«Комендантъ говоритъ, что безъ начальства колокола отдать не можетъ. Буде колокола принадлежать къ военной дисциплинѣ и аккуратности, почему же не воспрепятствоваль мнѣ прошедшимъ лѣтомъ разбирать колокола на башняхъ Спасской и Троицкой?»

«Обязанъ я былъ объяснить ему (главнокомандующему), что въ моемъ чинѣ, служа непорочно 50 лѣтъ, разумѣть я долженъ, кому какія давать уваженія, не погрѣшая противъ коменданта, о которомъ онъ самъ отзывался, что онъ пьяница и знаетъ только службу капральскую».

Вступивъ на дорогу сплетней и злорѣчія, Валуевъ не остановился на самыхъ ничтожныхъ мелочныхъ объясненіяхъ Салтыкова и коменданта:

«Злоба коменданта происходитъ отъ того, что не удовлетворяются его пустыя требованія о снабженіи его дома немовѣрнымъ числомъ дворцовыи мебелими, о набитіи льдомъ его погребовъ и пр. и пр., понеже домъ его не въ вѣдомствѣ экспедиціи; злоба главнокомандующаго отъ неблагорасположенныхъ ко мнѣ окружающихъ его зятя Уварова и правителя канцеляріи Карпова».

Какъ ни старался Валуевъ въ глазахъ Трощинскаго, который могъ донести эти сплетни и выше, очернить коменданта и главнокомандующаго, не постыдившись даже, по случаю колокола, вызвать тяжелыя воспоминанія фамиліи графовъ Салтыковыхъ о поступкѣ одного изъ ихъ семейства во время чумы въ Москвѣ 1771 года, какъ ни льстилъ Трощинскому разными подобострастными и лакейскими фразами, но графъ Салтыковъ остался цѣль и невредимъ и 28 мая 1803 г. сообщилъ Валуеву, что государь императоръ высочайше повелѣтъ соизвоилъ: «набатный колоколъ сохранять навсегда на своемъ мѣстѣ (т. е. на той башнѣ, гдѣ онъ висѣлъ), въ случаѣ же починки башни сохранять колоколъ въ надежномъ мѣстѣ до исправленія ея, а по исправленіи опять вѣшать на свое мѣсто».

Валуеву осталось, впрочемъ, утѣшеніе, что въ рѣшеніи ничего не было упомянуто о спрятанномъ имъ языкѣ отъ колокола.

Кромѣ набатныхъ, были еще колокола «вѣстовые»; они существовали

встарину, въ Сибири и во многихъ пограничныхъ городахъ южной и западной Россіи. Имъ давали знать о приближеніи непріятели къ городу. Въчевые колокола у насъ были въ Новгородѣ и Псковѣ и, какъ надо полагать, послѣдніе не отличались большимъ вѣсомъ. Еще въ началѣ XVI столѣтія во всей Новгородской области не было колокола болѣе 250 пудовъ вѣсомъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, говоритъ лѣтописецъ, упоминая о колоколѣ «Благовѣстникѣ», слитомъ въ 1530 году ко святой Софіи повелѣніемъ архіепископа Макарія: «слить бысть колоколъ вельми великъ, яко такова величествомъ не бывало въ великомъ Новѣградѣ и во всей Новгородской области, яко страшной трубѣ гласящи»¹⁾.

«Красными» колоколами называли такіе, которые имѣли звонъ красный, т. е. хорошій, усладительный, веселый; красные колокола тоже, что красивые, благозвучные. Въ Москвѣ, въ Юшковомъ переулкѣ, существуетъ церковь святителя Николая «у красныхъ колоколовъ»; этотъ храмъ болѣе чѣмъ два вѣка славился своимъ «краснымъ звономъ». Есть въ Москвѣ еще другой храмъ, за Неглинною, на Никитской улицѣ, извѣстный подъ именемъ «Вознесенье хорошая колокольница».

Но лучшіе по тону колокола въ Россіи, это въ Ростовскомъ соборѣ. Колокольня этого храма замѣчательна своимъ устройствомъ и музыкальными звонами колоколовъ. Звоны тамъ названы по именамъ учредителей: Юнинъ, по имени митрополита Юны Сысоевича, который съ 1652 г. по 1691 годъ въ теченіе 39-ти лѣтъ правилъ митрополіею Ростовскою; Георгіевскій, особенно хорошій, какъ говорятъ знатоки, принадлежалъ архіепископу Георгію Дашкову, правившему Ростовомъ уже по уничтоженіи митрополіи съ 1718 года по 1731 годъ; Иоакимовскій, по имени архіепископа Иоакима, 1731 — 1741 годъ. Колокола висятъ въ линію и различаются вѣсомъ: первый въ 2,000 пудовъ, второй въ 1,000, третій въ 500 и т. д. до 20 пудовъ и менѣе. Всѣхъ колоколовъ тринадцать. Звонари становятся такъ, что могутъ видѣть другъ друга и соглашаться въ тактѣ. Это одно изъ условій гармоніи. Митрополитъ Платонъ пріѣзжалъ слушать эти звоны и хотѣлъ учредить у себя такіе же въ Виѣніи. Но ему сказали: «дайте такую же колокольню и такіе же колокола». Историческіе ростовскіе колокола: Сысой, Поліелейный, Лебедь²⁾, Голодарь³⁾, Баранъ, Красный, Козель и Ясакъ.

«Плѣнные» колокола имѣются на колокольняхъ многихъ нашихъ церквей; особенно богата ими Петербургская губернія, отчасти Москва и затѣмъ Сибирь. Изъ замѣчательныхъ шведскихъ старинныхъ колоколовъ, одинъ находится въ Петербургѣ за Невской заставой на Фарфоровомъ

1) «Полн. Собр. Рус. Лѣтоп.», III, стр. 246.

2) По словамъ отца Израилева, Лебедемъ этотъ колоколъ названъ потому, что эта птица, при помощи трубчатого устройства дыхательнаго горла своего, производитъ громкій звукъ, подавшій поводъ къ сказкѣ о «лебединой пѣснѣ».

3) Названъ такъ потому, что въ него благовѣстятъ въ великій постъ.

заводѣ, вѣсомъ въ тридцать пудовъ, съ латинскою надписью: «Soli Deo gloria. Gloria in excelsis Deo. Me fundebat anno 1686 Holmiae Misael. Bader». По рассказамъ однихъ, этотъ колоколь найденъ былъ въ землѣ, при постройкѣ каменной церкви, на мѣстѣ которой встарину стояла шведская кирка. По другимъ преданіямъ, онъ былъ взятъ въ плѣнъ отъ шведовъ императоромъ Петромъ Великимъ. Между колоколами Москвы «плѣнныхъ» имѣется тоже нѣсколько. Замѣчательнъ тамъ одинъ «полуделей»¹⁾ съ буквами Е. Г. и сбивчивою надписью: «Espoir en tout... de ce cloche es Chonaem st. tas en fraci». Этотъ древній колоколь виситъ на колокольнѣ церкви св. Николая, въ Юшковомъ переулкѣ.

Въ Красноярскѣ, на соборной колокольнѣ, имѣется одинъ колоколь, исписанный какими-то восточными письменами. По преданію, онъ взятъ изъ Буддійскаго храма, по другимъ рассказамъ его нашли лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ при разрытіи одного кургана въ Минусинскомъ селѣ.

Во время войны царя Алексѣя Михайловича съ Польшею, въ Сибирь было послано много плѣнныхъ поляковъ и литовцевъ, а съ ними отправлены и колокола. Нѣкоторые изъ плѣнныхъ колоколовъ привезены были даже въ Енисейскъ. Но война съ Польшею кончилась и вслѣдствіе Андрусовскихъ договоровъ, по царскому указу, плѣнники, одушевленные и неодушевленные, потянулись обратно въ свои прежнія мѣста. Впрочемъ, нѣтъ сомнѣній, что какъ многіе изъ литовцевъ и поляковъ добровольно остались въ Сибири и послѣ поступили то въ городовые, то въ линейные казаки, такъ и колокола, по крайней мѣрѣ нѣкоторые, не возвратились на родину²⁾.

«Ссылныхъ» колоколовъ, кромѣ извѣстнаго Углицкаго, что виситъ въ г. Тобольскѣ, существуетъ тоже нѣсколько; по большей части они присланы въ отдаленнѣйшіе монастыри благочестивыми, но гнѣвными царями.

Помимо Углицкаго колокола, въ Сибири извѣстны еще «царскіе колокола», жертвованные царственными особами. Такъ въ Сибирь къ разнымъ церквамъ прислано не мало колоколовъ Борисомъ Годуновымъ³⁾. Потомъ жертвовали къ сибирскимъ церквамъ и въ монастыри цари Алексѣй Михайловичъ, Феодоръ Алексѣевичъ и Петръ съ Иоанномъ. Изъ этихъ колоколовъ три въ 160, въ 130 и 40 пудовъ, литые первый въ 1682 году, а два послѣдніе въ 1678 г. и присланные въ 1680—1684 годахъ, по сіе время въ цѣлости существуютъ въ Тобольскѣ, на колокольнѣ Софійскаго собора. Былъ на этой колокольнѣ и 4-й царскій колоколь въ 110 пудовъ, пожертвованный къ собору царемъ Алексѣемъ

1) Колоколомъ полуделейнымъ называется такой, въ который благовѣстятъ въ большіе праздники. Слово «полуделей» греческое и означаетъ: многомлостивое.

2) См. «Истор. обзор. Сибири» Словцова, кн. 1, стр. 198.

3) См. Грамоты, помѣщенные въ Сибирской Исторіи Миллера.

Михайловичемъ въ 1651 году, но онъ растопился во время пожара, бывшаго въ 1688 году.

Кромѣ того, царскихъ колоколовъ сохраняется: одинъ въ Турханскомъ монастырѣ, въ 50 пудовъ, присланный Алексѣемъ Михайловичемъ въ 1660 году—и затѣмъ есть еще четыре колокола въ Кондинскомъ монастырѣ, присланные туда въ 1679 году царемъ Θεодоромъ.

«Золоченые» колокола имѣются, кажется, только въ городѣ Тарѣ, въ Сибири, при церкви Казанской Божіей Матери. Ихъ тамъ шесть; всѣ они небольшіе отъ 1 до 45 пудовъ. Вызолочены они тарскимъ мѣщаниномъ Семеномъ Можаниновымъ по слѣдующему случаю. Любимый братъ этого мѣщанина, бывъ по торговымъ дѣламъ въ степи, попался въ плѣнъ къ киргизамъ; братъ, узнавъ объ этомъ, далъ обѣтъ, что если плѣнникъ благополучно возвратится изъ плѣна, то онъ позолотитъ колокола. Братъ вернулся и горячность братской любви заставила выполнить данный обѣтъ. По другимъ рассказамъ, колокола позолотилъ Можаниновъ изъ любви къ церковному благолѣпію.

«Лыковые», какъ и карноухіе колокола, тоже принадлежатъ къ опальнымъ и ссыльнымъ. Лыковые колокола, это ранѣе разбитые и затѣмъ связанные лыкомъ. Одинъ изъ нихъ имѣется, какъ мнѣ передавалъ С. В. Максимовъ, въ одномъ изъ монастырей Костромской или Вятской губерній; онъ присланъ сюда изъ Москвы царемъ Іоанномъ Грознымъ.

Лучшіе колокольные заводы находятся въ Москвѣ, но есть также въ Костромѣ, Валдаѣ, Воронежѣ, Петербургѣ, на Уралѣ въ Тагилѣ и въ Сибири въ Енисейскѣ. Московскіе заводы на Балканѣ славятся около трехъ столѣтій; самые древніе изъ нихъ Самгина и Богданова; послѣдній замѣчательнѣе тѣмъ, что большая часть большихъ московскихъ колоколовъ отлиты на немъ. Древній Царь-колоколъ отлитъ тамъ же, мастеромъ Маторинымъ, отъ котораго заводъ перешелъ къ Слизову, отъ него къ Калинину, а отъ послѣдняго въ 1813 г. къ М. Г. Богданову, который отливалъ и поднималъ самъ на Ивановскую колокольную нынѣшней московской большой колоколъ въ четыре тысячи пудовъ. Московскіе заводы настолько хорошо дѣлаютъ колокола, что заказы получаютъ изъ самыхъ отдаленнѣйшихъ мѣстъ Сибири и заграницы. Мѣдъ для колоколовъ употребляется лучшаго качества, иногда старый колокольный ломъ. Для расплавки 100 пудовъ мѣди сжигается до трехъ сажень дровъ; для тысячи пудовъ не менѣе десяти сажень, для 10,000 пудовъ—до 30 сажень. Когда мѣдъ совершенно расплавится, къ ней прибавляютъ, минутъ за пять или за десять до отливки, известное количество олова, полагая его 22 фунта на каждые сто фунтовъ мѣди, тщательно размѣшивая мѣдъ. При отливкѣ нѣкоторые изъ присутствующихъ, благоговѣнно крестясь, бросаютъ въ растопленную массу серебро, принося этимъ посильную лепту; другіе же полагаютъ, что отъ этого звонъ будетъ чище.

Отливка колокола сопровождается на Руси особенною церемоніею. Хо-

заяинъ завода до начала литья приносить въ мастерскую икону, зажигаетъ передъ нею свѣчи и всѣ присутствующіе молятся. Хозяинъ самъ читаетъ вслухъ особую, соотвѣтственную случаю, молитву, а мастера и рабочіе ее повторяютъ. Послѣ этого всѣ двери затворяютъ и хозяинъ даетъ знакъ начинать дѣло. Нѣсколько рабочихъ проворно и ловко берутъ наперевѣсъ рычагъ и, раскачавъ его, пробиваютъ въ плавильной печи отверстіе пода, откуда тотчасъ же огненнымъ ключемъ вырывается расплавленная мѣдь. Въ это время нужны все искусство и ловкость рабочихъ для того, чтобы мѣдь лилась ровно, исподволь, по мѣрѣ ея вливанія въ форму, и не переполняла бы жолоба; въ противномъ случаѣ, она тотчасъ же выступаетъ изъ него и половина ея выльется на землю, а если ея не доставеть хоть на половину ушей колокола—вся работа пропадаетъ и колоколь надо вновь переливать. При литьѣ колоколовъ, обыкновенно, литейщики распускали какой нибудь самый нелѣпый слухъ.

На эти колокольные рассказы, извѣстные подъ именемъ «литье колоколовъ», не разъ полиція обращала вниманіе и брала съ заводчиковъ подписки и дѣлала имъ строгія внушенія. Но съ литьемъ колокола этотъ освященный вѣками обычай снова возставалъ въ самой нелѣпой формѣ. Такъ изъ такихъ, разблаговѣщенныхъ рассказовъ, въ Москвѣ обратилъ всеобщее вниманіе одинъ, о которомъ упоминаетъ А. П. Милюковъ въ своихъ воспоминаніяхъ. «Однажды на Покровкѣ вѣнчали свадьбу, и когда священникъ повелъ жениха и невѣсту вокругъ наоя, брачные вѣнцы сорвались у нихъ съ головы, вылетѣли изъ оконъ церковнаго купола и опустились подъ наружные кресты, утвержденные на главахъ церкви и колокольни. Слухъ этотъ настолько былъ силенъ въ Москвѣ, что къ церкви съѣзжались экипажи въ такомъ количествѣ, что проходъ не было—нѣжныя сердца къ этому добавляли, что женихъ и невѣста были родные братъ и сестра и что они этого не знали — и что только чудо не допустило до грѣховнаго брака».

Другой такой же дикій и нелѣпый слухъ, пущенный литейщиками, повѣствовалъ слѣдующее. Дѣло было зимою въ трескучіе морозы. Рассказывали, что генераль-губернаторъ наканунѣ большого праздника, кажется Николина дня, давалъ балъ, на который приглашено было полгорода. Домъ горѣлъ огнями. Всю ночь продолжались танцы и, вотъ, во время полного разгара удовольствій, при громѣ бальной музыки, раздался съ Ивановской колокольни первый ударъ благовѣста къ заутренѣ. При этомъ торжественномъ звукѣ люстры и канделябры въ губернаторскомъ залѣ въ одну секунду погасли, струны на инструментахъ лопнули, стекла изъ двойныхъ рамъ, звеня, попадали на улицу, и въ страшной темнотѣ волны морознаго воздуха хлынули на обнаженные шеи и плечи танцующихъ дамъ. Раздался крикъ ужаса. Испуганные гости бросились толпою къ дверямъ, но онѣ съ громомъ захлопнулись и никакія усилія не могли отворить ихъ до тѣхъ поръ, пока не кончился въ Кремлѣ бла-

говѣсть. Къ этому поэтическому разсказу добавляли, что въ большой залѣ найдено нѣсколько замерзшихъ и задавленныхъ и въ томъ числѣ самъ хозяинъ праздника.

По отливкѣ, колоколъ оставляется въ землѣ иногда нѣсколько дней, до тѣхъ поръ, пока совершенно остынетъ. Послѣ того, какъ колоколъ остынетъ, его отрываютъ осторожно, снимаютъ съ него, или лучше разбиваютъ, кожухъ и переносятъ въ точильню. Тамъ его обтачиваютъ точилами,—и вся работа колокольно-литейнаго дѣла кончена. Когда колоколъ совсѣмъ готовъ, призывается священникъ для «чина освященія кампана». Въ молитвѣ, читаемой при освященіи колоколовъ, церковь молить о ниспосланіи особенной благодати, вливающей въ кампанъ силу, «яко услышавше вѣрніи раби гласъ звука его — въ благочестіи и вѣрѣ укрѣплятся и мужественно всѣмъ дьявольскимъ навѣтамъ сопротиво станутъ... да утолятся же и утишатся и пристанутъ нападающія бури вѣтряныя, грады же и вихри и громы страшныя и молніи злорастворенія и вредныя воздухи гласомъ его» и проч.

Народная мудрость такъ охарактеризовала колоколъ въ старинной загадкѣ: «Выду я на гой, гой, гой, и ударю я гой, гой! Разбужу царя въ Москвѣ, короля въ Литвѣ, старца въ кельи, дитю въ колыбели, попа въ терему».

Главное достоинство колокола состоитъ въ томъ, чтобъ онъ былъ звонокъ и имѣлъ густой и сильный гулъ; послѣднее зависитъ отъ относительной толщины краевъ и всего тѣла. Если, напримѣръ, края слишкомъ тонки, то колоколъ выйдетъ звонокъ, но при лишней тонинѣ звукъ его будетъ дробиться; напротивъ, при лишней толщинѣ звукъ будетъ силенъ, но непродолжителенъ. Въ звукѣ колокола нужно различать три главныхъ отдѣльныхъ тона: первый звонъ есть главный, самый слышимый тонъ, происходящій тотчасъ же послѣ удара; если звонъ густъ, ровень, держится долго и не заглушается другими побочными тонами, то колоколъ отлить превосходно. Такой звонъ зависитъ отъ математически-правильной и соразмѣрной толщины всѣхъ частей колокола и происходитъ отъ дрожанія частицъ металла, главнѣйше, въ средней его трети. Второй — гулъ, который хотя происходитъ тотчасъ же за ударомъ, но явственно слышится спустя нѣсколько времени. Гулъ распространяется не такъ далеко какъ звонъ, но держится долѣе его въ воздухѣ, и чѣмъ онъ сильнѣе, тѣмъ колоколъ считается лучшимъ; гулъ происходитъ отъ дрожанія частицъ металла въ краяхъ колокола, или вѣрнѣе въ нижней его трети; оттого-то чѣмъ толще края его, тѣмъ гулъ сильнѣе, хотя отъ излишней толщины ихъ онъ разносится не такъ далеко. Третій тонъ есть тотъ, когда колоколъ не звонитъ, не гудитъ, а звенитъ. Это звененіе происходитъ отъ дрожанія частицъ металла въ верхней трети колокола; звукъ этотъ довольно непрятенъ; онъ тѣмъ слышнѣе, чѣмъ толще дно и верхняя треть колокола и чѣмъ массивнѣе его упи. Въ не-

большихъ колоколахъ звукъ сливается съ звономъ и потому едва слышенъ и то вблизи, но въ большихъ онъ довольно слышенъ и пронзительно; такъ, напримѣръ, въ московскомъ большомъ колоколѣ въ тихую погоду онъ слышенъ версты за двѣ и не заглушается звономъ всѣхъ окружающихъ колоколовъ. Для устраненія или, по крайней мѣрѣ, для уменьшенія его, верхнюю треть колокола и дно его стараются дѣлать какъ можно тоньше, обыкновенно вдвое или втрое тоньше краевъ. Если размѣры колокола правильны и пропорція мѣди и олова математически точна, тогда звукъ колокола, происходящій отъ сочетанія трехъ главныхъ тоновъ, достигаетъ необыкновенной чистоты и глѣбучести. Такіе колокола весьма рѣдки. Изъ нихъ по красотѣ звука извѣстны только два знаменитые колокола, — это воскресный Симоновскій въ Москвѣ и большой Саввино-Сторожевскій въ Звенигородѣ. Въ Симоновскомъ колоколѣ 1,000 пудовъ, — литье его «мастеръ Харитонка Ивановъ, сынъ Поповъ, съ товарищемъ Петромъ Харитоновымъ, сыномъ Дурасовымъ, въ лѣто отъ созданія міра 7186, а отъ Рождества Бога Слова 1677, мѣсяца сентября 30-го дня при державѣ благочестиваго великаго государя царя и великаго князя Ѳеодора Алексѣевича». «Сліяся же сей колоколъ, какъ гласитъ на немъ надпись, во хвалу и во славу Бога всемогуща во единомъ существѣ въ трехъ лицахъ суца, и въ честь родившія воплощенно Слово; сей колоколъ состроенъ на Симоновѣ, въ обитель Успенія Божія Матери, да гласомъ созываетъ во храмъ его вѣрныхъ, хвалу Ему о благахъ всяческихъ даяти, и о нуждахъ молитвы теплы проливати».

Знаменитый колоколъ Саввино-Сторожевскаго монастыря вѣситъ 2,425 пуд. и 30 фунт.—отлитъ мастеромъ Григорьевымъ въ 1667 году, сентября 15-го дня. Кромѣ превосходнаго звука, онъ замѣчательнъ и по двумъ надписямъ, изъ которыхъ верхняя состоитъ изъ шести строкъ, окружающихъ колоколъ и отлитыхъ стариннымъ русскимъ письмомъ, ясно сохранившимся и до сихъ поръ. Въ ней упомянуты всѣ особы царскаго семейства съ полнымъ ихъ титуломъ и вселенскіе патріархи: Александрійскій, Антиохійскій и Московскій.

Другая же, нижняя надпись, окружающая колоколъ тремя строками, состоитъ изъ криптографическаго или тайнаго письма, употреблявшагося у насъ въ XVII столѣтіи иногда въ дипломатическихъ перепискахъ, а иногда для записыванія болѣе или менѣе важныхъ предметовъ, которые хотѣли скрыть отъ современниковъ и сохранить для потомства. Въ письмѣ этомъ съ перваго взгляда буквы кажутся славянскими, но, между тѣмъ, каждая изъ нихъ до того измѣнена какою нибудь чертою, точками или другими знаками, что дѣлается совершенно непонятною; въ этихъ чисто русскихъ іероглифахъ значеніе имѣютъ особенныя титла.

Криптографическая надпись съ этого колокола въ первый разъ была списана историкомъ Миллеромъ и напечатана бібліотекаремъ Академіи Наукъ Бакмейстеромъ, но оставалась неразобранною до 1822 года. Ра-

зобрали надпись археологи Скуридинъ и А. П. Ермолаевъ, — вотъ подлинная эта надпись:

P RUDOUXIBVZBPDAITYPKP8IFBZPOMD4GPK8APOPPXLMDF8.
 ѿ *ис* *бо* *л* *к* *и* *с* *м* *ь* | *п* *р* *с* *б* *л* *а* *г* *а* *г* *о* | *п* *о* *р* *о* *ц* *у* *с* *д* *р* *а* *г* *о* *с* *а* | *н* *а* *ш* *е* *г* *о* |
 M RRYTYRQIIMSIPIQSAIIMSSBYTYPTQITITPIIYIISYIS
 ѿ *и* *а* *с* *т* *у* *п* *н* *и* *с* *к* *и* | *м* *л* *о* *с* *т* *в* *л* *а* | *а* *с* *т* *у* *п* *н* *и* *ц* *у* | *п* *р* *с* *в* *ѣ* *т* *в* *л* *а* |
 HXKVIYIPIQIIMSIPIQSAIIMSSBYTYPTQITITPIIYIISYIS
в *л* *о* *д* *у* *ц* *у* *в* | *н* *а* *ш* *е* *л* *а* | *б* *о* *г* *о* *р* *о* *д* *у* *ц* *у* *в* *л* *а* | *ѿ* *и* *а* *с* *т* *у* *п* *н* *и* *ц* *у* *в* *л* *а* |
 PRTYRQIIMSIPIQSAIIMSSBYTYPTQITITPIIYIISYIS
ц *у* *а* *н* *а* *ш* *е* *л* *а* | *ѿ* *и* *а* *с* *т* *у* *п* *н* *и* *ц* *у* *в* *л* *а* | *ѿ* *и* *а* *с* *т* *у* *п* *н* *и* *ц* *у* *в* *л* *а* | *ѿ* *и* *а* *с* *т* *у* *п* *н* *и* *ц* *у* *в* *л* *а* |
 YRQIIMSIPIQSAIIMSSBYTYPTQITITPIIYIISYIS
с *а* *б* *ѣ* *т* *у* *д* *о* *т* *в* *о* *т* *в* *о* *р* *о* *д* *у* *ц* *у* *в* *л* *а* | *ѿ* *и* *а* *с* *т* *у* *п* *н* *и* *ц* *у* *в* *л* *а* | *ѿ* *и* *а* *с* *т* *у* *п* *н* *и* *ц* *у* *в* *л* *а* |
 ZRQIIMSIPIQSAIIMSSBYTYPTQITITPIIYIISYIS
х *р* *и* *с* *т* *о* *в* *л* *а* | *ѿ* *и* *а* *с* *т* *у* *п* *н* *и* *ц* *у* *в* *л* *а* | *ѿ* *и* *а* *с* *т* *у* *п* *н* *и* *ц* *у* *в* *л* *а* | *ѿ* *и* *а* *с* *т* *у* *п* *н* *и* *ц* *у* *в* *л* *а* |
 LAETIIMSIPIQSAIIMSSBYTYPTQITITPIIYIISYIS
с *о* *л* *о* *м* *а* *н* *и* *е* | *ѿ* *и* *а* *с* *т* *у* *п* *н* *и* *ц* *у* *в* *л* *а* | *ѿ* *и* *а* *с* *т* *у* *п* *н* *и* *ц* *у* *в* *л* *а* | *ѿ* *и* *а* *с* *т* *у* *п* *н* *и* *ц* *у* *в* *л* *а* |
 QYRQIIMSIPIQSAIIMSSBYTYPTQITITPIIYIISYIS
б *о* *г* *о* *р* *о* *д* *у* *ц* *у* *в* *л* *а* | *ѿ* *и* *а* *с* *т* *у* *п* *н* *и* *ц* *у* *в* *л* *а* | *ѿ* *и* *а* *с* *т* *у* *п* *н* *и* *ц* *у* *в* *л* *а* | *ѿ* *и* *а* *с* *т* *у* *п* *н* *и* *ц* *у* *в* *л* *а* |
 RZPIIIMSIPIQSAIIMSSBYTYPTQITITPIIYIISYIS
а *ѿ* *и* *а* *с* *т* *у* *п* *н* *и* *ц* *у* *в* *л* *а* | *ѿ* *и* *а* *с* *т* *у* *п* *н* *и* *ц* *у* *в* *л* *а* | *ѿ* *и* *а* *с* *т* *у* *п* *н* *и* *ц* *у* *в* *л* *а* | *ѿ* *и* *а* *с* *т* *у* *п* *н* *и* *ц* *у* *в* *л* *а* |
 RYIIMSIPIQSAIIMSSBYTYPTQITITPIIYIISYIS
р *о* *д* *у* *ц* *у* *в* *л* *а* | *ѿ* *и* *а* *с* *т* *у* *п* *н* *и* *ц* *у* *в* *л* *а* | *ѿ* *и* *а* *с* *т* *у* *п* *н* *и* *ц* *у* *в* *л* *а* | *ѿ* *и* *а* *с* *т* *у* *п* *н* *и* *ц* *у* *в* *л* *а* |

Есть предположеніе, что эту надпись утвердилъ самъ царь; литейщикъ не посмѣлъ бы составить такую надпись изъ неизвѣстныхъ знаковъ, которые тогда могли бы истолковать «за чародѣйство». Колоколь слитъ на средства самого царя, и государь изъ набожности не желалъ, чтобы это было извѣстно современникамъ при его жизни.

Искусство звонить въ колокола зависитъ отъ большого навыка; звонятъ въ нихъ на два манера: раскачиваютъ или языкъ, или самый колоколь; послѣдній способъ употребителенъ только на Западѣ, но нѣкогда онъ существовалъ и у насъ, какъ существуетъ еще въ нѣкоторыхъ польскихъ костелахъ, на примѣръ, въ Кіевѣ. Звонъ съ раскачиваніемъ самого колокола гораздо гармоничнѣе и пріятнѣе. Отъ сильнаго и частаго звона звонари нерѣдко глохнуть, но, чтобы сберечь слухъ, многіе изъ нихъ кладутъ въ уши крутлыя ягоды, на примѣръ, рябины, калины и клюквы; другіе затыкаютъ уши просто ватой. Въ женскихъ обителяхъ, женщины звонарихи звонятъ съ открытымъ ртомъ. Нигдѣ нѣтъ такого большого звона, какъ въ Россіи; впрочемъ, и въ Англіи извѣстны хорошіе зво-

нари. У насъ хорошій звонъ зависитъ отъ искуснаго перебора шести, семи, а иногда девяти и даже тринадцати колоколовъ, съ соблюденіемъ довольно ровнаго такта, зависящаго отъ болѣе или менѣе частыхъ ударовъ въ большой колоколъ. Въ этой колокольной музыкѣ нѣтъ ни духовныхъ гимновъ, ни молитвъ; а между прочимъ, было время, когда у насъ въ нѣкоторыхъ церквахъ звонили по нотамъ, выражая, напримѣръ, «Господи помилуй», «Святый Боже» и проч.; объ этомъ говорятъ изустныя преданія стариковъ-старожиловъ. Отецъ Аристархъ Израилевъ, протоіерей въ Рождественскомъ монастырѣ въ гор. Ростовѣ, описалъ замѣчательнѣйшіе и оригинальнѣйшіе звоны ростовскіе, носящіе имена: Сусоевскаго, Акимовскаго, Егорьевскаго и двухъ будничныхъ. Онъ опредѣлилъ ихъ научнымъ образомъ и положилъ на ноты.—Подробныя свѣдѣнія объ акустическихъ работахъ о. Израилева напечатаны въ трудахъ отдѣленія физическихъ наукъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, т. I отд. 2.

Царь Феодоръ Алексѣевичъ любилъ звонить въ колокола. Великій Суворовъ, живя въ своей деревнѣ, тоже забирался на колокольную и перезванивалъ на удивленіе духовныхъ лицъ и прихожанъ своего села Кончанскаго. Современная Англія по искусству звонить не имѣетъ соперниковъ во всемъ свѣтѣ. Тамъ издавна существуютъ, такъ называемыя, общества любителей колоколовъ; древнѣйшее и замѣчательнѣйшее изъ этихъ обществъ — Кумберландское въ Норвичѣ, гдѣ звонарное искусство доведено до величайшаго совершенства. Кромѣ Норвичскаго общества, въ Англіи не менѣе замѣчательны «клубъ звонарей», въ Лондонѣ, который также задаетъ задачи колокольной музыки, выдаетъ за нихъ иногда огромныя преміи. Затѣмъ и другіе города, какъ, напримѣръ, Вестмерландъ, Кембриджъ, Оксфордъ, Бирмингамъ и другіе имѣютъ также звонарей-артистовъ, нерѣдко дающихъ колокольные концерты, состоящіе не въ томъ, чтобы выполнить какую нибудь ораторію, а просто, чтобы прозвонить на пяти, шести, или болѣе колоколахъ всевозможныя сочетанія ударовъ, которыя только можно получить при извѣстномъ числѣ колоколовъ. Такъ, напримѣръ, въ 1796 году, члены клуба звонарей въ Вестмерландѣ собрались на колокольную церкви св. Маріи, въ Кондолѣ, звонили три часа и двадцать минутъ и сдѣлали въ это время на семи колоколахъ всѣ возможные сочетанія числа семи, т. е. 5040 ударовъ, нисколько притомъ не отставая отъ хронометра. Въ Бирмингамѣ подобный концертъ продолжался восемь часовъ и 15 минутъ и въ это время сдѣлано было съ такою же хронометрическою точностію 14,224 удара¹⁾.

Колокола на Западѣ издревле пользовались большимъ уваженіемъ. У католиковъ существовалъ даже обрядъ крещенія колоколовъ, причемъ были воспріемникъ и воспріемница, и колоколу, какъ новорожденному, давалось имя.

¹⁾ См. «Московскія Вѣдомости», 1850 г., стр. 580.

Церковные колокола, по указу французскаго короля Генриха IV, запрещено было покупать, но дозволялось приобретать ихъ въ видѣ мѣны. Размѣръ колоколовъ также подвергался цензурѣ. Такъ, напримѣръ, монастырямъ строго запрещалось имѣть такіе колокола, которые бы заглушали приходскіе. Иностранные колокола часто украшались надписями, въ которыхъ по большей части колоколъ говорить о себѣ. Слогъ надписей всегда кратокъ и важенъ. Такъ, напримѣръ, на Шернборнскомъ колоколѣ въ Англіи, подаренномъ городу кардиналомъ Вольсеемъ, надпись гласитъ слѣдующее: «Даръ Вольсеевъ» — «я измѣряю время для всѣхъ и призываю людей къ веселью, печали и въ храмъ». Надпись на Шафтаузенскомъ большомъ колоколѣ: «Vivos voco, mortuos plango, fulfura frango», т. е. «живыхъ призываю, объ умершихъ плачу, молнію сокрушаю». Эта надпись такъ понравилась Шиллеру, что онъ взялъ ее въ эпиграфъ своей «Пѣсни о колоколѣ». На большомъ Парижскомъ колоколѣ при церкви Notre Dame de Paris выбита надпись слѣдующаго содержания: «Славлю истиннаго Бога, сзываю народъ, собираю клиръ церковный, оплакиваю усопшихъ, прогоняю заразу, украшаю празднества»; внизу выбита другая: «1683 года Флорентинъ де Гей... градоначальникъ Парижскій вылилъ меня». Самымъ большимъ колоколомъ въ Западной Европѣ считается соборный въ Руанѣ, вѣсомъ въ 900 пудовъ. За нимъ слѣдуетъ вѣнскій, въ церкви св. Стефана, отлитый въ 1711 году императоромъ Иосифомъ изъ пупекъ, взятыхъ у турокъ въ 1683 году, при осадѣ Вѣны; вѣсъ его 885 пудовъ, въ языкѣ 33 пуда, раскачиваютъ его 12 человекъ. Въ первый разъ онъ зазвонилъ въ 1712 году, при торжественномъ въѣздѣ императора Карла VI въ Вѣну. Послѣ него, берлинскій, отлитый въ 1497 г., названный при крещеніи Maria Gloriosa (Славная Марія); вѣсъ въ немъ 690 пудовъ, на колоколѣ надпись: «славною хвалою воспѣваю святыхъ и укрощаю молнію и злыхъ демоновъ, созывая звукомъ народъ во храмъ для священнаго пѣснопѣнія. Герардъ Иванъ Кампейскій отлилъ меня въ лѣто отъ воплощенія Господня въ 1497 году». Но замѣчательный изъ всѣхъ по звуку, это эрфуртскій. Затѣмъ идутъ колокола страбургскій и бреславскій; въ первомъ вѣсу 20,400 фунтовъ, во второмъ 500 пудовъ. По величинѣ славятся колокола китайскіе и японскіе, весьма древніе. Въ Міако, возлѣ главнаго храма Будды, виситъ огромный мѣдный колоколъ, который вѣситъ 5,000 пудовъ; въ Пекинѣ колокола въ три и четыре тысячи пудовъ не рѣдкость. Но самый большой колоколъ въ свѣтѣ это нашъ московскій Царь-колоколъ.

Въ половинѣ XVI вѣка, на мѣстѣ колокольной Ивана Великаго стояла церковь Іоанна Лѣствичника и при ней висѣлъ небольшой Царь-колоколъ¹⁾, вѣсомъ въ тысячу пудовъ, слитый во времена опричины Іоан-

¹⁾ Впослѣдствіи этотъ колоколъ былъ перелить съ добавленіемъ еще мѣди и повѣшенъ на пристройкѣ къ Ивану Великому—наванъ онъ былъ «праздничнымъ»; въ него ударяли три раза съ большою разстановкою по смерти царя, или кого нибудь изъ его семьи, а также по смерти патріарха.

номъ Грознымъ. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, въ 1654 году, на мѣсто его былъ слитъ другой уже гораздо большій колоколь, вѣсомъ въ 8,000 пудовъ. Преданіе говоритъ, что такъ какъ никто не брался поднять его, то онъ оставался безъ употребленія до 1668 года, когда уже рѣшился поднять его механикъ-самоучка — царскій привратникъ. Колоколь этотъ висѣлъ подлѣ Ивановской колокольной, но въ пожаръ 1704 года, іюня 19-го, отъ жару или пролившейся на него воды, онъ треснулъ. Въ 1731 году его сняли, а въ 1734 году, по повелѣнію Анны Іоанновны, приказано было къ нему прибавить еще тысячу пудовъ вѣсу, при чемъ предполагали придѣлать къ Ивану Великому особую небольшую колокольную для этой громады. Графу Миниху, сыну фельдмаршала, императрица поручила снестись съ славнымъ тогда золотыхъ дѣлъ мастеромъ и членомъ Парижской Академіи Наукъ Жерменю. Минихъ пишетъ въ своихъ запискахъ: «Сей художникъ удивился, когда я объявилъ ему о вѣсѣ колокола, и сначала думалъ, что я шутилъ, но, увѣрившись въ истинѣ предложенія, составилъ планъ, гдѣ до того увеличилъ трудность работъ и стоимость ихъ, что императрица отказалась отъ его плановъ». Артиллеріи колокольныхъ дѣлъ мастеръ Иванъ Ѳедоровъ Маторинъ взялся за работу и не подумалъ испугаться, когда колоколь опредѣлено было вылить въ 12,000 пудовъ. Устроили въ Кремлѣ литейную яму, между Чудовымъ монастыремъ и Иваномъ Великимъ, и Маторинъ принялся за дѣло. Ему отпустили 14,124 пуда и 29 фунтовъ мѣди, считая съ старымъ колоколомъ, и тысячу пудовъ олова. Работа оказалась сначала неудачна. По перевѣсу, послѣ того, металла принято 14,814 пудовъ 21 фунтъ; олова отпустили еще 498 пудовъ 6 фунтовъ, что все вмѣстѣ составило 15,312 пудовъ 24 фунта. Мѣдь, прибавленная къ старому колоколу, привезена изъ сибирскихъ заводовъ; въ ней оказалось серебро и золото, оттого колоколь и отличается бѣловатымъ цвѣтомъ; по испытаніямъ, дѣланнымъ въ 1832 году, въ немъ нашли: на одинъ пудъ мѣди $1^{35}/_{96}$ золотника золота и $31^{3}/_{96}$ золотника серебра. По другимъ изслѣдованіямъ, содержаніе золота и серебра въ колоколѣ втрое противъ показаннаго количества.

Въ остаткѣ послѣ вторичной, уже счастливой, отливки, оказалось металла 2,985 пудовъ 8 фунтовъ; слѣдовательно, вылитый колоколь вѣсилъ 12,327 пудовъ 19 фунтовъ ¹⁾. Его подняли надъ ямою и повѣсили на особыхъ подмычкахъ. Страшный пожаръ въ 1737 году, въ Троицынъ день, начавшійся отъ забытой копѣчной свѣчки, зажженной предъ образомъ женкою Марьею Михайловою, въ домѣ отставнаго прапорщика Александра Милославскаго, опустошилъ Москву и Кремль. Колоколь упалъ

¹⁾ Для отливки этого колокола употреблено было одного кирпича 1.214,000! Изъ этого числа на одну печь пошло 330,000, на основаніе и подъ лицо 300,000 и на утрамбовку внутри болвана и снаружи кожа 250,000!..

съ обгорѣвшихъ брусевъ въ ту яму, гдѣ лили его, и при паденіи ли вышибленъ былъ изъ него край отъ удара, или оттого, что, желая потушить огонь въ ямѣ, лили въ нее воду, онъ треснулъ, и изъ него вывалился большой кусокъ; такимъ образомъ къ употребленію онъ уже не годился.

Императрица Елисавета Петровна хотѣла опять перелить его. Смѣта, ей представленная, въ 107,492 руб. 47³/₄ к. (прежнее отлитіе, кромѣ металла, стало 62,008 руб. 9 к.) показалась ей слишкомъ большою и исполнѣнъ остался въ своей ямѣ. Много было потомъ относительно его проектовъ: въ 1770 г. архитекторъ Форстенбергъ брался припаять къ нему отшибленный край; въ 1797 г. поручили механику Гирту составить планъ вынутія колокола изъ ямы; въ 1819 г. генералъ Бетанкуръ поручалъ архитектору Монферану осмотрѣть и описать его; потомъ велѣно было осмотрѣть его инженерному генералу Фабру. Императоръ Николай I, узнавъ о новоизобрѣтенномъ способѣ починки колоколовъ, предполагалъ вынуть колоколъ, починить его, построить для него особую колокольню и повѣсить его на ней. Но громадныя размѣры колокола заставили отложить такое намѣреніе. Между тѣмъ, онъ безобразилъ Кремлевскую площадь своею обширною ямою. Царь-колоколъ лежалъ въ глубокой ямѣ напротивъ Чудова монастыря, надъ ямою былъ насланъ деревянный помостъ съ подъемной дверью, отъ которой ключи хранились у звонарей Ивановской колокольни. Любопытныя спускались смотрѣть колоколъ въ подземелье по крутой деревянной лѣстницѣ, вслѣдъ за проводникомъ, который шелъ впередъ съ зажженнымъ фонаремъ. Въ 1836 году, велѣно было вынуть колоколъ и поставить на гранитномъ пьедесталѣ подлѣ колокольни Ивана Великаго. Монферанъ приступилъ къ этой работѣ и послѣ одного неудачнаго опыта, 23-го іюля, въ 43 минуты, двадцатью вѣрами, колоколъ былъ поднятъ изъ ямы, а 26-го передвинуть на пьедесталъ, гдѣ онъ и теперь находится. Наверху его утвердили позолоченное яблоко съ крестомъ, а внизу, на мраморной доскѣ, надпись золотомъ: «колоколъ сей вылитъ въ 1733 году, повелѣніемъ государыни императрицы Анны Іоанновны, пребывавъ въ землѣ сто и три года и волею благочестивѣйшаго государя императора Николая I поставленъ лѣта 1836, августа въ 4-й день».

Надпись на пьедесталѣ сочинена архитекторомъ Монфераномъ, и въ ней сдѣланы двѣ существенныя ошибки. Первое—колоколъ вылитъ не въ 1733 году—указъ сенату о литьѣ его послѣдовалъ 26-го іюля 1730 года. Въ январѣ 1734 года, сенатская контора доносила, что болванъ и кожухъ колокола окончены и испрашивали позволенія обжигать и приступать къ литью; слѣдовательно, онъ вылитъ въ 1734 г., но первая его отливка была неудачна и его отлили вторично уже въ 1735 году. Затѣмъ: колоколъ пробылъ въ землѣ не сто три года. Пожаръ Москов-

скій происходилъ въ 1737 году, когда Царь-колоколъ упалъ, а вынули его въ 1836 году, слѣдовательно онъ пробылъ въ землѣ 99 лѣтъ.

На Царь-колоколѣ находятся двѣ надписи; до настоящаго времени, въ первой изъ нихъ явственно сохранилось только нѣсколько словъ, а въ другой — ни одного; вѣрный печатный списокъ съ этихъ надписей помѣщенъ въ «Горномъ Журналѣ», 1833 г., т. I. Вотъ эти надписи: первая: «Блаженные и вѣчностойныя памяти великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца повелѣніемъ, въ первособорной церкви Пресвятыя Богородицы честнаго и славнаго Ея Успенія, слить былъ великій колоколъ, осемь тысячъ пудъ мѣди въ себѣ содержащій, въ лѣто отъ созданія міра 7162, съ Рождества же по плоти Бога Слова 1654; изъ мѣди сего благовѣстити начали въ лѣто мірозданія 7176, Христова же Рождества 1668 и благовѣстити до лѣта мірозданія 7208, Рождества же Господня 1704 года, въ которое мѣсяца іюня 19-го дня, отъ великаго въ Кремлѣ бывшаго пожара, поврежденъ; до 7239 лѣта отъ начала міра и Христа, въ мірѣ Рождества, прибывъ безгласенъ». Вторая надпись: «Благочестивѣйшія и Самодержавнѣйшія Великія Государыни Императрицы Анны Іоанновны, Самодержицы всея Россіи повелѣніемъ во славу Бога въ Троицѣ славимаго въ честь Пресвятыя Богоматери, въ первособорной церкви славнаго Ея Успенія, отлить колоколъ изъ мѣди прежняго осемь тысячъ колокола пожаромъ поврежденнаго съ прибавленіемъ матеріи двухъ тысячъ пудъ, отъ созданія міра въ 7242, отъ Рождества же во плоти Бога Слова 1734, благополучнаго ея величества царствованіе въ четвертое лѣто».

Колоколъ украшенъ наверху изображеніями — московскихъ чудотворцевъ, а по срединѣ — особъ императорской фамиліи; изъ нихъ императрица Анна Іоанновна изображена во весь ростъ; но ясно вышли только голова и корона. Вышина колокола съ пьедесталомъ 34 фута; вышина самаго колокола 20 футовъ 7 дюймовъ; ширина въ отверстіи 22 фута 8 дюймовъ. Форма колокола очень красивая; отшибленный край лежитъ подлѣ пьедестала ¹⁾.

Самый большой колоколъ въ Москвѣ на колокольнѣ Ивана Великаго, называемый «Успенскій или праздничный», ударомъ въ который дается начало торжественному звону всѣхъ Московскихъ церквей въ великую ночь передъ Пасхой. Вѣсомъ колоколъ четыре тысячи пудовъ — онъ перелить въ 1819 году изъ стараго, упавшаго въ 1812 году, при взрывѣ Кремля французами. До переливки онъ вѣсилъ 3,355 пуд. 4 фунта. Ста-

¹⁾ Извѣстный знатокъ колоколовъ, протоіерей Израилевъ, какъ мы слышали, считаетъ возможнымъ перелить Царь-колоколъ, дать ему гармоническій тонъ и поднять на колокольню. На это, какъ онъ предполагаетъ, надо будетъ затратить не менѣе 50,000 рублей. За послѣднее время было въ газетахъ напечатано нѣсколько проектовъ починки Царя-колокола.

рый былъ отлитъ въ 1760 году мастеромъ Слизовымъ по приказу императрицы и, какъ говоритъ преданіе, былъ много лучше новаго. На колоколѣ изображены: Спаситель, Богородица, Іоаннъ Предтеча, Успеніе Богоматери и Петръ и Алексѣй, митрополиты московскіе; а подь святыми изображеніе императора Александра I-го и всей августѣйшей фамиліи. На старомъ же колоколѣ были изображены тѣ же святые—съ портретами Петра I, Екатерины I, Елисаветы, Петра III, Екатерины II и Павла I.

При подъемѣ этого колокола случилась слѣдующая исторія, надѣлавшая въ то время много шуму въ Москвѣ. Еще до подъема, митрополиту Серафиму донесли, что построенная мастеромъ Богдановымъ каланча для подъема на колокольню Ивана Великаго большого отлитаго имъ колокола, крайне непрочна, да и брусья на колокольнѣ не надежны. Слухи эти настолько были распространены въ народѣ, что митрополитъ просилъ военнаго генераль-губернатора назначить архитектора для освидѣтельствванія каланчи и колокольни. Назначенные губернаторомъ, графомъ А. П. Тормасовымъ, чиновники подтвердили эти слухи, найдя постройку каланчи и брусевъ ненадежною. Но Богдановъ стоялъ на своемъ и ручался за прочность. Такая увѣренность Богданова расположила митрополита въ его пользу и преосвященный далъ ему позволеніе поднять колоколъ. Въ назначенный для подъема день митрополитъ Серафимъ пріѣхалъ въ Успенскій соборъ. Площадь была покрыта несмѣтнымъ количествомъ зрителей. Вдругъ митрополиту докладываютъ, что Богдановъ сидитъ на крыльцѣ и горько плачетъ. Вѣсть эта Серафима крайне встревожила; ему показалось, что Богдановъ отчаявается въ успѣхѣ; онъ приказываетъ позвать подрядчика и узнаетъ отъ него, что тотъ плакалъ потому, что ему мѣшаютъ. Преосвященный, успокоивъ Богданова, идетъ и освящаетъ колоколъ по церковному чиноположенію и затѣмъ благословляетъ поднимать его, колоколъ пошелъ очень ходко и ровно вверхъ и уже былъ на половинѣ высоты, какъ вдругъ раздаются со всѣхъ концовъ крики: «Иванъ Великій шатается, каланча падаетъ!» Къ этимъ крикамъ присоединяются еще крики женщинъ и дѣтей, кинувшихся бѣжать, — паника и тѣснота сдѣлались ужасныя! Оберъ-полиціймейстеръ, А. С. Шульгинъ, не потерявъ присутствіе духа и бросился въ толпу, увѣряя, что это выдумки мошенниковъ. Народъ, видя, что каланча не упала и Иванъ Великій стоитъ, понемногу пришелъ въ порядокъ. Богдановъ во время этой суматохи не растерялся и, какъ и прежде, стойко управлялъ дѣйствіями многихъ вѣровъ, посредствомъ колокольчика и палочки съ навязаннымъ на ней платкомъ и все время умѣлъ удерживать работниковъ на своихъ мѣстахъ и своєю расторопностію отвратилъ большую бѣду. Но такъ какъ полиціи на площади оказалось немного и боялись, чтобы карманные мошенники опять не произвели безпорядка, то преосвященный и распорядился приостановить поднятіе колокола и объявить народу, что онъ будетъ поднять завтра. Послѣ этого толпы на-

рода стали расходиться; и когда народу на площади осталось немного, то Богдановъ скомандовалъ рабочимъ продолжать поднятіе, и черезъ нѣсколько минутъ колоколъ былъ поднятъ на колокольную благополучно. Въ день поднятія колокола, Михаилъ Гавриловичъ Богдановъ былъ приглашенъ къ столу митрополита. За обѣдомъ Серафимъ спросилъ Богданова:

— Ну! еслибъ я не согласился позволить тебѣ поднять колоколъ и послать бы бумагу спросить объ этомъ въ Петербургъ, что бы ты сдѣлалъ?

— Я уже рѣшился, отвѣчалъ Богдановъ, — я бы ночью привезъ колоколъ и поднятъ его потихоньку своими работниками.

Разсказываютъ, что нѣсколько минутъ до поднятія колокола, извѣстный тогда иностранецъ архитекторъ, изъ сожалѣнія къ Богданову, упрасивалъ его бросить это дѣло, доказывая ему невозможность поднять такую тяжесть, но Богдановъ ему отвѣчалъ: «Приходи завтра звонить въ колоколъ».

Въ такъ называемой Филаретовой пристройкѣ находятся еще три замѣчательныхъ историческихъ колокола; всѣхъ же колоколовъ на этой колокольнѣ двадцать девять. Самый большой изъ трехъ колоколовъ это «Реутъ» или «поліелейный», какъ онъ названъ по указу 1689 года патріарха Іоакима. На немъ слѣдующая надпись: «Божіею милостію повеленіемъ великаго государя, царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича, всея Россіи Самодержца, и по благословенію по плотскому рожденію отца его государева, а по духовному чину отца и богомольца, великаго господина и святѣйшаго патріарха Филарета Никитича, московскаго и всея Россіи, слить сей колоколъ въ соборной церкви Успенія Пречистыя Богородицы и великихъ чудотворцевъ Петра, Іоны, лѣта 7130 (1622), дѣлалъ колоколъ пушечный мастеръ Андрей Чеховъ».

Въ этомъ колоколѣ, какъ полагаютъ, до 2,000 пудовъ. «Реутъ» замѣчателенъ тѣмъ, что при взрывѣ Кремля въ 1812 году, у него только отбило уши, которыя впоследствии очень искусно вдѣлали; колоколъ отъ этого не измѣнился въ тонѣ. Этотъ колоколъ замѣчателенъ еще тѣмъ, что во время звона въ него къ присягѣ императора Александра II онъ упалъ въ самый низъ, причемъ пробилъ три каменныхъ свода, два деревянныхъ пола и чугунную лѣстницу. Колоколъ не повредился—только пострадали уши. Теперь въ него не звонятъ: боятся за вдѣланные дважды уши.

«Вседневный» названъ такъ тѣмъ же патріархомъ Іоакимомъ въ 1689 году; слить онъ первоначально въ 1652 году мастеромъ Емельяномъ Даниловымъ и имѣлъ вѣсу 998 пудовъ 30 фунтовъ; но такъ какъ онъ оказался впоследствии треснувшимъ, то императрица Екатерина II приказала въ 1782 году перелить его мастеру Якову Завьялову. Теперь онъ, какъ свидѣтельствуется на немъ надпись, вѣситъ 1,017 пудовъ 14 фунтовъ.

«Воскресный» или «семисотенный» отлитъ въ 1704 году Иваномъ Маторинымъ; вѣсъ его 798 пудовъ.

Изъ замѣчательныхъ другихъ колоколовъ въ нижнемъ ярусѣ висятъ: перелитый въ 1775 году изъ древняго новгородскаго (1501 г.) «Медвѣдь»; вѣсъ его 450 пудовъ. Другой колоколъ носить названіе «Лебедь», вѣсомъ 475 пудовъ, отлитъ въ Москвѣ въ 1532 году; онъ перелитъ въ 1775 году съ сохраненіемъ прежняго вѣса и формы. Кромѣ надписи, на немъ видны иностранныя слова: «Nikiwas obracet, 537 г.».

Затѣмъ изъ историческихъ колоколовъ есть еще одинъ, подъ названіемъ «Новгородскій». Надпись на немъ слѣдующая: «Лѣта 7064 (1556) мѣсяца сентембрія 8-го дня на честное Рождество Пресвятыя Богородицы, въ царство Ивана Васильевича, при паствѣ митрополита Макарія всея Россіи, повелѣніемъ преосвященнаго Пимена архіепископа Новгорода и Пскова, а мастера Михайлова слить бысть сей колоколъ въ богоспасаемый великій Новгородъ ко святой соборной церкви Софіи Премудрости Божія». На этомъ колоколѣ наверху находится и другая надпись, изъ которой видно, что онъ перелитъ въ 1730 году и вѣсу въ немъ 420 пудовъ.

Полагали одно время, что этотъ колоколъ и есть знаменитый «Вѣчевой» новгородскій, но это невѣрно; послѣдній, какъ мы выше уже говорили, поступилъ на переливку для «набатнаго» московскаго колокола.

«Широкій» слить въ 1679 году, вѣсу въ немъ 300 пудовъ. Затѣмъ въ этомъ же ярусѣ помѣщаются колокола: «Слободскій» въ 309 пудовъ, перелитый въ 1614 году изъ стараго «Слободскаго»; далѣе «Ростовскій»; изъ надписи на немъ видно, что они литы въ 1687 году въ Бѣлогостинный монастырь находившимся въ ростовской епархіи мастеромъ Филиппомъ Андреевымъ.

Въ среднемъ ярусѣ изъ старинныхъ колоколовъ виситъ «Новый» или «Успенскій», вылитый, въ 1651 году; послѣ него «Безыменный» съ иностранною надписью. Затѣмъ идутъ «Даниловскій» 1678 года, по преданію вылитый въ г. Переяславль-Залѣсскомъ; «Глухой» 1621 года; потомъ «Корсунскій», называется этимъ именемъ потому, что перелитъ изъ стараго корсунскаго, по повелѣнію Іоанна Грознаго, въ 1559 году, мастеромъ Несторомъ Ивановымъ Псковитиновымъ. Есть еще колоколъ, называемый «Безымяннымъ», и «Марьинскій» съ слѣдующею надписью: «Лѣта 7176 (1663 г.) марта въ 23-й день, вылить сей колоколъ въ церкви Преподобной Маріи Египетской по душахъ блаженныхъ памяти боярина Бориса Ивановича Морозова, да по женѣ его боярынь». Тамъ же висятъ еще пять другихъ колоколовъ «переборные»; на одномъ изъ нихъ надпись, свидѣтельствующая, что колоколъ приложенъ 1697 года стольникомъ Ляпуновымъ въ Коломенскую его отчину село Троицкое.

Въ верхнемъ ярусѣ находится еще десять колоколовъ. Изъ нихъ историческое значеніе имѣютъ только четыре; два такъ называемыхъ «Корсунскихъ зазвонныхъ»; цвѣтъ они имѣютъ бѣловатый и звукъ самый рѣзкій; полагаютъ, что въ нихъ много серебра. Колокола эти вывезены въ Москву, какъ думаютъ, однимъ изъ митрополитовъ греческихъ въ

то время, когда Москва заступила мѣсто Кіева и была убѣжищемъ гонимыхъ турками грековъ. Въ 1775 году, колокола эти перелиты вновь. Третій колоколъ «Арсеневъ» съ слѣдующею надписью: «Лѣта 7193 (1685) марта въ 13-й день сей колоколъ по стольникѣ Ѳедоскѣ Осиповичѣ Арсеневѣ въ Соловской уѣздѣ, въ Новгородской станѣ, въ вотчину стольника Дмитрія Ѳедосѣевича Арсенева, село Покровское къ церкви Покрова Богородицы съ прочими угодниками, при священникѣ Кипріанѣ Кирилловѣ сынѣ, далъ сей колоколъ стольникъ Дмитрій Ѳедосѣевичъ Арсеневъ». Четвертый колоколъ боярина Ѳеодора Ивановича Шереметева, отлитый въ 1620 году.

Не лишнимъ считаемъ прибавить, что на колокольнѣ Ивана Великаго всѣхъ ступеней считается 409, и встарину у колоколни читали царскіе указы громогласно, во всю Ивановскую, какъ тогда говорили.

II.

Колокола Троице-Сергіевой лавры: Большой, Годуновъ, Карноухій, Лебедь и Переспоръ.— Колокола Кіевской лавры: Успенскій и Балыкъ.— Историческіе колокола Ново-дѣвичьяго монастыря.— Переливка колоколовъ на пушки.— Тобольскій большой колоколъ Демидова.— Колоколъ амстердамскаго литья.— Углицкій ссыльный колоколъ и его исторія.— Замѣчательные колокола Софійскаго собора.— Старые новгородскіе колокола и Осадный вечевой колоколъ города Пскова.— Муромскій колоколъ князя Воротынскаго.— Казі-Керменскій колоколъ въ г. Полтавѣ.— Шведскіе колокола въ Финляндіи.— Замѣчательные колокола въ Петербургѣ.

Одной изъ первыхъ, по колоссальности, колоколовъ считается колокольня Свято-Троицкой Сергіевой лавры подь Москвой. На этой колокольнѣ всѣхъ колоколовъ съ часовыми 34. Главный изъ нихъ вѣсомъ въ 4,000 пудовъ; онъ перелитъ былъ въ 1746 году по именному указу Елисаветы Петровны на средства монастыря изъ стараго разбитаго лаврскаго колокола, вѣсомъ въ 3,319 пудовъ. Второй колоколъ, «Годуновъ», сдѣланный вкладомъ бывшаго царя Бориса Ѳеодоровича Годунова, вѣсомъ въ 1,850 пудовъ. Третій, «Карноухій», вѣсомъ въ 1,275 пудовъ, литый 1684 году монастырскою казною. Четвертый, «Лебедь», вѣсомъ въ 625 пудовъ, вкладомъ конюшаго боярина Бориса Ѳеодоровича Годунова. Пятый, «Переспоръ», вѣсомъ въ 315 пудовъ 28 фунтовъ, литъ въ 1780 году.

Въ Кіевской лаврѣ нѣтъ ни очень большихъ, ни очень старыхъ колоколовъ. Самый большой колоколъ здѣсь «Успенскій» вѣсомъ 1,000 пудовъ, а самый старыи «Балыкъ», вылитый въ 1719 году; всѣхъ же колоколовъ десять.

По величинѣ замѣчательны колокола также на колокольнѣ храма Спасителя въ Москвѣ; всѣхъ ихъ съ небольшими четырнадцать штукъ; от-

литы они на заводѣ московскаго купца Н. Д. Финляндскаго; вѣсъ въ нихъ 4,008 пудовъ 39 фунтовъ, стоимость 88,184 рубля. Изъ нихъ самый большой колоколъ «Торжественный», вѣсомъ 1,654 пуда 24 фунта.

Въ Москвѣ, въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, есть нѣсколько колоколовъ, имѣющихъ историческое значеніе. Старѣйшій изъ нихъ колоколъ «малый зазвонный», отлитый въ 1551 году при царѣ Иванѣ Васильевичѣ и архіепископѣ Макаріѣ. На второмъ, отлитомъ въ 1628 году, мая 3-го, находится слѣдующая надпись: «Далъ сии колоколъ в дом Пречистой Богородицы Смоленской въ Новодевич монастырь князь Алексѣй Ивановичъ Воротынскій по кнегине Маріе князя Ивана Михайловича Воротынскаго, по кнегине Маріе Петровне, по своей матери и по своихъ родителехъ». Третій, отлитъ, какъ гласитъ надпись: «Лѣта 7138 (1630), апрѣля въ 13-й день при великомъ государе царе и великомъ князе Михаиле Ѳеодоровиче всея Руси самодержце въ его государскіе державы въ 17 лѣто и при благовѣрномъ царевиче и великомъ князе Алексѣе Михайловиче всея Руси и при великомъ господине святѣйшемъ патріархе Филарете Никитиче московскомъ и всея Руси, поставила сей колоколъ мати государя царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всея Руси инока великая государыня старица Марѣа Ивановна, в дом Пречистые Богородицы, Новодевич монастырь по своей душе; игуменье с сестрами, которые въ томъ монастыре будутъ за тотъ нашъ вкладъ душу мою в сенадики написати, по вся дни поминати».

Четвертый, иностраннаго дѣла, съ надписью: «Me fecit, Daventriae, a 1673. Henryck. Thor. Horst. Amor vincit omnia», т. е. «меня сдѣлалъ въ Девентерѣ, 1673 года Генрихъ Торъ Горстъ. Любовь все побѣждаетъ». На наружной сторонѣ этого колокола двуглавый орелъ, на груди котораго изображенъ въ клеймѣ конь безъ всадника, похожій на единорога.

На пятомъ слѣдующая надпись: «Божіимъ ізволеніемъ сии колоколъ поставили стрельцы Темирава приказу Засецкаго 500 человекъ великому чудотворцу Николе, что на горкахъ за Москвою рѣкою».

На шестомъ колоколѣ надпись: «Слить сей колоколъ на Москвѣ в домъ Пречистые Богородице Одигитріе, чудотворныя иконы Смоленскія, Божіею милостію повеленіемъ благовѣрнаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича въ Новодѣвичь монастырь что за посадомъ, лѣта 7159 (1651) году сентября въ 1 день, а деньги здавали вкладчики по обѣщанію. Мастеръ Микиѳоръ Барановъ. Весу въ семь колоколѣ 200 пудъ».

Интересенъ седьмой колоколъ: «Лѣта 7192 (1684) мѣсяца августа 3 дня сей колоколъ вылить въ похвалу и славу и честь Богу въ Троице славимому и Пресвятѣй Богородицы и всемъ святымъ въ домъ ея Пресвятыя Богородицы явленія иконы Смоленскія Одигитрія, нарицаемый Новодевичей монастырь, повеленіемъ благочестивѣйшихъ, великихъ государей нашихъ царей и великихъ князей Иоанна и Петра Алексѣевичей всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцевъ общими же съ ними

великими государи изволеніемъ и согласіемъ сестры ихъ государския великия государыни, благовѣрныя царевны и великія княжны Софіи Алексѣевны всея великія и малыя и бѣлыя Россіи, понеже она, государыня, того святаго дому на давныхъ лѣтъ строительница, а нынѣ наипаче имѣетъ прилежное попеченіе къ устроенію, какъ отъ всѣхъ видимо. Вѣсу въ немъ 540 пудовъ. Лилъ сей колоколъ мастеръ Феодоръ Маторинъ».

Восьмой колоколъ съ точно такимъ же титуломъ и надписью, почти слово въ слово, только лилъ послѣдній колоколъ мастеръ Михаилъ Лодыгинъ и вылитъ онъ былъ 1-го декабря 1688 года.

Судьба многихъ историческихъ колоколовъ въ Москвѣ рѣшилась во время войнъ Петра Великаго съ шведами. До этого государя въ древней столицѣ считалось сорокъ сороковъ церквей, а другіе насчитывали ихъ болѣе двухъ тысячъ, изъ которыхъ, по крайней мѣрѣ, половина была приходскихъ, и при каждой были колокола. Въ 1700 году, послѣ неудачи русскихъ подъ Нарвою, Петру Великому кто-то изъ приближенныхъ къ нему иностранцевъ указалъ на непомѣрное множество колоколовъ какъ въ Москвѣ, такъ и въ другихъ городахъ. Петръ приказалъ лить разныя крѣпостныя и полевыя орудія изъ тѣхъ колоколовъ, которые признаны будутъ лишними. И въ тотъ же годъ, зимою изъ нихъ было отлито сто большихъ пушекъ, 143 полевыя пушки, 42 мортиры и 13 гаубицъ. Распоряженіе царя вызвало почти общее неудовольствіе. Вотъ что по поводу этого рассказываетъ С. Григоровъ ¹⁾ о такъ называемыхъ въ народѣ «Непокорныхъ колоколахъ», которые сопротивлялись указу царя. Русскіе люди, видѣвшіе въ колоколахъ украшеніе своихъ церквей, дорожили ими и, поэтому, изыскивали всевозможные способы, чтобы не отдать своихъ колоколовъ на литье пушекъ; при этомъ, конечно, дѣло не обошлось и безъ чудесъ. Приводимъ здѣсь рассказъ Гаврилы Тверитинина объ одномъ изъ такихъ чудесъ, списанный С. Григоровымъ съ рукописи подъ № 432, находящейся въ библиотекѣ Петербургской духовной академіи.

«Я и сестра моя Ирина, пишетъ Гаврило Тверитининъ, въ 1701 г. были у Троицы-Сергіева монастыря, тогда отъ великаго государя царя Петра Алексѣевича былъ указъ вездѣ въ городскихъ монастыряхъ и въ Москвѣ и у всѣхъ приходскихъ церквей брать колокола и отъ всего звону четвертую долю мѣди вѣса на пушечный дворъ на литье пушекъ и въ томъ Сергіевѣ монастырѣ также; а въ монастырѣ колоколовъ 26 было. Архимандритъ и братія его великаго государя указу противиться не смѣли и колокола съ колокольни сымать повелѣли. Вечеромъ нѣкоторые указали снять одинъ старинный колоколъ; вѣсу что въ немъ того не знали, а гласомъ былъ глухъ и не ярокъ; но за поздностью онаго не сняли. Монастырѣ ночью кругомъ запирался и всегда также и тою ночью былъ

¹⁾ См. «Историч. Вѣстникъ» 1880, № 8, стр. 796.

запертъ: на утро же архимандриту звонарь донесъ, что того колокола на колокольнѣ нѣтъ и братія не вѣдала какъ и гдѣ онъ дѣлся. Архимандритъ же, услыхавъ объ этомъ, повелѣлъ вездѣ искать по келіямъ у братіи и въ погребахъ, и когда нигдѣ не могли обрѣсти (занеже ему чудотворцу отдать сего не изволися), тогда архимандритъ Ларіонъ повелѣлъ другой снять, также вѣсу въ немъ не вѣдая и тотъ снять повелѣлъ и разбить и мѣдь свести въ Москву. Когда колоколъ сняли, человѣкъ, чтобъ разбить оный, ударилъ по колоколу молотомъ; но колоколъ отъ того удара не разпился, но началъ гласъ отъ него трои сутки день и ночь непрестанно». Велѣдствіе этого «архимандритъ и того колокола не велѣлъ вести къ Москвѣ, а повелѣлъ сымать два другіе колокола новѣшняго мастерства, но сихъ колоколовъ не могли снять никонми дѣлами». Въ то время, когда «архимандритъ и братія, боясь указа государева, съ ужасомъ смотрѣли на сіи колокола; колокола же сіи два братьеника вдругъ сами собой съ колокольни соскочили, пали и стѣны обломили». Безвѣстный колоколъ въ это время также отыскался за монастыремъ въ прудѣ. «Во время тое на монастырь въ погребъ ледъ возили и уши отъ того колокола видѣли, а потомъ его отъ воды того пруда взяли». Обо всемъ этомъ донесли Петру, который, по увѣренію Гаврилы Тверитинина, хотя «въ монастырь приходилъ, плакалъ и прощенія просилъ у чудотворца Сергія о своемъ соизволеніи; однако колокола два братьеника повелѣлъ вести въ Москву, гдѣ онѣ въ литѣ пущечнаго дѣла не пошли и не испорчены, потому что мѣдь была жестка, въ дѣло негожа и донынѣ тѣ колокола стоятъ на пущечномъ дворѣ цѣлы какъ и были».

Число колоколовъ въ Москвѣ въ настоящее время далеко превышаетъ количество трехъ тысячъ; а сколько ихъ всѣхъ въ Россіи—трудно исчислить. Даже отдаленная Сибирь можетъ похвастаться изряднымъ количествомъ ихъ. Самый большой колоколъ тамъ въ Tobольскомъ соборѣ, вѣситъ онъ 1,011 пудовъ и 22 фунта и литъ, какъ значится по надписи на немъ, въ 1738 году на Тагильскомъ заводѣ, тѣпаніемъ митрополита тобольскаго Антонія и иждивеніемъ дворянина Акинѣа Никитича Демидова; звукъ его прекрасный и видъ красивый. Кромѣ Тагильска, въ Сибири лили колокола еще въ Тюмени и Енисейскѣ, но большей частью грубой отдѣлки, небольшіе и не особенно благозвучные. Сибирскіе колокола преимущественно привозные и нѣкоторые изъ нихъ привезены изъ-заграницы. Такъ, въ Tobольскѣ, на Богородицкой церкви, имѣется одинъ выписной изъ Голландіи; надпись на немъ гласитъ: «me fecit Jan Albert de Grave Amstelodami Anno Domini 1719» (литъ я въ Амстердамѣ Ивановъ де-Граве въ лѣто отъ Рождества Христова 1719-с).

Изъ привезенныхъ въ Сибирь колоколовъ въ историческомъ отношеніи замѣчательнъ «Углицкій карноухій», въ который били въ Угличѣ въ нагать по случаю умерщвленія царевича Димитрія. Борисъ Годуновъ со-

слать изобличителей одушевленныхъ въ Пельмъ, а неодушевленнаго, съ отсѣченіемъ уха, въ Тобольскъ въ 1595 г. Этотъ неумирающій ссыльный висѣлъ сперва на Спасской колокольнѣ, потомъ перемѣщенъ былъ на соборную и, наконецъ, въ 1837 году, по распоряженію архіепископа Антонія, снятъ оттуда и повѣшенъ подлѣ архіерейскаго дома, при крестовой церкви, подъ небольшимъ деревяннымъ навѣсомъ. Цѣлю послѣдняго перемѣщенія было то, чтобъ показать, если потребуется, эту историческую достопримѣчательность посѣтившему, въ 1837 году Тобольскъ, наслѣднику престола. Въ настоящее время углицкій колокольъ сзываетъ къ богослуженію; но до этого времени, когда онъ висѣлъ на соборной колокольнѣ, въ него отбивали часы и при пожарныхъ случаяхъ били въ набатъ. Вѣсъ въ немъ 19 пудовъ 20 фунтовъ, онъ карноухій, т. е. съ отсѣченнымъ ухомъ; это сдѣлано было, какъ выше нами сказано, по приказанію Бориса Годунова. Звукъ у него рѣзкій и громкій; надпись на немъ по кроямъ вырѣзана, а не вылита; она гласитъ: «Сей колокольъ, въ который били въ набатъ при убіеніи благовѣрнаго царевича Димитрія, въ 1593 году, присланъ изъ города Углича въ Сибірь въ ссылку въ градъ Тобольскъ къ церкви Семилюстиваго Спаса, что на Торгу, а потомъ на Софійской колокольнѣ былъ часобитной». Какъ складъ надписи, такъ и форма буквъ новѣйшаго времени.

Въ «Ярославскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ», въ сороковыхъ годахъ, было напечатано, что существуетъ слухъ, будто этотъ колокольъ не настоящій углицкій, что углицкій по какому-то случаю разбился и его перелили, но ухо отсѣкли у вновь отлитаго потому, что такъ было у его первообраза. Но изъ этого слуха никакого точнаго вывода нельзя сдѣлать. Въ бытность мою, въ 1882 г., въ городѣ Тобольскѣ, мнѣ привелось лично видѣть этотъ колокольъ; поверхность его, очевидно, очень старая и отъ древности самая мѣдь сѣраго цвѣта, надпись же несомнѣнно новѣйшая. При самомъ тщательномъ осмотрѣ не найдется ни малѣйшаго даже намека на то, что этотъ колокольъ не настоящій углицкій, а только перелитый изъ него, да и многовѣковая увѣренность жителей не допускаетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ его подлинности. При томъ и лѣтописи, и преданія тобольскія говорятъ, что это дѣйствительно тотъ самый колокольъ, которымъ, въ 1591 году, въ роковой день, 15-го мая, въ часъ послѣобѣденнаго сна, соборный сторожъ Максимъ Кузнецовъ и вдовый священникъ Ѳедотъ, прозваніемъ Огурецъ, встревожили мирный Угличъ; и что передаваемый «Ярославскими Вѣдомостями» слухъ о разбитіи и переливкѣ его не заслуживаетъ никакого вѣроятія и не можетъ нисколько поколебать подлинности этого колокола.

Въ декабрѣ 1849 года въ Угличѣ возникла мысль о возвращеніи сюда ссыльнаго колокола; мѣстные жители, въ числѣ сорока человекъ, обратились къ министру внутреннихъ дѣлъ графу Перовскому съ просьбою объ исходатайствованіи имъ высочайшаго разрѣшенія для возвращенія

изъ Тобольска на ихъ счетъ колокола. По докладу министромъ означенной просьбы императору, повелѣно: «Удостоверясь предварительно въ справедливости существованія колокола въ гор. Тобольскѣ и по отношеніи съ оберъ-прокуроромъ просьбу сію удовлетворить». Министръ вошелъ въ сношеніе съ оберъ-прокуроромъ и, по предложенію послѣдняго, синодъ обратился съ вопросомъ о колоколѣ къ тобольскому архіепископу Георгію. Изъ отвѣтнаго на этотъ вопросъ сношенія преосвященнаго Георгія оказалось, что въ Тобольскѣ при крестовой Святодуховской церкви тамошняго архіерейскаго дома дѣйствительно находится карноухій колоколъ, слывшій ссыльнымъ, и что въ сочиненной въ Тобольскѣ книгѣ, подъ названіемъ «Краткое показаніе о сибирскихъ воеводахъ», есть извѣстіе о присылкѣ, въ 1593 году, въ Тобольскъ въ ссылку карноухаго колокола, въ который били въ Угличѣ въ набать при убіеніи благовѣрнаго Дмитрія царевича. Затѣмъ синодъ сдѣлалъ предписаніе Ярославской духовной консисторіи «собрать самовѣрнѣйшія свѣдѣнія—не извѣстно ли епархіальному начальству, или же духовенству гор. Углича, чего либо положительнаго о томъ колоколѣ, о возвращеніи котораго изъ Тобольска просятъ угличкіе граждане». Вслѣдствіе этого и консисторія, съ утвержденія тогдашняго архіепископа ярославскаго и ростовскаго Евгенія, указомъ отъ 25-го іюля 1850 года, сдѣлала сообразное тому предписаніе углицкому духовному правленію. Въ этомъ предписаніи велѣно было обратить вниманіе и на архивъ правленія; но такъ какъ хранящіяся въ немъ бумаги восходятъ не далѣе 1740 года, то, разумѣется, онъ и не могъ послужить никакимъ документомъ по вопросу о колоколѣ. Не оказалось также по розысканію углицкаго духовенства ничего относящагося къ этому вопросу и при тамошнихъ церквахъ. Но за всѣмъ тѣмъ, нѣкоторые лица изъ означеннаго духовенства выставили на видъ мѣстное преданіе, свидѣтельствующее о ссылкѣ углицкаго набатнаго колокола въ Тобольскъ, и извѣстія объ этомъ же обстоятельствѣ, находящіяся въ «Древней Россійской Виллоэнкѣ» — Новикова, въ «Исторіи Государства Россійскаго» Карамзина и въ «Памятникахъ Московской древности» Снегирева. Преосвященный Евгеній, донося объ этомъ синоду, прибавилъ, что епархіальному начальству «ничего положительнаго объ означенномъ колоколѣ неизвѣстно».

Синодъ, рассмотрѣвъ приведенныя углицкимъ духовенствомъ свѣдѣнія о колоколѣ, нашелъ ихъ, точно такъ же, какъ и сообщенныя архіереемъ Георгіемъ, неудовлетворительными, и въ опредѣленіи своемъ, подписанномъ 11-го мая 1851 года, объявилъ, «что сими свѣдѣніями не подтверждается мысль, что сей колоколъ есть тотъ самый, которымъ возвѣщено было въ Угличѣ убіеніе царевича Дмитрія, и что, вѣроятно, мысль сія уже поколеблена въ понятіяхъ самихъ угличкихъ жителей извѣстіемъ, напечатаннымъ въ «Ярославскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» 1850 года, № 5. Этимъ и окончилось дѣло о возвращеніи колокола. Въ 1888 году, въ

Угличѣ, опять возникло въ средѣ гражданъ дѣло о колоколѣ, и въ Петербургѣ прїѣзжалъ выборный отъ городской думы г. Соловьевъ хлопотать о возвратѣ его изъ гор. Тобольска и, какъ слышно, въ 1892 году колоколъ будетъ уже въ Угличѣ.

Въ Новгородѣ, на колоколыи Софійскаго собора, имѣется нѣсколько историческихъ большихъ колоколовъ. Самый большой изъ нихъ вылитъ въ 1660 году, въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Лилъ его софійскій домовый мастеръ Ермолай Васильевъ.

«Вседневный» литъ тоже въ Новгородѣ, на деньги новгородскаго архіерейскаго дома, въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича, въ 1677 году; вѣсомъ 300 пудовъ; лили мастера: Василій и Яковъ Леонтьевы дѣти.

Интересны тамъ еще два небольшіе колокола, отлитые въ 1566 году, при царѣ и великомъ князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ, при церкви Вознесенія Христова (которая уже не существуетъ), находившейся въ Прусской улицѣ, усердіемъ прихожанъ. Тамъ находится еще небольшой колоколъ, литый въ Тихвинскій Введенскій дѣвичій монастырь, въ 1637 году, женой одного гостя Ивана Юдина Ксенією Ѳеодоровою для поминовенія сына ея, Григорія, и родителей.

Въ Новгородѣ древнихъ колоколовъ не мало съ надписями, какъ русскими, такъ и иностранными. Такъ, въ Клопскомъ монастырѣ есть два колокола XVI вѣка: одинъ въ 15, другой въ 9 пудовъ; оба съ одинаковою надписью: «лѣто 7039 литъ колоколъ сей обители Живоначальныя Троицы и чудотворца Николы и къ Покрову Святыя Богородицы и святителю Михилу, при благовѣрномъ и великомъ князѣ Василю Ивановичѣ всея Руси при архіепископѣ Великаго Новаграда и Пскова владыкѣ Макарьѣ и при игуменѣ Іевѣ».

Въ Хутынскомъ монастырѣ, вседневный колоколъ съ надписью сверху и внизу: «Божією милостію царя и государя всея Руси Владимірскаго и Московскаго и Новгородскаго, Псковскаго, Смоленскаго и Тверскаго, Югорскаго и Пермскаго, Вятскаго и Болгарскаго и иныхъ, при державѣ царства благовѣрныхъ и христоробивыхъ и великихъ князей Василю Ивановича» и пр. При нѣкоторой сбивчивости, съ какою читается надпись на колоколѣ, видно, впрочемъ, что онъ устроенъ въ послѣдній годъ княженія Василю III.

Въ Знаменскомъ соборѣ колоколъ съ надписью, изъ которой видно, что онъ слитъ въ Новгородѣ къ этому храму въ 1554 году, повелѣніемъ и по завѣту преосвященнаго Симена и всѣхъ православныхъ христіанъ великаго Новагорода, «чтобы избавилъ насъ Богъ и Пречистая Богородица православныхъ крестьянъ (sic) отъ смертоносныя язвы и отъ напрасной смерти»; лилъ мастеръ Иванъ.

Въ Успенской церкви упраздненнаго Колмова монастыря есть два колокола, литые при Іоаннѣ IV.

Въ Духовѣ женскомъ монастырѣ три колокола XVI вѣка. Изъ нихъ

интересна надпись на одномъ, «который поставилъ въ 1589 году въ Новгородѣ, въ монастырь (шествиѣ Святого Духа и Живоначальныя Святыя Троицы, конюшей бояринъ Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ».

По надписямъ заслуживаютъ вниманія въ Хутынскомъ монастырѣ три колокола конца XVII вѣка.

Въ Спасо-Нередицкой церкви есть колоколъ съ надписью, что онъ отлитъ при царѣ Ѳеодорѣ въ монастырь къ Спасу Нередицы — «да въ тотъ колоколъ Ѳеодосей приказалъ по себѣ и по своихъ родителехъ. Лилъ мастеръ Тимоѳей новгородецъ».

Къ описаннымъ колоколамъ XVI вѣка можно отнести небольшую металлическую кандію, находящуюся въ ризницѣ Софійскаго собора. Она въ родѣ небольшой чаши, вокругъ поддона ея надпись: «лѣта 779 (1541 г.) поставилъ сию кандію въ домъ святому Николы на Боровно старецъ Андрей». При кандіи небольшой желѣзный язычекъ для ударенія, которое совершалось встарину, напримѣръ, во время чтенія Евангелія въ первый день Пасхи. Въ письменномъ уставѣ XVII вѣка Софійскаго собора ¹⁾ на св. Пасху сказано: «и на всякомъ возгласѣ протодіаконовѣ Евангелія ударяютъ въ кутейникѣ по единощи въ кандію и въ вѣстовой колоколець». Въ «Древностяхъ Россійскаго Государства», отд. I, № 76, «кандія» отнесена къ числу трапезныхъ чашъ, въ которую ударяли настоятели за братскою трапезою при переѣнѣ кушанья. Въ гор. Ростовѣ, Ярославской губерніи, имѣется одна такая «кандія», носящая имя «Ясакъ».

Почти во всѣхъ новгородскихъ церквяхъ имѣются колокола XVII вѣка съ древними русскими, но есть колокола съ польскими, латинскими и нѣмецкими надписями. Такъ, въ Борисо-Глѣбской церкви хранится колоколъ, на которомъ надпись: «Gloria in Exselsis Deo Anno 1636». Въ Воскресенской церкви, на Мячинѣ, два колокола съ одинаковою вылитой надписью на латинскомъ языкѣ по верхней части: «M. Kordt Kleiman me fecit». Другая одинаковая русская надпись на нихъ вырѣзана внизу кругомъ: «лѣта 7155 (1647) года; марта 1 дня при благовѣрномъ г. ц. и в. князѣ Алек. Мих. в. в. н. л. Р. самод. дали сѣи три колокола Великаго Новгорода церкви Всемиловитаго Спаса Перукотворенному образу у Новинскихъ воротъ... Бога молить, а по смерти за ихъ души ихъ поминать доколѣ сей св. церкви Богъ благоволитъ по вѣрѣ христіанъ стояти, а пріемъ подписанъ въ 177 (1669) году мая 1 дня».

Въ Клопскомъ монастырѣ колоколъ въ 50 пудовъ нѣмецкаго литья. На немъ вверху кругомъ вылита готическая надпись: «Kleiman aus Lubeck hat mie gegosen, aus dem feur ain ich geflossen anno 1647», т. е. «Клейманъ изъ Любека лить меня; изъ огня разомъ я вылился 1647

¹⁾ «Археологическое описаніе церковныхъ древностей въ Новгородѣ», Архіепископа Макарія.

года». Другая надпись вырѣзана пониже первой и послѣ ея спусти семь лѣтъ: «лѣта 7162 (1653) года ноября 29 день при царѣ государѣ и в. князѣ Алек. Мих. далъ сей колоколъ вѣсомъ въ 50 пудовъ въ Клопскій монастырь Живоначальныя Троицы и чудотворцу Михаилу государь дворянинъ Иванъ Лукинъ Лонежской». Въ Новгородской Георгіевской церкви небольшой колоколъ съ надписью «Soli Deo, Assilius Koster me fecit Amstelodami 1671». Въ Никитской церкви два колокола съ латинскими надписями; на одномъ: «1643 Gloria in Exselsis Deo», а на другомъ: «Anno Domiani 1673 Al». Въ Прписной Феодоровской церкви на Торговой сторонѣ колоколъ съ латинскими надписями вверху около ушей: готическими нѣмецкими четыре слова и годъ 1680. Въ Деревяницкомъ монастырѣ есть колоколъ пятипудовой древней нерусской работы; на немъ вылитъ сидящій на тронѣ апостоль Петръ съ ключемъ и съ надписью надъ главою: S P T; повыше апостола вылита латинская надпись, къ сожалѣнію, почти сгладившаяся.

Городъ Псковъ имѣеть также множество старинныхъ колоколовъ, но большая ихъ часть безъ надписей; они сходны между собою, какъ и храмы этого древняго города.

На колокольнѣ Псковскаго кафедральнаго собора двадцать два колокола, изъ которыхъ самый большой, имѣющій въ діаметрѣ $3\frac{1}{2}$ аршина, вѣсомъ 600 пудовъ.

Однимъ изъ старинныхъ колоколовъ считали во Псковѣ колоколъ въ церкви св. первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла (на бою), основанной въ 1373 году. Колоколъ этотъ упалъ съ колокольни въ 1804 г. и уничтожилъ даже придѣлъ въ церкви во имя Знаменія Пресвятой Богородицы.

Въ церкви св. Василія Великаго (на горкѣ), основанной въ 1413 г., находился нѣкогда «осадный колоколъ». Этотъ колоколъ во время приближенія непріятеля давалъ знать объ этомъ псковичамъ своимъ звономъ.

Во Псковѣ существовалъ, какъ и въ Новгородѣ, свой «вѣчевой колоколъ», но въ воскресенье утромъ, 13-го января 1510 года, въ послѣдній разъ ударили въ этотъ колоколъ, вмѣстѣ съ покорностью псковичей московскому царю; колоколъ былъ спущенъ съ колокольни св. Троицы и свезенъ на Снѣгогорское подворье, въ подвалъ церкви Іоанна Божьего, при общихъ слезахъ псковичей о своей старинѣ и утраченной имп. волѣ. 26-го января 1510 года, вмѣстѣ съ тремястами семействъ псковичей, «вѣчевой колоколъ» былъ отвезенъ въ Москву княземъ Михаиломъ Даниловичемъ Щенятевымъ. При отъѣздѣ же самого великаго князя изъ Пскова онъ взялъ съ собою и другой любимый псковичами колоколъ, называвшійся «Корсунскимъ», взаменъ котораго уже въ 1518 году прислалъ имъ къ соборной Троицкой церкви большой колоколъ.

Въ Муромскомъ уѣздѣ, Владимірской губерніи, есть с. Мошка, въ древности вотчина князей Воротынскихъ. На колокольнѣ этой церкви

есть колоколь съ надписью, что онъ пожертвованъ въ 1546 году княземъ Алексѣемъ Ивановичемъ Воротынскимъ. Колоколь этотъ давно разбитъ; но народъ бережетъ его какъ святыню, и каждый изъ стариковъ этого села во время Пасхи хоть одинъ разъ побываетъ на колокольнѣ, чтобъ ударить въ разбитый колоколь. Народное преданіе почему-то почитаетъ этотъ колоколь за святость.

Не менѣ замѣчательный колоколь находился въ Полтавѣ, въ оградѣ соборной церкви. На немъ слѣдующая надпись:

«Въ року тысяча шестьсотъ девять десять пятомъ,
 «По славномъ Казн-Карменѣ отъ христіанъ взятомъ,
 «За царство Росскихъ царей Петра, Іоанна,
 «За гетманство Мазепы, Богомъ дарованна,
 «Сооруженъ есть звонъ сей къ Божіей славѣ,
 «До храму Успенія во градѣ Полтавѣ,
 «Изъ штукъ Казн-Керменскихъ арматныхъ здобычныхъ.
 «З придатками матерій до звона приличныхъ,
 «Коштомъ его милости войскъ Полтавскихъ вѣжа
 «Павла Семеновича Украинны вѣжа».

Внизу: «дѣлалъ Аванасій Петровичъ», подъ ушами вокругъ колокола: «Року 1695 ноемврія дня 10»; направо отъ надписи семиконечный крестъ въ сіяніи, потомъ гербъ Герциковъ, въ щитѣ сердце (Herz) съ четвероконечнымъ равностороннимъ крестомъ (такъ называемымъ греческимъ), а сверху изъ страусовыхъ перьевъ выходящая рука съ копьемъ, остриемъ влѣво, и наконецъ, изображеніе Божіей Матери, въ ростъ съ предвѣчнымъ младенцемъ на десной рукѣ: возлѣ, у главы Царицы небесной херувимы, а внизу, у самыхъ ногъ, два ангела.

Въ бронзорѣ Бучневича о Казн-Керменскомъ колоколѣ невѣрно сказано, что упомянутое изображеніе представляетъ-де Успеніе (sic!) Богоматери, при чемъ г. Бучневичъ опустилъ главное: по сторонамъ герба Герцика стоятъ вертикально буквы: И. П. В. И. П., справа: Ц. В. З. П. С., т. е., ихъ пресвѣтлыхъ царскихъ величествъ войскъ запорожскихъ, etc... Этотъ рѣдкій памятникъ сѣдой старины назначенъ къ уничтоженію по волѣ настоятеля Успенскаго полтавскаго собора — и въ нынѣшнемъ году, въ августѣ мѣсяцѣ, онъ привезенъ въ Москву на заводъ г. Финляндскаго для отливки изъ него новаго колокола. Управление московскаго историческаго музея поспѣшило сдѣлать эстампажъ съ надписей на колоколѣ, а съ остальныхъ изображеній — копін изъ гипса.

Неужели, въ самомъ дѣлѣ, не нашли никакихъ средствъ спасти отъ гибели этотъ замѣчательный колоколь?

5-го іюня 1890 года, въ гор. Харьковѣ, на колокольномъ заводѣ П. П. Рыкова, состоялась отливка царскаго колокола изъ серебра — колоколь предназначенъ для Успенскаго кафедральнаго собора. Въ первомъ ярусѣ колокольной устраивается изъ желѣза раковина, въ которой и будетъ висѣть колоколь; благовѣстъ его будетъ раздаваться ежедневно въ часъ

крушенія императорскаго поѣзда близъ станціи Борокъ. Этотъ колоколъ имѣеть 17 пуд. 35 фунт. чистаго серебра и незначительное количество мѣди и олова, необходимыхъ для сплава. Сооруженіе этого памятника-колокола состоялось по мысли архіепископа Амвросія на пожертвованія, поступившія отъ духовенства и другихъ сословій харьковской епархіи. Царскій колоколъ имѣеть аршинъ съ четвертью высоты; на лицевой сторонѣ его находятся вензелевыя изображенія именъ Ихъ Императорскихъ Величествъ, а подъ ними расположены пять медальоновъ съ надписями славянской вязью: Николай, Ксенія, Георгій, Ольга и Михаилъ. На оборотной сторонѣ надпись, кто соорудилъ колоколъ, а вокругъ вала отмѣченѣ самое событіе, въ ознаменованіе котораго отлить колоколъ.

Въ православныхъ нашихъ церквахъ на Сѣверѣ, и особенно въ Финляндіи, большая часть колоколовъ иностраннаго литья. Такъ, въ Кексгольмскомъ соборѣ колоколъ вылитъ въ Стокгольмѣ и имѣеть слѣдующую надпись: «Anno 1649 Gloria in excelsis Deo. Duxett Gottes Holf. in Kurken Pudensen me fecit Stocholmen. Qvis contra nos, si Deus pro nobis». Въ Сердобольскѣ, въ Петропавловской церкви, точно такой же шведскій колоколъ съ надписью: «Soli Deo Gloria, anno 1680. Gloria in excelsis; me funderat Holmiae (Стокгольмъ).

Въ 72-хъ верстахъ отъ Петербурга, въ с. Рождествинѣ, въ бывшей вотчинѣ царевича Алексѣя Петровича, имѣются два историческихъ колокола: первый изъ нихъ — даръ царя Феодора Иоанновича, въ 1588 г. — взятъ онъ изъ новгородскаго Антоніева монастыря въ 1713 году; второй — иностранный съ слѣдующей надписью: «Laudo Deum, populum solo. En ego samrana pungam denuncio vana. Congrego devum (?) Anno dom 1619 iuni. Iosephi Henrici Ledio fusa in Limingo.

Самый большой колоколъ въ Петербургѣ на колокольнѣ Псаакіевскаго собора, вѣсъ его 1,860 пудовъ 23 фунта, кромѣ языка, который особѣ вѣситъ 49 пудовъ 29 фунтовъ; всѣхъ же колоколовъ одиннадцать; общій вѣсъ ихъ 4,349 пуд. 14 фун., стоимость 62,029 руб. 89¹/₄ коп. Всѣ они отлиты въ С.-Петербургѣ, Валдайскимъ колокольнымъ мастеромъ Иваномъ Макаровымъ Стуколкинымъ.

На Петропавловскомъ соборѣ всѣхъ колоколовъ четырнадцать; самый большой изъ нихъ 209 пудовъ. Но замѣчательными здѣсь являются часовые колокола, которыхъ 38, различной величины; на каждомъ изъ этихъ колоколовъ имѣется литая надпись на голландскомъ языкѣ, вѣсъ въ нихъ 16,506¹/₂ фунтовъ, вѣсъ въ молоткахъ 1,843 фунта. Въ Казанскомъ соборѣ замѣчательны первые четыре колокола, бывшіе на колокольнѣ церкви Рождества Богородицы. Первый большой, «праздничный», вылитъ въ 1796 году мастеромъ Антипомъ Дмитриевымъ, вѣсу въ немъ 264 пуда 13 фунтовъ; второй колоколъ «поіелейный»; литье его въ 1762 году алдерманъ Константинъ Слизовъ въ Петербургѣ, вѣсу въ немъ 129 пудовъ 25 фунтовъ; третій «повседневный» вылитъ 9-го февраля 1762 года тѣмъ

С.-Петербургскій Институтъ

БИБЛИОТЕКА

же мастеромъ, вѣсу въ немъ 61 пудъ 18 фунтовъ; онъ разбитъ и не употребляется. Четвертый колоколъ вылить въ Петербургъ «1734 года, ноября 30-го, лить его комисаръ Семень Леонтьевъ», разбитъ и тоже безъ употребленія. На Смольномъ соборѣ большой праздничный колоколъ, вѣсомъ въ 607 пудовъ, лить валдайскій мастеръ Смирновъ въ Петербургъ; третій «поліелейный» лить мастеръ Константинъ Слизовъ въ Москвѣ въ 1757 году, вѣсъ его 240 пудовъ 5 фунтовъ. Въ Симеоновской церкви большой колоколъ, вѣсомъ въ 267 пудовъ 17 фунтовъ, лить въ гор. Валдаѣ, въ 1821 году. На Спасосѣнновской колокольнѣ всѣхъ колоколовъ пятнадцать: главный изъ нихъ вѣсомъ въ 542 пуда 18 фунтовъ; вылить въ Москвѣ въ 1780 году января 20-го на заводѣ Ясона Струговщика; языкъ при немъ желѣзный въ 17 пудовъ 5 фунтовъ; надпись слѣдующая: «Ассесора Саввы Яковлева къ церкви Успенія Пресвятой Богородицы, что на Сѣнной». Существуетъ преданіе, что при жизни Саввы Яковлева, очень тщеславнаго человѣка, вышедшаго изъ крестьянъ Тверской губерніи, звонили въ этотъ колоколъ только тогда, когда онъ это позволялъ, и будто бы языкъ къ чему-то прикрѣплялся особою цѣпью, которую Яковлевъ запиралъ замкомъ, а ключъ держалъ у себя и выдавалъ его, когда хотѣлъ. Другой колоколъ «Богородичный» въ 274 пуда 26 фунтовъ отлить въ 1780 году. Болѣе другихъ древнихъ колоколовъ «повседневный» въ 78 пудовъ 32 фунта, отлитый въ 1762 году ко дню возвращенія Екатерины II изъ Москвы, послѣ коронаціи. Въ заключеніе слѣдуетъ еще сказать о двухъ колоколахъ, которые въ Невской лаврѣ. Первый, самый большой, виситъ на сѣверной башнѣ въ числѣ другихъ колоколовъ, вѣсъ въ немъ 800 пудовъ; онъ вылить въ 1658 году иждивеніемъ извѣстнаго патріарха Никона и перевезенъ сюда изъ Иверскаго монастыря въ 1724 г. Другой колоколъ на южной башнѣ «поліелейный», вѣсомъ въ 200 пудовъ. Всѣхъ колоколовъ въ Петербургѣ насчитывается болѣе 1,500 штукъ, изъ числа которыхъ едва ли треть будетъ прошедшаго столѣтія.

Въ нынѣшнемъ году заграницей изобрѣтенъ инструментъ, цѣль котораго замѣнить колокола — названіе ему «кодонофонъ». Новый инструментъ имѣетъ видъ шкафа. Въ немъ помѣщается нѣсколько десятковъ трубъ, по которымъ ударяетъ особенный молотъ. Говорятъ, что по силѣ звука кодонофонъ не уступаетъ самымъ мощнымъ настоящимъ колоколамъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Какъ ѣли встарину	1
Азартныя игры встарину	20
Моды и модники стараго времени.	58
Начало зрѣлищъ, баловъ, маскарадовъ и другихъ общественныхъ увеселеній въ Россіи .	105
Эпоха рыцарскихъ каруселей и аллегорическихъ маскарадовъ въ Россіи	137
Нашъ театръ въ эпоху Отечественной войны	187
День генералиссимуса Суворова	198
Отецъ Суворова	207
Стародавніе старчки, пустосвяты и юродцы	214
Историческіе колокола	286
